

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

PG 3001

.S 55

V. 3-4

Keist c. 133/2

5¹/13. (2)

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

133.

P

S. P. Shevurev

ИСТОРИЯ
Istoriia russkoi slovesnosti
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЛЕКЦИИ

СТЕПАНА ШЕВЫРЕВА,
ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА И ПРОФЕССОРА.

У. 3-4

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СТОЛѢТІЯ XIII-Е, XIV-Е И НАЧАЛО XV-ГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1887.

52

PG 3001
.S 55
v. 3-4

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY

59.51.5

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ Ш-й ЧАСТИ

ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Первыя десять лекцій этого курса Исторія Русской Словесности обнимаютъ, кромя общаго ея обзора въ древнемъ періодѣ, все южное его отдѣленіе вплоть до нашествія Татаръ, или до конца первой четверти XIII-го вѣка. Въ ней изображенъ первый разсвѣтъ нашей духовной жизни и первое выраженіе ея въ словѣ, сколько можемъ мы возсоздать ее изъ тѣхъ развалинъ, какія оставила намъ скуная древность. Эти лекціи, по своему содержанію, составляютъ свое отдѣльное цѣлое, какъ и самыя вѣка, въ нихъ изображенные, суть только первое, но самостоятельное звено въ Исторіи нашего древняго слова.

Первыя изданныя мною лекціи были, по крайней мѣрѣ болшею частію, спискомъ съ публичныхъ, говоренныхъ устно въ аудиторіи Московскаго Университета. Передалъ я ихъ вѣрно, во сколько позволила мнѣ память, вѣрно въ отношеніи ко внутреннему содержанію и нѣсколько подробнѣе противъ изустнаго ихъ изложенія.

Съ тѣхъ поръ какъ вышли первая и вторая части этого курса, прошло ровно 12 лѣтъ. Теперь выходитъ третья ¹⁾. Она обнимаетъ столѣтія XIII-е,

1) Раздѣленіе на томы, какъ неудобное при теперешнамъ изданіи, я уничтожаю.

XIV-е и начало XV-го. Ясно, что лекціи, теперь выходящія, не могутъ быть уже спискомъ съ тѣхъ публичныхъ, которыя сказаны были въ 184⁴/₅ академическомъ году. Наука шла впередъ и почти ежегодно дѣлала новыя открытія. Я самъ слѣдилъ за ними и въ нихъ участвовалъ. Не ограничиваясь тѣмъ, что было изучено прежде, я велъ предметъ свой далѣе, предпринималъ поѣздки, работалъ въ бібліотекахъ Кирилло-Бѣлозерской, Синодальной, Іосифа Волоколамскаго и другихъ. Напечатанныя теперь лекціи представляютъ, такимъ образомъ, плодъ новаго труда, болѣе полнаго, болѣе оконченнаго, нежели прежній, касавшійся того же времени.

Когда вышли мои двѣ первыя книги, пять журналовъ: Отечественныя Записки, Библіотека для Чтенія, Современникъ, Сынъ Отечества и Финскій Вѣстникъ, какъ вооруженная противъ меня пентархія, со всѣмъ ожесточеніемъ напали на трудъ мой. Виною этихъ нападеній, впрочемъ, былъ я самъ, поставивъ себя въ Московскомъ Наблюдателѣ и въ Москвитинѣ въ полемическое отношеніе къ тѣмъ журналамъ.

Не смотря на неблагоклонный пріемъ, сдѣланный журналами моему труду, мнѣ пріятно было видѣть, какъ по слѣдамъ моимъ вели науку далѣе другіе ученые и трудилось молодое поколѣніе, которое скоро и представило отличныхъ дѣятелей по тому же предмету. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ лично выражали признательность свою за то, что начали изучать Русскую Словесность древняго періода по моей книгѣ. Желаю душевно, чтобы и вновь выходящая книга принесла такой же плодъ, какой принесенъ былъ двумя первыми.

Всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ мысли въ нашемъ отечествѣ, извѣстна важнѣйшая распря, которая дѣлитъ ученыхъ и писателей Русскихъ на два рѣзко противоположные стана какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Она касается взгляда на древнюю и новую Русь. Объ этой распрѣ я говорилъ еще въ Москвитинѣ 1844 года и въ моей вступительной лекціи на публичномъ курсѣ. Теперь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, давшихъ новое движеніе современной Русской Словесности, при открывшейся возможности мыслителямъ Русскимъ выражать свои мнѣнія какъ можно искреннѣе, эта распря достигла всевозможныхъ размѣровъ и раздѣлила мнѣнія на такія двѣ рѣзкія противоположности, какія едва ли когда нибудь встрѣчались въ нашей умственной жизни.

Всего непріятнѣе для общества и всего бесполезнѣе для самой науки духъ вражды, который раздражаетъ противниковъ. Мы, мало привыкшіе къ умственному движенію въ нашей общественной жизни, не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и плодотворной терпимости, на которой противники во мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга. Кто же помогаетъ намъ яснѣе

видѣть и полнѣе обнимать истину, какъ не противникъ нашему на нее воззрѣнію? Онъ долженъ быть для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя истины не ненавистнымъ врагомъ, а желаннымъ гостемъ, который вызванъ нашимъ же къ ней обращеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, даже и въ науку, въ самую жаркую область ея разумныхъ преній, можно внести Христіанское правило: *любите враги ваша.*

Тогда только, когда ученый воспитаетъ себя до той высоты разумнаго спокойствія, что не будетъ оскорбляться никакимъ противоположнымъ ему мнѣніемъ, — тогда только онъ яснѣе увидитъ истину и внесетъ добытыя имъ знанія, какъ достойный вкладъ, въ сокровищницу науки.

Трудно человѣку достигнуть до такой высоты разума; но каждый добросовѣстный искатель истины долженъ по крайней мѣрѣ стремиться къ ней. Думаю, что въ раздраженной ненависти, съ какою сторонники противоположныхъ мнѣній встрѣчаютъ другъ друга, скрывается и большая доля взаимной неправды ихъ же исключительныхъ воззрѣній.

Разумѣется, главное состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчія были добросовѣстны, основаны на искреннемъ желаніи узнать истину, проникнуты благороднымъ чувствомъ безпристрастія и чужды всякой личности.

Труду нашему вредятъ не столько противники нашихъ мнѣній, которыхъ мы можемъ только благодарить за ихъ содѣйствіе къ раскрытію истины, сколько порицатели самой мысли общаго труда, или хладнокровные скептики, отвергающіе важность словесныхъ памятниковъ старины Русской.

Въ прошломъ году авторъ Обзора Русской духовной литературы съ первыхъ строкъ труда своего отринувъ всякую возможность написать полную ея исторію и встрѣтилъ, къ удивленію нашему, сочувственный отголосокъ въ профессоръ Русской Словесности Московскаго Университета, который тѣмъ самымъ уже отказался отъ возможности передать ее съ своей кафедрой. Мы совершенно согласны съ авторомъ Обзора, что „писать исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ — дѣло неумное“; но это же такъ писать рѣшится? — А хорошо ли охлаждать другихъ въ намѣреніи писать полную исторію Русской Словесности древняго періода, содержаніе котораго составляетъ по преимуществу духовная литература?... Удивительно, что нападеніе на возможность нашего труда совершилось изъ таковаго стана, откуда всего менѣе мы могли ожидать его. Конечно, для полной Исторіи Русской Церкви, которая обнимаетъ эпизодически исторію и духовной литературы, еще менѣе было данныхъ въ 1847 году; но авторъ Обзора не усомнился подарить насъ пятью томами такой Исторіи и, не смотря на видимое несовершенство труда, никто не подумалъ охладить вниманіе къ нему читателей указаніемъ на его преждевременность.

Не смѣемъ сравнивать своего труда съ безсмертнымъ подвигомъ Карамзина въ Исторіи Государства Россійскаго; но вздумалось ли бы кому нибудь изъ просвѣщенныхъ Русскихъ людей въ началѣ столѣтія останавливать великій трудъ славнаго Русскаго Историка мнѣніемъ, что не настало еще время писать полную Исторію Государства Россійскаго, когда еще вполнѣ и правильно не издана была даже первая наша лѣтопись?

По нашему мнѣнію, всѣ труды по части Исторіи Русской Словесности, древней и новой, труды общіе и частныя, въ одно и тоже время равно необходимы. Новый Обзоръ Русской духовной литературы теперь же не полонъ; нерѣдко открываемъ въ немъ недосмотры; несогласны съ мнѣніемъ автора, что при его Обзорѣ Біографическій Словарь духовныхъ писателей Россіи Митрополита Евгенія становится бесполезнымъ; но, несмотря на все это, благодаримъ автора за его трудъ, считаемъ его необходимымъ, пользуемся имъ, исправляемъ его и совѣтуемъ другимъ справляться съ нимъ, хотя и не во всемъ ему довѣрятъ. Номенклатура писателей, конечно, не есть еще исторія ихъ слова. Для такого труда недостаточно одной механической, шивной работы; для него нуженъ процессъ органической, трудъ мысли. Изученіе одного значительнаго писателя въ его произведеніяхъ потребуеть болѣе умственныхъ усилій, нежели полубзора исторической номенклатуры. Но и за нее благодарность, какъ за всякій трудъ, въ дѣлѣ науки необходимый.

Намъ случалось встрѣчать въ печати подобныя охлаждающія мнѣнія и касательно новаго періода Русской Словесности. Въ то самое время, когда я, по смерти Жуковскаго, въ рѣчи университетской опредѣлялъ его значеніе въ Русской поэзіи и жизни, авторъ матеріаловъ для его біографіи, печатанныхъ въ Петербургскихъ журналахъ, говорилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, что еще не настало время опредѣлять значеніе поэта, подразумѣвая, конечно, подъ этимъ, что надобно подождать еще, когда онъ собереть и напечатаетъ всѣ матеріалы, касающіеся его біографіи. Трудъ автора до сихъ поръ остался неоконченнымъ и, по его мнѣнію, даже онъ самъ не имѣлъ бы права теперь опредѣлять значеніе Жуковскаго. А между тѣмъ тотъ же самый авторъ предпринялъ сочиненіе полной Исторіи Русской Словесности и обѣщаетъ вскорѣ издать ее, чего мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, радуясь новому труду въ нашей наукѣ.

Поле науки нашей такъ обширно, что нуждается во множествѣ дѣятелей: еслибы было ихъ вдесятеро болѣе противъ наличнаго числа, на всѣхъ бы достало работы. Изъ чего же мы споримъ? что мы дѣлимъ? изъ чего мѣшаемъ другъ другу? Вотъ въ этомъ отношеніи желательно бы было, чтобъ мы подражали западнымъ нашимъ учителямъ въ дѣлѣ науки: у нихъ мы встрѣчаемъ гораздо болѣе взаимнаго уваженія между тѣми, которые ее воздѣлываютъ. Исторія литературы у

всѣхъ народовъ имѣла тружениковъ, и своихъ и иноземныхъ, и никто никогда не подумалъ охладжаты вниманіе публики ни къ какому подобному труду, ни частному, ни общему.

Постараюсь представить нѣсколько очевидныхъ доказательствъ тому, какъ необходимо общее изученіе Исторіи Русской Словесности въ совокупной связи всѣхъ ея памятниковъ для того, чтобы не впадать въ ошибки при спеціальному ихъ изученіи.

Всѣмъ, слѣдившимъ за развитіемъ нашей науки, извѣстно, какимъ сомнѣніямъ подвергали нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ Слово о Полку Игоревѣ, пока изучали его отдѣльно. Но съ какихъ же поръ прекратились эти бесплодные сомнѣнія? Съ тѣхъ поръ, какъ начали изучать памятники исторически, въ связи съ другими, принадлежащими тому же столѣтію. Тоже можно сказать и о Несторовой лѣтописи.

Но вотъ еще нѣсколько новыхъ данныхъ, найденныхъ мною, въ пользу необходимости общаго изученія Исторіи Словесности въ связи съ спеціальнымъ.

Изложу ихъ по порядку столѣтій.

Калайдовичъ XII в. напечаталъ подъ № XII Слово, приписавъ его Кириллу Туровскому, чему послѣдовалъ и г. Сухомлиновъ въ новомъ изданіи его твореній по рукописямъ Графа А. С. Уварова. Въ библиотекѣ Юсифова Волоколамскаго монастыря мнѣ удалось найти настоящаго автора этого слова: *о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бытъ человекъ*, въ Аврааміи Смоленскомъ. Означеніе имени Авраамія въ заглавіи сочиненія и согласіе между содержаніемъ слова и извѣстіями объ авторѣ изъ его Житія, что онъ любилъ передъ концомъ жизни бесѣдовать о тѣхъ самыхъ предметахъ, которые въ этомъ словѣ излагаются, ясно убѣждаютъ въ томъ, что оно должно быть приписано не Кириллу Туровскому, а Авраамію.

Преосвященный Макарій въ статьѣ своей о Григоріи Цамблакѣ, Митрополитѣ Киевскомъ, какъ писателѣ, напечатанной въ шестомъ томѣ Извѣстій Академіи Наукъ по Отд. Русск. яз. и Слов. (листы 7 — 10), говоритъ: „Въ продолженіе двухъ столѣтій, четырнадцатаго и пятнадцатаго, когда жилъ онъ и святительствовалъ, въ Россіи не было ни одного писателя-проповѣдника, который бы могъ сравняться съ нимъ по краснорѣчію и по внутреннему достоинству своихъ твореній“. Пятнадцатая лекція моя, надѣюсь, обнаружитъ, что современно Григорію Цамблаку дѣйствовалъ у насъ писатель-проповѣдникъ Митрополитъ Фотій, который не уступитъ Григорію ни въ краснорѣчьи, ни во внутреннемъ достоинствѣ своихъ твореній.

Въ той же статьѣ Григорію Цамблаку приписаны Богослужебный стихъ на Успеніе Пресвятой Богородицы и слово на тотъ же праздникъ, какъ два особня творенія, тогда какъ, при первомъ взглядѣ на оба произведенія, ясно видно, что стихъ есть только извлеченіе изъ того же слова.

Въ другой статьѣ: *Труды Митрополита Θεодосія*, жившаго въ XV вѣкѣ, напечатанной во 2-мъ томѣ тѣхъ же Извѣстій (листъ 21), приписано Θεодосію Посланіе къ Новгородскому Архіепископу Іонѣ о непризнаваніи Григорія Цамблака митрополитомъ.—Это посланіе, писанное въ 1461 году, не могло касаться Григорія Цамблака, который скончался въ 1419-мъ, а касалось другаго Григорія, который поставленъ былъ на Литву лжепатріархомъ Григоріемъ Маммою въ 1458 году и оставался еще митрополитомъ Кіевскимъ въ то самое время, когда Θεодосій святительствовалъ въ Москвѣ.

Въ той же статьѣ Слово похвальное святымъ верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу названо новооткрытымъ твореніемъ Θεодосія, что преосвященный Филаретъ внесъ и въ свой Обзоръ Русской духовной литературы; а слово это есть ничто иное, какъ сокращеніе изъ слова на тотъ же предметъ Григорія Цамблака, отличающееся отъ своего подлинника однимъ маленькимъ къ нему приступомъ.

Митрополитъ Евгений въ своемъ Словарѣ духовныхъ писателей Россіи называлъ извѣстнаго Вассіана Рыло, Архіепископа Ростовскаго, автора славнаго посланія къ Іоанну III, сроднякомъ Іосифу Волоколамскому. Эту ошибку повторилъ и А. Н. Муравьевъ въ Житіи Пафнутія Боровскаго (Мая 1-го), назвавъ Вассіана, автора посланія, братомъ Іосифа Волоцкаго. Здѣсь смѣшаны два Вассіана, которые оба были Архіепископами Ростовскими и Ярославскими; но одинъ изъ нихъ, авторъ славнаго посланія, скончался въ 1480 г. Марта 23, по другимъ же лѣтописямъ, въ 1481-мъ¹⁾; а второй Вассіанъ, братъ Іосифа Волоколамскаго, въ 1515-мъ, Августа 28.

Этого смѣшенія избѣгнули г. Сухомлиновъ въ статьѣ своей: Вассіанъ, современникъ Іоанна III, напечатанной во 2-мъ томѣ Извѣстій (л. 12 и 13), и авторъ Обзора духовной Русской литературы; но оба они, слѣдуя Митрополиту Евгению и П. М. Строеву, приписали Житіе Пафнутія Боровскаго первому Вассіану, творцу посланія, и назвали его ученикомъ Пафнутія.

Вассіанъ Рыло скончался въ 1480 или въ 1481 г., а Пафнутій Боровскій—въ 1479-мъ, какъ сказано у г. Сухомлинова. Страннымъ кажется, какъ

1) Различіе, вѣроятно, происходитъ отъ того, что одинъ лѣтописецъ ведетъ счисленіе уже Сентябскимъ годомъ, а другой Мартовскимъ.

Вассіанъ въ одинъ годъ успѣлъ собрать всѣ матеріалы и написать такъ скоро житіе своего учителя, особливо, какъ духовникъ В. Князя, при обширныхъ своихъ занятіяхъ епархіальныхъ и государственныхъ. Авторъ Обзора полагаетъ годъ кончины Св. Пафнутія 1477-й, согласно Житію его. Въ такомъ случаѣ было бы, конечно, почти три года составленія житія; но и этого, по обычаю того времени, кажется, слишкомъ мало. Тогда у насъ Житія Святыхъ мужей не писались на скорую руку. Епифаній, по кончинѣ Преп. Сергія, свободный отъ другихъ занятій, не Архіепископъ, не государственный дѣятель, не стражъ отечества въ эпоху Монголовъ, употребилъ 26 лѣтъ для сочиненія Житія Сергіева; къ тому же онъ самъ жилъ въ той же обители и имѣлъ всѣ матеріалы подъ руками. У Вассіана же не было тѣхъ удобствъ. Пахомій Логоветъ для того, чтобы написать Житіе Кирилла Бѣлозерскаго, долженъ былъ самъ отправиться въ его обитель и тамъ собирать матеріалы.

Другое обстоятельство, препятствующее приписать Житіе Пафнутія Вассіану первому, заключается въ годахъ его. Конечно, въ точности лѣта Вассіановы при кончинѣ его остались неизвѣстны; но все таки онъ былъ уже въ глубокой и маститой старости, когда въ 1480 году говорилъ Иоанну: „Дай сѣмъ вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ Татаръ“. Кромѣ силы духа, вѣроятно, и лѣта его давали ему право быть духовникомъ Государя и такъ сильно дѣйствовать на него за одно съ Митрополитомъ Геронтіемъ. Могъ ли поэтому Вассіанъ быть постриженникомъ и ученикомъ Пафнутія, которому былъ почти сверстникомъ, если не превышалъ его годами?

По всѣмъ этимъ даннымъ Житіе Пафнутія скорѣе должно быть приписано второму Вассіану, также Архіепископу Ростовскому и Ярославскому, который изъ Архимандритовъ Симоновскихъ въ 1506 году былъ хиротонисанъ на эту кафедру и скончался въ 1515-мъ. Онъ былъ дѣйствительно братомъ Св. Іосифу Волоколамскому, какъ это засвидѣтельствовано въ помянникахъ рода Іосифа, послѣ котораго онъ всегда поминается, и во всѣхъ рукописныхъ преданіяхъ обители. Оба они были постриженниками и учениками Св. Пафнутія, какъ значится и въ самомъ Житіи его. Послѣ кончины учителя этотъ Вассіанъ имѣлъ все время и всѣ средства собрать отъ своихъ соучениковъ, товарищей и брата всѣ свѣдѣнія, касающіяся житія его учителя.

Поводомъ къ смѣшенію двухъ Вассіановъ послужило то, что авторъ Житія упоминаетъ о томъ, что онъ былъ постриженникомъ и ученикомъ Пафнутія, что ему сожителемъ и пѣлъ съ нимъ въ одномъ лицѣ; а потомъ въ третьемъ лицѣ говоритъ о Вассіанѣ, братѣ Іосифа, которому Пафнутій предсказалъ Архимандритство въ Симоновской обители. Такая скромность въ духовномъ лицѣ того вѣка понятна: прозрѣніе о немъ Пафнутія авторъ Житія рассказываетъ въ

третьемъ лицѣ, чтобы оно не могло быть прямо отнесено къ нему; а о своемъ постриженіи отъ Пафнутія рассказываетъ въ первомъ лицѣ, но себя не называя по имени.

На основаніи этихъ данныхъ слѣдовало, конечно, отнести Житіе Пафнутія къ Вассіану второму, а не первому. Эти данныя, наконецъ, несомнѣнно подтверждаются свидѣтельствомъ Іосифовскаго отечника обителя, гдѣ записаны многія преданія о Св. Пафнутіи, слышанныя отъ учениковъ его — Іосифа и Вассіана. Тому же Вассіану въ другомъ сборникѣ приписывается грозное обличительное посланіе противъ Латинской церкви, въ которомъ находимъ и объясненіе знаменательныхъ небесныхъ явленій въ православной литургіи¹⁾.

Въ заключеніе позволю еще небольшое замѣчаніе: въ Обзорѣ Духовной Литер. сказано, что Пахомій Логоетъ прибылъ въ Россію при Василии Темномъ; но, по свидѣтельству Никоновой лѣтописи, священноинокъ Пахомій Болгаринъ, „приде на Русь изъ Грекъ съ Фотіемъ Митрополитомъ“, слѣдовательно при Василии Димитріевичѣ, въ 1410 году.

Кажется, довольно приведено доказательствъ въ пользу необходимой связи изученія общаго со спеціальнымъ. Не спору также, что и спеціальное изученіе приноситъ много пользы изученію общему, но тогда только, когда оно на связи съ общимъ основано. Къ тому же, вѣдь спеціальному изученію конца нѣтъ, а поэтому общая Исторія Русской Словесности никогда не будетъ возможна. Спрашиваю: какъ же профессоры Русской Словесности будутъ читать ея Исторію, если она невозможна?

Кромѣ порицателей дѣла есть еще, какъ сказали мы, скептики или отрицатели памятниковъ старины Русской. Недавно въ большомъ новомъ трудѣ своемъ, который совершается по вновь разработаннымъ источникамъ, въ Исторіи Петра Великаго, г. Устряловъ, признавшій за нужное во Введеніи сказать хотя нѣсколько словъ о Россіи до Петра В., выразился о Русской Словесности въ древнемъ періодѣ нашей жизни слѣдующими словами: „Словесность ограничивалась списываніемъ старинныхъ лѣтописей, хронографовъ и книгъ душеспасительныхъ“. Обаяніе завѣсы преобразования такъ еще сильно дѣйствуетъ на историка Петровой эпохи, что взглядъ его какъ будто не имѣетъ силы проникнуть сквозь туманъ ея. Для него не существуютъ даже всѣ открытія, сдѣланныя уче-

1) Есть мѣсто въ этомъ объясненіи, которое соотвѣтствуетъ въ житіи одному видѣнію инока Евѣмрія: сличеніе обоихъ мѣстъ еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что авторъ житія есть Вассіанъ, братъ Іосифа.

ными любителями старины въ первой половинѣ текущаго столѣтія, и даже на глазахъ нашихъ. Правда, что душеспасительныя книги составляютъ главное содержаніе древне-Русской Словесности; но если Русскій народъ въ древнемъ періодѣ своей жизни задалъ себѣ главною задачею въ произведеніяхъ своего слова указать пути для спасенія души человѣческой; то неужели такое явленіе въ своемъ народѣ Историкъ новаго періода считаетъ дѣломъ столь маловажнымъ, что позволяетъ себѣ такъ небрежно о немъ отозваться? На этихъ книгахъ основано религіозно-нравственное могущество Россіи, безъ котораго ни реформа Петрова, ни всѣ, за нею послѣдовавшія и вновь ожидаемыя, не имѣли бы своего правильнаго и прочнаго развитія. Историкъ Петра позволилъ себѣ такъ поверхностно выразиться о древнемъ періодѣ Русской Словесности потому, вѣроятно, что увлеченный своимъ предметомъ, преобразованиемъ въ самомъ его началѣ, когда оно было только противодѣйствіемъ крайностямъ стараго времени, не вникъ глубоко во все то, чтò ему предшествовало, отъ чего многія явленія временъ Петровыхъ даже и въ эту первую эпоху остаются у него необъясненными, а впоследствии будутъ еще темнѣе и неопредѣленнѣе. Откуда выйдутъ внезапно на свѣтъ сподвижники Петровы: Святитель Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Гавріиль Бужинскій? Это дѣятели въ духовной и умственной жизни народа; но какъ же изъ древней Руси, при отсутствіи всякой промышленности, всякаго знанія, такъ какъ представлена она Историкомъ реформы, объяснить *искуснаго и опытнаго кормщика* Антипа Тимоѣева, которому мы въ рогахъ Унской губы обязаны спасеніемъ жизни Петра? Къ тому же, слѣдя все царствованіе Петрово, мы видимъ, что какъ сильно въ началѣ онъ отторгся отъ жизни древнихъ предковъ, такъ послѣ все болѣе и болѣе сознавалъ необходимость возобновленія связи съ существенными ея началами. Думаемъ, что Историкъ не обнялъ еще совокупною мыслию предмета во всю глубину его и находится подъ излишнимъ вліяніемъ самой ранней эпохи преобразования, которую теперь излагаетъ.

Но въ нѣкоторыхъ современныхъ явленіяхъ нашей жизни, въ связи съ Западомъ Европы, мы встрѣчаемъ уже сильныя отголоски въ пользу древней Руси. Въ Парижѣ вышло недавно сочиненіе: *Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie* par Nicolas de Gérébtzoff, въ двухъ томахъ. Большое это сочиненіе обнимаетъ всѣ отрасли Русскаго просвѣщенія въ самомъ обширномъ смыслѣ какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи. Конечно, при такомъ великомъ трудѣ нельзя избѣгнуть маленькихъ промаховъ, въ которыхъ каждый добросовѣстный читатель извинитъ автора. Но кто любитъ свое отечество и кто вѣрно понимаетъ его жизнь и исторію, тотъ изъявитъ полное сочувствіе трудолюбивому и даровитому автору этой книги, проливающей новый свѣтъ передъ всѣмъ про-

свѣщеннымъ Западомъ на прошедшія, настоящія и грядущія судьбы нашего отечества ¹⁾).

Не могу не принести нѣкоторыхъ оправданій передъ публикою въ томъ, что замедлилъ продолженіемъ моего труда. Мнѣ остается здѣсь вкратцѣ повторить то, что сказано уже подробнѣе въ моей автобіографіи, напечатанной вмѣстѣ съ біографіями другихъ профессоровъ Московскаго Университета, по случаю его столѣтняго праздника. Съ тѣхъ поръ прочтено было мною два курса публичныхъ: Исторіи всеобщей поэзіи и Исторіи живописи Италіанской: послѣдній напечатанъ вмѣстѣ съ курсами товарищей. Издана Поѣздка въ сѣверную область Россіи, совершеніе которой нужно было особенно для продолженія моего труда. Основана новая каедра Педагогіи въ Московскомъ Университетѣ. Кончина Гоголя вызвала меня на труды по изданію посмертныхъ его сочиненій. Кончина Жуковскаго не могла пройти въ Московскомъ Университетѣ безъ сознательнаго и полнаго отголоска его жизни и поэзіи. Девятилѣтнее деканство во времена Университета самыя трудныя отнимало много времени на пользу младшихъ товарищей по наукѣ и на пользу студентовъ. Столѣтній праздникъ Университета всѣмъ грузомъ трудовъ своихъ, и большихъ и мелкихъ, палъ на меня, отнималъ цѣлыхъ четыре года всѣ часы досуга, даже необходимаго сна, и разстроилъ много мои тѣлесныя силы.

Вотъ причины видимыя замедленію въ трудѣ. А что за дѣло читателю до невидимыхъ? Человѣкъ, дѣйствующій передъ обществомъ, обязанъ ему отчетомъ въ своихъ дѣлахъ общественныхъ, а въ душевныхъ скорбяхъ, въ борьбѣ съ судьбою, въ великомъ и трудномъ дѣлѣ жизни его отчетъ—только Богу.

Главное въ ученомъ то, чтобы, не смотря на всѣ препятствія и противо-

1) Излагая исторію образованія и словесности древней Руси вообще и особенно въ первыхъ вѣкахъ ея, авторъ, какъ мнѣ пріятно было видѣть, пользовался и моею книгою, извлекъ изъ нея многія подробности, кой въ чемъ ошибся тамъ, гдѣ неточно мнѣ слѣдовалъ, а главное — изъ нея заимствовалъ основное свое воззрѣніе на христіанское просвѣщеніе древней Руси. Въ доказательство тому, что онъ имѣлъ книгу мою передъ глазами, могъ бы я привести разныя мѣста изъ его книги; но, чтобы не утруждать читателя, приведу только полстраницы, въ его переводѣ.

«Parmi les contes héroïques, les plus remarquables sont ceux qui chantent les hauts faits d'Ilia Mourometz de Kieff, chevalier ou bogotyr du temps de Vladimir.

«Dans tous ces contes, le héros se distingue par sa bienfaisance pour les malheureux, son respect filial, sa générosité, sa force herculéenne, qui ne lui est donnée par le bon Dieu que comme récompense de ses vertus: il se garde d'offenser quelqu'un sans cause, il ne fait jamais verser le sang chrétien, il ménage même les brigands, il ne frappe que pour la défense de la chrétienté; son désintéressement est exemplaire, car il ne demande jamais de récompense pour ses exploits: il ne veut ni terres, ni honneurs; mais tout au contraire, c'est lui qui fait des dons magnifiques à son prince T. I. 455.

дѣйствія судьбы и людей, сохранить любовь къ наукѣ и совершать трудъ ея, хотя медленно, но добросовѣстно. Любовь къ наукѣ цѣла и неизмѣнна, а трудъ все идетъ и подвигается, постоянно вѣрный одной путеводной мысли, которая легла ему въ основу.

Оставивъ преподаваніе, я передаю теперь печатному слову плоды многолѣтнихъ трудовъ и занятій. Въ великодушное извиненіе медленности труда прошу читателей вмѣнить мнѣ и то, что я работаю безъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, которые могли бы облегчить мнѣ построеніе цѣлаго и разработку подробностей. Многіе литературные матеріалы столѣтій, содержащихся въ этой части, еще не изданы, а существуютъ въ рукописяхъ. Не имѣя права, облегчающаго въ десять разъ трудъ, изучать рукописи на рабочемъ столѣ своемъ, я долженъ переписывать ихъ въ затворахъ библиотекъ и монастырей и потомъ уже этотъ сырой матеріалъ претворять въ дѣло науки и въ изложеніе историческое по лекціямъ.

Считаю сердечною обязанностію принести чувства моей глубоко-сознаваемой благодарности Митрополиту Московскому Филарету за то, что Архипастырь благосклонно и немедленно допускалъ меня ко всѣмъ сокровищамъ древнихъ библиотекъ, попеченію его ввѣренныхъ.

Благодарю отъ души исполнителей воли Московскаго Архипастыря. Въ смиренной и тѣсной кельѣ у Отца Ризничаго Синодальной библиотекы, Архимандрита Саввы, я переписывалъ поученія Фотія, Григорія Цамблака и другія; въ кельяхъ у Архимандрита Чудовской обители Паисія трудился надъ Евангеліемъ Святителя Алексія; въ кельяхъ Архимандрита Іосифова Волоколамскаго мона-

Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней, часть I, стран. 118 и 122.

«Любимый витязь Русскаго народа, любимый герой его устныхъ преданій — Илья Муромецъ....

«Вотъ въ какихъ чертахъ Русскій народъ воображаетъ своего любимаго Витязя: онъ милосердъ къ нищимъ, его сила — награда за его милостыню; онъ добрый сынъ; онъ бережется напрасной обиды; онъ не проливаетъ крови Христіанской, онъ щадитъ даже разбойниковъ; онъ поднимаетъ оружіе только для защиты народа и Вѣры противъ враговъ и язычества; онъ безъ похвалыбъ служитъ Русской землѣ... онъ не требуетъ ни земель, ни почестей, ни даровъ за свои услуги, но самъ несетъ дары къ стольнымъ князьямъ»....

Кажется, достаточно ясно, что книга моя была передъ глазами автора и что онъ иногда переводилъ изъ нея цѣликомъ; но, назвавъ меня авторомъ Теоріи Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ (стр. 321 II-го тома), Н. А. Жеребцовъ не рѣшился къ этому прибавить, что я также авторъ той Исторіи Русской Словесности, откуда онъ и самъ кое-что позаимствовалъ.

стыря Гедеона я работалъ надъ рукописями знаменитой бібліотеки по каталогу, вновь составленному подробно, который облегчалъ мнѣ труды мои.

Приношу мою благодарность Князю М. А. Оболенскому за рукописи, которыми безотказно снабжалъ меня на домъ, и В. М. Ундольскому, который, на малыя средства собравъ одну изъ самыхъ значительныхъ частныхъ бібліотекъ, радушно дѣлится своими книжными сокровищами со всѣми, занимающимися наукою. Нельзя не пожелать, чтобы его рѣдкое книгохранилище, собранное съ такимъ знаніемъ дѣла, ухоженное и усовершенное въ каждомъ экземплярѣ, перешло въ городскую собственность нашей столицы и долго бы состояло по всѣмъ правамъ подъ вѣденіемъ самого собирателя.

Книга моя, обнимающая часть жизни древне-Русской въ томъ, что осталось отъ нея лучшаго, выходитъ въ такое время, когда новая Россія увлечена совершенно иными практическими стремленіями, работою надъ всякимъ устройствомъ великой земли своей. Древняя Русь можетъ обратить къ новой слѣдующія смиренныя слова, заимствованныя у одного изъ своихъ представителей, сказавшаго ихъ въ началѣ XVI вѣка: „И ты со мною грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даниломъ совѣта о семь не имѣй: еже бы высоту небесную увѣдѣти, и глубину морскую измѣрити, и концы земныя обтицати и исчислити, и езерамъ и рѣкамъ каменная стезя художествовати, и весь міръ строити, и якожь въ кругъ нѣкій вселенную всю объяти, и всѣхъ въ единъ нравъ привести и отъ всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое злохитрство изгнати, не навькль есмь: понеже безумень и окаяненъ есмь человекъ и не дѣлатель никоторому благу; но точію божественныя писанія глаголю слышащимъ и пріемлющимъ и хотящимъ спастися...“

Мы думаемъ, что новое дѣло, которое сильно замышляется у насъ на Руси въ настоящую минуту и необходимость котораго сознавали однако и наши смиренныя предки въ началѣ XVI вѣка, не должно быть чуждо дѣлу древнему, положенному въ основу Русской жизни. Духовное единство Русскаго міра, заложенное тамъ, должно получить въ новой Россіи внѣшнее выраженіе и скрѣпить ея внѣшнія силы. Безъ путей, соединяющихъ духъ, безсильны бы были пути единенія матеріальнаго. Что прибыли, если желѣзныя дороги будутъ насъ сближать только въ географическомъ отношеніи, а духовно станемъ мы разъединяться на безконечныя разстоянія и въ разныя стороны? Единство внутреннее, духовное, заготовила намъ древняя Русь: да облечетъ его во внѣшнее Русь новая! Вотъ, по нашему мнѣнію, какая связь между періодами, древнимъ и новымъ, связь неразрывная, которая таится въ духѣ народа и болѣе и болѣе должна быть приводима въ сознаніе.

Въ наше время привыкли думать, что вѣкъ нашъ все увлекается одними только матеріальными стремленіями. Желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы

приводятся, какъ самыя очевидныя тому доказательства. Намъ кажется, что на эти великіе плоды ума человѣческаго можно смотрѣть совершенно съ другой точки зрѣнія. Никогда еще духъ человѣческій такъ не торжествовалъ надъ условіями матеріальнаго міра, надъ пространствомъ и временемъ, какъ въ эпоху, до которой мы такъ счастливо дожили. Желѣзный путь уничтожаетъ между людьми пространство, а электрическая искра — время. Въ этихъ явленіяхъ чувствуетъ и сознаетъ человѣкъ осязательнымъ образомъ свое духовное назначеніе и предвкусываетъ, такъ сказать, на землѣ то совершенное уничтоженіе времени и пространства, которое ожидаетъ его въ будущей жизни. Мнѣ кажется, что никогда еще душа человѣческая не объявляла столь очевидныхъ правъ на свое безсмертіе, какъ въ наше время, когда она сдѣлалась почти владычицею двухъ главныхъ условій вещества, стѣснявшихъ жизнь ея въ земной ограниченной ея оболочкѣ.

Жизнь Русскаго человѣка, если только онъ хочетъ въ нее глубоко вникнуть, совершается по законамъ непрекаемой божественной логики. Да не колеблеть ее въ каждомъ изъ насъ какое-нибудь личное наше мудрованіе! Въ древней своей жизни Русскій человѣкъ, чувствуя выше всего духовное свое назначеніе, проложилъ духовныя пути сближенія и этому дѣлу принесъ все на жертву: неужели же въ новое время его потомокъ, пролагая пути сближенія матеріальнаго, позабудетъ о первыхъ и для единства физическаго земли своей пренебрежетъ единствомъ народнымъ въ духѣ? Чтобы не могло это быть, новый Русскій человѣкъ не долженъ забывать древняго своего собрата; новый и древній Русскій должны составлять одно, и безъ совмѣщенія ихъ не можетъ быть полнаго Русскаго человѣка, а будетъ одна только половина, и для новаго самая невыгодная, потому что, отринувъ въ своемъ древнемъ братѣ основаніе высокой половины духовной, новый человѣкъ останется при одной матеріальной и испортитъ только великое дѣло всецѣлой жизни народа Русскаго.

Вотъ основанія, на которыхъ полагаю, что книга моя, возобновляющая въ памяти Русскихъ людей завѣты ихъ доблестныхъ и святыхъ предковъ, думавшихъ и неуклонно дѣйствовавшихъ въ пользу насажденія и распространенія духовной жизни по всѣмъ предѣламъ Русской земли, не будетъ въ противорѣчіи съ новыми стремленіями Русскихъ людей, а восполнитъ то, что въ настоящее время для нихъ особенно надобно.

Катитесь во всѣ стороны нашего любезнаго отечества, пути желѣзные, пароходы крылатые, и соединяйте въ одно живое, гибкое и стройное тѣло всѣ дремлющіе члены великаго Русскаго исполина! Разработывай, Россія, богатства, данныя тебѣ Богомъ въ твоей неисчерпаемой и разнообразной природѣ, развертывай и высвобождай всѣ свои личныя силы человѣческія для великаго труда

надъ нею! Но помни, что неизмѣримая духовная сила твоя заготовлена еще предками въ древней твоей жизни, вѣрь въ нее, храни ее, какъ зѣницу ока, и во всѣхъ твоихъ новыхъ дѣйствіяхъ призывай ее на помощь, потому что безъ нея никакая сила твоя не прочна, никакое дѣло не состоятельно, и полная, всецѣлая жизнь всего Русскаго народа и каждого человѣка отдѣльно невозможна

С. Шевыревъ.

Октябри 18-го
1858.

ЛЕКЦІЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

Симонъ и Поликарпъ.—Симонъ.—Посланіе Симона къ Поликарпу.—Житія Святыхъ Кіевопечерскихъ. — Поликарпъ.—Посланіе Поликарпа къ Анкидину.—Житія Святыхъ Кіевопечерскихъ. — Обратный взглядъ на XII вѣкъ.—Впечатлѣніе отъ XIII вѣка.—Нашествіе Татаръ. — Вліяніе наше на Татаръ.—Юго-Западъ Руси.—Три Князя, представители эпохи.—Св. Александръ Невскій. — Св. Михаилъ Черниговскій. — Владиміръ Волынскій.—Событія Церкви. — Памятники письменности. — Три Кирилла. Кириллъ I, Митрополитъ. — Кириллъ, Епископъ Ростовскій. — Кириллъ II, Митрополитъ.—Поученіе священникамъ.—Серапіонъ и слова его. — Симеонъ, Епископъ Тверскій. — Максимъ Митрополитъ. — Ученіе ко всѣмъ Христіанамъ.—Паремьи о Борисѣ и Глѣбѣ.—Лѣтописи XIII вѣка.—Житія Святыхъ.—Герои отечества.—Святые по жизни.—Святитель Петръ.—Житіе его.—Слово Святителя Петра.

На границѣ между XII и XIII столѣтіями, въ послѣдней половинѣ XII-го и первой XIII-го, встрѣчаемъ двухъ писателей замѣчательныхъ, связанныхъ дружбою и единствомъ труда. Мы уже знакомы отчасти съ ними и ихъ произведеніемъ; но нельзя не возвратиться къ нимъ на томъ мѣстѣ, которое они занимаютъ въ порядкѣ Исторіи. Эти писатели — Симонъ и Поликарпъ — сочинители Кіевскаго Патерика. Здѣсь доскажемъ о нихъ то, чтѣ прежде не было сказано¹⁾.

Симонъ и
Поликарпъ.

Симонъ былъ черноризцемъ Кіевопечерскаго монастыря и самымъ ревностнымъ его приверженцемъ; въ 1214 году изъ игумновъ обители Рождества Богородицы поставленъ онъ епископомъ Суздальскимъ и Владимірскимъ, а въ 1226 году скончался во Владимірѣ, принявши схиму. Лѣтопись именуеть его блаженнымъ, милостивымъ и *учительнымъ*²⁾. Кромѣ Сказанія о Кіевопечерской церкви³⁾, Симонъ написалъ Посланіе къ Поликарпу и при немъ Житія Кіевопечерскихъ Святыхъ: Евстратія постника, Никона многотерпѣливаго, прозваннаго сухимъ; священномученика Кукши, крестителя Вятичей; Аонасія затворника; Николая Святоши, князя Черниговскаго; Эразма, истощившаго все имѣніе свое на иконы Кіевопечерской церкви; Арефы, которому имѣніе, украденное ворами, вѣнчилось въ милостыню; попа Тита, желавшаго тщетно погасить вражду діакона Евагрія.

Симонъ.

Посланіе Симона къ Поликарпу⁴⁾ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній, завершающихъ первую эпоху нашей словесности до Татаръ. Известно, что наша литература богата посланіями духовныхъ и даже свѣтскихъ

Посланіе Си-
мона къ По-
ликарпу.

лиць. Первоначальный образец для них заключается в Посланияхъ апостольскихъ. Степенная книга объясняетъ мѣстное происхождение этого рода сочиненій у насъ изъ обычая, что если кто, по простотѣ сердца или по невѣдѣнію божественныхъ писаній, впадалъ въ прегрѣшеніе, то знающіе дѣло бесѣдами и посланіями, любовно и разумно исправляли такого⁵⁾. Главная цѣль Симонова Посланія заключается въ томъ, чтобы успокоить честолюбіе Поликарпа, который желалъ быть игумноу въ обители Козмодемьянской, или у Святаго Димитрія; Верхуслава, супруга Ростиславова, желала поставить его епископомъ въ Новгородѣ или въ Смоленскѣ, или въ Юрьевѣ. Симонъ, прозрѣвая, конечно, что Поликарпъ довершитъ дѣло, имъ начатое—описанія житій угодниковъ Кіевопечерскихъ—склонялъ его къ тому, чтобы онъ остался въ монастырѣ и послужилъ архимандриту Анкидину. Главная мысль, одушевляющая Симона въ его словѣ къ Поликарпу, есть мысль о Церкви. Такъ онъ ее выражаетъ: „Какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла: все что творишь ты въ келіи ни во чтѣ вмѣняется, Псалтырь ли читаешь, дванадесять ли псалмовъ поешь, ни единому Господи помилуй подобится соборнаго пѣнія. Вспомни, братъ, что верховный апостоль Петръ, самъ будучи церковью Бога живаго, взятый Иродомъ и посаженный въ темницу, избавленъ былъ отъ руки его церковною молитвою! Давидъ молился такъ: одного прошу у Господа и того ишу, чтобы жить мнѣ въ дому Господнемъ во всѣ дни жизни моей, и видѣть красоты Господни, и посѣщать святую Его церковь. Самъ Господь говоритъ: домъ Мой—домъ молитвы наречется; гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я среди ихъ. Если же такой соборъ соберется болѣе ста, вѣруй, что Богъ нашъ съ ними. Отъ Его божественнаго огня ихъ обѣдъ сотворяется, отъ него же и я желаю хотя одной крупницы, болѣе всего сушаго передо мною“⁶⁾.—Возможность олицетворить эту мысль о Церкви представляется Симону въ Печерскомъ монастырѣ, который, по слову его, „море есть, не держитъ въ себѣ гнилаго, но измещетъ вонь“. — „Какъ отъ самого Христа Бога нашего апостолы во всю вселенную были посланы, такъ отъ Матери Госпожи нашей Богородицы великаго монастыря многіе епископы поставлены были въ Русскую землю“.—Симонъ самъ оставилъ бы епископство и работалъ бы игумену, если бы Владимірская и Суздальская соборная церковь, имъ созданная, не удерживала его своими красотою. Но всѣ города, области и села, и десятину, всю славу и власть, онъ вмѣнилъ бы во прахъ, если бы только могъ *трескою* торчать за воротами Печерскаго монастыря, или *сметіемъ* въ немъ валяться, попираемымъ челоуѣками. Лучше счесть одинъ день временной жизни въ дому Божіей Матери, нежели тысячу лѣтъ въ селеніяхъ грѣшничьихъ“.—И далѣе говоритъ Симонъ: „Я грѣшный епископъ Симонъ тужу и скорблю, и плачу и желаю тамъ мнѣ скончаться, чтобы только положенъ я былъ въ божественной этой персти и принялъ отраду отъ многихъ грѣховъ моихъ“.

Таковы были любовь и благоговѣніе иноковъ Кіевопечерскихъ къ обители, ихъ воспитавшей. Чтобы сильнѣе устремить брата на желанный подвигъ и возбудить въ немъ ревность къ монастырю, Симонъ представляеть ему примѣры святыхъ его мужей. Евстратій—у Жидовъ, Никонъ—у Половцевъ, Кукша—у Вятичей свидѣтельствуютъ мученіями истину Христовой Вѣры. Аѳанасій изображаетъ подвигъ 12-ти лѣтняго затворничества; Святоша—отреченіе отъ княжеской власти и почестей; Эразмъ и Ареѳа—отъ стяжаній; Титъ—любовь, стремящуюся погасить вражду, не угасавшую въ вѣкѣ вражды непрерывной.

Источниками Симону для описанія житій угодниковъ Божіихъ служили житія Свя-
 тыхъ Кіево-печерскихъ.
 выя преданія самой обители. Всѣ знаютъ, говоритъ онъ, о Кукшѣ, какъ онъ бѣ-
 совъ прогонялъ и Вятичей крестилъ, и дождь свелъ съ неба, и озеро иссушилъ. Вавила, исцѣленный затворникомъ Аѳанасіемъ, самъ рассказывалъ Симону объ этомъ исцѣленіи. Келья, гдѣ жилъ Святоша, еще при немъ звалась Святошиною. Въ обители былъ огорождъ, устроенный его руками; хранились книги, имъ подаренныя. Никто въ монастырѣ не видалъ Святошу празднымъ. Иконы, окованныя Эразмомъ, находились во время Симона надъ олтаремъ. Подробности о постриженіи въ схиму и о кончинѣ Эразма онъ слышалъ „отъ тѣхъ свидѣтелей святыхъ и самовидцевъ блаженныхъ старцевъ“. Ареѳу онъ самъ видѣлъ, самъ вмѣстѣ съ отцами обители былъ свидѣтелемъ переѣзны, происшедшей въ его умъ и нравъ, когда воры украли его имѣніе, которое прежде составляло единственный предметъ заботъ его.

Вражда попа Тита и діакона Евагрія, болѣзнь перваго и внезапная смерть втораго, не захотѣвшаго уступить просьбъ братіи и помириться съ противникомъ, случились на глазахъ Симона. Въ помянникахъ сохранялись имена святыхъ: Евагрій записанъ былъ *протостраторомъ* ради его мученической кончины, а Никонъ названъ *сухимъ*, потому что высохъ отъ ранъ, полученныхъ имъ отъ Половцевъ. Изъ книгъ ссылается Симонъ на Іоанна Лѣтвичника, на Лѣтописца стараго Ростовскаго, касательно числа епископовъ, вышедшихъ изъ монастыря Кіевопечерскаго, на Житія Антонія и Θεодосія, особенно же перваго во многихъ мѣстахъ⁷⁾.

Тому же епископу Симону Татищевъ приписываетъ участіе въ продолженіи Несторовой лѣтописи на основаніи рукописей, которыя были въ рукахъ его, но до насъ не дошли⁸⁾.

Ни годъ рожденія Поликарпа, ни годъ кончины его не извѣстенъ. Вѣроятно, Поликарпъ.
 въ юныхъ лѣтахъ постригся онъ въ монастырѣ⁹⁾. Двои двери въ большомъ храмѣ
 святой Богородицы Печерской были устроены имъ¹⁰⁾. Знаемъ, по его же свидѣ-
 тельству, что онъ былъ въ Ростовѣ самовидцемъ чуда, совершившагося отъ иконы,
 писанной Алипіемъ Кіевопечерскимъ¹¹⁾. Монастыри св. Козьмы и Даміана, и св.
 Димитрія, желали его имѣть своимъ игуменомъ. Княгиня Верхуслава, или Ана-

стасія, дочь Всеволода III, намѣревалась доставить ему епископскій санъ въ Новгородѣ, Смоленскѣ или Юрьевѣ. Князь Георгій Всеволодовичъ, братъ ея, хотѣлъ поставить его намѣстникомъ Симона на епископіи Владимірской и Суздальской. Всѣ эти обстоятельства свидѣтельствуютъ объ умѣ, дарованіяхъ и учености Поликарпа. Но Симонъ отвлекъ его отъ этихъ прельщеній возвышенія и самъ воспротивился желаніямъ княгини Верхуславы и князя Георгія. Онъ, вѣроятно, провидѣлъ въ немъ будущаго продолжателя начатаго имъ труда и потому писалъ, чтобы Поликарпъ не оставлялъ обители¹²⁾.

Посланіе Поликарпа къ Анкидину.

Поликарпъ совершилъ это дѣло, по желанію архимандрита Анкидина, какъ онъ самъ то свидѣтельствуетъ¹³⁾. Въ Посланіи къ нему онъ изложилъ житія тѣхъ святыхъ и блаженныхъ черноризцевъ Кіевопечерскихъ, которые не были описаны епископомъ Симономъ¹⁴⁾. Въ изложеніи своемъ онъ подражалъ древнимъ мужамъ, слагателямъ житій святыхъ отецъ въ Патерикѣ Печерскомъ¹⁵⁾, равно и Нестору, написавшему въ Лѣтописцѣ своемъ кратко о Даміанѣ, Іереміи, Матѳеи и Исаакіи. Цѣль его при этомъ изложеніи состояла въ томъ, чтобы потомкамъ, пользы ради, оставить то, чтѣ пришло бы въ совершенное забвеніе, если бы онъ о томъ умолчалъ¹⁶⁾. Время своего труда авторъ самъ опредѣляетъ пятнадцатымъ годомъ игуменства Анкидинова. Объ Анкидинѣ упоминаетъ лѣтопись подъ 1231 годомъ: онъ участвовалъ въ ставленіи Кирилла епископомъ Ростову¹⁷⁾. Но неизвѣстно, сколько времени тогда онъ уже былъ архимандритомъ. Ближе опредѣляется время Поликарпова труда слѣдующими его словами: „сто шестьдесятъ лѣтъ не было воспоминовенія о святыхъ отцахъ обители“, говоритъ онъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ упомянулъ о сказаніи Нестора. Ясно, что онъ имѣлъ предъ глазами лѣтопись, которая подъ 1074 годомъ содержитъ въ себѣ житія, описанныя Несторомъ. Если приложимъ къ этому числу 160, то время труда Поликарпова опредѣлится со всею вѣроятностію 1234 годомъ и оправдывается обстоятельствомъ, приведеннымъ выше относительно архимандрита Анкидина.

Житія Святыхъ Кіевопечерскихъ.

Главнымъ источникомъ для Поликарпа послужили устные сказанія епископа Симона, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ два раза¹⁸⁾. Лѣтопись Нестора была ему извѣстна, какъ то ясно изъ его двукратнаго о ней упоминанія. Кромѣ того онъ ссылается на лѣтописца въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о небесномъ знаменіи, о трехъ столпахъ, явившихся надъ трапезницею во время преставленія Пименова¹⁹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, повѣствуя о дѣлахъ, происходившихъ у Ляховъ, ссылается на лѣтописца, вѣроятно, Польскаго²⁰⁾; а иногда дополняетъ событія, извѣстныя изъ лѣтописи, монастырскими сказаніями. Такъ Григорій чудотворецъ, обезчещенный отроками Ростислава Всеволодовича, предсказываетъ имъ гибель отъ воды вмѣстѣ съ княземъ ихъ, за что и самъ брошенъ въ воду симъ послѣднимъ: лѣтопись дѣйствительно доноситъ намъ о томъ, какъ Ростиславъ погибъ въ рѣкѣ Стугнѣ. Слово о Полку Игоревѣ также оплакиваетъ кончину его въ рѣкѣ²¹⁾. Въ Житіи

Прохора, творившаго хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ пепла, сказано о рати, которая была между Святополкомъ и Давидомъ Игоревичемъ по случаю ослѣпленія Василька: не пускали гостей изъ Галича, ни ладей изъ Перемышля, и не было соли во всей Русской землѣ³²⁾. Въ Житіи Θεодора и Василя говорится о томъ, какъ Мстиславъ Святополковичъ выпытывалъ у нихъ о сокровищѣ, которое скрылъ Θεодоръ, какъ Василій былъ узавленъ отъ князя стрѣлою до смерти и предсказалъ ему смерть отъ стрѣлы же, и какъ Мстиславъ, пораженный на стѣнахъ Владиміра стрѣлою во время битвы съ Давидомъ Игоревичемъ, припомнилъ тогда же предсказаніе Василюво. Лѣтопись дѣйствительно упоминаетъ о подобной кончинѣ Мстислава, но безъ подробностей о Василю и его предсказаніи^{33*)}.

Взглянемъ теперь на тѣ образцы святости, которые изобразилъ Поликарпъ Анкидину. Нивита затворникъ, впоследствии епископъ Новгородскій, представляетъ гордость знанія, побѣжденную молитвою иноковъ и смиреніемъ. Агапитъ, безмездный врачъ, торжествуетъ надъ искуснымъ врачомъ Армениномъ; чтобы не нарушить монастырскаго устава и не покидать обители, не рѣшается идти къ больному Владиміру Мономаху на его приглашеніе, но, исцѣливъ его заочно, отвергаетъ дары князя и побуждаетъ его раздать все имѣніе нищимъ. Григорій чудотворецъ борется съ ворами и обращаетъ ихъ въ усердныхъ работниковъ обители. Іоаннъ затворникъ, сражаясь съ помысломъ чувственнымъ, употребляетъ противъ него безсоніе, жажду, тяжкія вериги, наконецъ, яму и персть земную на все тѣло, кромѣ рукъ и головы. Привлекательна повѣсть о цѣломудренномъ брасавцѣ Моусѣѣ, родомъ Венгерцѣ, который былъ братомъ Георгію, убитому вмѣстѣ съ святымъ Борисомъ на Альтѣ. Уведенный въ плѣнъ Болеславомъ вмѣстѣ съ Предслагою, сестрою Ярослава, въ Польшу, Моусей становится предметомъ страстной любви одной богатой Польской жены, противостоитъ всѣмъ ея искушеніямъ, терпитъ муки и спасаетъ свое цѣломудріе. Прохоръ во время голода печетъ вкусные хлѣбы изъ лебеды и во время беспорядковъ, разрушившихъ торговлю, добываетъ соль изъ пепла (вѣроятно, поташъ), и тѣмъ помогаетъ страдающему народу. Маркъ печерникъ копаетъ могилы для братіи, и мертвые его слушаются. Θεодоръ и Василій заставляютъ бѣсовъ работать на монастырь и презираютъ скрытое первымъ сокровище, вынося за то муки отъ власти княжеской. Алипій иконописецъ украшаетъ храмы обители и другіе чудными иконами и своими цѣлебными вапами врачуетъ безобразіе человѣка, покрытаго струпами. Наконецъ, Пименъ многострадальный въ теченіе двадцати лѣтъ страдаетъ въ обители тяжкимъ недугомъ и, какъ Іовъ, поетъ хвалу Господу.

Сочиненіе Кіевскаго Патерика восходитъ, такимъ образомъ, къ самому началу Татарскаго нашествія. Изображеніе подобныхъ примѣровъ святости явилось кстати въ эпоху, когда своекорыстіе, себялюбіе и ненависть, раздирая утробу Россіи, привлекали въ нее полчища дикарей самыхъ грубыхъ. Чтеніе Патерика послу-

жило много къ тому, чтобы воспитывать въ духовенствѣ и во всѣхъ сословіяхъ Русскаго народа, въ древнемъ періодѣ его жизни, тѣ добродѣтели, которыми и теперь пока еще твердо наше отечество.

Св. Авраамій
Смоленскій.

На рубежѣ тѣхъ же двухъ столѣтій встрѣчается еще святой мужъ, сильно дѣйствовавшій словомъ, Св. Авраамій Смоленскій. Житіе его написано было ученикомъ его, инокомъ Ефремомъ, вскорѣ послѣ его кончины. Ефремъ описалъ даже его внѣшній образъ, находя въ немъ сходство съ Василиемъ Великимъ. 12 дочерей было у родителей Авраамія; мать молила Бога о сынѣ: онъ былъ ей посланъ. Какъ только стало можно, отданъ былъ на ученіе грамотѣ. Призваніе его къ иночеству открылось рано. По смерти родителей, онъ ему послѣдовалъ и постригся въ Богородицкомъ монастырѣ, близъ Смоленска. Онъ читалъ неутомимо житія и поученія Антонія великаго, Иларіона, Евеимія, Саввы, Θεодосія, что близъ Иерусалима, Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста и Θεодосія Печерскаго. Имѣя необыкновенный даръ слова, онъ привлекалъ своими поученіями весь городъ. Не только мастера были читать, но и толковать писаніе. Даже неслѣдующіе его понимали. Память его обнимала все — и ничто изъ писанія не могло отъ него утаться. Не умолкалъ онъ, поучая большихъ и малыхъ, рабовъ, свободныхъ и ремесленниковъ. Днемъ поучалъ, ночью молился за народъ. Поставленный въ священники при Мстиславѣ, Князѣ Смоленскомъ, онъ ни дня не пропустилъ, чтобы не служить литургіи. Былъ и живописцемъ, написалъ двѣ иконы — страшный судъ и испытанія воздушныхъ мытарствъ — и любилъ о томъ бесѣдовать.

Но зависть поднялась на краснорѣчиваго учителя. И духовенство, и граждане возстали и обнесли его клеветою. Самъ Епископъ Игнатій ему позавидовалъ. Авраамій перешелъ въ монастырь св. Креста, но число его слушателей все увеличивалось. Тогда завистники стали обвинять его въ ереси, въ томъ, что читаетъ какія-то *глубинныя* книги, требовали отъ епископа, чтобы Авраамій былъ преданъ суду. — И вотъ позорно повлекли его на судъ; но онъ спасенъ былъ какимъ-то благочестивымъ инокомъ Лукою Прусняномъ, который, совершая тогда девятый часъ молитвы, услышалъ таинственный голосъ въ пользу невиннаго и пошелъ на его защиту. Мученикъ былъ избавленъ отъ позора. Вступился за него и Смоленскій священникъ Лазарь, послѣ бывшій преемникомъ Епископа Игнатія. Правда обнаружилась. Авраамій былъ избранъ въ игумены Богородицкой обители. Поучительное слово его все не умолкало. Передъ кончиною онъ любилъ помянуть о разлученіи души съ тѣломъ, о мытарствахъ ее ожидающихъ, объ отвѣтѣ на страшномъ судѣ, объ огненной рѣкѣ, которая пожжетъ всю землю, о томъ, что кромѣ покаянія, милостыни, молитвы и любви не будетъ ни для кого иной помощи. 50 лѣтъ продолжался его подвигъ. Время кончины его неизвѣстно. Полагаютъ въ первой четверти XIII вѣка. Поученія его до сихъ поръ не были открыты; но

въ библиотекѣ Іосифа Волоколамскаго монастыря есть слово *преподобнаго отца нашего Авраамія о небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человекъ*. Содержаніе его совершенно сходно съ тѣмъ, о чемъ любилъ бесѣдовать въ послѣднее время жизни своей Авраамій, по свидѣтельству его ученика и жизнеописателя. Главная мысль, проникающая все Слово, есть отношеніе человека къ міру вышнихъ силъ. Проповѣдникъ начинается словами Кирилла философа, что созданы мы были не для того, чтобы ѣсть, пить и одѣваться въ различныя одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наслѣдовать будущія блага. Сначала сотворены были ангелы, но нѣкоторые изъ нихъ пали. Въ восполненіе падшихъ, не соотвѣтствовавшихъ Богу, созданъ былъ человекъ: и онъ палъ, но не совѣмъ, не безъ надежды на возстаніе. Въ теченіе 7000 лѣтъ, опредѣленныхъ на существованіе человечеству, долженъ быть восполненъ чинъ ангеловъ, отпадшихъ на небесахъ. Къ сему велѣтъ Господь человека въ мірѣ древнемъ казнями; къ сему ведетъ его искупленіемъ и ожиданіемъ страшнаго суда. Два ангела, добрый и злой, блюдутъ за всю жизнь человека. Отъ изображенія ея подъ вліяніемъ этихъ двухъ силъ проповѣдникъ переходитъ къ смертному часу и къ мытарствамъ, ожидающимъ душу по ея исходѣ. Душѣ показывается Ангелами весь міръ духовный — и свѣтлый и темный. Слово заключается мыслію объ обновленіи земли.

Въ рукописяхъ того же монастыря это Слово встрѣчается иногда съ именемъ Кирилла. Въ сокращенномъ видѣ оно было напечатано Калайдовичемъ въ числѣ проповѣдей Кирилла Туровскаго. Замѣчательно мнѣніе о семитысячелѣтнемъ существованіи міра: во послѣдніе три года седьмаго тысячелѣтія, пророчить слово, будетъ пришествіе Антихристова, а по истеченіи трехъ лѣтъ Архангелы Михаилъ и Гавріиль затрубятъ и созовутъ на судъ вселенную. Мы еще встрѣтимся съ этимъ мнѣніемъ въ столѣтіяхъ XIV и XV-мъ, когда оно всего сильнѣе дѣйствовало (28^b).

Переходя къ XIII столѣтію и обращая взоръ на совокупность памятниковъ словесности XII-го вѣка, мы можемъ со всею вѣроятностію сказать, что это одни только значительные обломки отъ великаго кораблекрушенія нашей до-Татарской древности. Славяно-Русское слово говорило въ XII-мъ вѣкѣ устами богомольнаго странника, великаго князя, митрополита, юмориста-заточника, глубокомысленнаго и краснорѣчиваго проповѣдника, пѣвца — друга отечества, мужей святыхъ, славившихъ свою обитель, плодотворную чудесами. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ произведеній лежитъ одна великая и живая мысль — какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ основа ея силъ нравственныхъ, какъ опора и точка отправления въ ея умственномъ развитіи — мысль о православной Церкви нашей, источникъ спасенія и временнаго, и вѣчнаго. Изъ памятниковъ древнѣйшаго нашего слова мы видимъ, что сѣмя Русское вошло, было, славно, но Татарскіе снѣга его завалили: волею Промысла оно было уже

Обратный
взглядъ на
XII вѣкъ.

окрещено и потому не могло погибнуть; долго лежало под снѣгами; росло между тѣмъ крѣпкою внутреннею, духовною жизнью, пока Провидѣнію угодно стало вызвать его снова на свѣтъ Божій.

Впечатлѣніе
отъ XIII в.

Рѣзкая граница отдѣляетъ XII вѣкъ отъ послѣдующаго, начиная со второй его четверти. Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на ихъ пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ Татарскимъ кочевьямъ. Слова, читаемая нами подъ 1224 годомъ лѣтописи, объясняютъ намъ это безплодіе: „Томъ же лѣтъ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаемі, ихъ же добръ никтоже не вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовуть я Татары“.

Нашествіе
татаръ.

Нельзя лучше выразить всей внезапности ужаса, который обуялъ тогда нашихъ соотечественниковъ. Силы Монголовъ, въ то время еще не разбѣдиненныя, были огромны; наши же, не смотря на личную храбрость многихъ князей и на самоотверженіе многихъ городовъ, раздроблены и потому ничтожны. Вспомнимъ, что нашествіе Татаръ поразило страхомъ всю Европу. Императоры созвали противъ нихъ крестовый походъ. Папа испугался за безопасность своей церкви²⁴⁾ и счелъ за нужное отправить къ Татарамъ пословъ-миссіонеровъ, которые въ ордѣ подвергались всѣмъ унижительнымъ условіямъ Ханскаго обычая. Плато-Карпини и Асцелинъ съ двухъ сторонъ проникли въ Татарскія орды въ 1246 году. Французскій король Людовикъ святой въ 1253 году отправилъ къ нимъ также и своего посла, монаха Рубруквиса.

Храбрость, смѣшанная съ легкомысліемъ, обнаружилась въ первыхъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ Татаръ. Отдѣльные князья вооружились мужественно, а избили Татарскихъ пословъ легкомысленно. Битва Калкская проиграна потому только, что три Мстислава, Кіевскій, Козельскій и Галицкій, старѣйшины Русской земли, ненавидѣли другъ друга. Втунѣ покрытъ ранами храбрый, осмнадцати-лѣтній юноша Даниилъ Романовичъ; втунѣ стоитъ твердо Олегъ Курскій; даромъ льется Русская кровь какъ вода: пораженіе при Калкѣ было такое, какого князья наши не испытали отъ самаго начала Русской земли. Татары клали ихъ подъ доски и, сидя на нихъ, обѣдали. Изъ воиновъ десятый не избѣжалъ меча. Погибло семьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, въ томъ числѣ Александръ Поповичъ и Добрыня Рязанскій, золотой поясъ. Самъ великій князь Кіевскій, Мстиславъ Романовичъ, съ дѣтьми и съ зятемъ былъ убитъ руками Татаръ. Кіевлянъ однихъ избито 60,000, а другихъ сколько? одинъ Богъ то вѣдаетъ: „число безчисленное“.

Несчастный примѣръ юга не былъ спасителемъ для раздробленнаго сѣвера. Батый, „молнійная стрѣла“, устремился на Рязань. Юрій Всеволодовичъ не пошелъ на приглашеніе Юрія Игоревича Рязанскаго. Феодоръ Юрьевичъ убитъ Батыемъ за то, что не хотѣлъ выдать прекрасной супруги своей сластолюбцу.

Бросилась съ высокаго своего терема и прекрасная Евпраксія съ сыномъ своимъ Иваномъ, когда услышала о смерти мужа, и убила до смерти. Городъ за городомъ берутъ Татары: 14 городовъ взято ими за одинъ Февраль мѣсяцъ въ Рязанской и Суздальской области. Воевода Филиппъ Нянька погибъ въ Москвѣ за православную вѣру: старцы и дѣти облили кровью улицы города. Владимиръ, лишенный своего князя, славно противится и въ соборномъ храмѣ возносить къ небу жертвенникъ всесожженія, въ которомъ старають владыка Митрофанъ, великая княгиня съ дочерьми и снохами, бояре съ семействами. Евпатій Коловратъ, богатырь Рязанскій, собираетъ дружину, бьетъ воиновъ Батыевыхъ, поражаетъ Татарскаго богатыря Хоздовруда и самъ уступаетъ только множеству враговъ. Меркурій, витязь Смоленскій, родомъ Римлянинъ, положилъ Татарскаго исполнина на долгомъ мосту. Козельскъ увѣнчался славою имени *злаго города*, даннаго ему Батнемъ, и умылся кровью своихъ младенцевъ, непощаженныхъ метителемъ. Паль великодушно на берегахъ Сити Юрій Всеволодовичъ съ своими воеводами, боярами и воинствомъ. Преданъ мученической смерти и братаничъ его Василько Константиновичъ Ростовскій въ плѣну у Татаръ за тѣ слова, которыми онъ поносилъ ихъ. Отъ многовѣтвистаго дерева князей Русскихъ уцѣлѣло всего 15 князей, избывшихъ меча Татарскаго. — Погасла передъ Батнемъ и величественная красота Кіева: едва ли 200 домовъ оставалось въ городѣ въ то время, когда посѣтилъ его Папскій посланникъ Пано-Карпини. Одинъ за другимъ сдавались Батю Русскіе города. Въ 1243 году великій князь Ярославъ Всеволодовичъ кланялся ему въ ордѣ и принялъ отъ него старѣйшинство надъ всеми князьями и народомъ. Начались жалкія странствія князей Русскихъ въ орду, гдѣ они подвергались всевозможнымъ униженіямъ своего сана, гдѣ самыя низшіе прислужники ханскіе ходили впереди ихъ, занимали всегда первое и верхнее мѣсто и часто сажали ихъ позади себя. Въ 1257-мъ году Татары сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не сочли только одного духовенства. Въ 1259 году Новгородцы, боясь Татарской рати, добровольно сами пригласили къ себѣ Татарскихъ счетчиковъ, которые изочли земли — и Новгородскую, и Псковскую. Изрѣдка вспыхиваетъ открыто ненависть противъ Татаръ: въ 1262 г. Русскіе князья избиваютъ Татарскихъ баскаковъ, а другихъ изгоняютъ; иные Татары крестятся въ нашу вѣру²⁵). Въ Ярославлѣ народъ предаетъ смерти и самъ на сѣдненіе отступника монаха Зосиму, который гонитъ православіе въ пользу магометанства и мирвоитъ Татарамъ! Но въ 1278 году Русскіе князья воюютъ уже за-одно съ Татарами противъ Ясовъ.

Образованіемъ своимъ мы дѣйствовали тогда на Татаръ. Воевода Батнемъ Мангу-ханъ удивился красотѣ и величеству Кіева и даже сначала не хотѣлъ разорать его. Пано-Карпини, проѣзжая черезъ Кіевъ, нанялъ въ немъ толмача

Вліяніе наше на Татаръ.

для переговоровъ съ Татарами; но онъ однако не былъ въ состояніи перевести Латинскую папскую грамоту на Татарскій языкъ. Золотыхъ дѣлъ мастера были весьма честими Татарами. Такъ Русскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Кузьма былъ очень любимъ Ханомъ Гаюкомъ и помогалъ миссіонерамъ папскимъ въ ихъ нуждахъ. Онъ сдѣлалъ для Хана престоль и печать²⁶⁾. Толмачемъ при великомъ князѣ Ярославѣ и спутникъ его, Половецкомъ князѣ Сангорѣ, былъ Русскій изъ Суздаля. Монахъ Рубруквисъ, посоль Людовиковъ, нашелъ при дворѣ Мангухана Русскаго архитектора. Къ духовенству Русскому Татары питали уваженіе. Ихъ перепись, которая забирала все въ подданство ханамъ, не коснулась только духовенства: они не считали ни архимандритовъ, ни игуменовъ, не иноковъ, ни поповъ, ни діаконъ, ни крылошанъ, ни всего причта церковнаго, говорятъ лѣтописцы. Многіе духовные Русскіе люди пребывали при дворѣ ханскомъ, когда былъ тамъ Пляно-Карпини. Передъ большимъ шатромъ Гаюка, отличавшагося особеннымъ сочувствіемъ къ христіанству, всегда была христіанская часовня, гдѣ наши священнослужители открыто звонили къ часамъ и пѣли. Въ 1261 году учреждена была въ Сараѣ епархія, и Кириллъ митрополитъ поставилъ первымъ Сарайскимъ епископомъ Митрофана, который въ 1269 году облекся въ схиму и уступилъ свое мѣсто новопоставленному епископу Переславскому и Сарайскому Феогносту.

Юго-Западъ
Руси.

На юго-западѣ Руси, въ Галиціи, куда не столько достигала Татарская гроза, было болѣе приволья строить города и украшать ихъ храмы. Лѣтописецъ Волынскій рассказываетъ о городѣ Холиѣ, сожженномъ въ войну съ Куремсою, какъ онъ созданъ былъ Даниломъ, какъ приходили къ нему Нѣмцы, Ляхи и Русь, какъ всякіе мастера бѣжали отъ Татаръ, ковачи желѣза, мѣди и серебра, *и была жизнь*, и дворами наполнились всѣ окрестности, поля и села, окружавшія городъ. Создана была великолѣпная церковь во имя св. Іоанна: своды ея были поставлены на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ какимъ-то художникомъ: должно думать, что онъ изображали четырехъ Евангелистовъ; три окна были украшены Римскими стеклами, вѣроятно, росписанными; два столпа изъ цѣльнаго камня стояли въ олтарѣ; надъ ними своды, а верхъ украшенъ золотыми звѣздами по лазурю; внутренней помостъ вылетъ изъ мѣди и чистаго олова и блестялъ какъ зеркало; двой дверей украшены камнемъ Галицкимъ бѣлымъ и зеленымъ Холмскимъ: узоры на нихъ дѣлалъ художникъ Авдѣй, шарообразные и золотые; на однѣхъ дверяхъ изображался Спаситель, на другихъ — св. Іоаннъ. Огромная башня поднималась среди города, снизу каменная, верхъ деревянный; выбѣленная, свѣтилась она во всѣ стороны. И послѣ пожара Данилъ возобновилъ городъ и храмъ, но не могъ возобновить башни, потому что надобно было строить города противъ Татаръ. Другую церковь построилъ онъ въ городѣ Холиѣ во имя Пресвятыя Богородицы и украсилъ ее чашею изъ багрянаго мрамора, прине-

сенною изъ земли Угорской: чудно была она изваяна, и зѣвныя главы обви-вали ее.

Тотъ же Волинскій лѣтописецъ упоминаетъ вскользь о славномъ пѣвцѣ Митусѣ, который за гордость не хотѣлъ служить князю Даниилу и жилъ въ Перемишлѣ: дворецкій Данииловъ Андрей привелъ пѣвца, связаннаго и въ разодранномъ рубищѣ, къ своему князю. — Въ той же лѣтописи говорится о славной пѣсни, которую пѣли Даниилу и его воинамъ послѣ побѣдъ ихъ надъ Ятвягами и послѣ того, какъ они многихъ христіанъ освободили изъ плѣна. Лѣтописецъ сравниваетъ Даниила съ отцомъ его Романомъ, который, какъ левъ, выходилъ на поганыхъ: именовъ Романа Половцы стращали дѣтей. Но лѣтописецъ не распространяется объ этой пѣсни, заимствуя, можетъ быть, изъ нея выраженіе о Романѣ, ибо, по его мнѣнію, изъявленному въ другомъ мѣстѣ по случаю хвальнаго слова, произнесеннаго Данииломъ, *Богъ похвальнаго слова не любитъ*⁹⁷⁾.

Въ лѣтописяхъ XIII-го же вѣка упоминается о томъ, какъ въ областяхъ Олега, князя Рыльскаго и Волгорскаго, были ловища лебединыя, и сокольники царя Ногая ловили ему лебедей соколами. Въ этихъ ловляхъ древней Руси, которыя совершались въ 1284 году въ Курскомъ княженіи, заимствованъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ образовъ превосходной хороводной пѣсни нашего народа: *Ахъ по морю, морю синему, плыла лебедь бѣлая со лебедушками... Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ, убилъ, ушибъ лебедь бѣлую...*⁹⁸⁾.

Три князя олицетворяютъ для насъ Россію этого времени: Александръ, Михаилъ и Владиміръ.

Во времена униженія народнаго духа и страданій всякаго рода мысль лѣтописца и съ нимъ вмѣстѣ мысль всякаго Русскаго отдыхаетъ на величавомъ и прекрасномъ образѣ родоначальника будущихъ освободителей Россіи, князей Московскихъ, Александра Невскаго, въ которомъ не умирала наша древняя воинская слава. Западныя страны, по словамъ лѣтописца, дивились ему и завидовали его славѣ. Мужество и благоразуміе сочетались въ немъ. Въ то время, когда на югѣ одолѣвали насъ Татары, Александръ на сѣверѣ, окруженный шестью богатырями, побѣждалъ Нѣмцевъ. Онъ ѣдетъ въ орду, по призыву Батны, и Батый удивляется его добротѣ и величеству, и жены Татарскія, какъ, вѣроятно, пѣли тогда въ народныхъ нѣсняхъ, убаюкивали плачущихъ младенцевъ словами: молчи, в. князь Александръ ѣдетъ. Слава его расходится по всемъ землямъ отъ моря Варяжскаго до Понтійскаго, до горъ Араратскихъ и до Рима. „Чада милныя, разумѣйте, что зашло солнце земли Русской!“ сказалъ митрополитъ Кирилль, по представленіи сего князя.

Въ то время, какъ Александръ Невскій подвигами меча питалъ воинственный духъ въ князьяхъ и народѣ, другой великій князь Михаилъ Черниговскій съ своимъ вѣрнымъ бояриномъ Феодоромъ подвигомъ мученичества укрѣплялъ въ

Три Князя,
представи-
тели эпохи.

Св. Але-
ксандръ
Невскій.

Св. Михаилъ
Чернигов-
скій.

нихъ вѣру и кровію своею посѣялъ сѣмя будущаго спасенія отечества. Когда всѣ Русскіе князья, миссіонеры папы и послы короля Французскаго совершали языческое поклоненіе огню и солнцу, по требованію хановъ, Михайль Всеволодовичъ, князь Черниговскій, и бояринъ его Феодоръ объявили рѣшительно волхважъ или жрецамъ хана, что христіане не поклоняются ни твари, ни идоламъ, а поклоняются только Пресвятой Троицѣ—Отцу и Сыну и Святому Духу. Тщетно племянникъ Михайла, князь Борисъ Васильковичъ Ростовскій, тщетно многіе Русскіе князья и бояре со слезами убѣждали Михайла исполнить волю цареву и обѣщались, возвратясь въ свою землю, всею землею взять этотъ грѣхъ на себя и совершить всенародную эпитимію за князя; тщетно говорили Михайлу, что онъ многими благами Русской землѣ и имъ всѣмъ искупить этотъ грѣхъ. Подерѣшило Михайла въ минуту искушенія слово Феодора, напомнившаго ему объ Евангельскомъ наставленіи духовника ихъ Ивана. — Рѣшительный отвѣтъ Михайла Эльдегѣ, ханскому вельможѣ, что онъ готовъ умереть, вызвалъ мученіе. Нашелся отступникъ изъ Русскихъ, нѣкто Доманъ, Сѣверянинъ, родомъ изъ Путивля, чтобы отрѣзать ножомъ честную главу святаго великомученика Михайла, которая, отброшенная отъ тѣла, проговорила: христіанинъ есмь. Бояринъ Феодоръ принялъ тоже мученіе. Посторонній очевидецъ событія, папскій посоль Пляно-Карпини, засвидѣтельствовалъ его истину²⁹⁾. Князь Романъ Олеговичъ Рязанскій въ 1270 г. послѣдовалъ примѣру Михайла и вынесъ въ ордѣ жесточайшія истязанія за Вѣру.

Владиміръ
Волинскій.

Третій князь, въ которомъ олицетворяется Россія XIII вѣка, былъ Владиміръ Васильковичъ Волинскій. Высокій ростъ, сильныя плечи, прекрасное лицо, русые, кудрявые волосы, борода остриженная, стройныя руки и ноги, исподняя часть рта полная и голосъ громкій составляли признаки его наружности. Онъ былъ искусный ловець, храбръ, кротокъ, смиренъ, незлобивъ, правдивъ, не мздоимецъ, ненавидѣлъ воровство, не пилъ вина отъ раннихъ лѣтъ своихъ, имѣлъ высокое просвѣщеніе, говорилъ вразумительно отъ книгъ, любилъ бесѣду съ духовными, украсилъ храмы городовъ Берестья и Каменца, имъ основанныхъ, Бѣльска, Владиміра Волинска, Перемышля, Чернигова, Луцка, Любомля — иконами, сосудами, ризами и другими церковными потребами, снабдилъ книгами — евангеліями, апостолами, служебниками, прологами, минеями, сборниками отца своего. Изъ этихъ книгъ онъ самъ своею рукою переписалъ многія. Былъ иконописцемъ; написалъ многія иконы, между прочими икону св. Георгія на золотѣ, а другую Пресв. Богородицы не докончилъ³⁰⁾. Лѣтописецъ, воспѣвая похвалу сему князю, говоритъ о немъ: правда облекала его, крѣпость препоясывала, милостыня, какъ золотая гривна, украшала его, обвивала истина и смыслъ вѣнчалъ его. И вотъ за четыре года до своей кончины онъ началъ страдать болѣзнію, которая была такъ замѣчательна, что со всѣми подробностями описана въ лѣтописи. У него

начала гнить исподняя часть рта съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала эта болѣзнь не мѣшала ему ходить и ѣздить на конѣ; онъ раздавалъ все имѣніе свое нищимъ. Потомъ, на четвертый годъ, опало у него все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы, кость бородная перегнила, обнаружилась внутренность гор-тани, въ теченіе семи недѣль онъ не питался ничѣмъ кромѣ воды и то скудно,— и наконецъ скончался, послѣ тяжкихъ страданій, въ 1288 году, 10-го декабря, въ городѣ Любюмлѣ.

Мужество, вѣру и терпѣніе въ страданіяхъ олицетворяла Россія XIII вѣка въ этихъ трехъ князьяхъ: Александрѣ Невскомъ, Михаилѣ Черниговскомъ и Владимірѣ Волынскомъ.

Въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ распространялъ христіанство на сѣверѣ и послалъ священниковъ, которые окрестили почти всѣхъ Корель. Въ томъ же году Новгородцы варварски сожгли четырехъ волхвовъ на Ярославовомъ дворѣ, которые причиняли много зла въ народѣ; но духовенство не принимало въ томъ никакого участія.

Въ 1274 году, по случаю поставленія Кіевопечерскаго архимандрита Серапіона въ епископы Владимірскіе и Суздальскіе, Кіевскій митрополитъ Кирилль II созвалъ соборъ епископовъ во Владимірѣ и, самъ собою или черезъ другихъ узнавъ о многихъ нестроеніяхъ въ церквахъ, поставилъ вмѣстѣ съ епископами соборное Правило, составляющее значительный памятникъ нашей словесности⁸¹). Прежде всего, согласно правиламъ семи соборовъ, онъ возстаетъ противъ ставленія на мздѣ не только настоятеля обители или священника, но даже и ключаря церковнаго: семью гривнами на клирошанъ должна ограничиваться вся издержка попа или дьякона. Мздоимцы да будутъ извержены изъ церкви, а ходатайствующіе за нихъ — прокляты. Это совершалось у насъ въ то время, когда на западѣ—въ Германіи императоры, во Франціи короли—обогащались продажей епископскихъ мѣстъ, а Римскою тіарою въ 1276 году украшался Николай III, котораго Дантъ, вмѣстѣ съ Бонифаціемъ VIII и Климентом V, казнилъ въ Аду за святокупство⁸²). Рабъ не могъ быть поставленъ, не принявъ отпускной отъ своего господина. Житіе ставленника должны были свидѣтельствовать семь священниковъ и добрые сосѣди, знавшіе его съ дѣтства. Не одни преступленія важныя мѣшали ставленію: кто отдавалъ деньги въ ростъ, удручалъ слугъ голодомъ и наготою, страдаю, т. е. рабочею порою мучилъ, убѣгалъ дани, чародѣйствовалъ, не могъ быть ни попомъ, ни дьякономъ, ни даже причетникомъ. Во священники ставили не менѣе тридцати лѣтъ. Пьяницы всѣ отвергались, если не покаются: „Лучше одинъ достойный служитель олтаря, нежели тысяча беззаконныхъ“, говоритъ Правило.—Возстаетъ оно также противъ игрищъ народныхъ, на которыхъ люди убивали себя до смерти. Въ предѣлахъ же Новгородскихъ держались еще языческіе обычаи и суевѣрія: водили невѣсть

Событія
церкви.

къ водѣ, а въ субботу, въ ночь наканунѣ воскресенья, мужа и жены вмѣстѣ праздновали какой-то нечестивый Діонисовъ праздникъ³³).

Въ началѣ этого Правила есть замѣчательное мѣсто, гдѣ митрополитъ обращаетъ слова укоризны ко всему Русскому народу своего времени: „Какую прибыль получили мы, оставивъ Божественныя правила? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные князья наши остріемъ меча? Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запустѣли ли святыя Божіи церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечистые поганые? Все это постигло насъ за то, что мы не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ Отець“³⁴). Эти слова, раздавшіяся изъ устъ пастыря, скорбѣвшаго о несчастіяхъ Русской земли, повторялись нерѣдко и послѣ, въ лѣтописяхъ и словахъ, при бѣдствіяхъ отечества, подобныхъ тому, которое постигло его въ XIII столѣтіи. Видно, что они глубоко врѣзались въ памяти и переходили изъ рода въ родъ по устному и письменному преданію.

Въ 1284 году всѣ Русскіе епископы созданы были въ Кіевѣ къ митрополиту Максиму. Вѣроятно, къ этому времени относится Правило Максима митрополита, встрѣчающееся въ Кормчихъ, о мясопустѣ и о храненіи законнаго брака³⁵).

Уже давно обстоятельства требовали, чтобы средоточіе Церкви Русской перенесено было съ юга, задавленнаго Татарами, на сѣверъ, гдѣ могло зародиться освобожденіе. Митрополиты весьма часто оставляли Кіевъ и не рѣдко жили во Владимірѣ. Сношенія съ церквами Русскими и съ великими князьями были отсюда гораздо удобнѣе. Наконецъ, въ 1300 году митрополитъ Максимъ, не терпя Татарскаго насилія, какъ сказано въ лѣтописи, перенесъ окончательно митрополию изъ Кіева во Владиміръ. Весь Кіевъ разбѣжался, прибавляетъ лѣтописецъ, въ слѣдъ за митрополитомъ: такъ сильна была охрана Церкви.

Въ 1301 году, не смотря на смуты времени и на затрудненія пути, въ Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ при патриархѣ Іоаннѣ Веккѣ, участвовали Русскій митрополитъ Максимъ и Сарайскій епископъ Теоностъ. Отвѣты собора на вопросы, предложенные Максимомъ, существуютъ въ нашихъ рукописяхъ. Вопросы вызваны были преимущественно нуждами Сарайской церкви: таковы особенно о крещеніи Татаръ, Несторіанъ и Яковитовъ, которыхъ было много въ войскѣ Монголовъ изъ Персіи, Индіи и Монголіи³⁶).

Памятники письменности, относящіеся несомнѣнно къ XIII вѣку и означенные годами или обстоятельствами, опредѣляющими годы, слѣдующіе: 1) Евангеліе, писанное въ Новгородѣ попомъ Домкою, повелѣніемъ *Милатина Лукиничя*, принадлежащее Публичной библіотекѣ и по признакамъ, почти несомнѣннымъ, относимое Востоковымъ къ 1215-му или 1230-му году³⁷). 2) Апостолъ толковый 1220 года, въ Синодальной библіотекѣ, судя по филологическимъ при-

1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

30
40
50
60
70
80
90
100
110
120
130
140
150
160
170
180
190
200
210
220
230
240
250
260
270
280
290
300
310
320
330
340
350
360
370
380
390
400

знакамъ списанный съ древнѣйшаго текста³⁸). 3) Евангеліе 1270 года, писанное Георгіемъ, сыномъ попа Лотыша, по заказу чернеца Симона, съ признаками Новгородскаго нарѣчія, принадлежащее Румянцевскому музеуму³⁹). 4) Псалтырь 1296 года, писанная писцемъ Захаріемъ по повелѣнію княгини Марины и принадлежащая Синодальной бібліотекѣ⁴⁰). 5) Шестодневъ Іоанна Эзарха Болгарскаго, писанный Сербскимъ грамматикомъ Теодоромъ въ 1263 году въ Хиландарѣ⁴¹). 6) Номоканунъ, писанный пятью писцами въ 1284 году, при Рязанскихъ князьяхъ, братьяхъ Ярославѣ и Теодорѣ и матери ихъ великой княгинѣ Анастасіи, по желанію епископа Рязанскаго Іосифа⁴²). Сюда же относятся: Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ, писанная въ 1229 году; три договорныя грамоты Новгорода съ в. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 и 1270 года; ярлыкъ, данный отъ Капчакаскаго царя Менгу-Тимура Русскимъ митрополитамъ и священнослужителямъ, писанный между 1270 и 1276 годами; грамота Смоленскаго князя Теодора Ростиславича къ Рижскому епископу, мейстеру и ратманамъ, 1284 года; двѣ духовныя грамоты Владимірскаго на Волыни князя Владиміра Васильковича, писанныя около 1286 года; грамота Владимірскаго на Волыни и Луцкаго князя Мстислава Даниловича, писанная 1289 года⁴³); данная на села Мининское и Романовское Суздальскому Васильевскому монастырю⁴⁴). Не привожу тѣхъ памятниковъ, которые гадательно относимы бывають къ тому же столѣтію.

Скудно число писателей, относящихся къ XIII вѣку; еще скуднѣе число памятниковъ, отъ нихъ оставшихся. Упомянемъ имена тѣхъ, которыхъ славятъ лѣтописи за книжное ихъ просвѣщеніе. Кирилль, родомъ Грекъ изъ Никои, поставленный въ Кіевскіе митрополиты въ 1223 году и преставившійся въ 1233 г., былъ, по словамъ лѣтописей, *философъ велий, учителенъ зело и хитръ ученю божественныхъ книгъ*⁴⁵). Къ нему Германъ, Патріархъ Цареградскій, съ шестью Митрополитами, писалъ посланіе о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ⁴⁶).

Второй Кирилль, книжному просвѣщенію котораго лѣтописцы воздаютъ похвалу, былъ епископъ Ростовскій, поставленный въ 1231 году и скончавшійся въ 1262 г. Суздальскій лѣтописецъ говоритъ о немъ, что онъ не только училъ словомъ, но и на дѣлѣ показывалъ свое ученіе; что всѣ князья и вельможи, всѣ люди города Ростова, не только простые, но и духовные, всѣ приходившіе изъ окрестныхъ городовъ, удивлялись соборному храму, который епископъ украсилъ великолѣпно, удивлялись также, внимая ученію его отъ божественныхъ книгъ⁴⁷). Лѣтописецъ, великій почитатель ученія и словесъ сего епископа, въ какомъ то узкомъ мѣстѣ, вѣроятно, въ затворѣ Ростовскаго монастыря св. Григорія Богослова, задалъ себѣ трудъ передать письму словеса его⁴⁸). Сему Кириллу Архіепископъ Филаретъ приписываетъ, съ большою вѣроятностію, переводъ съ Греческаго Житія Нифонта и многія слова, обозначаемаыя въ рукописяхъ именемъ

Три Кирилла.
Кирилль I,
Митрополитъ.

Кирилль,
епископъ
Ростовскій.

Кирилла; но слова требуют еще изданія, а предположенія—ученаго изслѣдованія.

Кирилль II,
Митрополи-
тъ.

Третій Кирилль, митрополитъ Русскій, дѣйствовалъ благотворно и дѣломъ и словомъ: онъ грамотою помирилъ Новгородцевъ съ в. княземъ Василиемъ Ярославичемъ; первый изъ митрополитовъ получилъ отъ хана Мангу-Темира ярлыкъ, которымъ духовенство освобождалось отъ поголовной дани, а церковныя имѣнія—отъ сборовъ; говорилъ слово при погребеніи в. князя Александра Невскаго; при Болгарскомъ царѣ Константиинѣ Тихѣ получилъ отъ деспота Болгарскаго Іакова Святислава Номоканунъ или Кормчю, переписанную для Русскаго Митрополита тремя писцами въ 50 дней⁴⁹); въ 1274 г. собралъ соборъ во Владимірѣ и сочинилъ Правило, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы; неутомимо дѣйствовалъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Россіи, уготовляя перенесеніе митрополіи во Владимірѣ, и бдительно охранялъ южную паству отъ навѣтовъ Римскаго католичества; осудилъ Игнатія, епископа Ростовскаго, за строгое его дѣйствіе надъ прахомъ князя Глѣба Васильковича Ростовскаго, который изринуть былъ изъ церкви соборной Игнатіемъ и просто закопанъ въ землю. При этомъ митрополитъ сказалъ Игнатію замѣчательное слово: „Не возносись, не считай себя безгрѣшнымъ; не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощеніе грѣхамъ нашимъ мы обрѣтаемъ въ прощеніи братій нашихъ; милость Господня скрывается для насъ въ милости нашей къ ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей безстыдной дерзости: ты прежде суда Божія осудилъ уже скончавшагося; а отъ живаго ты принималъ дары; ты ѣлъ и пилъ съ нимъ; ты живалъ у него и веселился съ нимъ; когда было можно его исправить, ты не исправилъ, и нынѣ ли исправить хочешь мертваго жестокимъ отлученіемъ? А если желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищимъ, молитвами и божественною службою“. Лѣтописи говорятъ о Кириллѣ, что онъ, проходя города всей Руси, неутомимо училъ, наставлялъ, исправлялъ. Смерть застигла его на пути, въ 1280 году, въ Переславлѣ Залѣсскомъ; но похороненъ онъ былъ въ соборной церкви Кіева.

Не знаютъ, которому изъ двухъ Кирилловъ, митрополиту ли Кіевскому, или епископу Ростовскому, приписать Поученіе священникамъ, которое встрѣчается въ Кормчихъ при Правилѣ Кирилла митрополита, хотя и не всегда. Ученые Троицкой Лавры съ вѣроятностію приписываютъ его епископу, полагая при томъ, что митрополитъ Кирилль на извѣстномъ соборѣ присоединилъ это слово къ своему Правилу⁵⁰). Это краткое Поученіе все исполнено сознанія святости іерейскаго сана. Приведемъ нѣкоторыя главныя мысли:

Поученіе
священни-
камъ.

„Внимай, іереевъ соборъ преподобный! Къ вамъ мое слово. Вы нареклись земными Ангелами, небесными чловѣками. Вы съ Ангелами предстоите у престола Господня; вы съ Серафимами носите Господа. Вы свѣдите съ небеси Духъ

Святѣй, и претворяете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божію, человѣкамъ невидимо, а святые многіе видѣли. Вы просвѣщаете людей крещеніемъ святымъ; вы связуете, вы разрѣшаете. Вами совершаетъ Господь тайну спасенія роду человѣческому; васъ поставилъ стражею и пастухами словесныхъ овецъ Своихъ, за нихъ же кровь свою изліялъ... Господь сказалъ: лучше навязать жерновъ на шею и погрузить въ море, нежели соблазнить единого изъ малыхъ. *Души бо человеческой, ни единой, міръ весь не равняется!*... Простецъ, согрѣшивъ, за одну свою душу дастъ отвѣтъ передъ Богомъ; а іерей, согрѣшивъ, многихъ соблазнить, и за души ихъ будетъ ему осужденіе...

„Я не гнѣюсь вамъ говорить... Разумѣйте, какъ учить духовныхъ дѣтей: не слабо, чтобы гнѣивы не были; не жестко, чтобы не пришли въ отчаяніе...

„Святую же страшную службу совершайте со страхомъ. Никогда не входите въ святой алтарь, имѣя вражду съ кѣмъ нибудь, и если спорилъ много съ кѣмъ, не служи въ тотъ день, но, укротивъ мысли, возшли молитвы къ Господу отъ чистаго ума. И не озирайтесь назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: ты съ Ангелами служишь, и не мысли о земномъ въ тотъ часъ: ибо Небеснаго Царя приѣмлешь въ сердце свое; весь освящайся Имъ.

„Влудите и родимыхъ дѣтей вашихъ, чтобы цѣломудренны были до женитбы. И безгрѣшный передъ Богомъ священникъ за сыновніе грѣхи можетъ быть посланъ въ муку, ибо не училъ добру сыновей своихъ, и не наказывалъ ихъ“⁵¹⁾.

Это поученіе встрѣтилось однажды вставленнымъ въ другое болѣе обширное слово на Соборѣ великаго Архистратига Михаила и прочихъ силъ безплотныхъ и тѣмъ подало поводъ къ заключенію, что оно составляетъ съ нимъ одно цѣлое. Но должно замѣтить, что слово о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бытъ человѣкъ, и о исходѣ души, встрѣчается подъ именемъ Кирилла философа и подъ именемъ Авраамія. Это слово требуетъ еще особаго изслѣдованія⁵²⁾.

Наиболѣе значительный объемъ и содержаніемъ памятникъ духовной словесности XIII вѣка составляютъ пять словъ Серапіоновыхъ, не въ давнемъ времени открытыхъ. О Серапіонѣ знали мы по лѣтописямъ и по Правиламъ Владимірскаго собора, что онъ изъ архимандритовъ Кіевопечерскаго монастыря въ 1274 году поставленъ былъ Кирилломъ митрополитомъ въ епископы городамъ Владиміру и Суздалью и что въ слѣдующемъ 1275 году онъ преставился и похороненъ во Владимірской соборной церкви: „бѣ же сей *тѣло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи*“. Архіепископъ Филаретъ, авторъ Исторіи Русской Церкви, открылъ въ пергаменной рукописи Сергіевой лавры, писанной вѣроятно въ XIV вѣкѣ, подъ заглавіемъ *Златая цепь*, четыре поученія, надписанныя именемъ *Преподобнаго Отца нашего Серапіона*. Пятое найдено мною въ рукописи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря подъ заглавіемъ: *Слово блаженнаго Серапіона о маловеріи*⁵³⁾.

Серапіонъ и слова его.

Пребываніе Серапіона въ монастырѣ Печерскомъ указываетъ на то, что онъ могъ образовать искусство словесное въ той самой обители, которая, какъ мы знаемъ, была его разсадникомъ. Время же поученій ясно опредѣляется нѣкоторыми событіями современными эпохѣ Татарской.

Въ 1230 году, въ 3-й день маія, въ пятницу, на праздникъ преподобнаго Θεодосія, во время святой литургіи, когда читалось евангеліе въ соборной церкви Пресвятой Богородицы во Владимірѣ, потряслась земля, а съ нею и церковь и трапеза; иконы двигались по стѣнамъ, паникадило со свѣчами поколебалось; люди изумились; говорили другъ другу, что голова у нихъ кружится. Землетрясеніе было и въ другихъ городахъ, но въ Кіевѣ всего сильнѣе. То былъ праздникъ самого Кіева, праздникъ св. Θεодосія, и каменная церковь монастыря Печерскаго треснула на четыре части въ то самое время, какъ были въ ней митрополитъ Киріилъ, Князь Владиміръ, бояре и множество народа. Въ трапезницѣ камень посыпался сверху на кушанье и на питье. Въ Переяславтѣ Залѣбскомъ обрушился сводъ церкви св. Михаила. По случаю этого страшнаго событія, съ разказа очевидцевъ записаннаго лѣтописцами, начинается слово Серапіоново. „Вы слышали, братія, слова Евангелія, говоритъ проповѣдникъ: въ послѣднія лѣта будутъ знаменія въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ, и труси по мѣстомъ и глади. Тогда реченное Господомъ — нынѣ сбывается. Сколько разъ видали мы солнце погибшее, луну померкшую! Нынѣ же видѣли своими глазами и земли трясеніе. Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, повелѣніемъ Божиимъ нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего сносить не можетъ. Не послушали мы Евангелія, не послушали Апостола, не послушали Пророковъ, не послушали свѣтилъ великихъ: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и иныхъ Святителей святыхъ, ими же вѣра утверждена, еретики прогнаны и Богъ познанъ всѣми языками... Господь уже не устами говоритъ намъ, но дѣломъ насъ наказываетъ. Всѣмъ казнивъ, не отвлекъ онъ насъ отъ злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблеть, беззаконія и грѣхи многіе отъ земли отрясти хочетъ, какъ листья съ дерева. Но скажутъ: бывали и прежде потрясенія. Такъ, бывали, но потомъ, что было намъ? Не голодъ ли? не моръ ли нѣсколько разъ? ⁵⁴⁾ не рати ли многія? Однако мы не покаялись, пока пришелъ на насъ народъ немилостивый по Божію поущенію, опустошилъ нашу землю, взялъ наши города, раззорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братій нашихъ, поругался надъ матерями и сестрами нашими... Нынѣ, братія, убоимся прещенія страшнаго... Отступимъ отъ немилостивыхъ судовъ, оставимъ кровавое *тѣзоимство*... Въ какое время видали мы столько прижѣтровъ внезапной смерти? Иные не успѣли о домѣ своемъ сдѣлать распоряженія, какъ были ею похищены. Иные съ вечера легли здоровы, и не проснулись поутру... Много разъ говорилъ я... Но многіе не внимаютъ, а дремлютъ, какъ будто безсмертные“... Мыслию о страшномъ судѣ и послѣднемъ воздаяніи заключается слово.

Время, когда сказано было второе слово Серапиононо, опредѣляется вѣрно: „Се уже къ мѣлѣтъ приближаетъ томление и мука“, говоритъ онъ о нашествіи ино-племенниковъ и о тяжкихъ даняхъ, которыя отъ нихъ наложены. Стало быть, слово говорено было въ 1264 году. Неистощимъ въ укорахъ проповѣдникъ. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Много разъ я говорилъ вамъ... но не вижу въ васъ переменъ“. Слѣдуетъ исчисленіе пороковъ, изъ которыхъ особенно *рысоимство* поражаетъ пастыря. — „Чѣмъ мнѣ утѣшиться? Чѣмъ обрадоваться? Всегда сѣю въ ниву сердце вашихъ сѣмя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябло и плодъ породило“. Послѣ увѣщаній изображается современное состояніе Россіи, какъ повторяется оно съ нѣкоторыми измѣненіями и въ Правилѣ Кирилла митрополита: „Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріяли? Не плѣнена ли была наша земля? Не взяты ли были наши города? Не пали ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли были мы, оставшіеся, горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мука; и тяжкія дани съ насъ не прекращаются, и голодъ и моръ скота нашего! И въ сласть хлѣба мы съѣсть не можемъ. И вздыханіе и печаль иссушаютъ кости наши. А что насъ до сего довело? Наше беззаконіе, наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность. Молю васъ, братія: каждый изъ васъ вникни въ свои мысли, сердечными очами разсмотри дѣла свои; раскайся — и гнѣвъ Божій минуетъ... Великими насъ Господь сотворилъ, а ослушаніемъ мы сдѣлались малы. Не погубимъ, братія, величія нашего... *Прослезимъ*, сотворимъ милостыню нищимъ, поможемъ бѣднымъ“... Приводится примѣръ Ниневіи: она согрѣшила, но потребила беззаконія свои покаяніемъ, постомъ, молитвою и плачемъ, наложивъ постъ на всѣхъ—отъ старцевъ и юношей до грудныхъ младенцевъ, лишивъ ихъ на три дня молока, и на самый скотъ, на коней и домашнихъ животныхъ, и умолила она Господа, и ярость Божія перешла въ милосердіе. — „Но что намъ говорить о нихъ? Мы сами чего не видали? Чего надъ нами не сотворилось? Чѣмъ не наказываетъ насъ Господь Богъ нашъ, желая обратитъ насъ отъ беззаконій нашихъ? Ни одного лѣта, ни зимы не проходило, чтобы Богъ не казнилъ насъ... Терпятъ и праведные вмѣстѣ съ грѣшными; тѣмъ свѣтлый вѣнецъ, а этимъ бѣдшія мученія за страданія праведныхъ“. Проповѣдникъ заключаетъ молитвенными изреченіями Псалмопѣвца объ обращеніи народа и помилованіи его.

Третье слово, возобновляя тѣже укоры, содержитъ въ себѣ превосходное изображеніе Монгольскаго нашествія, напоминающее слова книги Второзаконія (гл. 28, ст. 49). „Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, не падающій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. Мы подвинули на себя ярость Бога нашего. По Давиду, вскорѣ возгорѣлась

ярость Его на насъ. Разрушены божественныя церкви; осквернены сосуды священные, потоптана святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены на сѣдѣ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ Князей и воеводъ; храбрые наши, исполненные страха, бѣжали. Большая часть братьевъ и дѣтей нашихъ отведена въ плѣтъ. Села наши поросли травой, и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ корысть досталось, трудъ нашъ поганые наслѣдовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ *оскрай земли нашей*, въ посмѣхъ врагамъ нашимъ⁵⁵). Какъ дождь съ небеси, мы свели на себя гнѣвъ Господень... Не было казни, которая бы насъ миновала... Умаленные, мы еще величаемся... Зависть умножилась, злоба перепогаетъ насъ, величанье вознесло ужъ нашъ, *ненависть къ ближнимъ вселилась въ сердца наши*, корыстолюбіе поработило насъ: нѣтъ въ насъ милости, не милуемъ и сиротъ, *не сознаемъ естества человѣческаго*; но какъ звѣри алчутъ плоти, такъ и намъ всѣхъ бы погубить, да чужое заграбить!... Богъ говоритъ устами пророка: не разумѣютъ ли люди, что величайшее беззаконіе сѣдять людей вмѣсто хлѣба?... Лихонцы и грабители осудятся вмѣстѣ съ идолослужителями... Моисею что сказалъ Богъ? Если озлобите вдовицу и сироту, слухомъ услышу вопль ихъ и разгнѣваюсь яростью, и погублю васъ мечемъ. И нынѣ сбылось реченное. Не отъ меча ли мы падали, не одинъ разъ и не два?... Вспомнимъ наибольшую заповѣдь—любить другъ друга... не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистиѣ Господу, какъ чловѣкъ злопамятный. Какъ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши; а сами не оставляемъ? Въ ню же мѣру мѣрите, отмѣрится вамъ“. Заключеніе этого слова все исполнено намѣковъ на братскія междоусобія, раздиравшія Русскую землю.

Четвертое слово, презамѣчательное, направлено все противъ варварскаго обычая сожигать волхвовъ. Въ лѣтописи этого столѣтія упоминается о соженіи четырехъ волхвовъ въ Новѣгородѣ. Должно предполагать, что бывали и другіе примѣры подобнаго варварства. „Маль часъ порадовался о васъ, чада, говоритъ проповѣдникъ, видя вашу любовь и послушанье... Но вы еще поганскаго обычая дѣржитесь, волхвованію вѣруете, и пожигая огнемъ невинныхъ людей, навѣдите на весь міръ и городъ убійство. Если кто и не участвовалъ въ убійствѣ, а въ сонмищѣ былъ и соглашался, и тотъ убійца. Кто могъ помочь, да не помогъ, какъ будто бы самъ велѣлъ убить. Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія вы слышали, что отъ волхвованія бываетъ на землѣ голодъ, и что волхвованіемъ умножается жито? Если вѣрите сему, то за чѣмъ сожигаете ихъ? Молитесь имъ, чтите ихъ, приносите имъ дары, чтобы они благоустроили міръ, пускали дождь, приводили тепло, велѣли землѣ плодить. Нынѣ вотъ три лѣта, нѣтъ рода житу, не только на Руси, но и въ Латыни: развѣ это волхвы сотворили? Развѣ не Богъ устрои-

ваетъ Свою тварь, какъ хочетъ, за грѣхъ насъ томя? Изъ божественнаго писанія я знаю, что чародѣи дѣйствуютъ на людей, но только на тѣхъ, которые вѣрують въ нихъ. И бѣсы дѣйствуютъ, по Божію поущенію, на тѣхъ, кто ихъ боится. Но кто вѣру твердую содержитъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣють силы. Печаленъ я о вашемъ безуміи. Молю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ.... Если вы хотите очищать городъ отъ людей беззаконныхъ, очищайте. Царь Давидъ тоже дѣлалъ, но онъ судилъ въ страхѣ Божіемъ, видѣлъ Святымъ Духомъ и отвѣтъ давалъ по правдѣ. А у васъ одинъ судитъ по враждѣ, другой ради горькаго прибытка. Иной же, лишенный ума, только жаждетъ убить и ограбить; а за что убить, и того не знаетъ. Правила божественныя повелѣвають, по свидѣтельству многихъ, осуждать на смерть человѣка. Вы же воду свидѣтелемъ поставили и говорите: если начнетъ утопать, неповинна; если поплыветъ, волшебница... Вы оставили свидѣтельство богосотвореннаго человѣка, и пошли къ бездушному естеству, къ водѣ, чтобы отъ нея принять свидѣтельство и прогнѣвать Бога“. — Проповѣдникъ припоминаетъ казни, бывшія древнему человѣчеству, переходить къ казни современной, къ иноплеменникамъ; велитъ чуждаться басней человѣческихъ, а притекать къ божественному писанію; радуется тому, что народъ ходитъ съ великою любовію въ церковь и стоитъ съ благоговѣніемъ. О если бы онъ могъ наполнить сердце и утробу каждого разума божественнаго! — Таково желаніе проповѣдника, и такъ разумно дѣйствовала наша церковь въ томъ же самомъ XIII вѣкѣ, когда церковь западная учреждала повсюду инквизиціонныя суды (*inquisitio haereticae gravitatis*), подъ вѣдомствомъ ученаго ордена доминиканскихъ проповѣдниковъ, для которыхъ неистощимую пищу предлагали процессы о волхвахъ, когда самъ глава церкви, папа Іоаннъ XXII, въ началѣ XIV вѣка, лично боязнію чародѣйства много содѣйствовалъ развитію грубаго варварства, осуждавшаго волшебниковъ на костры и висѣлицы⁵⁶).

Въ пятомъ словѣ: *о малострѣи*, повторяются нѣкоторые укоры, содержащіеся въ предыдущихъ словахъ. Проповѣдникъ указываетъ еще на суетвѣріе: народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. Далѣе, сильнѣе еще, чѣмъ въ другихъ словахъ, преслѣдуетъ онъ пороки времени. „Это ли ваше покаеніе? восклицаетъ онъ. Тѣмъ ли Бога умолите, чтобы утопшаго или удавленника выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братья, перестанемъ отъ зла; лишимся всѣхъ дѣлъ злыхъ: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодѣйства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лживаго свидѣтельства, гнѣва, ярости, злопамятства, лжи, клеветы, рѣзоиманія. Я грѣшный всегда учу васъ, дѣти; велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе его прогнѣвляемъ, дѣлая извѣты: того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито не родится, — и бываете строители Бо-

жіей твари, а о безуміи своемъ почто не скорбите? Поганые, закона Божія не вѣдая, не убиваютъ единовѣрныхъ своихъ, не грабятъ, не обижаютъ, не клепятъ, не крадутъ, не запираются въ чужомъ. Поганый брата своего не продастъ: во кого изъ нихъ постигнетъ бѣда, то искупятъ его и на промыселъ дадутъ ему; а найденное въ торгу проявляютъ. Мы же считаемся вѣрными, крещены во имя Божіе, и заповѣди его слышимъ всегда, а исполнены неправды, зависти, немилосердія. Братію свою грабимъ, убиваемъ, въ погань продаемъ, обидимъ, завидуемъ: если бы можно, съѣли бы другъ друга... Кого, окаянный, кого снѣдаешь? Не такой же ли человѣкъ, какъ и ты? Не звѣрь, ни иновѣрецъ. Почто плачь и клятву на себя привлекаешь? Или ты безсмертенъ? Не чаешь суда Божія?... Отъ сна воставъ, не на молитву умъ прелагаешь, а какъ бы озлобить кого, *лжами перемочь*. Говорю вамъ: не оставите сего, горшее вамъ будетъ... Видно и за мои грѣхи бѣды съ вами дѣются; но придите со мною на покаяніе, да умолимъ Бога“...

Симеонъ,
епископъ
Тверской.

Лѣтопись по Никонову списку хвалитъ еще Симеона, перваго епископа Тверскаго изъ князей Полоцкихъ, какъ архипастыря добродѣтельнаго и учительнаго, и сильнаго въ книгахъ божественнаго писанія: князей не стыдился онъ. слово Христово правилъ истинно и право, всѣмъ творившимъ неправду былъ страшень. Скончался онъ въ 1288 году⁵⁷). Подъ именемъ его встрѣчается въ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго небольшое поученіе, изложенное въ видѣ бесѣды между Константиномъ, Княземъ Полоцкимъ, и имъ самимъ. Князь спрашиваетъ у Епископа: гдѣ тіуны бытъ на томъ свѣтѣ? Симеонъ отвѣчаетъ: гдѣ и Князю. Князю не полюбился отвѣтъ; онъ говоритъ: тіуны неправедно судитъ, мзду беретъ. людей продаетъ, мучитъ, зло всякое дѣлаетъ, а я что? Симеонъ отвѣчаетъ: если Князь добръ, богобоязливъ, жалѣетъ о людяхъ, правду любитъ, то тіуна и властеля избираетъ такого же: тогда и Князь въ раю, и тіуны въ раю. Если же Князь безъ божія страха, Христіанъ не жалѣетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовцахъ не печалуется, — и въ тіуны или властели ставитъ человѣка злаго, лишъ бы только Князю товару добывалъ: тогда и Князя въ адъ, и тіуна съ нимъ въ адъ⁵⁷).

Максимъ, митрополитъ Кіевскій, хиротонисанный въ Царьградѣ въ 1283 году, хотя по происхожденію своему, какъ Грекъ, и не могъ принимать участія въ словесномъ образованіи Россіи, но духовною дѣятельностію своею принесть много пользы. Онъ въ 1301 году предлагалъ вмѣстѣ съ Θεогностомъ вопросы на соборѣ Царьградскомъ; онъ оставилъ Правила, касающіяся особенно семейнаго благоустройства. Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ въ заключеніе вѣка (1299 — 1300) перенесъ митрополию изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ.

Ученіе ко
всѣмъ Хри-
стіанамъ.

Гадательно, но съ вѣроятностію, можно отнести къ XIII-му же столѣтію *Ученіе ко всѣмъ христіаномъ*, судя по необыкновенной простотѣ содержанія и слога, напоминающей времена первобытныя и слова Луки Жидаты и Θεодосія.

Предложивъ въ началѣ о необходимости соединять вѣру съ любовью, оно содержитъ наставленія: *о постѣ, о сусѣдствѣ, о монастыри, о епископѣ, о князѣ, о друзнхъ, о челяди, о женнхъ смерти, о тайнѣ, о снелхъ, о смиреннн, о раблхъ, о молитвѣ*. Изложимъ главныя мысли каждой статьи. Постъ чистый имѣйте къ Богу: постясь раздробляйте хлѣбъ свой. Не обижайте сиротъ домашнихъ, но милуйте ихъ: убогій индѣ себя выпроситъ, а домашніе въ твоихъ рукахъ. Челядь милуйте и учите на спасеніе и на покаяніе; старыхъ на свободу отпускайте, а иныхъ поучайте на послушаніе и на добро. Сосѣда не обижайте; не берите его земли за себя. Богъ не одному человѣку велитъ жить на землѣ, но многимъ. Монастыри любите: это сыновья святыхъ, *пристанища сею съща*. Входя въ нихъ, вы видите, какъ игумень пасетъ свое стадо; одинъ чернецъ не говоритъ страха ради Божія; другой возноситъ руки и сердца горѣ, а очи держитъ долу; тотъ плачетъ въ своей кельѣ и лежитъ ницъ; этотъ работаетъ, какъ полоненный; тѣ заняты дѣломъ; другіе стоятъ въ церкви, будто каменные и неподвижные, возсылая молитвы къ Богу за весь міръ. Епископовъ чтите, какъ Петра и Павла: они молитвенники за ваши дома и за ваше спасеніе. Принимая чернеца или причетника въ домъ свой, болѣе трехъ чашъ не принуждайте пить: бѣсовское дѣло — до срама напоить слугъ Божіихъ; надобно отпустить ихъ съ поклономъ и взять ихъ благословеніе. — *Пріяйте* князю главою своею и мечемъ своимъ и всею мыслию своею: не возмогутъ иные князи противиться вашему добру, если будете вѣрны вашему князю, и разбогатѣетъ земля ваша, и плодъ добрый возьмете съ нея. . . Если кто отъ своего князя къ иному князю отѣдетъ, то подобенъ будетъ Іудѣ, замыслившему продать Господа князьямъ Жидовскимъ. — Друзьямъ малымъ и великимъ покоряйтесь; на пирь званы будете, садитесь на послѣднемъ мѣстѣ, и васъ пригласятъ на высшее. — Челядь свою кормите до сытости, одѣвайте и обувайте; если же не кормите, не обуваете, а холопа или рабу вашу убьютъ въ воровствѣ, за кровь ихъ вы будете отвѣчать въ день страшнаго суда. Учите ихъ на крещеніе, на покаяніе, на весь законъ Божій: ты какъ Апостоль въ домѣ своемъ. Учи грозою и ласкою; если же не учишь, отвѣтъ дашъ за то передъ Богомъ: Авраамъ самъ училъ своихъ домочадцевъ всему добру, закону Божію и доброму нраву. Если же тебя не слушаютъ ни мало, то не щади лозы, и отъ 4-хъ до 6-ти, до 12-ти, 20-ти и даже до 30 ударовъ, смотря по винѣ, дать позволяется, но не болѣе 30-ти⁵⁸). — Если умереть жена, и возьмешь другую, и будетъ она не любить дѣтей отъ первой, осужденъ будешь на муку вѣчную и подобенъ коню, который отдалъ себя въ управленіе кобылѣ. — Кто хочетъ любить животь свой, и голову свою, и домъ свой, да хранить тайну царскую и друзей своихъ. Премудрость сказала: слышалъ тайну, да умереть съ тобою. Если же захотѣлъ кому передать, почитая его за добраго друга, то напрягъ стрѣлы съ *чемерью* и съ сѣрою горячею на главу свою и на домъ свой. Открывъ ее, будешь имѣть

двухъ враговъ: и въ томъ, отъ кого слышалъ, и въ томъ, кому повѣдалъ. Кто блюдетъ тайну, тотъ блюдетъ и свою голову. — Снамъ не вѣрьте, братья и чада. Кто вѣруеть снамъ, тотъ погибъ: многіе святые мужи тѣмъ себя погубили. Исусъ Сирахъ говоритъ: кто можетъ за тѣню свою или за вѣтромъ угнаться, тотъ сну вѣруй. — Если хочешь быть великъ передъ Богомъ и передъ человѣками, смирися. Ко всякому ласкайся, въ очи и за очи. Надъ кѣмъ смѣются, а ты хвали его. — Рабы, работайте, думая, что вы не человѣку работаете, но самому Богу. — Вѣдомо будь, что не пытаемо молитвенное мѣсто: Іеремія умолилъ Бога въ пропасти, три отрока въ пещи, Давидъ пророкъ во рву львиномъ, Іовъ на гноищи, Моисей на морѣ, разбойникъ на крестѣ: такъ и ты, гдѣ бы ни былъ, на морѣ, на пути, на торжищѣ, во всякомъ мѣстѣ или въ храмѣ, молись часто, и Богъ услышитъ тебя: Того бо есть земля и исполненіе ея, и на всякомъ мѣстѣ владн-
чествіе Его ⁵⁹).

Паремья о
Борисѣ и
Глѣбѣ.

Къ числу учительныхъ сочиненій, которыя Церковь наша возгласала въ храмахъ Руси, во времена междоусобій, принадлежать три паремья объ убіеніи стратотерпцевъ Бориса и Глѣба отъ Святополка. Онѣ встрѣчаются въ рукописяхъ XIV столѣтія подъ заглавіемъ: *чтенія отъ Бытія*; заимствованы сокращенно изъ лѣтописи Нестора, но съ нѣкоторыми прибавленіями. Такъ наприимѣръ, въ началѣ говорится: „Братья! въ бѣдахъ пособивы бывайте: мужъ безумный плещетъ руками и радуется о злѣбѣ, когда удручаетъ братьевъ своихъ; грѣхлюбоецъ радуется рати и кровопролитію: не добро ковать ковъ брату на брата. Горе душѣ твоей, поелику ты зло умыслилъ на праведныхъ братьевъ своихъ и сказалъ такъ: избію братьевъ своихъ и буду одинъ властителемъ на Руси, — не вѣдая, что мечъ на него поострится. Не помянулъ онъ Іоанна Богослова, обличающаго его: возлюбленіи! аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть; не любяи бо брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити?.. Вотъ окаянный Святополкъ и братьевъ своихъ возненавидѣлъ“... Послѣ разсказа объ убіеніи братьевъ въ паремьѣ говорится: „Стѣнамъ твоимъ, Вышгородъ, я устроилъ на весь день и на всю ночь стражей; они не уснутъ и не воздремлютъ, храня и утверждая отчину свою, Русскую землю, отъ супостатовъ поганныхъ и отъ усобной рати: праведникъ и по смерти живъ есть. Кровь ихъ до кончины вѣка не перестанетъ вопіять къ Богу на беззаконнаго и гордаго Святополка, лучше скажу Поганополка, безглаваго звѣря“... ⁶⁰).

Лѣтописи
XIII вѣка.

Лѣтописи XIII вѣка — также памятники словесности, современные самому столѣтію. Имена лѣтописцевъ столь же рѣдко встрѣчаются, какъ въ XI и XII столѣтіяхъ. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1230 годомъ упоминаетъ о себѣ Тимошей пономарь. Въ другой рукописи вмѣсто Тимоея стоитъ имя попа Іоанна. Явно, что оба они были переписчики и что каждый особо вписалъ свое имя ⁶¹). Замѣтимъ слѣды времени существованія лѣтописцевъ и слѣды очевиднаго или по

слуху свидѣтельства. Въ Воскресенскомъ спискѣ лѣтописи есть мѣсто, изъ котораго видно, что первый издатель онаго жилъ въ самомъ началѣ XIII вѣка, судя по именамъ Византійскихъ императоровъ, ему современныхъ, до которыхъ онъ доводитъ свое повѣствованіе⁶³). Въ 1227 году лѣтописецъ былъ во Владимірѣ при ставленіи въ епископы игумена Митрофана митрополитомъ Кирилломъ и четырьмя епископами, въ присутствіи великаго князя Георгія Всеволодовича и дѣтей его, братьевъ его Святослава и Іоанна, и всѣхъ бояръ и множества народа: онъ называетъ это зрѣлище дивнымъ и преславнымъ⁶³). Всѣ подробности разрушеній, какія произведены были въ разныхъ городахъ землетрясеніемъ 1230 года, рассказаны со словъ самовидцевъ: „такъ слышавомъ у самовидѣвъ, бывшихъ тамо въ то время“. Тоже самое прибавляетъ лѣтописецъ, говоря о знаменіяхъ небесныхъ, видѣнныхъ въ Кіевѣ: „такъ сказала намъ самовидци, бывши тамъ“⁶⁴). Ужасныя дѣйствія голода, въ томъ же году посѣтившаго Новгородъ, переданы со всѣми подробностями очевидца и должны принадлежать Новгородцу. „Начали мы покупать хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадъ по 20 гривенъ, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшеница по 50, а овса по 13 гривенъ, и разошелся городъ нашъ и волость наша, и полны были чужіе города и страны братій нашихъ и сестеръ, а остальные начали умирать, и кто не прослезится о семъ, видя мертвецовъ, по улицамъ лежащихъ, и младенцевъ, псами изъѣдаемыхъ? И вложилъ Богъ въ сердце архіепископу Спиридону сотворить благое: онъ поставилъ скудельницу у Святыхъ Апостолъ, въ ямѣ, на Прусской улицѣ и приставилъ къ ней мужа добраго и смиреннаго, по имени Станилу, который объѣзжалъ городъ на коняхъ, возилъ въ яму мертвецовъ и наполнилъ ее до верха: мертвыхъ въ ней было 3030... Что сказать о бывшей на насъ отъ Бога казни? Простолюдины рѣзали живыхъ людей и ѣли, иные обрѣзывали мясо съ труповъ, другіе ѣли конину, псину, кошекъ: кормились мхомъ, сосною, корою липовой, листовъ, кто чѣмъ могъ. Злые люди стали зажигать дома, гдѣ чуяли рожь, и грабили имѣніе. Мертвецы лежали по улицамъ, по торгу, по мосту по великому: псы ихъ ѣли. Поставили еще двѣ скудельницы, и тѣ всѣ наполнились: мертвыхъ было въ нихъ безъ числа. Видя все это передъ глазами, мы бы должны были дѣлаться лучшими, а становились хуже: братъ не жалѣлъ о братѣ, ни отецъ о сынѣ, ни мать о дочери; сосѣдъ сосѣду не уломлялъ хлѣба; не было милости между нами, но была туга и печаль. На улицѣ скорбь другъ съ другомъ; дома тоска, при видѣ дѣтей, съ плачемъ просившихъ хлѣба или умиравшихъ. Покупали мы хлѣбъ по гривнѣ и больше, а ржи 4-ю часть кади по гривнѣ серебра, и отдавали отцы и матери дѣтей своихъ гостямъ изъ хлѣба. Это горе было не въ одной нашей землѣ, но и во всей области Русской кромѣ Кіева, и такъ Богъ воздалъ по дѣламъ нашимъ“.

Лѣтописецъ, подъ 1231 годомъ пишущій похвалу Кириллу, Епископу Ростовскому, явнымъ образомъ находился въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ и пользо-

вался его ученіемъ. — Съ вѣроятностію можно тоже предположить о похвалѣ, которая подъ 1238 годомъ касается Ростовскаго князя Василька Константиновича, особливо по инымъ спискамъ лѣтописи: „Быль лицемъ прекрасенъ, очами свѣтелъ, грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловахъ проворенъ, сердцемъ легокъ, а кто ему служилъ, а хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, тотъ за его любовь никакъ не могъ у инаго князя быть и служить, — такъ онъ любилъ слугъ своихъ“...⁶⁵⁾ Приступая къ описанію жизни и подвиговъ Александра Невскаго, лѣтописецъ говоритъ, что онъ слышалъ все это отъ отцевъ своихъ и самъ былъ свидѣтелемъ его возрасту, а разсказавъ о побѣдѣ его при Невѣ и о шести храбрыхъ витязяхъ, которые были съ нимъ (Гаврило Олексичъ, Сбыславъ Якуновичъ, Яковъ Полочанинъ, Миша, Сава и Ратмиръ), прибавляетъ, что все это онъ слышалъ отъ самого господина своего великаго князя Александра и другихъ, которые въ той самой битвѣ находились.

На описаніяхъ нашествія Татарскаго живы, по большей части, слѣды впечатлѣній, принятыхъ очевидцами: такъ особенно это замѣтно подъ 1240 годомъ, гдѣ говорится о томъ, какъ Батый осадилъ Кіевъ. „Нельзя было въ городѣ разговаривая слышать другъ друга, отъ скрыпа телѣгъ, рева верблюдовъ, отъ звука трубъ и органовъ, отъ ржанія конскихъ стадъ, отъ клича и вопля безчисленныхъ человѣкъ: вся земля была наполнена Татарами“.

Не смотря на то, что лѣтописи XIII вѣка несутъ на себѣ характеръ удѣльнаго періода и занимаются подробностями, относящимися къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ составлены отдѣльные ихъ списки, все важнѣйшія событія Татарскаго нашествія, объемлющія и несчастія отечества, и подвиги самоотверженія, разсказаны почти одинаково во всѣхъ возможныхъ спискахъ. Таковы: самое первое впечатлѣніе ужаса отъ Татаръ, битва при Калкѣ, нашествіе Батыя, взятіе Рязани, Москвы, Владиміра, подвигъ Владимірскаго епископа Митрофана, упорная осада Козельска, битва при Сити, кончина Георгія Всеволодовича и Василька Константиновича, осада и взятіе Кіева, мученическіе подвиги Михаила Черниговскаго съ бояриномъ Феодоромъ и Романа Рязанскаго. Нѣкоторые частные подвиги противъ Татаръ, какъ напримѣръ, Евпраксія Рязанской, Евпатія Коловрата, Меркурія Смоленскаго, описаны не вездѣ съ равною подробностію. Но главныя событія, помянутыя выше, записаны вездѣ, записаны даже въ лѣтописи Новгорода, который болѣе, чѣмъ другіе города, отторгался отъ Русскаго единства. Также слѣдуетъ сказать о подвигахъ Александра Невскаго, этого единственнаго героя силы въ XIII вѣкѣ, надежды отечества, на которомъ отдыхаетъ сердце Русское, истерзанное его бѣдствіями. И они, какъ событія славы, записаны одинаково повсюду, въ слѣдъ за событіями горя и страданія. Въ словѣ лѣтописей мысль. Вѣры и чувство любви къ землѣ Русской, водившія перомъ лѣтописцевъ, уготовляли желанное освобожденіе отъ тяжкаго ига и будущее единеніе земли въ одну

державу несокрушимую. Переписываніе и чтеніе этихъ страницъ, облитыхъ нерѣдко слезами и смягченныхъ молитвою, конечно, приняло не малое участіе въ избавленіи Россіи.

Замѣтимъ черты образованности и начитанности въ нашихъ лѣтописяхъ. Но начнемъ съ черты противной, съ черты признанія въ невѣжествѣ. Новгородскій лѣтописецъ, говоря о первомъ нашествіи Татаръ, такъ выражается: „Богъ одинъ вѣдаетъ, кто они и откуда вышли; премудрые мужи, кто книги разумѣтъ, знаютъ ихъ хорошо; мы же ихъ не знаемъ, кто они, но здѣсь вписали объ нихъ памяти ради Русскихъ князей, и бѣдъ, которыя имъ были отъ нихъ“. Волынскій лѣтописецъ подь 1233 годовъ приводитъ изъ Гомера слова о лести: „О злая лесь! до обличенія сладка она, обличенная же зла: кто въ ней ходитъ, конецъ злой приметь. Злѣе зла это зло!“ Въ другомъ мѣстѣ ссылается онъ на хронографъ⁶³). Вообще должно замѣтить, что Волынскій лѣтописецъ болѣе оживляетъ свое повѣствованіе поэзією: битвы Даниила и Василька съ Ростиславомъ подь перомъ его весьма живописны. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи подь 1248 годовъ встрѣчается преданіе о войнѣ царя Батя съ Венгерскимъ королемъ Владиславомъ, какъ Батый осадилъ Варадинъ и плѣнилъ сестру Владислава, которая потомъ уже помогала врагу противъ брата, какъ, наконецъ, Владиславъ убилъ царя Батя и съ нимъ измѣнницу сестру свою. Это преданіе, конечно, заимствовано изъ исторіи племенъ Славянскихъ. Здѣсь же упоминается о томъ, что Угры прежде были православными, принявъ крещеніе отъ Грековъ, что потомъ, по недостатку своей грамоты, перешли къ Римлянамъ и что Святый Савва, архіепископъ Сербскій, обратилъ короля Владислава снова къ православію, но не явно, а тайно, изъ боязни возстанія народнаго⁶⁷).

Личность лѣтописцевъ, вмѣстѣ съ именами ихъ, скрывается въ общемъ духѣ историческаго сказанія. Они позволяютъ себѣ чувство, размышленіе, укоръ, совъѣтъ, но не отъ лица своего, а въ силу того общаго начала, которое и тогда уже составляло основу Русской жизни. Иногда чувство Русскаго, повѣствующаго о бѣдствіяхъ отечества, вырывается простымъ, но сильнымъ воплемъ: „Да кто. отцы, братья и дѣти, видя это Божіе поущеніе на всю Русскую землю, изъ насъ не плачется? кто остался въ живыхъ? О если бы мы это видя утрашилися, и восплакали бы о грѣхахъ своихъ день и ночь, забывъ про имѣніе и ненависть братскую!“⁶⁸) Лѣтописецъ южный, болѣе страстный, чѣмъ сѣверные, рассказывая объ униженіяхъ, которыя переноситъ Данииль, сынъ славнаго Романа, въ ордѣ Батыевой, какъ пьетъ вумысь и зовется отъ Батя Татаринкомъ, глубоко чувствуетъ обиду земли своей и не можетъ удержаться отъ восклицанія: „О злѣе зла честь Татарская! Данииль Романовичъ, князь бывшій великимъ, обладавшій Русскою землею, Кіевомъ, Владимиромъ и Галичемъ. нынѣ сидитъ на колѣняхъ, называется холопомъ, дани отъ него хотятъ, живота не чають, грѣзы на него при-

ходятъ. О злая честь Татарская! Его же отецъ былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ землю Половецкую, воевалъ на инныя страны, а сынъ не пріялъ его чести: то иной кто можетъ пріять?... Когда пришелъ онъ опять въ свою землю, братъ и сыновья его встрѣтили и былъ *плачь обидѣ ея*“...⁶⁹⁾.

Лѣтописцы сѣверные, менѣ чувствительные къ обидѣ, предаются важнымъ благочестивымъ размышленіямъ, соединеннымъ съ укорами. „Се наводитъ на насъ Богъ, веля намъ имѣть покаянне и вспрануть отъ грѣховъ нашихъ... Богъ казнить рабовъ своихъ ненастыми различными: огнемъ, водою, ратью, смертью внезапною: такъ и подобаетъ христіанамъ многими напастями и скорбями внити въ царство небесное, если съ благодареньемъ примуть напасти“. — „Богъ, видя наши беззаконія, братоненавидѣніе, зависть, видя какъ мы, присягая во лжи, скверными устами цѣлуемъ тотъ крестъ, котораго Ангелы зрѣть не могутъ, а многоочитые крылами закрываются, — наводитъ поганыхъ на насъ: они землю нашу опустошили, и мы сами, не блюдя ничего, безъ милости истерали власть свою“. — „Грѣховъ ради нашихъ, Богъ попустилъ на насъ поганыхъ: по гнѣву Своему наводитъ иноплеменниковъ на землю... Усобная рать бываетъ отъ дьявола, Богъ же не хочетъ зла въ челоуѣкахъ, а дьяволъ радуется злему убійству и кровопролитію. Землѣ же, которой либо согрѣшившей, Богъ казнить ее смертію или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ, или дождемъ сильнымъ, или казнями иными“... — „Братія, за грѣхи наши казнить насъ Богъ, и отъялъ у насъ мужей добрыхъ, чтобы мы покаялись. Писаніе говоритъ: дивное оружіе молитва и постъ, и паки: милостыня, совокупленная съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ челоуѣка... А мы хотимъ съѣсть завистью братъ брата, другъ друга. Цѣлуемъ крестъ и преступаемъ его, не вѣдая, какова сила крестная: крестомъ побѣждены бѣсовскія силы, крестъ князьямъ пособляетъ въ браняхъ, крестомъ ограждаемые вѣрные люди побѣждаютъ сопротивныхъ“...⁷⁰⁾.

Разказавъ мученическій подвигъ князя Рязанскаго Романа, лѣтописецъ съ такимъ совѣтомъ обращается къ князьямъ Русскимъ: „О возлюбленные князья Русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего: она хуже паутины, измѣняется ежечасно, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ исчезаетъ, какъ сонъ она вся: вы не принесли на этотъ свѣтъ ничего, ни отнести съ него что можете: наги вышли изъ чрева своей матери, наги и отойдете. Не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ сродниковъ вашихъ, ихъ же Ангелы видятъ лице Отца вашего небеснаго. Возлюбите истинную правду и смиреніе, долготерпѣніе, чистоту, любовь и милость, да радость Святыхъ исполнится“⁷¹⁾.

Въ „Русскомъ Временникѣ“, по случаю описанія нашествія Батяи подъ 1240 годомъ, встрѣчается весьма краснорѣчивое отступленіе, въ которомъ мрачными

красками изображены бѣдствія Русской земли, и передъ этимъ зрѣлищемъ вся природа плачетъ, и „плачетъ общая наша мать земля, какъ чадолюбивая мать плотская, и стена говоритъ: Сыны, сыны Русскіе! за чѣмъ ходили вы предъ Господомъ Богомъ, сотворившимъ васъ, въ похотяхъ сердець вашихъ? или не слышали пророка Господня говорящаго: аще хотите и послушаете мене, благая земли свѣсте; аще ли не хотите, ни послушаете мене, оружіе васъ поястъ: уста Господни глаголали сіе. Чада мои, чада мои! прогнѣвали вы Господа своего, моего Творца и Бога! Вижу, какъ васъ отторгаютъ отъ нѣдръ моихъ, какъ праведнымъ судомъ Божиимъ впадаете въ немилостивыя руки поганыхъ; вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я же, безъ васъ, моихъ чадъ любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездѣтная. Но кого прежде мнѣ оплакивать? мужа ли? чадъ ли любимыхъ? Вдовство мое — опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа“. Плачь земли Русской заключается ея молитвою къ Господу, „да утолятъ праведный гнѣвъ свой и *возвратитъ плънненныхъ во свояси*“, и къ этой молитвѣ присоединяется молитва всѣхъ православныхъ, чтобы Господь избавилъ насъ отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваровъ и укрѣпилъ на нихъ православныхъ царей нашихъ. — Заключеніе показываетъ, что это есть позднѣйшее распространеніе какого нибудь отголоска лѣтописи, современнаго событіямъ XIII вѣка.

Скорбь объ отечествѣ, покаяніе и молитва даютъ главное содержаніе и силу Русскому слову въ XIII вѣкѣ: оно не обильно, но значительно. Пораженный вышними бѣдствіями, избранный Русскій человекъ того времени все болѣе и болѣе уходилъ въ самого себя и здѣсь, внутренними слезами омывая бѣды родной земли своей, воспитывалъ въ себѣ тѣ духовныя силы, которыя возрасли послѣ и уже въ слѣдующемъ вѣкѣ, обильно развиваясь, уготовляли славное освобожденіе отечества.

Житія святыхъ мужей, жившихъ въ XIII столѣтіи, тѣмъ особенно примѣ- Житія Свя-
тыхъ.
чательны, что въ нихъ число мірянъ почти превышаетъ число духовныхъ. Это объясняется несчастнымъ временемъ Татарскаго ига, въ началѣ котораго первыми подвижниками за Вѣру и отечество должны были явиться Бнязья и Витязи. Многія изъ этихъ Житій сложены въ томъ же столѣтіи и внесены въ лѣтопись: другія появились въ XIV, XV и даже XVI столѣтіяхъ уже въ подробнѣйшемъ изложеніи. Но мы рѣшились, при изученіи этихъ многообильныхъ памятниковъ нашей древней Словесности, слѣдовать не времени, когда Житія написаны, а времени тѣхъ святыхъ мужей, которыхъ жизнь послужила для нихъ предметомъ. На это двѣ причины: первая та, что устные преданія, служившія для составленія Житій, раждались современно святому мужу, котораго касались; вторая, что подробности, извлекаемыя изъ Житій, раскрывая намъ внутреннюю сторону народной жизни, въ порядкѣ времени особенно любопытны на своемъ

мѣстѣ, живѣе обрисовываютъ каждый вѣкъ и тѣмъ восполняютъ недостатки лѣтописей, которыя этой стороны, по большей части, чуждаются.

Герои отечества.

Первое мѣсто въ ряду святыхъ мужей XIII столѣтія занимаютъ герои, дѣйствовавшіе противъ Татаръ мечемъ и мученическимъ терпѣніемъ. Первымъ является Меркурій, Смоленскій витязь и чудотворецъ; онъ родомъ былъ Римлянинъ, но православнаго исповѣданія; Богоматерь отъ иконы своей позвала его на подвигъ противъ Татаръ. На долгомъ мосту, передъ Смоленскомъ, сражался онъ съ ними; сначала поразилъ онъ какого-то исполина Татарскаго, а потомъ и цѣлыя полчища враговъ. Ему помогали святые молніеносные мужи и сама Богоматерь солнцеобразная. Эту воздушную рать видѣли Татары. Но по совершеніи побѣды, судъ божій, т. е. смерть постигла и Меркурія. Онъ утомленный преклонилъ сномъ голову, и сынъ исполина, имъ убитаго, ему отсѣкъ ее. Меркурій взялъ голову и принесъ ее въ городъ. Исповѣдавъ событіе передъ изумленнымъ народомъ, онъ возлегъ въ Смоленскѣ и особеннымъ явленіемъ приказалъ, чтобы оружіе его было повѣшено надъ его гробомъ⁷³).—Подвиги Юрія Всеволодовича, основателя Нижняго Новгорода, положившаго голову свою за отечество на берегахъ Сити, и Василька Константиновича Ростовскаго, въ плѣну не измѣнивашаго вѣрѣ и пріявшаго конецъ мученика, записаны въ лѣтописяхъ подъ 1237 годомъ, но встрѣчаются и отдѣльно писанныя⁷³).—Константинъ Всеволодовичъ и Василій Всеволодовичъ, строитель трехъ церквей въ Ярославлѣ, также пали жертвами Татарскаго нашествія⁷⁴).—Повѣсть о святыхъ мученикахъ, о великомъ Князѣ Михаилѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ и о бояринѣ его Ѳеодорѣ, вкупѣ пострадавшихъ, составлена, конечно, современникомъ, судя по подробностямъ, которыя оправдываются свидѣтельствомъ Римскаго миссіонера ПIANO-КАРПИНИ, очевидца событію. Она вставлена однако въ позднѣйшіе сборники лѣтописей⁷⁵) подъ 1246 годомъ.—Страданіе подражателя Михаилова, В. Князя Романа Олеговича Рязанскаго, встрѣчается въ лѣтописи подъ 1270 годомъ⁷⁶).

Святые по жизни.

Другой Романъ Владиміровичъ, Князь Углицкій, скончавшійся въ 1285 году, прославился святостію жизни. Мощи его свидѣтельствовали въ 1605 году Митрополитъ Казанскій Гермогенъ, при Патріархѣ Іовѣ. Стихиры и каноны ему сложены тщаніемъ и трудами Воеводы Симеона Романовича Олферьева да инока Переславскаго Данилова монастыря Сергія. Житіе съ чудесами, писанное при открытіи мощей, погибло въ разореніи отъ Литвы города Углича⁷⁷).

Прекрасная дочь Михаила Евфросинія Суздальская, украшеніе Суздальской обители положенія ризъ Богоматери во Влахернѣ, жила также въ этомъ столѣтіи. Благоуханіе, внезапно наполнившее домъ ея родителей, просившихъ у Бога дѣтей, и видѣніе во снѣ прекрасной голубки, добровольно летѣвшей въ ихъ руки, предсказали Михаилу и женѣ его рожденіе необыкновенной дочери Ѳеодуліи. Рано обрѣкши себя Богу, она не пренебрегала и земными науками, какъ гово-

рится о ней въ житіи: изучала грамматику, риторику; философію, науку числа и мѣры. Далеко шла о ней молва по землѣ Русской: многіе Князья желали руки ея. Мина, Князь Суздальскій, былъ обрученъ съ Θεодулією; но когда она прибыла въ Суздаль, не стало жениха ея, и она обручилась жениху небесному, и осталась навсегда, подъ именемъ Евфросиніи, въ женской Суздальской обители Ризъ положенія, которая была основана еще прежде въ 1207 году. Своимъ словомъ Евфросинія насаждала и укрѣпляла духовную жизнь въ обители. Своими молитвами спасла ее отъ нашествія Батя. Когда отецъ ея Михаилъ Всеволодовичъ, собирався въ орду къ Хану, колебался въ нерѣшимости, уступить ли обычаямъ Татарскимъ и поклониться огню, кусту и поганымъ идоламъ у ставки Хана, — дочь его, по словамъ Житія, убѣдительнымъ письмомъ укрѣпила въ душѣ отца волю его на мученической подвигъ. Духовные образцы Антонія и Θεодосія, основателей Киевопечерской обители, одушевили ее для подвиговъ въ монастырѣ, гдѣ кончила она жизнь въ санѣ игуменіи. Преданіе сохранило ея Русскій отвѣтъ одному богатому челоуѣку, который, видя ее въ одеждѣ разодранной и ветхой, принесъ ей новую. Не принявъ дара, она сказала: „рыба на стужѣ, засыпанная снѣгомъ, не смердитъ и не покрывается червями, но сладка бываетъ въ пищу; такъ и мы черноризцы, мужскаго и женскаго полу, если зимою страдаемъ и потерпимъ, то Христу будемъ сладость въ вѣчную жизнь“. Отецъ ея Михаилъ, съ вѣрнымъ бояриномъ своимъ Θεодоромъ, явился къ ней въ бѣлыхъ ризахъ передъ самою ея кончиною и призвалъ ее на вѣчное и радостное свиданіе. Григорій, монахъ Суздальскаго же Спасо-Евфиміева монастыря, написалъ житіе Евфросиніи въ половинѣ XVI вѣка по преданіямъ, какія слышалъ онъ изъ устъ инокинь ея обители⁷⁸⁾, и сложилъ ей канонъ: Суздальскій епископъ Варлаамъ около 1580 года поднесъ и житіе, и канонъ Царю Іоанну Васильевичу.

Житіе Св. Александра Невскаго, какъ читается оно въ лѣтописяхъ, носитъ на себѣ слѣды происхожденія современнаго. Но болѣе подробное и отдѣльное житіе святаго принадлежитъ иноку Михаилу, который сочинилъ его около 1547 года⁷⁹⁾. Въ жизни этого Святаго Князя и дѣйствійхъ на пользу отечества, можно сказать, выразились впервые душа, сила и разумъ Князей Московскихъ — и отъ него могли только произойти будущіе освободители и собиратели отечества.

Даніиль Александровичъ, сынъ Невскаго, глава Князей Московскихъ, первый началъ храбрую борьбу съ Татарами у Рязани и у Переяславля Рязанскаго. Онъ основалъ въ Москвѣ обитель во имя Св. Даніила Столпника, гдѣ и самъ постригся. Обитель перенесена была въ Кремль на княжескій дворъ Калитю, а при Іоаннѣ III утвердилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится и куда при Царѣ Алексѣй перенесено было и тѣло Даніилово. Потомки Даніила, начиная съ Іоанна III, чтили его память. При патріархѣ Іовѣ сложены были стихиры и канонъ святому трудами Симеона Романовича Олферьева да инока Переслав-

скаго Данилова монастыря Сергія. Когда составлено житіе, неизвѣстно: вѣроятно, въ 1652 году, при Патріархѣ Никонѣ, когда мощи святаго перенесены были въ самый монастырь, въ храмъ святыхъ отецъ семи вселенскихъ соборовъ⁸⁰). Церковь величала Данила заступникомъ и забраломъ земли Русской, великимъ поборникомъ города его Москвы и просила его, чтобы онъ молитвами своими утверждалъ миръ, любовь и здравіе во всѣхъ домахъ ея.

Два Феодора въ Князьяхъ Русскихъ прославились святостью жизни: Феодоръ Ярославичъ, Князь Новгородскій, и Феодоръ Ростиславичъ, по прозванію Черный, Князь Смоленскій и Ярославскій, съ своими дѣтьми Давидомъ и Константиномъ. Житіе сего послѣдняго было составлено Антоніемъ, іеромонахомъ Спасо-Ярославскаго монастыря, при Великомъ Князѣ Иванѣ⁸¹) Васильевичѣ и сынѣ его Иванѣ Ивановичѣ. Феодоръ имѣлъ второю женою дочь Татарскаго Хана, но обратилъ ее еще до брака въ Христіанство. Въ житіи его замѣчательнъ разсказъ о предсмертномъ его постриженіи въ схиму, когда князь велѣлъ проводить себя въ монастырь святаго Спаса. Это было въ 1299 году. Сентября 18-го, въ пятницу, въ три часа дня, ударили во всѣ колокола на дворѣ у Святой Богородицы, и стекся весь городъ на княжой дворъ, отъ малаго возраста и до великаго, мужескій полъ и женскій, и до грудныхъ младенцевъ. Князя понесли отъ сѣней и несли черезъ весь городъ къ монастырю святаго Спаса, и былъ во всемъ народѣ плачъ неутѣшный. Не слышно было голоса поющихъ отъ вопля и крика людей: всѣмъ была общая скорбь. Когда же принесли его въ монастырь къ святому Спасу и поставили въ притворѣ церковномъ, началъ игумень вопрошать по обычаю: „что пришелъ, братъ? или припадаешь къ святому жертвеннику и къ святой дружинѣ сей“? И потомъ: „или желаешь сподобиться ангельскаго образа“? Блаженный, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „радъ всею душою, Владыка и Творецъ мой, работать Тебѣ во всемъ житіи семъ“, и потомъ прибавилъ, обращаясь къ игумну: „да, честный отче“, и со всѣмъ смиреніемъ и покорностью далъ обѣтъ постриженія, и благодарилъ Бога за то, что сподобилъ его такого дара, какого желалъ издавна. Потомъ понесли его на дворъ къ игумну, и онъ пробылъ тутъ цѣлый день, исповѣдываясь предъ всѣми въ грѣхахъ своихъ, благословляя и прощая тѣхъ, которые противъ него согрѣшили. Во всемъ повинился онъ передъ Богомъ и передъ всѣми человѣками, а потомъ призвалъ свою Княгиню и дѣтей, говорилъ имъ о любви, училъ и наказывалъ, чтобы пребывали въ единствѣ мира и любви. „Дѣти мои, сказалъ онъ, если кто изъ васъ слово мое соблюдетъ, благословеніе мое да пребудетъ на немъ; если же кто не соблюдетъ слова моего и не послушаетъ наказанія моего, благословеніе мое удалится отъ него“. Потомъ былъ вечеръ и настала четвертый часъ ночи: онъ началъ изнемогать и скорбѣть; призвалъ игумна, братію, и повелѣлъ постричь себя въ схиму, и далъ обѣтъ Богу съ великою вѣрою и любовію душевною. Постригшись въ схиму, всѣхъ тутъ

бывшихъ цѣлуя благословилъ и простилъ, а потомъ всѣмъ приказалъ выйти вонъ, кромѣ игумена и немногихъ изъ братіи. Время приспѣло звонить къ заутрени и, когда начинали третью славу псалтири, онъ изнемогъ до конца и, знаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ, передалъ душу свою въ руки Божіи“.

Житіе Муромскаго Князя Петра и супруги его Февроніи носятъ на себѣ слѣды устныхъ преданій народныхъ, которыя собраны неизвѣстно кѣмъ и когда. Въ одномъ сборникѣ сочинитель названъ монахомъ Эразмомъ. Февронія была дочь крестьянина, древолазца. Муромскій Князь Петръ искалъ врачей въ землѣ Рязанской для излѣченія отъ струповъ, которыми покрылъ его тѣло змѣй, имъ убитый. Юноша изъ свиты Князя вошелъ въ одну избу села Сласкова: въ ней сидѣла дѣвица за ткацкимъ станомъ и ткала красна. На вопросы юноши дѣвица говорила загадками: не хорошо быть дому безъ ушей, а хранинѣ безъ очей. — Отецъ и мать ея пошли взаимно плакать, а братъ пошелъ черезъ ноги въ мертвецъ смотрѣть. На вопросы юноши: что значуть эти рѣчи? — дѣвица такъ объяснила ихъ: уши дому — песь, очи хранинѣ — ребенокъ; отецъ и мать ея пошли на погребеніе о мертвомъ плакать: это *заимоданный* плачь; братъ пошелъ съ дерева медъ снимать: это значить съ высоты въ землю на мертвецовъ смотрѣть; легко сорваться и жизнь потерять. — Юноша передалъ отвѣты дѣвицы Князю. Онъ удивился ея разуму. Февронія исцѣлила Князя отъ струповъ. Передъ исцѣленіемъ Князь посылаетъ ей льну и поручаетъ соткать ему сорочку, порты и полотенце въ то время, какъ онъ пробудетъ въ банѣ. Февронія велитъ посланному отколотъ часть полѣна и просить Князя, чтобы онъ приготовилъ ей ткацкій станъ и все строеніе для тканья его полотна тѣмъ временемъ, какъ она очешетъ ленъ его.

Князь взялъ остроумную дѣву въ замужество; но боярныи города не захотѣли повиноваться Княгинѣ изъ крестьянокъ и послали мужьевъ своихъ къ Князю съ просьбою, чтобы онъ развелся съ женою. Князь не захотѣлъ нарушить Евангельскаго слова о бракѣ и предпочелъ покинуть лучше княженіе, чѣмъ жену. Они выѣхали оба изъ Мурома по Окѣ; но вскорѣ бояре, встревоженные внутренними смутами города, просили Князя, чтобы онъ снова возвратился къ нимъ на княженіе. Оба снискали любовь народную смиреніемъ и простотою жизни и, постригшись подъ именами Давида и Евфросиніи, скончались въ одинъ день и часъ, 25 Юня⁸²).

Житіе Петра, Царевича Ординскаго, по прозванію Берки, свидѣтельствуетъ, что силою Христовой вѣры мы въ XIII вѣкѣ уже дѣйствовали на своихъ поработителей — Татаръ. Въ Ордѣ, когда Епископъ Ростовскій Кирилль разсказывалъ Хану Беркаю о томъ, какъ Леонтій крестилъ Ростовскую землю, тогда слушалъ его племянникъ Хана, плѣнился Христіанствомъ, оставилъ все богатство отца своего и вмѣстѣ съ Епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ. Богослуженіе храма пресвятой Богородицы, гдѣ на лѣвомъ клиросѣ пѣли тогда по-

гречески, а на правомъ по-русски, поразило Татарскаго Царевича. Онъ молилъ Кирилла крестить его. Имъ основаны были впослѣдствіи храмъ во имя Петра и Павла на томъ мѣстѣ, гдѣ явились ему сами первоверховные Апостолы, и монастырь на берегу озера. Петръ былъ женатъ на Русской, одаренъ землею отъ Князя и по кончинѣ супруги, постригшись въ монахи, скончался въ глубокой старости, въ 1253 году. Потомки Петра спасали Ростовъ отъ грозы Татарскихъ Хановъ, напоминая имъ о родствѣ своемъ⁸³⁾.

Св. Довмонтъ, Князь Пскова, былъ родомъ Литвинъ и идолопоклонникъ: въ Псковѣ крестился онъ и нареченъ Тимошеемъ. Князь Дмитрій Александровичъ выдалъ за него дочь свою Марю. Вѣра и любовь породнили Довмонта съ Русскимъ народомъ. Онъ говорилъ Псковичамъ: „Братья мужи Псковичи, кто старъ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ мнѣ братъ. Слышалъ я про ваше мужество во всѣхъ странахъ. Вотъ предлежитъ намъ смерть и жизнь: братья, пойдемъ за святую Троицу, за святія церкви и за отечество“. Такими словами одушевлялъ онъ воиновъ и побѣждалъ Литву и Нѣмцевъ. Храбрый въ войнѣ, онъ былъ привѣтливъ въ мирѣ, украшалъ церкви, любилъ духовенство и нищихъ, праздники праздновалъ честно. Лѣтописецъ Псковскій вписалъ его подвиги подъ 1265—1272 годами Псковской лѣтописи, откуда перенесены были они и въ другія⁸⁴⁾. Супруга его Марья постриглась послѣ его кончины, преставилась въ 1300 г. и причтена также къ лику святыхъ. Тетка Довмонта Евпраксія, въ мирѣ Евфросинія, дочь Литовскаго Князя Рогволода и супруга Ярослава Владиміровича, княжившаго во Псковѣ, въ 1243 г. основала въ немъ женскій монастырь и была убита мученически своимъ пасынкомъ въ городѣ Медвѣжьѣ Голова⁸⁵⁾.

Къ числу духовныхъ лицъ, святою жизнію угодившихъ Богу въ XIII столѣтіи, принадлежитъ Антоній, Архіепископъ Новгородскій и Псковскій, кроткая, смиренная и покорная жертва Новгородцевъ, простиравшихъ буйное своеволие отъ Князей и на духовныхъ пастырей; Игнатій, Епископъ Ростовскій, примиритель междоусобій своей области; Василій, Епископъ Муромскій и потомъ Рязанскій, другая жертва несправедливыхъ подозрѣній жителей Мурома, чудно спасенный волнами Оки, соединяющей оба города и перенесшей Василія, а вмѣстѣ съ нимъ и престоль Епископскій изъ Мурома въ Рязань⁸⁶⁾; Кипріанъ, богатый земледѣлецъ, построившій монастырь Архангельскій въ Устюжской волости.

Особенною славою святости и чудесъ въ этомъ столѣтіи сіяетъ Варлаамъ, чудотворецъ Новгородскій, основатель и Игуменъ Хутынскаго монастыря. Житіе его сочинено было, по устнымъ преданіямъ, Пахоміемъ Логоветомъ, въ XV вѣкѣ, по повелѣнію и благословенію Новгородскаго Архіепископа Евфимія, открывающаго въ 1440 году мощи Преподобнаго Варлаама⁸⁷⁾. На сѣверѣ Россіи Варлаамъ, подобно предшественнику своему Антонію Римлянину, далъ образецъ иноческаго

житія, основавъ обитель на Хутынѣ, въ десяти верстахъ отъ Новгорода. Дѣйствіе святаго мужа на вольныхъ Новгородцевъ такъ было сильно, что однажды, встрѣтивъ на Волховскомъ мосту осужденнаго на сверженіе съ мѣсту, Варлаамъ однимъ словомъ выпросилъ у народа освобожденіе виновному отъ казни. Но въ другой разъ не хотѣлъ онъ въ подобномъ случаѣ вступить передъ народомъ за невинно осужденнаго, потому что прозрѣвалъ его невинность и зналъ, что, принявъ неправедную казнь, онъ приметъ отъ Бога и вѣнецъ мученика. Благоговѣніе къ памяти святаго до сихъ поръ такъ укоренилось въ народѣ, что въ день его смерти, 6-го Ноября, въ монастырѣ Хутынскомъ живетъ обычай не отказывать въ милостыни ни одному нищему, въ покоѣ ни одному страннику⁸⁸). Ученики Варлаама, Антоній Дымскій и Ксенофонтъ, сначала поочередно наслѣдовали ему на игуменствѣ, а потомъ основали свои обители, первый на озерѣ Дымскомъ, второй на рѣкѣ Робейкѣ. Третій ученикъ его Константинъ Косинскій основалъ монастырь Косинъ близъ Старой Русы⁸⁹).

Уроженецъ западныхъ странъ, нѣмецъ Латинской вѣры, купецъ богатый пріѣхалъ въ Новгородъ съ своими земляками и товарищами по торговлѣ: цѣлый корабль нагруженъ былъ его имѣніемъ и сокровищами. Но въ Новгородѣ не торговля плѣнила пришельца, а истинная православная Христова вѣра. Она сіяла въ мірѣ какъ солнце, говоритъ жизнеописаніе Проконія Устюжскаго, и плѣнила его церковнымъ украшеніемъ, поклоненіемъ святымъ иконамъ, звономъ великимъ, святымъ пѣніемъ и чтеніемъ книгъ святыхъ, множествомъ обителей окружавшихъ Новгородъ. Проконій возлюбилъ Новгородъ и его вѣру православную. Ходя по монастырямъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ себѣ наставника въ Варлаамѣ Хутынскомъ и принялъ отъ него истину Евангельскаго слова и крещеніе. Имѣніе отдалъ Проконій нищимъ и на украшеніе монастырскаго храма. Скоро слава пронеслась о немъ по всему Новгороду, но онъ укрылся отъ нея, принялъ на себя юродство, пошелъ на востокъ и черезъ многіе города и веси достигъ города Устюга. Здѣсь онъ выбралъ себѣ жилищемъ паперть соборной церкви Успенія Богоматери, а церковь была деревянная и превысокая. Зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью онъ былъ тутъ; ни въ чей домъ не входилъ онъ; о пищѣ и объ одеждѣ не заботился, добрые люди его кормили; но пищу онъ бралъ отъ бѣдныхъ, а не отъ богатыхъ. Разъ только, послѣ ужаснаго мороза, посѣтилъ онъ устюжскаго гражданина Сумеона, отца Стефана Пермскаго, и рассказалъ, какъ дивно вѣтвію Ангела онъ былъ согрѣтъ и избавленъ отъ смерти. Прозрѣніе бѣдствія тяготило юродиваго: онъ звалъ народъ къ покаянію и на паперти соборной, и по улицамъ города. Устюжане не слушались. Ужасныя тучи съ громомъ и бурей собрались на городъ. Жители пришли въ ужасъ, принесли всенародную молитву въ соборномъ храмѣ, покрыли своими лицами помость церковный. Съ народомъ вмѣстѣ молился и Проконій, поставляя себя, пришельца въ этой землѣ, виновни-

комъ гнѣва Божія. Тучи разсѣялись; но въ 20-ти верстахъ лѣсолонная буря разразилась каменнымъ градомъ надъ землею, гдѣ теперъ весь Котовальская.

Однажды трехлѣтняя дочь посадскаго человѣка, именемъ Марія, шла съ родителями своими мимо соборной церкви: народъ слушалъ въ тотъ часъ вечерню. Прокопій сошелъ съ церковной паперти, поклонился ей до земли и сказалъ во всеуслышаніе, что она будетъ матерью Стефана, просвѣтителя Перми. Онъ ходилъ въ ветхомъ, разодранномъ рубищѣ, которое спускалось съ его плеча, въ сапогахъ безъ подошвъ; по ночамъ, какъ будто сторожъ всей святыни города, обходилъ всѣ храмы Устюга и молился у каждаго изъ нихъ. Три кочерги нашивалъ онъ въ лѣвой рукѣ. Когда держалъ ихъ прямо, народъ видѣлъ въ этомъ предзнаменованіе изобилія; когда держалъ ихъ внизъ, предвидѣли скудость. Часто сиживалъ Прокопій на камнѣ у берега рѣки Сухоны, смотрѣлъ, какъ люди въ малыхъ лодочкахъ перевозились черезъ рѣку, и молился за нихъ, чтобы Господь даровалъ имъ тихое плаваніе. Полюбилъ онъ это мѣсто и просилъ народъ, чтобы по смерти погребли его тутъ и камень, на которомъ онъ сиживалъ, положили бы на его могилу.—Въ 1303 году Юля 8-го, отслуживъ заутреню, священники и діаконъ вышли изъ соборной церкви и съ удивленіемъ не замѣтили Прокопія, который не пропускалъ ни одной церковной службы. Три дня искали его по городу и нашли мертвое тѣло его у монастыря Архангела Михайла. Здѣсь, на концѣ моста, крестообразно сложивъ на груди руки, онъ заснулъ вѣчнымъ сномъ: люди изъ народа видѣли, что онъ самъ прочиталъ себѣ отходную молитву.—Житіе Прокопія слагалось въ теченіе столѣтій. Первое начало ему, какъ видно, положено было отцомъ Стефана Пермскаго⁹⁰⁾ Сумеономъ.

Святитель
Петръ. Житіе его.

Въ высшей духовной жизни Русскаго народа звеномъ, связующимъ XIII-е столѣтіе съ XIV-мъ, является Святый Петръ, первый Митрополитъ Московскій. Житіе его написано было въ концѣ слѣдующаго столѣтія однимъ изъ наслѣдниковъ его на престолѣ Московской Митрополіи Св. Кирианомъ⁹¹⁾. Волянь была родиною перваго Московскаго Святителя. Онъ вышелъ изъ семьи благочестивыхъ родителей: отецъ его назывался Феодоромъ; мать, нося его въ утробѣ своей, видѣла сонъ: ей казалось, что она держитъ на рукахъ своихъ агнца; передъ нею посреди горы выросло благолиственное дерево; цвѣты и плоды его покрывали; многія свѣчи горѣли на вѣтвяхъ; кругомъ разносилось благовоніе. Видѣніе предзнаменовало кротость и смиреніе перваго Святителя Московскаго и богатое духовными плодами Русской жизни древо Митрополіи Московской. Семи лѣтъ принялся онъ за грамоту; двѣнадцати вышелъ на подвиги монастырской жизни. Однимъ изъ любимыхъ его занятій было иконописаніе. Онъ писалъ Спасителя, Пречистую Его Матерь и лики Святыхъ. Когда кто лица любимыхъ помянетъ, отъ предмета любви къ слезамъ обращается: такъ и божественный Святитель отъ изображеній къ изображаемымъ возносился, а отъ нихъ къ доброй жизни и слезамъ обращался.

Игумень обители раздавалъ его иконы братіи и молељщикамъ, въ нее приходившимъ. Созрѣлъ Петръ и для своего подвига: оставилъ монастырь и на рѣкѣ Ратѣ обрѣлъ мѣсто безмолвное. Здѣсь воздвигъ онъ церковь во имя Христа Спасителя, поставилъ кельи для братіи, и скоро собралось около него немалое число инокѡвъ. Онъ былъ кротокъ нравомъ, молчаливъ, казался между братіею не старшимъ, а послѣднимъ изъ всѣхъ; никогда ни на кого не сердился, а съ тихостію училъ словомъ умильнымъ. Милосердіе же его было такое, что ни одинъ убогій, ни странникъ не отошелъ отъ него никогда съ пустыми руками. Тайно отъ братіи своей подавалъ нищимъ, помня слово: милующій нищаго Богу взаимы даетъ. Не было дать чего—давалъ свои иконы или сниматьъ съ себя власяницу. Князь Волынской земли и многіе вельможи узнали о жизни Петра. Митрополитъ Максимъ, перенесшій престолъ изъ Кіева во Владиміръ, посѣтилъ однажды Волынскую землю, поучая людей Божіихъ по преданному уставу. Божій человекъ Петръ вышелъ къ нему на встрѣчу съ своею братіею, принялъ благословеніе отъ Святителя и поднесъ ему икону Богоматери своего письма.

По смерти Максима нѣкто игумень Геронтій хотѣлъ восхитить санъ митрополитій и отправился къ Патріарху въ Константинополь, но буря на морѣ удержала его. Князь Волынской земли и другіе Князья, желая учредить у себя митрополию Галицкую на мѣсто Кіевской, отправили отъ себя Петра въ Царьградъ съ просительнымъ посланіемъ къ Патріарху. Море скоро и безопасно принесло его. Патріархъ Аѡанасій съ духовнымъ соборомъ возвелъ его на престолъ митрополіи Русской. Кипріанъ слышалъ въ Царьградѣ преданіе о томъ, какъ лице Петра въ то время просвѣтилось и какъ всѣ, сослужившіе Патріарху, смотря на Петра, пришли отъ того въ изумленіе. Аѡанасій, возлагая на него многотрудное дѣло, говорилъ ему: „Великій корабль Христосъ Богъ поручилъ тебѣ: наставляй его, управляй имъ и веди его къ пристанищу спасенія. Да не облѣнишься никогда, да не унынешь, да не отяготишься *великимъ попеченіемъ о величествѣ и множествѣ земли Русской!* Ты преемникъ служенія Апостоловъ: будь же имъ подражатель; будь ученикъ истинный Спасителя, да возможешь съ дерзновеніемъ во второе пришествіе его стать и воззвать: Господи! се азъ и дѣти, аже ми еси далъ!“

Святитель принялъ паству Русскую; началъ учить ее дѣятельно, переѣзжая съ мѣста на мѣсто; въ ученіи и правленіи обнаружилъ смиреніе, трудъ и кротость, вспоминая слова: въ сердцѣ кроткихъ почиетъ Богъ.

Скоро искушеніе встрѣтило Архипастыря церкви Русской. Епископъ Тверской Андрей, „легкій умою, легчайшій разумомъ“, оклеветалъ Петра доносомъ Патріарху. Созванъ былъ, по повелѣнію Патріарха, соборъ въ Переславлѣ Залѣскомъ; собрались духовные и Князья. Прочли доносъ къ Патріарху. Сильное волненіе обнаружилось на соборѣ. Кроткій ученикъ кроткаго Учителя, вспомнивъ

слова: вонзи ножъ въ ножны его, сказалъ, подражая Григорію Богослову: „Братія и чада о Христѣ возлюбленные! Не лучше же я Іоны пророка. Если изъ за меня это великое волненіе, изгоните меня изъ среды своей. Буря успокоится между вами: зачѣмъ же изъ за меня вамъ волноваться!“ Но волненіе было о томъ, чтобы найти клеветника, и когда онъ обнаружился передъ всѣми, и покрытъ былъ отъ всѣхъ срамомъ и униженіемъ, одинъ Петръ обратился къ нему съ словами утѣшенія: „Миръ тебѣ, о Христѣ чадо! Не ты сотворилъ это, но завистникъ изъ начала рода человѣческаго—діаволь. Ты же отнынѣ берегись лжи, а за прошлое да проститъ тебя Богъ“.

Святитель продолжалъ трудъ поученія по городамъ и по селамъ. Кротостью побѣдилъ онъ Хана Узбека въ Ордѣ и снискалъ подтвержденіе правъ Русскому духовенству. Какой-то еретикъ Сеить явился тогда противникомъ православной Вѣры: Петръ побѣдилъ его преніемъ.

Москва привлекла его къ себѣ, а въ ней — благоразумный Князь Иванъ Даниловичъ Калита. Благочестіе и любовь къ Москвѣ сблизили обоихъ узами дружбы. Перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву имѣло слѣдствіемъ и перенесеніе столицы. Святитель просилъ Князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богоматери и просьбу свою сопровождалъ такимъ пророчествомъ о Москвѣ: „Если ты меня послушаешь и храмъ Пречистой Богородицѣ воздвигнешь въ своемъ городѣ, то самъ прославишься паче иныхъ Князей, а сыновья и внуки твои въ родъ и родъ, и городъ сей славенъ будетъ во всѣхъ городахъ Русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и вздуютъ руки его на плеча враговъ его, и прославится Богъ въ немъ; еще и кости мои въ немъ положены будутъ“.

Князь послушался Святителя; началось строеніе храма; Петръ, предвидя скорую свою кончину, началъ своими руками копать себѣ гробъ близъ святаго жертвенника. Князь Иванъ рассказалъ ему сонъ: онъ видѣлъ гору высокую и на вершинѣ ея снѣгъ. Но вдругъ снѣгъ растаялъ и исчезъ. Петръ отвѣчалъ ему: „гора высокая — это ты, Князь; а снѣгъ — это я, смиренный. Миѣ прежде тебя отойти изъ этой жизни“.

Храмъ еще не былъ достроенъ, когда пришла кончина Святителя. Князя не было въ Москвѣ. 21-го Декабря 1326 года Святитель вошелъ во храмъ, принесъ молитву за Царей и Князей, за своего сына Князя Ивана, за все Христіанское множество всей земли Русской, помянуть умершихъ, причастился святыхъ таинъ, вышелъ изъ храма, призвалъ церковный причетъ, поучалъ его, пригласилъ старѣйшину города Протасія, въ лицѣ его простился съ отсутствовавшимъ Княземъ, благодарилъ за свое успокоеніе, обѣщалъ роду его могущество. отдалъ все свое имѣніе на совершеніе церкви, сказалъ миръ православнымъ и началъ пѣть вечерню. Молитва еще была на устахъ его, какъ душа оставила тѣло.

Святитель почиваетъ въ трехъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ скончался.

исправляя долгъ пастыря. У этой гробницы утвердилось единодержаніе государства Московскаго и Русскаго. Москва хранить его св. иконы, панагію⁹²⁾ и посохъ. Церковь, воспѣвая его кончину 21-го Декабря, взываетъ къ своему Святителю: радуйся, утвержденіе граду нашему!

Отъ многихъ поученій неутомимаго учителя паствы, о которыхъ говорить его житіе, поученій, вѣроятно, изустныхъ, по обычаю древней Россіи, осталось только одно письменное *Слово Игуменомъ, Попомъ и Діакономъ*. Все содержаніе его заключается въ самомъ простомъ, краткомъ и сильномъ изложеніи обязанностей каждаго пастыря Христова стада. „Да будетъ вамъ, дѣти, понятно, въ какомъ званіи вы поставлены Богомъ, какъ Апостолъ Павелъ пишетъ: въ какое званіе кто позванъ, въ томъ да пребываетъ. Вы же, дѣти, нареклись церковными стражами, пастухами овецъ словесныхъ, за нихъ же Христосъ спасительную кровь свою пролилъ. Будьте же, дѣти, пастухами истинными, а не наемниками, млеко снѣдая и волну снимая, а объ овцахъ не имѣя попеченія“⁹³⁾. Кротость и смиреніе учитель ставитъ въ числѣ первыхъ дѣлъ, какими подобаеъ прежде всего просвѣтиться Христову Пастырю. Въ этихъ словахъ поученія яснѣютъ и дѣло всей жизни, и внутренней образъ самого Святителя, предзнаменованные еще до рожденія его видѣніемъ агнца на рукахъ его матери.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ОДИННАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) См. Исторіи Русской Словесности преимущественно древней, Томъ I. Часть II, стран. 66 — 70.

2) Лавр. спис. Киевск. Лѣтоп. стран. 185. Того же лѣта ($\frac{6722}{1214}$) Князь Гюрги, сынъ Всеволожь, изведъ Симона игумена блаженнаго отъ Рождества Святя Богородица, и посла ѿ въ Киевъ къ митрополиту, и постави ѿ епископомъ Суждалю и Володимерю. — стран. 190. Въ лѣто 6734, мѣсяца мая въ 22 день, преставися блаженный и милостивый, учительный епископъ Симонъ Суждальскый и Володомерскый, постригъся въ скыму, и положено бысть честное тѣло его въ церкви святя Богородица въ Володимери.

3) См. Ист. Р. Слов. Т. I. Часть II, стран. 68 — 70.

4) Напечатано въ Памятникахъ Россійской словесности, изданныхъ К. Θ. Калайдовичемъ, подъ № XXI, стран. 249 подъ заглавіемъ: Посланіе смиреннаго Епископа Симона Владимерскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому, по двумъ спискамъ—Синодальному начала XVI вѣка и списку библиотеки Графа Толстова, писанному въ 1549 году. Это посланіе не находится въ древнѣйшемъ харатейномъ спискѣ Патерика 1406 года, судя по описанію его содержанія, напечатанному А. М. Кубаревымъ въ 9 № Чтеній Общества И. и

Д. Р. 1847. Этотъ списокъ Патерика, хотя и древнѣйшій, не есть однако лучшій.

5) Книга Степенная Ч. I, стран. 480. Егда же ли кто отъ простоты сердца, и грубостію невѣдѣнія божественныхъ писаній, или въ нѣкое прегрѣшеніе претянется, и таковіи отъ достовѣрнѣйшихъ и истинно вѣдущихъ божественное писаніе благоразсудными бесѣдами и посланными люботрудными друголюбезно и благомудренно другъ друга исправляху.

6) Якоже бо дождь растить сѣмя, тако и церкви влечеть душу на добрыя дѣла: все бо елико твориши въ келіи ни въ чтоже суть, аще и Псалтырь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ни единому Господи помилуй подобится съборному пѣнію. О сѣмь, брате, разумѣй, яко верховный Апостоль Петръ, самъ церкви сый Бога жива, егда ятъ бысть отъ Ирода и всажень въ темницу, не отъ церкви ли бывающа молитва избави отъ руку Иродову? Давыдъ бо молится глаголя: единого прошу у Господа и того възвущу, да живу въ дому Господнѣмъ вся дни живота моего, и да зрю красоты Господня и посѣщаю церковь святую его. Самъ же Господь глаголетъ: домъ мой, домъ молитвы наречется; идѣ же бо, рече, два или трие събрани во имя мое, ту есмь посреди ихъ. То аще толикъ зборъ болѣ ста сберется, вѣруй яко ту есть Богъ нашъ. Отъ того бо божественаго огня тѣхъ обѣдъ створяется, его же азъ желаю единою крупици паче всего суца иже предо мною.

7) „Но что пишетъ блаженный Іоаннъ иже въ Лѣствицѣ?“ — „Аще хоцещи вся увѣдати, почти Лѣтописца старого Ростовскаго, есть бо всѣхъ болѣ ѿ, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ, мню, близъ ѿ“. — „Аще ли кому невѣрно мнится се написаное, да почитетъ Житія святыхъ Отецъ нашихъ, Антонія и Феодосія, начальника Рускимъ мнихомъ, и тако да вѣруетъ“. — О Житіи Антонія говоритъ Симонъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя высчитаны въ статьѣ А. В. Кубарева: О Патерикѣ Печерскомъ, напечатанной въ 9-мъ № Чтеній Общества И. и Д. Р. 1847.

8) Исторія Россійская Татищева. Книга I Часть I стран. 58. „Сего времени (т. е. съ 1203 года по 1226), или мало прежде, видимъ, что Симонъ Епископъ въ Бѣлой Руси дополнялъ, ибо просто Русскіе или Малорусскіе и Червенскіе Руси или Волини дѣлъ весьма мало упоминается. Оной Симонъ Епископъ умеръ въ 1226. Сей Симонъ не токмо тщаніе къ Исторіи какъ гл. 5, н. 2 *), но къ тому потребный способъ имѣлъ, ибо жилъ во время любомудраго Государя Константина, котораго онъ хотя по враждѣ съ его защитникомъ Георгіемъ Ш нѣсколько неправо обвиняетъ, а Георгія выхваляетъ, однакожь Константина мудрымъ, кроткимъ и справедливымъ нарицаетъ. О его библиотекѣ великой и писаніи исторіи не умолчалъ, и въ учрежденіи училищъ хвалу приписываетъ. Сей его или съ него списокъ, однакожь довольно старъ видѣлъ я, и выписывалъ у Артемья Волинскаго, которой конченъ раззореніемъ Москвы отъ Токтамыша въ

*) Въ этомъ мѣстѣ Татищевъ говоритъ: «Равно тожь и съ Несторовою лѣтописью учинилось, что Могила, живши въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ предисловіи Патерика говоритъ: Несторово писаніе Рускихъ дѣяній чрезъ войны отдалися отъ насъ, почитай написалъ Симонъ Епископъ Суздальскій». — А выше на той же страницѣ: «Петръ Могила въ предисловіи Патерика листѣ 6 пишетъ о немъ: Несторъ инокъ Печерскаго монастыря первѣе дѣянія Руская описалъ, а Симонъ Епископъ въ предисловіи, какъ Кипріанъ сказуетъ, написалъ: хотя мнози писатели о Руссахъ преди Нестора быша, обаче ово отъ древности изказишася, ово погибоша и мало Константинъ улучи, и Нестору Сильвестръ Выдобожскій испозня сохранилъ».

1384 году: однакожь знатно, что въ тожь время и по другимъ мѣстамъ Историки были, и дѣла тѣхъ временъ описывали, понеже нѣкоторые списки во многомъ съ онымъ разнятся, и многія, чего онъ не зналъ, дѣла въ разныхъ лѣтописцахъ находятся, токмо о творцахъ неизвѣстно, яко Голицынской, видно, что сочиненъ на Воыни, Еропкина въ Полоцку, Хрущова въ Смоленскѣ, и единъ въ нижнемъ Новгородѣ; оный списокъ есть съ Новгородскаго*.

9) „Да слышитъ твое благоуміе глаголы моего *младоумія* и несовершенство смысла“, пишетъ онъ къ Акиндину. „Не увидеши въ святое и честное мѣсто, въ немъ же еси *остриглся*“, говоритъ ему Симонъ въ своемъ Посланіи.

10) „Чай отъ Бога милости: труда ради твоего двои двери dospѣлъ еси то святѣй величѣй церкви святыя Богородица Печерскія, и та отверзеть ти двери милости своя: ибо перен вопіють о таковѣхъ всегда въ той церкви: Господи, освяти любящая благолѣпіе дому Твоего, и ты прослави божественною силою Твоею“.

11) „Вземъ же Владимиръ (Мономахъ) едину святую Богородицу, и пошлавъ во градъ Ростовъ въ тамо сущую церковь, юже самъ созда, иже и до нынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ: сеже при мнѣ сотворися въ Ростовѣ, церкви той падшия, и та икона безъ вреда пребысть, и внесена бысть въ древнюю церковь яже изгорѣ отъ пожара; икона же та безъ вреда бысть, ни знаменія огненаго на себѣ имущи“. Эта икона и теперь находится въ Ростовской Соборной церкви. См. мою поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 69.

12) Вотъ слова, которыми Симонъ заключаетъ Житіе Аѳанасія затворника: „Тыжь, брате и сыну, симъ не послѣдуй: не тѣхъ бо ради пишу се, но да тебе приобретаю. Совѣтъ же ти даю благочестіемъ: утвердися во святѣмъ томъ монастыри Печерскомъ не восходи власти, ни игуменства, ни епископства, и довлѣеть ти къ спасенію, еже скончати жизнь свою въ немъ. Всѣи самъ, яко могу сязати всѣхъ книгъ подобная, уне ми и тебѣ полезное, еже отъ того божественаго и святаго монастыря Печерскаго содѣянная и слышанная отъ многихъ мало сказати о Христѣ Иисусѣ о Господѣ нашемъ“.

13) „Вопросилъ мя еси нѣкогда, веля ми сказати о тѣхъ черноризецъ содѣянная“. — „Тѣмъ же и азъ грѣшный Поликарпъ, твоей воли работая, державный Акиндине, напишу мало нѣчто о блаженомъ Григоріи чудотворцы“.

14) Второга посланія еже къ Архимариту Печерскому Акиндину о святыхъ и блаженныхъ черноризецъ братій нашихъ. Списано Поликарпомъ черноризцемъ того же монастыря Печерскаго.

15) „Древнихъ убо святыхъ подражающе мы грѣшніи писанію, еже они изъясниша и многимъ трудомъ взыскаша въ пустыняхъ, и горахъ, и пропастьхъ земныхъ, инѣхъ убо сами видѣвше, инѣхъ же слышавше житія и чудеса, и дѣлеса богоугодная преподобныхъ мужи написаша, инѣхъ же слышавше преже ихъ бывшихъ житія же и словеса и дѣянія, еже есть *Патерикъ печерскій* въ томъ сложше, сказаша о нихъ отцы, еже мы почитающе, наслаждаемся духовныхъ тѣхъ словесъ. Азъ же недостойный ни разума истинны не постигъ, и ничтоже отъ тѣхъ таковаго видѣхъ, но слышанію послѣдуя, еже ми сказа преподобный Симонъ и сія написахъ твоему отечеству, и нѣсмъ николиже обходилъ святыхъ мѣсть, ни Іерусалима видѣхъ, ни Синайскія горы, да быхъ что приложилъ къ повѣсти, якожь

обычай имуть хитрословесницы симъ краситися, мнѣжь да не буди похвалитися. Но токмо о святѣмъ семъ монастыри Печерскомъ, и въ немъ бывшихъ святыхъ черноризецъ, и тѣхъ житиємъ и чудесы ихъ же поминаю радуясь, желаю и азъ грѣшныи святыхъ тѣхъ отецъ молитвъ“.

16) „Аще повелить твое преподобство написати ихъ же ми умъ постигнуть и память принесть, аще ти непотребно будетъ, да сущимъ по насъ ползы ради оставимъ, якоже блаженный Несторъ въ Лѣтописцы написа о блаженныхъ отцѣхъ: о Дамиани и Еремїи, и Матѣеи, и Исакии. Въ Житїи же святаго Антонїя вся житїя ихъ вписана суть, аще вкратцѣ речена, но и паче прежереченїи черноризцы. ясно реку, а не втайнѣ, якоже и прежде. Аще бо азъ премолчу, отъ мене до конца забвена будутъ, и къ тому не помянутся имена ихъ, якоже было и до сего дни. Се же речеся въ еї лѣто твоего игуменства, еже небысть воспоминаенїя за ѿ и 3 лѣтъ, нынѣ же твоя ради любве и утаеная слышана быша“.

17) Въ лѣто 6739... Поставленъ бысть Кириль епископомъ мѣсяца априля въ 6 день, въ недѣлю святыхъ Мурносицъ по пасцѣ; священъ же бысть пресвященнымъ митрополитомъ Кириломъ и съ окрестными епископы... и игумени мнози. и *архимандритъ святыя Богородица монастыря Печерскаго Анкюдинъ*. Лавр. сп. стран. 194.

18) Кромѣ того мѣста, которое приведено въ 15 примѣчанїи, приведу самое начало Посланїя: „Господу поспѣшествующу и слово утверждающу ко твоему благоумїю, пречестный Архимарите всея Русїи, отче и господине мой Анкидине. подайже ми благоприятныя твоя слуха да въ ня возлагаю дивныхъ и блаженныхъ мужъ житїя, дѣянїя и знаменїя бывшихъ въ святѣмъ семъ монастырѣ Печерскомъ, еже слышахъ о нихъ отъ Епискона Симона Володимирскаго и Суждальскаго, брата своего, черноризца бывшего тогожь Печерскаго монастыря иже и сказа мнѣ грѣшному“....

19) „И въ таковоѣмъ страданїи лежа преподобный Пиминъ лѣтъ 6; во время же преставленїя его явишася три столпы надъ трапезницею, и оттуда на верхъ церкви придоша, о нихъ же речено бысть въ лѣтописцы. Свѣсть же Богъ, знаменїе сіе показавы, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрѣнїе бысть“.

20) „Болеславъ.... воздвиже гонение велие на черноризцы, изгна вся отъ области своя; Богъ же сотвори отмщенїе работъ своимъ вскорѣ: во едину убо ночь Болеславъ напрасно умре, и бысть мятежь великъ во всей Лядской земли. и воставше людіе избїша епископы своя, и боляры своя, якожь и въ лѣтописцы повѣдаеть“. Изъ Житїя Моисея Утрина.

21) „Уже бо вы постиже судъ, яко вси вы въ водѣ умрете и съ княземъ вашимъ.... Ростиславъ неиде въ монастырь отъ ярости, не восхотѣ благословенїя и удалися отъ него, возлюби клятву и прииде ему; Владимиръ же прииде въ монастырь молитвы ради, и бывшимъ имъ у Треполя и полкома снемшимася, и побѣгоша князи наши отъ лица противныхъ: Владимиръ же преѣха реку молитвъ ради святыхъ и благословенїя; Ростиславъ же утопе со всеми вои своими, по словеси блаженнаго Григорїя“. См. Лавр. сп. стран. 94.

22) „Егда же Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василкову слѣпоту, егожь ослѣпи Святополкъ, послушавъ Давида Игоревича, съ Володаремъ, и съ самѣмъ Василькомъ, и не пустиша гостей изъ Галича, ни

лодіи отъ Перемышля, и не бысть соли во всей Русской земли: сицева неуправленія быша“. Вотъ одно изъ доказательствъ тому, что была торговля въ древней Руси и что касалась она предметомъ первой необходимости. Здѣсь замѣчательно мѣсто, гдѣ употребляется слово голважень: „Юже бо преже драго продаваху, по двѣ голважнѣ на куну, нынѣжъ по ѿ, и нието же взимае“.

23 а) „Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапно ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозъ дску скважною, и сведоша ѿ, и на ту ночь умре“. Лавр. сп. стран. 115.— „Не по мнозехъ же днехъ самъ Мстиславъ застрѣленъ бысть въ Володимери, на забралѣхъ по прореченію Василиеву: бияшеса съ Давидомъ Игоревичемъ, и тогда познавъ стрѣлу свою, ею же застрѣли Василия, и рече: се умираю днесъ преподобныхъ ради Василия и Феодора“. (Изъ Патерика).

23 б) Житіе и терпѣніе преподобнаго отца нашего Авраамія просвѣтившагося въ терпѣніи мнозѣ и новаго града во святыхъ Смоленскаго. Августъ. 21 дня, л. 2127 Великихъ Четихъ Миней Митрополита Макарія. Дальнѣйшія объясненія отсылаю къ 52-му примѣчанію. Здѣсь скажу только о *глубинныхъ книгахъ*. Пресвященный Макарій въ текстѣ своей Исторіи Русской Церкви называетъ ихъ *голубиными книгами* (49 стран.); но въ текстѣ житія Аврааміева, отрывками помѣщеннаго въ примѣчаніяхъ (269 стран.), читаемъ *глубинныя книги*, какъ и въ Макарьевскихъ минеяхъ. Г. Буслаевъ извлекъ отсюда заключеніе о томъ, что это относится къ стиху о голубиной книгѣ. Не преждевременно ли такое заключеніе?—Къ соображенію принять можно книгу: *Глубина*, которая показана въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, но поставлена однако въ числѣ истинныхъ. Неопредѣленность мнѣній въ этомъ отношеніи въ такія отдаленныя времена можетъ скорѣе подать поводъ къ заключенію, что разумѣлась эта книга.—Замѣтимъ мимоходомъ, что *Златая Чепь* уже упоминается въ Житіи Авраамія. Слово, приведенное мною, находится въ рукописи Іосифова монаст. за № 516. Въ Памятникахъ Словесности XII вѣка оно напечатано подъ № XII, съ большимъ выпускомъ всего того, что относится къ небеснымъ силамъ и созданію человѣка.

24) Timebamus, ne per illos in proximo Ecclesiae Dei periculum immineret, говорятъ Плато-Карпини въ началѣ своего путешествія.

25) Въ Русскомъ Временникѣ сказано даже, что былъ совѣтъ по всѣмъ городамъ Русскимъ на всѣхъ бусурмановъ, поставленныхъ властями отъ Батяи, и что по убіеніи Батяи велѣли Князья Русскіе убивать всѣхъ тѣхъ, которые не хотятъ вреститься, и что многіе изъ нихъ крестились.

26) Собраніе Путешествій къ Татарамъ. Пер. Языкова. Спб. 1825, стран. 195 и 55. У Карамзина (Т. 4 стран. 49) Кузьма названъ Комомъ, вѣроятно, съ Французскаго Come. У Мангу жилъ въ большой чести золотарь Парижскій Гильомъ, по свидѣтельству Рубруквиса.

27) „Видѣвшужеса Данилу о рѣку Велью съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любитъ“....

28) Вотъ, конечно, одно изъ свидѣтельствъ тому, что эта пѣсня древняго происхожденія. Народъ могъ заимствовать этотъ образъ только ихъ тѣхъ временъ, когда эти ловли еще совершались часто. Слово о полку Игоревѣ упоминаетъ

о десяти соколахъ, которыхъ пускали на стадо лебедей. Городъ Рыльскъ находится въ Курской губерніи, а Воргольская область сохранилась теперь въ имени села Ворголя, въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

29) Собраніе Путеш. къ Татарамъ стр. 85. „Южной сторонѣ поклоняются какъ Богу, и заставляютъ тоже дѣлать другихъ знатныхъ людей, кои предаются имъ. По этому случилось недавно, что Михаилъ, бывший однимъ изъ великихъ герцоговъ Русскихъ, прѣхавъ къ Батюю для преданія себя, сперва проведенъ былъ ими между двухъ огней, а потомъ сказали ему, чтобы онъ поклонился Цингисъ-кану на югъ. Онъ отвѣчалъ, что охотно поклонится Батюю и его служителямъ; но образу челоуѣка умершаго кланяться не будетъ, поелику это неприлично для христіанина. Когда же нѣсколько разъ говорили ему, чтобы онъ поклонился, а онъ отказывался, то Батый чрезъ Ярославова сына велѣлъ ему сказать, что его убьютъ, если онъ не поклонится. На это онъ отвѣчалъ, что скорѣе согласится умереть, нежели сдѣлаетъ неприличное дѣло. Послѣ этого Батый прислалъ одного тѣлохранителя, который билъ его пинками въ сердце до тѣхъ поръ, пока онъ умеръ. Въ это время одинъ изъ Михайловыхъ воиновъ, тутъ же бывший, поддѣрживая его словами, говорилъ: мужайся, мученіе это продолжится недолго, и за сямъ немедленно послѣдуетъ веселіе вѣчное. Послѣ этого отрѣзали ему ножомъ голову, а потомъ отсѣли также и вышесказанному воину“. Плато-Карпини былъ въ ордѣ въ 1246 году; тѣмъ же годомъ записано событіе и въ нашихъ лѣтописяхъ.

30) Волынская лѣтопись упоминаетъ о 25 книгахъ, подаренныхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ въ разныя церкви и монастыри, и въ томъ числѣ о двухъ сборникахъ отца его: изъ этихъ книгъ князь самъ списалъ Апостолъ и Евангеліе апракосъ въ трехъ экземплярахъ, прологъ въ 12 мѣсяцахъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, прологъ, службу св. Георгію, молитвенникъ, съ утренними и вечерними молитвами.

31) „Правило Кюрила Митрополита Русьскаго съшдьшихъся Епископъ Далмата Нооугородскаго, Игнатъя Ростовскаго, Феогноста Перелславскаго, Симеона Полотскаго, на поставленіе Епископа Сарапиона Володимирскаго“. Напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ, издаваемыхъ Обществомъ И. и Д. Россійскихъ. Москва. 1815, стран. 106. Списокъ полнѣе напечатаннаго находится въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Кормчей за № 238. См. Востокова стран. 321. Замѣчательно, что объ этомъ соборѣ и его Правилѣ не упоминаетъ ни одна лѣтопись, между тѣмъ какъ въ Никоновскомъ о ставленіи Сарапиона въ епископы Кирилломъ упоминается.

32) См. Staatsleben des Klerus im Mittelalter, von S. Sugenheim. Berlin. 1839. 1 В. стран. 95—107. Послѣ Людвига, сына Карла Великаго, всѣ Каролинги продавали духовный санъ за деньги. Ближайшіе настѣдники ихъ въ Германіи, Саксонскіе Императоры, виноваты въ томъ же, начиная съ Генриха Птицелова.—Въ Италіи, по свидѣтельству епископа Оттона Верчельскаго, съ того времени, какъ погасла Каролингская династія, было въ общемъ обычаѣ, что свѣтскіе властители продавали епископіи тѣмъ, которые наиболѣе предлагали денегъ. Не лучше дѣло шло и во Франціи, гдѣ всѣ церковныя должности королями раздавались тѣмъ, которые наиболѣе предлагали денегъ, часто мальчишкамъ

изъ подъ розги едва выросшимъ, а иногда короли предпочитали снабжать этими доходными мѣстами незаконныхъ сыновей отъ своихъ любовницъ, какъ поступилъ именно король Гуговъ, современникъ Оттона великаго. Ужасны были послѣдствія этой позорной купли: она подкопала основанія Церкви и разрѣшила всѣ узы дисциплины и нравовъ.

33) Прибавленіе объ обычаяхъ Новгородскомъ находится въ Румянцевской Кормчей и напечатано у Востокова въ Описаніи Р. М.

34) „Кни оубо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше Божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицу всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силнии наши князи остріемъ меча? не поведѣни ли быша въ плѣтъ чада наша? не запустѣша ли святыя Божія церкви? не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожныхъ и нечистыхъ погань? Си вся бывають намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ“.

35) Въ Описаніи Рум. Муз. у Востокова стр. 304 и 321.

36) Объ этихъ отвѣтахъ см. Ист. Кар. Т. VIII, прим. стран. 149. Исторія Русской Церкви. Періодъ второй. М. 1848, стр. 78. Поѣздка моя въ Кирилло-Бѣлоз. монастырь. Ч. 2 стр. 21. Епископъ Сарайскій Θεогностъ, еще въ 1274 году, уже въ третій разъ возвращался изъ Царяграда, куда посланъ былъ отъ Кирилла митрополита и отъ Менгутемира съ грамотами къ патріарху и царю и Михаилу Палеологу. Ник. лѣт. Т. 3, стран. 68.

37) Оно описано Калайдовичемъ въ его изданіи Іоанна Экзарха Болгарскаго, стран. 111, и носитъ признаки Новгородскаго нарѣчія *и* вм. *и*.

38) Описанъ въ палеографическихъ и филологическихъ Матеріалахъ для Исторіи письменъ Славянскихъ, собр. изъ 15-ти рукописей Моск. Синод. Библиотеки, Г. Буслаевымъ, стран. 20.

39) Описано у Калайдовича, тамъ же на той же стр., и у Востокова въ Описаніи подъ № 105.

40) См. у Калайдовича, тамъ же стран. 28 и 106. Слова Б. тамъ же стран. 97. „Списка Псалтыри, съ яснымъ означеніемъ времени, не знаю старше конца XIII вѣка.—Списки Апостола, мнѣ извѣстные, не восходятъ выше XIII вѣка“. Описана въ томъ же изданіи у Г. Буслаева, стран. 23.

41) См. у Калайдовича стран. 15.

42) *Книгы глаголемыя Грецьскимъ языкомъ Номоканунъ, сказаемыя нашимъ языкомъ закону Правило*. См. Описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей Гр. Θ. А. Толстаго. Отдѣл. 1. № 311. Здѣсь сказано, что Рязанскій епископъ Іосифъ получилъ подлинникъ изъ Бѣева чрезъ посредство митрополита Максима.

43) Всѣ приведенныя грамоты напечатаны въ 1 и 2 части Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ.

44) Данная напечатана Калачевымъ въ Актахъ относ. до юридич. быта древней Россіи. Томъ I, стран 439.

45) Лавр. сп. стран. 190. Никон. сп. Т. 2, стран. 309. Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ говоритъ, что изъ сочиненій его много словъ находится въ библиотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря между рукописями. Ему

приписано въ Обзорѣ Русской духовной литературы Поученіе крестьяномъ, но гадательно.

46) Опис. Рум. муз. стран. 304 и 326.

47) См. въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. Годъ первый. Книжка 4. Москва. 1843. Статья Кирилль II, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи.

48) См. Лавр. списокъ стран. 195. „Любовному ученью же и тшанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ уздѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ вдахъ сего *перваго словесе дѣтеля написати*; зело бо велье дѣло паче насъ вспріяхъ, боязнью ослушанья, разумѣхъ въ Притчахъ глаголомое: яко сынъ ослушливый въ погибель будетъ, послушливый же кромѣ ея будетъ“. Узкое мѣсто авторъ вышепомянутой статьи объясняетъ затворомъ монастыря Св. Григорія Богослова.

49) Опис. Рум. муз. стран. 291. Одинъ изъ трехъ писцовъ Іоаннъ Драгославъ сопровождаетъ эту кормчую писемомъ, въ которомъ пишетъ: „Пишу тобѣ възлюбленный богомъ архиепископъ куритъ протоѳероу да ся словомъ твоимъ все-леная руская просвѣтитъ“.—Кормчая дошла до насъ въ спискѣ XVI вѣка.

50) *Слово и поученіе къ попомъ* или *Почуеніе Епископа къ Іереомъ*. Между рукописями Румянцевскаго Музеума встрѣчается въ 4-хъ спискахъ Кормчей: подъ № 231, съ именемъ Кирилла, но равнѣ правилъ Кирилла Митрополита; подъ №№ 233 и 234 безъ имени Кирилла, непосредственно за Правилами собора, подъ № 238 съ именемъ Кирилла и послѣ собора, но не непосредственно. Мнѣніе ученыхъ Лавры основано на томъ, что въ нѣкоторыхъ Кормчихъ именуется оно именно поученіемъ Епископа, что рѣчь въ немъ обращается отъ лица епископа къ священникамъ его паствы и что ни въ одномъ спискѣ поученія въ надписи нѣтъ имени митрополита, тогда какъ въ надписаніи Правилъ собора Владимірскаго Кирилль названъ митрополитомъ.

51) *Слово и поученіе къ попомъ*. „Слыши, Іерей сборе преподобный! Къ вамъ ми слово. Понеже вы нарекошесь земнии ангели, небеснии чловѣци. Вы со Ангели предстоите у престола Господня; вы съ Серафими носите Господа. Вы сводите съ небеси Духъ Святый, и претваряете хлѣбъ въ плоть, и вино въ кровь Божью, чловѣкомъ невидимо, и святии бо мнози видѣша. Вы бо просвѣщаете чловѣкъ крещениемъ святымъ; вы связаете, вы разрѣшаете. Вами свершаетъ Господь тайну спасенія роду чловѣчьскому; васъ стража постави и пастухы словесныхъ овецъ Своихъ, за ня же кровь Свою излия... Господь бо рече: луче навязати жерновъ на шію, имже оселъ мелеть, и погрузити въ мори, нежели соблазнити единаго малыхъ. *Души бо чловѣчстѣи ни единой нѣсть равенъ весъ миръ*... Простецъ бо съгрѣшивъ за одну свою дасть душу отвѣтъ предъ Богомъ: а ерѣй же согрѣшивъ многихъ соблазнитъ, и за тѣхъ душа будетъ ему осужденіе... Азъ же не лѣнюся вамъ глаголати... Разумѣйте, како духовныя дѣти учити: ни слабо да не ленивы будутъ; ни жестоко, да ся не отчають... Святую же страшную службу стваряйте. Николи же не вниди въ святый олтарь, вражду имый съ кимъ; и велику имѣвъ прю, томъ дни не служи, но, утишивъ мысли, молитвы восли Господеви отъ чиста ума. И не озирайся назадъ, но умъ весь имѣй горѣ: со Ангелы бо служити; и не мысли земныхъ въ той часъ: Небеснаго бо Царя пріемлеши въ

сердце свое; весь освящайся Имъ"... (Твор. Св. Отцевъ, Годъ I, кн. 4. Приб. стран. 428).

52) Слово Кирилла философа на соборъ великаго Архистратига Христова Михаила найдено было Г. Розовымъ въ одномъ Сборникѣ XVII или XVIII вѣка и напечатано въ Читеніяхъ Общ. Ист. и др. Росс. 1847 г. № 8. Это слово, подъ заглавіемъ: о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бысть человекъ, и о исходѣ души, встрѣчается въ Сборникѣ Іосифова Волокол. монастыря (№ 529) подъ именемъ Кирилла философа, а въ Сборникѣ того же монастыря (за № 574) подъ именемъ Авраамія. Припомнимъ кстати, что Авраамій Смоленскій, какъ говорится въ его житіи, написалъ двѣ иконы — страшнаго суда и испытанія воздушныхъ мытарствъ, и ко всѣмъ приходящимъ любилъ о томъ бесѣдовать. А въ этомъ словѣ находимъ изображеніе мытарствъ. Слово о мытарствахъ встрѣчается и отдѣльно, какъ знаемъ изъ Памятниковъ Словесности XII вѣка. Кромѣ того въ житіи Авраамія сказано: „Поминаше бо часто о своемъ разлученіи души отъ тѣла блаженный Авраамій, и како истяжутъ душу пришедшей Ангели, и како испытаніе на въздушѣ отъ бѣсовскихъ мытаревъ, како естъ стати предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати, и въ кое мѣсто поведуть, и како въ которое пришествіе предстати предъ судищемъ страшнаго Бога, и каковъ будетъ отъ судій отвѣтъ, и како огненаа рѣка потечеть пожитающа вся, и что помогаиъ будетъ, развѣ покаяніе и милостыня, и беспрестанныя молитвы и ко всѣмъ любви и прочая дѣла благаа“. Это входитъ въ содержаніе слова, напечатаннаго Калайдовичемъ. Упомянаніе о бесерменскихъ странахъ находится во вставленномъ Поученіи къ священникамъ, а не въ самомъ словѣ о небесныхъ силахъ. Слова же, слѣдующія послѣ поученія: нынѣже на предлежащее возвратимся, ясно обличаютъ вставку поученія.

53) См. Творенія Св. Отцевъ. Годъ первый. Книжки 1, 2, 3. Москва. 1843. Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2, стран. 36.

54) Подъ тѣмъ же годомъ Новгородскій лѣтописецъ Тимофей пономарь рассказываетъ объ ужасномъ голодѣ и морѣ, какъ его послѣдствіи. И въ Новгородѣ было землетрясеніе въ обѣденное время.

55) „Разрушены божественныя церкви; осквернены быша сеуди священни, потоптана быша святая; святители мечу во ядь быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдъ повержены быша; кровь отецъ и братья наша, аки вода многа, землю напов. Князьи нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбрии наши страха напълньшеса бѣжаша. Множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша. Села наша лядиною поростоша, и величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше инѣмъ в користъ бысть, трудъ нашъ поганіи наслѣдоваша. Земля наша иноплеменникомъ въ достояніе бысть, въ поношеніе быхомъ живущимъ въскрай земля наша, въ посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ“. Привожу это мѣсто въ подлинникѣ ради красоты его и потому еще, что оно повторяется и послѣ въ лѣтописяхъ и древнихъ памятникахъ нашихъ при описаніи подобныхъ случаевъ.

56) Geschichte der Hexenprocesse. Aus den Quellen dargestellt von D-r W. G. Soldan. Stuttg. und Tübing. 1843. Zehntes Capitel. стран. 179. In dem Hexenprocesse gewann der Inquisitor einen geschmeidigen und unerschöpflichen Criminalstoff.

57) Никон. Лѣт. Т. III стран. 86. Исторія Россійской Іерархіи, часть 1, стран. 135. Словарь Митрополита Евгенія. Т. 2 стран. 209. Рукописи Мѣрила Праведнаго въ Синод. библ. №№ 52 (л. 79 об.) и 525 (77 об.).

58) Въ подлинникѣ употреблено древнее слово: *рана*, соотвѣтствующее въ теперешнемъ языкѣ удару.

59) По рукописи Златой Чепи Сергіевой Лавры напечатано въ Москвитинѣ 1851 года № 6. Архіепископъ Филаретъ приписываетъ его Кириллу 1-му Митрополиту.

60) Указаны Балайдовичемъ и Строевымъ въ описаніи рукописей Графа Ѳ. А. Толстова, Отдѣл. IV. № 275. Съ этой рукописи напечатаны въ Приложеніяхъ къ изданію Лаврентьевскаго списка Лѣтописи, стран. 252. Указаны еще мною въ книгахъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. См. Поѣздку въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Часть 2, стран. 22.

61) Полное Соб. Русск. Лѣтоп. Т. III стран. 47. „А дай Богъ молитва его святая всеѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѣею пономарю“. Внизу выставленъ вариантъ: „И дай Богъ молитвами его всеѣмъ христіаномъ, и мнѣ грѣшному Іоанну попови“. Въ Обзорѣ Русской дух. лит. Тимоѣей признанъ за автора лѣтописи, но не разрѣшено недоумѣніе, невольно возникающее по случаю варианта.

62) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патріархомъ Никономъ въ 1658 году. Ч. 1 стран. 70. „Мы же отъ начала Русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ отъ Михаила Царя до Александрія и Исакіа“. Здѣсь разумѣются Алексѣй Ангель и отецъ его: слѣдственно, до сего лѣта относится къ 1203 году. Замѣчаніе Добровскаго. См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. М. П. Погодина. Т. IV, стран. 72.

63) Лаврентьев. сп. стран. 190 и 191.

64) Тамъ же стран. 193.

65) Такъ въ Софійск. Времен. Т. 1, стран. 245.

66) „Яко же премудрый хронографъ списа, яко же добродѣянья въ вѣкы святятся“.

67) Никонова лѣтопись. Т. 3, стран. 27 — 29. Воскресенскій списокъ Т. II, стран. 226. Русскій Временникъ, 1790, стран. 138.

68) Троицк. спис. стран. 222. И кто, братіе, о семъ не плачется, хто ся насъ осталъ живыхъ, како ону нужную и горкую смерть подъяша? да и мы то видѣвши быхомъ устрашилися, и грѣховъ своихъ плакалися съ вздыханіемъ день и ночь, пекущеся не о имѣніи, ни о ненависти братни. Новгород. спис. стран. 52. Да кто, братъе и отцы и дѣти, видѣвше Божіе поущеніе и на всей Русьской земли и не плачется?—Соф. Врем. Т. I, стран. 239. И кто, братіе, о семъ не поплачется? кто ся насъ осталъ живыхъ? како ону нужную и горкую смерть подъяша? стран. 246. Да кто, отцы и братія и дѣти, видѣвши Божіе поущеніе се на всей Русьской земли, и не плачется?

69) Ипат. сп. стран. 185.

70) Лавр. сп. стран. 191. Новгород. сп. стран. 46. 52. 60.

71) Никон. сп. Т. III, стран. 53.

72) Русскій Времянникъ. Печат. въ Моск. Суход. типографіи 1790 года стран. 114. — Второе Прибавленіе къ описанію Славяно-Россійск. рукоп. Графа Ѳ. А. Толстаго. Отдѣл. II. № 455, л. 43. — Каталогъ рукоп. И. Н. Царскаго. № 380, л. 381.

73) Опис. Слав. Росс. ркп. Гр. Толстаго. Отдѣл. II. № 110. Отдѣл. III. № 69, л. 301, л. 320. — Опис. Румянц. Музея. № 364, л. 215. — Катал. И. Н. Царскаго. № 136, л. 344.

74) Въ бібліотекѣ В. М. Ундольскаго подъ № 294 есть житіе Василя и Константина, составленное инокомъ Пахоміемъ, по благословенію Кирилла, Архіепископа Ростовскаго и Ярославскаго. Рукопись новаго письма. Здѣсь сказано, что мощи святыхъ открыты были при Іоаннѣ III въ 1501 году. Пахомій пришелъ въ Россію, по словамъ Митрополита Евгенія, около 1460 г., — по Обзору дух. лит. при Василю Темномъ, но по Никонову списку лѣт. вѣстѣ съ Митроп. Фотіемъ при Василю Дмитріевичѣ. Кириллъ въ Архіепископы Ростовскіе хиротонисанъ въ 1526 г. — Слѣд. это житіе не можетъ быть приписано Пахомію.

75) Повѣсть о мученіи В. Князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго и боярина его Теодора вставлена въ Никонову лѣтопись, въ Воскресенскую, въ Русскій Времянникъ, въ Софійскій Времянникъ. — Опис. рукоп. Гр. Толстаго. Отд. I. № 292, л. 47. Отд. II. № 67, л. 148. № 84, л. 149. Отд. III. № 69, л. 327. — Опис. Рум. муз. № 160, л. 42. № 172. № 434, л. 45. Катал. рукоп. И. Н. Царскаго. № 368, л. 77. № 379, л. 39. Филолога черноризца слово о святыхъ великомученику, иже отъ Чернигова славную, о великомъ Князѣ Михаилѣ и Теодорѣ Синьглицѣ. № 614, л. 103. Въ сборникѣ изъ бібліотеки В. М. Ундольскаго за № 565 это житіе названо въ заглавіи твореніемъ Іеромонаха Пахомія святныя горы. За житіемъ слѣдуетъ извѣстное сказаніе о убьеніи злочестиваго Царя Батя.

76) Катал. рукоп. И. Н. Царскаго. № 396, л. 20 об.

77) Канонъ, стихирны и чудеса, позднѣе собранныя, находятся въ бібліотекѣ В. М. Унд. подъ № 363.

78) Опис. Рум. муз. 547 стран. № 333, LXXI. Катал. Рук. И. Н. Царскаго № 95, № 408, л. 652 № 411, л. 175. Библиот. В. М. Ундольскаго № 307. Во всѣхъ пяти спискахъ обозначенъ авторъ. Онъ говоритъ: „сподобихся достовѣрно слышати отъ повѣдавшихъ ми неложно черноризецъ обители преподобныя иже во градѣ Суздаль“. — Объ образованіи преподобной Евфросиніи сказано: „Аще и не во Аѳинѣхъ учися блаженная, но аѳинѣски премудрости изучи: философію же и риторію и всю граматикію, числа и кругомъ обхожденія и вся премудрости“. Весьма важно въ этомъ свидѣтельствѣ то, что признавалась необходимость такого образованія. Приведемъ замѣчательныя слова и выраженія изъ этого житія: мнози падоша *знаицы*. — Царь Батый ста на *яроновъ горы* на берегу у рѣки *каменица* отъ полуденныя страны (на дорогѣ ко Владиміру). Любопытно бы знать, есть ли теперь около Суздаля Яронова гора и рѣка Каменница? — И *трезлымъ* своимъ повелѣніемъ. — Вражїи бѣсовъ его суть *находи* и мечты. — Коня и *снущиши* его вверже въ море. — Нигдѣ же бо таковъ монастырь во всей Россіи великой на *устрой* и благочиніе. — Приведемъ отвѣтъ Евфросиніи въ подлинникѣ: „рыба на студени суще и снѣгу на ню сыплету не

смердить никакоже и червей не творить, но сладко вкушеніе творить: тако и мы черноризцы мужеска полу и женьска, аще зимою стража терпимъ, сладость будемъ хви вѣчную жизнь". —

79) Находилось въ Библіотекѣ М. П. Погодина подъ № 115. — Опис. рукоп. Гр. Толстова. Отд. I, № 183. Отд. II, № 110, л. 21. № 388, л. 5. Отд. III, № 69, л. 165. — Втор. приб. Отд. II, № 455, л. 57. — Опис. Рум. муз. № 34, ст. 17. Житіе, описанное современникомъ. № 297, л. 348 об. — Катал. рукоп. И. Н. Царскаго. № 369, л. 289. № 378, л. 104. № 400, л. 104. № 411, л. 132. № 614, л. 499. № 729, л. 810 об. — Библ. В. М. Ундольскаго № 274. Печатныя въ Софійскомъ Временникѣ и въ Степенной книгѣ. Приведемъ два выраженія замѣчательныя по списку В. М. Унд. И многи гости побыша новгородскія до *луги* и до сабля. — В. Кн. Александръ вто время *рагозена* бшае сновоградцы и отъѣхаетъ отъ нихъ въ переславль градъ.

80) Опис. Рум. муз. стран. 208 и 546. — Катал. рркк. Царск. № 136, л. 418. № 427, л. 133. — В. М. Ундольскій владѣетъ спискомъ (№ 300), къ сожалѣнію, неполнымъ, канона и стихирь, равно и житія. Къ первымъ прибавлено слѣдующее послѣсловіе, открытое владѣльцемъ библіотеки: „Стихиры и канонъ благовѣрному великому Князю Данилу, сотворены, по благословенію святѣйшаго Іова патріарха, Московскаго и всея Россіи, тщаніемъ и труды Сумеона Романовича Олферьева да инока Сергія честныя обители пресвятыя Троицы Данилово монастыря Переяславля Залѣскаго“. Въ концѣ житія говорится о перенесеніи мощей въ 1652 году въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ канонѣ и молитвахъ къ Святому есть непрерывныя отношенія къ Москвѣ: „Царствующій свой градъ Москву и страны Россійскія земли благомилосердо пощади, и милостивно утверди, и миръ, и любовь, и здравіе обильно во всемъ, во всѣхъ домѣхъ сотвори, и всегда радостно насъ посѣщай“. — „Сохрани градъ свой, Москву, и всѣ страны Россійскія земли, благочестивый Княже Даниле, отъ безбожныхъ иновѣрныхъ находа, и отъ междоусобныя рати, и всякаго страха и муки избави“. — „Радуйся, земли Россійской заступникъ и забрало нерушимо! радуйся, граду своему Москвѣ великій поборникъ!“

81) Библіотеки В. М. Ундольскаго № 384. Канонъ и служба преподобному Феодору съ дѣтьми его, и далѣе житіе и чудеса. Въ заглавіи житія сказано: „Составлено жъ бысть сіе житіе и чудеса Ермонахомъ Антоніемъ тогоже монастыря по благословенію Господина Преосвященнаго Митрополита... волеюже боголюбиваго и вседержавнаго Господаря великаго князя Иоанна Василевича и при благородномъ и благочестивомъ его сыну Великому князе Иванѣ Ивановичѣ всея Руси“. Въ текстѣ житія читаемъ: „Азь же предреченныи инокъ Антоній иѣчто мало о святѣмъ списахъ, слышавъ извѣстно о его житіе, начежъ отъ самѣхъ чудесъ бывающихъ отъ раки богоноснаго отца Феодора, неподобно вмѣнишихъ быти святаго чудесемъ, но на многы части глаголатися, яко цвѣтци собравше отъ многыхъ въ едино, да не умолчано будетъ едино праведное стѣга же и приснопамятнаго житіе“. Все оно отличается цвѣтистымъ и вычурнымъ слогомъ. О времени написанія сказано: „Тѣмже и повсюду слава о немъ происхожаше якожъ лехкимъ перомъ произношашеся по всѣмъ странамъ, даже и до великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, и до его сына великаго князя Ивана Ивановича, тогда ве-

ликое княженіе ему держащу“. Есть замѣчательныя формы словъ: *листвица*, *вспитъніе*, *надра*, до *трею* лѣтъ; выраженія: лѣствица *небожтрная*, недугъ тяжекъ *корчета* (какъ въ другихъ житіяхъ встрѣчается *корчетная* немощь). — Опис. Рум. муз. № CLX, л. 40 на об. № CCCV. Патерикъ Печерскій пис. въ 1462 году, л. 260, безъ предисловія, которое находится въ спискѣ Унд. и по видимому гораздо короче. № CCCXXXIV, л. 43 об. — Катал. рркк. Царск. № III, л. 313 — 348. Сочинитель Антоній показанъ и прибавлено авторомъ каталога, что онъ жилъ около 1470 года. — № 372, л. 385. — № 388, л. 193. Соч. іеромонахъ Антоній. — № 481, л. 30 об. — № 614, л. 110 об. показанъ Авторъ.

82) Опис. Рум. муз. № CCCXCVII л. 379 об. № CCCCLVII, л. 762. — Катал. рркк. Царск. № 129, л. 77. № 132, л. 223. № 135, л. 99. № 396, л. 87. Авторъ Каталога замѣчаетъ, что это житіе встрѣчается очень часто. № 411, л. 43. № 728, л. 322. Библиот. В. М. Ундольскаго № 360. Владѣлецъ бібліотеки замѣчаетъ, что по Сборнику Академическому за № 224 это есть сочиненіе монаха Эразма. Такъ говоритъ авторъ житія, обращаясь ко святымъ угодникамъ: „да помянитеже и мене грѣшнаго списавшаго сіе елико же слышахъ, а не вѣдый, а аще ми суть написали вѣдуще выше мене; аще же азъ грѣшенъ есмь и грубъ, но на Божію благодать и на щедроты его уповая и на ваше моленіе ко Христу надѣяся и трудихся“. — Выпишемъ загадки и отвѣты Февроніи: „Не лѣпо есть быти дому безъ ушию и храму безъ очію“. — „Отець мой и мати поидоста взаемъ плакати, а братъ же мой иде черезъ ноги въ *наши* зрѣти“. — „Аще бы былъ въ дому семь песь, лаялъ бы на тя, ощутивъ тя идуща къ дому, се бо есть дому уши, и аще бы было во хранинѣ моей отроча, и видѣвъ тя къ храму приходяща, повѣдало бы мнѣ: се бо храму есть очи. А еже сказахъ ти про отца и матеръ и про брата, яко отецъ мой и мати идоша взаимъ плакати, пошли бо суть на погребеніе мертваго, и тамо плачуть, а егда по нихъ смерть прійдетъ, и иніи по нихъ учнутъ плакати: се есть заимоданный плачь. А брата же моего рекохъ ти, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть: въ лѣсѣ бо и съ древа медъ взимають, и братъ же мой иде на таковое дѣло, якоже лѣзти на древо въ высоту черезъ ноги зрѣти къ земли, мысля какобы не урватися и себѣ живота не гонзнути, и сего ради рѣхъ ти яко иде черезъ ноги въ *наши* зрѣти“. — „И посла къ ней единаго отъ слугъ своихъ, и съ нимъ посла повѣсмо лну, и рече яко сія дѣвица хоцетъ ми супруга быти мудрости ради: аще бо мудра есть, да въ семь лну учинитъ мнѣ срачицу, и порты и убрусецъ, въ ту годину, въ нюже азъ въ банѣ пребуду. Слугаже принесе повѣсмо лну, и повѣда ей княжее слово. Она же рече слугѣ: взыди на пещь нашу, и снемъ зградки полѣнцо, и снеси сѣмо. Онъ же послушавъ ея и сня полѣнцо. Она же отгѣривъ пядію: отсѣки сіе отъ полѣнца сего. Юноша же отсѣче. Она же рече: возми сей утинокъ полѣнца и шедъ даждь князю своему, и отъ мене рцы ему: въ кій часъ сіе повѣсмо очисти, а князь твой да приготовитъ ми въ семь утницѣ станъ и все строеніе, кимъ сочтется по-отно его“.

83) Опис. Рум. Муз. CLX, л. 83. — Катал. рркк. Царск. № 135, л. 485. № 190, л. 135. № 378, л. 270. № 614, л. 258. № 728, л. 334 об. № 743, л. 267, об. — Библ. В. М. Унд. № 358. — Когда написано это житіе, неиз-

вѣстно; но должно думать, что оно написано еще во времена Татарскаго нашествія. Въ заключеніи разсказывается, какъ Игнатій, правнукъ Петра, освободилъ Ростовъ отъ нашествія Ахмыла, Татарскаго Хана, въ силу своего родства съ нимъ по предкамъ. Языкъ этого житія мѣстами весьма хорошъ. Приведемъ отрывокъ. „Приде Ахмыль на Русскую землю и пожже градъ Ярославль, и поиде къ Ростову съ всею силою своею, и устрашися его вся земля, и бѣжаша князи Ростовстїи, и владыка жъ бѣ Прохоръ, Игнатій же извлече мечъ, и угна владыку: аще не идеши съ мною противу Ахмыла, то самъ посѣку тя: наше есть племя и сродичи. И послуша его владыка, и съ всемъ клиросомъ въ ризахъ, вземъ крестъ и хоругвь поиде противу Ахмыла, а Игнатій предъ кресты съ граждани вземъ тѣшь царскую, кречеты, шубы, питіе, край поля езера, ста на колѣбну предъ Ахмыломъ, и сказася ему древняго брата царева племя, а село царево твое, господи: се есть купля прадѣда нашего, идѣже чудеса творяхуся, господи. Страшно жъ есть видѣти рать его вооружену. И рече Ахмыль: ты тѣшь подаеши, а сїи кто суть въ бѣлахъ ризахъ и хоругвь сїа? егда сѣщися съ нами хотять? Игнатій же отвѣща: сїи богомолцы царицы и твои суть, да благословять тя, а се ношаху божицу по закону нашему“.

84) Псковск. лѣтоп. изд. М. П. Погодинымъ. 1837. Москва. стран. 11—17. Полн. собр. Русск. лѣтоп. Т. IV, стран. 180—183.

85) См. Новгород. лѣтоп. подъ 1243, стран. 54.

86) Опис. рукоп. Гр. Толстова. От. I, № 292, л. 449. Слово на преставленіе св. Отца нашего Игнатія Епископа Ростовскаго.—Опис. Рум. муз. № 160, л. 15 на оборотѣ. № 322. Маія 28, № 434, л. 435 об.—Катал. И. Н. Царскаго. № 411, л. 74 об. № 563, л. 201. № 728, л. 250.—Библиот. бывшей Погодина № 149, л. 52.—Относительно Епископа Василія см. Библ. Погодина, № 169, л. 143.

87) Опис. Рум. муз. CLIV, л. 153. Служба, л. 176. Житіе и чудеса, л. 200. Слово похвальное на пречестную память преподобнаго отца нашего Варлаама, священно-инока Пахомія Логоета, внемъ же имать нѣчто на иудей.—№ CLX, л. 48. Житіе Преподобнаго Варлаама Хутынскаго—№ ССССXXXIV, л. 104 об. л. 108 об.—Катал. ррке. Царск. № 89. № 370, л. 56 и 57 об. № 382, л. 91. № 396, л. 202. № 401, л. 43. № 420, л. 145, 150. № 446, л. 84. № 457, л. 111. № 481, л. 42. № 624, л. 126, 129. № 743, л. 12 об. л. 14. Библ. В. М. Унд. № 565. Житіе и похвальное слово.—Какъ житіе, такъ и похвальное слово написаны Сербомъ, іеромонахомъ Пахоміемъ Логоетомъ. Первое свидѣтельствуется его же словами: „не бо своимъ очима видѣхъ что таковыхъ, но пришедъшу ми отъ святыя горы въ преславный великій Новъградъ и слышавъ елика отъ многихъ повѣдаема бяху чудеса, и сего ради повелѣнь быхъ архіепископомъ тогоже преиенитаго града владыки Евфимія прїити въ обитель святаго тамо своимъ ушима слышати бывшая и бывающая чудеса“. Мѣсто противъ Іудей, находящееся въ похвальномъ словѣ, должно имѣть современное отношеніе къ ереси жидовствовавшихъ, которая уже зачиналась въ Новгородѣ. „Рци ми убо, о іоудею, что негодуеши? что печалуеши? что распыхаешися, видѣвъ насъ поклоняемому мощемъ святаго благочестно угодившихъ; иже отъ васъ распятому Хрісту исцѣлениемъ бо знаменія видѣвше поклоняемъ, не глаголюще мощи свя-

тыхъ Бога быти, но яко угодившому, тѣмъ же хвалу въздаемъ прославльшему ихъ Богу“. Далѣе слѣдуютъ укору народу Еврейскому въ преступленіяхъ, имъ совершенныхъ противъ избранниковъ божіихъ. Извѣстно, что жидовствующіе возставали противъ поклоненія мощамъ святыхъ.

88) Житія святыхъ Россійской церкви. Ноябрь. стран. 46.

89) Житіе Антонія Дымскаго съ чудесами находится въ библіотекѣ В. М. Унд. подъ № 281. Здѣсь сказано, что Антоній родился въ 1206 году въ Новгородѣ, постриженъ въ Хутынѣ въ 1227 году, былъ въ Царьградѣ у Патріарха въ 1238 году, поставленъ Игуменомъ на Хутынѣ по смерти Варлаама въ 1243 году, преставился въ 1273 году, Іюня 24. Житіе сложено, конечно, въ новое время, на основаніи источниковъ и преданій, хранившихся въ обители.

90) Полный экземпляръ житія и чудесъ Проконія Устюжскаго находится въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго подъ № 362. Здѣсь сказано: „Рабъ же Божій Симеонъ (отецъ Стефана Пермскаго) почюдися зѣло глаголанымъ отъ святаго и прослави Бога о семъ, яко показа ему Господь такова свята мужа, и скры тайныя его глаголы, яже бесѣдова съ нимъ, и никому же повѣда о житіи святаго Проконія, и о великомъ его терпѣніи, донелъже онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго, все написа по ряду, еже видѣ и слыша отъ святаго ползи ради душевныя послѣднимъ родомъ нашимъ“. Многія чудеса, совершенныя Проконіемъ, отмѣчены годами. Весьма странное по подробностямъ чудо о Соломоніи означено 1671 годомъ и рассказано попомъ Іаковомъ. Здѣсь видно не русское вліяніе. Тутъ же находится: *Слово похвальное святымъ и блаженнымъ Христа ради юродивымъ Проконію и Иоанну Устюжскимъ чудотворцемъ, списано дуксомъ Симеономъ Шаховскимъ*. Въ этомъ похвальномъ словѣ встрѣчаются сравненія поэтическія. „Блаженный же сей мужъ вся сія божественная ученія въ сердца своемъ собралъ и отвержеся родителей и дому своего, и во слѣдъ Христа своего и Бога потече, и странникъ въ чужей земли явился, яко птица парящая по воздуху, во время красновидныя весны царицы временъ ко странамъ нашимъ приближается, и въ дубравахъ вселяется, и подружію примѣшаются, и гнѣзда себѣ созидають, и птенцы своя воспитываютъ, и сладкоглаголивыми пѣснями воздухъ наполняютъ, и сердца чловѣкомъ услаждаютъ. Такожде и сей чудный мужъ блаженный Проконій, невѣмый отъ коея страны суть или коихъ родителей, еже о немъ писаніе повѣда“.

91) Житіе Петра Митрополита помѣщено въ Степенной книгѣ и находится какъ въ письменныхъ, такъ и въ печатной. Имя автора Кипріяна обозначено въ заглавіи. Въ заключеніи Житія Кипріяна самъ говоритъ о важномъ событіи въ жизни своей, которое связано съ чудомъ Святителя Петра.

92) Панагія № 11 въ Патріаршей ризницѣ. См. Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей Ризницы и Библіотеки, составленный Архимандритомъ Саввою. Изд. 2-е, стран. 13.

93) Творенія Св. Отцевъ. Изд. Московской Духовной Академіи. 1844. Годъ второй. Книжка 1. Въ прибавленіяхъ статья: Св. Петръ, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, и тутъ же *Поученіе смиреннаго Петра Митрополита Кіевскаго и всея Руси Игуменомъ, Попомъ и Діакономъ*. Подлинникъ находится въ Сборникѣ Владыки Леониды Рязанскаго 1576 года, находящемся въ

библіот. Іосиф. Волокол. монаст. за № 567, лстѣ 385. Тамъ же на л. 389 об. находится *Поученіе тогоже къ Епископомъ, и Архимандритомъ, и Игуменомъ, и дьякономъ, и ко всемъ православнымъ крестьяномъ, како ходити по закону*. Но авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что это поученіе по содержанию своему противорѣчитъ кроткому характеру Святителя и не можетъ быть ему приписано, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

ЛЕКЦІЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Второе отдѣленіе перваго періода. — Двойное назначеніе Москвы. — Наша задача. — Представители тройкой дѣятельности Святителя Петра. — Св. Сергій Радонежскій. Житіе его. — Черты въ жизни Святаго, сочувственныя народу. — Младенчество и отрочество. — Призваніе къ пустынь. — Исполненіе семейнаго долга. — Сергій въ пустынь. — Церковь во имя Пресвятыя Троицы. — Сергій инокъ. — Сходится братія. — Сергій игумень. — Слава обителя. — Введеніе общаго житія. — Добродѣтели пустынножителя. — Основная мысль его жизни: ученикъ Пресвятыя Троицы. — Святитель Св. Алексій. Житіе его. — Дѣтство его. — Иночество. — Ученикъ М. Θεогноста. — Алексій Митрополитъ. — Подвиги государственные. — Памятники словесной дѣятельности. — Новый Завѣтъ. — Предисловія къ книгамъ Н. Завѣта въ переводахъ. — Слово о поставленіи владетелей и проч. — Поученіе. — Дѣйствіе устныяго словомъ. — Павелъ Высокій. — С. Стефанъ Пермскій. Житіе его. — Рожденіе и образованіе. — Пермская грамота. — Пермь. — Начало подвига Стефанова. — Борьба съ народомъ. — Борьба съ волхвами. — Сотникъ Памъ. — Книги у Пермлянъ. — Стефанъ, Епископъ Пермскій. — Участь Пермской письменности. — Заключительный выводъ.

Второе отдѣленіе перваго періода.

Переходимъ къ XIV столѣтію и вступаемъ во *второе* отдѣленіе *перваго* періода Исторіи Русской Словесности. Здѣсь средоточіемъ Русской жизни является сѣверъ, и въ немъ — наша Москва. Памятники Русскаго слова возбуждаютъ въ насъ живое мѣстное участіе. Назначеніе Москвы было двойное: духовное и государственное. Съ одной стороны, она простирала свѣтъ и единство духовной жизни на весь Русскій сѣверъ. Загорались свѣтильники въ дикихъ пустыняхъ; падали густыя лѣса подъ сѣкирами отшельниковъ; вѣра и трудъ полагали первую основу гражданскому образованію. Съ другой стороны, къ Москвѣ тянули всѣ удѣлы и города, всѣ отдѣльныя силы Русской общественной жизни: въ ней должны были они сростись въ одно Московское государство. Духовная жизнь, какъ внутренняя, предшествовала государственной, какъ внѣшней; первая вела за собою вторую, ее освящала и укрѣпляла. Носителемъ первой былъ Святитель Петръ, носителемъ второй Іоаннъ Калита.

Двойное назначеніе Москвы.

Наша задача.

Наша задача въ періодъ древней Руси преимущественно касается духовной стороны. Въ ней Русская жизнь, какъ и Русское слово, находятъ свои источники и свою первородную силу. Духовное начало, какъ крѣпкая основа, глубже и глубже

залагается въ насъ: внѣшнія испытанія, какъ удары судьбы, сильнѣе вдвигаютъ его въ самый корень нашей народной сущности.

Въ лицѣ Святителя Петра соединялись пустынножитель, государственный Представитель тройки дѣятельности Святителя Петра. мужъ, провидѣвшій значеніе Москвы, и ученый богословъ, поборовшій ереси. Эта тройкая его дѣятельность въ XIV вѣкѣ какъ бы перешла въ три сильныя животворныя струи на разныхъ дѣятелей. Пустынничество принялъ на крѣпкія рамена свои Преподобный Сергій съ святолюбнымъ сонмомъ своихъ учениковъ и послѣдователей, которые понесли его къ дальнимъ краямъ холоднаго сѣвера. Дѣятельность государственная благотворно воплотилась въ Святителя Алексія въ тяжелое время Татарскаго ига и удѣльныхъ междуособій. Богословская ученость сказалась практически — Евангельскою проповѣдью — въ Стефанѣ Пермскомъ, просвѣтителѣ Зырянъ, и въ Митрополитѣ Кипріанѣ, возстановившемъ у насъ книжное просвѣщеніе въ періодъ Татарскаго разгрома.

Св. Сергій Радонежскій, возжегши близъ Москвы свѣтъ пустыннаго общенія, былъ тѣмъ же для всего сѣвера Россіи, чѣмъ Св. Θεодосій для юга. Жизнь его, посвященная одной мысли и одному дѣлу, занимаетъ пространство 78-ми лѣтъ въ XIV столѣтіи (1319 — 1397); монахомъ онъ былъ 50 лѣтъ¹⁾. Житіе его написано ученикомъ его священно-инокомъ Епифаніемъ, по самымъ свѣжимъ слѣдамъ воспоминаній объ усопшемъ въ основанной имъ обители. Епифаній лично зналъ Святаго, многое слышалъ изъ собственныхъ устъ его, многое видѣлъ своими глазами. Другое передали ему близкій челоуѣкъ Святому, ходившій за нимъ и возливавшій воду на его руки, — также старшій братъ Сергіевъ Стефанъ и старцы, бывшіе самовидцами его рожденію, воспитанію, книжному ученю, юности, постриженію, началу пустынножительства, поставленію на игуменство и другимъ событіямъ его жизни²⁾. Одинъ или два года спустя по кончинѣ Святаго, Епифаній началъ уже составлять о немъ записки въ свиткахъ и тетрадахъ, а черезъ двадцать шесть лѣтъ спустя, не видя, чтобы кто принялся за подобный трудъ, самъ совершилъ его по совѣту старцевъ: тайтъ тайну цареву и проповѣдывать дѣла Божія³⁾. Впослѣдствіи еще другой инокъ Пахомій, уже по кончинѣ Сергія пришедшій въ его обитель, переписывалъ и продолжалъ трудъ Епифанія, особенно въ описаніи чудесъ Преподобнаго⁴⁾.

Св. Сергій Радонежскій.
Житіе его.

Не даромъ, думали современники, возсіялъ этотъ свѣтильникъ въ Русской землѣ на скончаніе седьмой тысячи: „Богъ проявилъ его въ послѣднія времена, на скончаніе вѣка, послѣдному роду нашему“, говорили они. Наступило послѣднее сто седьмого тысячелѣтія: съ окончаніемъ вѣка ожидали тогдашніе люди кончины міра.

Св. Сергій, по сказанію его біографа, родился въ лѣта державнаго Царя Андроника, Самодержца Греческаго, который царствовалъ тогда въ Царьградѣ, при Архіепископѣ Константинограда Калистѣ Патріархѣ вселенскомъ, въ землѣ

же Русской въ княженіе великое Тверское, при В. Князѣ Димитріи Михайловичѣ, при Архіепископѣ Петрѣ, Митрополитѣ всея Руси.

Сказатель житія соединяетъ великое событіе Русской земли, рожденіе Сергіево, не съ владычествомъ Татарскихъ Хановъ, но съ хронологическимъ послѣдованіемъ Царей Греческихъ и іерарховъ Восточной Церкви. Тверь вела тогда сильную борьбу съ Москвою; но Москва уже княжила надъ всѣми удѣлами не именемъ Великаго Княженія, а самою вещію. Гроза Московская разразилась надъ Ростовомъ, колыбелью Сергія. Москвичи отняли у Ростовцевъ власть. княженіе, имѣніе, честь и славу и осрамили многихъ Ростовскихъ бояръ: все потянуло въ Москвѣ. Тогда-то родители Варооломея (это было свѣтское имя Сергія), Кирилль и Марія, вмѣстѣ съ другими боярами, переселились въ мѣстечко Радонежь, которое досталось меньшому сыну Калиты Андрею и пользовалось нѣкоторыми льготами⁵⁾.

Черты въ жизни Святаго, сочувственн. на-роду.

Въ преданіяхъ о жизни Святаго мы постараемся уловить тѣ черты, которыя особенно любятъ и съ благоговѣніемъ чтить въ угодникѣ Божиѣмъ народъ Русскій, какъ неощѣненное достояніе своей духовной сущности, стекаясь со всѣхъ сторонъ великой земли своей въ его обитель ко гробу мощей его.

Мы всѣ знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ Русскій человѣкъ преклоняетъ свою голову передъ наложомъ Евангельскимъ и внемлетъ понятному громогласному слову благовѣстія; мы знаемъ, съ какимъ внутреннимъ трепетомъ онъ срѣтаетъ, во время литургіи, пѣснь ижехерувимскую и какъ глубоко чувствуетъ свое не достоинство, когда священникъ, приступая къ св. причащенію, изъ алтаря возглашаетъ міру: святая святыхъ! Въ эти три мгновенія божественной литургіи какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго Русскаго⁶⁾. По преданію, хранившемуся въ народѣ, этотъ трепеть, въ богослуженіи нашемъ сочувственный Ангельскому, ощутилъ Св. Сергій три раза еще младенцемъ въ утробѣ своей матери и тѣмъ исповѣдалъ заранѣе, что онъ будетъ ученикъ пресвятыя Троицы.

Младенчество и отрочество.

Постъ—великую добродѣтель Русскаго человѣка, воспитывающую въ немъ силу воли, стяжалъ онъ еще на груди своей матери. Еще до рожденія онъ былъ уже къ нему приготовленъ ея строгимъ воздержаніемъ: нося его во чревѣ, она не ѣла ни мяса, ни рыбы, не пила ни вина, ни молока, а питалась только хлѣбомъ, зеліемъ и водою. Не захотѣлъ онъ кормиться грудью чужой матери, когда мать привела ему кормилицу. Но и на груди материнской, въ пеленахъ и колыбели былъ уже строгимъ постникомъ. До 12-тилѣтнаго возраста онъ удручалъ себя постомъ жестокимъ, въ постные дни недѣли не ѣлъ ничего, а въ другіе—хлѣбъ да воду и большую часть ночи проводилъ безъ сна на молитвѣ. Мать увѣщевала его: „Дѣтище, не сокруши тѣла своего многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ молодъ: впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое растеть и цвѣтеть. Никто въ годы твои такому посту не предается; никто изъ братьевъ, изъ сверстниковъ твоихъ,

не томить себя такимъ воздержаніемъ. Другіе ѣдятъ по семи разъ въ день и пьютъ безъ числа отъ утра до ночи. А ты разъ въ день ѣшь, иногда же ни разу, но черезъ день. Перестань, мое дѣтище: все хорошо въ свое время“. — Сынъ отвѣчалъ матери: „не тревожь меня, матушка, не понуждай къ послушанію. Не вы ли говорили мнѣ, что когда я былъ въ пеленахъ и колыбели, то въ пятницу и среду груди не сосаль: какъ же могу теперь, во сколько есть силы, не воспринуть къ Богу, чтобы избавиться отъ грѣховъ моихъ?“ — „Да какіе же у тебя грѣхи?“ — возразила мать. „Тебѣ еще нѣтъ двѣнадцати лѣтъ“. — „Что говоришь?“ отвѣчалъ отрокъ. „Тебя ослѣпляетъ естественная любовь къ дѣтямъ. Послушай писанія: никто не чистъ передъ Богомъ, если бы и день одинъ прожилъ на землѣ. Никто не безъ грѣха. Или не слыхала словъ Давидовыхъ? — се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя“.

Такой постъ не мѣшалъ Сергію, какъ не мѣшаетъ и Русскому человѣку, имѣть силу за двоихъ и терпѣливо переносить самыя тяжкія сельскія работы. Приучивъ себя съ малыхъ лѣтъ къ такому воздержанію, онъ могъ три дня сряду ничего не ѣсть, на четвертый срубить еще сѣни для кельи старца Давида и въ награду за трудъ утолить свой голодъ укрупомъ гнилаго хлѣба.

На седьмомъ году возраста, по обычаю времени, посадили его за грамоту. Братья его учились быстро, но ему грамота не давалась. Тщетно томилъ его учитель, укоряли товарищи, скорбѣли родители, отрокъ плакалъ. Но даръ грамоты открылъ ему внезапно невѣдомый старецъ въ полѣ, куда послалъ его отецъ за конями. Онъ сказалъ ему прежде слово на пользу души, указывая тѣмъ на настоящее назначеніе грамоты, по смыслу Русскаго человѣка. Въ первый разъ Вареломей началъ бойко читать псаломъ на службѣ у часовъ, которую совершалъ старецъ, приглашенный въ домъ родителей, какъ будто грамота дана была самому Сергію только для молитвы и прославленія имени Божія.

Рано почувствовалъ онъ призваніе къ пустынной жизни. Еще въ дѣтствѣ Призваніе къ пустынѣ. не ходилъ на игры къ дѣтямъ, чуждался смѣхотворнаго слова, а устремлялся на славословіе Божіе. Тихость, кротость, безмолвіе, смиреніе, безгнѣвіе, простота, любовь, равная ко всѣмъ, пророчили въ немъ образецъ для иноковъ. Юноша сталъ проситься у родителей въ пустыню. Они ему сказали: „Чадо, потерпи немного для насъ. Мы въ старости, скудости и болѣзни: нѣкому послужить намъ. Твои братья Стефанъ и Петръ женились и стараются, какъ угодить своимъ женамъ. У тебя же одна забота: какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи намъ еще немного и, когда проводишь до гроба своихъ родителей и покроешь ихъ землею, тогда сотворишь мысль свою и исполнишь волю“. — Сынъ покорился желанію родителей и до конца ихъ жизни угождалъ имъ, чтобы наслѣдовать ихъ молитву и благословеніе. Родители скончались въ иноческомъ образѣ. Вареломей почтилъ отца и мать слезами, украсилъ память ихъ панихидами,

молитвами, милостынями убогимъ, кормить нищихъ у гроба ихъ и, совершивъ таеъ сорокъ дней, возвратился домой, полный богатства духовнаго; меньшому брату Петру отдалъ наслѣдство родительское (старшій былъ уже инокомъ) и тогда свободный отъ всѣхъ земныхъ узъ, началъ искать пустыни.

Исполненіе
сыновняго
долга.

Эту семейную добродѣтель въ жизни пустынника, эту преданность обязанностямъ сыновнимъ чтить свято Русскій народъ въ угодникѣ Божиѣмъ Сергіи. Поклонники, притекая тысячами въ его обитель, не прежде считаютъ себя достойными принести ему поклоненіе, какъ почтивъ панихидой память его отца и матери и совершивъ доробгой молитвенное о нихъ поминаніе⁷⁾.

Сергіи въ
пустынь.

Вареоломей былъ уже на дѣлѣ инокомъ еще до постриженія. Съ братомъ своимъ Стефаномъ онъ искалъ мѣста для своей пустыни въ самой густой чащѣ лѣса. Оба сотворили молитву и начали своими руками рубить лѣсъ, на плечахъ своихъ носили бревна, сначала сколотили кровать, потомъ срубили хижину и покрыли ее, наконецъ, одну келью и малую церквицу. Пришло время освящать ее. Вареоломей спросилъ у брата своего Стефана, какъ старшаго: во имя какого праздника или святаго освятить ее? — Стефанъ напомнилъ тогда брату семейное преданіе и пророчество, что ему суждено отъ утробы материнской быть ученикомъ Святыя Троицы и многихъ привести и научить вѣровать во Святую Троицу. Вареоломей сказалъ: „такова была и моя мысль, но смиренія ради я спросилъ тебя“. Братья взяли благословеніе у Святителя, и Митрополитъ Феоногость прислалъ священниковъ, которые осветили церквицу во имя Пресвятыя Троицы.

Церковь во
имя Пресвя-
тыя Троицы.

По освященіи храма Стефанъ недолго оставался съ братомъ своимъ въ пустыни. Житіе было скорбное, жестокое. Отовсюду тѣснили недостатки: ни пищи, ни питья, ничего на потребу. Ни прихода, ни приноса ни откуда. Вокругъ не было ни селъ, ни дворовъ, ни пути людскаго, ни путника, ни посѣтителя; около всего мѣста—все лѣсъ да пустыня. Стосковался Стефанъ и, покинувъ своего брата, пустыннолюбца и пустынножителя, самъ отошелъ въ Москву въ монастырь Св. Богоявленія, гдѣ сблизился съ Алексіемъ Митрополитомъ, тогда еще смиренно проходившимъ иноческое житіе. Стефанъ почтенъ былъ саномъ пресвитера, игумена и духовника Великаго Князя Сумеона Іоанновича, Тысячника Василія и многихъ Московскихъ бояръ.

Св. Сергіи
инокъ.

Познавъ трудъ и уединеніе пустыни, Вареоломей захотѣлъ постриженія. 23 лѣтъ, въ первой порѣ мужества, онъ былъ постриженъ Игуменомъ Митрофаномъ и нареченъ Сергіемъ. Семь дней оставался онъ во храмѣ, питаясь одною просфорою изъ рукъ Игумена. Псаломская пѣснь не покидала устъ его, и особенно слова ея: „се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни“. Начался подвигъ одинокаго пустынножительства. Около двухъ лѣтъ онъ его совершалъ. Уставъ иноческаго правила Сергіи хранилъ и исполнялъ непорочно. Стенаніе, непрестанное моленіе къ Богу, теплыя слезы, плачь душевнѣй, воздыханія сердечныя, бдѣнія всенощныя, пѣніе

трезвенное, молитва непрерывная, стояніе безъ отдыха, чтеніе прилежное, колѣнопреклоненіе частое, голодъ, жажда, сонъ на голой землѣ, нищета духовная, скудость во всемъ, во всемъ недостатокъ—такова была жизнь пустытника. Къ этому присоединилась и борьба. Разныя звѣри во множествѣ находили на него не только ночью, но и днемъ. Стадà волковъ выли и ревели кругомъ его кельи. Иногда же являлись медвѣди. Отшельникъ благодатью Божіей возвращалъ себѣ силу перво-созданнаго человѣка надъ животными, и звѣри ему покорялись. Они приближались къ нему безвредно, окружали его и нюхали. Одинъ медвѣдь даже подружился съ нимъ. Святой выносилъ ему изъ хижины хлѣбъ и клалъ на пень или на колоду; иногда дѣлилъ съ нимъ вмѣстѣ послѣдній укрухъ свой; иногда, при скудости хлѣба, уступалъ даже свой кусокъ голодному звѣрю; случалось, что монахъ и звѣрь, оба вмѣстѣ, терпѣли голодъ.

Злая сила, говорить житіе, ополчалась также на отшельника: однажды явилась она къ нему въ одеждахъ и островерхихъ шапкахъ Литовскихъ, грозила, что разорить церковь и убьетъ его; въ другой разъ прямо наводила на него смущеніе подобными мыслями: „ступай отсюда! чего здѣсь ищешь? людей здѣсь нѣтъ и не будетъ! или не боишься умереть съ голоду? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные съѣдятъ, умрешь напрасною смертію!“... Но сила Пресвятой Троицы превозмогала все, пустытникъ оставался вѣренъ пустынѣ, и молитвѣ уступала нечистая сила.

Послѣ двухъ лѣтъ одиночества стали приходять къ Сергію иноки, сначала по одному, потомъ по двое и по три. Онъ удалялъ ихъ, указывая на свои недостатки; но долженъ былъ уступать усиленнымъ ихъ требованіямъ. Собралось 12 человѣкъ братіи; срубили кельи. Сергій самъ три или четыре построилъ. Деревья шумѣли листьями надъ пріютами иноковъ. Около келій рассажены огороды. Пустытникъ самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ тѣлесной и духовной дѣятельности: самъ на братію дрова рубилъ, муку въ жерновахъ молоть, хлѣбы печь, вариво варилъ, обувь имъ готовилъ, одежду кроилъ и шилъ, воду носилъ изъ источника, а въ ночь молился еще за всѣхъ. Хлѣбъ и вода служили ему пищею. Ни часу не оставался онъ празднымъ, и псаломъ всегда былъ на устахъ его. Всѣ службы церковныя самъ онъ совершалъ съ братією, а для обѣдни призывали священника или игумена.

Но вотъ игумень Митрофанъ, часто посѣщавшій пустыню, скончался, и вся братія единодушно приступила къ Сергію, чтобы онъ принялъ на себя игуменство и согласился бы предстоять престолу Святой Троицы, возсылая къ Богу Серафимскую трисвятую пѣснь и безкровную совершая службу своими руками. Сергій отрекся съ перваго раза, смиренно чувствуя все свое недостоинство. Началась плодотворная борьба между нимъ и братією, борьба смиренія съ любовію. Она была рѣшена въ Переяславлѣ Залѣскомъ Епископомъ Аеанасіемъ, правившимъ обязанности Ми-

Сходится
братія.

Сергій игу- трополита въ отсутствіе Святителя Алексія. Аонасій посвятилъ Сергія въ пре-
мень. свитеры и игумены.

Строгое общее житіе уже на дѣлѣ существовало въ обители еще прежде, чѣмъ введенъ былъ уставъ общежительный, по предложенію Патріарха Цареградскаго Филофея. Число двѣнадцатъ, долго державшееся между иноками, было нарушено приходомъ Смоленскаго Архимандрита Симона, который предпочелъ быть простымъ инокомъ въ обители Сергія, нежели начальствовать у себя. Число братіи стало умножаться. Никому не отказывалъ Игумень, всѣхъ принималъ, но сначала одѣвалъ въ длинную черную свитку и постригалъ тогда уже, когда ново-пришедшій узнавалъ все монастырское дѣло. Вдѣтельный взоръ игумена проникалъ и денно, и ношно въ кельи и души иноковъ. Любовь и въ самомъ наказаніи его одушевляла. Какъ бы ни былъ великъ недостатокъ въ обители, никто не смѣлъ выходить изъ нея за подаваніемъ и что нибудь считать своею собственностію. Какъ недостатокъ дѣлили всѣ, такъ и голодъ и нужда были общіе. По два и по три дня оставались безъ хлѣба; но внезапно и невѣдомо откуда привозились благовонные и мягкіе хлѣбы и наполняли трапезу. Сила голода уступала однако силѣ молитвы, и игумень соборно благодарилъ Питателя вселенной, прежде чѣмъ преломлялъ привезенные хлѣбы.

Однажды, въ глубокой вечеръ, Игумень молился за всю свою братію. Вдругъ слышитъ голосъ: Сергій! ты молишься о своихъ чадахъ: Господь принялъ твою молитву. Смотри, какое множество иноковъ, сошедшихся въ твою паству во имя святой и живоначальной Троицы и тобою наставляемыхъ!—Сергій взглянулъ въ окно, откуда былъ голосъ, и видѣлъ множество прекрасныхъ птицъ, слетѣвшихся въ монастырь и вокругъ его, и голосъ говорилъ: стадо учениковъ твоихъ умножится, какъ эти птицы, и не оскудѣютъ они, если захотятъ послѣдовать твоимъ стопамъ. Сергій позвалъ инока Симона, чтобы показать ему, что онъ видѣлъ, но видѣніе уже исчезло.

Слава оби-
тели.

Узка, тѣсна и прискорбна была первая стезя къ обители; но въ Княженіе Иоанна Иоанновича люди начали стекаться къ ней и селиться подлѣ. Лѣса падали кругомъ, разлеглись поля, возникли дворы и села. Слава пустытника привлекала народъ отовсюду. Дорога къ обители все становилась шире. Какой-то селянинъ, привлеченный славою инока, пришелъ издалека и хотѣлъ непременно его видѣть; но, увидѣвъ работника, въ ветхомъ рубищѣ съ заплатами, трудившагося надъ грядой въ огородѣ, никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы этотъ сирота былъ славнымъ въ народѣ пророкомъ, и только тогда повѣрилъ, когда толпа бояръ и слугъ княжескихъ отогнала селянина, и самъ Князь, поклонившись пустыннику въ ветхомъ рубищѣ, сѣлъ съ нимъ за одну трапезу. До Царьграда дошла слава Сергія, и Патріархъ Филофей прислалъ къ нему пословъ съ крестомъ, параманомъ и схимою: они вручили пустыннику посланіе, въ которомъ Патріархъ предлагалъ

Сергію устроить въ монастырѣ общее житіе. Все уже было готово въ немъ для Введен. общаго житія. введенія устава. Съ тѣхъ поръ благотворенія обители полились вокругъ: рука ея простерлась ко всѣмъ требующимъ, какъ рѣка многоводная и тихая струями. Странники, нищѣ, больные, толпами устремились къ новому разсаднику любви Христіанской.

Алексій Митрополитъ и Стефанъ, великій просвѣтитель Перми, посѣщали Сергія.—Однажды Стефанъ, за десять верстъ отъ обители, духомъ поклонившись ему, вызвалъ поклонъ Преподобнаго, сидѣвшаго за братскою трапезою, поклонъ, перешедшій въ обычай у иноковъ Троицкихъ, на память духовнаго братства между двумя великими мужами вѣка.

Загрѣмѣла Донская битва. Великій Князь Дмитрій понесъ на Куликово поле благословеніе Сергіево. Иноки обители Александръ Пересвѣтъ и Ослябя сражались и пали за Россію. Св. Сергій въ духѣ видѣлъ всю битву и молитвою былъ за отечество и съ отечествомъ въ тотъ день, когда оно побѣдоносно свергало съ себя позорное иго Татарскаго владычества.

Донская битва.

Такъ плодотворно было одинокое пустынножителство Сергіево: оно не отлучило его отъ родной земли, а еще болѣе связало съ ея народомъ узами любви вѣчной. Оно покорило ему природу дикую, соединило около него людей во имя труда и молитвы, умножило народонаселеніе и возрастило ту духовную силу, которая засіяла первымъ лучемъ свободы отечества на берегахъ Дона и Непрядвы. И послѣ, во всѣхъ трудныхъ войнахъ Россіи, являлся Св. Сергій чудотворнымъ за нее молитвенникомъ и подвижникомъ, какъ говорятъ о томъ народныя преданія. Вспомнимъ явленія его во время осады Троицкой Лавры и троекратно Козьмѣ Минину, котораго подвинулъ онъ на избавленіе отечества. Его иноки настѣдовали отъ него любовь къ отчизнѣ: вспомнимъ Авраамія Палицына въ 1612 году, Митрополита Платона въ 1812 и въ наше время врача Анастасія въ лазаретѣ Севастопольскомъ.

Шесть монастырей, кромѣ седьмаго Троицкаго, или основалъ самъ Преподобный, или благословилъ ихъ основаніе: во имя Благовѣщенія на Киржачѣ, Андроньевъ во имя нерукотвореннаго Спаса на берегу Яузы, Симоновъ на Москвѣ рѣкѣ во имя Рождества Богоматери, на рѣкѣ Дубенкѣ во имя Успенія въ память Донской битвы, Голутвинъ въ Коломнѣ во имя Богоявленія на мѣстѣ родины Донскаго, въ Серпуховѣ на берегу Нары на Высокомъ, родинѣ Князя Владиміра Андреевича, во имя Зачатія Божіей Матери. Мы еще увидимъ, какъ Русскіе иноки понесутъ благодать духовной жизни во всѣ концы сѣвера великой Россіи.

Но чѣмъ же стяжалъ Св. Сергій высокіе дары духовной жизни, которые Добродѣтели пустынножителя. передалъ своему отечеству? Самоотверженіемъ и нищетою. „Ищите прежде всего царствія Божія“, говорилъ онъ своей братіи, „и сія вся приложатся вамъ“. Вотъ почему Русскій народъ съ благоговѣніемъ смотритъ на его крашенинную ризу, на

простые деревянные сосуды, въ которыхъ совершалъ онъ таинство, помнить по преданію ту сермягу, которую выбиралъ онъ себѣ на одежду, когда отказывался отъ нея самый послѣдній изъ иноковъ, и сосновую или березовую лучину, которая, за недостаткомъ воску, освѣщала мракъ его церкви во время ночной церковной службы. При такомъ самоотверженіи пустынножизнь могъ глубоко проникать въ духовныя тайны православнаго богослуженія и видѣть Ангеловъ ему сослужившихъ, и принять посѣщеніе Богоматери съ двумя Апостолами—Петромъ и Иоанномъ—въ своей кельѣ послѣ молитвы.

Основная
мысль его
жизни: уче-
никъ Пре-
святыя
Троицы.

Какая же мысль сосредоточила всю дѣятельность пустынножителя и на всякій его подвигъ дала ему животворную силу? Эта мысль его обнаруживается для насъ въ имени ученика Пресвятыя Троицы, а главное дѣло его жизни — словами его житія: *„яко будетъ нѣкогда троичный ученикъ еже и бысть, и мнози приведеть въ разумъ и въ уподѣніе Божіе, уча словесныя оца впровати въ святую Троицу единосущную, въ едино Божество“*. Не богословскимъ трактатомъ запечатлѣлъ Св. Сергій это ученіе: „то, чему училъ онъ словомъ, творилъ и дѣломъ“, говоритъ его жизнеописатель. „Многіе поминають его душеполезныя слова и ученія. Слово его было исполнено сладости и любви. Кто, слыша добрый его отвѣтъ, не наслаждался когда отъ сладости словесъ его? кто, глядя на лице его, не веселился? кто, видя его святое житіе, не покаялся?“ И святая жизнь его передана жизнеописателемъ съ тою цѣлію, *„да не будутъ безъ памяти сладкія его словеса и любезныя глаголы“*. Епифаній, какъ очевидецъ, такъ рисуетъ намъ образъ святаго пустытника въ похвальномъ ему словѣ: „ангелопѣльными сѣдинами честенъ, постомъ украшенъ, воздержаніемъ сіяя, братолюбіемъ цвѣтя, кротокъ взоромъ, тихъ хожденіемъ, умиленъ видѣніемъ, смиренъ сердцемъ, высокъ житіемъ добродѣтельнымъ, почтенъ Божіею благодатіею: онъ чтилъ Бога, и Богъ почтилъ его, возложивъ на него многую честь Божію“.

Присоединимъ къ сему изображенію слова новаго жизнеописателя Сергіева, которыми подкрѣпляемъ мысль нашу поставить святаго пустытника во главѣ духовной дѣятельности въ XIV вѣкѣ жизни нашего отечества. Не надлежало бы дивиться, говорить онъ, если бы мы не сказали, что сей великій пустынножитель былъ высокій Богословъ: ибо Духъ Святой *раздѣляетъ* (1 Кор. 12, 11) дарованія духовныя, а не каждому даетъ все; но, чего, можетъ быть, не ожидаютъ отъ пустыннаго подвижника, мы должны сказать на основаніи опытовъ, что Преподобный Сергій былъ высокій и проникательный Богословъ. Скажу мимоходомъ: не Богословскій ли духъ являлся въ немъ еще тогда, когда онъ избиралъ именованіе созидаемому имъ храму? Его умъ устремился тогда къ высочайшему Христіанскому догмату, дабы привлечь за собою умы даже младенцевъ въры. Посвятивъ храмъ сей имени Пресвятыя Троицы, онъ сдѣлалъ то, что здѣсь, по самому наименованію имени храма, каждый поклонникъ богословствуетъ, исповѣдуетъ и сла-

вить Живоначальную Троицу, и богословствуя приносить свою молитву“. — Въ преданіяхъ о пресвитерѣ Симеонѣ, спутникѣ измѣнника Исидора на Флорентинскій соборъ, сказано, что ему явился Преподоб. Сергій, принявъ его подъ свою защиту на чужой землѣ, повелѣлъ ему во всѣхъ странахъ Православныхъ проповѣдывать ученіе Марка Ефесскаго, отстоявшаго Православіе въ Феррарѣ и Флоренціи, и покровительствовалъ Симеону въ пути вмѣстѣ съ товарищемъ славнаго его бѣгства — Тверскимъ посломъ Ѳоною. Такъ въ народныхъ преданіяхъ сохранилась вѣра въ непоколебимаго ученика Пресвятыя Троицы.

Не всѣ преданія о жизни Преподобнаго Сергія вмѣщены въ рукописенныхъ житіяхъ его: многія до сихъ поръ еще хранятся въ устахъ народныхъ. Много колодцевъ, говоритъ народъ, вырылъ Св. Сергій вокругъ своей обители для пользы здоровья народнаго, какъ бы подражая ветхозавѣтнымъ праотцамъ Израильскаго народа. Моровая язва 1771 года, Французское разорѣніе 1812-го, холера 1830-го, поразивъ Москву, не коснулись обители Сергія: народъ вѣрится въ его охрану, вѣрится въ его живое присутствіе въ окрестностяхъ имъ созданной обители. Есть еще одно умильное преданіе: народъ говоритъ, что Преподобный, подражая Спасителю, любилъ дѣтей и, когда родители приводили ихъ къ нему подъ благословеніе, охотно разговаривалъ, игралъ съ ними и одѣлывалъ ихъ игрушками, которыя самъ для нихъ готовилъ. Вотъ почему Троицкіе мѣщане, памятуя любовь основателя Лавры къ дѣтямъ, сдѣлали изъ дѣтскихъ игрушекъ значительный промыселъ и, подражая въ нихъ произведеніямъ природы, взятымъ особенно изъ животнаго царства, снабжаютъ ими дѣтей цѣлой Россіи.

Митрополитъ Алексій узналъ Сергія черезъ брата его Стефана и былъ съ нимъ связанъ узами любви духовной. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ желалъ передать духовный престолъ свой пустынножителю, призвалъ его, повелѣлъ вынести ему крестъ съ парамандомъ, украшенный золотомъ и камнями, и объявилъ свое желаніе. Отшельникъ отвѣчалъ: „Прости, владыко, отъ юности я не былъ златоносемъ, а въ старости тѣмъ паче хочу въ нищетѣ остаться“ — и смиренно отклонилъ отъ себя святительство, какъ дѣло свыше его мѣры. Пустынникъ остался пустынникомъ, и дѣло его пошло по всѣмъ лѣсамъ великаго Сѣвера Россіи.

Житіе Святителя Алексія первоначально составлено было Пятиримою, Святитель
Св. Алексій.
Житіе его. Епископомъ и мученикомъ Пермскимъ; онъ же сложилъ и канонъ Святому, когда открыты были его мощи. Сербъ Пахомій воспользовался преданіями Пятирима для составленія своего житія и прибавилъ къ нему нѣкоторыя чудеса. Пространнѣйшее житіе составлено было при Митрополитѣ Макаріи и помѣщено въ Степной книгѣ. Повѣсть объ Алексіѣ, Митрополитѣ всея Руси, дополненная изъ житія Преп. Сергія и другихъ источниковъ, перешла въ Никонову лѣтопись. Позднѣйшее житіе составлено было при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ Епифаніемъ.

Славинецкимъ 8). Замѣтимъ, что лѣтописями и грамотами много дополняется житіе Алексія, какъ мужа государственнаго.

Дѣтство его. Отецъ Алексія Феодоръ Бяконть, тотъ самый, отъ котораго ведутъ родъ свой дворяне Плещеевы, былъ бояринъ города Чернигова и, по причинѣ разореній Татарскихъ, выѣхалъ оттуда въ Москву при Князѣ Даниилѣ. Онъ былъ близокъ къ Князю и сыну его Иоанну Даниловичу и даже нѣкоторое время правилъ Москвой. Старшій сынъ его Елевеерій, впоследствии Св. Алексій, родившійся въ 1293 г., былъ крестникомъ Калиты. Государственныя занятія отца объясняютъ отчасти, какъ могъ воспитаться практической государственной смыслъ въ его сынѣ.

Елевеерій, готовясь къ гражданскому поприщу, рано выучился грамотѣ и полюбилъ книги, но не оставилъ и мірскихъ удовольствій: онъ любилъ ловить птицъ сѣтями. Есть преданіе, что на 12-мъ году возраста, утомленный этой ловлею въ полѣ, онъ заснулъ и услышалъ голосъ: Алексій! что понапрасну трудишься? Отнынѣ будешь людей ловить.—Имя Алексія и голосъ глубоко запади въ душу отрока. Онъ оставилъ мірскія забавы. Съ 15-ти лѣтъ ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ объ иноческомъ образѣ, и вступилъ въ Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ постригся на 20 году возраста и нареченъ Алексіемъ.

Иночество. Здѣсь строго проходилъ онъ иноческое житіе вмѣстѣ съ двумя любимыми сподвижниками: старцемъ Геронтіемъ и Стефаномъ, братомъ Преподобнаго Сергія. Здѣсь узналъ Алексія Митрополитъ Феогностъ и приблизилъ къ себѣ. Двѣнадцать лѣтъ и три мѣсяца онъ былъ его намѣстникомъ и управлялъ церковными судами на дворѣ Митрополитчьемъ. Такое занятіе дало иноку навыкъ въ дѣлахъ практическихъ. Предвидя въ Алексіѣ будущаго себѣ наслѣдника на Московской митрополіи, Феогностъ поставилъ его въ Епископы Владимірскіе.

Ученикъ М. Феогноста.

Алексій — Митрополитъ.

Смута, послѣдовавшая въ Русской церкви по кончинѣ Феогноста, по случаю поставленія въ Царьградѣ двухъ Русскихъ Митрополитовъ, рѣшена была двукратнымъ туда странствіемъ Алексія. Роману вѣрена была церковь Русская на югѣ, Алексію на сѣверѣ, и тогда обозначилось впервые то раздѣленіе Русской Митрополіи, которое сначала казалось такъ страшно для единства отечественной Церкви, а потомъ обратилось ей же во благо.

Подвиги государственные.

Всюду, гдѣ только могъ, Святитель вносилъ Христіанское начало мира. Новгородъ, тревожнымъ духомъ своимъ волновавшій нерѣдко и дѣла церкви, ни разу не принесъ жалобы Патріарху Царьградскому на Алексія. Тверскаго Епископа Феодора, мирившаго Тверскихъ Князей, онъ удержалъ въ епархіи въ то время, когда миротворецъ терялъ уже послѣднее терпѣніе. Алексій рѣшилъ споръ, начавшійся еще при Митрополитѣ Феогноствѣ, о предѣлахъ епархій Сарайской и Рязанской въ пользу послѣдней и утвердилъ рѣшеніе грамотою къ Червленому Яру, которая дошла до насъ. Строго сознанный долгъ пастыря и учителя прони-

ваетъ каждое слово этой грамоты. Пастырь, пріавъ силу благодати пресвятаго Духа отъ Патріарха вселенскаго и отъ святаго Собора, чувствуетъ великую обязанность на себѣ *молвить* и учить всѣхъ на все душеполезное. Онъ укоряетъ паству, что она слова его не слушаетъ, а исполняетъ волю тѣлесную и дѣлаетъ дѣла темныя. „Имѣйте, говоритъ учитель, вѣру правую къ святой и единосущной Троицѣ, въ нее же крестились, любовь и миръ другъ къ другу, правду, цѣломудріе, милостыню, исповѣданіе грѣховъ своихъ“.... „Творите дѣла свѣтлыя“.... „Къ церквамъ всегда прибѣгайте съ женами и съ дѣтьми, и что имѣете въ рукахъ, приносите имъ и святымъ, а священниковъ и монаховъ любите, и просите молитвы ихъ; вдовицъ, сиротъ, полоняниковъ и странныхъ милуйте и призирайте, а кто въ темницѣ, посѣщайте того, да сподобитесь блаженнаго онаго святаго гласа Христова: Приидите, благословенніи Отца моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра“.... Сознавая власть свою, какъ учителя, Пастырь говоритъ. „Мы Христовы и Христовы слова говоримъ: кто Христовъ, слушаетъ насъ и творитъ что пишу; кто не слушаетъ насъ, не есть Божій“⁹⁾.

Мы знаемъ по лѣтописямъ и по преданіямъ Русской пѣсни, какъ Татарская гроза разражалась надъ городами и селами Россіи то пожарами, то убійствами. Святость жизни Алексія и чудесная сила молитвъ его не только смирили Орду и ея Хана Джанибека, но и внушили вѣру Тайдулѣ, его женѣ, страдавшей слѣпотю, прибѣгнуть къ молитвѣ Русскаго Святителя. И Татары узнали, что есть въ Россіи святой мужъ, котораго молитвы слышитъ Богъ и исполняетъ. Видно, что сила духовная вѣры торжествовала въ Ордѣ надъ грубою силой Татарскою. Алексій принять былъ въ ней съ торжествомъ. Чудесное исцѣленіе совершено— и отвращена одна гроза отъ отечества. Но вотъ грозитъ ему другая: Ханъ Бердибекъ, убійца своего отца и 12-ти своихъ братьевъ, требуетъ дани отъ всѣхъ Князей Русскихъ и собирается идти войною. Миротворецъ-Святитель снова ѣдетъ въ Орду и чрезъ Тайдулу, имъ исцѣленную, укрощаетъ сына ея Бердибека: отечество опять спокойно, безъ пролитія крови, благодаря одной миротворной силѣ любви и молитвы.

Глубокій государственный смыслъ Митрополита Алексія обнаружился особенно въ дѣлахъ, касавшихся единенія Московскаго государства. Когда великое Княженіе Владимірское досталось Дмитрію Суздальскому, Алексій благословилъ его на княженіе во Владимірѣ, но самъ возвратился оттуда въ Москву, вѣрный завѣщанію о ней своего предмѣстника, Святителя Петра, и провидя ея назначеніе. Воспитаніе Дмитрія Донскаго, сочетавшаго смиреніе съ мужествомъ, которыя торжествовали на берегахъ Дона, принадлежитъ Алексію. Знаменитый договоръ Владиміра Андреевича съ Дмитріемъ, рѣшившій участь престолонаслѣдія и утвердившій единство государства, былъ заключенъ при посредничествѣ Алексія. Борьба Москвы съ Суздальскимъ Княженіемъ рѣшена была бракомъ

Димитрія съ Евдокією, дочерью Димитрія Суздальскаго. Дѣла Твери были труднѣе. Въ родственныхъ ссоры князей ея вмѣшивалась уже Москва; но Алексій, видя невозможность мира и единенія, удалился отъ дѣлъ Тверскихъ до самого примиренія Князей между собою.

Единство Церкви Православной было однимъ изъ главныхъ предметовъ бдительной его заботы. Онъ посѣтилъ Кіевъ, противился распространенію Римской вѣры въ Литвѣ и установилъ праздновать въ Церкви Русской память трехъ мучениковъ: Іоанна, Антонія и Евстаѳія, пострадавшихъ тамъ за православіе. Смерть Митрополита Романа доставила ему возможность дѣйствовать свободнѣе въ пользу единства Церкви и государства.

Шестидесяти лѣтъ вступилъ онъ на престолъ Московской Митрополіи, двадцать четыре года дѣйствовалъ на немъ, двадцать одного Епископа поставилъ въ Чудовской обители, имъ основанной, и на 85-мъ году жизни скончался (1377).

Памятники
словесной
дѣятельно-
сти.

Новый За-
вѣтъ.

Намъ осталось два памятника словесной дѣятельности Митрополита Алексія: списокъ Новаго Завѣта, по преданію, писанный его собственною рукою, и *Почу-ченіе*. Первый хранится въ Чудовѣ монастырѣ. Когда при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ предпринято было исправленіе Библии Епифаніемъ Славинецкимъ и другими нашими богословами, то первая книга, послужившая исправителямъ, была рукопись Святителя Алексія. Издавна по ней читалось Евангеліе надъ болящими. Св. Алексій, изучившій Греческій языкъ подъ руководствомъ наставника своего Θεогноста, воспользовался пребываніемъ своимъ въ Царьградѣ, въ 1355 году, и по лучшимъ Греческимъ спискамъ, какъ это дознано изслѣдованіями Добровскаго, исправлялъ славянскій текстъ и совершилъ въ немъ многія измѣненія ближе къ греческому подлиннику. Это малое по объему сокровище выносить наша Церковь при богослуженіи во дни, посвященные памяти Святаго. Вопреки вѣсѣмъ старовѣрнымъ защитникамъ буквы оно представляетъ живое доказательство тому, что наши Святые Пастыри читали духъ Писанія, а не мертвую букву, и издревле, рачительно заботясь объ исправности Славянскаго текста, тѣмъ благословляли и впредь подобныя труды.

Предисловія
къ книгамъ
Новаго За-
вѣта въ переводѣ.

Въ Синодальной библиотекѣ хранятся Греческіе рукописные подлинники Новаго Завѣта, которыми можетъ быть повѣренъ переводъ Святителя Алексія. Почти вѣсѣмъ книгамъ новозавѣтнымъ, особенно же Дѣянїямъ и Посланїямъ Апостольскимъ, предшествуютъ предисловія, въ которыхъ обозначены время написанія книги, поводъ къ написанію, сущность содержанія и потомъ самое содержаніе по главамъ. За Дѣянїями Апостольскими слѣдуетъ толкованіе Пречистой, т. е. объясненіе Апостольскаго преданія о богородичномъ хлѣбѣ. Вѣсѣмъ соборнымъ посланїямъ предпосланъ прологъ, въ которомъ авторъ относится къ другу своему любимому Аванасію и проситъ его молить за него Бога и молить „всего о Христѣ церковнаго челоуѣка, святымъ сословеснаго, непрестанно молиться за него“.

Образецъ писемъ Евангелія Святителя Алексія.

(6)

А КЪ ТЕБЕ МОЮ ОУМЪ О ТЕМЪ СЪОДНО
 СКОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЕИ СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЕИ СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЕИ СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ

Б МЪ КАКО ПЛАШЕ ИМАЮЮЩИЕ
 СЪТРИДОМЪ СЪВѢДѢСТВО ДА СЪВѢДѢ
 ЧАСТУЮ СЪВѢДѢ ДА СЪВѢДѢ
 МЛА ПОВѢСНО СЪ ПОВѢСНО СЪ
 СТУЮ СЪВѢДѢ БЪ СЪВѢДѢ
 ПРАВО СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

В СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 ЦИ ПРИНМАЮ ДА СЪВѢДѢ
 ТИ ВЪ РОУ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ
 НИИ НИ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

Г СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

Д СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

Е СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

Ж СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

З СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

И СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

Й СЪОМЪ СЛОВО ПРАВИННОУ СЪВѢДѢ
 СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ СЪВѢДѢ

Къ 66 стран. III части Исторіи
Русск. Слов.

Передъ Посланіями Апостола Павла читаемъ предисловіе къ нимъ, написанное Діакономъ Евоалемъ. Всѣ эти переводы съ греческаго, вѣроятно, принадлежать Святителю. Сличая текстъ Евангелія съ Греческимъ подлинникомъ и съ предшествовавшимъ Славянскимъ текстомъ, находимъ, что переводчикъ, съ одной стороны, сближаетъ переводъ свой со смысломъ перваго, съ другой же, допускаетъ болѣе народные обороты въ Славянскій языкъ и держится Русскаго правописанія. Въ переводахъ предисловія замѣтна излишняя близость къ подлиннику и господство греческаго синтаксиса (10^a).

За четырьмя Евангелистами слѣдуетъ слово или разсужденіе: *„о поставленіи властелинъ, яко не вся убо во власть поставляютъ Богъ, всѣми же дѣйствуетъ. Убо достойни яко достойни поставляются, недостойниже на наказанье согрѣшившымъ и на обращеніе, и яко тою вещью по правому суду божью предани бываемъ языкомъ, яко наказанья ради обладающимъ нами: зли суть, не убьютъ суда божья. И о различіи вещей и о ставленіи и яко во время оставленья ни своихъ царь щадитъ Богъ“*. Слово о поставлен. властел. и пр.

Разсужденіе состоитъ изъ пяти вопросовъ и отвѣтовъ, выбранныхъ изъ Анастасія Синаита. Они взяты изъ его извѣстнаго сочиненія, но здѣсь сопоставлены совершенно въ иномъ порядкѣ и составляютъ какъ бы одно цѣлое. Въ этомъ видѣ встрѣчается это слово въ Пандектахъ Никона Черногорца, жившаго въ XI вѣкѣ, и тамъ отмѣчается 41-мъ словомъ.

Святитель, вѣроятно, самъ перевелъ его, во многомъ сокративъ и даже исключивъ нѣкоторыя мѣста. Оставлены всѣ вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, равно и выписки изъ Іоанна Златоуста. Но съ какою же цѣлью оно избрано по преимуществу и поставлено здѣсь? Познакомимся съ содержаніемъ и увидимъ, что оно имѣетъ большія отношенія и къ современной Святителю жизни, и къ Русскому человѣку вообще.

Къ первому вопросу подають поводъ слова Апостола: *„всѣ власти мірскія учинены отъ Бога“*; всякій ли царь или князь, или епископъ отъ Бога поставляется? Вотъ отвѣтъ: Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему: ясно, что нѣкоторые изъ царей или князей поставляются достойными такой чести отъ Бога, а недостойные поставляются противъ достоинства людей, по злобѣ ихъ, по Божью поущенію и хотѣнью. Приводятся два примѣра: мучителя Θεки въ Царьградѣ и одного недостойнаго епископа Фиваиды. И такъ, когда видишь недостойнаго, злаго царя и князя, или епископа, не дивися, *ни Божія промысли огаголуй*, но научися и вѣруй, что по беззаконью нашему такимъ мучителямъ предаемъ.

Второй вопросъ, также близкій народу Русскому по тогдашнему времени, о томъ, какъ Богъ допускаетъ иноплеменные и поганые народы творить намъ зло?—рѣшается такъ. Согрешившимъ намъ, челоуѣколюбивый Богъ, какъ праведный

судія, предаєть насъ врагамъ нашимъ не на пагубу, а на казнь. Черезъ Іеремію Онъ говоритъ Израилю: держайте, люди мои, не погибнетъ память Израилева; въ преданы были языкамъ не на пагубу, но за то, что прогнѣвали Бога. А вотъ слова Исаіи: кто дастъ на расхищеніе Іакова и на разграбленіе Израіля? не Богъ ли? Ему же согрѣшили, не хотѣли ходить въ путяхъ его, ни слушать закона его, и навелъ онъ на нихъ гнѣвъ своей ярости...

Господь Богъ, не любя поганыхъ (у Никона названы сыны Измаиловы), даєть имъ насиліе — воевать землю Христіанскую, ради беззаконія и грѣховъ ея, черезъ невѣрныхъ посылаетъ скорби на вѣрныхъ, чтобы истребились въ нихъ плевелы: огонь искушенія *время оно*, да явятся избранные. Златоустъ говоритъ: если при браняхъ, при толикихъ напастяхъ, намълежащихъ, мы согрѣшаемъ, то какими были бы мы, легко живучи?

На третій вопросъ о томъ, какіе образы бываютъ оставленію Божію? — Анастасій Синаитъ даєть отвѣтъ: двумя образами Богъ оставляетъ насъ: на обращеніе и уцѣломудреніе, какъ отецъ сына, или на необращеніе, какъ царь врага или Христосъ Іуду. Оставлены были и Лазарь и расслабленный, но на прощеніе отъ грѣховъ... Много утѣшительнаго предлагаетъ учитель народу въ его томительныхъ бѣдствіяхъ. Нѣтъ бѣды, говоритъ онъ словами Златоуста, если всѣ насъ отвращаются и ненавидятъ, а Богъ пріемлетъ и любитъ. Вотъ и наставленія: нынѣ, согрѣшающимъ намъ, Богъ наводитъ враговъ, но мы, брань отъ нихъ пріемля, не творимъ брани къ нимъ, но лучше исповѣдаемъ, что согрѣшили, и исправимся, и узримъ враговъ падающихъ передъ очами нашими... Если хочешь видѣть перемѣну въ творящихъ брань на тебя, покайся въ чемъ согрѣшилъ, и враги падутъ.

Четвертый вопросъ возбужденъ грѣшниками, на землѣ счастливыми, и праведниками, на ней страдающими... Недовѣдомы судьбы божіи и *не протолкуемы*, говоритъ учитель и, приводя многіе примѣры изъ Писанія, старается утвердить въ мысли непоколебимое равновѣсіе правды Божіей. Нѣтъ праведника, не имѣющаго грѣха, говоритъ онъ, и нѣтъ грѣшника, не имѣющаго чего нибудь добраго. Праведникъ здѣсь страдаетъ, искупляя какой нибудь грѣхъ, чтобы тамъ не мучиться; грѣшникъ за какое нибудь дѣло доброе принимаетъ здѣсь благо, чтобы мучиться тамъ... Если бы кто здѣсь не мучился, не признали бы люди Бога *надстоящаго вѣщамъ человѣческимъ*, а если бы всѣ мучились, никто бы не ожидалъ воскресенія, потому что тогда всѣ бы здѣсь по дѣламъ воспринимали. Праведники же скорбятъ въ этомъ мірѣ, какъ чужіе, какъ пришельцы, живучи на чужбинѣ...

Есть еще пятый вопросъ. Онъ всегда поражалъ мыслителей Русскихъ, потому что вытекалъ изъ частныхъ явленій самой жизни Русскаго народа. Вопросъ касается внезапныхъ смертей человѣка: съ берега ли кто упадетъ, землю ли засыплется, или утонетъ: по божьему ли то бываетъ прещенію и велѣнію или отъ дѣйствія дьявольскаго? Учитель удаляетъ послѣднюю отчаянную мысль, говоря, что дьяволъ

не только людьми, но даже и свиньями не владѣть. Онъ указываетъ въ такихъ смертяхъ на естественную причину, заключенную въ нашемъ собственномъ неразуміи. „Не *претребуи*, говоритъ онъ, когда видишь кого съ берега сваливагося, не говори: зачѣмъ такъ умеръ? Часто и отъ своего безразсудства и безумья впадаемъ въ бѣды, и въ напасти, и въ смерти“... Но тѣмъ не менѣе и подобные случаи бывають не безъ воли Божіей: это уроки другимъ, чтобъ были мудры. Допускается и внезапная кончина праведниковъ, чтобы, видя прещеніе Божіе, другіе умудрялись, ибо ничто не бываетъ внѣ разума Божія“. Замѣтимъ, что, при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, и особенно послѣдняго, привлекаетъ вниманіе пастыря церкви одна изъ любимыхъ мыслей Русскаго народа, близкая его сердцу и разуму, мысль о промыслѣ Божіемъ въ жизни народовъ вообще и всякаго человѣка въ особенности (¹⁰ b). Слово въ переводѣ, или правильнѣе въ сокращеніи, остановилось на общей мысли, и устраненъ еще вопросъ блаженнаго Александра къ великому Евсевию о причинѣ смерти человѣка, внезапно унесеннаго рѣкою. Но въ концѣ другими чернилами съ красной строки приписалъ смиренный переводчикъ—собратитель слова: *смирено мысляя есть иже всѣхъ послѣдняго себе мняи и исправлены своихъ утаяся: ино есть цльм.*

Поученіе Митрополита Алексія ¹¹⁾, по мнѣнію его ученыхъ издателей, не есть проповѣдь, изустно произнесенная въ храмѣ, но пастырское посланіе, написанное имъ немедленно по вступленіи на престолъ Митрополи Русской. Многія выраженія, какъ напримѣръ: „Се же, дѣти, вкратцѣ *писахомъ* вамъ... Аще приимете и соблюдете въ сердцахъ вашихъ, еже *писахомъ* вамъ“, подтверждаютъ истину этого мнѣнія, а другія мысли и выраженія, сходныя съ подобными въ грамотѣ вышеприведенной, показываютъ, что оба памятника принадлежать одному и тому же лицу ¹²⁾.

Поученіе.

Первая мысль поученія, какъ и грамоты, сказать братьямъ слово на пользу души, нужное для ихъ спасенія: „Хочу вамъ, братія, вспомянуги душеполезнаа и спасенаа“. Что же побуждаетъ къ тому учителя? Обязанность. „Понеже убо, дѣти, долженъ есмь васъ пасти и учити порученую ми паству, якоже пишетъ Павелъ Апостоль къ Тимоѣю, Епископу Критскому: чадо Тимоѣе! учи, моли, запрети во время и безъ времени“. Какой же первый совѣтъ поученія?—„Дѣти, да будетъ отъ васъ всякъ скорь на послушаніе, а медленъ на глаголаніе, позденъ во гнѣвъ“.

Двѣ притчи Спасителя предлагаетъ наставникъ. Первая о сѣятелѣ изложена кратко. Сѣмя—слово Божіе истинное, а земля—сердца человѣческія. Да не будетъ же, дѣти, земля сердца вашего терновата лѣнностію и небреженіемъ, не творя плода духовнаго, или окаменена безстрашіемъ Божіимъ, и при пути—пристрашіемъ житія. Но да будетъ земля сердца вашего добра на пріятіе слова

Божія истиннаго — Евангелія, творя плодъ душевный, ово тридцать, ово шестьдесятъ, ово сто.

Вторая притча Господня о чловѣкѣ домовитомъ, который насадить виноградъ, оградилъ его оплотомъ, создалъ столпъ, ископалъ въ немъ точило и предалъ его дѣлателямъ. Чловѣкъ — Христосъ Богъ нашъ, Богъ и чловѣкъ вмѣстѣ, пожившій съ людьми для нашего спасенія, во всемъ намъ подобный кромѣ грѣха. Виноградъ — чловѣчество на землѣ; оплотъ — законъ божественный; столпъ — Церковь Божія; точило — честная кровь, пролитая Имъ для нашего спасенія; дѣлатели — святые Апостолы и святые Отцы, Патріархи, Митрополиты, Епископы и весь священнической чинъ: упасши и научивъ людей закону Божію, да рекутъ они во второе пришествіе Христа Бога нашего: Господи! се мы, и дѣти, яже еси далъ намъ.

Здѣсь мѣсто и творцу поученія. Отъ преданій Апостольскихъ ведетъ онъ свое пастырское служеніе. „Такъ и я грѣшный, говоритъ онъ, сподобленъ былъ святительства, не по моимъ достоинствамъ, но по Божьимъ щедротамъ и по великой Его милости, ее же изліялъ на насъ обильно, сподобленъ былъ вамъ, дѣтямъ моимъ, быть пастухомъ и учителемъ, пасти порученное мнѣ стадо словесныхъ овецъ. А потому, дѣти, воспоминаю вамъ слово Спасова къ его ученикамъ и Апостоламъ: да любите другъ друга: потому и узнаютъ васъ, что вы ученики мои, если пребудете въ любви. Такъ и вы, дѣти, имѣйте между собою миръ и любовь. О томъ же говоритъ и Апостоль Павелъ: весь законъ въ одномъ заключается — любить другъ друга и ближняго, какъ самого себя.

„Также, дѣти, имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ своихъ: имъ можетъ чловѣкъ всякую добродѣтель стяжать. Начало премудрости страхъ Господень. Такъ и Григорій Богословъ пишетъ: гдѣ боязнь Господня, тамъ плоти чищеніе, и заповѣдямъ Божіимъ соблюденіе, а гдѣ заповѣдямъ соблюденіе, тамъ душѣ возвышеніе въ горній Іерусалимъ. А заповѣди Божіи соблюдаются покаянiемъ чистымъ, милостынею и удаленіемъ отъ дѣлъ неподобныхъ: отъ пiянства, отъ грабительства, насилія, чародѣйства и волхвованія, и отъ ненасытнаго обогащенія. Имѣйте, дѣти, въ умѣ своемъ смерть, и воскресеніе, и судъ, и отданіе каждому по дѣламъ его“.

Предложивъ правила жизни для всѣхъ, учитель обращается къ сословіямъ и прежде всего къ сильнымъ міра, за которыми власть. Вотъ имъ правило: „Князья и бояра и вельможи! судите судъ милостиво: судъ будетъ безъ милости не сотворшему милости, хвалится милость на судѣ. Мзды не берите, судите не на лица, судите людямъ въ правду; вдовицъ и сиротъ и пришлецовъ не обижайте, да не возопіють на васъ къ Богу“.

А вотъ правила для всего народа: „А людская чадь, Бога бойтеса, а князя чтите, а святительство держите выше своей головы, со всякимъ покореніемъ, безъ

всякаго прекословія: они *печалуютъ* день и ночь о душахъ вашихъ; имъ воздаты отвѣтъ Богу о паствѣ своей. Захочетъ ли кто небреженіемъ о своемъ спасеніи лишиться вѣчнаго живота, не внемля словамъ Спасовымъ: Придите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененіи, и азъ упокою вы? Зоветь насъ Христосъ въ царство Свое небесное... Притеките къ іерею, отцу духовному, съ покаяньемъ и со слезами.... Святители и іереи — ходатаи между Богомъ и человѣками.... Сколько можетъ сила ваша, исполняйте законъ Божій не словомъ, но дѣломъ, какъ изрекъ Спасъ: что я зовете: Господи, Господи, а не творите воли моеи? Отъидите отъ мене; не вѣмъ васъ. — Вы же, дѣти, принимайте въ души ваши и пишите на сердцахъ вашихъ Евангельскія рѣчи, Апостольскія проповѣди, и Святыхъ Отецъ правила^а.

Святитель переходитъ къ храму Божію, къ церковной молитвѣ сравнительно съ домашнею, къ глубокому смыслу литургіи. Здѣсь слово его проникнуто все высокімъ значеніемъ Церкви и мыслью о связи ея богослуженія съ нашею жизнію.

„А въ церковному пѣнію будьте, дѣти, поспѣшны, утекая другъ передъ другомъ, какъ Іоаннъ Богословъ передъ Петромъ ко гробу Христову.

„Князья, бояра, и купцы, и всякій правовѣрный Христіанинъ! оставивъ всѣ дѣла свои, на церковную молитву стекайтесь безъ лѣности и не говорите такъ: отпоемъ себѣ дома. Не можетъ та молитва успѣть нисколько безъ молитвы церковной. Какъ хранина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣться: такъ и домашняя молитва безъ церковной. Церковь наречется земное небо, въ ней же закаляется Агнецъ, Сынъ, Слово Божіе, за очищеніе грѣховъ всего міра вѣрныхъ и людей трепещущихъ словесъ Божіихъ, въ ней же проповѣдуется Евангеліе царствія Божія, и святыхъ Апостоль дѣянія, и Соборныя посланія, и свѣтлаго нашего учителя Павла Апостола 14 посланій, и святыхъ вселенскихъ Отецъ семь Соборовъ почитаются, и престоль Божіей славы Херувимами невидимо осѣняется, и священническими руками тѣло и кровь Божественная приемлется и вѣрнымъ людямъ подается на спасеніе и очищеніе душамъ и тѣламъ. Таково страшное и грозное и преславное чудо Божіе совершается въ церкви, а вы хотите домашнимъ своимъ пѣніемъ обрѣсти себѣ пользу!

„Разсмотрѣвъ эти слова, дѣти, *пострашите* сердца ваши, вложите ихъ въ разумъ и прикладывайте свою молитву домашнюю къ церковной молитвѣ. Когда же, дѣти, приходите въ церковь, имѣйте со всѣми миръ и со всѣми любовь, по Спасову. А входя въ церковь потрепещи душею и тѣломъ: не въ простой домъ входите. Будете такъ творить — и молитва церковная за васъ придетъ. Съ боязнью, благоговѣніемъ и со страхомъ Божіимъ входите въ церковь, и съ радостію исходите, получивъ прощеніе грѣховъ.

„Когда же стоите въ церкви, помышляйте о своихъ прегрѣшеніяхъ; въ такое время оставляйте за собою всѣ дѣла внѣ церкви. Откровеніемъ Святаго Духа,

изложили божественную службу Великій Василій Кесарійскій, Іоаннь Златоустъ, Григорій Богословъ: „Станемъ со страхомъ. Возлюбимъ другъ друга, сердечною любовію, а не устами и языкомъ“. И: „всякую нынѣ житейскую отвергнемъ печаль. Нынѣ бо Силы небесныя съ нами невидимо служатъ“. Не можете, дѣти, прогнѣвать Бога говореніемъ своимъ въ церкви...

„Я долженъ, принявъ отъ Бога талантъ, не скрывать, а раздать вамъ, добрымъ торжникамъ. Куплю духовную творите съ прибыткомъ, да возмогу я съ Апостоломъ Павломъ сказать въ день судный: вы похвала моя, вы и радость, вы и вѣнецъ мой предъ Богомъ. Да сподобитъ меня грѣшнаго Богъ сказать, во второе Его пришествіе, съ вами, съ моими дѣтьми: Господи! се азъ и дѣти, яже ми еси далъ“.

Послѣдній совѣтъ своей паствѣ заимствуетъ пастырь изъ словъ Григорія Богослова: „овца знаменана неудобъ украдома бываетъ“. Знаменіе же овцамъ стада Божія есть причащеніе тѣлу и крови Христовой. „Вы, дѣти, овцы словеснаго стада, не пропускайте ни котораго говнїя безъ того знаменїя, но будьте причастниками тѣлу и крови Христовой“.

Въ этомъ Поученїи два достоинства. Первое есть полнота его и краткость: такъ трудно, кажется, въ столь маломъ размѣрѣ вмѣстить столь богатое содержаніе и въ немногихъ словахъ сказать все, что только долженъ сказать пастырь своей Христіанскій пастырь. Но это чудо полноты и краткости объясняется тѣмъ, что здѣсь всякое наставленіе запечатлѣно силою дѣйствїя, всякое слово есть отголосокъ внутренней жизни. Второе достоинство Поученїя есть непрерывная логическая связь всѣхъ его мыслей между собою. Это особенно чувствуешь, когда извлекая сокращаешь его: видишь, что невольно нарушаются звенья той строгой послѣдовательности, въ какой все оно сказано.

Оба сокровища, завѣщанныя пастыремъ его паствѣ, малы объемомъ, но велики содержаніемъ.

Дѣйствіе
устнымъ
словомъ.

Станнымъ съ перваго раза покажется, что изъ двухъ первенствующихъ дѣятелей въ духовной жизни нашей XIV вѣка одинъ не оставилъ ничего письменнаго, другой мало по объему. О Св. Сергіи говоритъ его жизнеописатель, что онъ училъ словомъ и что многіе въ его время поминали душеполезныя его слова и ученїя; въ повѣсти о Св. Алексіѣ также сказано, что онъ на святительскомъ престолѣ многія лѣта училъ слову Божію и что даже въ глубокой старости и во многомъ изнеможенїи не переставалъ учить ему¹⁵⁾. Ясно, что оба дѣйствовали, по обычаю древнихъ Русскихъ людей, изустнымъ словомъ. Подобныя явленїя нерѣдки въ древней жизни нашей, судя по свидѣтельству лѣтописей отечества. Такъ напрямѣръ, въ томъ же XIV вѣкѣ, подъ 1382 годомъ, лѣтописецъ передаетъ намъ извѣстіе о кончинѣ одного книжнаго и ученаго инока Павла Высокаго: „Тогоже лѣта преставился блаженный старецъ Павелъ, жившій житіемъ иноческимъ див-

Павель Вы-
сокій.

нымъ: онъ былъ весьма книженъ и ученъ (философъ великій)¹⁴); долго безмолвствовалъ. Но когда наступало время бесѣды, бывалъ многоразсудителенъ и весьма полезенъ; слово его было растворено солью божественною; много добродѣтеленъ и дивенъ всѣмъ, по имени и прозванію *Павелъ высокій*. Положили его въ Печерскомъ монастырѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ. Поскорбѣли о немъ многіе. Для людей, приходившихъ къ нему, онъ былъ утѣшеніемъ и прибѣжищемъ духовнымъ. Поскорбѣли не только пресвитеры и иноки, но и міряне. И самъ Митрополитъ, и Епископы, и Діонисій Епископъ Суздальскій и Нижняго Новгорода, опечалились о немъ, потому что былъ очень книженъ, благорастворенъ обычаемъ добрымъ, благопослушливъ о Господѣ, всѣмъ сладокъ, утѣшителенъ и полезенъ. А между тѣмъ отъ Павла высокаго намъ ничего не осталось¹⁵).

На исходъ числа седьмой тысячи лѣтъ, какъ говорили современники, Св. Стефанъ Пермскій. Житіе его. Господь помиловалъ о народъ Пермскомъ и послалъ ему Христіанскаго просвѣтителя въ лицѣ Стефана. Дѣятельная сила вѣры сочеталась со богословскою ученостію и знаніемъ языковъ въ этомъ духовномъ подвижникѣ XIV вѣка. Житіе Стефана Пермскаго написано было вскорѣ послѣ его кончины (1396) тѣмъ же іеромонахомъ Епифаніемъ, который написалъ и Сергіево. Жизнеописатель самъ зналъ его лично и довольно коротко; нерѣдко даже спорилъ съ нимъ о нѣкоторыхъ событіяхъ или, какъ ученый риторъ, о какомъ нибудь словѣ, стихѣ, или строкѣ; иное въ житіи узнать онъ изъ бесѣдъ съ самимъ Стефаномъ, иному былъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ, а другое передали ему ученики Стефановы и старые люди, которыхъ онъ разспрашивалъ¹⁶). Нѣкоторыя преданія о жизни и подвигахъ Стефана Пермскаго не содержатся въ писанномъ житіи, а до сихъ поръ живутъ или въ изустныхъ, или въ рукописныхъ народныхъ преданіяхъ той страны, гдѣ онъ дѣйствовалъ, и связаны со многими мѣстными памятниками святыни или даже старины языческой¹⁷).

Стефанъ былъ родомъ изъ города Великаго Устюга Двинской области, сынъ Рожденіе его и образованіе. одного изъ причетниковъ соборной Успенской церкви Симеона и жены его Маріи. Рожденіе его, по народному преданію, предсказалъ еще Св. Прокопій, юродивый Устюга, смотря на трехлѣтнюю Марію. Симеонъ, отецъ Стефановъ, имѣлъ словесное образованіе и первый написалъ житіе Св. Прокопія Устюжскаго по тѣмъ преданіямъ, которыя слышалъ отъ него лично¹⁸). Ясно, что отецъ и самъ могъ научить грамотѣ даровитаго сына, однако отдать его въ ученіе. Черезъ годъ онъ такъ ей выучился, что могъ канонархатъ и быть чтецомъ въ соборной церкви. Жизнеописатель говоритъ, что Стефанъ въ городѣ Устюгѣ научился всей *грамматической хитрости и книжной силѣ* и читалъ многія книги Ветхаго и Новаго Заветъа. Видно, что книжное образованіе въ XIV вѣкѣ не было чуждо и нашимъ второстепеннымъ городамъ, если сыну Устюжскаго причетника оно было

доступно. Въ Устюгѣ же Стефанъ узналъ Пермскій языкъ изъ разговоры съ Зырянами, которые часто наѣзжали туда.

Устюгъ тянулъ къ Ростову. Здѣсь, въ монастырѣ Св. Григорія Богослова, нарицаемомъ въ *заворѣ*, близъ епископіи, постригся Стефанъ. Этотъ монастырь уже въ XIII вѣкѣ славился своимъ книжнымъ просвѣщеніемъ: въ немъ лѣтописецъ передалъ тогда письму словъ Кирилла, Епископа Ростовскаго. При монастырѣ находилась обширная бібліотека. Игуменъ Максимъ, прозвищемъ Калина, постригъ Стефана и былъ ему *трудолюбивый сподвижникъ въ разбѣннн божественныхъ писаній*. Вскорѣ Арсеній, Епископъ изъ рода княжескаго, поставилъ его въ Иеродіаконы. Стефанъ старался быть совопросникомъ и собесѣдникомъ каждаго мужа мудраго и книжнаго, каждаго старца разумаго и духовнаго. Всякую повѣсть божественную ловилъ онъ жаднымъ слухомъ; слова, рѣчи, поученія и повѣсти старческія были для него любимую пищу; житія святыхъ онъ читалъ не безплодно, стараясь подражать имъ. Святныя книги переписывалъ искусно, красиво и скоро: многія книги его еще при Епифаніи служили тому свидѣтельствомъ. Нѣкоторыя же онъ и самъ трудолюбиво собралъ¹⁹⁾.

Пермская
грамота.

Въ Ростовѣ, задумавъ великій подвигъ и зная Пермскій языкъ практически, Стефанъ принялся воздѣлывать и образовать его, самъ сложилъ для него азбуку и началъ прелгать на Пермскій языкъ Русскія священныя книги. Желая достигнуть высшаго образованія, онъ выучился и Греческому языку, который еще въ XIII вѣкѣ процвѣталъ въ Ростовѣ, потомучто употреблялся въ церковномъ богослуженіи наравнѣ со Славянскимъ. Стефанъ быстро читалъ Греческія книги и держалъ ихъ у себя. Онъ выучился говорить и писать на трехъ языкахъ: по-Русски, по-Гречески и по-Пермски²⁰⁾.

Грамотѣ XIV вѣка въ словахъ Бл. Феодорита начитали, что всѣхъ народовъ, на которые раздѣлилось челоѣчество при столпотвореніи Вавилонскомъ, было 72, но что не всѣ они послѣдовали апостольской проповѣди, а только 51; двадцать же одинъ народъ оставался некрещенымъ. Въ числѣ ихъ были и Пермяне. Еще другое ученіе было въ ходу между современниками: когда всѣ народы обратятся ко Христу, тогда съ концемъ седьмаго тысячелѣтія послѣдуетъ кончина міра. Такимъ образомъ, крещеніе Пермскаго народа связывалось съ этою мыслию, которая тяготѣла надъ умами Руси въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Пермь.

Огромная страна, извѣстная подъ именемъ Перми, прилежала къ Двинской области на сѣверѣ Россіи. Четыре главныя рѣки ея орошали: Вымь, впадающая въ Вычегду, и Вятка, текущая въ Каму. Современные географы удивлялись, какъ изъ одной и той же Пермской земли могли двѣ рѣки течь въ противоположныя стороны: Вычегда на сѣверъ и Кама на полдень. Многіе народцы въ самой Перми и около нея жили; вотъ имена ихъ: Двиняне, Устюжане, Вилежане, Вычезжане, Пѣнежане, Южане, Сырьяне, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла,

Югра, Печера, Гоголичи, Самоѣдь, Пертасы, Пермь великая, или Чусовая. Вся эта земля говорила особеннымъ языкомъ Финскаго племени. Новгородъ и Москва простирали на нее власть свою и брали съ нея пушныя дани. Москва прислала ей своихъ тиуновъ, доводчиковъ и приставниковъ. Но Христіанское просвѣщеніе еще ея не коснулось. Пермь казалась образованнымъ современникамъ землею чаръ и волшебства: „Пермская земля, говорили они, *полна и волхвенія, и кобенія, и чарованія, и кудешенія*“. Замѣчательно, что она и до сихъ поръ въ простомъ народѣ сохранила нѣкоторыя черты тѣхъ же предразсудковъ. Тогда же волхвы, кудесники, чаротворцы завѣдывали вѣрою народа и содержали его въ глубокой тьмѣ невѣжества. Кумирницы съ идолами и съ звѣрями, приносимыми имъ, встрѣчались часто въ лѣсахъ. Главные идолы были Воипель и Золотая баба, въ видѣ старухи съ двумя младенцами. Почитались и особенныя деревья, какъ на примѣръ, *прокудливая береза*, преданіе о которой дошло до нашихъ временъ. На вѣтви навѣшивались дорогія шкуры пушныхъ звѣрей.

Изготовляясь къ своему подвигу, Стефанъ разспрашивалъ всѣхъ, кого только могъ, о землѣ Пермской и ея сосѣдяхъ. Грамота Пермская была у него готова около 1375 года. Стефанъ испросилъ благословеніе у Герасима, Епископа Коломенскаго, который, за отсутствіемъ Митрополита, правилъ тогда Церковью въ Москвѣ. Герасимъ исполненъ былъ любви и благоволенія къ предпріятію Стефана. Онъ далъ подвижнику мощей святыхъ, антиминсы, все потребное къ освященію церкви, святое муро, священное масло, снабдилъ его грамотами отъ Князя и своими. Съ молитвою вступилъ Стефанъ въ дикую землю, вступилъ одинъ, подкрѣпляемый тою же благодатною силою, которая въ древнія времена подвигала Апостоловъ. Двинулся онъ изъ роднаго города своего Устюга сѣвѣрною Двиною, а тамъ Вычегдою, въ Пермь.

Начало подвига Стефанова.

Началась борьба съ народомъ. Мѣстныя урочища до сихъ поръ хранятъ о томъ свидѣтельства. Нѣсколько разъ угрожали ему язычники убійствомъ: то приступали къ нему съ дубемъ и дрекольемъ, то напрягали на него лука со стрѣлами, то грозили сжечь его соломой. Молитва, кротость и слово Божіе на Пермскомъ языкѣ были единственнымъ оружіемъ Стефана противъ язычниковъ. Онъ обозначалъ повсюду путь свой крестами и часовнями. Слово проникло въ сердца дикія: начали обращаться. Обращенные сами послѣ сознавались, что хотѣли убить его, но никогда не начиналъ онъ боя, а они того только и ждали. Первымъ явнымъ плодомъ успѣха Стефанова было созданіе деревянной церкви на устьѣ Выми, тамъ, гдѣ пала она въ Вычегду. Онъ самъ заложилъ и построилъ храмъ во имя Благовѣщенія, праздника начальнаго всѣмъ Христіанскимъ праздникамъ, празднуемаго въ Мартѣ, первомъ изъ всѣхъ мѣсяцевъ, когда, по мнѣніямъ современниковъ, былъ созданъ міръ и Адамъ, когда совершилось начало нашего

Борьба съ народомъ.

Борьба съ
волхвами.

спасенія и когда должна совершиться кончина міра²¹). При церкви созданы были послѣ обитель и епископія. Приходили язычники въ храмъ смотрѣть на его красоту, слушать преніе Стефана съ волхвами и потомъ бесѣду. Народъ раздѣлился на двѣ стороны: на Христіанъ и кумиропослужителей. Послѣдніе ненавидѣли первыхъ. Чѣмъ болѣе распространялось число Христіанъ, тѣмъ въ большую ярость приходили язычники. Стефанъ плакалъ и молился, а число вѣрныхъ умножалось. По свидѣтельству житія, онъ крестилъ своими руками 700 Пермлянъ, а по другимъ свидѣтельствамъ—тысячу и построилъ три церкви. Храмъ во имя Архангеловъ Михаила и Гавріила былъ воздвигнутъ на мѣстѣ той волшебной березы, которой пень еще въ прошедшемъ столѣтіи былъ открытъ при перестройкѣ деревянной церкви въ каменную и разобранный простымъ народомъ, какъ предметъ обожанія ихъ предковъ.

Послѣ кротости, Стефанъ дѣйствовалъ на народъ еще своимъ безкорыстіемъ. Когда сокрушалъ онъ кумирницы и въ нихъ идоловъ,—всѣ приношенія, всѣ мѣха, составлявшіе богатство не одной Перми, но Россіи, Орды, Литвы и Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ полѣтными разрушеннаго идола, летѣли въ огонь. Стефанъ не оставлялъ себѣ ничего, не подражая въ томъ волхвамъ и кудесникамъ Перми. Пелены же съ важнѣйшихъ идоловъ онъ отдавалъ новообращенному слугѣ своему, отроку Матвѣю, на онучи не изъ корысти, а для того, чтобы обезчестить самихъ идоловъ такимъ употребленіемъ ихъ одежды. Народъ изумлялся и благоговѣлъ передъ простотою и мужествомъ Русскаго инока.

Встрѣчалось иногда и сопротивленіе. Новообращенные, увлекаясь волхвами, возвращались опять къ своимъ суевѣріямъ: такое преданіе сохранилось мѣстно объ измѣнѣ селенія Гама, которое за то и до сихъ поръ зовется въ народѣ *слѣпыми Гамомъ*.

Борьба съ
волхвами.

Но борьба съ волхвами была труднѣе, нежели съ народомъ. Они стояли за свою вѣру, которая связана была съ ихъ силою, властью и богатствомъ. Въ житіи довольно подробно разсказано преніе Стефана съ волхвомъ Памою сотникомъ. Смѣло, краснорѣчиво и твердо препирался съ нимъ просвѣтитель Перми во имя живаго Бога Вседержителя. Пама убѣждалъ народъ силою отеческихъ преданій недовѣрять пришельцу Московскому. „Отъ Москвы можетъ ли какое добро быть для насъ?—говорилъ онъ. Не оттуда ли на насъ всѣ тяжести, и дани, и насильства, и тиуны, и доводчики, и приставники? Онъ вамъ чужой, а я съ вами одинъ родъ, одна земля, одно колѣно, одинъ языкъ“.—Пама доказывалъ, что выгоднѣе имѣть многихъ боговъ, послѣшниковъ во всемъ и поборниковъ, нежели одного бога; что всѣ дары природы въ водахъ, въ воздухѣ, въ болотахъ, дубравахъ, въ борахъ, лугахъ, поросляхъ, чащахъ, въ березникѣ, въ соснягѣ, въ ельникѣ и въ другихъ деревьяхъ, бѣлки, соболи, куницы, рыси и вся ловля ихъ—все это дары разныхъ боговъ. Въ числѣ доводовъ, что вѣра Пермлянъ

лучше Христіанской, было и то, что въ Перми одинъ человѣкъ ходитъ на медвѣдя, а на Руси многіе; что вѣсти въ Перми чрезвычайно скоро передаются и что бы ни случилось въ самой дальней странѣ, въ тотъ же часъ узнается и здѣсь. Послѣдній доводъ показываетъ, что волхвы разныхъ земель Пермскихъ, на отдаленныхъ разстояніяхъ, были связаны узами взаимнаго согласія и, вѣроятно, какими нибудь искусственными средствами передавали другъ другу вѣсти о случившихся происшествіяхъ²²).

Пама предложилъ два испытанія Стефану: пройти черезъ огонь и потомъ подо-льдомъ рѣки Вычегды. Стефанъ отвѣчалъ, что такое дѣло превосходитъ его смиреніе и выше силъ его, но не отказался. Когда огонь былъ принесенъ и востеръ зажженъ, Стефанъ, совершивъ молитву и простившись съ народомъ, три раза приглашалъ Паму идти, но Пама не пошелъ. Тоже повторилось и у двухъ прорубей рѣки Вычегды. Народъ разсердился на волхва, приговорилъ его къ казни и предалъ Стефану; но Стефанъ, сказавъ, что Христосъ послалъ его не бить, но благовѣстити, не мучить, а учить съ кротостію и увѣщевать съ тихостію, удовлетворился только тѣмъ, чтобы запрещено было кудеснику учить и чтобы онъ отлученъ былъ отъ ихъ общины.

Стефанъ далъ грамоту Пермیانамъ и ихъ научилъ ей. Часословецъ, осмогласникъ, пѣсница Давидова, т. е. псалтирь, и другія книги были переведены имъ на Пермскій языкъ. Многія книги переводилъ онъ даже и съ Греческаго языка.

Книги у
Пермянъ.

Когда умножилось число Христіанъ и созданы были церкви, тогда потребно стало учредить Епископію въ Перми для ставленія священниковъ и причта церковнаго. Митрополитъ Пимень не усомнился поставить Епископомъ Перми самого Стефана, какъ сляжавшаго даръ учительства и знающаго разные языки и грамоты. В. Князь Дмитрій Іоанновичъ далъ на то свое согласіе. Но подвигъ Стефана обошелся въ Москвѣ не безъ противорѣчій. Нашлись и такіе, которые говорили: зачѣмъ было изобрѣтать новую Пермскую грамоту, когда черезъ 120 лѣтъ будетъ конецъ міру? Довольно было бы и Русской. — Другіе: откуда ему такая премудрость? какъ онъ могъ изобрѣсти Пермскую грамоту? — Были даже люди, называвшіе его просто Храпомъ безъ всякаго уваженія къ его дѣлу: Храпъ было свѣтское прозвище отца Стефанова Сумеона. Но за то лучше люди называли его философомъ и сравнивали съ Кирилломъ, Славянскимъ первоучителемъ.

Стефанъ,
епископъ
Пермскій.

Стефанъ, возвратясь Епископомъ къ своей новой паствѣ, былъ принятъ съ полною радостью. Грамотныхъ Пермянъ онъ началъ ставить въ попы, въ діаконы, поддіаконы, чтецы и пѣвцы. Попы его и діаконы служили обѣдню, заутреню и вечерню на Пермскомъ языкѣ, канонархи канонархали, чтецы читали и пѣвцы пѣли по Пермскимъ книгамъ. Сами они помогали ему переписывать богослужебныя книги на родномъ ихъ языкѣ.

Великокняжеская власть въ лицѣ Дмитрія Донскаго покровительствовала подвигу Стефана. Вся Устьвымская волость была отдана въ отчину Пермскихъ Архіереевъ, и Устьвымъ именовался въ грамотахъ *городомъ владычнимъ*. Самая дань съ прїѣзжавшихъ въ Пермь купцовъ и промышленниковъ поступала уже не въ казну, а Пермскому владыкѣ съ братією.

Епископъ являлся ходатаемъ и посредникомъ между народомъ и Княземъ о жалобѣ народа, о льготѣ и пользѣ его; передъ боярами, у которыхъ была власть, заступался за народъ, избавлялъ его отъ насилія и работы, отъ тїунской продажи и тяжелой дани; дѣйствовалъ даже на Новгородскихъ ушкуйниковъ, которые разбоями своими тревожили Пермлянъ: они склонялись на увѣщанія Стефана и оставляли Пермь въ покоѣ. Лѣтописи Новгородскія упоминають о посѣщеніяхъ Стефана Новгороду.

Гостепрїимство, страннолюбіе, кормленіе нищихъ, были всегдашними добродѣтелями Стефана. Своею благотворительностію онъ спасалъ Пермскій народъ отъ смерти во время голода. Много разъ привозилъ на ладьяхъ хлѣбъ изъ Вологды въ Пермь и весь употреблялъ на странниковъ. Не было пришельца, который бы не отвѣдалъ его трапезы, не принялъ бы отъ него благословенія и молитвы; до стола, во время стола и послѣ не умолкала святая псаломская пѣснь. Народъ до того воспламенился усердіемъ къ своему просвѣтителю, что самъ подымалъ руки на свои кумиры и сорековала другъ другу въ ихъ пестреленіи.

Стефанъ скончался не въ своей Перми, а въ Москвѣ, 26-го Апрѣля 1396 года, въ день Преполовенія, при Митрополитѣ Кипріянѣ, который очень любилъ его и имѣлъ до него много дѣлъ, касавшихся вѣры и церкви. Передъ кончиною Стефанъ сказалъ поученіе Пермлянамъ и передалъ его своимъ клирикамъ для сообщенія народу. Всенародное погребеніе совершено было въ монастырѣ Св. Спаса. Клирики, бывшіе при кончинѣ Стефана, повезли народу Пермскому печальную вѣсть, также ризы его, ризницу и книги. Пермскій соборъ до сихъ поръ хранитъ его посохъ, съ изображеніемъ и описаніемъ его дѣяній, устроенный, вѣроятно, векорѣ послѣ его кончины.

Осталось ли намъ что нибудь отъ словесно-духовной дѣятельности Стефана Пермскаго на Славянскомъ языкѣ? — Рѣшительно ничего. Въ житіи его Епифаній вставилъ его Рѣчь къ Герасиму, Епископу Коломенскому, Молитву передъ вступленіемъ въ Пермскую землю, его Поученіе Пермскому народу, Рѣчь къ волхву Памѣ сотнику. Прощаніе съ Пермлянами передъ послѣднимъ отъѣздомъ, Молитву о новокрещенныхъ Пермлянахъ и предсмертное имъ Поученіе умирающаго Святителя; но всѣ эти вставки, судя по сходству слога съ самимъ житіемъ, равно и съ рѣчами Епископа Герасима, Пермлянъ, волхва Памы, съ плачемъ Пермскихъ людей по кончинѣ Стефана, съ плачемъ Пермской церкви и молитвою о ея Епископѣ и, наконецъ, съ собственнымъ плачемъ и похвалою самого біографа, принад-

лежать, конечно, риторическому перу Епифанія, а не Стефана. Посланіе, писанное имъ къ Димитрію Донскому во время голода въ странѣ Пермской, которымъ Епископъ молилъ Великаго Князя уменьшить на нее налоги, не дошло до насъ. Въ рукописи XVI вѣка найдено „Посланіе учительное отъ божественнаго писанія Стефана Епископа Пермскаго къ Православному Царю и Великому Князю Димитрію Ивановичу, всеа Русіи самодержцу и побѣдоносцу, иже убо побѣди безбожнаго и бесерменскаго Царя Мамая Ординскаго“; но сличеніе текста посланія съ предисловіемъ къ рукописямъ Мѣрила Праведнаго убѣдило въ томъ, что это таже самая статья, которую высокія духовныя лица, какъ видно, имѣли обычай надписывать Великимъ Князьямъ, начиная отъ первыхъ временъ водворенія у насъ Христіанства²³).

Дошли ли до насъ памятники Зырянской письменности трудовъ Стефана Пермскаго? Ни одного. Двадцать четыре буквы Пермской азбуки, изобрѣтенныя Стефаномъ, по другимъ свидѣтельствамъ болѣе 24-хъ, сохранились въ древнихъ рукописяхъ, въ особенныхъ своихъ начертаніяхъ, съ обозначеніемъ звука и наименованій каждой буквы²⁴). Двѣ зырянскія надписи, одна на образѣ Св. Троицы въ Вологодской соборной церкви, другая на образѣ Сошествія Св. Духа въ церкви Вожемской Зырянской волости, не были до сихъ поръ разобраны. Въ обители Стефановской, основанной самимъ Стефаномъ и лежавшей въ 50 верстахъ отъ Устьемьсольска на рѣкѣ Сысолѣ, въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ, еще въ прошломъ столѣтіи, пѣлись нѣкоторые стихи церковной службы на Зырянскомъ языкѣ для Зырянъ, которые жили на рѣкѣ Сысолѣ и менѣе другихъ своихъ однородцевъ понимали Славянорусскій языкъ²⁵). Между рукописями встрѣчается божественная литургія Іоанна Златоуста, переведенная на Зырянскій языкъ Стефаномъ Пермскимъ, но писанная Русскими буквами²⁶). Образованіе Русское и сила Русскаго слова изгладили слѣды изобрѣтенія и трудовъ Стефановыхъ на Зырянскомъ языкѣ. Остался одинъ его подвигъ: первоначальное крещеніе Перми по берегамъ рѣки Вычегды до впаденія въ нее Устьвыма, также по Сысолѣ и Лузѣ. Епископы Пермскіе: Исаакій, Герасимъ и Питиримъ, два мученика — Іона и Филоея — продолжали его святое дѣло и, исполняя мысль св. Стефана, содѣйствовали тому, что и вся Пермь, соединясь черезъ вѣру съ великою Русью, слилась и государственною жизнію съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ.

Въ главныхъ народныхъ представителяхъ Русской Церкви, бывшей всегда вѣрною Апостольскимъ преданіямъ, отражается мысль и духъ представителей Церкви первоначальной. Въ Сергіи живетъ и дѣветъ по преимуществу мысль Іоанна Богослова: созерцаніе Пресвятой Троицы и любовь къ братіи по отечеству составляютъ главное содержаніе всей его пустынножизненной жизни. На Алексіѣ, образцѣ пастыреначальниковъ Русскихъ, отразился образъ того Апостола, которому Спаситель трикратно сказалъ: паси овцы моя, и который передалъ наставленіе своего

Участь
Пермской
письменно-
сти.

Заклѣ-
чительный вы-
водъ.

Учителя своимъ послѣдователямъ такими словами: „пасите Божіе стадо, какое у васъ есть, надзираая за нимъ непринужденно, но охотно и по Богѣ: не для гнусной корысти, но изъ усердія. И не господствуйте надъ наслѣдіемъ Божиимъ, но будьте примѣромъ для стада“. Эти слова Апостола Петра олицетворилъ Святитель Алексій въ своей жизни. Стефанъ Пермскій въ своей проповѣди и подвигѣ послѣдовалъ стопамъ учителя языковъ, Апостола Павла.

Іоаннъ, Петръ и Павелъ живутъ въ нашихъ Сергіи, Алексіѣ и Стефанѣ, своею мыслию, ученіемъ и дѣломъ²⁷⁾.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ДВѢНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Въ Словарѣ Историческомъ о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, годъ рожденія Преподобнаго Сергія показанъ 1315, а годъ кончины 1391. Но въ рукописномъ житіи Елифаніевомъ читаемъ: „чистую свою и священную душу съ молитвою Господеви предать въ лѣто 6905 мѣсяца септевріа 25. живъ же преподобный лѣтъ 70 и 8“. Отсюда годы рожденія и кончины сами собою опредѣляются: 1319 и 1397.

2) *Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Игумена Сергіа чудотворца. Списано бысть отъ премудрѣйшаго Епифанія.* Имѣю собственную рукопись, прекрасно писанную, по всему вѣроятію, въ XV вѣкѣ. Епифаній въ предисловіи говоритъ: „Елика отъ старецъ слышахъ и елика своимъ очима видѣхъ, и елика отъ самого устъ слышахъ, и елика увѣдахъ отъ иже въ слѣдъ его ходившаго время не мало и възлѣавшаго воду на руки его, и елика другая нѣкаа слышахомъ, и отъ его брата старѣйшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Теодору Архіепископу Ростовьскому, оваже отъ инѣхъ старцевъ древнихъ достовѣрныхъ бывшихъ самовидцевъ рождеству его, и възпитанію, и книговыченію, възрасту его и юности, даже и до постриженія его; друзи же старци самовидци суще и свидѣтели неложниі постризанію его, и начатку пустынножителству его, и поставленію его еже на игуменьство, и порядку прочимъ прочіи возвѣстителіи же и сказатели бываху—инокъ множество у трудовъ старчихъ“.

3) Тамъ же: „Дивлюжеса о семъ, какъ толико лѣтъ минуло, а житіе его не писано: о семъ съжалихся зѣло, како убо таковый святыи старецъ пречюдный и предобный, отнелѣже преставися 26 лѣтъ преиде, никтоже не дрзныаше писати о немъ, ни дальніи ни ближніи, ни болшіе ни меншіе, болшіе убо яко неизволяху, а меншіи яко не смѣяху; по лѣтѣ убо единемъ или по двою по преставленіи старцевъ, азъ окаанныи и вседръзныи дръзнухъ на сіе, въздохнувъ къ Богу и старца призвавъ на молитву, начяхъ подробну мало нѣчто писати отъ житія старцева и къ себѣ втайнѣ глаголя: азъ не хватаю ни предъ кымъже, по себѣ пишу я запаса ради и памяти ради, и пользы ради; имѣяхъ же у себе за 20 лѣтъ приготованы таковаго списанія свитки, въ нихъ же бѣяху написаны нѣкыя главизны еже о житіи старцевъ памяти ради, ова убо въ свитцѣхъ, ова же въ тетратехъ, аще и

не порядку, но предняя назади, а задняя напреду, и спеще ожидающу ми въ таковаа времена и лѣта, и жадающу ми того, дабы кто паче мене и разумнѣ мене описаль, яко да и азъ шедъ поклонюся ему, да и мене поучить и вразумить; но распытавъ и услышавъ и увѣдахъ извѣстно, яко никтоже нигдѣже якоже речеса не писаше о немъ, и се убо егда въспоману или услышу помышляю и размышляю: како тихое и чудное и добродѣтельное житіе его пребысть бес писаніа по многа времена? Епифаній написаль еще похвальное слово Преподобному: „Слово похвално преподобному отцу нашему Сергію. Сътворено бысть ученикомъ его, священноинокомъ Епифаніемъ“. Въ той же рукописи.

4) Въ описаніи чуда о сухорукомъ юношѣ: „и всѣмъ братіямъ предстоящимъ, и мнѣ недостойному Пахомію, писавшему въ то время житіе святаго“... Въ другомъ сказаніи: „О прозвितерѣ и о мужи, бывшихъ въ Латинскихъ странахъ“, читаемъ: „Сіа же азъ смиренный таха ермонахъ Пахоміе, пришедшу ми въ обитель святаго, и видѣхъ чудеса бывающа отъ раки богоноснаго отца, увидѣвъ отъ самого ученика блаженнаго, иже многа лѣта паче же отъ самого възраста юннаго живша съ святымъ глаголюже Епифаніа“... Изъ послѣдующаго ясно, что Пахомій описываль только чудеса: „Земли убо широта, и моря глубина, и святыхъ чудеса неисчетенна суть: сіа же написахъ, яко да не забвенію предана будутъ“.

5) Привожу все это мѣсто изъ Житія, которое есть драгоценный матеріалъ для историка времени: „*О преселеніи родителя Святого*. Се убо прежереченный рабъ Божій Куриль преже имѣаше житіе велико въ Ростовскѣй области боляринъ сый, единъ отъ славныхъ и нарочитыхъ боляръ, богатствомъ изобилуа многымъ, но на послѣдъ на старость обнища и оскудѣ: какоже и что ради обнища, да скажемъ и се, яко частыми хожеными еже съ Княземъ въ Орду, частыми ратьми Татарскими еже на Русь, частыми послы Татарскими, частыми тягкими даными и выходы еже въ Орду, частыми глады хлѣбными, надо всѣмиже сими и паче егда бысть великаа рать Татарская, глаголемаа Ѳедорчукова, Туралыкова, егда по ней за годъ единъ наста насилуваніе, сирѣчь княженіе великое досталось Князю Великому Ивану Даниловичю, купножь и досталось княженіе Ростовское къ Москвѣ. Увы! увы! тогда граду Ростову, пачеже и Княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе и честь и слава, и вся прочаа потягну къ Москвѣ, егда изиде по Великому Князю и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки вѣкый Воевода, единъ отъ вельможъ, именовъ Василій, прозвище Кочева, и съ нимъ Мина, и егда видоста въ градъ Ростовъ, тогда възложиша велику нужу на градъ, да и на вся живущаа въ немъ, и гоненіе много умножися, и не мало ихъ отъ Ростовець Москвичемъ имѣніа своа съ нуждею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе и тщиа рукама отхождаху, иже послѣдняго бѣдѣнства образъ, яко не токмо имѣніа облажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себѣ носяша и претръпѣша. И что подобаетъ много глаголати? Толико дръзновеніе надъ Ростовомъ съдѣаша, яко самаго того Епарха градскаго, старѣйшаго болярина Ростовскаго, именовъ Аверкіа, стремглавъ обѣсиша и възложиша на руцѣ свои и оставиша поругана, и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышавшихъ и видящихъ сіа, не токмо въ градѣ Ростовѣ, но и въ всѣхъ предѣлахъ его. И таковна ради нужда рабъ Божій. Куриль, въздвижесе изъ веси оноа предреченна Ростовская, и събрася съ всѣмъ

домомъ своимъ, и съ всѣмъ родомъ своимъ, въздвижесе и преселися отъ Ростова въ Радонежь, и пришедъ приселися близъ церкви нареченныя въ имя Рожества Христова, еже и доннѣи стоить церковь та, и ту живяше съ родомъ своимъ, не единъ же сій, но съ нимъ и инѣи мнози преселишася отъ Ростова въ Радонежь, и быша преселници на земли чуждей, отъ нихъ же есть Георгій сынъ Протопоповъ съ родомъ си, Иоаннъ Феодоръ Тормосовъ родъ Дюдень зять его съ родомъ си, Онисимъ дядя его, иже послѣди бысть діаконь, Онисимаже глаголють съ Протасіемъ Тысяцкимъ пришедша. Туюже весь глаголемую Радонежь юже даде Князь Великий сынови своему мѣзному Князю Андрею, а намѣстника постави въ ней Терентіа Ртища, и льготу людемъ многу дарова, и ослабу обѣщася такоже велику дати, ея же ради льготы събрашася мнози, якоже и Ростовскыя ради нужда и злобы разбѣгошася мнози“.

6) Здѣсь надобно искать перваго объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между женщинами подъ именемъ вликушъ. Конечно, бываютъ при этомъ злоупотребленія часто безобразныя; но должно сказать, что злые люди, къ сожалѣнію, пользуются иногда прекраснымъ набожнымъ расположеніемъ Русскихъ крестьянокъ.

7) По дорогѣ къ Троицѣ около Хотькова прежде благочестивые богомольцы читали псалтирь въ лѣсу, поминючи родителей Преподобнаго Сергія. Обычай ѣсть блинныя связанъ съ тѣмъ же поминаніемъ.

8) Св. Алексій Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. Творенія Св. Отцевъ, издав. при Московской Духовной Академіи. Годъ шестой, 1848. Книжка 1. Прибавленія, стран. 89—128. Статья Профессора А. В. Горскаго, въ которой указаны рукописныя и печатныя источники. — Житія Святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ. Мѣсяць Октябрь. С. П. Б. 1856. стр. 89—165. Жизнь Святителя Алексія, Митрополита Кіевского и всея Руси чудотворца. Большею частію почерпнута изъ предыдущей статьи, хотя авторъ притомъ пользовался и рукописями изъ бібліотеки Графа А. С. Уварова, бывшей И. Н. Царскаго. — Св. Алексій, Митрополитъ всей Россіи, въ Обзорѣ Русской духовной литературы, помѣщенномъ въ Ученыхъ Запискахъ втораго Отдѣленія И. Академіи Наукъ. Книга III. Спб. 1857. стран. 70—73. Житіе Св. Алексія Митрополита рукописное Пахоміево въ бібліотекѣ В. М. Ундольскаго, № 280. Степенная Книга. Т. I. 444—478. — Никонова лѣтопись. Т. IV. стран. 55—66.

9) Акты историческіе. Томъ I. № 3. Грамота Митрополита Θεогноста напечатана тамъ же подъ № 1.

10 а) См. упомянутую статью А. В. Горскаго, стран. 95. Словарь о писателяхъ Духовнаго чина, Митрополита Евгенія. Ч. I стран. 182. Достопамятности Москвы, К. Тромонина. 1845, стран. 7 и слѣд. Обзоръ Русской духовной литературы, Преосвященнаго Филарета Харьковскаго. Здѣсь описано содержаніе рукописи, приведено сличеніе притчи о талантахъ и предложена справедливая догадка, что Митрополитъ Алексій воспользовался пребываніемъ своимъ въ Константинополь для повѣрки перевода по лучшимъ спискамъ Греческимъ, потомучто трудъ Святителя и вторая повѣдка въ Царьградъ относится къ 1355 году. Сличая текстъ Святителя Алексія съ текстомъ Остромирова Евангелія, находимъ въ первомъ обороты, ближайшіе къ тексту греческому: и слово бѣ къ Богу — съ бѣ

искони къ Богу — отсутствіе двойнаго отрицанія: и без него бысть ничтоже еже бысть — Бога никтожь видѣ когда — да вси вѣрують имъ, вмѣсто: да вси вѣру имуть имъ — иже не ис крови вмѣсто: иже не отъ крови — и глаголетъ, вмѣсто: и глагола. Замѣчательно отсутствіе юсовъ повсюду, гдѣ они находятся въ Остромировомъ Евангеліи. Русскіе обороты и выраженія: не бѣ *онъ* свѣтъ, вмѣсто: не бѣ *тз* свѣтъ; и міръ *имъ* бысть, вмѣсто: и міръ *тѣмъ* бысть; *Мосеемъ*, какъ теперь употребляетъ это имя народъ Русскій, вмѣсто: Мосеемъ; Илья вм. Илья; пославшимъ ны вмѣсто: пославшимъ ны; что убо крестиши? вмѣсто: что убо крещаети? — Замѣчательны еще отгѣны: въ *ядрѣ* отчи, вмѣсто: въ *лонѣ* отчи; ему же азъ нѣсмъ достоинъ да разрѣшу его в *ступѣу сапожную*. Въ Остромировомъ Евангеліи: емуже нѣсмъ достоинъ, да отрѣшѣ ремень сапогу его. — Греческая рукопись Новаго Завѣта, могущая послужить къ сравненію предисловія, переведенныхъ Святителемъ Алексіемъ, находится въ Синодальной Библиотекѣ подъ №№ 407 и 382 и отнесена у Маттеи къ XII вѣку.

10 б) Послѣ заглавія, которое приведено вполне въ текстѣ лекціи, слѣдуютъ вопросы Анастасія Синаита. Эти самые вопросы съ отвѣтами находятся въ Сборникѣ Святославовомъ. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ большую часть его содержанія отъ л. 27 до 223. Вопросъ о поставленіи властелей въ разсужденіи Алексія Митрополита находится на первомъ мѣстѣ, а въ Сборникѣ — среди другихъ вопросовъ на листѣ 95. Вопросъ о допущеніи язычниковъ на народы вѣрные слѣдуетъ за нимъ непосредственно какъ въ Сборникѣ, такъ и въ разсужденіи, но въ семь послѣднемъ съ прибавленіемъ своимъ къ его содержанію и съ нѣкоторыми пропусками противъ подлинника. Вопросъ объ оставленіи Божиємъ, въ разсужденіи третій, въ вопросахъ Анастасіевыхъ стоитъ гораздо выше, въ Сборникѣ на 63 листѣ. Въ немъ есть значительныя измѣненія и прибавлена вставка изъ Златоустава Бисера. Вопросъ о благополучіи творящихъ плотскія грѣхи слѣдуетъ непосредственно въ разсужденіи и въ Сборникѣ. Пятый вопросъ о внезапно умирающихъ въ Сборникѣ на 166 л. об. Это же самое поученіе въ вопросахъ и отвѣтахъ находится въ Апрельской книгѣ Великихъ Четвѣхъ Миней Митрополита Макарія л. 663 об. по новому означенію листовъ. Есть большія измѣненія въ слогѣ. На верху листа, гдѣ оно начинается, озаглавлено такъ: *Святаго Анастасія Синайскаго слово ѿ*. Это же самое слово подъ 41 же номеромъ встрѣчается въ Твореніяхъ Никона Черногорца, а именно: въ его Пандектахъ (Рукописи Царскаго опис. Строевымъ, стран. 254). Тоже можно найти и въ рркк. Синод. биб. №№ 197 и 188. Никонъ Черногорецъ его и составилъ изъ твореній Анастасія Синаита. Сличая переводъ въ Евангеліи съ переводами въ Твор. Никона Черногорца и въ Великихъ Четвѣхъ Минеяхъ, видишь большую разницу. Отдѣльный вопросъ съ отвѣтомъ: вси ли удавляющіи, или утопающіи, или посыпаеми, по Божию гнѣву и по повелѣнію его стражуютъ, или отъ дѣйства злодукаваго? встрѣчается въ тѣхъ же рукописяхъ въ Измарагдѣ подъ № 142, л. 379 об. и въ Опис. ркпс. Гр. Толстаго. Отдѣл. II. № 254 л. 488.

11) Поученіе Алексія Митрополита, отъ Апостольскихъ дѣяній къ христовлюбивымъ Христіаномъ. Отче благослови. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцевъ, издаваемымъ при Московской Духовной Академіи. Годъ V. Кн. 1. 1847, стран. 30. Здѣсь сказано: поученіе

сіе найдено а) въ Сборникѣ изъ бібліотеки Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, XVI в. и б) въ Сборникѣ, принадлежащемъ И. Н. Царскому, XV вѣка. Въ первый разъ мнѣ удалось познакомить Московскую публику съ этимъ памятникомъ на лекціи въ 1844 г. Онъ былъ тогда только что открытъ. Сообщилъ же мнѣ его В. М. Ундольскій.

12) Приведемъ эти сходныя мѣста: въ Поученіи: „Хощу вамъ, братіа, въспоманути душеполезнаа и спасенаа. Повеже убо, дѣти, долженъ есмь васъ пасти и учити порученую ми паству“, въ грамотѣ: „пріѣхаль есмь къ Святой Софіи, въ митрополью всея Руси, въ Кіевъ, и ко всеъмъ христіаномъ, обрѣтающимся во всей Русской земли, пастухъ и учитель; имѣю великую тягость на себѣ, что ми молвити и учити всѣхъ на вся душеполезная и спасеная. — Въ поученіи: „а нынѣ, чада, елика сила ваша можетъ“—*исполнивати* законъ Божій;“ въ грамотѣ: „да *исполнивали* бы есте заповѣди Божія... Иже имете *исполнивати* се, спасени будете“. Весьма замѣчательна эта форма многократнаго вида, служащая подтвержденіемъ моему мнѣнію, что это есть превосходная степень глагола.

13) Лѣтопись по Никон. списку. Т. IV, стран. 62 и 64.

14) Извѣстно, что наименованіе философа, по обычаю Византійскому, придавалось тогда всеъмъ духовнымъ лицамъ книжнаго образованія.

15) Лѣтоп. по Никон. списку Т. IV, стран. 141. Авторъ Обзора Русской духовной литературы сближаетъ свидѣтельство лѣтописи о Павлѣ Высокомъ со многими памятниками литературы, которые не носятъ на себѣ имени автора, но по языку и содержанію могутъ быть отнесены къ XIV вѣку.

16) Житіе Св. Стефана Пермскаго, писанное священноинокомъ Епифаніемъ, помѣщено въ Великихъ Четіихъ Минеяхъ Митрополита Макарія, подъ 26-мъ Апрѣля. Я изучалъ его по этому списку, равно и по отдѣльному списку изъ бібліотеки В. М. Ундольскаго, № 378, списанному съ Чудовской Миней л. 509. Слова автора житія: „ова слухомъ услышахъ, оважъ отъ ученикъ его увѣдахъ яже о учительствѣ и управленіи; есть же другое яко и своима очима видѣхъ, иное же и съ самимъ бесѣдовахъ многажды и отъ того навыхохъ, и прочая елика вопрошахъ отъ старыхъ мужъ якожь рече святое писаніе: вопросы отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, и старцы твоя, и рекуть тебѣ“.—Слова изъ заключительной похвалы Епифанія: „Азь, отче господине Епископе, аще уже и умершу ти, хощу принести ти хвалу, или сердцемъ, или языкомъ, или умомъ, иже иногда живу сущу ти быхъ ти досадитель, нынѣжь похвалитель, и нѣкогда съ тобою спирахся о нѣбихъ о приключьшихся, или о словѣ етерѣ, или о коемъждо стисѣ, или о строцѣ; но обаче поминая нынѣ твое долготерпѣніе и твое многоразуміе и благопокореніе, самъ ся себе усрамляю и окаю, самся обрыдаю и плачу“.

17) Эти преданія мѣстныя собраны, большею частію, въ особомъ сочиненіи: *Сказаніе о жизни и трудахъ Святаго Стефана, Епископа Пермскаго*. А. М. Спб. 1856. Авторъ въ этомъ добросовѣстномъ трудѣ собралъ эти преданія изъ разныхъ статей, которыя печатались въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ или въ другихъ изданіяхъ. Таково, напримѣръ, преданіе объ истребленіи Стефаномъ *Прокудливой березы*. Многое находится также въ Исторіи Россійской Иерархіи. Т. VI, стран. 566—580 (Устьвымская Архангельская пустынь).

18) Такъ сказано въ житіи Св. Прокопія, въ главѣ: о велицѣмъ зимнѣмъ

мразѣ, и о терпѣннѣ блаженнаго Прокопіа. (По списку изъ библ. В. М. Ундольскаго, № 362). Здѣсь разсказано, какъ Прокопій, послѣ ужаснаго зимняго мороза, отъ котораго гибли люди и животныя въ Устюгѣ, пришелъ къ Сумеону и передалъ ему подробности своихъ страданій, отъ которыхъ онъ спасенъ былъ чудеснымъ явленіемъ Ангела. Въ заключеніе читаемъ: „Рабъ же Божій Сумеонъ почюдися зѣло глаголаннымъ отъ святаго и прослави Бога о семъ, яко показа ему Господь такова свята мужа, и скры тайныя его глаголы яже бесѣдова съ нимъ, и никому же повѣда о житіи святаго Прокопіа, и о великомъ его терпѣннѣ, донелѣже онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго, все написа по ряду, еже видѣ и слыша отъ святаго, пользы ради душевныя послѣднимъ родомъ нашимъ“.

19) „Святыя книги писаше хитрѣ и гораздѣ и борзо, и послушествуютъ книги его многія яже и до сего дни, яже и своиа рукама написалъ трудолюбно счинивъ, яже суть трудовъ его“.

20) „И баше умѣя глаголати тремя языки, такожь и грамоты три умѣяше, яже есть: руски, гречески и пермьски“.

21) Замѣчательно въ Житіи Св. Стефана Пермскаго все это мѣсто о Мартѣ мѣсяцѣ: „Уставижеся таковой праздникъ праздновати мѣсяца марта въ к е день, рекъ яко сій праздникъ есть зачало всѣмъ праздникомъ великимъ господьскимъ и яко се есть начатокъ спасенію нашему, ему же тропарь настоящій послушествуетъ рекій: днесь спасенію нашему начатокъ и вѣчнѣй тайнѣ явленіе, яко се есть мартъ мѣсяцъ начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцехъ, ему же свидѣтельствуется Моисей законодавецъ глаголя: мѣсяцъ же вамъ первый въ мѣсяцехъ да будетъ мартъ, да акожь учими есмы и иже научаемся явѣ начало бытію: марта бо мѣсяца начало бытіа, вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытіа въ бытіе, марта бо начало созданію бысть, марта же мѣсяца въ к а день и первозданный челоувѣкъ, родомъ началникъ, Адамъ, рукою Божіею созданъ бысть; марта же мѣсяца нѣкогда Израильтистіи людіе, якожь Григорій Богословъ вѣщааетъ, отъ земля Египетская и отъ работы Фараонитскіи избыша, и моря Чермнаго пучину немокрыми стопами яко по суху пѣши шествоваша; марта же мѣсяца паки израильтяне въ землю обѣтованную внидоша и іеросалимъ составиша; марта же мѣсяца паки Израильтяномъ пасху уставиша праздновати; марта же мѣсяца и Благовѣщеніе бысть святыя Богородица, еже Архангелъ Гавріилъ благовѣсти ей, егда за наше спасеніе Сынъ Божій съ небесе сниде и вселися во утробу всесвятыя владычицы нашея Богородица и Приснодѣвныя Маріа, и безъ сѣмени плоть отъ нея восприня; марта же мѣсяца и распятіе Христось волею претерпѣ, и смерть за насъ пострада, и воскресеніе боголѣпно намъ праздновати устави; марта же мѣсяца паки чаемъ воскресенія мертвымъ и втораго пришествія Христова и страшнаго, грознаго, трепетнаго, пристрашнаго, необыннаго, беспосульнаго, всемірнаго суда, егда прійдетъ со славою хотя судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его, ему же слава во вѣки“.

22) Это мѣсто о передачѣ вѣстей весьма замѣчательно въ житіи: „Паки другоици наша вѣра лучши есть: вѣсти у насъ въскорѣ бывають, еже бо что сдѣтается на далнѣй странѣ на иномъ городѣ на девятой земли, сегодня доспѣлося что, а сегодня въ томъ часѣ вѣсти у насъ полныя обрѣтаются, егожь вы Хри-

стіане неудобь возможете увѣдати во многи дни и во многи времена не увѣдаете, да тѣмъ наша вѣра лучши есть многимъ паче вашей, имъ же многи боги имамъ споспѣшествовавшая намъ“.

23) Посланіе напечатано въ переводѣ на новый Русскій языкъ въ 1-мъ № Москвитянина 1847 года. Г. Калачевъ въ своей статьѣ: „о значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права“, напечатанной въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1847, годъ третій, № 3), первый замѣтилъ сходство двухъ памятниковъ. Въ двухъ синодальныхъ рукописяхъ Мѣрила Праведнаго, №№ 524 и 525, посланіе адресовано безъ имени Стефана, въ первой—къ Великому Князю Православному, Русскому, безъ имени, во второй—къ Велик. Князю Ярославу Святославичу. Въ срединѣ посланія, тамъ, гдѣ читаемъ: „Великому сему всего міра кораблю хранителя Христосъ тебе мудраго нашего кормчію, благочестиваго Царя великаго Князя Дмитрія заступника востави воистину“,— въ № 524 читаемъ на мѣсто Дмитрія имя Михаила, не смотря на то, что въ заглавіи никакого имени не показано; въ № 525 читаемъ имя Володимера, хотя въ заглавіи стоитъ имя Ярослава Святославича. Это различіе именъ доказываетъ справедливость моего предположенія. Памятникъ этотъ: Мѣрило праведное, по важности своего учительнаго содержанія, заслуживаетъ еще особеннаго изученія и изданія. Авторъ Обзора духовной Русской литературы утвердилъ предисловіе къ Мѣрилу Праведному за Кирилломъ II, Митрополитомъ Кіевскимъ, и отнесъ посланіе къ В. Князю Василю, сыну Невскаго; но въ другихъ рукописяхъ встрѣчается имя Ярослава Святославича, внука Ярослава великаго, и даже имя Владиміра, но неизвѣстно: какого?—крестителя Русской земли или Мономаха.

24) Исторіи Карамзина Т. V. Прим. 125.—Описаніе Румянц. музеума, Сборникъ № 359, л. 242.—Сказаніе о жизни и трудахъ Св. Стефана Епископа Пермскаго. Прим. 19.

25) Исторія Росс. Иерархіи. Т. VI, стран. 328.

26) Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ приводитъ рукопись, принадлежащую Библіотекѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ библіотекѣ В. М. Ундольскаго подъ № 59 находится: Божественная служба сочинена Св. Стефаномъ, Епископомъ Пермскимъ. Списана въ бытность въ Вологдѣ С.... С.... 1798 года.

27) Основная мысль этого сравненія принадлежитъ А. С. Хомякову, который предложилъ мнѣ ее, когда выслушалъ мою лекцію.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Два пришельца въ Россію.—Святитель Св. Θεогность.—Святитель Св. Кипріанъ. — Первый прїѣздъ въ Кіевъ.—Встрѣча ему въ Терновѣ.—Кипріанъ въ Москвѣ.—Житіе Св. Петра Митрополита.—Кипріанъ въ Царьградѣ.—Труды его.—Возвращеніе въ Москву.—Дѣла его.—Литературные труды.—Посланія и грамоты.—Переводы канонѡвъ и молитвъ.—Автографы.—Сербская стихія въ языкѣ.—Убѣжища для трудовъ.—Кончина.—Прощальная грамота.—Состояніе Русскаго общества.—80 обителей.—Ихъ происхожденіе.—Св. Кирилль Бѣлозерскій.—Житіе его.—Книги.—Кончина.—Значеніе его обители.—Стихъ объ Іоасафѣ Царевичѣ.

Въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ почиваютъ отдѣльно два пришельца на Русскую землю, жившіе у насъ въ XIV вѣкѣ и стяжавшіе вѣнецъ праведниковъ. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы: это былъ Митрополитъ Θεогность, образователь Митрополита Алексія. Отъ него дошла до насъ одна только грамота, писанная на Червленый Ярѣ, къ баскакамъ, духовенству и мірянамъ о предѣлахъ епархій, Рязанской и Сарайской. Другой пришелецъ, свято жившій и почившій у насъ въ Москвѣ, родомъ Славянинъ, былъ Митрополитъ Кипріанъ. Отечествомъ его была Болгарія, родиною городъ Терновъ. Царства—Болгарское и Сербское—уже теряли свою независимость. Связанный съ Россією узами вѣры, Кипріанъ сочетался съ нею и узами единоплеменности, какъ бы предчувствуя, что она должна скоро возвратить себѣ ту свободу*, которую теряло его отечество, и служить опорой противъ Исламизма, уже страшно тяготѣвшаго надъ Греческимъ и Славянскимъ Востокомъ.

Въ 1377 году онъ прїѣхалъ въ Россію, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ Митрополиты, вѣроятно, для южной Россіи. Первое пребываніе его было въ Кіевѣ. Въ житіи Св. Арсенія, Епископа Тверскаго, говорится, что Кипріанъ игуменствовалъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Въ 1379 году онъ снова отправился въ Царьградъ и посѣтилъ свой родной городъ Терновъ.

Намъ осталось описаніе встрѣчи, ему приготовленной Патріархомъ Терновскимъ Евѡиміемъ и народомъ. Землякъ и племянникъ Кипріана, Григорій Цамбалакъ, очевидецъ событія, еще будучи отрокомъ, зналъ Кипріана въ домѣ отца своего и передалъ намъ подробности о томъ въ надгробномъ словѣ своему усопшему дядѣ. Сильное искушеніе и многія скорби встрѣтили Кипріана на пути его по берегамъ Буга (Истра): онъ былъ ограбленъ. Но за то отечество покрыло эту скорбь радостью и самымъ теплымъ приѣмомъ. Веселился Кипріанъ, видя, какъ церковь въ его землѣ управляется достойнымъ главою Евѡиміемъ. Жители города, подобно волнамъ быстрой рѣки, хлынули на встрѣчу Святителю, шедшему къ нимъ отъ единоплеменнаго сѣвера. Никто не остался дома, даже сторожа до-

Два пришельца въ Россію.

Святитель Св. Θεогность.

Святитель Св. Кипріанъ.

Первый прїѣздъ въ Кіевъ.

Встрѣча ему въ Терновѣ.

мовъ; купцы не затворили своихъ лавокъ и товары свои покидали на торжищѣ. Рабы оставили господъ, художники—дѣла свои; и жители Тернова, и иноземцы, все вышли за городъ. И дѣва *неисходная*, по древнимъ Славянскимъ обычаямъ, забывши стыдъ, пошла съ народомъ. Старый и недужный влачились за всеми. Великая сладость была народу видѣть святое лице Кипріяна: не только ученьемъ или словомъ, однимъ видомъ своимъ онъ вселялъ въ души все доброе. Одни шли близко, касались ногъ его, цѣловали руки; другіе, взырая на него издали, дозволялись однимъ его благословеніемъ. Жены особенно припадали съ умиленіемъ къ Святителю, клали дѣтей своихъ и недужныхъ подъ его ноги: благодать вѣры изливалась по его слѣдамъ, какъ въ оны времена сила апостольская; благословеніе его освящало вѣрный народъ и подавало отраду въ страданіяхъ¹⁾. Эти живныя черты описанія свидѣлствуютъ, какъ искони Славянскія племена восточнаго исповѣданія любили своихъ Святителей. Любовь же Болгарскаго народа къ Кипріяну умножалась еще тѣмъ, что онъ, по свидѣтельству своего панегириста, какъ Моисей, былъ добръ къ своимъ соплеменникамъ и заботился о нихъ²⁾.

Тогда же Кипріянь возложеніемъ рукъ своихъ благословилъ племянника своего Григорія Цамблака и духомъ прозрѣлъ его будущее, а потомъ изъ Россіи письмомъ вызвалъ его на новое поприще.

Кипріянь
въ Москвѣ.

По кончинѣ Митрополита Алексія, послѣдовавшей 12 февраля 1380 г., когда Михаилъ, избранный на Митрополию Димитріемъ Донскимъ, скончался на пути въ Царьградъ, а Пимень, думавшій самовольно похитить санъ Митрополита, былъ отвергнутъ В. Княземъ, Кипріяна изъ Кіева вызвали въ Москву. Когда пріѣхалъ онъ туда? до Донской ли битвы, или послѣ? Карамзинъ, слѣдуя Троицкому, Ростовскому и другимъ спискамъ лѣтописи, держится втораго мнѣнія и назначаетъ 1381 годъ³⁾. Профессоръ Горскій, по свидѣтельству Типографской лѣтописи, опредѣляетъ даже и число прибытія Митрополита Кипріяна въ Москву—23 Мая 1381 года⁴⁾. Но есть и другое свидѣтельство: въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, памятникѣ Словесности, почти современномъ событію, принимаетъ участіе въ началѣ предпріятія Кипріянь: къ нему за совѣтомъ приходитъ Дмитрій, и Митрополитъ обращаетъ къ нему эти слова, утвердившія В. Князя въ намѣреніи идти на враговъ своихъ: „Ты же именемъ Господнимъ противися имъ, и Господь правдивъ будетъ ти помощникъ“. Этому же свидѣтельству держится и Никонова лѣтопись. Въ Синописи сказано, что Дмитрій Донской, возвращаясь со славной битвы, встрѣченъ былъ Кипріяномъ и соборомъ духовенства, въ день Покрова Богоматери, въ Андроньевѣ монастырѣ. Во всякомъ случаѣ замѣчательно, что въ преданіяхъ народныхъ память Донской битвы, начавшей освобожденіе отечества, была соединена съ именемъ Митрополита Кипріяна.

Житіе Св.
Петра Ми-
трополита.

Въ первый же годъ правленія своего въ Москвѣ Кипріянь написалъ *Житіе Святителя Петра*, основателя Митрополіи Московской, въ благодарность за

то исцѣленіе и спасеніе, какое даровалъ ему Московскій чудотворецъ во время пребыванія его въ Константинополь. Вскорѣ послѣ Донской побѣды Кипріанъ кстати напомнилъ жителямъ Москвы пророчество Св. Петра, что руки ея взыдутъ на плеча враговъ ея, и указалъ на ту духовную связь, которая соединяла главу Церкви съ главою государства, Святителя Петра — съ Иоанномъ Калиткою.

Тохтамышъ осадилъ Москву. Быстрое удаленіе Митрополита Кипріана въ Кипріанъ въ Царьградъ. Тверь къ Князю Михаилу, враждовавшему непрерывно съ Димитріемъ, было причиною взаимныхъ неудовольствій между Княземъ и Святителемъ. Кипріанъ возвратился въ Кіевъ и оттуда снова поѣхалъ въ Царьградъ.

Пребываніе на сѣверѣ Россіи, хотя кратковременное, открыло ему недостатки, какіе терпѣло наше отечество въ дѣлѣ книжнаго просвѣщенія. Пожары и грабежи Татарскіе непрерывно уничтожали книжныя наши сокровища. Въ Тохтамышево нашествіе Кипріанъ самъ могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ тому, какое множество книгъ, свесенныхъ со всего города, изъ загорожья, изъ селъ, положено было на сохраненіе въ соборныхъ церквахъ и потомъ пропало безъ вѣсти⁵⁾. Не знаемъ, посѣтилъ ли Кипріанъ тогда свое отечество, но знаемъ положительно, что въ Константинополь, живя въ обители Студійской, онъ зани- Труды его. мался списываніемъ церковныхъ книгъ: плодъ такихъ занятій, рукопись Лѣтвицы Іоанна Лѣтвичника, въ 1378 году написанная Кипріаномъ, хранится въ рукописяхъ Сергіевой Лавры. Знаемъ также, что колонія Русскихъ постоянно пребывала тамъ въ обители Св. Іоанна Предтечи и что иноки занимались въ ней также списываніемъ книгъ. Архимандритъ Высоцкаго Серпуховскаго монастыря Аѳанасій, сопровождавшій Кипріана въ его странствіи въ Царьградъ, не смотря на увѣщанія его возвратиться въ отечество, остался тамъ и предпочелъ келью Предтеченской обители всѣмъ почестямъ, какія ожидали его въ Россіи. Аѳанасій склонялъ также братію монастырскую на подобныя рукописныя труды. Должно предполагать, что Кипріанъ въ это время успѣлъ и самъ приготовить и приоб- рѣсти многія книжныя сокровища для новаго своего отечества.

Битва Коссовская, гдѣ сербскій Царь Лазарь со множествомъ своего воинства былъ пораженъ Турецкимъ султаномъ Баязетомъ, въ 1389 году положила конецъ Сербскому царству. Въ томъ же году Митрополитъ Кипріанъ возвратился Возвраще- ніе въ Мо- скву. снова черезъ Кіевъ къ своей Московской паствѣ съ плодами трудовъ своихъ, которые могли погибнуть въ Греціи и Сербіи, но сохранились у насъ. Былъ буренъ, исполненъ морскихъ бѣдствій, возвратный путь его въ Россію: онъ описалъ его въ грамотѣ и прислалъ ее къ Русскимъ, жившимъ въ Царьградѣ, которыхъ много утѣшилъ этимъ письменнымъ словомъ.

Въ Москвѣ княжилъ уже Василій Димитріевичъ. Въѣстъ съ матерью своею Евдокією В. Князь за городомъ встрѣтилъ Митрополита торжественно въ 1390 году. Дѣятельность Кипріана, при содѣйствіи власти великокняжеской, приобрѣла Дѣла его.

новую силу. Въ 1390 году Кипріанъ вмѣстѣ съ двумя Епископами, Пермскимъ Стефаномъ и Смоленскимъ Михаиломъ, и двумя Митрополитами Греческими, Матеемъ Адрианопольскимъ и Никандромъ Гайскимъ, въ Твери совершилъ судъ надъ Епископомъ Евѣиміемъ, на котораго жаловались Князь, бояре и духовенство, и, лишивъ его сана, посвятилъ въ Епископы протодіакона своего Арсенія, стяжавшаго послѣ славу святаго своею жизнію⁶⁾. Въ Новгородѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, Кипріанъ велегласно поучалъ людей во всю церковь и боролся съ волею народа, который не хотѣлъ признать суда митрополичьяго. Строгость Архипастыря въ этомъ случаѣ обнаружилась на Новгородскомъ Архіепископѣ Іоаннѣ, котораго онъ держалъ въ монастырѣ Николы стараго три года съ половиной и изъ тяжкаго затвора возвратилъ потомъ Новгороду. Въ нашествіе Тамерлана, въ 1395 году, 26-го Августа, Кипріанъ въ Москвѣ отражалъ грозу варварскаго нашествія, вмѣстѣ съ народомъ сѣрая икону Богоматери, перенесенную изъ Владиміра въ новую столицу по желанію В. Князя. Преданіе сохранило въ лѣтописи чудный сонъ Тамерлана, о которомъ тогда говорили въ народѣ: Ханъ видѣлъ будто бы высокую гору; Святители съ золотыми жезлами съ горы стремились на него, а надъ ними на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, со множествомъ воинства. Проснувшись, Тамерланъ затрепеталъ и, рассказавъ о видѣніи своемъ князьямъ и воеводамъ, немедленно повелѣлъ войску идти назадъ.

При Кипріанѣ совершилось крещеніе земля Пермской. Стефанъ, какъ мы уже знаемъ, былъ однимъ изъ самыхъ ему близкихъ. Два раза Кипріанъ оставлялъ Москву для того, чтобы посѣтить предѣлы югозападной Россіи, гдѣ Римско-католическая пропаганда уже начинала свои дѣйствія, угрожая нашему православному единству. Вызвавъ въ Кіевѣ на Митрополию Григорія Цамблака, своего племянника, Кипріанъ такимъ выборомъ много содѣйствовалъ укрѣпленію того внутренняго единства, которое всегда съ тѣхъ поръ хранилось между югомъ и сѣверомъ Россіи, не смотря на вѣднѣе раздѣленіе. Въ лицѣ Кипріана Русскіе Митрополиты перестали уже совершать странствія въ Татарскую орду, и независимость отъ нея пастырей Церкви предсказывала будущую независимость власти великокняжеской.

Литературные труды

Татищевъ въ своей сводной лѣтописи, вѣроятно, заимствовалъ изъ какаго нибудь лѣтописца извѣстіе о письменныхъ трудахъ Митрополита Кипріана. Онъ говоритъ, что въ наставленіе душевное написалъ онъ соборы, бывшіе въ Руси, многія житія Русскихъ святыхъ и степени великихъ Князей Русскихъ; другія же книги написалъ въ наставленіе плотское, какъ напримѣръ, правды и суды, и лѣтописъ Русскую отъ начала Русской земли все по ряду, и, собравъ многія книги для сей послѣдней цѣли, повелѣлъ докончить это дѣло Архимандриту Игнатію, что онъ и исполнилъ. Со всѣмъ вѣроятіемъ предположить можно, что этотъ Игнатій есть тотъ самый, который сопровождалъ Митрополита Пимена въ Царь-

градъ, посѣтилъ Иерусалимъ и описалъ намъ свое путешествіе. Но мы еще къ нему возвратимся.

Извѣстіе Татищева подало поводъ къ нѣкоторымъ догадкамъ, со стороны ученыхъ, относительно трудовъ М. Кипріана. Думаютъ, что онъ къ древней Кормчей, привезенной имъ изъ Константинополя и хранившейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, могъ присокупить опредѣленія двухъ Русскихъ соборовъ, до него бывшихъ, и правила Митрополитовъ Русскихъ. Кромѣ Житія Святителя Петра, написаннаго Кипріаномъ, другихъ твореній его въ этомъ родѣ мы не знаемъ. Съ вѣроятностію приписываютъ ему включеніе въ Русскіе святцы именъ сербскихъ Святыхъ. Степенныя книги въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь читаемъ, принадлежатъ Митрополитамъ Афанасію и Макарію; но въ видѣ болѣе краткомъ могли быть уже начаты Кипріаномъ. Правды и суды заставляютъ думать, что онъ переписывалъ Правду Русскую, нѣкоторыя судныя грамоты Князей и законы греческіе, принятые въ составъ Кормчей. Что касается до Русской лѣтописи, которую повелъ Кипріанъ отъ начала Русской земли и, не успѣвъ докончить, передалъ Архимандриту Игнатію, вмѣстѣ со множествомъ источниковъ, для нея собранныхъ,— профессоръ Горскій предполагаетъ, что это была Лѣтопись Троицкая, которою пользовался Карамзинъ. Ее писалъ современникъ В. Князя Василія Дмитріевича и окончилъ описаніемъ Эдигеева нашествія въ 1408 году. Въ пожарѣ 1812 года погибла харатейная рукопись—и намъ остались одни отрывки изъ нея, внесенные Карамзинымъ въ примѣчанія къ его Исторіи.

По памятникамъ, до насъ дошедшимъ, мы видимъ, что Кипріанъ много заботился о введеніи у насъ единообразія въ чинъ православнаго Богослуженія и своими переводами съ Греческаго или твореніями утвердилъ нѣкоторые обряды Церкви. Сюда относятся особенно Служебникъ, переведенный имъ съ Греческаго и написанный первоначально собственною рукою, также разрѣшительная молитва Князю и всякому Христіанину. Нѣкоторыя рукописи богослужебнаго содержания обозначались у насъ издавна Кипріановскими ⁷⁾. Изъ посланій и грамотъ, подъ его именемъ, мы видимъ, какъ онъ посылалъ Псковскому духовенству уставъ божественной службы Златоустовой и Василія Великаго, синодикъ истинный, который читается въ Царьградѣ, въ Св. Софіи у Патріарха, обряды поминанія Царей и Князей, крещенія дѣтей, обрученія и вѣчанья; какъ заботился о списаніи и отсылкѣ потребныхъ рукописей. Утвержденіе истинныхъ обрядовъ православной вселенской Церкви и разрѣшеніе многихъ недоумѣній входило постоянно въ кругъ его дѣятельности. Въ свой Молитвенникъ онъ вписалъ древнее сказаніе преподобнаго отца Никона о книгахъ ложныхъ ⁸⁾. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, внесенныя къ намъ изъ Болгаріи, переписывались невѣжественными писцами и ходили въ народѣ, плодя предрасудки и суевѣрія, или распространяя кривыя понятія о преданіяхъ Церкви. Митрополиту же Кипріану приписывается измѣненіе въ

Посланія и
грамоты.

календарѣ церковномъ: при немъ, какъ думаетъ Карамзинъ, начали считать годъ не съ Марта, а съ Сентября мѣсяца, подражая тогдашнимъ Грекамъ⁹⁾.

Строго отдѣляетъ Кипріанъ права власти мірской и духовной въ своихъ грамотахъ, посланіяхъ и поученіяхъ;¹⁰⁾ запрещаетъ мірянамъ судить и казнить духовенство; отставляетъ церковныя стяжанія, чтобы церковь не была изобижена; но и не признаетъ вмѣшательства власти духовной въ свѣтскую, а потому рупитъ и раздраетъ грамоту, которую Епископъ Суздальскій Діонисій написалъ было Псковичамъ въ противность уставу по старинѣ Великаго Князя Александра. „Всякій Царь, пишетъ Кипріанъ, воленъ въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженіи, всякія дѣла управляетъ и грамоты записываетъ: также и тотъ Князь Великій Александръ въ своемъ княженіи, а списалъ такую грамоту, по чему ходити, на христіанское добро, воленъ въ томъ. А что Денисій Владыка, вплеся не въ свое дѣло, да списалъ неподобную грамоту, и язъ тую грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковичи, ажъ будетъ преже сего ходили по той грамотѣ Князя Великаго Александровѣ, а будетъ то у васъ старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я самъ подеру: та грамота не въ грамоту“. Когда нужно Кипріану рѣшить вопросъ объ усыновленіи вдовою приемыша мужа ея, онъ развертываетъ Номоканонъ и рѣшаетъ его по церковному правилу. Когда монастырскіе поселяне спорятъ съ игуменомъ о своихъ сельскихъ обязанностяхъ относительно монастыря, Кипріанъ прибѣгаетъ къ старинѣ и преданіямъ и разспрашиваетъ о томъ прежняго Игумена и бояръ своихъ.

Высокое назначеніе и чистота священническаго и иноческаго сана внушали Кипріану многія о томъ посланія. Въ одномъ изъ нихъ, до насъ дошедшемъ, еще непечатанномъ, Кипріанъ говоритъ, что много разъ онъ писалъ къ священникамъ и инокамъ объ ихъ обязанностяхъ. И здѣсь повторяетъ имъ: „священство, которое пріяли вы отъ Святаго Духа, соблюдайте чисто и непорочно, и, какъ люди Божіи, ходите по мятежному сему міру..... Кто учитъ хочеть, прежде себя внимай. Всякъ, говорящій и учащій, но не творящій, какъ мѣдъ звенящая. Блаженъ, кто творитъ и учитъ“. Укоряетъ онъ священниковъ въ томъ, что они не налагаютъ на согрѣшившихъ очистительной епитиміи, а сами *смотрятъ ко взятію*; троеженцамъ же и четвероженцамъ не запрещаютъ имѣть женъ невѣнчанныхъ. Попамъ вдовымъ совѣтуетъ идти въ монастыри. Въ другомъ посланіи, также учительномъ, пастырь говоритъ: „Къ поповству и діаконству аже кому ставитись, надобѣ чисто быти, какъ отъ чрева матеря родитися“.

Въ посланіи своемъ къ игумену Аванасію, отвѣчая на предложенные отъ него вопросы, Митрополитъ Кипріанъ предписываетъ духовному отцу, при исповѣди, испытывать всякое дѣло и налагать епитимію по возрасту и *устроенію* каждаго, по разуму и неразумію. „Иначе, говоритъ онъ, должно разсуждать о

молодомъ, иначе о пришедшемъ къ возрасту, иначе о пришедшемъ въ возрастъ, иначе о согрѣшившемъ въ старости, иначе о смышленномъ и несмышленномъ, иначе о согрѣшившемъ самоволіемъ или неволею, иначе о рабѣ, иначе о свободномъ: все надлежитъ испытывать и объ всемъ разсуждать отцу духовному“. Такія испытанія поставлены выше относительно священниковъ и діаконовъ, и еще выше относительно чернецовъ.

Въ этомъ же посланіи Кипріанъ касается вопроса о селахъ монастырскихъ, который, какъ видно, начиналъ тревожить людей избранныхъ, въ томъ числѣ и игумна Аванасія. „Села и людей держатъ инокамъ не предано святыми Отцами, пишетъ М. Кипріанъ: какъ можно, разъ отрешемуся міра и всего мірскаго, снова обязываться мірскими дѣлами, и что разорилъ, созидать опять и являться преступникомъ заповѣди Апостольской? И древніе Отцы не приобрѣтали ни селъ, ни богатства, какъ святой Пахомій, и св. Θεодосій общежитель, и св. Герасимъ, и другіе многіе святые въ Палестинѣ, и въ Синайской горѣ, и въ Раифѣ, и въ Св. горѣ, которую я и самъ видѣлъ; но послѣ мало по малу дѣло пришло въ разслабленіе, и начали монастыри и скиты держать села и стяжанія.

„Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое Князь далъ тебѣ въ монастырь, какъ и что дѣлать съ нимъ? Слушай мой отвѣтъ и прими совѣтъ мой: если уповаешь на Бога со своею братією, и даже донынѣ Богъ препиталъ васъ безъ селъ и впередъ препитаеть, — почтоже обязываться попеченіемъ мірскимъ, и вмѣсто того, чтобы поминать Бога и служить Ему единому, поминать о селахъ и о мірскихъ попеченіяхъ? Внихни и въ это: когда чернецъ свободенъ отъ всякаго попеченія мірскаго, тогда онъ въ мирѣ со всѣми мірянами, и въ всѣ люди любятъ его и воздають честь ему; когда же обязется селами и мірскими попеченіями, тогда нужда ходить по князьямъ и по властелямъ, искать судилищъ, стоять за обидимыхъ, спорить и мириться, и по неволѣ, лишь бы не выдать въ обиду людей своихъ, передъ всякимъ челоувѣкомъ поднимать трудъ великій и отступать отъ своего правила. А еще и того страшнѣе чернецамъ, властвуя надъ селами, судить мужей и женъ, часто ходить къ нимъ и о нихъ заботиться: чѣмъ же будутъ они отъ мірянина отличны? Чернецамъ общаться съ женами и творить съ ними бесѣды опасно. Но вотъ какъ лучше быть селу подъ монастыремъ: чернецу никогда не бывать въ немъ, а приказать его какому нибудь богобоязненному мірянину и ему заботиться о всякихъ дѣлахъ; въ монастырь же бы готовое привозилъ житомъ и всякими потребами: не то, — пагуба чернецамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ“.

Обращаясь къ любимой, но мрачной мысли вѣба о близкой кончинѣ міра, Святитель говоритъ: „нынѣ послѣднее время, и лѣтамъ скончаніе приходитъ, и конецъ вѣбу сему... Оскудѣла добродѣтель, любовь перестала, простота духовная отбѣжала; зависть, лукавство и ненависть водворились; ухищренія и высокоумія

мы исполнились; отчуждились всякаго радованія духовнаго... Горе нам! оставили путь правый! Всѣ обладать хотимъ, всѣ учителями быть, не достигши ученичества; новоначальные многолѣтними обладать хотятъ и надъ всѣми высокоумствуютъ. Плакать бы мнѣ только да лить слезы: всего же больше плачу и тужу о жлахъ, живущихъ въ члѣвѣкахъ; ни Бога не боюсь, ни людей не стыжусь, сплетаемъ лживыя слова на ближняго, завистью и бѣсомъ движимыя. Всего болѣе учитель нападаетъ на зависть. „Зла есть страсть зависть“, говоритъ онъ и призываетъ паству свою къ чистой любви; „кромѣ любви, нельзя инымъ путемъ спастися, если бы кто и тѣло свое великими трудами изнурилъ. Но одержимымъ завистью, нельзя любви достигнуть. . . Какъ Иисусъ началъ въ одно время творить и учить, такъ и учителю должно учить словомъ, а дѣломъ подтверждать ученіе. Если и ручному ремеслу никто не можетъ словомъ научить, а надобно дѣломъ показать, то тѣмъ паче духовное дѣло, совершаемое умомъ, а не тѣломъ“.

Переводы
каноновъ и
молитвъ.

Патріархи Царьградскіе—Филоеи и Исидоръ—сложили много церковныхъ каноновъ и молитвъ въ утѣшеніе православнымъ Христіанамъ восточной Церкви, терпѣвшимъ многія бѣдствія и отъ войнъ междусобныхъ, и отъ наслія народовъ иноплемennыхъ. Эти творенія Константинопольской Церкви всѣ были усвоены нашей черезъ переводы на Славянскій языкъ. Кипріанъ первый принималъ участіе въ переводахъ. Его имя, какъ переводчика, обозначено на твореніи Патріарха Филоеи — Молитвъ Пресвятому Духу, читавшейся на божественной службѣ въ недѣлю Пресвятаго Духа и помѣщенной въ служебникѣ Кипріановомъ, и на двухъ канонахъ того же Патріарха: канонъ молебномъ ко Господу нашему Иисусу Христу въ усобныхъ браняхъ иноплемennыхъ и канонъ Иисусу Христу и Пречистой Его Матери на поганыхъ. Прочтемъ нѣкоторыя стихиры перваго канона; въ нихъ Церковь своими молитвами отзывается современному горю Русской земли.

„Христе, ты одѣлся въ весь мой сокрушившійся образъ. . . Жезломъ твоей силы сокруши, владыко, языческое шатаніе, какъ ливанскія кедры; возвысь князей твоихъ и, снова собравъ расточенныхъ своихъ чадъ, obnovи наше согласіе.

„Единый всѣхъ Царю, миръ, все превозмогающій, даруй, удали соблазны, укроти молвы, смиреніе подай Князьямъ православнымъ и враговъ, находящихъ на насъ, покори, Боже, молитвами святыхъ твоихъ.

„Познаемъ, братія, другъ друга, раздѣленіе чуждое отсѣчемъ, сойдемся въ единство, да составятся снова члены подъ главою всяческихъ, совокупимъ тѣло и поживемъ Христу, во вѣки съ нимъ радуясь“.

Канонъ заключается молитвою о Князьяхъ, да соблюдетъ ихъ Господь въ мирѣ и въ правдѣ, и въ мужествѣ, да покоритъ имъ всѣ иноплемennыя языки на брань хотящія, да приложитъ имъ вѣру и благоговѣнство, да оградитъ ихъ страхомъ своимъ, да дастъ имъ мирная мудрствовати и да возглаголетъ въ сердцѣ ихъ благая о Церкви своей и о людяхъ своихъ.

Многіе другіе каноны и молитвы Патріарховъ Филоея, Исидора, Никифора и другихъ слагателей были переведены, вѣроятно, въ то же самое время. Много утѣшеній предлагали въ нихъ пастыри Церкви и всему народу, и каждому чело- вѣку особенно, страдавшему отъ всеобщей вражды и насилія, какъ духовной болѣзни чело- вѣчества, и отъ смертоносной язвы, которая не разъ возвращалась и губила цѣлые города. Съ одной стороны, церковная пѣснь возбуждала духъ бо- дрости и освобожденія отъ чуждаго ига; съ другой, призывала къ покаянію, къ успокоенію внутренней вражды, къ любви и миру, какъ ея выраженію. Мы еще возвратимся къ ней и услышимъ ея знаменательный голосъ¹¹⁾.

Московская Духовная Академія хранитъ до сихъ поръ въ своей бібліотекѣ драгоцѣнные остатки неутомимой книжной дѣятельности М. Кипріяна, его авто- Автографы. графы, къ сожалѣнію, еще не описанные: Псалтирь, Лѣтвицу съ толкованіями, переписанную имъ въ Царьградскомъ Студійскомъ монастырѣ, въ 1387 году, и сочиненія Діонисія Ареопагита¹²⁾.

Кипріяну приписываютъ у насъ обыкновенно внесеніе многихъ сербскихъ выраженій и оборотовъ въ Славяно-церковный языкъ. Еще въ XVI вѣкѣ нѣкто Ниль Курлятевъ, ученикъ Максима Грека, въ предисловіи своемъ къ переводу Псалмовъ съ греческаго, въ 1552 году, обвинялъ Кипріяна въ незнаніи Грече- скаго языка и во внесеніи излишней сербской стихіи въ письменный нашъ языкъ. Обвиненіе въ первомъ, вѣроятно, сказано со словъ Максима Грека. Обвиненіе во второмъ должно быть окончательно рѣшено нашими Славянистами; но этого рѣше- нія мы до сихъ поръ еще отъ нихъ ожидаемъ. Надобно сказать однако, что нѣко- торыя грамоты Кипріяновы писаны совершенно Русскою рѣчью и, если онъ самъ писалъ ихъ, то обнаруживаютъ гораздо большее вліяніе на его языкъ нашей народ- ной стихіи, нежели обратно.

Сербская
стихія въ
языкѣ.

Неутомимый Архипастырь постоянно соединялъ труды свои по паствѣ съ трудами книжными. Для сихъ послѣднихъ онъ удалялся иногда отъ тревоги дѣль въ свои любимыя лѣсныя пустынные мѣста. Такихъ убѣжищъ онъ устроилъ себѣ два: одно во Владимірской своей волости, на святомъ озерѣ, у церкви Преобра- женія Господня, имъ основанной; другое въ митрополичьемъ селѣ Голенищевѣ, у храма во имя трехъ Святителей. Здѣсь устроилъ Кипріянь для себя мѣсто тихое, безмолвное, спокойное, на стрѣлкѣ между двухъ рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, надъ прудомъ; лѣсъ осѣнялъ это убѣжище съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь то часто пребы- валь Святитель; здѣсь упражнялся въ молитвѣ, въ памяти смертной и въ чтеніи божественнаго Писанія; здѣсь писалъ книги своею рукою и ставилъ епископовъ. Въ этомъ убѣжищѣ застигла его болѣзнь и смерть, которая одна только могла пресѣчь непрерывный подвигъ его жизни — ученіе всѣхъ слову Божію. Кипріянь скончался 16-го Сентября 1407 года, бывъ въ санѣ Митрополита 30 лѣтъ безъ малаго, изъ которыхъ 18 пасъ онъ Русскую церковь.

Убѣжища
для трудовъ.

Кончина.

За четыре дня до кончины Кипріанъ написаль *чудную*, какъ лѣтописецъ ее называетъ, прощальную грамоту, въ которой, всѣхъ прощая и благословляя, самъ просиль у всѣхъ также прощенія и благословенія. Эта грамота, говоритъ лѣтописецъ, была плодомъ истиннаго любомудрія и смиренія. Святитель заповѣдалъ Епископамъ, при положеніи его во гробъ, прочесть эту грамоту въ слухъ всему народу: воля усопшаго была исполнена Григоріемъ, Архіепископомъ Ростовскимъ.

Прощальная грамота.

Исповѣдавъ вѣру православную, умирающій Святитель прощается съ патриархами, митрополитами, Великимъ Княземъ Василиемъ Димитріевичемъ и его семействомъ, со всѣми Великими Князьями Русскими, Князьями мѣстными, ихъ княгинями и дѣтьми, съ епископами, священноиноками и всѣмъ священническимъ чиномъ, съ князьями малыми, боярами великими и меньшими, съ ихъ женами и дѣтьми, и со всѣмъ Христіанскимъ народомъ; епитимью ли возложилъ онъ на кого, всѣхъ разрѣшаетъ; поропталъ ли кто на него, всѣхъ прощаетъ. А на тѣхъ, кто возлюбилъ его, кто помиловалъ Господа ради въ его нуждахъ, въ трудныхъ хожденіяхъ, въ путяхъ, въ земляхъ различныхъ, призываетъ Божіе благословеніе ¹³⁾.

Грамота заключается такимъ размышленіемъ: „Множество человѣческое, все на землю пришедшее, общее естество наше оплачемъ мы, которые такъ несчастно обогащаемся. О какъ же лучшее изъ Божіихъ созданій, по подобію Его и образу созданное, безъ дыханья зрится, и мертво, и полво червей нечистыхъ, испуская смрадъ! Какъ исчезло мудрованіе? какъ скрылось слово? какъ разрѣшилось *сугубое*? куда утайлось *тричастное*? *)... Увы страсти!.. земля наше смѣшеніе. земля покрываетъ, земля и востаніе. Увы страсти, улы мнѣ! нагъ вышелъ я на плачь младенцемъ, нагъ отойду снова! Что тружусь и смущаюсь все, вѣдая конецъ житія, видя его дѣйствіе, какъ всѣ мы равнымъ образомъ шествуемъ отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣтаже въ тьму, отъ чрева матернаго съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ во гробъ. Начало и конецъ — плачь! что же въ серединѣ? сонъ, тѣнь, мечтаніе, красота житейская. Увы, улы страсти! Въ многомъ сплетеніи житія все какъ цвѣтъ, какъ прахъ, какъ тѣнь, проходитъ“.

Велегласно, въ слухъ всему народу, читаль эту грамоту Архіепископъ Ростовскій Григорій. Его чтеніе многихъ изъ предстоявшихъ подвигло на слезы; плачь и рыданіе оглашали Успенскій соборъ. Чтеніе прощальныхъ грамотъ по данному Кипріаномъ образцу вошло съ тѣхъ поръ въ обычай при погребеніи Митрополитовъ.

*) Подъ именемъ *сугубо* здѣсь, конечно, разумѣется двойственное существо чловѣка, состоящее изъ души и тѣла; подъ именемъ *тричастнаго* Христіанскіе философы Греціи разумѣли три силы души: словесное, яростное и желанное, какъ они называли ихъ. (См. Посланіе Митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. И. Р. Сл. Т. 2, стран. 102.)

Въ подобныхъ минутахъ древней Русской жизни выражается лучшая сторона ея и ея поэзія.

Чуждое иго, тяготѣвшее надъ отечествомъ, внутренніе раздоры, перешедшіе съ юга на сѣверъ, грабительство и насиліе отъ варваровъ пришлыхъ, а иногда и отъ своихъ, были тяжкими искушеніями для Русскаго народа въ XIV столѣтіи. Но онъ не унывалъ: они послужили къ раскрытію въ немъ высшихъ силъ души. Пустыни, пустыни алкала тогда избранный Русскій человѣкъ. Но это стремленіе было не праздное: сила духовная черезъ него развивалась, а трудъ и борьба съ сѣвѣрною природою его сопровождали.

Въ XIII столѣтіи основано было 22 монастыря; въ XIV-мъ ихъ считаемъ 80 Обителей. до 80-ти, если не болѣе. Монастыри и церкви были тогда и народными училищами, и разсадниками книжнаго просвѣщенія. Юноши, съ высшимъ призваніемъ къ ученю, стремились тогда въ монастырь, какъ нынѣ въ Университетъ. Общинное начало, всегда присущее Русскому народу, исконный зародышъ его общественаго образованія, содѣйствовало также умноженію обителей, въ которыхъ оно могло достигнуть высшей степени христіанскаго развитія въ видѣ общаго житія. Непрерывная молитва, богослуженіе, отраднѣйшій звонъ колокола, руководство въ строгомъ исполненіи устава и обрядовъ церкви, постъ, воздержаніе, трудъ, терпѣніе и любовь братская простирали благотворное свое вліяніе на всю окрестность около того мѣста, гдѣ учреждалась обитель. На пути для странника по безконечной землѣ Русской она служила вѣрнымъ пріютомъ; во время голода кормила народъ. Родители посылали въ нее дѣтей своихъ на обученіе грамотѣ, въ скорбяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ искали въ ней отрады и исцѣленія. Время образовало изъ нѣкоторыхъ монастырей твердыни государственныя противъ враговъ отечества. Но прежде всего община монастырская служила идеальнымъ образцемъ для общины городской и сельской — и въ этомъ заключается главная тайна ея успѣха и быстрого распространенія въ древней Русской жизни. Эти общины были нравственными оплотами для общества, еще не сложившагося въ государство, и, какъ крѣпкія, несокрушимыя связи, содѣйствовали утвержденію великаго религіознаго духовнаго единства земли Русской.

Взглянемъ на происхожденіе, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшихъ обителей въ XIV столѣтіи, и разсмотримъ тѣ народныя силы, которыя участвовали въ ихъ образованіи. Есть обители, коихъ происхожденіе покрыто мракомъ неизвѣстности: такова обитель Валаамская на островѣ Ладожскаго озера—Валаамъ. Пустынники Сергій и Германъ, ее основавшіе, догадочно относятся къ XIV вѣку. Таково и основаніе обители Муромской Успенской на островѣ Мурманскомъ Онежскаго озера, приписываемое Лазарю Римлянину. Иныя обители упоминаются уже въ лѣтописяхъ, какъ существовавшія, а когда начались онѣ, неизвѣстно.

Нѣкоторые подвижники переносятъ общежительныя преданія на сѣверъ Россіи съ юга, изъ древнѣйшаго ихъ Русскаго разсадника, изъ Лавры Кіевопечерской. Таковъ Діонисій, основатель Нижегородскаго Печерскаго Вознесенскаго монастыря и Архіепископъ Суздальскій. Мы знаемъ дружбу его съ Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Ученикъ Діонисія Евѣмій основалъ въ Суздаль обитель Спасо-Евѣміевскую. Таковъ еще Стефанъ Махрицскій, Кіевлянинъ родомъ и также постриженникъ Кіевопечерской Лавры. Онъ распространялъ пустынную жизнь не только около Москвы, въ сосѣдствѣ Лавры Сергіевой, но и въ предѣлахъ Вологодскихъ, которымъ далъ двухъ учениковъ — Григорія и Кассіана. Мы увидимъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на судьбу Св. Кирилла Бѣлозерскаго.

Власти, духовныя и свѣтскія, и самый народъ участвовали совокупно въ учрежденіи обителей. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Митрополиты и Епископы. Святитель Петръ въ самомъ началѣ вѣка основываетъ монастырь на Волынской своей родинѣ, на берегу рѣки Раты. Святитель Алексій основалъ пять монастырей: Спасо-Андроньевъ—въ память спасенія своего отъ морской бури, Чудовъ—въ память чудеснаго исцѣленія Татарской царицы Тайдулы, Цареконстантиновскій—во Владимірской области, Владыченъ-Серпуховскій и Благовѣщенскій Нижегородскій при устьѣ Оки; Святитель Кипріанъ—Святоозерскій Суздальскій, какъ уединенное убѣжище для ученыхъ трудовъ своихъ, и Срѣтенскій—въ память спасенія Москвы отъ Тамерлана.

Новгородскому Архіепископу Моисею приписывается основаніе шести обителей Новгородскихъ. Этотъ святой мужъ, правившій паствою Новгорода во времена самыхъ бурныхъ его народныхъ распрей, непрерывно алкалъ уединенія, чтобы въ немъ собирать духовныя силы для своихъ гражданскихъ подвиговъ, и дѣлалъ, можно сказать, всю жизнь свою между престоломъ Архіепископскимъ въ Св. Софій и схимю въ Сквородской обители Архангела Михаила. Когда двѣ враждебныя стороны Новгорода — Софійская и Торговая или Славянская — выходили другъ на друга; когда вмѣшивали онѣ въ свою распрю народныхъ святыхъ своихъ, Софійская — юродиваго Николу Качанова, Славянская — юродиваго Феодора¹⁴⁾; когда Волховскій мостъ, соединявшій оба конца, бывалъ разметанъ: старецъ схимникъ Моисей являлся съ крестомъ въ рукахъ на остаткахъ моста, посреди враждующихъ сторонъ, призывалъ ихъ къ миру и унималъ кровопролитіе. Усердный къ устроенію обителей, самъ заживо умершій міру схимникъ Моисей видно понималъ, какъ необходимы были для бурнаго Новгорода пріюты братскаго согласія и миротворной молитвы.

Арсеній, постриженникъ Кіевопечерскій, Епископъ Тверской, поставленный Кипріаномъ и столько угодившій своей паствѣ послѣ сверженнаго Евѣмія, подъ конецъ жизни стремился также къ уединенію и на берегу Тмаки учредилъ обитель Желтиковскую¹⁵⁾.

Стефанъ, Епископъ Пермскій, устроилъ три пустыни въ своей епархіи.

Ростовъ былъ недоволенъ своимъ Епископомъ Іаковомъ и лишилъ его каедръ. Онъ удалился на берегъ озера Неро, построилъ себѣ уединенную хижину, а потомъ основалъ обитель, впоследствии столько славную и до сихъ поръ носящую его имя.

Князья ознаменовывали важныя событія государственныя или счастливыя случаи ихъ домашней жизни основаніемъ монастырей. Калита осѣнилъ свой княжескій домъ обителью Спаса на бору. Димитрій Донской послѣ славной своей побѣды подарилъ 12 сель монастырю Сергіеву и въ память ея построилъ обитель на Дубенкѣ, а на мѣстѣ своей родины, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку, монастырь Голутвинъ. Василій, сынъ его, основалъ Желѣзноборовскій Галицкій монастырь въ благодарность за выздоровленіе беременной супруги своей Софій Витовтовны. Татарскій князь Четъ, родоначальникъ Годуновыхъ, принявшій нашу вѣру, основалъ Костромской Ипатіевскій монастырь. — Княгини соревновали своимъ супругамъ въ томъ же дѣлѣ. Благочестивая жена Донскаго Евдокія содѣйствовала основанію Горницкаго монастыря близъ Переславля, гдѣ пострится св. Димитрій Прилуцкій, и сама, по смерти мужа, затворилась въ обители Вознесенской, построенной ею въ Кремлѣ. Марія, мать Князя Владимира Андреевича, учредила дѣвичій Рождественскій монастырь; Княгиня Феодора Іоанновна, супруга Андрея Константиновича, Зачатейскій Нижегородскій. Села и земли были постоянно даримы монастырямъ, при самомъ ихъ основаніи и послѣ, что впоследствии образовало земную ношу, слишкомъ тяжелую для духовнаго существа Церкви.

Народъ любилъ основаніе обителей и отгадывалъ ихъ рожденіе около себя какимъ-то вѣщимъ предчувствіемъ. Во всѣхъ житіяхъ разсказывается, что поселяне, задолго до прихода Святаго мужа въ ихъ предѣлы, слышатъ, нивѣсть откуда, звонъ колокольный и пѣніе церковное. А какъ придетъ угодникъ Божій въ лѣсную около нихъ чащу, немедленно являются къ нему сельскіе христоробцы и помогаютъ вырубать ее, строить келью и потомъ церквицу. Если и встрѣтятся иногда въ какомъ нибудь мѣстѣ препятствіе отъ завистниковъ, какъ встрѣтилось сначала Димитрію Прилуцкому близъ селенія Авнежскаго на рѣкѣ Великой, — то въ утѣшеніе ревностному подвижнику, при дукѣ рѣки Вологды, гдѣ и была учреждена имъ обитель, названная по урочищу, владѣльцы мѣста сами отдають свою подъ нее землю и топчуть озимыя, зазеленѣвшія свои нивы, чтобы только не отлагать строенія желанной церкви. Народъ до сихъ поръ повсюду около монастырей хранитъ и передаетъ изъ устъ въ уста живыя преданія объ ихъ основателяхъ, какихъ не находимъ въ ихъ рукописныхъ житіяхъ.

Но всѣ эти человѣческія усилія, внушенныя самымъ ревностнымъ усердіемъ властей, не дали бы такого прочнаго хода дѣлу, еслибы не управляло ими выс-

шее призваніе. Великіе пустынножители слышать этотъ внутренній зовъ отъ самыхъ раннихъ лѣтъ ихъ юности, не руководствуясь никакими частными своими или общими событіями отечества. Это подвигъ ихъ жизни: ему все силы, все думы, все скорби и труды, все радости и успѣхи. Таковъ особенно Св. Сергій Радонежскій, носитель главной мысли вѣка отъ самой утробы матери, котораго мы и поставили во главѣ его. Хотя еще до него, въ самой Москвѣ, въ монастырѣ Высокопетровскомъ, первый Архимандритъ его Іоаннъ ввелъ уставъ общежительный, послужившій для другихъ монастырей; но истинный духъ пустынножительства распространился не отсюда, а отъ Преподобнаго Сергія. Не было, конечно, ни одного подвижника, который бы не былъ другомъ его или собесѣдникомъ, а большею частію они были его учениками. Въ тѣ времена, какъ сказано въ житіи одного изъ нихъ, Павла Комельскаго, Преподобный Сергій просіялъ въ благомъ своемъ жительствѣ и во многихъ знаменіяхъ, и слава о немъ повсюду проносилась.

Мы уже знаемъ, какое дружество связывало его съ Святителемъ Алексіемъ, Стефаномъ Пермскимъ, Діонисіемъ Суздальскимъ. Димитрій Прилуцкій, принесшій въ даръ необыкновенную красоту лица призванію пустытника и скрывавшій ее въ монашескомъ куколѣ, часто посѣщаль Сергія и принималъ его совѣты для основанія обители Николаевской у озера Переяславскаго. Онъ, воспріимнигъ дѣтей Димитрія Донскаго, удалился отъ славы міра въ предѣлы Вологодскіе. первый принесъ туда общее житіе и водворилъ его въ обители Спасоприлуцкой. Потребность книжная, видно, тогда чувствовалась. Братія жаловалась ему на то, что мало книгъ въ монастырѣ. Димитрій отвѣчалъ: „Довольно, братія; имѣемъ обычныя книги, утѣшительныя душамъ; если не полѣнимся хвалить Бога, то, какъ труба Божія, будемъ гласить и день и ночь“. Есть еще преданіе объ отшельникѣ. Одинъ изъ близкихъ сосѣдей принесъ въ обитель пищу и питье; но Димитрій не принялъ, а сказалъ: „отнеси все это назадъ въ домъ свой, и напитай прежде рабовъ и сиротъ въ дому твоемъ, чтобы не гибли голодомъ, жаждою и наготою, а тамъ ужъ что останется, принеси и намъ“¹⁶).

Ученики Сергіевы основали много обителей: Авраамій — Чухломскую въ Галицкой области; Андроникъ — Спасоандроньевскую въ Москвѣ; Θεодоръ, родной племянникъ его — Симонову; Аѳанасій — Высоцкую въ Серпуховѣ; Савва — Сторожевскую Звенигородскую; Григорій — Родутвинскую; Сергій Грекъ, пришелецъ съ Афонской горы — Нуромскую Спасопреображенскую на рѣкѣ Нурмѣ, въ предѣлахъ Вологодскихъ; Мѳеодій — Пѣсношскую Николаевскую близъ Дмитрова; Романъ — Киржачскую Введенскую во Владимірской области; Кириллъ — Бѣлозерскую на озерѣ Сиверскомъ въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ; Павелъ Комельскій или Обнорскій — Троицкую Обнорскую близъ Грязовца, въ предѣлахъ Вологодскихъ.

Мы войдемъ въ подробности жизни двухъ послѣднихъ, и особенно Св. Ки-

рилла Бѣлозерскаго. Оба они связываютъ четырнадцатое столѣтіе съ пятнадцатымъ. Св. Павелъ, Москвичъ родомъ, сынъ богатыхъ родителей, началъ съ дѣтства раздавать все нищимъ и даже съ себя одежду, 22-хъ лѣтъ покинулъ домъ отца и постригся на берегу Волги. Слава Св. Сергія привлекла его къ Троицѣ. Пятьдесятъ лѣтъ жилъ онъ въ разныхъ, самыхъ пустынныхъ обителяхъ и изучалъ житіе иноческое до тѣхъ поръ, пока не предпринялъ своего собственнаго подвига. Семидесяти двухъ лѣтъ удалился онъ въ Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязовицу. Три года дупло старой липы въ чащѣ лѣса служило ему вмѣсто кельи. Самъ жилъ онъ, какъ птица Божія,—и птицы его любили. Онъ кормилъ ихъ—и онъ садился ему на голову и на плечи, а дикіе звѣри кругомъ ходили мирно. Въ этомъ окруженіи засталъ его Св. Сергіи Нуромскій, сосѣдь его по пустыни. Черезъ три года и Павелъ основалъ обитель, которою правилъ сорокъ лѣтъ. Сто двѣнадцать лѣтъ прожилъ онъ—и пустыня его долго славилась святыми подвижниками, а въ XVI вѣкѣ представила Церкви въ своихъ старцахъ мучениковъ, погибшихъ отъ меча Казанскихъ Татаръ¹⁷⁾.

Житіе Св. Кирилла Бѣлозерскаго составлено было Пахоміемъ Логоетомъ¹⁸⁾ Св. Кириллъ Бѣлозерскій. Житіе его. въ послѣдующемъ столѣтіи, вскорѣ по смерти Преподобнаго, по живымъ слѣдамъ преданій, которыя рассказаны слагателю его учениками. Въ 1337 г. въ Москвѣ отъ благочестивыхъ родителей родился мальчикъ Кузьма. Рано онъ лишился ихъ и порученъ былъ ими родственнику, Окольничему Тимоѳею. Тимоѳей былъ знатнымъ лицомъ въ Москвѣ, силенъ при дворѣ у В. Князя Дмитрія, славенъ и почестями, и богатствомъ. Это, конечно, тотъ самый Тимоѳей Окольничій, который участвовалъ въ побѣдѣ Вожской и потомъ является воеводою на Куликовомъ полѣ. Строгая патріархальность обычаевъ времени видна изъ того, что Окольничій не хотѣлъ допустить за столъ свой сродника Кузьму до тѣхъ поръ, пока не пришелъ онъ въ совершенный возрастъ. Тогда приставленъ онъ былъ и назначенъ къ имѣнію Тимоѳея. Но у Кузьмы, какъ у человѣка съ высшимъ призваніемъ, съ малыхъ лѣтъ была одна только дума: любимая пустыня. Тимоѳей и слышать о томъ не хотѣлъ. Тщетно Кузьма тайно отъ него бродилъ по монастырямъ Московскимъ; нигдѣ его не принимали: вездѣ боялись гнѣва Окольничаго. Но вотъ однажды въ домъ къ нему приходитъ погостить мужъ, извѣстный великимъ житіемъ своимъ, Стефанъ Махрищскій. Кузьма обрадовался такому случаю и открылъ сильному гостю свое задушевное желаніе. Стефанъ рѣшился принять на себя дѣло, благословилъ его въ иноки и назвалъ Кирилломъ. Вотъ приходитъ святой мужъ къ Тимоѳею и говоритъ ему: я принесъ тебѣ благословеніе отъ божомольца Кирилла.—А кто этотъ Кириллъ? спрашиваетъ Тимоѳей.—Кузьма, твой бывший сродникъ, а теперь инокъ.—Вспыхнулъ гнѣвомъ Тимоѳей, забывъ уваженіе къ святому мужу. Стефанъ произнесъ грозныя слова, заповѣданныя Спасителемъ ученикамъ его: идѣже не приѣмлютъ васъ, исходяще оттуду и прахъ прилѣпшій

оттрясите отъ ногъ вашихъ, и вышель отъ Тимоѳея. — Тогда богобоязненная жена Окольничаго рѣшилась вразумить своего супруга и сказала ему: что ты это сдѣлалъ? вѣдь ты оскорбилъ святаго мужа — и повторяла слова, произнесенныя Стефаномъ. Опомнился Тимоѳей. Послана погоня за обиженнымъ, и, когда возвратился онъ въ домъ обидѣвшаго, Тимоѳей просилъ у него прошенія и благословилъ желаніе Кузьмы.

Стефанъ отвелъ бѣльца въ монастырь Симоновъ къ Архимандриту Теодору, гдѣ совершилъ онъ искусь и принялъ постриженіе. Постепенно готовился онъ къ тому. Старецъ Михайлъ, впоследствии Епископъ Смоленскій, руководилъ Кирилла. Онъ умѣрялъ всѣ порывы молодаго усердія и мало по малу приучалъ ученика къ посту и молитвѣ. Изъ кельи старца перешелъ молодой инокъ въ хлѣбню на служеніе братіи. Здѣсь не укрылся онъ отъ прозорливости Преподобнаго Сергія, который посѣщалъ своего племянника Теодора въ его обители. Нерѣдко Сергій прямо хаживалъ въ хлѣбню и цѣлые часы проводилъ въ душевной бесѣдѣ съ Кирилломъ. Благоволеніе великаго пустынножителя къ молодому иноку сейчасъ же огласилось въ братіи и народѣ и отразилось на немъ славою; но смиренный хотѣлъ отъ нея укрыться. Изъ хлѣбни онъ перешелъ въ поварню и здѣсь принялъ на себя юродство, за что подвергался наказаніямъ отъ игумена до тѣхъ поръ, пока не открылась настоящая причина его поступковъ. Вотъ, наконецъ, достигъ онъ и своей особенной кельи, въ ней безмолвствуетъ, молится, пишетъ книги для обители, но все не оставляетъ и низшаго служенія братіи, работаетъ и въ поварнѣ. Архимандритъ Теодоръ призванъ на святительскій престолъ города Ростова. Кириллъ избранъ на его мѣсто, но не долго остается на немъ. Безмолвіе кельи для него милѣе власти. Онъ оставляетъ власть и снова уединяется. А между тѣмъ слава его по народу несется далѣе и далѣе, и со всѣхъ концовъ стекаются люди въ его тѣсную келью видѣть великаго инока и слушать душеспасительное его слово. Такая слава возбуждаетъ зависть въ новомъ Архимандритѣ Сергіи; Кириллъ, чтобы уклониться отъ зла, удаляется въ древній монастырь, что на старомъ Симоновѣ, и здѣсь молитъ Богоматерь указать ему путь спасенія.

Павлу Комельскому было 72 года, когда онъ рѣшился на совершеніе подвига; Кириллу 60 лѣтъ. Въ томъ возрастѣ, когда люди, утомленные жизнью, сходятъ съ своего поприща, наши пустынножители ощущали въ себѣ бодрія, свѣжія силы и рѣшимость на новыя, тяжкія труды, на пути дальніе, на борьбу съ природою. Какая-то сила влекла ихъ всего болѣе на сѣверъ, къ *студеному морю-окияну*, какъ говорится въ ихъ житіяхъ.

Чудесно обнаружилось призваніе Кириллу. Разъ, по обычаю, читалъ онъ ночью акаѳистъ Божіей Матери; мысль его остановилась на словахъ: „Странное рождество видѣвши, устранимся мира, и умъ на небо предложимъ“, — и сильно загорѣлась въ немъ давняя молитва. Вдругъ слышитъ онъ голосъ: иди на Бѣло-

озеро! тамъ мѣсто твоего спасенія — и внезапно горній свѣтъ озарилъ его келью. Онъ отворилъ окно — свѣтъ изливался отъ странъ полуночныхъ, гдѣ скрывалось Бѣлоозеро, и голосъ звалъ и манилъ его туда. Эта ночь была ему свѣтлѣе дня. Она исполнила его радости и дала ему силу рѣшиться на подвигъ.

Өерапонтъ, товарищъ его по постриженію, самъ родомъ съ Бѣлоозера, приходитъ къ нему въ келью. Кирилль разспрашиваетъ его о странахъ Бѣлозерскихъ. Өерапонтъ хвалить ему красоту ихъ пустынь, и вотъ оба рѣшаются вмѣстѣ оставить обитель Симонову и идти туда, на Бѣлоозеро.

Долго блуждалъ Кирилль по странѣ, которая дала ему прозваніе Бѣлозерскаго и которую наполнилъ онъ славою богоугодныхъ дѣлъ своихъ, и, наконецъ, обрѣлъ онъ мѣсто, указанное въ видѣніи. Есть неподалеку отъ обители гора Маура, самая высокая во всей окрестности; подошву ея омываютъ волны озера Сиверскаго, на берегахъ котораго водворился Кирилль. Здѣсь, на этой горѣ, лежитъ гранитный камень, и на немъ виденъ слѣдъ ступни человѣческой: по народному преданію, здѣсь остановился Кирилль и узналъ то мѣсто, о которомъ гадала душа его. Поля, лѣса, луга, воды соединились здѣсь на огромномъ пространствѣ и образовали на самомъ дѣлѣ одно изъ прекраснѣйшихъ видѣній земли Русской. Съ одной стороны, Шексна разлилась самыми роскошными извивами по лугамъ нескончаемымъ; съ другой, озѣра, какъ куски голубаго неба, сброшенные на землю, въ оправахъ лѣсовъ и полей, въ разныхъ мѣстахъ ее покрыли. А небу надъ этимъ зрѣлищемъ во всѣ стороны нѣтъ конца, и склоны его, простираясь кругомъ, кажется, съ любовью захватываютъ всѣ дива благословенной земли... Здѣсь успокоилась дума Кирилла, и онъ палъ съ благодарною молитвою къ Пречистой, увидѣвъ, наконецъ, мѣсто своего спасенія.

Начались труды отшельника. Сначала сработалъ онъ вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ лѣтнюю келью и выкопалъ колодезь да подземную пещеру. Но Өерапонтъ скоро разстался съ товарищемъ и отошелъ за 15 верстъ на озеро Паское, гдѣ также основалъ обитель.

Земледѣльцы собираются около одинокаго Кирилла. Они уже прослышали вѣщій звонъ и чудесное пѣніе. Исаія, Авесентій Воронъ и Матей Кикось помогаютъ ему рубить чащу и непроходимый боръ, гдѣ онъ поселился. Жизнь отшельника подвергается опасностямъ. Разъ, утомленный трудами, онъ заснулъ подъ елью. Невидимый голосъ разбудилъ его и заставилъ отбѣжать въ сторону. Ель запаталась отъ вѣтра и упала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ: Кирилль вырубилъ изъ этой ели крестъ, до сихъ поръ хранимый въ его лѣтней кельѣ. Въ другой разъ, собравъ въ одно мѣсто хворостъ отъ вырубленнаго лѣса, онъ зажегъ его, чтобъ приготовить хорошую землю для посѣва. Вдругъ поднялся вѣтеръ и раздулъ пожаръ, окружившій отовсюду отшельника, но добрый человѣкъ Тимошей спасъ его отъ огня и смерти:

Стала сходиться братія, сначала изъ Симонова, откуда пришелъ Кириллъ, потомъ изъ мѣстъ южныхъ. Зачинается обитель. Первая мысль всѣхъ построить церковь. Но какъ быть? страна дикая, плотниковъ нѣтъ. Приходятъ неожиданно и плотники — церквушка построена, и богослуженіе огласило лѣсную глушь. Слава Кирилла обносится кругомъ и привлекаетъ къ нему народъ. Но является и врагъ, бояринъ, промышленяющій разбоемъ: онъ думаетъ найти у Кирилла богатство многое, но находитъ только одежду въ заплатахъ, да *мало книжицъ*.

Кириллъ, соединивъ около себя братію, водворилъ въ ней уставъ общаго житія. Никто не имѣлъ права на какую либо собственность: все было общее. Серебро и золото принадлежало одной казнѣ монастырской. Даже и воду для утоленія жажды иноки должны были брать въ трапезѣ, а въ кельѣ имѣть у себя только для умытія рукъ. Ни братія, ни сама обитель не должны были просить милостыни у мірянъ для удовлетворенія какой бы то ни было, самой крайней, нужды. Одно соревнованіе позволено было для братіи о томъ, кто ранѣе придетъ въ церковь. Игуменъ самъ служилъ для всѣхъ примѣромъ. Никогда въ храмѣ божіемъ не прислонялся онъ къ стѣнѣ, никогда не садился. Ноги его были какъ столпы. Къ цѣлованію иконы и въ трапезу шли по старшинству. За трапезой раздавался голосъ чтеца. Ъли три блюда, но Кириллъ вкушалъ только отъ двухъ, и то не до сытости. Ни пиремъ, ни поминка нельзя было получить, не показавъ игумну. За ограду обители никто не выходилъ безъ его благословенія.

Монастырь до сихъ поръ хранитъ бѣдныя ризы и одежду Преподобнаго, сосуды и утварь, свидѣтельствующіе о простотѣ его жизни. Но главное сокровище, конечно, тѣ книги, о которыхъ Кириллъ самъ сказалъ враждовавшему боярину. Въ ризницѣ монастырской мы находимъ ихъ 17, кромѣ свяцевъ, писанныхъ собственною рукою Преподобнаго на пергаминахъ. Изъ нихъ пергаминаныя же: Евангеліе, трудъ ученика его Христофора; здѣсь находимъ тѣ самыя измѣненія въ текстѣ начала благовѣстія Іоаннова, какія видѣли въ рукописи Святителя Алексія; Псалтирь Кирилла, писанная также по его благословенію; два каноника соборныхъ, изъ которыхъ одинъ писанъ, можетъ быть, имъ самимъ, а другой ученикомъ его Мартиніаномъ. Замѣчательны двѣ маленькія книжки, написанныя на самой плотной хлопчатой бумагѣ. Въ нихъ содержатся многія правила Св. Соборовъ и Св. Отецъ, относящіяся особенно къ церковному уставу и къ пустынной иноческой жизни. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ изъ Василія Великаго и вопрошеній Св. Луки Сирійскаго правила о томъ, какъ единствующимъ въ пустыняхъ дозволяется совершать причащеніе своею собственною рукою, въ кельѣ, безъ священника. Эти книжки, вѣроятно, сопутствовали Кириллу во время его странствій, и правила, въ нихъ изложенныя, исполнялъ онъ самъ на дѣлѣ. Здѣсь же находимъ правила для крещенія Татаръ въ Христіанскую вѣру, о вѣрующихъ въ гады и звѣри, въ часы добрые и злые, паремьи изъ житій Св.

Бориса и Глѣба и переводъ Галеновой Физики, или сочиненія его о большомъ и маломъ мірѣ, гдѣ естественными причинами объясняются многія явленія, небесныя и земныя. Изъ этой книжки ясно видно, что составитель ея, столько любившій красоты міра Божія, какъ это показываетъ мѣсто, избранное имъ для обители, вникалъ разумомъ и въ причины его естественныхъ явленій для того, чтобы противодѣйствовать предразсудкамъ и суевѣріямъ народнымъ и очищать тѣмъ истинную вѣру Христіанскую.

Эти немногія книжки Кирилловы были зародышемъ того огромнаго и славнаго книгохранилища, которое послѣ возрасло трудами иноковъ Кирилло-Бѣлозерской обители.

Тридцать лѣтъ правилъ Кириллъ обителью и дѣйствовалъ изъ нея на всю Бѣлозерскую область и на ея жителей. Обитель его служила пріютомъ для больныхъ и народною житницею во времена голодныя. Изъ своей пустыни отшельникъ простиралъ вліяніе и на князей, вотчинниковъ Бѣлозера, и на брата ихъ Великаго Князя Василія Димитріевича. Онъ поучалъ ихъ своими посланіями, склонялъ къ смиренію, братолюбію и согласію; смѣло говорилъ противъ поклеповъ, подметовъ и посуловъ въ судахъ, противъ корчемства и пьянства, какъ порока народнаго, которымъ пользуются корчемники, противъ мытовъ, какъ пошлннѣ неправедныхъ. Мы еще подробнѣе познакомимся съ немногими изъ этихъ посланій, до насъ дошедшихъ, въ слѣдующемъ чтеніи, когда будемъ обозрѣвать всю литературу церковныхъ посланій XIV-го столѣтія.

Одному изъ этихъ Князей, сыну Донскаго, Князю Можайскому, Андрею Димитріевичу, поручилъ Кириллъ обитель свою въ духовномъ завѣщаніи, писанномъ его собственною рукою и хранимомъ въ ризницѣ.

10-го Іюня, 1427 года, преставился девяносто-лѣтній старецъ. Послѣднія слова его къ братіи, рыдавшей кругомъ его смертнаго одра, были: „не скорбите: если я угодилъ Богу, то мѣсто не оскудѣетъ, а еще болѣе распространится; только любовь имѣйте между собою; не скорбите, братья и дѣти, въ день покоя моего; уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Его Пречистой Матери: Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго, а сынъ мой, Иннокентій, да будетъ вамъ игуменомъ вмѣсто меня: почитайте его, какъ меня; онъ исправитъ ваши недостатки“.

Кончина.

Пророчество основателя обители надъ нею сбылось. Весь Русскій сѣверъ озарился ея духовнымъ свѣтомъ. Уставъ общаго житія въ ней долго стоялъ нерушимомъ, безъ измѣненій. Въ ней созрѣли и изъ нея вышли многіе святыя мужи: въ ихъ числѣ Мартиніанъ, Христофоръ, Корнилій Комельскій и Ниль Сорскій, первый учредитель скитскаго житія въ Россіи. Князья и Цари передъ нею благоговѣли и ее посѣщали. Грозный то самъ желалъ въ ней иночествовать, то громилъ ее посланіями, какъ всякую власть, возбуждавшую въ немъ ревность. Въ

Значеніе его обители.

XVI и XVII столѣтїяхъ она была уже и крѣпостью государственною и нѣсколько разъ отражала нападенїя Литвы.

Такъ государство извлекало свои выгоды изъ этихъ твердынь духовныхъ, облакая ихъ неприступными стѣнами и исполинскими башнями. Когда вы подъѣзжаете теперь къ Кириллову монастырю, онъ васъ еще издали изумитъ величіемъ бѣлокаменныхъ столпостѣнъ своихъ. Но первоначальная сила обители была не внѣшняя вещественная, а духовная. Она пошла отъ шестидесятилѣтняго старца, который не зналъ другаго оружія, кромѣ молитвы и поста, и духомъ покорялъ себѣ плоть и силы природы физической.

Стихъ объ
Иосафѣ Ца-
ревичѣ.

Мы сказали, что всѣ эпохи древней жизни Русскаго народа со всѣми ихъ значительнѣйшими событіями отражаются въ нашей народной пѣсни. Пустыня, плодъ Русской жизни въ XIV вѣкѣ, находитъ свой отголосокъ въ *стихъ объ Иосафѣ Царевичѣ*, этомъ прекрасномъ пустынножителѣ Индійскаго Востока, котораго житіе, вмѣстѣ съ учителемъ его Варлаамомъ, составляло, конечно, одно изъ любимыхъ чтеній тогдашняго времени. Этимъ стихомъ, въ которомъ отдается XIV вѣкѣ, заключимъ чтеніе.

Расплабался младъ юношъ,
Иосафій Царевичъ,
Передъ пустынею стоя:
„Прекрасная пустыня!
Восприми меня, пустыня,
Со премногими грѣхами,
Со многозорными дѣлами,
Яко мать своего чаду
На бѣлыя руки!
Научи меня, пустыня,
Волю Божію творити,
Яко мать своего сына
Все на добрыя дѣла!
Избави меня, пустыня,
Огня, вѣчныя муки?
Возведи меня, пустыня,
Въ небесное царство!“
Прогласитъ пустыня
Архангельскимъ гласомъ:
„О премладый юноша,
Иосафій Царевичъ?
Еще гдѣ тебѣ во мнѣ жити,
Волю Божію творити?
Во мнѣ, во пустынь,
Житіе смертельное;
Во мнѣ, во пустынь,

Всякія нужды воспріяти,
 Терпя потерпѣти,
 Трудомъ потрудиться,
 Постомъ попоститься
 И Богу помолиться;
 У меня, у пустыни,
 Нѣту цвѣтнаго платья,
 Нѣтъ сахарныхъ яствъ
 И медвяныхъ пойловъ;
 Во мнѣ, во пустынѣ,
 Гнилая колода,
 Болотная вода;
 Во мнѣ, во пустыни,
 Тебѣ будетъ жити
 Грустно и тошно;
 У меня ли, у пустыни,
 Тебѣ негдѣ разгуляться,
 Не съ кѣмъ думу думать,
 Не съ кѣмъ слова говорити!“
 Расплакался младъ юношъ,
 Іосафій Царевичъ,
 Передъ пустынею стоя;
 На пустыню взираетъ,
 Пустынѣ отвѣчаетъ:
 „Могу я въ тебѣ жити,
 Волю Божию творити!
 Могу я въ пустынѣ
 Всякія нужды воспріяти,
 Терпя потерпѣти,
 Трудомъ потрудиться,
 Постомъ попоститься
 И Богу помолиться.
 Про тебя, мать-пустыня,
 И самъ Господь знаетъ;
 Тебя, мать-пустыня,
 Всѣ Архангелы хвалятъ,
 А Преподобные прославляютъ;
 Во тебѣ, мать-пустыня,
 Предтечій пребываетъ,
 Питается Предтечій
 Дивимъ медомъ-виноградомъ!
 Во тебѣ, мать пустыня,
 Гнилая колода
 То сахарное мнѣ будетъ яство,
 То мнѣ райская пища;

Во тебѣ, мать-пустыня,
 Болотная вода
 То медвяное мое пойло,
 То мнѣ тихіе прохлады!
 Разгуляюсь я, младъ юноша,
 Иосафій Царевичъ,
 Во зеленой во дубравѣ;
 Тамъ есть частыя древа,
 Со мной будутъ думу думати;
 На древахъ есть мелкіе листья,
 Со мной стануть говорити;
 Прилетятъ птицы райскія,
 Станутъ распѣвати,
 Меня будутъ потѣшати,
 Христа Бога прославляти?
 Какъ Христось Богъ на небесахъ,
 Херувимы-Серафимы
 Со небесною силой,
 Славенъ нашъ Богъ прославился;
 Велико его имя Господне на землѣ?

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ТРИНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Григорія мниха и прозвитера Игумена Обители Плинаирьскыа надгробное иже во святыхъ по истинѣ Кипріану Архіепископу Россійскому, въ рукописи Синодальной Библ. подъ № 384. Родство Григорія съ Кипріаномъ обозначено ясно слѣдующими словами надгробнаго слова: „понеже и отецъ вашъ, иже плачу намъ предлежитъ вина, братъ бѣаше нашему отцю“.

2) „Монсеева благость и о своеплеменномъ милованіе“.

3) Ист. Госуд. Росс. Т. V, стран. 61 и прим. 60.

4) Св. Кипріанъ, Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. Творенія Св. Отцевъ. Годъ шестой. Книжка 2, стран. 302. Хронологія церковная могла бы рѣшить задачу года на такомъ основаніи. Въ Никоновой лѣтописи сказано, что Кипріанъ пришелъ изъ Кіева въ Москву въ четвергъ шестой недѣли по пасхѣ, въ праздникъ Вознесенія Христова. Если это придется на 23-е Маія 1381 года, тогда рѣшится задача въ пользу сего года. Въ Древнемъ Лѣтописцѣ, напечат. въ 1774 г., годъ пришествія Кипріана въ Москву показанъ 1380 (см. Ч. I, стр. 334).

5) Въ Троицкомъ сп. лѣтописи: „книгъ же толико множество снесено со всего города и изъ загородья и изъ сель, и въ зборныхъ церквахъ до тропана намѣтано, сохраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша“. Ист. Госуд. Росс. Т. V, прим. 96.

6) О судѣ надъ Евѡиміемъ Ник. лѣт. Т. IV, стран. 197. Замѣчательно,

что это самое извѣстiе находится въ уставѣ Церковной службы 1438 года, писанной дьякомъ Андреемъ (Синод. Библ. № 351). О томъ же есть въ Житiи Св. Арсенiя (Библиот. В. М. Ундольскаго № 286). Здѣсь Евфимiй обвиняется въ ереси.

7) Служебникъ въ 8-ю д. писанный на пергаментѣ среднимъ уставомъ хранится въ Синодальной Библиотекѣ за № 601. У Проф. Горскаго показанъ прежнiй номеръ 478. У Погодина въ Образцахъ Славяно-Русскаго Древлеписанiя № 23 Тетради 1-й образчикъ странички. Въ немъ содержатся: литургiя Св. Иоанна Златоуста; литургiя преждеосвященныхъ; служба въ недѣлю Св. Духа, куда вставлена: „Молитва прилагаемая по сихъ молитвахъ особна Святому Духу. Творенiе святѣйшаго Патрiарха Костянтина града Филоея“, вѣроятно, въ переводѣ Кипрiана; послѣдованiе просвѣщенiя святыхъ богоявленiй; послѣдованiе освященiю въ 1-й день Августа; молитвы на оцѣщенiе церкви егда пѣсь вскоичить; на поставленiе креста; надъ виномъ служебнымъ; уставъ и чинъ обрученiю и вѣнчанiю царемъ и княземъ и всѣмъ Христiаномъ. (Замѣчательно, что при обрученiи по древнему обряду было два перстня: золотой для мужа и желѣзный для жены, которыми они обмѣнивались). Въ заключенiи: Чинъ омыти мощи святыхъ потребы ради якоже есть лѣпо. Изъ скрѣпы по листамъ видно, что эта книга въ 1661 году была внесена Патрiархомъ Никономъ въ обитель Новоiерусалимскую, имъ основанную, и что служебникъ писанъ Кипрiаномъ въ 1397 году. Послѣ литургiи преждеосвященныхъ слѣдуетъ приписка тою же рукою: „Сии служебникъ преписалъ отъ грецкихъ книгъ на русскiй языкъ рукою своею Кипрiанъ смиренный Митрополитъ Кiевскiй всея Руси“. За симъ просьба къ переписчикамъ и пользующимся книгою, чтобы поминали его смиренiе и увѣщанiе, чтобы, переписывая, не измѣняли текста. Послѣ Чина вѣнчанiю внизу приписка: Списанiе сему отъ греческихъ книгъ смиреннымъ Митрополитомъ Кiевскимъ и всея Руси Биспреяномъ, и тутъ же внизу приписка киноварью: „Киръ отцу Ксенефону дядѣ, инокъ Иларiй метание за худость и неуспѣхъ, прости“. Эта приписка, современная рукописи, не такъ какъ позднѣйшая скрѣпа по листамъ, ведетъ къ вѣроятному заключенiю, что служебникъ былъ списанъ инокомъ Иларiемъ съ подлинника Кипрiанова и, вѣроятно, близко къ его времени. Чинъ омовенiя мощей находится не въ Требникѣ Волоколамскомъ № 98, какъ сказано въ Обзорѣ Духовной Литературы Архiепископа Филарета, а въ рукописи, за № 83, по новому каталогу подъ заглавiемъ: „Служебникъ Семионовской Протопопа Московскаго Духовника Государьскаго въ иноцѣхъ Симеона, родомъ псковитина, вѣрою и любовiю и добрыми дѣлами украшена, пачежъ милостынею славна и дивна бывша паче всѣхъ, постриженника пречистыя обители Иосифова монастыря при Игуменѣ Евфимiѣ худомъ“. Вѣроятно, это тотъ самый Симеонъ, духовникъ Грознаго, о которомъ упоминается въ дѣлѣ объ ереси Висковатаго. Здѣсь на стран. 163. „Списанiе сему отъ греческихъ книгъ смиреннымъ Митрополитомъ Кiевскимъ и всея Руси Кипрiаномъ. Чинъ иже омыти мощи святыхъ, или крестъ мочити. Прежъ вольеть воду въ чашу и аще будетъ попь въ ризахъ и проч.“ Это, какъ видно, списано съ помянутаго Служебника. Разрѣшительная молитва не въ Псалтири Митрополита Даниила, какъ сказано въ Обзорѣ, а въ Потребникѣ (№ 333), данномъ по своей душѣ попомъ Арсенiемъ Бузаномъ въ 1548 г. л. 292. Молитва разрѣшити Князя и

всякого Христіанина. Твореніе господина Кипріяна Митрополита Кіевскаго и всея Руси. Списано въ Дуцѣ надъ гробомъ Княжимъ Дмитріевымъ. Начинается такъ: Владыко Боже отче вседержителю сътворивый челоуѣка по образу своему и по подобію, и всѣми дарованьми своими украсивый, и безсмертіемъ почеть, преступльша же твою заповѣдь праведнымъ ти судомъ осудилъ есть сирая изгнаніемъ, и еже, яко земля еси, и въ землю паки пойдещи и проч. Тутъ же на первомъ листѣ находится Поученіе и благословеніе Св. Митрополита Кипріяна Кіевскаго и всея Руси Княземъ и Княгинемъ, грамота, вставленная въ Никонову лѣтопись. Таже грамота вмѣстѣ съ описаніемъ преставленія и погребенія М. Кипріяна находится въ Сборникѣ чернца Васьяна Фатѣва ученика (№ 517) л. 35. Въ Сборникѣ (№ 573, л. 208 об.) находится грамота Кипріяна, Митрополита всея Руси, противъ тѣхъ, которые безъ благословенія переходятъ изъ обители въ обитель. Онъ приказываетъ не допускать ихъ къ поповству и къ причащенію Св. Таинъ. За № 365 Часословъ надписанъ *книгою Кипріяновскою*, письма древняго на дощеной божбицинѣ. Внесенъ Московскимъ священникомъ, лежавшимъ въ больницѣ монастырской. Этотъ Часословъ весьма замѣчательнъ многими своими статьями, особенно же Посланіемъ Господа нашего Иисуса Христа (на 111 и 135 стран.), Римскаго происхожденія, угрожающимъ близкою кончиною вселенной.

8) Опис. Рум. Муз. стран. 717. Уставъ Церковный 1608 г. „А се написано о отреченныхъ книгахъ изъ молитвенника митрополичьа Кипріянова всея Русіи“.

9) И. Г. Р. Т. V, стран. 237 и прим. 246.

10) Грамоты, Посланія и Поученія М. Кипріяна въ Актахъ Историческихъ Томъ I, №№ 7, 8, 9, 10, 11, 252, 253, 255, въ Актахъ Археограф. Экспед. Т. I № 11, и см. выше въ Сборникѣ Волокол. № 573. л. 208 об. Въ рркк. Царскаго въ Сборникѣ за № 425 л. 117 грамота данная въ Великомъ Новѣградѣ Мая 12-го 1395 года, кажется, еще непечатанная. Также не напечатано учительное *Посланіе Кипріяна Митрополита Кіевскаго и всея Руси игуменомъ и попомъ и діакономъ и ко мнихомъ и ко встѣмъ православнымъ Христіаномъ* въ Синод. рукописи за №№ 228—138 въ л. Правила Св. Апостоль. Въ одномъ изъ Кипріяновыхъ посланій (№ 11 Акт. Историч.) встрѣчаемъ слово *община*: „съ тѣми, кто посмѣется Ангельскому образу и свергнетъ съ себя его, ни ѣсть, ни пить, ни обчины никакой не держати“.

11) Значительное собраніе этихъ канонровъ и молитвъ находится въ двухъ каноникахъ Синодальной библіотеки. Первый за номерами, прежнимъ 349 и теперешнимъ 468, относится къ 1457 году и писанъ по желанію Княгини инокини Евпраксіи, рукою какого-то Сидора. Второй, за № 774, новѣе. Здѣсь находимъ Филоевы творенія: стихиры и канонъ, пѣваемый въ печалехъ и нуждахъ; служба всѣмъ святымъ, въ позднѣйшей списокъ которой, находящейся во второмъ каноникѣ, вставлены имена Славянскихъ и Русскихъ святыхъ; служба Господу Иисусу Царя всѣхъ якоже Бога и священноначалника за божественное смотреніе яко челоуѣка бывша; молитва къ Св. Владычицѣ Богородицѣ изложена внезапно, а не прежь въ умѣ изображена при новоявленныхъ тое чудесѣхъ по заплѣненіи Ираклія; канонъ молебень ко Господу нашему Иисусу Христу и къ

пречистѣй Ея Матери на поганья (потруженіемъ Кипріяна смиреннаго Митрополита всея Россіи); тутъ же молитвы на поганья къ І. Х. и къ Божіей Матери (греческій подлинникъ первой молитвы находится въ греческой рукописи Синодальной б. за №№ 349—337); канонъ молебень ко Господу нашему Іисусу Христу въ усобныхъ бранехъ иноплемennныхъ (Твореніе Святѣйшаго Патріарха Филоея. Потруженіе же Кипріяна Митрополита Киевскаго и всея Руси); молитва въ бездождіе; послѣдованіе другое пѣваемо къ святѣй Богородици о бездождіи (указанъ переводчикъ этого послѣдованія первопресвитеръ Θεодоръ; тутъ же слѣдуетъ Русскій переводъ, сдѣланный тѣмъ же Θεодоромъ, отринувеннымъ отъ церкви отъ лица святительскаго, но все же Пресвитеромъ, канона молебнаго къ Пресв. Богородицѣ пѣваемаго отъ лица незрящаго чловѣка, творенія Іоанна Евхаитскаго); молитвы въ страшную и всемірную язву смертнуню; молитва Св. Богородицѣ Одигитріи. Творенія Патріарха Исидора: кондаки и икосы подобны акаѣисту Св. Іоанну Предтечѣ; Архистратигу Михаилу; икосы Апостоламъ Петру и Павлу, вкупѣ же и дванадесяти Апостоламъ; св. чудотворцу Николѣ, подобны акаѣисту; на всечестное Успеніе Богородицы. Тутъ же находимъ Моленіе по вся дни о покаяніи грѣховъ своихъ къ Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Матери Божіей, твореніе Патріарха Никифора; Молебень къ Господу нашему І. Х. и пречистой Ея Матери, егда дождь идетъ рамяно, твореніе Θεофила; канонъ Успенію киръ Іеромонаха Іоанна; въ исходъ души изъ тѣлеси, твореніе киръ Іоанна Евхаитскаго; молитва къ Св. Богородицѣ Григорія, философа Царьградскаго; канонъ къ Г. и І. Х. ходатая имѣяй всесвятую Богородицу и честнаго Предтечу и славныя Апостолы и святыя вся, твореніе Θεодора Мелезіота, переведенное по просьбѣ Архимандрита Іоанна священномнихомъ Ларіономъ; молитва преп. Иларіона, Митрополита Россійскаго (уже извѣстна въ печати; она читалась и въ нашествіе иноплемennиковъ, и за бездождіе, и въ смертоносіе, и за всяко прошеніе; встрѣчается три раза). Другіе каноны не обозначены именами ни творцевъ своихъ, ни переводчиковъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: моленіе пѣваемо за князя и за люди, егда исходити противу ратнымъ (въ немъ раздается тотъ же гласъ, что и въ молебнѣ 1812 года: Съ нами Богъ, разумѣйте, языци, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ); канонъ молебень къ Господу нашему Іисусу Христу и ко всеѣмъ святымъ, пѣваемъ за князя и за люди, егда исходити изъ града противу ратнымъ (здѣсь молитвы все направлены противъ враговъ Агарянь); канонъ составленъ въ страшную и смертоносную язву покаанень и умилень къ Господу нашему Іисусу Христу, къ которому приложены и молитвы на тотъ же случай Патріарха Филоея; молитва въ нашествіе иноплемennныхъ внигда унывати намъ отъ всякоя скорби и печали; молитва благодарная по внигда престати смертной язвѣ; молитва въ любовь еже есть миръ; молитва еже отъ вражды смиряющихся.

12) Другой списокъ Іоанна Лѣствичника съ подлинника Кипріянова находится въ библіотекѣ Графа Уварова по каталогу Царскаго за № 181. Тутъ же обозначены Псалтирь и Діонисій Ареопагитъ Моск. Дух. Акад. за №№ 115 и 122.

13) Духовная грамота М. Кипріяна, кромѣ V тома Никоновой лѣтописи, напечатана еще въ Актахъ Юридическихъ, изд. Г. Калачевымъ. 1857.

14) Чудеса Николы Качанова. Рубоп. изъ б. В. М. Ундольскаго № 344. Блаженный Ѳеодоръ, Христа ради юродивый Новгородскій. Житія Святыхъ Російской Церкви. Январь. 19-е число. Авторъ такъ говоритъ о борьбѣ Николы съ Ѳеодоромъ: „Разумѣя духовно одинъ другаго, они какъ бы взаимно преслѣдовали другъ друга, обличая быть можетъ собою нелѣпую вѣковую вражду обѣихъ сторонъ, Софійской и Торговой, и выражая тѣмъ духъ своего времени. Когда случалось Ѳеодору переходить Волховскій мостъ на Софійскую сторону, Никола гналъ его оттуда, какъ бы овладѣвшаго его наслѣдїемъ, и металъ въ него все чтó попадало ему въ руки; то же дѣлалъ и Ѳеодоръ, когда заставлялъ на своей сторонѣ Николу“.

15) Житіе Св. Арсенія, Епископа Тверскаго. Ркп. В. М. Ундольскаго № 281. Въ началѣ житія сказано: „Написахомъ отчасти житія его, изыскахомъ духовными мужы, еже слышахомъ отъ преподобныхъ его устъ, такоже и отъ иже съ нимъ пришедшихъ, тоже они писаху на памятехъ изо устъ“...

16) Житіе Св. Димитрія Прилуцкаго. Ркп. В. М. Ундольскаго № 302.

17) Житіе Св. Павла Обнорскаго или Комельскаго. Ркп. В. М. Ундольскаго № 369.

18) Житіе Св. Кирилла Бѣлозерскаго я изучалъ по рукописи, мнѣ принадлежащей. Нѣкоторыя подробности, собранныя мѣстно, находятся въ моей Поѣздкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, которую предпринималъ я съ тою цѣлю, чтобы изучить жизнь и труды Преподобнаго на мѣстѣ его дѣйствій.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Искусства.—Иконопись.—Зодчество.—Литейное искусство.—Двери.—Колокола.—Рукописи XIV вѣка.—Грамоты.—Памятники Словесности.—Каноны церковныя.—Переводы съ греческаго.—Св. Василій, Архіепископъ Новгородскій.—Его посланіе о земномъ рабѣ.—Посланія Патріарховъ противъ Стригольниковъ.—Посланія къ Князьямъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго.—Путешествія.—Странникъ Стефана Новгородца.—Хожденіе М. Пимена въ Царьградъ.—Сказаніе о Мамаевомъ побойцѣ.—Слово о житіи и преставленіи В. Князя Димитрія.—Лѣтописи.—Московская.—Новгородская.—Псковская.—Тверскія событія.—Постриженіе В. Кн. Михаила Тверскаго.—Народныя пѣсни эпохи Татарской.—Щелканъ Дудентьевичъ.—Калинъ Царь.—Михаилъ Казариновъ.—Три колыбельныя пѣсни.—Ненависть къ татарамъ.—Татарскія слова въ Русскомъ языкѣ.

Мы познакомились съ внутреннею духовною жизнію Русскаго народа въ XIV вѣкѣ. Взглянемъ теперь на состояніе искусствъ и на рукописныя памятники того же столѣтія.

Искусства.
Иконопись.

Первымъ иконописцемъ въ началѣ вѣка былъ Святитель Петръ. Москва въ Успенскомъ Соборѣ благоговѣнно чтитъ двѣ иконы, по преданію, имъ писанныя: Успеніе Божіей Матери и Богоматерь, извѣстную подъ именемъ Петровской. Въ 1344 году, при Симеонѣ Іоанновичѣ, храмъ Успенія Богоматери расписывали

Греческіе живописцы Митрополита Теогноста; храмъ Архангела Михаила Рускіе иконники В. Князя Симеона: главные мастера—Захарія, Іосифъ и Николай— съ ихъ товарищами; храмъ Св. Спаса иконникъ мастеръ Гонтанъ, судя по имени, иностранецъ, и съ нимъ Рускіе: Семень и Иванъ. Подъ 1395 годомъ упоминаются два живописца: Теофанъ Грекъ да Семень Черный съ своими учениками. Новгородскій лѣтописецъ называетъ двухъ живописцевъ Грековъ—Исаю и Теофана, расписывавшихъ церкви Новгорода.

Теодоръ, Архимандритъ Симоновскій, а послѣ Архіепископъ Ростовскій, занимался иконописью и, по преданію, написалъ образъ своего дяди Преп. Сергія. Игнатій *златый*, спостникъ Кирилла Бѣлозерскаго, украсилъ иконами монастырь Симоновъ.

Царьградъ посылалъ намъ также свои образа. Святитель Алексій привезъ изъ Царьграда икону Спаса нерукотвореннаго, хранимую какъ святыню въ Андроньевомъ монастырѣ, имъ основанномъ. Діонисій Суздальскій въ Царьградѣ списалъ съ иконы Богоматери Одигитріи два списка: одинъ для Нижегородскаго храма Преображенія, другой для Суздальской соборной церкви. Царь Мануиль и Царьградскій Патріархъ въ благодарность за помощь, оказанную противъ Турокъ, отправили ко всѣмъ Русскимъ князьямъ иконы вмѣстѣ съ мощами Святыхъ и тогда же прислали В. Князю Василію Дмитріевичу икону Спаса въ бѣлой ризѣ. Серпуховскій Высоцкій монастырь, устроенный Аѳанасіемъ, ученикомъ Сергія, хранитъ у себя деисусъ, состоящій изъ семи поясныхъ иконъ въ иконостасѣ. Есть преданіе, что онѣ присланы Императоромъ Мануиломъ и Патріархомъ, можетъ быть, по ходатайству Аѳанасія, поселившагося въ Царьградѣ, въ обители Студійской. Въ 1399 году Царь и Патріархъ прислали изъ Царьграда Князю Тверскому Михаилу Александровичу въ отвѣтъ на дары его икону Страшнаго Суда.

Древнѣйшій памятникъ зодчества XIV вѣка есть, конечно, храмъ Преображенія, извѣстный подъ именемъ Спаса на бору, возобновленный недавно въ первоначальномъ своемъ видѣ такъ, что можно ясно отличить первобытную форму зданія, очищенную отъ всѣхъ позднѣйшихъ пристроекъ. Первоначальное основаніе соборовъ Успенскаго и Архангельскаго относится къ этому же вѣку. Церковь каменная во имя Іоанна Лѣствичника, подъ колоколами, на площади Ивановской, названной по ея имени, въ первый разъ заложена была въ 1328 году. Новгородскій лѣтописецъ часто говоритъ о строеніи каменныхъ церквей въ Новгородѣ; Псковскій—о томъ же во Псковѣ. Пожары непрерывно истребляли храмы; но дѣятельность пастырей и усердіе гражданъ также непрерывно воздвигали новыя. Не одно храмовое зодчество дѣйствовало: съ ростомъ государства начиналось и государственное. Вел. Князь Дмитрій Іоанновичъ заложилъ въ Москвѣ каменный городъ. Новгородскій Владыка Василій возобновлялъ мостъ на Вол-

Литейное
искусство.
Двери.

ховѣ своими людьми. Въ Твери Епископъ Теодоръ, въ церкви Преображенія, въ 1343 году, устроилъ мѣдныя двери, а въ 1358-мъ мраморный полъ. Еще прежде того, въ 1336 г. въ Новгородѣ у Святой Софіи, владыка Василій устроилъ двери мѣдныя вызолоченныя. Намъ осталось двое дверей Новгородскихъ. Однѣ вывезены изъ Новгорода Грознымъ въ его Александровскую Слободу, послѣ разгрома Новгородскаго въ 1570 году, и украшаютъ соборную церковь города Александра: онѣ извѣстны подъ именемъ Васильевскихъ, потому что приписываются владыкѣ Василю. Литье ихъ относятъ къ 1336 году. Судя по словамъ Татищевского свода лѣтописей: „*привезше изъ Нѣмцѣз, купи цѣною великою*“, нѣкоторые думаютъ, что онѣ были вылиты въ Германіи. Но признаки Новгородскаго нарѣчія въ надписяхъ, показываютъ, что дѣло совершено было подъ надзоромъ людей Новгородскихъ. Другія двери, извѣстныя подъ именемъ Корсунскихъ, находятся въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ. Аделунгъ посвятилъ имъ обширное изслѣдованіе. Ученый приписываетъ эти врата Василю, а родиною ихъ несомнѣнно утверждаетъ Германію и въ ней городъ Магдебургъ. Изображенія и имена литейщиковъ: Риквина, Авраама и Вайсмута; изображеніе славнаго Магдебургскаго Архіепископа Вихманна, жившаго въ XII вѣкѣ; смѣшеніе преданій Латинскихъ съ Византійскими, надписей Римскихъ съ Славянскими; нѣмецкія одежды средняго вѣка на изваянныхъ ликахъ служатъ ясными доказательствами тому, что двери литы были въ Германіи.

Колокола.

Искусство лить колокола, столько необходимое для нашего богослуженія, привлекало вниманіе лѣтописцевъ. При Симеонѣ Иоанновичѣ, въ 1345 г., иждивеніемъ его и братьевъ его Иоанна и Андрея, мастеръ Борисъ Римлянинъ вылилъ три большихъ колокола и два малыхъ. Того же мастера владыка Василій приглашалъ изъ Москвы въ Новгородъ, еще въ 1342 году, лить большой колоколъ для Св. Софіи.

Рукописи
XIV вѣка.

Пускай теперь XIV вѣкъ раскроетъ передъ нами свои книжныя сокровища, уцѣлѣвшія отъ времени. Вотъ рукописи, означенныя вѣрными годами. 1) Евангеліе-апракосъ — 1307 г., Суходальной Библіотеки, писанное попомъ Поликарпомъ. Правописаніе замѣчательно признаками южнаго выговора¹⁾. 2) Апостолъ того же 1307 года, С. 6., расположенный также по чтеніямъ церковнымъ; писанъ Діомидомъ для Пантелеймонова монастыря во Псковѣ. Въ послѣсловіи встрѣчаемъ упоминаніе о междуусобной рати князей Михаила и Юрія за княженъе Новгородское, и выраженіе по этому случаю, заимствованное изъ Слова о полку Игоревѣ: „*при сихъ князехъ спяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наши въ князѣхъ которы и стци скоротилися челоуѣкомъ*“²⁾. 3) Апостолъ 1309 — 1312 года, С. 6., по церковнымъ чтеніямъ, писанъ Максимомъ Павловымъ, сыномъ священника, по мірски Станимиромъ, при Архіепископѣ Новгородскомъ Давидѣ, при Великомъ Князѣ Новгородскомъ Михаилѣ Ярославичѣ.

Тарасій Антоновичъ, староста церкви Св. Воскресенія, подарилъ ей этотъ Апостоль, а потомъ чернецъ Александръ купилъ его для монастыря Св. Пантелеймона³⁾. 4) Евангеліе-апракосъ — 1354 года, Синод. б. писано чернецомъ Иоанномъ Телешомъ, по замышленію Алексія Константиновича, при В. Князь Иванъ Ивановичъ, при Архіепископѣ Переяславскомъ Аѳанасіи, правившемъ митрополіею Московскою по случаю отъѣзда Митрополита Алексія въ Царьградъ⁴⁾. 5) Новый Заѣтъ собственноручный Св. Алексія Митрополита, хранимый въ Чудовѣ монастырѣ и писанный въ 1355 году⁵⁾. 6) Евангеліе-апракосъ — 1355 г. Синод. б., писано двумя писцами Леонидомъ и Григоріемъ, при Новгородскомъ Архіепископѣ Моисеѣ⁶⁾. 7) Евангеліе-апракосъ — С. б., 1357 года, писано въ Галичѣ, въ княженъ Велик. Князя Ивана Ивановича, рукою писца Теофана⁷⁾. 8) Евангеліе-апракосъ — С. б., 1358 года, писано двумя писцами Лукьяномъ и Теодоромъ, при томъ же В. Князь и при Митрополитѣ Алексіѣ⁸⁾. 9) Паремейникъ Румянцевскаго музея; содержитъ церковныя чтенія изъ Вѣтхаго Заѣта, читаемыя на вечерняхъ; писанъ 1370 года, въ Спасскомъ монастырѣ, при игумнѣ Аврааміи, рукою чернеца Аѳанасія. На память Св. мучениковъ Бориса и Глѣба, подъ 24-мъ Іюля, встрѣчаемъ повѣствованія объ убіеніи ихъ, подъ тѣмъ же названіемъ, какъ встрѣчались они и въ прошломъ столѣтіи: *отъ бытія чтеніе*. Видно, что Церковь во времена княжескихъ междуусобій не переставала возглашать въ храмахъ эти назидательныя чтенія⁹⁾. 10) Списокъ самый древній Несторовой Лѣтописи, рукопись И. Публ. б., писанъ въ Суздальѣ монахомъ Лаврентіемъ и потому названный Лаврентіевскимъ и Суздальскимъ; доконченъ въ 1377 году, при В. Князь Суздальскомъ Дмитріи Константиновичѣ и при Епископѣ Діонисіи¹⁰⁾. 11) Четвероевангеліе, расположенное по Евангелистамъ, но съ указаніемъ зачалъ, Синод. б., 1383 года, писано въ Константинополь. Списокъ весьма замѣчательнъ по чистотѣ и исправности текста¹¹⁾. 12) Служебникъ Рум. муз., 1386 года. 13) Лѣтвица Іоанна Лѣтвичника, оконченная въ 1387 году, въ Студійской обители, М. Кипріаномъ (библ. Моск. Дух. Акад.)¹²⁾. 14) Четвероевангеліе, изъ бібліотеки Графа Толстого, писано дьякономъ Зиновіемъ, въ Переяславль, въ Введенскомъ монастырѣ, при игуменѣ Саввѣ, въ княженіе Василія Дмитріевича¹³⁾. 15) Тактиконъ или Чиновная книга, творенье Никона Черногорца. Писана въ 1397 году, по приказанію Новгородскаго Архіепископа Іоанна въ Рождественскій Богородичный монастырь, калугерами Яковомъ и Пименомъ, со списка, принесеннаго съ Аѳонской горы игуменомъ Иллариономъ, при начальствѣ ученика его Варлаама¹⁴⁾ а).

Въ Синодальной бібліотекѣ находится еще два (16 и 17) Параклита, содержащихъ въ себѣ каноны церковной службы осмогласника, одинъ 1369 г., писанный во Псковѣ, другой 1386 года. Въ ней же сохранились двѣ рукописи, писанныя у нашихъ единовѣрцевъ: 18) Леонтія Епископа Кипрскаго житіе

Іоанна Милостиваго, писанное въ 1348 году на хлопчатой бумагѣ для Болгарскаго Царя Іоанна-Александра священноинокомъ Лаврентіемъ и 19) Лѣтописецъ Георгія мниха Амартола отъ Адама по царство Константина и Ирины, писанный на Аеонѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ, на хлопчатой бумагѣ, въ 1386 г., инокъ Романомъ и Василюемъ для Радована.

Прибавимъ къ этимъ рукописямъ еще четыре, недавно открытыя въ Новгородской Софійской библіотекѣ и описанныя Г. Купріяновымъ: 20) Евангеліе служебное (апракосъ); писано при Новгородскомъ Архіепископѣ Моисеѣ, съ признаками Русскаго полногласія, доводимаго до крайности. 21) Евангеліе служебное, 1362 года; писано при владыкѣ Алексіѣ его паробкомъ Микулю. 22 и 23) Двѣ Минеи служебныхъ, 1369 и 1370 года; обѣ писаны при томъ же Алексіѣ, паробкомъ его Симеономъ (14 b).

Всѣ эти рукописи писаны, большею частію, на пергаменѣ, за исключеніемъ Болгарской и Аеонской, уставнымъ и полууставнымъ почеркомъ. Въ одномъ только Служебникѣ встрѣчаются листы хлопчатобумажные; но и тѣ вставлены въ слѣдующемъ столѣтіи. Правописаніе Русское въ нихъ господствуетъ. Нерѣдко видны слѣды мѣстныхъ нарѣчій, гдѣ писалась рукопись, особенно Новгородскаго.

Изъ сличенія семи первыхъ списковъ Евангелія, здѣсь приведенныхъ, не смотря на общее единство текста во всѣхъ, ясно видны въ каждомъ новыя поправки противъ Греческаго подлинника. Замѣтно также стремленіе выразить иногда греческіе термины или обороты Русскими, имъ соотвѣтствующими, иногда же Славянское устарѣвшее слово болѣе современнымъ народнымъ, даже мѣстнымъ областнымъ. Въ двухъ спискахъ Апостола, почти современныхъ другъ другу, находимъ тѣ же разнорѣчія въ текстѣ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ¹⁵⁾.

Мы обозрѣли рукописи, обозначенныя вѣрными годами; но есть многія другія, безъ годовъ, относимыя нашими палеографами къ XIV вѣку. Нѣкоторыя писаны не на пергаменѣ, а на бумагѣ, сдѣланной изъ хлопчатой, весьма плотной, называемой бомбициною. Самые древнѣйшіе письменные памятники наши, писанные на этомъ веществѣ, двѣ грамоты Симеона Гордаго: его договоръ съ братьями 1341 года и духовное завѣщаніе 1353-го. Въ княженіе Симеоново бумага довольно быстро начала распространяться по Россіи; вѣроятно, получали мы ее черезъ Новгородъ¹⁶⁾.

Грамоты.

Къ XIV же столѣтію относятся многія грамоты, обозначенныя годами, какъ памятники нашей государственной жизни: Новгородскихъ, содержащихъ въ себѣ договоры Князей съ Новгородомъ, четырнадцать; Княжескихъ, духовныхъ и договорныхъ пятнадцать. Всѣ онѣ писаны стариннымъ Русскимъ языкомъ и представляютъ драгоцѣнные памятники не только древняго нашего быта, но и сильнаго народнаго слова. Благородно держитъ Новгородъ свою свободную рѣчь къ Князьямъ своимъ: „Княженіе твое честно держати по пошлнѣ, безъ обиды; а

тобѣ, Господине, тако же держати Новгородъ, по пошлѣнѣ, безъ обиды“. — Ревнивъ онъ къ землѣ своей, какъ достоянію Новгородской общины и Св. Софіи, и ни за что не уступаетъ ея подь села ни Бнязю, ни его Княгинѣ, ни боярямъ, непрерывно повторяя въ своихъ грамотахъ эти краткія и сильныя слова: а „земля къ Новгороду, — а земля къ святой Софіи, — а земля святой Софіи къ Новгороду, — а Новгородское Новугороду“. Сознывая, что одна любовь только можетъ соединять Бнязя съ міромъ, онъ не допускаетъ никакого въ немъ произвольнаго чувства: „А гнѣва ти, Княже, до Новагорода не держати, ни до одного челоувѣка“. Крѣпко стоитъ за право суда своего: „А безъ Посадника ти, Княже, суда не судити“ „а самосуда не замышляти“, — за право народнаго управленія: „а волости Новгородскія держати ти не своими мужи, а мужи Новгородскими“, — за свои грамоты крестныя съ Нѣмецкими городами, чтобы Князь на нихъ *не наступался*, а *бюлягъ бы душу Новгородскую*. Сознаетъ Новгородъ Монгольское иго, тяготѣющее на его Князь, и какъ бы съ гнѣвнымъ укоромъ говоритъ ему: „А вынесутъ тобѣ изъ Орды Княженіе Великое, намъ еси Князь Великій; или пакъ не вынесутъ тобѣ Княженія Великаго изъ Орды, пойти твоимъ Намѣстникамъ изъ города проць, и изъ Новгородскихъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту“.

Безопасенъ Новгородъ къ тѣмъ малымъ Князьямъ, которымъ поручилъ онъ города или волости, если они не исполнили принятыхъ на себя обязанностей. Князю Федору Михайловичу отдалъ онъ городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ его, а какъ пошла рать, отѣхалъ, побивувъ городъ, а Новгородскаго и Псковскаго поклону не послушалъ. За то Новгородъ говоритъ отцу его Великому Князю Михаилу Ярославичу: „Тобѣ, Княже, не кормити его Новгородскимъ хлѣбомъ, кормити его у себе“. Другаго Князя Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корѣлю, а онъ Корѣлю всю истерялъ и за Нѣмцевъ загналъ. Ему также отказываетъ Новгородъ въ своемъ хлѣбѣ, говоря В. Князю: „А тобѣ, Господине, Новгородскимъ хлѣбомъ не кормити его“.

Величава и сильна народная рѣчь Новгорода съ Князьями.

Въ грамотахъ Княжихъ видимъ, съ одной стороны, крѣпость семейнаго союза въ словахъ: „быти ны за одинъ до живота, а брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцево мѣсто“. Старшій братъ Симеонъ такую держитъ рѣчь къ младшимъ своимъ братьямъ: отецъ нашъ „приказалъ намъ жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю жити за одинъ. . . . А пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, *и съча бы не уасла*“. Дмитрій говоритъ своимъ дѣтямъ: „а вы, дѣти мои, живите за одинъ“, и непрерывно повторяетъ: „а матери своей слушайте во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ“. Съ другой стороны, при благословеніи Митрополитовъ Алексія, Кипріяна, игумена Сергія, по совѣту разумныхъ бояръ, вы-

работываются между Князьями государственныя отношенія, и В. Князь Московскій Дмитрій такъ выражается уже Князю Владиміру Андреевичу: „А тобѣ брату моему молодшему Князю Володимеру держати ти подо мною Княженье мое Великое честно и грозно“,—и потомъ прибавляетъ: „подо мною и подѣ моимъ сыномъ подѣ Княземъ подѣ Василемъ, и подѣ моими дѣтьми“. Князья начинаютъ чувствовать потребность государственнаго живаго единства и говорятъ: „А Князья Великіе Христіанскіе и Ярославскіе съ нами одинъ человекъ“. Наконецъ, Монгольское иго сильно уже чувствуется — и дань Ординская называется вездѣ: *Ординкая тягость и проторь*. Сильно сознается и потребность общей думы Князей въ дѣлахъ съ Татарами: „съ Татары оже будетъ намъ миръ, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а будетъ не дати, по думѣ же. А пойдуть на насъ Татарове или на тебе, битися намъ и тобѣ съ одного всемъ противу ихъ; или мы поидемъ на нихъ, и тобѣ съ нами съ одного пойти на нихъ“. Провидится впереди и освобожденіе, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ. „А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имуть давати выхода въ Орду“, говоритъ Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

Все эти сильныя слова, переходя изъ рода въ родъ между Князьями, содѣйствовали развитію самостоятельной государственной жизни въ отечествѣ.

Памятники
словесности.

Къ памятникамъ Словесности XIV вѣка, кромѣ рассмотрѣнныхъ прежде, принадлежатъ церковныя каноны, переведенныя съ греческаго, и другіе переводы, посланія Церкви и ея духовныхъ представителей, житія святыхъ, описанія путешествій, совершенныхъ Русскими, слова-сказанія о современныхъ событіяхъ и лѣтописи. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Каноны
церковныя.

Каноны, укрѣплявшіе духъ народный въ бѣдствіяхъ того времени, слагала Константинопольская церковь и особенно патріархи ея Никифоръ, Исидоръ, Филоеи и Ниль. Эти событія были почти одинаковы и у насъ, и на всемъ Православномъ востокѣ: „враги Агарянскіе“, какъ ихъ называетъ церковная пѣснь, и смертоносная язва, Черная смерть, губившая по временамъ цѣлыя города и села. У насъ присоединялись къ тому еще и княжескія междоусобія. Изъ содержанія каноновъ видно, что слагатели этихъ скорбныхъ духовныхъ пѣсней общою молитвою Церкви обнимали и насъ. Мы уже знакомы съ нѣкоторыми изъ этихъ каноновъ и молитвъ, переведенными Митрополитомъ Кипріаномъ. На другихъ не означены имена переводчиковъ, но по содержанію они должны относиться къ тому же времени.

Въ *Моленіи пѣваемомъ за Князя и за люди, егда исходити противу ратнымъ*, раздается тотъ же псаломскій стихъ, который теперь мы слышимъ при молитвенномъ воспоминаніи о 1812 годѣ: „Съ нами Богъ, разумѣйте, языци, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“. Въ *Канонѣ молебномъ къ Господу нашему*

Иисусу Христу и ко вѣмъ святымъ, твоемому за Князя и за люди, егда исходити изъ града противу ратнымъ, читаемъ:

„Яко Фараона гонителя и того колесница погуби: тако, всѣхъ Царю, *Агарьскыя* погуби враги, на насъ убогихъ вооружающая брани.

„Въ часъ, владыко, явился десницею ополчая иже на тя уповающимъ, внигда съкрушити *лавы Агарьскыя* вѣрщѣ.

„Крестомъ твоимъ погуби *Агаряны*, Боже, и на ня укрѣпи десницу рабъ твоихъ, державне, яко да величаемъ мноую твою державу, щедре, и благодать“.

Церковь призываетъ всѣхъ святыхъ своихъ воителей—Меркурія славнаго, Евстафія воителя, Артемія великаго, Георгія побѣдоносца, великаго Дмитрія Солунскаго, двухъ Θεодоровъ свѣтлыхъ, Прокосія и Нестора, храбрыхъ и непобѣдимыхъ, чтобы помогли вѣрнымъ людямъ *поганское шатаніе низложити*. Къ Богоматери такъ возноситъ она свою молитвенную пѣснь: „Пречистая, не дажь врагомъ възвестися, иже тебе не хвалятъ, ни твоего Сына Богородице чистая, и твоей иконѣ не поклоняются“.

Канонъ молебень на поганыхъ, твореніе Патріарха Филовея, такъ обращается къ Иисусу Христу и Пречистой Его Матери:

„Силою непобѣдимую, Христе, матери своей молитвами препоясавъ князя нашего, покори ему поганыхъ шатаніа, ты бо державень единъ во бранехъ, чело-вѣболюбче.

„Буеть незаконныхъ врагъ, злую гордость и шатаніе, покори подъ нозѣ, молимъ, Владычице, вѣрнымъ княземъ нашимъ, твое заступленіе оружія страшно одѣвающе“.

Русскіе не могутъ безъ умиленія перечитывать эти молитвы, вспоминая, сколько силы почерпали въ нихъ предки для тяжелой борьбы съ Татарами на берегахъ Вожи и Дона.

Отъ враговъ внѣшнихъ Церковь переходитъ и къ враждѣ внутренней, и стремится смягчить ее и водворить единство такою молитвою, сложенною также Патріархомъ Филоеемъ:... „вѣрна же князя наша силою на супротивныя одѣвъ непобѣдимую, возглаголи мирная въ сердци ихъ о другъ друзѣ, о церкви твоей, и о людехъ твоихъ всѣхъ съкрушенныхъ напастьми, якоже зриши, и истомленныхъ всюду...“¹⁷⁾.

Раздоръ отъ властей переходилъ и на зависящихъ отъ нихъ. Вражда, какъ бы узаконенная державцами земли, врывалась, какъ язва, въ дома и семьи. И на эти внуренія глубокія раны Церковь простирала свою цѣльбу Молитвою *въ любовь еже есть миръ* и другою *еже отъ вражды смиряющихся*.

Въ то время, когда Черная смерть, язва XIV вѣка, губила народъ, вотъ какія пѣсни воспѣвала Церковь въ своихъ храмахъ:

„Умиленія, Хрісте, и покаянія отверзи дверь; даруй ми стенаніе и слезамъ источникъ, прилежное рыданіе отъ сердца истинно, яко да поклоняюсь.

„Время конца прїиде, предста посреди, спѣшить посѣченіе, належить зѣлнѣ, прїидѣте, рыдаимъ; судію, възлюбленніи, покаяніемъ воздвижемъ.

„Путь имже и течемъ, житія во истинну сѣнь и сонъ, яко птицъ скоро мимоходить....

„Стенѣмъ и въсплачемъ. Общее составимъ вси рыданіе, гнѣва Божія нерастворенное, покаяніемъ и слезами растворити потщимся.

„Слово умертвися и дѣло, всякого студа исполнь. Иже слова божественніи проповѣдници, предстаните ми въ часъ скорбей сихъ.

„Каплю жажуща мя во пламени искушеніихъ, якоже и милосердаго богата, прохладити умилосердитесь моля, апостоли славніи, рѣки бывше божественныя благодати“.

Патріархъ Филоеѣ въ это самое время двумя молитвами своими такъ призываетъ народъ къ покаянію и такъ изображалъ всеобщее бѣдствіе:

„Согрѣшихомъ и беззаконновахомъ, не оправдихомъ, преблагій владыко, преступихомъ спасенія ти заповѣди и священныя обѣты наша... Именемъ токмо и словесы честное евангеліе и истиннаго Христіанства, окаанніи, обносимъ.... Руки наша ко всякому грабленію и несътству прилежніи быша; ноги же быстры и удобни ко всякой неправдѣ...

„Запустѣша и гради, погибоша и торжества и священныя празднества, и свершенна божественныхъ пѣній составленія умолкоша. Храмы добрії и величіи: по писанію, нѣсть и живущаго въ нихъ. Страхъ и трепеть прїиде на ны. И тьма толста и мрачна грозныя сія смерти всѣхъ покры. Не успѣваемъ, владыко, скончающихся, яко же обычно, рыдати подобающен—и конецъ насъ постизаетъ, и иныхъ взыскуемъ рыдающихъ насъ, и общему гробу предаемъ... преже смерти страхомъ смерти окааннѣ умирающе“....

Грустно-значительны становатся для насъ эти пѣсни и молитвы, когда прочтемъ въ лѣтописяхъ XIV вѣка описаніе этой всемірной болѣзни. Попы не могли провожать мертвыхъ по одному отъ двора: не успѣвали отъ множества умиравшихъ. Каждый долженъ былъ привозить мертвыхъ своихъ прямо на церковный дворъ. За ночь къ утру собиралось до 30-ти, а иногда и болѣе мертвецовъ, около одной только церкви. Всѣмъ былъ одинъ проводъ, пѣли одну надгробную пѣснь; только душевную разрѣшительную молитву каждому говорили особенно. По три и по пяти мертвыхъ клали въ одинъ гробъ. Недоставало могилъ для погребанія. Разрывали цѣлыя мѣста и тѣла хоронили вмѣстѣ. Вопль не умолкалъ. Многіе шли въ монастыри, мужи и жены. Другіе, въ заботѣ о душахъ своихъ, отдавали села и имѣнія монастырямъ, церквямъ и нищимъ.

Были у насъ и свои слагатели каноновъ, какъ напримѣръ, Прохоръ, Епископъ Ростовскій, сложившій канонъ Святителю Петру.

Кромѣ каноновъ и молитвъ, къ этому столѣтію относятся еще другіе переводы съ Греческаго. Инокъ Исаія, родомъ Сербъ, въ 1371 году, совершилъ въ своемъ отечествѣ переводъ творенья Діонисія Ареопагита: *о небесномъ священноначалии*. Переводъ, уцѣлѣвшій у насъ, нерѣдко встрѣчается въ рукописяхъ и помѣщенъ подь 3-мъ Октября въ Великихъ Четвѣхъ Минеяхъ Митрополита Макарія. Переводчикъ въ предисловіи жалуется на тяжкое состояніе своего отечества въ то время, когда доканчивалъ онъ свой трудъ: тогда Угleshъ, Царь Сербскій, вмѣстѣ со множествомъ своего войска, палъ отъ руки Турокъ, и Сербія начала уже испытывать варварское ихъ иго. Другой замѣчательный переводъ совершенъ былъ въ 1385 г. Димитріемъ Зографомъ: подлинникомъ избрана Греческая поэма Георгія Писиды: *о сотвореніи міра*; судя по тому, что языкъ перевода названъ Русскимъ, должно думать, что онъ совершенъ былъ въ Россіи. Нерѣдко встрѣчаемъ въ этой поэмѣ поэтическія мысли, довольно сильно выраженыя древнимъ Славянскимъ языкомъ; но Греческій синтаксисъ вообще насильственно господствуетъ надъ Славянскимъ, затемняя смыслъ перевода. О воздухѣ, напримѣръ, сказано, что „неоскудно его теченіе, безсребренно даеніе, ни богатый, ни бѣдный не восхититъ дыханія лишняго, но всѣмъ раздаетъ онъ равную благодать“. Солнце—„общее око, всевидимая зѣница, всепитательный огонь, подь землею оно — вечеръ, надъ землею — дѣятель дня, всемірное зеркало... Ничто не скроется отъ его хожденія; оно постигаетъ и *доконечныя глубины*“. Времена года, подобно дѣвамъ, сплетающимъ персты свои въ одномъ лигѣ, подвижнымъ хороводомъ составляютъ образъ добродѣтели житія. Земля — корабль, стоящій на водѣ и носящій всю вселенную; она посыпаетъ песокъ, какъ стѣну, кругомъ моря и въ немъ имѣетъ тонкую ограду противъ бури. Замѣчательно объясненіе образованію града: въ глубинахъ облачныхъ зарождается онъ каплями; потомъ холодъ окаменитъ въ нихъ слабое и *омраморитъ* градъ, и онъ летитъ кругло и каменнообразно. Описаніе тѣла человѣческаго, въ которомъ насаждено *огнеобразное* сердце, представляетъ много пластическаго и живописнаго. Знаніе многихъ явленій природы и стремленіе объяснить ихъ простыми законами естества весьма замѣчательны въ этомъ произведеніи, котораго подлинникъ относится къ седьмому вѣку по Р. Х.—Іоаннъ, монахъ Аѳонскій, въ 1399 году, перевелъ Плѣны Іерусалима и Книгу премудраго Іосифа Маттаѣева или Исторію Маккавеевъ. Всѣ эти труды нашихъ ученыхъ соплеменниковъ сохранились у насъ, потому что и тогда уже мы имѣли частыя и дѣятельныя сношенія съ Аѳономъ и Царьградомъ.

Съ большою вѣроятностію должно отнести къ этому же времени переводъ греческаго сборника, извѣстнаго подь именемъ *Пчелы*, и распространеніе ея списковъ въ предѣлахъ Россіи. По новымъ изслѣдованіямъ молодого ученаго, общаю-

Переводы съ Греческаго.

шаго трудами своими обильную жатву для Исторіи нашей древней Словесности, Г. Безсонова, утвердить можно, что переводъ Пчелы совершенъ былъ на Славянскій языкъ Русскими въ Царьградѣ или на Аѳонѣ и распространенъ черезъ нашихъ странниковъ, особенно Новгородскихъ. Пчела остроумными изреченіями Греческихъ мудрецовъ пришла къ духу и вкусу народа и подверглась скоро у насъ своеземнымъ передѣлкамъ¹⁸ а).

Перейдемъ къ Посланіямъ. Первое по времени принадлежитъ Архіепископу Новгородскому Василю.

Св. Василій,
Архіепи-
скопъ Нов-
городскій.

Святитель Василій двадцать одинъ годъ, четыре мѣсяца и два дня управлялъ Новгородскою паствою. Когда Моисей захотѣлъ принять схиму и удалился на покой въ монастырь, Новгородцы восемь мѣсяцевъ оставались безъ владыки. Наконецъ, весь городъ и все духовенство избрали священника Козьмодемьянской церкви, на Холопѣй улицѣ, Григорія Калѣку, мужа добраго и смиреннаго, который былъ уже извѣстенъ народу своимъ странствіемъ въ Иерусалимъ и къ берегамъ Иордана. Григорій постригся, принялъ имя Василя и возведенъ народомъ на сѣни владычняго дома, а потомъ на Воляни поставленъ въ Архіепископы Митрополитомъ Теоностомъ.

Дѣятельность этого пастыря была неутомимая. Новгородская лѣтопись изображаетъ его великимъ строителемъ. Онъ строилъ великую каменную стѣну Новгорода, два раза мостъ черезъ Волховъ, покрывалъ дважды свинцомъ Соборъ Софійскій и утверждалъ на немъ крестъ, лилъ для него колокола, украсилъ его мѣдными золочеными дверями, извѣстными и теперь подъ именемъ Васильевскихъ, соорудилъ много храмовъ, возобновлялъ истребленные пожарами, расписывалъ ихъ мастерами Греческими.

Внутренняя дѣятельность Пастыря была миротворная. Онъ мирилъ Новгородъ съ Іанномъ Калитою и Симеономъ Гордымъ, нѣсколько разъ укрощалъ внутреннія его междоусобія, когда одна сторона въ оружіи выходила на другую и примиреніемъ обѣихъ возвеличенъ былъ крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Теоностъ далъ Василю крещатыя ризы, а Патріархъ Филовей украсилъ его бѣлымъ клобукомъ.

Когда Магнусъ, Король Шведскій, вызывалъ Новгородцевъ на преніе о вѣрѣ и приглашалъ ихъ прислать на то философовъ, обѣщая доставить и своихъ, чтобы рѣшили: которая вѣра лучше?—Владыка Василій отвѣчалъ Королю: если хочешь узнать, чья лучше, пошли въ Царьградъ къ Патріарху; мы приняли вѣру отъ Грековъ, а съ тобою о вѣрѣ спорить не будемъ. Новгородцы, движимые ревностію Василя, крѣпко отстаивали единовѣрныхъ намъ Корель противъ Магнуса, который силою хотѣлъ обращать ихъ въ свою вѣру.

Василій скончался жертвою любви къ своей паствѣ. Псковъ страдалъ язвою, извѣстною подъ именемъ Черной Смерти, и звалъ къ себѣ Пастыря на духовное

утѣшеніе. Василій поѣхалъ ко Псковичамъ, благословилъ ихъ и, возвращаясь оттуда, тяжко заболѣлъ на берегу рѣки Узы, и скончался 3-го Іюля 1352 года.

Отъ него-то осталось намъ *Посланіе къ Епископу Тверскому Θεодору о земномъ раѣ*, внесенное въ Степенную книгу и въ Софійскій Временникъ. Поводомъ къ нему были пренія, происходившія объ этомъ предметѣ въ Тверскомъ духовенствѣ и народѣ. Василій счелъ обязанностью написать это посланіе къ Θεодору, слѣдуя примѣру Апостоловъ. Θεодоръ полагалъ, что земной рай, гдѣ водворенъ былъ Богомъ первый человѣкъ, погибъ и что надобно вообразить его мысленно. Василій опровергаетъ это мнѣніе, утверждая, что рай Адамовъ надобно считать на землѣ дѣйствительнымъ, равно какъ и адъ. Онъ ссылается на святыхъ: Макарія, который жилъ въ 20-ти поприщахъ отъ рая, и на Евфросина, который былъ въ немъ и вынесъ изъ него три цѣлебныхъ яблока¹⁸ в). Онъ приводитъ слова Іоанна Златоуста, что Вотъ насадилъ рай на востокѣ, а на западѣ уготовалъ муки.

Его посланіе
о земномъ
раѣ.

На западѣ Европы, въ XIV и даже XV столѣтіяхъ, существовали почти тѣже самыя мнѣнія. Основаніемъ для нихъ служили слова о раѣ Св. Василя Великаго, Бл. Августина и Бл. Амвросія Медіоланскаго. Августинъ предполагалъ его на вершинѣ горы, которая непомѣрно высока и достигаетъ четвертаго слоя атмосферы, приближающейся къ лунѣ. Дантъ, основавшись на этихъ мнѣніяхъ, помѣстилъ рай на верху горы Чистилища, противоположно Іерусалиму. На географической картѣ 1346 года островъ Тенерифъ названъ адомъ, а на картѣ 1436 года Андрея Біанко рай съ своими четырьмя рѣками помѣщенъ на югѣ Азіи.

Извѣстна любовь нашихъ древнихъ Новгородцевъ къ странствіямъ и удалымъ предпріятіямъ. Ей мы обязаны распространеніемъ нашихъ владѣній на сѣверъ и востокъ Россіи. Видно, что и Новгородскіе путешественники любили рассказывать на родинѣ чудеса о своихъ странствіяхъ. Василій приводитъ ихъ свидѣтельства о существованіи ада и рая на землѣ. „А муки и нынѣ суть на западѣ, говоритъ онъ; много дѣтей моихъ, Новгородцевъ, видоки тому: на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, скрежетъ зубный и рѣка смоляная—Могръ, и вода входитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижды денемъ“. А мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ, а тѣхъ мужей дѣти и внучата нынѣ живутъ въ добромъ здоровьи. Вотъ рассказъ ихъ. Три было у нихъ юмы (т. е. лодки): одна изъ нихъ много блуждала и погибла; другія двѣ море долго носило вѣтромъ и принесло къ высокимъ горамъ. На горѣ увидѣли они деисусъ, написанный чуднымъ лазуремъ, сотворенный какъ будто не человѣческими руками, а Божіею благодатію. Солнца они не видали, а свѣтъ самосіянный свѣтлѣ солнца разливался кругомъ; на горахъ же слышно было ликованіе, раздавались голоса веселія. Двое по очереди всходили на гору и, увлеченные головами, къ своимъ не возвратились. Третьяго привязали за веревку: онъ, какъ и

первые двое, всплеснуль руками отъ радости и побѣжать на голоса, забывъ на ногахъ веревки; но когда сдернули его внизъ, онъ былъ уже мертвъ. Замѣчательно, что и въ преданіяхъ Новгородскихъ встрѣчаемъ ту же высокую гору, какая отъ временъ бл. Августина соединялась на западѣ съ преданіемъ о земномъ раѣ. Богомольные странники въ народѣ Русскомъ до сихъ поръ воображаютъ земной рай въ земляхъ Сибирскихъ и рассказываютъ, что тамъ есть такія пустыньки, гдѣ живутъ святые старцы: кругомъ зима и снѣгъ, а у нихъ растеть всякое древо, и на деревьяхъ висять всякіе плоды.

Изъ этого посланія мы узнаемъ о тѣхъ странствіяхъ, которыя Василій еще до своего постриженія совершилъ по востоку. „Самовидецъ есмь сему, брате, говорить онъ, егда Христось идый въ Іерусалимъ на страсть вольную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дени не отворими суть; а егда постися Христось надъ Ерданомъ, своима очима видѣль есмь постницу его, и сто финиць Христось посадилъ, не движими суть и до нынѣ, не погибли, ни погнили“.

Посланіе заелючается указаніемъ на будущій рай. Насажденный рай не погибъ на землѣ, по мнѣнію Василія, онъ свѣтитъ самосіяннымъ свѣтомъ, твердь его до горъ раевыхъ; а мысленный рай будетъ тогда, когда и небо и земля по второмъ пришествіи будутъ новыя. „То и есть, брате, мысленный рай, егда вся земля просвѣщена будетъ свѣтомъ неизреченнымъ, исполнена радости и веселія, яко же Апостоль Павелъ глаголетъ, егда восхищенъ бысть до третьяго небеса: око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не възде, еже уготова Богъ любящимъ его“... Такими думами о водвореніи рая на землѣ заняты были избранные мужи древней Руси въ половинѣ XIV столѣтія.

Посланія Патриарховъ противъ Стригольниковъ.

Живая связь Константинопольской церкви съ ея Русскою паствою обнаруживается въ посланіяхъ Патриарховъ Нила и Антонія ко Псковичамъ по случаю ереси Стригольниковъ. Мы знаемъ, что отвѣчалъ Архіепископъ Василій Королю Магнусу, когда онъ приглашалъ духовенство Новгородское на преніе о вѣрѣ: Василій указалъ на Царьградъ, какъ на источникъ, откуда мы приняли вѣру, и на наше съ нимъ церковное единство. Отвѣтъ свидѣтельствуеетъ передъ нами, какъ живо и дѣйственно могло быть слово Царьградскихъ Патриарховъ на народъ въ такомъ важномъ событіи, которое угрожало нашему духовному единству. Должно думать, что ересь началась въ Новгородѣ, а потомъ перешла во Псковъ. Новгородская лѣтопись подъ 1376 годомъ упоминаетъ, что народъ побилъ Стригольниковъ, діакона Никиту, діакона Карпа и еще челоуѣка его, и сбросилъ ихъ съ мосту въ Волховъ, неправильно истолковавши Евангельское слово: аще кто соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ, лучше будетъ ему, да обвѣсится камень жерновный о выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй. Начальникомъ ереси въ Антоніевомъ посланіи названъ Карпъ діаконъ. Ремесло Стригольниковъ, давшее имя еретикамъ, показываетъ, что ересь возникла въ простомъ народѣ. Было ли какое нибудь ино-

земное вліяніе, подавшее къ ней поводъ? Исслѣдователи не допускаютъ. Причину ереси положить можно со всѣмъ вѣроятіемъ въ свободномъ духѣ Новгородцевъ и Псковитянъ, которые обнаруживали непокорность свою властямъ какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, избѣгая суда Митрополичьего. Поводъ же къ ереси заключался, конечно, въ какихъ нибудь злоупотребленіяхъ духовенства, жившаго среди народа торговаго и богатаго: это предположеніе получаетъ тѣмъ болъшую вѣроятность, что первымъ предлогомъ къ отступленію еретиковъ было поставленіе на мздѣ.

Обнося ставленіе іереевъ святобунствомъ, Стригольники не хотѣли имѣть священниковъ по рукоположенію и преданію, а въ порывѣ высокоумія сами себя поставляли въ учителя народу и произвольно толковали Священное Писаніе. Отвергая священство, они не могли совершать и таинствъ, но вполнѣ ихъ не отрицали. Они допускали внутреннее покаяніе, хотѣли, чтобы человекъ самъ про себя въ землю каялся, а не священнику, передъ нимъ предстоящему. Они возставали также противъ молитвъ объ усопшихъ. Основаніемъ же главнымъ всему ученію ихъ, какъ видно, было произвольное толкованіе Священнаго Писанія безъ преданій Церкви: это ясно выражено въ посланіи Патріарха Антонія словами: „Книжное почитаніе, рекша, правовѣрнымъ недвижимо спасеніе“. Самое появленіе въ простомъ народѣ такой ереси, которая признавала свободное чтеніе священныхъ книгъ началомъ истиннаго спасенія, уже показываетъ, какъ распространено было Священное Писаніе въ народѣ.

Жестокая казнь, которой Новгородцы подвергли своихъ еретиковъ, какъ видно, не подѣйствовала. Ересь продолжалась, потому что черезъ шесть лѣтъ послѣ казни, въ 1382 году, Діонисій, поставленный въ Царьградѣ въ Архіепископы Суздальскіе и Нижегородскіе, привезъ отъ Патріарха Нила Псковичамъ грамоту съ порученіемъ, „да благословитъ ихъ, поучитъ и накажетъ, и да сокупитъ соборной апостольской Божіей Церкви“. По всему вѣроятію, самая грамота, если не прямо была написана на Славяно-русскомъ языкѣ Діонисіемъ, то по крайней мѣрѣ переведена имъ съ Греческаго подлинника.

Церковный учитель обращается въ посланіи своемъ ко всему народу Псковскому, именуя прежде бояръ, посадника и сотскихъ, и въ числѣ сыновей и чадъ своихъ ставитъ даже и тѣхъ, которые отступили отъ соборной Церкви и Христіанскаго общенія. Такое кроткое и мягкое обхожденіе Патріарха съ отступниками, конечно, привлекало къ Церкви любовь народную. Нечистая сила, говоритъ онъ, лишившись въ идолослуженіи, пропавшемъ безъ вѣсти, средства уловлять народъ, пустилась въ ереси и съ самаго начала Христіанства учила людей именовать Сына Божія тварью. Она же дѣйствуетъ и въ новой ереси. Все содержаніе посланія сосредоточено въ мысли о мнимомъ поставленіи іереевъ на мздѣ. Злоупотребленія вѣботорыхъ Епископовъ не могутъ оправдывать отсѣченія отъ Церкви,

ибо смысл всей Церкви не тотъ. То, что здѣсь злоупотребленіе, въ Римской Церкви правило¹⁹⁾.

Посланіе Патріарха Антонія (1388 — 1395) къ тѣмъ же Псковичамъ гораздо подробнѣе обличаетъ все ученіе ереси и предлагаетъ совѣты самыя дѣятельныя противъ нея. Новгородская лѣтопись подъ 1394 годомъ говоритъ, что Патріархъ Антоній съ Вилеємскимъ владыкою Михаиломъ прислать Новгороду двѣ грамоты на поученіе Христіанамъ. Сокрушаясь духомъ о раздорѣ, отдѣлившемъ часть народа отъ служителей Божіихъ черезъ Карпа, отлученнаго діакона и Стригольника, Патріархъ черезъ посланнаго имъ Архіепископа Суздальскаго Діонисія приглашаетъ Псковичей соединиться во благое, въ смиреніе и любовь къ Іереямъ, воздать Церкви Божіей должное покореніе. *Церковь всѣмъ входна:* она, какъ мать, пораждаетъ все крещеніемъ святымъ, питаетъ все живущее въ ней, одѣваетъ и веселитъ все, въ нее вселившееся... Богъ въ Церкви хранитъ и предлагаетъ намъ плодъ вѣчной жизни, причащеніе Святыхъ Таинъ. Діаволь, сначала удалившій человѣка отъ древа жизни, силится и теперь удалить его черезъ Стригольниковъ отъ причащенія тѣла и крови Христовыхъ. Подобно Корею, Дафану и Авирону они возстаютъ на чинъ истинныхъ священниковъ и сами, не имѣя ни священства, ни святительскаго сана, поставляютъ себя въ учителя народу. Рукоположеніе ведетъ начало свое отъ І. Христа и Апостоловъ: по живому преданію оно дошло до нашихъ священниковъ. Смотри на іерея, совершающаго Божію службу, какъ на Христа въ Сіонѣ вечеряющаго съ учениками. Не разсуждай и не испытывай объ Іереѣ Божіемъ, достоинъ онъ или нѣтъ? Помните вы, Стригольники, что говоритъ Апостоль Павелъ, смотрите на себя, а не на Іерея Божія. И вы осмѣливаетесь называть ихъ недостойными духопродавцами! Но скажите, еретики, гдѣ хотите вы попа взять себѣ? Не придетъ Христосъ во второй разъ воплотиться на землѣ, не сойдетъ Ангель освятитъ вамъ попа; но если бы и Ангель освятилъ вамъ попа, то и ему не подобаетъ вѣрвать, по словамъ Апостола: „Аще Ангель вамъ благовѣститъ паче проповѣданнаго, еже пріасте, проклять да будетъ“.

Вы осуждаете духовенство за то, что оно отъ Церкви питается. Кто насадитъ виноградъ, отъ плода его не ѣстъ ли? Кто пасетъ стадо, отъ молока его не ѣстъ ли? Завистію подстрекаемые, вы возстаете на священниковъ, желая ихъ честь себѣ перехватить; изучивъ словеса книжныя, которыя сладко слышать Христіанамъ, вы поставили себя учителями народу. Но вы не помянули слова Христова: „не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазя инудѣ, тать есть и разбойникъ“. Не имѣющій поставленія Святительскаго и покушающійся учить не въ двери вошелъ. Воры и разбойники убиваютъ людей оружіемъ, а вы, Стригольники, убиваете людей разумно смертію, удаляя ихъ отъ пречистыхъ Таинъ. Вы говорите, Стригольники, что Апостоль Павелъ и простому человѣку повелѣлъ учить; но

тогда всё люди были невѣрны: не вамъ, еретикамъ, то было сказано. Вы—нога, творите себя головою; вы—овца, хотите быть пастухомъ.

Еще же и ту ересь прилагаете, Стригольники: велите къ землѣ каяться человеку, а не попу. Но развѣ не слышите вы Господа, глаголющаго вамъ: исповѣдайте грѣхи своя, молитесь другъ за друга, да исцѣлѣете. Святыя Отцы для того и оставили духовныхъ отцовъ, чтобъ имъ исповѣдались Христіане. Какъ больной человекъ объявить врачу вредъ свой, и врачъ приложить ему землѣ по *достоянію* вреда того, и онъ исцѣлѣетъ, такъ и духовному отцу исповѣдаетъ грѣхи свои человекъ, и духовный отецъ отъ грѣха того перестать повелить, и противу грѣха того воздастъ ему епитимью понести: того дѣля Богъ отпустить тотъ грѣхъ. А кто исповѣдается землѣ, то исповѣданіе не въ исповѣданіе: „земля бо бездушная тварь есть, и не слышитъ и не умѣетъ отвѣщать, и не воспретить, да не съгрѣшаемъ“. Не подастъ Христосъ Богъ прощенія грѣховъ къ землѣ кающемуся.

Эту злую сѣть самъ діаволъ положилъ въ Карпѣ діаконѣ, который не велѣлъ каяться попамъ, чтобы отъ нихъ отнять честь іерейскую, право вязать и разрѣшать, данное Христомъ. Зная заранѣе, что тѣло его, какъ еретика, не будетъ погребено съ псалмами и пѣснями, онъ началъ говорить людямъ, что не надо ни пѣть надъ умершими, ни помянуть ихъ, ни службы совершать, ни приноса за мертвыхъ приносить въ церковь, ни пировъ творить, ни милостыни давать. Въ Апостольскихъ правилахъ писано творить память по умершихъ: такъ и Святыя Отцы оставили. Слѣдуютъ ихъ сказанія.

Стригольники постятся, молятся, живутъ чисто, занимаются книгами, но и Фарисеи постились дважды въ недѣлю и цѣлый день не ѣли; такъ и всё еретики были постниками, молебниками и книжниками. Если бы житіе ихъ люди не видѣли чистымъ, кто бы вѣровалъ въ ихъ ересь? Они изучаютъ Священное Писаніе, но если бы не отъ книгъ они говорили, кто бы послушалъ ихъ? И *бесермени* постятся и отъ книгъ говорятъ, да не подобаетъ слушать ихъ. О самопоставляющихся учителяхъ Апостолъ сказалъ, что многіе лжепророки вошли въ міръ; но не послушайте словесъ ихъ и въ дома свои не принимайте ихъ: слуги льстивые преобразуются въ слугъ истинныхъ, и самъ сатана—въ свѣтлаго Ангела²⁰).

Такъ поучала Царьградская церковь свою Русскую паству, ограждая православное единство отъ ересей, возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ. Мы и въ XV вѣкѣ услышимъ еще голосъ Русскаго пастыря противъ той же ереси.

Если въ двухъ посланіяхъ Патріарховъ — Нила и Антонія — мы видимъ живую связь, какая соединяла Церковь съ народомъ, то въ посланіяхъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго къ Князьямъ, сыновьямъ Дмитрія Донскаго, обнаруживается другая духовная связь между Церковью и свѣтскою властью. Этихъ посланій дошло до насъ три; но есть признаки, что писано было и болѣе. Первое обращено къ Великому Князю Василю Дмитріевичу и относится къ 1399—1402 годамъ.

Посланія къ Князю Св. Кирилла Бѣлозерскаго.

Инокъ, радуясь смиренію Великаго Князя всей земли Русской, который отъ толикой славы міра преклоняется къ нищетѣ его и братіи и поручаетъ имъ молиться о грѣхахъ его, предлагаетъ В. Князю два наставленія: одно общее, другое частное. Прочтемъ первое: „Въздай же убо Благодателю долгъ, святныя его храня заповѣди, всякаго уклоняясь пути, ведущаго въ пагубу. Яко же бо о корабльхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблзнится, малъ вредъ творить плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сътворяетъ пагубу: тако же, господине, и о Князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творить всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сътворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою твердостію храни себе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Святый Апостолъ: „миръ имѣйте и святню, безъ нея же никто же узритъ Господа“. Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложень имѣй благочестія помысль и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ же убо и кратокъ сущій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеша въ ровъ гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеша: „блажени бо, рече, боящися Господа“.

Второе, частное наставленіе касается раздоровъ В. Князя съ Князьями Суздальскими. „Да слышелъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими Князми Суздальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою: а въ томъ, господине, межѣ васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебя въ пути, да отъ того ся, господине, и возбранили (т. е. заратилися). И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная кая власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго, яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленная, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ Судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостолъ Павелъ ученикъ Христовъ: „аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничто же полза ми есть“. Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: „аще кто речетъ: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть“. Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своя; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и милостыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ“.

Смиранный голос инока раздавался въ пользу братской любви между враждовавшими Князьями; а польза государственная, Московское единство, требовали другихъ соображеній. Симеонъ и Василій Кирдяпа, отстаивавшіе независимость Суздаля, умерли въ изгнаніи. Но внукъ Кирдяпинъ женился, однако, на дочери Великаго Князя. Можетъ быть, и доброе слово Кириллово участвовало въ этомъ родственномъ примиреніи.

Другое посланіе написано къ Можайскому Князю, Андрею Димитріевичу, тому самому, которому Кириллъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи поручилъ обитель. Бѣлозерская область была вотчиною Князя Андрея. Онъ ѣзжалъ въ нее часто и могъ оттуда легко покровительствовать обители. Посланіе Кириллово написано въ отвѣтъ на Андреево, въ которомъ Князь извѣщалъ Кирилла о чудесахъ, бывшихъ отъ Богоматери. Судя по этимъ даннымъ, оно относится къ 1408-му или къ 1413 году. Побесѣдовавъ съ Княземъ о чудесахъ Богоматери, Кириллъ предлагаетъ такіа наставленія Князю:

„И ты, господине Князь Андрей, видя челоуѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Іисуса Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожи Богородица Матере своей, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймаи отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, доволны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: „да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любви ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя“. Пророкъ рече: „ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огонь поястъ нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимають“. А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. (Вотъ еще когда Церковь наша говорила противъ внутреннихъ таможенъ!) Также, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны. Тако же, господине, уймаи подъ собою люди отъ северныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщилися всего того управити, все то на тебѣ възыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ

отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитись лѣнитесь; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнить“. Такъ говоритъ инокъ Князю о стояніи въ церкви: „Въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же съвершаются Христова таинства. Блуди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стой, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши отъ велможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбранай: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога“.

Въ третьемъ посланіи Св. Кирилль предлагаетъ духовныя утѣшенія Звенигородскому Князю Георгію Димитріевичу по случаю болѣзни его супруги ²¹). Георгій хотѣлъ посѣтить обитель Кириллову, но инокъ уклоняется отъ этой великой чести, боясь молвы, которая скажетъ: „Кирилла дѣля токмо поѣхалъ“, потому что Георгій не имѣлъ вотчины на Бѣлѣозерѣ, какъ Андрей братъ его.

Простодушныя наставленія Кирилловы, выраженныя живою, современною Русскою рѣчью, имѣютъ всегда значеніе истины, а въ XIV вѣкѣ обнаруживаютъ ясно искреннія отношенія между Церковью и Князьями.

Путешествія.

Отъ Посланій перейдемъ къ Путешествіямъ. Сношенія наши съ Царьградомъ такъ были часты, что странно бы было, если бы древняя Русь не сохранила намъ ни одного описанія колыбели нашей вѣры. *Странникъ Стефана Новгородца* есть, можно сказать, дополненіе къ Страннику Даніила Паломника. Стефанъ, старый монахъ, уже удрученный лѣтами, былъ въ Царьградѣ съ восемью друзьями своими, въ шестое лѣто патріаршества Исидорова, т. е. въ 1350 году.

Странникъ Стефана Новгородца.

Пришедши въ Царьградъ на страстной недѣлѣ, граждане Новгородской Софіи прежде всего отправились къ святой Софіи Царьградской. На пути къ ней ихъ остановила статуя Юстиніанова. Впечатлѣніе передано странникомъ очень ясно и живо. „И видѣхомъ: ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотой и красотою издалеча смотря видѣти его, и на верху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ Срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя простре буйно на полдни, на Срацинскую землю къ Іерусалиму“.... Черезъ семь дверей вошли они въ великую церковь Св. Софіи, которая имѣетъ ихъ 365 по числу дней года. Пройти съвозъ толпу народную до Страстей Господнихъ помогъ имъ Царевъ Бояринъ, по имени Ботарь, можетъ быть Боцарисъ. Патріархъ Исидоръ призывалъ къ себѣ Русскихъ странниковъ, благословилъ ихъ, плѣнитъ ихъ своею любовью

къ Руси и удивилъ своимъ смиреніемъ: „не нашъ бо обычай имѣть“, прибавляетъ странникъ.

Подробно описалъ онъ поклоненіе всѣмъ святынямъ Царьградскимъ, приводя иногда для сравненія то, что послѣ видѣлъ онъ въ Іерусалимѣ: отсюда ясно, что Стефанъ былъ и тамъ. Преданія святыни Цареградской восходили тогда до временъ самыхъ первоначальныхъ: на столпѣ Константиновомъ лежала сѣкира Ноева. Поразило странника народное зрѣлище, бывшее въ Царьградѣ всякій вторникъ: выносили икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою; три человекъ ставили ее на плеча одному, и онъ, подкрѣпляемый чудесною силою, носилъ ее, или лучше икона носила его повсюду: такъ переходила она на плеча многихъ людей изъ народа.

Съ радостью встрѣтили Новгородцы двухъ земляковъ своихъ Ивана и Добрилу, которыхъ считали безъ вѣсти пропавшими: оба жили въ монастырѣ Студійскомъ и занимались списываніемъ книгъ святаго писанія, потому что были весьма искусны въ этомъ дѣлѣ. Изъ этого монастыря, замѣчаетъ странникъ, много книгъ послали на Русь: уставъ, тріодъ и другія. Странный споръ былъ между Русскими и Греками. Въ великомъ алтарѣ Св. Софіи находился колодець, котораго вода имѣла будто бы сообщеніе съ водою Іордана. Стража царская вынула изъ этого колодца котомку (пахирь)²²⁾ и въ ней калиги Русскія (родъ страннической обуви). Русскіе тотчасъ узнали свой пахирь, который обронили, купаясь въ Іорданѣ. Но Греки не повѣрили имъ и не отдали калигъ. Оле намъ страннымъ! восклицаетъ Новгородецъ. Рады странники были, что Богъ сподобилъ ихъ увидѣть все, какъ они надѣялись; но въ Царьградѣ, какъ въ дуброву взойти; безъ добраго вождя ходить не возможно, а скупо или убого нельзя ни видѣть, ни цѣловать ни единого святаго, развѣ на праздникъ. Видно, святыня Царьградская отверзалась Русскимъ странникамъ не даромъ²³⁾.

Хожденіе Митрополита Пимена въ Царьградъ, бывшее въ 1389 году, Хожденіе М. Пимена въ Царьградъ. описано однимъ изъ спутниковъ его Діакономъ Игнатіемъ и встрѣчается вставленнымъ въ лѣтописи²⁴⁾. Пимена сопровождали Михаилъ, Епископъ Смоленскій, Сергій, Архимандритъ Спасскій, и многіе другіе. Черезъ Коломну, Перевитскъ, бывшій тогда еще городомъ, Переславль Рязанскій, достигли они до рѣки Дона и по волнамъ его поплыли внизъ. Путешествіе ихъ было печально и *уныливо*. Ихъ поразило видъ заустѣнія: здѣсь не было ни города, ни селъ: гдѣ прежде стояли прекрасныя городъ, смотрѣть любо, — тамъ все было теперь пусто, не населено. Нельзя было видѣть человека; пустыня да звѣри: козы, лошади, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры — во множествѣ, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли. На другой день рѣчнаго плаванія миновали они двѣ рѣки: Мечу и Сосну, на третій прошли Острую Луку, въ четвертый — Кривой Боръ, въ шестой присѣли къ устью рѣки Воронежа. Князь Юрій Елецкій встрѣтилъ ихъ съ своими

боярами по приказанію Олега Рязанскаго. Когда приплыли къ рѣкѣ тихой Соснѣ, увидѣли столпы каменные бѣлыя: дивно и краснѣ стоятъ рядомъ, какъ малые стога, бѣлыя и свѣтлы, надъ рѣкою Сосною... Эта огромная пустыня, плодъ варварскаго ига, отдѣляла отъ нихъ кочевья Татарскія. За Теркліемъ Городищемъ въ первый разъ увидѣли они Татаръ: много ихъ, чѣдъ листь или песокъ. Съ большимъ страхомъ вѣхали путники въ землю Татарскую. Когда миновали Бекбулатовъ улусъ, увидѣли Татарскія стада въ безчисленномъ множествѣ; умъ превосходятъ: овцы, козы, верблюды, кони. Миновали Акбугинъ улусъ: и тутъ многое множество Татаръ, и всякихъ скотовъ стада безчисленныя. Но изъ Татаръ, однако, никто ихъ не обидѣлъ: только спрашивали и, получивъ отвѣтъ, пропускали мирно и давали имъ молоко. Когда же доѣхали до города Азова, Франки обидѣли ихъ, повѣривъ какой-то клеветѣ, даже съовали Митрополита Пимена и нѣкоторыхъ его спутниковъ. Только платой могли они откупиться отъ Франковъ. Изъ Азовскаго моря вышли въ великое, т. е. въ Черное, посѣтили Синопъ и останавливались въ другихъ городахъ. Дорѣгою достигла ихъ вѣсть о войнѣ Турковъ съ Сербами, о битвѣ между царемъ Турскимъ Амуратомъ и царемъ Сербскимъ Лазаремъ, какъ Амуратъ палъ рукою вѣрнаго слуги Лазарева Милоша и какъ Баязеть, сынъ Амуратовъ, отмстилъ за то Лазарю и всему его войску. Когда прибыли они подъ Царьградъ, Русь, живущая тамъ, посѣтила ихъ на кораблѣ: была и тѣмъ и другимъ радость великая; а въ самомъ Царьградѣ Русь успокоила ихъ въ своемъ жилищѣ, близъ церкви Іоанна Предтечи. Всѣ храмы они исходили, всѣмъ святынямъ поклонились, по примѣру прежнихъ поклонниковъ. Приняли благословеніе отъ Патріарха Антонія. Ходили въ куполъ церкви Св. Софіи, видѣли 40 оконъ шейныхъ и вымѣряли въ одномъ окнѣ со столпомъ по 2 сажени. Въ церкви при Константиновомъ дворѣ дивились столпамъ чуднымъ, *недомысленнымъ*: всѣ люди, проходящіе мимо ихъ, въ нихъ видны, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Пименъ между тѣмъ скончался, а Киприанъ, бывший тогда въ Царьградѣ, получивъ благословеніе Патріарха Антонія на Кіевъ и на всю Русь, поѣхалъ туда и претерпѣлъ кораблекрушеніе, о чемъ написалъ къ нимъ грамоту.

Но всего болѣе поразило Русскихъ путешественниковъ вѣнчаніе на царство Императора Мануила, которое видѣли они 11-го февраля 1390 года. Много народу собралось въ храмъ св. Софіи: женщины стояли на хорахъ за *шидянами* (шелковыми) запованями²⁵); ни лицъ ихъ, ни нарядовъ не было видно. Поразила ихъ также одежда пѣвцовъ: священныя стихари, широкіе и долгіе, комчатныя и шелковыя, оплечья золотыя и бисерныя. Въ храмѣ были Римляне, Испанцы, Нѣмцы, Французы, Венеціанцы, Венгры: при всякомъ народѣ знамя земли его, на всякомъ его одежда. Царь вошелъ въ церковь тихо и кротко, а по обѣ его стороны двѣнадцать оруженосцевъ, покрытыхъ желѣзомъ съ головы до ногъ. Когда онъ вступилъ въ чертогъ, приготовленный въ храмѣ, облекся въ багря-

ницу и дѣдиму, и взошелъ на мѣсто, тогда привели къ нему Царицу, и оба сѣли на золотыхъ престолахъ. Описана литургія и въ ней совершеніе обряда вѣнчанія. Когда Царь и Царица, уже вѣнчанные, сошли съ престоловъ для причащенія, — народъ разодралъ всю опону чертожную и раздѣлили ее между собою на части. Замѣчательно послѣднее впечатлѣніе, которое вынесли Русскіе съ этого торжественнаго зрѣлища. Когда Патріархъ произнесъ нововѣнчанному Царю наставленіе и сказалъ, что надобно прежде всего стяжать страхъ Божій и смертную память, яко земля еси и въ землю паки пойдѣши, тогда никто не смѣлъ приступить къ Царю съ поздравительнымъ привѣтствіемъ, пока не подошли къ нему мраморники и гробоздатели; показывая ему мраморы и другіе различные камни, они спрашивали Царя: изъ какого камня желаетъ держава твоя, чтобы былъ гробъ твой? — Такъ притчею напоминали они Царю, въ торжественную минуту вѣнчанія, о тлѣни и смерти, чтобы онъ столько же смирялся, сколько былъ великъ: ибо сильный сильнѣе испытанъ будетъ. Тогда уже Князья, Стратилаты, Ипаты, вельможи и воины, здравствовали ему на царство. Царь благословился у Патріарха и, выходя изъ храма, въ дверяхъ былъ осыпанъ ставратами (крестовиками), которые расхваталъ народъ.

Изъ государственныхъ событій XIV вѣка самымъ отраднымъ для Русскаго народа была, конечно, Донская битва. 8-го Сентября 1380 года на Куликовомъ полѣ, на берегахъ Дона, Непрядвы и Мечи посѣяны были первыя сѣмена политической независимости отечества и политы святою кровью воиновъ Русскихъ. Вѣра, какъ животворная мысль, проникаетъ все это событіе единствомъ дѣйствія отъ начала до конца: она побуждаетъ Дмитрія къ подвигу, одушевляетъ около него всѣхъ Князей и воиновъ, носится надъ всѣмъ полемъ битвы, укрѣпляетъ духъ въ началѣ ея и по срединѣ, и украшаетъ славу дѣла Христіанскимъ смиреніемъ.

Вскорѣ послѣ битвы, въ концѣ же XIV вѣка, сложилось о ней Сказаніе, написанное духовнымъ лицомъ, современникомъ событію, который могъ всѣ подробности его слышать отъ очевидцевъ. Имена главныхъ участниковъ въ битвѣ, равно какъ имена падшихъ въ ней Князей и воеводъ, обстоятельно переданныя, особенно ручаются за истину этого мнѣнія. Побѣда называется въ нѣкоторыхъ спискахъ *новою*. О героѣ побѣды Дмитрія не говорится еще какъ объ умершемъ, что бы, конечно, сдѣлалъ авторъ Сказанія, еслибы Князя не было уже въ живыхъ. Слѣдовательно, оно писано до 1389 года, т. е. до года Дмитріевой кончины. Карамзинъ, Митрополитъ Евгеній и Арцыбышевъ приписывали сочиненіе Рязанскому Іерею Софронію, жившему въ концѣ XV вѣка. Строевъ называлъ сочинителя Софоніемъ, основываясь на Архангельскомъ спискѣ. Но издатель Сказанія Снегиревъ противорѣчилъ мнѣнію этихъ ученыхъ на томъ основаніи, что Рязанецъ не сталъ бы такъ поносить Олега Рязанскаго, своего соотчича, въ

Сказаніе о
Мамаевомъ
побойщѣ.

то время, когда мѣстные интересы удѣльныхъ городовъ не слишкомъ подавались передъ мыслию объ единствѣ отечества. Судя по тому, что въ одномъ изъ списковъ авторъ въ заключеніи обращается съ похвалою къ городамъ Владиміру и Ростову, издатель готовъ признать его за Владимірца или Ростовца. Новѣйшее открытіе подобнаго же памятника, въ XV вѣкѣ писаннаго, сдѣланное Ундольскимъ, въ которомъ авторъ указываетъ на Рязанца Софонія, какъ на своего предшественника въ прославленіи подвига Князей Дмитрія и Владиміра, окончательно утвердило сочиненіе Сказанія за Рязанцемъ Софоніемъ, впредь до новыхъ открытій. Прибавимъ въ подтвержденіе мнѣнію, что въ мужахъ мысли и слова, къ числу которыхъ принадлежали особенно духовныя лица, мѣстные городские интересы начали сглаживаться и уступать мѣсто великой, хотя еще не совсѣмъ ясной, идеѣ Русскаго государственнаго единства. Вспомнимъ, что еще въ Несторовой лѣтописи, въ Хожденіи Даніила Паломника и въ Словѣ о полку Игоревѣ мысль объ единствѣ связывалась съ именемъ земли Русской.

Сказаніе встрѣчается подъ заглавіемъ: *Повѣданіе и Сказаніе о побойцѣ Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго*. Такъ и напечатано оно издателемъ. Въ Никоновой лѣтописи, въ Сборникѣ Румянцевскаго музея оно названо *Повѣстью*; включено въ Синописисъ подъ именемъ *Исторіи* и отсюда перешло въ дубочныя картинки Русскаго народа²⁶), въ устахъ котораго слыветъ битва *Мамаевымъ побойцемъ*. Рѣдко встрѣтить можно другой памятникъ народной Русской Словесности, который бы подвергся такому произвольному искаженію переписчиковъ, какъ это Сказаніе. Грамотѣи, переписывая его, вредили тексту своимъ умничаньемъ, невѣжествомъ и рвеніемъ не по разуму противъ Татаръ. Нѣтъ двухъ списковъ, совершенно другъ съ другомъ схожихъ. Какой-то хитрецъ прибавилъ въ началѣ обращеніе къ древнему Греческому божеству Урану. О Мамаѣ говорится, что онъ Эллинъ родомъ, а вѣрою идоложрецъ и иконоборецъ. Татары называются то Эллинами, то Печенѣгами, то Агарянами. Литва смѣшана съ Варягами. Трудно, почти невозможно, при многообразныхъ вставкахъ и искаженіяхъ всякаго рода, добраться до оригинальнаго текста, какъ онъ былъ первоначально сложенъ. Такова участь всѣхъ памятниковъ, къ которымъ особенно располагалась сердце народа и которые потому усердно и часто переписывались.

Внѣшняя поэтическая сторона Сказанія, состоящая въ описаніяхъ, сравненіяхъ, картинахъ природы, заимствована изъ Слова о полку Игоревѣ. Видно, что авторъ имѣлъ передъ собою это Слово и подъ живымъ впечатлѣніемъ красоть его слагалъ свое Сказаніе. Есть однако немногія исключенія, принадлежащія собственно автору. Языкомъ оно совершенно уступаетъ слову. Изобиліе Славяно-церковной стихіи, искаженной къ тому же грамотѣями-переписчиками, много повредило жизни памятника. Но что касается до духа Сказанія, его главной мысли и характера героя, въ этомъ отношеніи оно гораздо выше Слова. Сила, одолѣв-

шая Татаръ на Дону, была сила вѣста: въ этомъ духъ и мысль Сказанія совпадаютъ съ духомъ и мыслию самаго событія. Игорь Новгородъ-Сѣверскій есть храбрый, благородный, предприимчивый Князь, который дѣйствуетъ слѣдуя порыву своего прекраснаго мужества, но благоразуміе имъ не руководитъ. Его удалство— господствующая черта и во всѣхъ его сподвижникахъ. Отсюда неудачный исходъ ополченія, обида, нанесенная землѣ Русской, позоръ плѣна и спасеніе бѣгствомъ. Не таковъ Дмитрій: въ немъ нѣтъ удалства; онъ не вѣритъ въ собственныя свои силы. „Кротокъ есть человекъ Дмитрій“, скажемъ о немъ словами его врага, Олега. Образъ смиренномудрія онъ носитъ на себѣ; личную волю свою облакаетъ въ оружіе вѣры, покорности Промыслу и въ самоотверженіе. Въ его мужествѣ дѣйствуетъ высшая сила. Онъ самъ начальникъ побѣды и едва не палъ въ числѣ первыхъ жертвъ ея. Дѣло вѣнчается успѣхомъ какъ бы не отъ собственныхъ силъ его совершителя, а отъ той незримой силы, которой онъ самъ служитъ только вѣрнымъ орудіемъ.

Руководимые этою мыслию, пройдемъ все Сказаніе и, останавливаясь на нѣкоторыхъ частяхъ, постараемся обнять его, какъ одно цѣлое. Сказаніе начинается осужденіемъ гордости Мамаю, который вознамѣрился подражать Батю и даже превзойти его. Онъ хочетъ изгнать изъ Руси князей, а лучшіе города ея оставить въ тишинѣ безмятежной. Перевезаясь за Волгу съ своими силами, онъ говоритъ улусникамъ: „да ни одинъ у васъ пашеть хлѣба: будьте готовы на Русскую землю, на хлѣбъ!“ Скудоумный Олегъ Рязанскій (бысть скудость ума во главѣ у Ольга, Князя Рязанскаго) приглашаетъ Мамаю *огрозиться* на кротога Дмитрія Московскаго. Олегъ сердитъ на него за то, что взялъ у него Коломну. И къ Ольгерду Литовскому онъ пишетъ также посланіе, зоветъ и его на Дмитрія, увѣрая, что Дмитрій, какъ услышитъ имя Царево, отбѣжитъ далеко. И Олегъ, и Ольгердъ посылаютъ пословъ къ Мамаю съ грамотами. Мамаю думалъ, что они за одно будутъ противъ него. Гордо принимаетъ онъ пословъ, отвѣчая, что чужая помощь ему не очень надобна, что онъ и своею одною силою могъ бы плѣнить древній Іерусалимъ.— „Пусть моимъ именовъ и вашею рукою распущенъ будетъ Князь Дмитрій Московскій, да огрозится имя ваше въ странахъ вашихъ. Но побѣдитъ царя, себѣ подобнаго, мое дѣло“. Послы, возвратясь, сказали, что *царь здравитъ, весьма хвалитъ*. Скудоумные возрадовались суетному привѣту.

Князь Дмитрій, услыхавъ о походѣ безбожнаго Мамаю на Христову вѣру, опечалился. Первымъ дѣломъ его было прибѣгнуть къ Богу. Онъ палъ на колѣни передъ иконою у возглавія своего и, отерывъ душу Богу, произнесъ молитву. Въ ней пагубу, угрожающую отечеству, приписалъ винѣ своей и грѣхи всей земли принялъ на себя. „Вѣмъ бо, яко мене ради грѣшнаго хочещи истребити землю Русскую. Азъ бо согрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человекъ“. Въ этомъ смиреніи и въ этой молитвѣ зачало его подвига. Призвавъ къ себѣ въ совѣтники

брата, Князя Владиміра Андреевича, онъ идетъ къ Митрополиту Кипріану и объявляетъ ему о бѣдѣ, угрожающей отъ царя Мамаю. „Чѣмъ ты ему не исправился?“ спрашиваетъ Кипріанъ. „Всѣмъ исправенъ по уставу отцевъ своихъ и еще болѣе“, отвѣчаетъ Димитрій. Святитель совѣтуетъ утолить царя золотомъ, чтобы не разрушилъ Христовой вѣры. Золото отправлено, но посланный съ нимъ услышалъ на пути о замыслахъ Олега и Ольгерда и съ этой вѣстью возвратился къ Димитрію. Усилилась его горестъ, когда онъ узналъ, что друзья и ближніе на него умыслили. Усилилась и молитва. „Суди, Господи, по правдѣ между ними и мною, сказалъ онъ“, — и снова идетъ передать свое горе Святителю. Кипріанъ спрашиваетъ: какую обиду ты сотворилъ имъ? — Грѣшный передъ Богомъ, а чистъ передъ ними, отвѣчаетъ Князь. Тогда Святитель благословилъ его на подвигъ, въ силу правды и закона Божія, и пожелалъ, чтобы очи его просвѣтились веселіемъ. Твердая стража послана на югъ до Сосны рѣки. Грамоты разсланы по всѣмъ городамъ. Добытый языкъ сказалъ, что царь идетъ на Русь съ Олегомъ и Ольгердомъ, не спѣшитъ же, ждетъ до осени, хочетъ быть на Русскіе хлѣбы. Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ подкрѣпили другъ друга взаимнымъ словомъ, готовясь умереть за вѣру Христіанскую, за святія церкви, за обиду Великаго Князя. А между тѣмъ Князя изо всѣхъ городовъ стекаются къ Москвѣ. „Уже, братія, не стукъ стучить и не громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ, стучить рать Великаго Князя Димитрія Ивановича“. Вотъ въ Сказаніи первый отголосокъ Слова о полку Игоревѣ.

Но не въ этомъ шумѣ грознаго войска почерпаетъ Димитрій силу на подвигъ: внутренній голосъ стремитъ его въ пустыню, къ молитвеннику Сергію. Отшельникъ напиталъ его трапезой духовною и пророчитъ вѣнецъ ему и его воинамъ. Князь вкусилъ отъ хлѣба братіи. Два Христовыхъ воина даны ему Сергіемъ: Пересвѣтъ и Ослябя. Твердый доспѣхъ ихъ—крестъ Христовъ, нашитый на схимѣ. Обвеселился сердцемъ Димитрій, не повѣдалъ никому того, что сказалъ ему старецъ, и пошелъ въ Москву, какъ будто обрѣлъ нѣкое многоцѣнное сокровище. Тайна бесѣды открыта только Святителю, но и имъ заповѣдано молчаніе. Совершаетъ Димитрій молитвы передъ образомъ Спасовымъ, предъ иконой Богоматери, у гроба чудотворца новаго Петра. Идутъ освященные соборы въ ворота Кремля съ честными крестами, съ чудотворными иконами, благословитъ cadaго воина, а Князь между тѣмъ съ братомъ своимъ Владиміромъ въ храмѣ небеснаго воеводы Архистратига Михаила приступаетъ ко гробамъ православныхъ Князей, своихъ прародителей, и зоветъ ихъ подвизаться съ ними. Прискорбны слезныя проводы Великой Княгини Евдокіи, другихъ Княгинь и воеводскихъ женъ. В. Князь не плачетъ наружно народа ради, но сердцемъ плачетъ съ кровью и утѣшаетъ жену свою словомъ: Если Господь по насъ, кто на насъ?

Димитрій вступилъ въ златокованное стремя и сѣлъ на своего коня любя-

маго. Съли на коней своихъ Князья и Воеводы. Солнце отъ восхода свѣтитъ имъ и путь показываетъ, а вѣтерокъ тихій и теплый по нихъ вѣетъ. Какъ соколы рвутся отъ золотыхъ своихъ колодокъ, такъ выѣхали Князья Бѣлозерскіе изъ каменнаго града Москвы съ своимъ полкомъ. Любо полки уряжены: достойно избавить стада лебединья это храброе воинство. Князь Дмитрій говоритъ такую рѣчь брату своему Князю Владиміру и другимъ Князьямъ и воеводамъ: „Братія моя милая! не пощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за святія церкви, за землю Русскую!“ Князь Владиміръ отвѣчаетъ ему, подражая извѣстной рѣчи Князя Всеволода въ Словѣ о полку Игоревѣ: „Господинъ Князь Дмитрій Ивановичъ! воеводы у насъ вельми крѣпки, а Русскіе удалцы свѣдомы, имѣютъ подъ собой борзыхъ коней, а доспѣхи вельми твердые, злаченые колантыри (шпшаки) и булатные байданы (значки), колгары (кольчуги) фряжскія, корды (мечи) Ляцкія, сулицы (копья) Нѣмецкія, щиты червленые, копья злаченныя, сабли булатныя, а дорога имъ вельми знакома, берега по Огѣ изготовлены, хотятъ головы свои сложить за вѣру Христіанскую и за твою обиду Государя Великаго Князя“.

Войско выступило разными дорогами изъ Москвы: одна бы дорога не вмѣстила его. Спереди ему солнце сіяетъ и *добрѣ* грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтеръ вѣетъ. Великая Княгиня Евдокія съ своей снохой, Княгинями и воеводскими женами всходитъ на свой златоверхій теремъ и изъ южныхъ оконъ смотритъ на своего Князя и на выходящее воинство. Раздается плачь ея, смягченный молитвою. Плачетъ она всего болѣе о двухъ своихъ малыхъ отрасляхъ, Князьяхъ Василин и Юрин, боится, чтобы вѣтеръ не похитилъ ихъ съ юга или запада, чтобы зной не сразилъ ихъ... Съ Дмитріемъ пошло десять гостей изъ Сурожа: имена ихъ, записанныя въ Сказаніи, обнаруживаютъ современника и очевидца дѣлу.

Слѣдуетъ описаніе похода до Коломны, какъ сборнаго мѣста всему войску. Сыны Руси идутъ на битву, словно меду пить аль винограду ѣсть: не меду пить, не винограду ѣсть идутъ они: хотятъ искупить честь и славное имя во вѣки землѣ Русской. Дивно и грозно было въ то время слышать — здѣсь уже ясенъ отголосокъ очевидца—громко въ варганы бьютъ, тихо трубятъ ратныя трубы съ поволокою, многогласно и часто кони ржутъ. А вотъ и еще отголосокъ изъ древняго Слова: звенитъ слава по всей Русской землѣ, велико вѣче бьютъ въ великомъ Новѣгородѣ, стоятъ мужи Новгородцы у святой Софіи премудрости Божіей, говорятъ таково слово: „уже намъ, братья, не поспѣтъ къ Великому Князю Дмитрію: какъ орлы слетѣлись со всей Русской земли, такъ съѣхались къ нему „дивные удалцы“. Новгородъ по этому хотя и не участвуетъ своимъ войскомъ въ великомъ дѣлѣ, но дума его у Святой Софіи одна со всею землею Русскою. По другому же списку есть прибавленіе о мужахъ Новгородскихъ, побудившихъ свою родину послать въ Коломну 6 воеводъ и 40,000 воиновъ. Видно, что всякая область Русская вмѣняла себѣ въ честь и славу участіе въ Донской битвѣ:

такъ греческіе города дорожили мѣстомъ въ Гомеровомъ спискѣ кораблей Ахейскихъ. Отсюда понятно всеобщее отвращеніе современниковъ къ Олегу Рязанскому, который взялъ сторону Мамаю противъ общаго дѣла земли Русской. Оправдать его нельзя никакимъ софизмомъ историческимъ.

У Коломны уряжено все воинство. Здѣсь всѣ подробности ярко указываютъ на современника. Перевезлись черезъ Оку. Между тѣмъ Олегъ Рязанскій, узнавъ о движеніи Дмитрія съ войскомъ и о духовной ему помощи отъ Сергія, утрашился сердцемъ и *распался мыслями*: толкуетъ онъ съ своими боярами, сердится на нихъ, что не подвигли его умолить царя Мамаю, чтобы не шель на землю Русскую, и утѣшается тѣмъ только, что не онъ одинъ оскудѣлъ умомъ, а Ольгердъ — и тотъ *продумался*. Но съ него Господь больше взыщеть, потому что онъ разумѣетъ законъ истинной вѣры, а не Петра гугниваго. Какъ малодушный, онъ рѣшается присягнуть тому, кому Господь поможетъ. Ольгердъ упрекаетъ Олега и остается неподвиженъ. Отца покидаютъ сыновья Андрей и Дмитрій Ольгердовичи и предаются Дмитрію, который шлетъ эту радостную вѣсть въ Москву къ Митрополиту Кипріану и къ Игумену Сергію. А между тѣмъ здѣсь молитвы не умолкаютъ. Великая Княгиня Евдокія, со всѣми убогими Москвы, молится по церквамъ и день, и ночь.

Передовая стража донесла, что Мамаевой силѣ и счету нѣтъ. Дмитрій держитъ совѣтъ съ Князьями: переѣзжать ли за Донъ, или нѣтъ? Ольгердовичи говорятъ: переѣзжать, чтобы ни одинъ воинъ и не мыслилъ назадъ; всякій будетъ биться безъ обмана, а въ великую силу Мамаю нечего вѣрить: не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ. — Переправились черезъ Донъ. Стража доноситъ, что уже близки Татары: радуются многіе Русскіе удалцы.

Тогда природа посылаетъ свои знаменія, напоминающія опять древнее Слово. Приходитъ на мѣсто битвы множество волковъ: по всѣмъ ночи воютъ непрестанно: страшно слышать, но храбрымъ полкамъ та гроза сердца утверждаетъ. Вѣроны собрались, неумолчно *граютъ*; галки свою рѣчь говорятъ; орлы съ устьевъ Дона приспѣли; лисицы на кости брешутъ, ждучи *дня грознаго, Богомъ изволеннаго*, когда множество труповъ человѣческихъ достанется имъ въ пищу и многая кровь прольется, какъ морскія воды. Отъ такого страха, отъ великой грозы дерева преклоняются и трава постигается... Многіе унываютъ, видя передъ очами смерть. Скорбью омрачаются поганые о погибели живота своего; цвѣтутъ правовѣрные, чая прекрасныхъ вѣнцовъ отъ Христа Бога Вседержителя. Вѣстники между тѣмъ непрерывно доносятъ о близости Татаръ — и вотъ уже одна только ночь разлучаетъ ихъ полки и наши.

Съ шестаго часа вечера Князь Дмитрій съ Княземъ Владиміромъ и съ Князьями Литовскими началъ уряживать полки. Воевода, прибывшій съ Литовскими Князьями, Дмитрій Бобровъ, родомъ Волинецъ, ставитъ войска по мѣстамъ.

Князь Великій съ своими братьями Князьями и воеводами выѣхалъ на высокое мѣсто и видить: прекрасенъ образъ великаго воинства, собравшагося на великую битву. Мысль, его подвигшая, носится надъ нимъ высоко. Образъ святой Иисусъ, изображенный на Христіанскихъ знаменахъ, свѣтится, какъ солнце. Знамена же вѣютъ, какъ облака, тихо трепещущія; хоругви, какъ живыя, пашутся; доспѣхи Русскіе, какъ воды во всѣ вѣтры, колеблются; шелома на главахъ золотомъ украшены, какъ утренняя заря во время ведряное; ловцы шоломовъ что пламя огненное. Ужасается творецъ Сказанія при мысли о такомъ воинствѣ. Ему памятно, при видѣ его, слово Литовскихъ Князей: „Не быть ни при насъ, ни прежде насъ, ни по насъ такому воинству: многое его множество, но что болѣ того: Господь Богъ силою своею вооружилъ его“. Дмитрій, увидѣвъ строи полковъ, обвеселился сердцемъ, сошелъ съ коня, палъ на колѣно прямо великому полку и черному знамени, на немъ же сіялъ образъ Иисуса Христа, и началъ изъ глубины сердца звать велегласно: „О владыко Господи Вседержителю! взгляни *смотриливымъ* окомя твоимъ на людей своихъ: они сотворены твоею рукою. Внуши, Господи, гласъ молитвы моей! Обрати, Господи, лице твое на нечестивыхъ съ яростію, они же зло творять рабамъ твоимъ“. Много говорилъ еще онъ въ молитвѣ. Потомъ съ коня своего такими словами привѣчалъ онъ полки: „Братья мои милые, сыны Русскіе отъ мала до велика, уже приспѣла ночь, приближился день грозный, бдите и молитесь всю ночь, мужайтесь и крѣпитесь! Силенъ во брани Господь: пребудьте на мѣстахъ своихъ спокойно. Утромъ не поспѣтъ такъ урядиться. Миръ вамъ да будетъ, мои братья. Завтра на насъ Татары, а мы всѣ будемъ готовы противу ихъ“!

Тепла и тиха наступила ночь, роняя мракъ на землю, ночь, по слову церковной пѣсни, несвѣтлая невѣрнымъ, а вѣрнымъ просвѣщеніе. „Войску вечерняя заря уже потухла“, таинственно сказалъ гадатель Волянецъ В. Князю первую примѣту, и оба выѣхали на Куликово поле брать примѣты. Дмитрій сталъ посреди межъ обонхъ войскъ, обратился къ полкамъ Татарскимъ, слышалъ оттолѣ стукъ и крикъ великій, какъ будто торги снимаются, или городъ ставятъ, или голосать трубы. А позади полковъ Татарскихъ волки воютъ вельми грозно, по правую сторону воробы и галки безпрестанно кричатъ; трепеть великій; птицы перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; на рѣкѣ, на Непрядвѣ, гуси, лебеди и утята крылами плещутъ, велику грозу подаютъ. Спросилъ Волянецъ Великаго Князя. „Что, Князь, слышалъ?“ Отвѣчалъ Князь: слышалъ, братъ, гроза великая. И сказалъ Волянецъ: „обратись же на полки Русскіе“. Обратились они—и была тихость великая. Волянецъ спросилъ: „что слышишь, господинъ?“—и сказалъ Князь: слышать нечего, а только видимъ: отъ множества огней заря поднимается—И сказалъ Волянецъ: „Князь господинъ! добрыя примѣты и знаменья: призывай Бога небеснаго, не оскудѣвай вѣрою“. — Еще есть у меня примѣта,

сказалъ Волынѣцъ, и, сошедъ съ коня, припалъ къ землѣ на правое ухо, пролежалъ долгой часъ, всталъ и опять поникъ. Спросилъ Великій Князь: „что, братъ, примѣта?“ А Волынѣцъ не хотѣлъ отвѣчать ему. Нудить его Великій Князь — и онъ сказалъ: „одна примѣта тебѣ на пользу, а другая скорбная! слышалъ я землю; плакалась она на двое: обѣ стороны плакали: одна, какъ жена, Эллинскимъ голосомъ; другая, какъ дѣвица въ свирѣль играющая. Будетъ побѣда на поганыхъ, но и Христіянъ падеть множество“. Прослезился Великій Князь: „да будетъ воля державѣ Господней!“ сказалъ онъ. — Въ ту же ночь сторожъ видѣлъ на высокомъ облакѣ двухъ свѣтлыхъ юношей: шли отъ востока, въ обѣихъ рукахъ мечи острые, и гласили они Татарамъ: „кто повелѣлъ вамъ истреблять отечество наше? намъ его даровалъ Господь“. И начали рубить войско. То были Борисъ и Глѣбъ.

Разсвѣтъ начальный день спасенія роду Христіанскому: день Рождества Богородицы. Пришелся онъ на Христово воскресеніе. Затрубили трубы съ обѣихъ сторонъ: Татарскія онѣмѣли, а Русскія утвердились. Полки еще не видятся: утро мгланое. А земля вельми стонетъ, грозу подаетъ на востокъ до моря, на западъ до Дуная. Поле Куликово пергибается, вострепетали луга и болота, рѣки и озера выступили изъ мѣстъ своихъ: никогда не бывало такихъ полковъ на мѣстѣ томъ. Димитрій раздѣзжаетъ по полкамъ, нося повсюду бодрое слово: „Отцы и братья! Господа ради подвизайтесь, святыхъ ради церковей и вѣры Христіанской! Сія смерть не въ смерть, но въ животъ вѣчный; земнаго не желайте: увяземся побѣдными вѣнцами Христовыми“. — Утвердивъ полки Русскіе, онъ снова сталъ подъ свое черное знамя, пересѣлъ на другаго коня, совлекъ съ себя приволоку царскую и въ другую облекся, а своего коня и приволоку отдалъ Михаилу Бренку. Ставъ на мѣстѣ своемъ, обратился онъ съ молитвою къ живоносному кресту на груди своей съ изображеніемъ страстей Господнихъ. Въ то время пришли письмо и святой хлѣбецъ отъ Игумена Сергія. Писаньемъ его укрѣпился онъ, какъ бронями твердыми; святымъ хлѣбцомъ подкрѣпилъ силы тѣла. Воеводы удерживали Князя отъ личнаго участія въ битвѣ; но онъ отвѣчалъ имъ: „братья мои милые, добрыя ваши рѣчи. Нѣтъ, уже общую чашу мнѣ пить съ вами. Умру— вмѣстѣ съ вами; живъ буду— вмѣстѣ съ вами же“.

Битва началась, какъ всѣ древнія битвы, вызовомъ Татарскаго исполина Телебѣя. Схимникъ-воинъ Пересвѣтъ вышелъ съ нимъ на единоборство и отнялъ у враговъ первую силу, отъ нея же пить бы было многимъ горькую чашу. Они ударились копьями, кони ихъ пали на-корачъ, и съ конями вмѣстѣ пали и воины бездыханные. Въ описаніи битвы слышны опять отголоски Слова*. „Треснули копыя харалужныя, звенять доспѣхи злаченныя, стучать щиты червленныя, гремятъ и блещутъ мечи и сабли булатныя. Текуть кровавыя ручьи, трепещутъ синія молніи отъ облистанія мечнаго; слышенъ громъ отъ копейнаго сломяенія“.

Иногда послѣ этихъ шумныхъ подражаній Слову, передающихъ звуки битвы, авторъ вставляетъ выраженіе сильнаго чувства, смягчая его религіозною мыслію: „Страшно видѣть этотъ грозный часъ смертный: въ единомъ часѣ и въ мгновеніи ока сколько тысячъ человѣкъ погибаетъ созданія Божія! Воля бо Господня совершается“.

Въ шестомъ часу Татары стали одолѣвать Русскихъ. Русскіе удалцы побиты, какъ сильныя древа сломались. Не туры взревѣли, взревѣли многіе воины, урываясь на землѣ подъ конскими копытами... Самого Великаго Князя уязвили.... Татары повсюду! Видя побоище, рвется Владиміръ Андреевичъ изъ своей засады, но сдерживаетъ его Волынѣцъ до восьмага часа. Сыны Русскіе въ полку его плачутся, видя друзей побиваемыхъ, порываясь туда, словно званые на бракъ вина пить. Тогда время было помолодѣть и старому, а молодому храбрости испытать. Но Волынѣцъ сдерживаетъ ихъ. Когда же приспѣлъ восьмой часъ, онъ закричалъ: „Князь Владиміръ! время пришло и часъ приспѣлъ! Дерзайте, братья и други, сила Святаго Духа помогаетъ намъ!“—Тогда выѣхали изъ дубравы единомысленные други, какъ соколы спущенные, и ударили на стада журавлиныя. Татары крикнули: увы намъ! Русь перемудрила насъ. Худшіе съ нами бились, а лучшіе соблюдались. — Дали тылъ Татары. Какъ лѣсъ они клонятся; какъ трава отъ косы постигается, такъ Русскими мечами сѣкутся Татарскіе полки. Мамай бѣжитъ и призываетъ боговъ своихъ: Перуна, Мокоша, еще другихъ боговъ неизвѣстныхъ и своего помощника Махмета. Побѣда рѣшена.

Князь Владиміръ, ставъ на костяхъ подъ чернымъ знаменемъ, не нашелъ Князя Дмитрія, брата своего, велѣлъ трубить сборъ, ждалъ часъ, а все нѣтъ его. Въ слезахъ поѣхалъ онъ по полкамъ разспрашивать: Братья, кто видѣлъ, кто слышалъ Государя своего, князя Дмитрія? Прекрасны отвѣты воиновъ: одинъ говоритъ: я видѣлъ его въ пятомъ часу, какъ онъ крѣпко бился; другой: а я видѣлъ еще позднѣе, какъ четыре Татарина напирали на него; третій рассказываетъ подробно этотъ бой и какъ Татары отбили его отъ Князя. Отроки разсунулись по великому грозному побоищу искать побѣдѣ побѣдителя. Но вотъ два воина Костромича уклонились въ дубраву и тамъ нашли Дмитрія, израненнаго, отдыхающаго подъ срубленною березой. Вѣсть о найденномъ пронеслась быстро. Скоро всѣ его окружили. Владиміръ возвѣщаетъ ему побѣду. Дмитрій отвѣчаетъ ему словами пасхальной пѣсни: „Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онъ“.

Привели ему коня кроткаго. Побѣдитель выѣхалъ на побоище; смотритъ: много побито его воинства, а поганыхъ вчетверо. „Неложна твоя примѣта“, сказалъ онъ Волянцу. Умываясь слезами, ѣздилъ онъ по полю и узнавалъ убитыхъ: тутъ лежатъ всѣ вмѣстѣ Князя Бѣлозерскіе, тутъ Михайлъ Бренко, а вотъ Пересвѣтъ, *починальникъ* побѣды! Погребеніе Христіанскихъ тѣлъ заключаетъ

событіе. Мамай бѣжить къ Кафѣ. Русская слава вознеслась надъ Татарами. Вѣсть о ней пошла по всѣмъ городамъ. Воздадимъ хвалу Русской землѣ, а Владиміръ и Ростовъ со всѣми городами воздають хвалу Богу.

Въ другихъ спискахъ прибавлено подробное возвращеніе Дмитрія въ Москву. Проходя Рязанскую землю, онъ велитъ воинамъ не касаться ни единаго ея колоса. Жена съ дѣтьми встрѣчаетъ его у Фроловскихъ воротъ. Благодарственные молитвы приносятъ побѣдитель во всѣхъ тѣхъ храмахъ, гдѣ молился, собираясь въ походъ, и заключаетъ ихъ въ обители у Сергія.

Сказаніе, какъ видимъ, хотя и принимаетъ нерѣдко оттѣнокъ эпическій, но остается всего болѣе вѣрнымъ историческому ходу событія и въ его правдѣ, въ его сущности, почерпаетъ живую мысль для своего единаго цѣлаго. Нельзя не пожалѣть, что этотъ зародышъ поэмы остался у насъ дичкомъ и не одушевилъ ни одного поэта въ художественномъ періодѣ новой Россіи. Древняя Русь, въ своемъ смиреніи, не тщеславилась своими подвигами, а все отдавала Богу. Новая Россія, увлеченная другими стремленіями, полюбила славу. Ея бы дѣло было воздать славою тѣмъ, которые не о славѣ, а о благѣ думали; но не туда устремила она очи. Подождемъ далѣе. Озеровъ въ своей трагедіи, внесши рыцарскую стихію въ дѣло Божіе и земское, совершенное Дмитріемъ, театральною ложью исказилъ событіе. Возведетъ ли когда нибудь Русскій поэтъ это народное сказаніе въ перлъ созданія художественнаго—рѣшить трудно; но мы скажемъ только, что, изучая поэзію Русскую въ этихъ самородныхъ дичкахъ, въ зародышахъ первоначальныхъ, чуждыхъ всякаго подражанія и вѣрныхъ одному духу народа, мы замѣчаемъ въ нихъ отсутствіе жи поэтического вымысла, а проникновеніе идеи красоты правдою дѣла, откуда можетъ выработаться новый самостоятельный характеръ Русской поэзіи, болѣе согласный съ народнымъ духомъ.

Суда по множеству разнообразныхъ списковъ Сказанія, украшенныхъ многими прибавленіями, видно, что оно своимъ содержаніемъ привлекало къ себѣ древнихъ грамотѣвъ и довольно часто служило любимую для нихъ темою. Позднѣйшее подражаніе ему, открытое Ундольскимъ и напечатанное Бѣляевымъ, по мнѣнію издателя, есть произведеніе конца XV вѣка. Его заглавіе: *Слово о Великомъ Князѣ Дмитрѣ Ивановичѣ и о братѣ его Князѣ Владиміръ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамайя*. Другой списокъ того же Слова, не столько полный, открытъ въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ Архимандритомъ Варлаамомъ; здѣсь оно названо: *Задонщина Великаго Князя Господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Ондръевича*²⁷). Для этого Слова послужили два подлинника: Сказаніе Рязанца Софонія, на которое оно ссылается, и Слово о полку Игоревѣ; но и отъ того, и отъ другаго произведенія оно далеко отстало. Въ немъ совершенно нарушена глубокая мысль, дающая единство Сказанію, и все сосредоточено въ личной похвалѣ Князьямъ Дмитрію и

Владимиру, какъ это видно и по самымъ заглавіямъ. Гораздо ярче выдается подражаніе Слову, но это подражаніе не живое, а мертвое. Находимъ частныя выписки изъ Слова, искажающія его поэтическое достоинство. Авторъ какъ будто передразниваетъ творца Слова, не понимая красотъ его. Но новооткрытый памятникъ весьма важенъ относительно къ двумъ своимъ подлинникамъ: онъ утвердилъ Сказаніе за Рязанцемъ Софоніемъ и окончательно подтвердилъ достовѣрность Слова о полку Игоревѣ.

Вскорѣ послѣ кончины Дмитрія Донскаго, умершаго въ 1389 году, написано было *Слово о житіи и о преставленіи Великаго Князя Дмитрія Ивановича Царя Русскаго*²⁸⁾. Впечатлѣніе дня кончины, имъ переданное такъ: „что нареку день той? день скорби и туги“ — и слова: „слышахъ многъ народъ глаголющъ: о горе намъ, братье! Князь Княземъ успе“, явно указываютъ на современника событію. Писалъ его риторъ, знакомый, какъ видно, съ Греческою словесностію. Нѣкоторыя мѣста оборотами Греческими и темнотою выраженія обличаютъ Греческій подлинникъ, съ котораго переведены. Упоминаются философы Платонъ и Пифагоръ. Судя по нѣкоторымъ приемамъ, можно бы было приписать слово тому же Епифанію, который написалъ житія Святыхъ Сергія и Стефана Пермскаго. Еще Карамзинъ восхищался краснорѣчіемъ этого Слова, увлекаясь иными выраженіями, какъ напримѣръ: *златоперсистый голубъ и сладкоглаголющая мастовица*, когда авторъ говоритъ о Дмитріи и Евдокіи, или: *оскупѣла земля Русская во дни княженія его!* Ему нравился также плачь Евдокіи по смерти супруга; правда, въ немъ есть нѣкоторые живые отголоски простаго чувства горящей вдовы, но этой простотѣ мѣшаетъ риторическое многословіе. Была мысль у автора представить въ Дмитріи образецъ человѣка, государя, сына, супруга, отца. Намъ привлекли бы всего болѣе личныя черты Дмитрія и чувства къ нему народа; но, къ сожалѣнію, здѣсь истина затымилась въ гиперболахъ похвальнаго слова, которое принимаетъ по временамъ тонъ акаѳиста, иногда же искажается умышленно. Такъ напримѣръ, извѣстно, что Дмитрій не хотѣлъ, слѣдуя примѣру предковъ, постричься въ монахи передъ кончиною, а въ Словѣ сказано: „во чернечскія ризы по вся дни желаше облещися“. Дмитрій былъ монахомъ во внутренней своей жизни, не желая внѣшняго образа, чтò гораздо важнѣе для государя. Первая черта его нравственнаго характера была цѣломудріе: Слово выставляетъ ее. Замѣчательны также отношенія его къ боярамъ. Слово выражаетъ ихъ, влагая въ уста умирающему Дмитрію такія слова, къ нимъ обращенныя: „Вѣдаете обычаи мои и нравъ: передъ вами родился, и при васъ возросъ, съ вами и царствовалъ, и землю Русскую держалъ 26 лѣтъ, и мужествовалъ съ вами на многія страны, враговъ покорилъ, княженіе укрѣпилъ, миръ и тишину землѣ сотворилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, къ вамъ честь и любовь имѣлъ, подъ вами города держалъ и великія волости, и чадъ вашихъ лю-

Слово о житіи и преставленіи В. К. Дмитрія.

биль, никому не сдѣлалъ зла, ни силой что отнялъ, не досадилъ, не укорилъ, не разграбилъ, не безчинствовалъ; но всѣхъ любилъ и всѣхъ въ чести держалъ, и веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ; вы же не назывались у меня боярами, но Князьями земли моей“. Это—лучшее мѣсто въ Словѣ, потому что слова Димитрія къ боярамъ взяты, конечно, изъ его жизни и вѣрно опредѣляютъ подвигъ бояръ его времени, мудрымъ совѣтомъ которыхъ утвердился престолъ Московскаго еди-нодержавія. Другой же подвигъ самоотверженія бояръ Русскихъ на Куликовомъ полѣ славить Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ такими словами, которыя обращаетъ къ Князю Димитрію бояринъ Московскій: „нужь, Господинъ Князь Великій Димитрій Ивановичъ, нѣту у насъ боляриновъ Московскихъ большихъ собокъ, а двѣнадцати Князей Бѣлозерскихъ, а трехъ боляриновъ посадниковъ Новгородскихъ, двадцати боляриновъ Коломенскихъ, сорока боляриновъ Серпуховскихъ, а двадцати боляриновъ Переяславскихъ, а двадцати пяти боляриновъ Костромскихъ, а тридцати пяти боляриновъ Володимерскихъ, а восьми боляриновъ Суждальскихъ, а сорока боляриновъ Муромскихъ, а тридцати боляриновъ Ростовскихъ, а двадцати пяти боляриновъ Дмитровскихъ, шестидесяти бояръ Можайскихъ, дридцати бояръ Звенигородскихъ, а пятнадцати боляриновъ Углѣцкихъ, а сгинуло у насъ дружины полтретья ста тысячъ“. Такая жертва, принесенная боярами всей Руси на Куликовомъ полѣ за свободу отечества, объясняетъ источникъ тѣхъ прекрасныхъ словъ, которыми прощался умиравшій Димитрій съ боярами, оружавшими смертнѣйшій одръ его.

Лѣтописи.

Лѣтописи XIV вѣка — Московская, Новгородская и Псковская — обнаруживаютъ явные слѣды очевидцевъ событіямъ и современниковъ. Знаменія небесныя, наполнявшія суевѣрнымъ страхомъ сердца народа; пожары, истреблявшіе цѣлыя города; грабежи, нерѣдко ихъ сопровождавшіе, не только въ домахъ горожанъ, но и во храмахъ Божіихъ; Черная Смерть со своими роковыми признаками; голодъ и дороговъ — обличаютъ людей, которые слѣдили за примѣчательными событіями и передавали ихъ правдиво, съ подробностями вѣрными. Нерѣдко эти описанія сопровождаются размышленіями, иногда же вздохами сердца, чувствующаго скорбь современной жизни. Московская лѣтопись слѣдитъ за видимымъ ростомъ Великаго Княженія Московскаго, которое въ лицѣ своего Князя приводитъ всѣхъ Князей Русскихъ подъ свою волю. Три важныя событія въ борьбѣ нашей съ Татарами: Мамаево побоище, славное нашею побѣдою, несчастное наше ствіе Тохтамышева, покрывшее Москву вновь позоромъ и запустѣніемъ, грозная Тамерланова туча, отведенная отъ Москвы чудесной силою, округлены въ особыхъ повѣстяхъ или сказаніяхъ, гдѣ слышны отголоски жизни. Плачется такъ добрый Москвитинъ надъ своею Москвою послѣ Тохтамышева разгрома: „Быль прежде Москва градъ великъ, градъ чудень, градъ многочеловѣченъ: въ одинъ часъ измѣнился, когда былъ взятъ, посѣченъ, пожженъ. Нечего видѣть, развѣ только землю

и персть, прахъ, пепель, трупы мертвыхъ, святыя церкви разоренныя, осиротѣлыя, овдовѣвшія. Плачется Церковь о чадахъ церковныхъ... Гдѣ красота церковная? Перестала литургія, перестала просфора, приношеніе на святомъ жертвенникѣ, перестала молитва заутренняя и вечерняя, пересталъ гласъ псалму, по всему городу умолкли пѣсни. Увы мнѣ! страшно слышати, страшиѣ было видѣти! Гдѣ четцы и пѣвцы? гдѣ клиросники, гдѣ церковники? гдѣ священники, служащіе Богу день и ночь? Всѣ лежать, всѣ уснули и почили, всѣ посѣчены, всѣ избиты. Нѣтъ звона въ колокола, нѣтъ удара въ било, нѣтъ зовущаго, ни текущаго...“ Страшный сонъ Тамерлановъ — гора высокая и съ горы святители, идущіе на него съ золотыми жезлами, а на воздухѣ надъ святителями жена въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства—есть, конечно, отголосокъ народной вѣры и народныхъ сказаній.—Иногда лѣтописецъ влагаетъ такія слова въ уста ханамъ Ординскимъ, которыя вглами вбиваются въ честь Русскихъ Князей, начиная съ Московскаго. Такъ Тохтамышъ, Воложскій и всѣхъ ордъ высочайшій царь, говоритъ Мпхану Тверскому: „я улусы свои самъ знаю, и каждый Князь Русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою и я его жалую, а что неправда предо мною улусника моего Князя Дмитрія Московскаго, и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою, и я его жалую по старинѣ во отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину во Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую“.

Обличеніе въ порокахъ времени, въ порокахъ, къ сожалѣнію, народныхъ, совершается съ тою искренностію, которая внушаетъ намъ довѣріе къ исторической правдѣ нашихъ лѣтописей. Пьянство и разгуль Князей, бояръ и воеводъ Нижегородскихъ, Суздальскихъ и Московскихъ, бывшія причиною ихъ пораженія отъ Татаръ на рѣкѣ Пьянѣ, переданы со всѣмъ отвращеніемъ къ позору дѣла. Подобное же поведеніе народа въ Москвѣ, которую оставили В. Князь Дмитрій и Митрополитъ Кипріанъ, поражаетъ также грустною вѣрностью описанія. Безчеловѣчные поступки Смольнянъ съ Литовцами, при осадѣ Мстиславля, въ 1386 г. переданы также безъ утайки. Коварный поступокъ боярина Василія Румянца съ Нижегородскимъ Княземъ Борисомъ Константиновичемъ обличенъ сильно, но хладнокровно.

Хотя лѣтописи, по всему вѣроятію, пишутся духовными лицами; но смуты и соблазны Церкви не скрыты. Сколько благодарности и теплаго сочувствія мы видимъ къ миролюбію Сергіеву, къ пастырской заботливости Алексія, — столько же неблаговоленія къ честолюбію и роскоши самопоставленника попа Митяя и къ смѣлому домогательству Пимена. Наружность и характеръ Митяя, по всѣмъ примѣтамъ, переданы человѣкомъ, знавшимъ его лично. Отдана вся справедливость его способностямъ, его рѣчи легкой, чистой и громогласной, его обширной начитанности, которыми привлекъ онъ къ себѣ любовь Дмитрія. Но роскошь его драгоценныхъ одеждъ, которыя онъ любилъ мѣнять ежедневно, ослѣпляя вѣнш-

ностью глаза его окружавших, обличена строго лѣтописцемъ. Пораженный соблазномъ его внезапнаго постриженія въ иноки и немедленнаго назначенія въ Архимандриты, въ чемъ участвовалъ произволъ великокняжеской власти, лѣтописецъ позволяетъ себѣ въ описаніи этого событія рѣзкую пронию. „Пришелъ попь какъ будто неволею, говоритъ онъ, въ монастырь Св. Спаса, послали по Чудовскаго Архимандрита Елисея Четечку, и пришелъ Чудовскій Архимандритъ Елисей Четечка, и постригъ попа Митяя во святой Ангельскій иноческій образъ въ церкви, въ монастырѣ Св. Спаса внутри города. И такъ до обѣда былъ попь мірской, также инокъ, а послѣ обѣда Архимандритъ: до обѣда пришелъ попь мірской и постригся во иноческій чинъ, а послѣ обѣда вышелъ начальникъ и пастырь и учитель“. Самыя прозванія попа Митяя, Архимандрита Четечки, и другія, какъ напримѣръ, Архимандрита Ивана Непенцы, кроткаго, тихаго и смиреннаго, протодьякона Давида, прозваннаго Дашею Московскимъ, обнаруживаютъ краски современной жизни, оживляющія однообразный ладъ лѣтописнаго разсказа.

Борьба удѣльная и духъ возрастающаго Московскаго единодержавія, ревнивый ко всякой отдѣльной власти, отзываются нерѣдко въ Московской лѣтописи. Споръ Москвы съ Рязанью, вражда Дмитрія съ Олегомъ, наполняютъ почти все княженіе Дмитріево. Эта вражда внушаетъ Московскому лѣтописцу бранныя слова о Рязанцахъ, соперникахъ Москвичей, по случаю описанія похода Московскаго войска на Рязань въ 1371 году. Онъ называетъ ихъ людьми суровыми, свирѣпыми, высокоумными, гордыми, и все болѣе и болѣе увлекаясь, даже полоумными и безумными людьми, наконецъ, чюдищами. Въ порывѣ высокоумія сказали они другъ другу, говоритъ онъ: „не берите съ собою доспѣховъ, ни щитовъ, ни копій, ни сабель, ни стрѣлъ; но возьмите съ собою только веревки да ремни, чтобы ими вязать Москвичей слабыхъ, робкихъ, некрѣпкихъ“. Наши же со смиреніемъ и воздыханіемъ уповали на Господа Бога, на Пречистую Богородицу и на великихъ чудотворцевъ, понеже отъ Бога дается помощь смиреннымъ; не въ силѣ, но въ правдѣ даетъ онъ побѣду... И видѣлъ Господь Богъ смиреніе Москвичей и вознесъ ихъ, а Рязанцевъ гордость низложилъ, по словамъ премудраго Соломона: „Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“. Но не до смерти Дмитрія длится эта вражда Москвы съ Рязанью: ее гаситъ сила духовная. Св. Сергій Радонежскій, въ 1385 году, является примирителемъ Дмитрія и Олега: „старецъ чудный, какъ говоритъ лѣтописецъ, тихими и кроткими словами и рѣчами, и благоувѣтливыми глаголами, много бесѣдовалъ о пользѣ душевной, о мирѣ и любви съ Олегомъ“, прекращаетъ эту вражду и устраиваетъ между нимъ и Дмитріемъ вѣчный миръ и любовь. Позднѣе бракъ сына Олегава Феодора съ дочерью Дмитрія Софіею упрочилъ этотъ союзъ.

Передавая Новгородскія событія, Московскій лѣтописецъ любитъ особенно выставить духъ Новгородскаго своеволія: какъ Новгородцы не слушаются князей

Московскихъ, не хотятъ суда Митрополичьяго и, подобно аспиду, затыкаютъ уши отъ учительнаго слова Митрополита Кипріяна; какъ Новгородскіе ушкуйники совершаютъ грабежи по Волгѣ, разоряютъ Кострому, Нижній и Астрахань, и пьяные всѣ тамъ побиты; какъ Новгородъ великій, весь отъ мала до велика, отъ убогихъ и нищихъ, защищаетъ Двинскіе пригороды и волости Св. Софіи, которые отнялъ у нихъ В. Князь Московскій Василій Димитріевичъ. Въ одномъ мѣстѣ сгорѣвшей Троицкой лѣтописи такъ выражается о Новгородцахъ лѣтописецъ: „Таковъ бо есть обычай Новгородцевъ: часто *правають* (присягаютъ) во Князю къ Великому, и пакы *рагозятся* (ссорятся), и не чудися тому: бѣша бо челоуѣци суровы, непокоривы, упрямчивы, непоставни.... Кого отъ Князь не прогнѣваша? или кто отъ Князь угоди имъ, аще и Великій Александръ Ярославичъ не уноровилъ имъ?... и аще хоцеши распытовати, разгни книгу, Лѣтописецъ Великій Русскій, и прочти отъ Великаго Ярослава и до сего Князя нынѣшняго“.... Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ называетъ Новгородцевъ *опчниками, крамольниками, суровыми, свиртлыми людьми*.

Иногда, становясь выше всѣхъ этихъ внутреннихъ раздоровъ, лѣтописецъ предается такимъ размышленіямъ: „всѣ одинъ родъ и племя Адамово, и цари и князья и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесленники и рабочіе люди, одинъ родъ и племя Адамово, и забывшись другъ на друга враждуютъ и ненавидятъ и грызутъ и кусаютъ, удаляясь отъ заповѣди Божіей любить искренняго своего какъ самого себя“.

Вѣроятно, были лѣтописи и по другимъ знатнѣйшимъ удѣльнымъ городамъ, продолжавшимъ распрю съ Москвою; но замѣчательно, что ни Рязань, ни Тверь не сохранили намъ своихъ, а сохранены онѣ только двумя народными общинами — Новгородомъ и Псковомъ.

Духъ Новгородскій, вѣра въ силу Св. Софіи, любовь къ своему Новгороду, благодарность къ его строителямъ и украсителямъ, одушевляютъ лѣтописи Новгорода. Лѣтописецъ молится за души Новгородцевъ, которые въ 1301 году, сражаясь подъ предводительствомъ Князя Андрея Александровича у Шведскаго города Ландскрона, вѣнца земли, положили свои головы за Св. Софію. Подъ 1331 годомъ, выставляя високоуміе Пскова, который вздумалъ помимо Новгорода ставить себѣ владыку, лѣтописецъ говоритъ грозно: „но Богъ и святая Софія низлагаетъ всегда высокомыслящихъ“. И какъ Новгородцамъ не любить было Св. Софіи? Она въ общественныхъ бѣдахъ предлагала имъ помощь и, когда въ 1391 году выгорѣлъ Новгородъ, Св. Софія выдала ему изъ палатъ своихъ 5,000 серебра, накопленныхъ владыкой Алексіемъ, по тысячѣ на каждый изъ пяти концовъ его.

Говоря объ Архіепископѣ Василю и его трудахъ для украшенія Св. Софіи, лѣтописецъ обнаруживаетъ его современника, принося молитвы Богу и Св. Софіи Премудрости Божіей за него съ его дѣтьми Новгородцами. Другой сказатель, въ

Новгород-
ская.

концѣ столѣтія, молится также за Архіепископа Іоанна. Весьма часто отзывается въ лѣтописи живое слово Новгородское изъ жизни народной, такъ напримѣръ: „не было пословицы Псковичамъ съ Новгородцами“; или Псковичи говорятъ Новгородцамъ; „господа братія! како печалуется нами, своею братьею молодшею“? — или: „ходили изъ Новгорода люди молодые на Волгу, безъ Новгородскаго слова“. Въ то время, какъ Князь Василій отнимаетъ у нихъ Двинскіе пригороды и волости, Новгородцы благословляются у владыки Іоанна и говорятъ: „или паки *изнайдемъ свою отчину* къ святой Софіи и къ Великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за святую Софію и за своего господина, за Великой Новгородъ“. — Изображая вѣчевыя распри двухъ сторонъ Новгородскихъ, Софійской, или Зарѣцкой, и Славянской, или Торговой, лѣтописецъ не держится ничьей стороны, а, возвышаясь надъ ними, радуется тому, если духовною силою владыки Василія или владыки Моисея миръ водворенъ былъ между ними и *возвеличенъ крестъ*. Лѣтописецъ отзывается всѣмъ великимъ событіямъ отечества — и битвѣ Вожской, и битвѣ Куликовской, и нашествію Тохтамыша, и грозѣ Тамерлановой. Мысль о всецѣломъ единствѣ Россіи уже таится въ духѣ историческихъ преданій и зоветъ избранныхъ людей отъ мѣстныхъ интересовъ родины къ великой мысли отечества. Когда въ 1352 году умеръ Шведскій Король Магнусъ, — конечно, Новгородцы сочинили его предсмертное рукописаніе, въ которомъ онъ самъ рассказываетъ о пораженіяхъ, какія терпѣлъ отъ Новгородцевъ, какъ Богъ отъялъ у него умъ, и сидѣлъ онъ годъ въ палатѣ прикованъ цѣпью и задѣланъ, какъ сынъ освободилъ его оттуда, какъ потерпѣлъ онъ кораблекрушеніе на морѣ, и какъ всѣми этими бѣдами Богъ казнилъ его за высокоуміе и за то, что онъ наступалъ на Русь.

Псковская. Псковская лѣтопись подробно описываетъ событія Пскова, войны съ Нѣмцами, отношенія къ Новгороду, строгіе церкви, но отзывается также и на общія событія отечества. Духъ народный виденъ особенно въ любви Псковичей къ изгнаннику Твери, Князю Александру Михайловичу, котораго Москва и Тверь выдали Орду, а Псковъ защищалъ, сколько могъ. Была туга и печаль, и молва многая по боголюбивомъ Князѣ Александрѣ, когда онъ оставилъ родину Ольгину, согласясь лучше пожертвовать собственною жизнію, нежели навести на Христіанъ новое кровопролитіе отъ Ханскаго гнѣва.

**Тверскія
событія.**

Тверскія событія вошли въ Московскія: Тверская лѣтопись поглощена Московскою, какъ сама Тверь — Москвою. Такъ и видно, какъ растущая сила сей послѣдней тяготѣетъ надъ ея сѣвровою сосѣдкой и соперницей. Орда и Литва ставятся въ укоръ Твери, какъ и Рязани. Но духъ вѣры, возвышаясь надъ духомъ земныхъ интересовъ, озаряетъ три событія въ исторіи Тверскихъ Князей, въ которыхъ участвуютъ три поколѣнія: дѣдъ, сынъ и внукъ. Первое — мученическая смерть В. Князя Михаила Ярославича въ орду, въ 1319 году, при Ханѣ Кав-

гады; событіе записано лѣтописцемъ по разсказамъ священниковъ, бывшихъ при немъ; второе — такая же смерть сына Михайлова Александра, любимца Псковичей, при ханѣ Узбекѣ или Азвякѣ, въ 1338 году; третье — постриженіе въ иноки Михаила, Александрова сына. Оно совершилось въ самомъ концѣ столѣтія, въ 1399 году. Имъ кстати заключимъ и XIV вѣкъ: въ немъ живая его характеристика.

Михайлъ былъ сыномъ и внукомъ двухъ мучениковъ, князей Тверскихъ, которые въ ордѣ своею великодушною смертію искупили жизнь множества Христіанъ. Родился онъ во Псковѣ, когда отецъ его Александръ жилъ въ великой скорби и напасти. Крестилъ его владыка Новгородскій Василій и потомъ восьмилѣтняго по обычаю времени, какъ крестный отецъ, училъ грамотѣ, ввѣривъ его своему протодіакону. Въ малолѣтствѣ Михайлъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ бѣдствій отца, гонимаго ордою и всею Русью, кромѣ Пскова. Воспоминаніе о кровавой кончинѣ дѣда, конечно, носилось также надъ его дѣтствомъ. Княженіе его въ Твери было отрадою для Тверичей. Тридцать четыре года оно продолжалось. За милостыню, которую щедро посылалъ онъ въ Царьградъ къ Святой Софіи, Патріархъ прислалъ ему свое благословеніе и икону страшнаго суда. Михайлъ принялъ этотъ даръ за предзнаменованіе своей кончины и за указаніе свыше принять передъ нею иноческій образъ. Однажды, во вторникъ, когда Князя, бояре и всѣ люди ждали минуты входа къ нему для дѣлъ градекаго управленія, Михайлъ призвалъ къ себѣ Епископа Арсенія и объявилъ ему свое желаніе, по срътеніи Патріаршей иконы, оставить міръ и постричься въ иноки. Послѣ долгой бесѣды Князь просилъ Епископа успокоить его семью, когда она о томъ узнаетъ. Епископъ вышелъ отъ Князя, и скоро молва объ его желаніи разнеслась по городу. Все пришло въ движеніе: Княгиня, сыновья, бояре, отроки, всѣ люди заплакали. Икона Патріарха вступала въ городъ; все духовенство торжественно вышло къ ней на встрѣчу; вышелъ и Князь Михайлъ. Принявъ икону, отслушавъ передъ нею соборный молебенъ и угостивъ пословъ и все духовенство пиромъ, онъ повелѣлъ нести икону въ соборную церковь Преображенія и самъ радостно пошелъ за нею. Поставивъ ее на правой сторонѣ близъ алтаря и приложившись къ ней, Князь далъ обѣщаніе уже не возвращаться въ домъ, а теперь же оставить славу княженія. Тутъ началось его прощаніе съ міромъ и народомъ.

„Исходитъ онъ изъ церкви красными вѣртами, а за нимъ народъ: множество людей безчисленное. Онъ сталъ на высококомъ помостѣ передъ церковію, поклонился всѣмъ людямъ, прося у нихъ прощенія, и такъ говорилъ имъ: „братія моя дружина, добрые сыны Тверскіе, мнѣ Господь Богъ доселѣ повелѣлъ быть у васъ: нынѣ же простите меня. Оставляю вамъ любимаго и старѣйшаго сына моего Василія, да будетъ онъ вамъ князь въ мое мѣсто; имѣйте любовь къ нему, какъ имѣли ко мнѣ, и онъ о Богѣ да соблюдетъ васъ“. Люди слышали это и горько

Постриженіе В. К. Михайла Тверскаго.

взрыдали, говоря: „какъ ты нынѣ отходишь! куда идешь отъ насъ? О Тверская великая свобода и честная слава сыновъ Тверскихъ! великій стражъ Тверскаго города! какъ орелъ, ты стерегъ свое гнѣздо: тобою сыны Твери и въ другихъ странахъ честны и необижены жили!“—и былъ плачь великій въ людяхъ“. — Михаилъ же смиренно поклонился и, подавъ всѣмъ любовь и миръ, пошелъ въ монастырь Св. Аѳанасія на постриженіе. Въ инокахъ онъ принялъ имя Матѳея, поселился въ кельѣ у инока Григорія, заболѣлъ, принялъ схиму и, восемь дней бывъ инокомъ, скончался. Его смерть наполнила весь городъ рыданьемъ. Гости, которыхъ много было тогда въ Твери изъ всѣхъ странъ, плакали заодно съ Тверичами, видя такую любовь народа къ Князю.

Такъ скончался Михаилъ, выразивъ передъ кончиною въ своемъ послѣднемъ подвигѣ главную мысль вѣка, покоривъ въ себѣ князя иноку; но не такъ поступали уже Московскіе Князья — и Дмитрій не захотѣлъ передъ смертью монашескаго куколя²⁹⁾.

Народныя
пѣсни эпо-
хи Татар-
ской.

Нѣкоторыя событія Русской исторіи въ XIV вѣкѣ, относяціяся къ Татарщинамъ, отзываются въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. Здѣсь мѣсто коснуться того слоя, который положила въ нихъ Татарская эпоха. Карамзинъ думалъ, что изъ народныхъ нашихъ пѣсенъ „особенно историческія о благословенныхъ временахъ „Владимира Святаго, были сочинены въ вѣки нашего рабства государственнаго, „когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества“. Но и Владиміръ въ этихъ пѣсняхъ не всегда является въ блескѣ славы, любезной Русскому сердцу, а, напротивъ, иногда въ позорѣ униженія.

Есть пѣсни, есть отрывки въ пѣсняхъ, которыя дышатъ чувствомъ самой живой, самой современной скорби о тяжеломъ гнѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается Русская пѣсня о Калинѣ царѣ, когда онъ силою своею окружилъ Кіевъ на сто верстъ во всѣ четыре стороны:

За чѣмъ мать сыра земля не погнется?
За чѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Когда же въ другое время съ такою энергическою силою могла выразиться народная ненависть къ Татарамъ, какъ она выражается въ этихъ стихахъ?

Есть три пѣсни эпическія въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кириши Данилова, и три пѣсни лирическія, народныя, колыбельныя, въ которыхъ слы-

шенъ живой отголосокъ Татарщины. Первые: Щелканъ Дудентьевичъ, Калининъ-царь, изъ которой приведенъ отрывокъ, и Михайло Казариновъ.

Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ имѣетъ предметомъ событіе, случившееся въ Твери въ 1326 году. Щелканъ Дудентьевичъ есть Шевкаль, сынъ Дюденева, двоюродный братъ Узбека или Азвяка, какъ онъ названъ въ пѣсни. Шевкала прозвали Щелканомъ, конечно, современники: такъ называютъ его и нѣкоторые лѣтописи. Пріѣхавъ посломъ въ Тверь, говоритъ лѣтописецъ, онъ хотѣлъ посадить князей Татарскихъ по Русскимъ городамъ, а самъ сѣсть на великомъ княженіи въ Твери и Христіанъ привести въ Татарскую вѣру. Мало дней провелъ онъ въ Твери, а много зла причинилъ Христіанамъ. Вспыхнула невоздержная Тверь въ лицѣ своего Князя Александра Михайловича. Онъ созвалъ Тверичей и пошелъ на посла вооруженною силою. Вышелъ и Шевкаль Дюденевиичъ съ Татарами. Бились съ самага утра цѣлый день. Къ вечеру одолѣлъ Александръ, и Шевкаль побѣжалъ во дворець свой. Но Тверичи подожгли сѣни и весь дворъ. Шевкаль сгорѣлъ съ своими Татарами; а гостей Ордынскихъ, и старыхъ, и вновь пришедшихъ, Тверичи кого изрубили, кого утопили, кого сожгли на кострахъ. Такъ лѣтопись передала событіе, стоившее пылкой Твери великихъ бѣдствій.

Щелканъ
Дудентье-
вичъ.

Пѣсня начинается съ большой Орды.

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой, —
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ
Сидитъ тутъ Царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
Суды рассуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.

Азвякъ даритъ своихъ шурьевъ стольными городами. Замѣчательно, что шурья всѣ носятъ Русскія имена: Василій, Гордѣй, Афромиѣй. Но любимаго шуря, Щелкана Дудентьевича, Азвякъ не пожаловалъ потому, что онъ былъ въ отсутствіи: брать въ Литвѣ *дани, невыходы, царски невыплаты*. А вотъ какъ онъ брать ихъ, изображая собою корыстолюбіе Татарское:

Съ Князей брать по сту рублей,
Съ бояръ по нятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублей:
У котораго денегъ нѣтъ,

У того дитя возметь;
 У котораго дитя нѣтъ,
 У того жену возметь;
 У котораго жены-то нѣтъ,
 Того самого головой возметь:

Щелканъ, воротясь въ орду съ данью, просить у царя Азвяка Твери:

Пожалуй ты, Царь Азвякъ,
 Пожалуй ты меня
 Тверью старою,
 Тверью богатою.
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.

Въ пѣсни Борисовичи замѣняютъ князя Александра Михайловича. Они отчествомъ своимъ напоминаютъ Бориса Константиновича, Князя Нижегородскаго, имѣвшаго много сношеній съ Татарами. Азвякъ соглашается не иначе отдать Тверь Щелкану, какъ цѣною крови его собственнаго сына.

Гой еси, шуринъ мой,
 Щелканъ Дудентьевичъ!
 Заколитко-то сына своего,
 Сына любимаго,
 Крови ты чашу нацѣди,
 Выпей ты крови твоея,
 Крови горячія;
 И тогда я тебя пожалую
 Тверью старою,
 Тверью богатою,
 Двумя братцами родимыми,
 Дву удалыми Борисовичи.

Щелканъ согласился: онъ закололъ своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови, выпилъ ее — и тогда царь Азвякъ пожаловалъ его Тверью: такимъ образомъ, кровопийца своего сына сълъ на Тверскомъ княженіи. Безчестье вдовъ, позоръ красныхъ дѣвъ, ругательство надъ семьями, возбудили гнѣвъ въ мужикахъ посадскихъ, которые принесли на то жалобу князьямъ Борисовичамъ. Отъ народа понесли они подарки Щелкану, и, когда онъ, принявъ подарки, не воздалъ имъ чести, да еще притомъ загордился, тогда разорвали его на части.

Тутъ смерть ему случилася
 Ни на комъ не сыскалося.

Пѣсня: *Калинъ-царь*, напоминаетъ нашествіе Батыево на Кіевъ и Тохтамышево на Москву. Несмѣтная сила Татарская обступила Кіевъ кругомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Отъ конскаго пару померкли мѣсяць и солнце. Калинъ посылаетъ ярлыкъ ко Князю Владиміру съ Татаринномъ, что нѣтъ его выше: онъ мѣрю трехъ сажень, голова съ пивной котель въ сорокъ ведеръ, промежь плечами косая сажень. Калинъ въ ярлыкѣ пишетъ, что возметъ онъ Кіевъ, Владиміра въ полонъ полонить, Божьи церкви на дымъ пустить. Татаринъ съ презрѣніемъ вступаетъ въ Кіевъ и въ свѣтлую гридню Князя: Спасову образу не молится, Владиміру Князю не кланяется, а въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ. Онъ бросаетъ ярлыки на столъ передъ Княземъ и велитъ поскорѣ сдать Кіевъ, безъ напраснаго кровопролитія. Такимъ презрительнымъ обхожденіемъ Татарина народъ рисовалъ въ своемъ воображеніи поступки Татарскихъ баскаковъ. Плачетъ Князь, гляючи въ ярлыки: богатырей въ Кіевѣ нѣтъ. Это напоминаетъ горькую участь Москвы въ Тохтамышево нашествіе: у Дмитрія также не случилось войска, потомучто, кромѣ распрей въ князьяхъ и боярахъ, вредившихъ силамъ Россіи, оскудѣла людьми Русская земля отъ Мамаева побопща за Дономъ. — Еще Татаринъ не выѣхалъ изъ Кіева, какъ Василій пьяница воѣжалъ на стрѣльную башню, взялъ тугой лукъ разрывчатой, калену стрѣлу переную, навелъ трубками нѣмецкими, стрѣлялъ въ Калина-царя, а попалъ въ зятя его Сартака: стрѣла угодила ему въ правый глазъ, и ушибъ Василій его до смерти. Лѣтописецъ рассказываетъ о томъ, какъ народъ въ осажденной Москвѣ пьянствовалъ и всячески ругался надъ Татарами, и въ то самое время, какъ бросали на нихъ камнями и стрѣляли изъ самострѣловъ, одинъ Московскій гражданинъ, суконникъ по ремеслу, Адамъ по имени, съ Фроловскихъ воротъ пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ какого-то славнаго и знатнаго изъ князей Ординскихъ, что много причинило горя Тохтамышу и князьямъ его.

Калину-царю тоже за бѣду стало, говоритъ пѣсня, отзываясь исторіи. Онъ посылаетъ къ Владиміру другаго Татарина, чтобы выдалъ виноватаго. На ту пору пріѣзжалъ въ Кіевъ Илья Муромецъ. На первый вопросъ Князя: что дѣлать? Илья совѣтуетъ послать подарочки. Здѣсь опять отзывъ на событія: Митрополитъ Кипріанъ въ извѣстномъ Сказаніи совѣтуетъ также послать Мамаю золота. Илья вызывается самъ ѣхать вмѣстѣ съ Владиміромъ и везти къ Калину подарки. Тогда Князь наряжался поваромъ, замарался сажею котельною и ѣдетъ къ Калину-царю въ слѣдъ за Татаринномъ. Здѣсь пѣсня горькимъ упрекомъ намекаетъ на тѣ униженія, какія Русскіе Князья выносили въ Ордѣ, кланяясь своимъ покровителямъ Ханамъ. Илья, выведенный изъ терпѣнья бранью и грубыми поступками Калина и лишенный своей палицы, до которой его не допускаютъ, хватаетъ того же Татарина, что ѣздивъ въ Кіевъ.

И зачалъ Татариномъ помахивати:
 Куда ли махнетъ — тутъ и улицы лежать,
 Буди отвернетъ — съ переулками,
 А самъ Татарину приговариваетъ;
 „А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
 А жловать, собака, не избрвется“.

Лишь только Илья выговорилъ это слово, какъ голова Татарина оторвалась и угодила *по силъ вдоль*: бьетъ ее, ломитъ и въ конецъ губить. Побѣжали Татары. Илья воротился къ Калину-царю, схватилъ его за бѣлы руки и, приговаривая:

Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
 Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ,

поднялъ выше головы своей, ударилъ о горючъ камень и расшибъ въ крохи. — Татары изумились тому, какъ это одинъ человекъ всѣхъ Татаръ прибилъ! Илья же отыскалъ Василья пьяницу, привелъ его къ Князю Владиміру и назвалъ ему братомъ названнымъ.

Въ лицѣ Илья Муромца, великаго въ смиреніи и несокрушимаго во гнѣвѣ, какъ бы проснулась вся сила Русскаго народа, стала однимъ человекомъ и отомстила Хану съ его Татарами за всѣ обиды Князьямъ и Русской землѣ.

Михайло
 Казариновъ.

Третья пѣсня: Михайло Казариновъ, напоминаетъ намъ безчисленныя страданія Русскихъ женъ и дѣвъ въ плѣну у Татаръ. Михайлъ Петровичъ Козарянинъ, родомъ изъ Галича, на лихомъ конѣ, въ дорогихъ доспѣхахъ, съ тугимъ лукомъ разрывчатымъ (ничему этому цѣны нѣту), исполняетъ приказаніе Князя Владиміра настрѣлять къ его столу княженицкому гусей, лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ, малыхъ утокъ. Исполнивъ это, встрѣчаетъ Михайлъ на дубу чудеснаго, чернаго ворона, у котораго ноги и носъ какъ огонь горять. Витязь прицѣлился было въ него стрѣлою, какъ воронъ провѣщается ему, чтобы онъ не стрѣлялъ его: онъ указываетъ ему на добычу богатырскую, на Русскую дѣвицу полоняночку, у трехъ Татаръ наѣздниковъ. Михайло ѣдетъ по указанью ворона на высокую гору: видитъ—въ полѣ стоятъ три бѣлыхъ шатра и бесѣда дорогъ рыбій зубъ: сидятъ на бесѣдѣ три Татарина. Передъ ними ходитъ красная дѣвица, Русская дѣвица полоняночка, Марѣя Петровична. Отъ слезъ не можетъ она слова вымолвить, а вотъ ея жалобныя причеты:

„О злосчастная, моя буйна голова!
 Горе горькая, моя руса коса,
 А вечеръ тебя матушка расчесывала,
 Расчесала матушка, заплетала;
 Я сама, дѣвица, знаю, вѣдаю,

Расплетать будетъ мою русу косу
Трехъ Татарамъ наѣздникамъ“.

Одинъ изъ нихъ уже прочитъ дѣвицу за любимаго сына своего Асдела въ Золотой Ордѣ. Но Михайль скоро раздѣлался съ Татарами и освободилъ плѣнницу; ведетъ онъ ее въ бѣлы шатеръ и самъ хочетъ поступить съ нею хуже Татарина; но отерывается, что плѣнница его родная сестра. Она рассказываетъ брату, какъ вечеромъ, во время прогулки съ матерью въ саду, Татары похитили ее и увезли въ чистое поле. Михайль съ сестрою, съ богатою добычею отъ трехъ Татаръ и отъ птичьей охоты возвращается къ Князю Владиміру, который примааетъ его съ большими почестями и самъ подноситъ ему чару зелена вина во полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра.

Колыбельныя пѣсни Русскаго народа отзываются до сихъ поръ временемъ Татарщины. Тема ихъ одна—страшный полонъ Татарскій. По горамъ высокимъ, по раздольямъ широкимъ, горять негасимые огни: злые Татары полонъ дѣлятъ. Теща достается въ плѣнъ зятю: онъ отвозитъ ее къ своей молодой женѣ, а жена его Русская, и назначаетъ плѣнницѣ три дѣла: дитя качать, кудель прясть, циплять пасти. Плѣнница, качая младенца при его матери, поетъ пѣсню:

Три колы-
бельныя
пѣсни.

Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой Татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята
На правдѣ рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты баю, баю,
Мое дитятко!

Жена Татарина узнала въ плѣнницѣ мать свою, бросилась къ ней на бѣлыя руки и проситъ ее выбрать лучшаго коня и бѣжать съ нею на родину, на святую Русь. Вѣроятно, часты были такіе случаи, что плѣнники возвращались побѣгомъ изъ улусовъ Татарскихъ въ отечество. Лѣтопись говоритъ, что на границѣ Татарскихъ кочевьевъ и Русскихъ владѣній были для насъ изъ Татаръ же доброты, которые, вѣроятно, за деньги радѣли Русскимъ людямъ. Такими переметчиками изъ Татаръ могли быть охраняемы побѣги Русскихъ на родину. Вспом-

нимъ Половца Овлура, въ Половецкія времена, помогшаго въ такомъ же дѣлѣ Игорю.

Вторая пѣсня припоминаетъ тотъ же полонь. На горѣ горятъ огни, около огня сидятъ Татары, дѣлятъ добычу, все животы твоего отца рожимаго.

Встань, пробудись дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И всѣ-то мечи булатные;
Ты колп-руби сабельками
Злыхъ Татаръ съ Татарченками;
Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да булатными!
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

Въ третьей пѣсни изображается грозный набѣгъ Татаръ. Пѣснью баюкають дитя, чтобы оно уснуло, „покуль гроза пройдетъ, покуль бѣда минетъ“. Мать и отецъ у него взяты въ плѣнъ.

Злы Татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.

Сынъ былъ разлученъ съ отцемъ и матерью. Ты расти, расти, дитятко, во крѣпости и младости, говоритъ ему пѣсня. Теремъ твой одинокъ безъ батюшки и матушки, безъ молодой жены. Сѣдай же коня, скачи въ Орду золотую, вывози отца и мать на святую Русь, молодую жену въ теремъ изукрашенный.

Кто бы могъ усомниться, что эти пѣсни, дышущія такимъ живымъ страхомъ отъ набѣговъ Татарскихъ, были сложены въ ту эпоху, когда семьи Русскія непрерывно дрожали страхомъ горькой разлуки?

Фантастическое изображеніе Змѣя Горыныча, въ нашихъ сказкахъ и пѣсняхъ зіяющаго огнемъ и полымемъ, можетъ указывать также на Орду, которая дышала на Русь пожарами. Преданія о Татарахъ принимаютъ иногда характеръ волшебства. Таковъ въ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ Тугаринъ Змѣевичъ, пораженный хитростію Алеши: признаки его тѣже, что и Татарина, посланнаго въ Кіевъ отъ Калина-царя къ Владиміру: въ вышину онъ трехъ сажень, промежъ плечъ косая сажень, но сверхъ того промежъ глазъ калена стрѣла, а изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ. Тугаринъ ведетъ себя нечестно за столомъ у Князя Владиміра и глотаетъ за одинъ разъ лебедь бѣлую да еще ковригу монастырскую. На бумажныхъ крыльяхъ подымается на воздухъ ча-

родѣй Тугаринъ, но молитвой Алеши грозная туча подмочила ему бумажные крылья, и онъ упалъ. Грозитъ онъ Алешу огнемъ спалить, конемъ затоптать, копьемъ заколотъ; но все это, конечно, оканчивается побѣдою Алеши. Даже и въ лѣтописи есть признаки того, что народъ боялся Татарскихъ чаръ и зелій. Вспомнимъ того попа, который былъ въ Ордѣ, съ тысящникомъ Иваномъ Васильевичемъ, и потомъ на Вожѣ: у него нашли мѣшокъ *злыхъ лютыхъ* зелій и, по допросѣ, сослали его на озеро Лаче, гдѣ жилъ Данило заточникъ.

Ненависть народная къ Татарамъ такъ сильно сказывается въ этихъ древнихъ пѣсняхъ, что рѣдко имя Татарина употребляется безъ сопутствующаго ему прозвища *собаки*. Отголосокъ этой ненависти живъ еще и теперь. Когда крестьянка провожаетъ сына своего на горькую жизнь и нужду, — чтобы выразить ему всю силу бѣдствій, его ожидающихъ, она говоритъ ему въ своихъ жалобныхъ причетахъ: „назовешь ты, мой батюшка, злаго Татарина роднымъ батюшкой; назовешь ты, мой баюшка, злую Татарку родной матушкой“.

Ненависть
къ Тата-
рамъ.

Вникая добросовѣстно въ письменные и устные памятники нашей Словесности, кто же послѣ этого, кромѣ поверхностнаго верхогляда, осмѣлится еще сказать, что не было у насъ въ исторіи эпохи Татарской и что не оставила она ярыхъ слѣдовъ въ жизни нашего народа?

Русскій языкъ въ своей сущности и своемъ характерѣ остался чуждъ Татарскаго вліянія. Единство его въ эпоху удѣловъ и Татаръ охранялось языкомъ Славяноцерковнымъ. Варварство Татарское принесло здѣсь также свою долю пользы. Ему не могло покориться Христіанское образованіе, уже пустившее въ жизни народа глубокіе корни. Все вліяніе ограничилось нѣкоторыми словами, оставшимися въ языкѣ. Карамзинъ говоритъ, что едва ли отыщется 40 или 50 Татарскихъ словъ въ Словарѣ Русскомъ.

Татарскія
слова въ
Русскомъ
языкѣ.

Замѣтимъ сначала тѣ слова, которыя остались только въ историческихъ памятникахъ и не перешли въ живое употребленіе: *шертъ* — присяга, шертная (клятвенная) грамота; *ярлыкъ* или дзарликъ, указъ или милостивая грамота Татарскаго Хана, которою давалось княженіе или другія права (*ерлыкъ* употребляемъ мы уже въ другомъ смыслѣ, болѣе низкомъ); *тамга* клеймо, пошлина, откуда таможня; *улусъ* — удѣлъ; *улусникъ* — князь, данникъ хана; *киличей* — посланный отъ князя къ хану; *калта* или *калита* — кошель; *чечакъ* — цвѣтокъ; *аламъ* — драгоценный камень. Въ духовныхъ грамотахъ Князей употребляются три послѣднія слова: *чечакъ* золотой съ камнями и жемчугомъ (гр. 1356); *аламъ* ожемчуженный, *аламъ* малый съ жемчугами (гр. 1356); поясъ золотой съ *калитой* (гр. 1389). Здѣсь кстати объяснить прозвище перваго Великаго Князя Московскаго Іоанна Даниловича: *Калита*. Карамзинъ, ссылаясь на Хилкова, объясняетъ прозвище тѣмъ, что Калита имѣлъ обыкновеніе носить калиту или мѣшокъ съ деньгами для бѣдныхъ. Прочіе за Карамзинымъ повторяли тоже самое.

Но и другіе Князья, какъ видимъ изъ духовныхъ грамотъ, имѣли обычай носить при поясѣ мѣшокъ для денегъ. Не въ другомъ ли смыслѣ дано это прозвище Калитѣ? Не былъ ли онъ кошелькомъ ненасытныхъ Хановъ и не удовлетворялъ ли онъ ихъ корыстолюбію правильнымъ сборомъ дани? Такою политикой Калиты и возрасло Княженіе Московское надъ Тверью и надъ всѣми другими.

Замѣтимъ названія улицъ, оставшихся въ Москвѣ свидѣтельствомъ пребыванія Татаръ: *Арбатъ* отъ слова *арба*, телега; *Басманная* отъ слова *басманъ*, казенный хлѣбъ; *Ордынка* отъ Орды, *Татарская*. Названія многихъ городовъ и урочищъ по всей Россіи, на всемъ юговостоѣ ея, носятъ на себѣ яркіе слѣды Татарщины: Казань (котель), Саранскъ, Саратовъ, Симбирскъ, рѣки начинающіяся слогомъ Су (вода), какъ напримѣръ: Сура, Судогда. Изслѣдованіе объ этихъ названіяхъ могло бы быть весьма любопытно. Замѣтимъ, что имена урочищъ въ Саратовской, Симбирской, Пензенской, Самарской губерніяхъ, почти всѣ Татарскія. Сюда же относится не менѣе огромное количество прозвищъ, внесенныхъ въ родословныя нашего дворянства отъ князей и дворянъ Татарскаго происхожденія.

Вотъ слова касающіяся гражданскаго распорядка и обычая: *казна* (казина)³¹⁾, *казначей* (казиницѣ); *караулъ* отъ Татарскихъ словъ: ауль, деревня, и караймень, смотрю; *деньга* (танга), *алтынъ* и *пуло* Татарскаго же происхожденія, по мнѣнію Эрдмана. Самое слово *копѣйка* производитъ онъ не отъ *копья*, какъ Карамзинъ, а отъ Турецко-Татарскаго слова: *копекъ*, собака, потому что древніе Татары, современники Тимура, употребляли монеты съ изображеніемъ собаки и называли ихъ динари копеки (собачьи монеты) или просто *копеки* (собаки). Изъ словъ, означающихъ мѣру, нашъ *аршинъ* Татарскаго происхожденія: по Татарски *аршунъ*, *аршунлаймень*—аршиномъ мѣряю. Русская *бирка*—палочка съ нарѣзками для счету по разамъ—указываетъ въ корнѣ на Татарское слово: *биръ*, что значитъ разъ. *Ямъ*, превращенный по Русски въ ѣмъ,—*базаръ*, *кабакъ* (дверь, притворъ)—также Татарскія слова.

Изъ словъ общепотребительныхъ замѣтимъ: два цвѣта: *алый* (аль), *карий* (отъ *кара*, черный), *халатъ*, *колмакъ*, *аманатъ*, (аманять), *кирпичъ* (кирбицъ), *тузлукъ* (солонный), *арбузъ* (тарбузъ), *балыкъ* (рыба), *сундукъ* (сандукъ), *юкъ* (бремя), *тюфякъ*, *чемоданъ* (чамаданъ), *шиши* (вертѣль), что нибудь острое, откуда можетъ быть объяснено слово *шишакъ*, *туманъ*, *карандашъ*, *карандашъ* (малый ростомъ)³²⁾, *кибитка* отъ *кибитъ* (лавка), *курузый* (кюргюзаймень, кажу), *сарай* (палата), *башка* отъ слова *башъ* (голова), *карга* (отъ *кара* *карга*, грачь), *чоботы* (чабата, лапти), не зная ни *бельмеса* отъ *бильмесинъ* (не знаешь) *ералашъ* (аралашъ, смѣшанный)³³⁾.

Низкимъ значеніемъ многихъ словъ, заимствованныхъ у Татаръ, подтверждается еще болѣе то чувство ненависти и презрѣнія, которое всегда Русскій народъ питалъ къ своимъ завоевателямъ и притѣснителямъ. Съ другой стороны мы

сами дали Татарамъ многія слова, которыя свидѣтельствуютъ, что образованіемъ своимъ мы имѣли на нихъ вліяніе.

Варварское насиліе Татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ Россіей безъ малаго два вѣка съ половиною, мы должны сознаться, оставило рѣзкіе слѣды на нашей жизни, которыхъ и до сихъ поръ не могли еще изгладить ни Христіанская вѣра, ни разумъ всемірнаго образованія. Татарщина еще сильно отзывается въ насъ во всемъ томъ, гдѣ мы обнаруживаемъ неуваженіе и презрѣніе къ человѣчеству, произволь злоупотребленій личной воли и ералашь въ дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Описано у Калайдовича въ Иоаннѣ Экз. Болг. стран. 112, въ Описаніи Слав. рукоп. Моск. Синодал. библ. подъ № 21 стран. 215 (прежній № 740), у Буслаева въ Палеограф. и филологическихъ матеріалахъ для исторіи письменъ Славянскихъ стран. 30.

2) См. Описаніе Славян. рук. М. Синод. библ. № 45 стран. 292 (прежній № 722). Первый упомянулъ объ этомъ Апостолъ Карамзинъ въ 227 прим. къ IV т. Ист. Г. Р.

3) См. въ томъ же Описаніи стран. 294 № 46 (пр. № 15).

4) Тамъ же стран. 218 № 22 (пр. № 67).

5) См. Твор. Св. Отц. 1848. Годъ 6-й. Кн. 1. Приб. стран. 95. Обзоръ Духов. Русск. Литер. стран. 71. Достопамятности Москвы, Тромонина. 1845, стран. 7. См. выше въ XII лекціи стран. 66 и прим. 10 а.

6) Опис. Слав. рук. М. Синод. б. стран. 220 № 23 (пр. 70). У Буслаева стран. 39.

7) См. Опис. Слав. рук. М. Синод. б. № 24 стран. 221 (пр. № 68).

8) См. тамъ же № 25 (пр. № 69) стран. 223. Иоан. Экз. стран. 112.

9) См. Опис. Рум. Муз. № СССП.

10) Изданъ въ первомъ томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Спб. 1846.

11) Опис. Слав. рук. М. Свн. б. № 26. стран. 224 (пр. № 742).

12) Опис. Рум. Муз. № СССС къ 12-му ном. приводимыхъ рукописей, а къ 13-му Твор. Св. отц. г. шестой. Кн. 2. Прибавленія, стран. 312.

13) Опис. Слав. Росс. ркпс. Гр. Толстова. Отд. I. № 262, стран. 170.

14 а) Опис. ркпс. Гр. Толстова стран. 701, въ л. № 312.

14 б) См. Обзорѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки И. К. Куріянова, въ Изв. И. Акад. Наукъ Т. VI. Выпускъ IV, стран. 276.

15) Опис. Слав. ркпс. Моск. Синод. б. Отд. I. Свящ. пис. стран. 234 и далѣе. Въ числѣ рукописей, означенныхъ вѣрными годами, я не привелъ Требника Θεогноста Митрополита, который по подписи относимъ былъ къ 1329 году.

При внимательномъ взглядѣ на эту рукопись сейчасъ видно, что она есть позднѣйшее произведеніе. Вотъ почему она не приведена и въ Обзорѣ Русской Духовной Литературы, въ чемъ напрасно укорялъ автора въ Отечественныхъ Запискахъ Г. Пыпинъ, незнакомый съ дѣломъ. Впрочемъ, и Карамзинъ (Т. IV. прим. 321) выразилъ уже сомнѣніе касательно подписи Митрополита Теоноста. Что касается до Служебника Кипріанова, онъ, какъ сказано въ XII лекціи, если не современная подлиннику, то весьма близкая къ нему по времени копія. Автографы Кипріановы, еще нигдѣ подробно не описанные, упомянуты были прежде.

16) Ист. Кар. Т. IV, конецъ гл. X и прим. 373. Забытъ должно, что въ примѣчаніи у Карамзина показаніе древности письменныхъ памятниковъ у Европейскихъ народовъ, по новымъ открытіямъ, уже невѣрно. Въ Испаніи эти памятники относятся не къ 1367 году, а къ 1178-му и 1251-му; во Франціи также не къ 1311-му, какъ у него сказано, а къ 1270-му (письмо Жуанвила къ Людовику Святому).

17) Мы имѣемъ греческій подлинникъ этой молитвы Патріарха Филовея въ Синодальной рукописи (за № 337—349, стран. 33 и 34). *Τους δὲ πιστοὺς βασιλεῖς ἡμῶν, δύναμιν κατὰ τῶν πολεμίων ἐνδύσας ἀήττητον, λάλησον εἰρήνην εἰς τὴν καρδίαν αὐτῶν, ὑπὲρ ἀλλήλων, ὑπὲρ τῆς ἐκκλησίας σου, ὑπὲρ τοῦ λαοῦ σου παντός, συντηρημένου τοῖς παρασμοῖς ὡς ἐράς καὶ χαλιπωρομένου πάντοθεν...*

18 а) См. Временникъ И. Общ. Ист. и Др. Росс. Книга 25-я. М. 1857. Книга Пчела. Памятникъ древней Русской Словесности.

18 б) Преданіе объ Евфросинѣ читается въ житіи его, напечатанномъ въ Четвѣхъ Минеехъ Св. Димитрія Ростовскаго подь 11-мъ Сентября. Преданіе о Макаріи см. Иоанна Экз. стран. 210. Кромѣ Степенной книги и Софійскаго Временника, Посланіе Василіево напечатано въ IV томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, стран. 87.

19) Акты Историч. Т. I. № 4.

20) Тамъ же № 6.

21) Тамъ же №№ 12, 16, 27.

22) Слово пахирь, конечно, котомка или мѣшокъ, который странники призывали у паха.

23) Страницъ Стефана Новгородца напечатанъ г. Сахаровымъ во второй части Путешествій Русскихъ людей въ чужія земли. Спб. 1837. Этому Стефану г. Безсоновъ приписываетъ распространеніе у насъ рукописей Пчелы, на основаніи весьма вѣрныхъ данныхъ. См. во Временникѣ его изданіе Пчелы стран. VI.

24) Вставлено въ Русскій Временникъ и въ немъ напечатано, въ 1790 году, подь заглавіемъ: *Въ льто 6897-е хоженіе Пимина Митрополита втретіе въ Царьградъ.*

25) *Шидяный* отъ *шида* (шелкъ) явнымъ образомъ происходитъ отъ нѣмецкаго *Seide*: ясно, что мы приняли шелковыя матеріи отъ Нѣмцевъ черезъ Новгородъ. Позднѣйшее же слово: шелкъ, произошло отъ Англійскаго *silk*, вѣроятно, съ тѣхъ поръ какъ завелась торговля съ Англичанами.

26) Въ первый разъ издано И. М. Снегиревымъ въ 1829 году подь заглавіемъ: *Сказаніе о побойцѣ Великаго Князя Димитрія Иоанновича Донскаго*; въ другой разъ имъ же въ 3-мъ томѣ Русскаго Историческаго Сборника, въ 1838

году подъ заглавіемъ: *Повѣданіе и Сказаніе о побойщѣ В. Кн. Дмитрія Иоанновича Донскаго*. Издатель пользовался пятью списками, а въ основу положилъ списокъ Р. Ө. Тимковскаго. Въ 4-мъ томѣ Никоновой лѣтописи озаглавлено такъ: *Повѣсть полезна бывшаго чудеси, егда помощію Божіею и Пречистыя Его Матери Богородицы и угодника ихъ святаго чудотворца Петра Митрополита всеа Русіи, и преподобнаго игумена Сергія чудотворца, и встѣхъ святыхъ молитвами Князь Великій Дмитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ, иже изъ двоюродныхъ, со Княземъ Володимиромъ Ондръевичемъ и со встѣми князи Рускими на Дону посрами и прогна воложскія Орды гордою Князя Мамая, и всю Орду его со всею силою ихъ нечестивою изби*. Въ историческомъ Сборникѣ Рум. м. за № 378, писанномъ рукою посадскаго челоувѣка Ивана Логинова Бедрина, начинается такъ: *Братія, хошу повѣсть начати новыя сея побѣды...* Въ лубочныхъ картинахъ встрѣчается подъ заглавіемъ: *Исторія о походе великаго князя димитрія иоанновича донскаго противъ мамая его же Божіею помощію на куликовомъ поле до конца побѣдиша*. Въ VI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей стран. 90 напечатано подъ заглавіемъ: *Побойще Великаго Князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаямъ*. Изложеніе весьма замѣчательно, и, можетъ быть, въ немъ заключается первоначальная тѣнь предложившая основу для сказанія.

27) Открытое В. М. Ундольскимъ Слово напеч. во Временникѣ И. М. Общества И. и Др. Росс. Книга 14-я. Москва. 1852. *Задонщина* въ Извѣстіяхъ И. Акад. Н. Т. VI. Вып. V, стран. 338—362. Никакъ не можемъ согласиться съ предположеніемъ издателя, чтобы воспоминаніе о Рязанцѣ Софоніи, столько важное для объясненія памятника, было книжною вставкою.

28) Напечатано въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, изд. Обществомъ Исторіи и Др. Росс. подъ редакціею М. П. Погодина. Томъ III, стран. 81. Издано же И. М. Снегиревымъ. Также въ Софійскомъ Временникѣ, Ч. I, стр. 383, и сокращенно въ Никоновой Лѣтописи, Т. IV, стран. 184. Вновь напечатано въ VI томѣ Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей стран. 104.

29) Литературная характеристика лѣтописей составлена по III-му, IV-му, V-му и VI-му томамъ изданія Археографической Коммисіи, равно и по III-му и IV-му томамъ Никоновой лѣтописи, начиная отъ 1300 года по 1400.

30) Пѣсни, въ которыхъ отзывается Татарская эпоха, находятся въ Древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ (стран. 31, 180, 203 и 242), и въ Сказаніяхъ Русскаго народа, собранныхъ г. Сахаровымъ, Т. II, стран. 263. Изд. 3-е. 1841.

31) Эрдманнъ говоритъ, что слову *казна* корень въ Арабскомъ языкѣ — *ххазана*, сохранять въ вѣрномъ мѣстѣ; *ххазонъ* — стража; *ххазинонъ* — стражъ, *казначей*; *ххизанатонъ* — собровищница. Не отсюда ли наше слово: *хозяинъ*? — Чи и чей или цѣ прибавляется иногда въ Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ, на примѣръ: пушка — топъ, пушваръ — топчи; садъ — бустанъ, садовникъ — бустанчи: отсюда объясняется и *хазиняцъ* (*казначей*) отъ *хазиня* (*казна*). См. *Изясненіе нѣкоторыхъ словъ перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій*, Ф. Эрдманна. Москва. 1830.

32) Братъ по Татарски *кардаишъ*, уменьшительное братецъ *карындаишъ*.

Въ Саратовской губерніи *карндышъ* или *карындашъ* означаетъ малорослаго человѣка. По областному Словарю тоже самое слово употребляется въ Симбирской и Вологодской губерніяхъ.

33) См. Словарь Россійско-Татарскій, собранный въ Тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ учителемъ Татарскаго языка Священникомъ Іосифомъ Гигановымъ и муллами юртовскими свидѣтельствованный. Спб. 1804.

ЛЕКЦІЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Взглядъ на XV вѣкъ.— Два писателя въ началѣ вѣка.— Митрополитъ Фотій, Грекъ.— Его воспитаніе.— Назначеніе на Русскую паству.— Переѣздъ въ Россію.— Опасность отъ Татаръ.— Убѣжище Святоезерское.— Возвращеніе въ Москву.— Бѣдствія Россіи.— Личныя огорченія Фотія.— Кончина его.— Поученія и посланія.— Поученіе священникамъ и инокамъ.— Поученіе князьямъ, вельможамъ, кушцамъ и народу.— Противъ поля.— О постѣ и молитвѣ.— Объясненіе притчей.— Поученіе на притчу о блудномъ сынѣ.— Вліяніе церковной пѣсни.— Поученія на Благовѣщеніе и Воздвиженіе.— На Срѣтеніе Господне.— Посланія къ В. Князю.— Посланіе по случаю избранія Григорія Цамблака.— Посланія во Псковъ противъ стригольниковъ.— Поученія по случаю бѣдствій народныхъ. Засуха. Голодъ.— Черная смерть.— Мысль о близкой кончинѣ міра.— Слово о второмъ пришествіи.— Заключеніе.— Григорій Цамблакъ.— Характеръ его проповѣди.— Свѣдѣнія объ его жизни.— Избраніе въ Кіевскіе Митрополиты.— Борьба съ Іудеями.— Борьба съ Латинянами противъ опрѣскоковъ.— Кончина Григорія.— Его творенія.— Вниманіе къ нимъ паствы.— 1-е слово за пять дней до Рождества Христова.— 2-е объ усопшихъ.— 3-е объ иноческой жизни.— 4-е въ похвалу Отцамъ пустынникамъ.— 5-е въ похвалу сорока мученикамъ.— 6-е въ недѣлю Вербную.— 7-е въ великій четвергъ.— 8-е на великую пятницу.— Основная мысль словъ.— 9-е на Вознесеніе.— 10-е на Рождество Предтечи.— 11-е въ похвалу Св. Петру и Павлу.— 12-е въ похвалу Пророку Іліи.— 13-е на Преображеніе Господне.— 14-е на Успеніе Богоматери.— 15-е на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.— 16-е на Рождество Богоматери.— 17-е на Воздвиженіе креста Господня.— 18-е Св. Димитрію.— 19-е Св. Георгію.— 20-е тремъ Отрокамъ и пророку Даниилу.— Три остальныхъ слова (21, 22, 23).— Общее заключеніе.

Взглядъ на
XV вѣкъ.

На границѣ XIII и XIV-го столѣтій, приводи къ единству дѣятельность Святителя Петра, положившаго въ Москвѣ начало духовной жизни, мы видѣли въ немъ пустынножителя, мужа государственнаго, ученаго богослова, поборовшаго ереси. Въ XIV вѣкѣ эту троякую его дѣятельность олицетворили Св. Сергій пустынножитель, Св. Алексій, мужъ государственный, Св. Кипріанъ и Св. Стефанъ Пермскій, ученые богословы. Четырнадцатый вѣкъ мы назвали по преимуществу вѣкомъ Преподобнаго Сергія: пустынножителство въ немъ преобладало. Московскій разсадникъ простеръ свои вѣтви по всѣмъ концамъ Русской земли и особенно на сѣверъ, куда приливала жизнь, тѣснямая на югѣ варварскимъ игомъ. Пятнадцатый вѣкъ, въ который вступаемъ, мы назовемъ по преимуществу вѣкомъ Святителя Алексія. Пастыри Церкви обнаруживаютъ въ немъ дѣятельность практическую, государственную. Литература церковныхъ посланій особенно богата. Церковь словомъ своимъ охраняетъ свое единство, которому угрожало отдѣленіе

Кіевской Митрополіи, и участвуетъ въ двухъ главныхъ событіяхъ отечества: въ устроеніи государственнаго единства и въ сверженіи Татарскаго ига.

Пустынничество продолжается; являются новые подвижники; возникаютъ новыя обители; но обрядная сторона монастырскаго жизни начинаетъ превозмогать. Для того, чтобы усилить въ ней духовное начало, подъ конецъ столѣтія вводится скитское житіе, и первый его учредитель Ниль Сорскій является писателемъ, который словомъ выразилъ дѣло своей жизни.

Племя ученыхъ богослововъ у насъ не прекращалось. Съ особенною силою, въ полномъ вооруженіи богословія, являлись они тогда, когда церковь, обуреваемая еретиками, нуждалась въ ихъ помощи. Подъ конецъ вѣка явилось два славныхъ мужа, связующихъ его съ вѣкомъ послѣдующимъ: Геннадій Новгородскій, творецъ новой пасхалии, первый собиратель полнаго кодекса Славянскаго библіи, и Св. Іосифъ Волоцкій, творецъ Просвѣтителя и обличитель жидовской ереси.

Въ XV вѣкѣ жизнь государственная, развиваясь сплѣтѣ, двинула у насъ и жизнь общественную, что отозвалось и умноженіемъ памятниковъ литературы свѣтской.

Изученіе вѣка мы начнемъ съ двухъ писателей, которыхъ образовала не Россія: то были Митрополитъ Московскій Фотій и Митрополитъ Кіевскій Григорій Цамблакъ. Перваго прислала къ намъ Греція и соединила съ нами вѣра; втораго прислала Болгарія, а соединила съ Россіею вѣра и одноплеменность. Оба дѣйствовали въ началѣ столѣтія, современно другъ другу, и находились во враждебныхъ между собою отношеніяхъ; но единство вѣры и ея вѣчное начало помирили то, что раздѣляло время.

Фотій, уроженецъ Морен, съ малыхъ лѣтъ послѣдовалъ своему иноческому призванію и совершалъ этотъ путь подъ руководствомъ пустынножителя старца Акакія, котораго уважали и патріархи и императоры Царьграда. Одно желаніе было у инока — спасеніе души своей. Онъ послѣдовалъ за своимъ наставникомъ Акакіемъ, когда патріархъ Матѳеи призвалъ его на престолъ митрополіи въ Морейскій городъ Монемавасію, на родину Фотія. Акакій послалъ ученика своего въ Царьградъ къ патріарху Матѳею и императору Мануилу съ какимъ-то порученіемъ, и въ то самое время, какъ Фотій жилъ въ Царьградѣ, Великій Князь Василій Димитріевичъ просилъ Патріарха прислать Митрополита для паствы Русской. Выборъ палъ на Фотія. Со слезами скорби долженъ былъ онъ покориться слову Патріарха и покинуть мирное пристанище своей монашеской кельи для того, чтобы идти править духовнымъ кормиломъ Русскаго корабля во времена самыя бурныя. Россія страдала подъ игомъ Татаръ; они набѣгами непрерывно ее опустошали; междуусобія князей раздирали ея внутренность. Божія кара ежегодно то моромъ, то голодомъ истребляла народъ. Церкви угрожало раздѣленіе митрополіи. Въ

Два писатели въ началѣ XV вѣка.

Митрополитъ Фотій, Грекъ.

Его воспитаніе.

Назначеніе на Русскую паству.

такія тяжкія времена Фотій принялъ Русскую паству и обнаружилъ несокрушимую силу воли, готовой страдать, молиться и дѣйствовать. Не владея свободно языкомъ Славянскимъ, онъ взялъ себѣ въ сотрудники товарища по жизни пустынной, Болгарина Иеромонаха Пахомія, сложившаго у насъ житія многихъ Русскихъ святыхъ и потому прозваннаго логоэетомъ, и еще другаго монаха Патрикія изъ Грековъ.

Переѣздъ въ
Россію.

1-го Сентября 1409 года послѣдовало назначеніе Фотія въ Царьградъ. Ровно черезъ годъ, 1-го же Сентября, въ 1410 году, явился онъ въ Кіевѣ, а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, на самый первый день пасхи, въ Москвѣ. Весь освященный соборъ съ крестами, Великій Князь съ князьями, боярами и со множествомъ народа встрѣтили его далеко за городомъ. Былъ двойной праздникъ по всей землѣ Русской, гдѣ проходилъ Святитель. Такъ любилъ народъ своихъ архипастырей.

Свѣжіе слѣды Эдигеева нашествія первые поразили Фотія какъ въ Москвѣ, такъ и по вѣмъ городамъ, черезъ которые онъ проходилъ. Надобно было прежде устроить дѣла разоренной митрополіи, чтобы дать ей возможность питать убогихъ и нищихъ. На другой же годъ послѣ прибытія своего въ Москву Фотій самъ едва не сдѣлался жертвою Татарскаго разгрома и лишился въ немъ одного изъ своихъ вѣрныхъ спутниковъ.

Опасность
отъ Татаръ.

Убѣжище
Святоезер-
ское.

Вотъ какъ это было. Любовь къ пустыни влекла Фотія къ уединенію. Изъ Москвы лѣтомъ онъ переѣхалъ во Владимірь, а оттуда къ Святому озеру, въ лѣсную пустынную обитель Преображенія, основанную Митрополитомъ Кипріаномъ. На другой же день, по его удаленіи туда, приходитъ къ нему вѣсть изъ Владиміра, что Татарскій царевичъ Талычъ и воевода Нижегородскаго Князя Данилы Борисовича Семень Карамышевъ соединенно напали на Владимірь, грозятъ ему разореніемъ и ищутъ Митрополита. Фотій удалился въ лѣса, на свои озера Сенежскія, и тамъ искалъ убѣжища отъ злодѣевъ. Между тѣмъ его вѣрный спутникъ Патрикій, въ соборѣ Владимірскомъ скривъ церковную казну, погибъ мученическою смертію отъ Татаръ. Неподвижный, со слезами стоялъ онъ передъ иконою Богоматери, когда грабители вторглись въ церковь. Его кляли на горячую сковороду, вбивали ему щепы за ногти, драли съ него кожу, прорѣзавъ ноги, привязали къ конскому хвосту и влчили его; но никакія муки не могли вынудить изъ него отвѣта на вопросъ: гдѣ церковная казна и другіе люди, бывшіе при церквѣ? Весь Владимірь сдѣлался жертвою разгрома; людей побито и взято въ плѣнъ безъ числа: золота и серебра увезено множество; деньги Татары дѣлили мѣрками; все что можно было взять, взяли; остальное истребилъ пожаръ, въ огнѣ котораго расплавились самые колокола церковей Владимірскихъ.

Между тѣмъ Фотій укрывался въ своей Сенежской пустыни, гдѣ послѣ поставилъ храмъ во имя Рождества Богоматери въ память избавленія своего отъ

Татарь. Здѣсь дѣлилъ съ нимъ уединеніе и другой спутникъ его, священноинокъ Болгаринъ Пахомій. Здѣсь, въ пустынѣ Русской, окруженной такими страшными бурями, Фотій вспоминалъ ту мирную свою пустыню, гдѣ онъ жилъ у своего наставника, старца Акакія. Углубляясь въ лѣса и дебри Русской пустыни, онъ невольно сравнивалъ прежнюю тишину и безмолвіе съ теперешними бурями, которыя со всѣхъ сторонъ ему грозили, и предавался безутѣшнымъ слезамъ и скорби объ утраченномъ спокойствіи.

Въ такомъ сѣтованіи и плачѣ засталъ его зовъ В. Князя Василя Димитріевича въ Москву. Князь встрѣтилъ Митрополита съ честію, бесѣдовалъ съ нимъ о нашествіи Татарь и предложилъ ему всѣ возможныя утѣшенія. Тогда-то явился Фотій посредникомъ въ бракосочетаніи Іоанна Палеолога, наслѣдника Мануилова на Византійскомъ престолѣ, съ Анною Васильевною, дочерью Василя Димитріевича и внукою Витовта по матери.

Возвращеніе въ Москву.

Первое бѣдствіе, претерпѣнное Фотіемъ въ Россіи, было только началомъ многихъ другихъ, которыя ее поражали. Не проходило почти года, чтобы или черная смерть въ самомъ ужасномъ видѣ, или засуха, или необыкновенная зимняя стужа, или пожаръ, не постигали нашего отечества. Кромѣ народныхъ бѣдствій, которыхъ не могъ не принимать къ сердцу сердобольный пастырь, были у Фотія и личныя огорченія. Его усердіе къ достоянію Церкви навлекло на него клевету. Клеветники возстали на него передъ В. Княземъ Василемъ Димитріевичемъ и старались ссорить Митрополита съ Государемъ; другіе обносили его передъ Литовскимъ Витовтомъ. По настоянію сего послѣдняго, противъ воли царя и патріарха, епископы въ 1416 году избрали на Кіевскую митрополію Болгарина Григорія Цамблака. Изъ всѣхъ золъ, какія испыталъ несчастный пришелецъ въ нашей землѣ, конечно, ни одно такъ не поразило его, какъ это раздѣленіе паствы на глазахъ у самаго пастыря. Только смерть Григорія въ 1419 году могла прекратить Фотіево горе, которое длилось три года. Послѣ того Святитель снова имѣлъ утѣшеніе соединиться съ отторгнутою отъ него паствою и войти въ сношенія болѣе дружелюбныя съ Литовскими князьями — Витовтомъ и Свиргаило.

Бѣдствія Россіи.

Личныя огорченія Фотія

Кончина В. Князя Василя Димитріевича въ 1425 году поразила скорбію сердце Архипастыря, который связанъ былъ съ нимъ узами любви искренней. Онъ упомянулъ объ этой скорби и въ своей прощальной грамотѣ. Ревностно принялъ онъ сторону десятилѣтняго сына его Василя, наслѣдника престола, противъ устарѣлыхъ притязаній его дяди Юрія Димитріевича и тѣмъ содѣйствовалъ утверженію правильной системы единодержавія и престолонаслѣдія въ Россіи.

Въ лѣтописяхъ сохранилось чудесное преданіе о кончинѣ Фотія. Въ 1430 году, въ пятницу на Святой недѣлѣ, когда онъ отдыхалъ въ ложницѣ своей послѣ заутрени, явился ему Божій ангелъ, златовласый, съ царскимъ вѣнцемъ на головѣ, въ одеждѣ изукрашенной, съ золотымъ посохомъ въ рукахъ, и возвѣстилъ,

Кончина его.

что Богъ даетъ ему только седмицу на разсмотрѣніе жизни своей и на управленіе паствою. Эта седмица длилась семь семидесятидневныхъ недѣль. Онъ успѣлъ поѣхать еще разъ передъ кончиною своею юго-западную паству и скопчался въ Москвѣ, 1-го Юля 1431 года, оставивъ по себѣ прощальную грамоту, въ которой вкратцѣ разказалъ скорби и труды, понесенные имъ на Русской паствѣ, и простился со всѣми по примѣру своего предмѣстника Кипріяна, рядомъ съ которымъ легъ и въ могилу, въ Успенскомъ соборѣ¹⁾. Памятниками его служенія на чредѣ паствы Русской и его правотѣриіа остались два саккоса, изъ которыхъ одинъ украшенъ изображеніями Юанна Палеолога и супруги его Анны Васильевны, В. Князя Василія Дмитріевича и супруги его Софіи Витовтовны, и самого Митрополита Фотія. Въ греческомъ символѣ вѣры, который вышитъ золотомъ на поляхъ саккоса, не встрѣчаемъ приложенія слова: *истиннаго*, въ членѣ о Святотѣ Духѣ, которое вошло позднѣе въ наши старыя книги и соблазнило раскольниковъ²⁾.

Поученія и посланія.

Неутомимъ былъ пастырь въ исполненіи своего долга, какъ наставникъ народа. Памятникомъ его непрерывной дѣятельности остались намъ его *Поученія* и *Посланія*. Нѣкоторыя изъ нихъ изданы, другія остаются еще въ рукописяхъ. Самъ ли онъ писалъ ихъ, или помогалъ ему въ томъ его сотрудникъ, Славянинъ Пахомій — рѣшить трудно; но съ вѣроятностію можно предположить, что онъ и самъ пріобрѣлъ постепенно навыкъ въ языкѣ Славянскомъ. Въ одномъ изъ посланій своихъ къ инокамъ Кіевопечерской обители смиренный пастырь сознается въ неспекуномъ знаніи Славянскаго языка³⁾, а греческіе обороты, часто встрѣчающіеся въ его слогѣ, показываютъ, что онъ писалъ ихъ по-гречески и переводилъ на Славянскій языкъ.

Изъ поученій Фотія нѣкоторыя писаны на праздники Благовѣщенія, Срѣтенія Господня, по случаю освященія храма, о второмъ и страшномъ пришествіи, въ недѣлю православія о постѣ и молитвѣ, и содержать въ себѣ объясненія евангельскихъ притчей; другія обращены къ священническому и иноческому чину, особенно къ инокамъ Кіевопечерскимъ, также къ князьямъ, боярамъ и ко всему народу; третьи писаны по случаю современныхъ событій, избранія Григорія Цамблака, ереси стригольниковъ, разныхъ народныхъ бѣдствій: бездождія, голода, черной смерти. Изъ посланій дошли преимущественно Псковскія, случайно ли, потому ли, что Митрополитъ обращалъ на Псковъ особенное вниманіе, опасаясь по близости его къ западу Латинскихъ на него вліяній⁴⁾.

Поученіе священника и инокамъ.

Постояннымъ дѣйствіемъ Архипастырей нашей Церкви было поучать священниковъ, указывая имъ на важное значеніе ихъ сана и на святость тѣхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на нихъ Церковь. Фотій посвятилъ этому предмету особыя поученія и, кромѣ того, въ рѣдкое изъ другихъ не вставилъ тѣхъ же наставленій священникамъ. „Какъ небо отстоитъ отъ земли“, говоритъ учи-

тель, „такъ нашъ санъ выше всякаго мірскаго; такъ Христово священнодѣйствіе таинство превыше всего въ мірѣ. Христосъ самъ священнодѣйствовалъ, давъ намъ тѣло свое и кровь свою на пищу и питіе, и завѣщавъ черезъ Апостоловъ творить тоже самое. Превыше всего священническая рука: она касается божественнаго угля. Принявъ челоуѣка смраднаго и мертваго, силою благодати Христосъ сдѣлалъ его, *яко Бога*, и намъ вручилъ дѣло, которое принадлежитъ единому только Богу: прощать грѣхи челоуѣческіе“.

Приглашая священниковъ облещись во всякую просвѣтительную силу дѣломъ и словомъ, онъ непрерывно повторяетъ имъ слова Діонисія Ареопагита: *достоитъ бо быти, рече, господню священнику чисту яко святу, святу быти — и тако просвѣщати, чисту быти — и тако очищати, святу быти — и тако освящати*. Наставникъ употребляетъ эти слова въ родѣ половицы, какъ бы желая ея тѣмъ сильнѣе напечатлѣть въ сердцахъ тѣхъ, кого она касается. Въ рѣдкомъ поученіи ея не встрѣтите. — „Если вы, говоритъ Святитель священничающимся и иночествующимъ вмѣстѣ, постоите и не перемѣнитесь, будучи свѣтилами душамъ и тѣламъ, тогда тѣло всего міра просвѣщено будетъ. Если же вы, будучи солью, возмердитесь, и, будучи свѣтомъ, помрачитесь, то какаѣ тьма будетъ въ мірѣ?“ — Съ ужасомъ говоритъ Фотій о пнѣствѣ священниковъ. Апостоль Павелъ не только о тѣлахъ священниковъ, но и о тѣлахъ всѣхъ вѣрныхъ сказалъ: не вѣсте ли, *яко домъ Божій есте и духъ Божій живеть въ васъ?* За три дня, или мало по немощи за два, должно готовить себя чистымъ, приступая къ божественной тайнѣ. Да искушаемъ о семъ каждый себя, священники Господни, съ какимъ страхомъ и трепетомъ содержатъ имѣемъ санъ великаго того Божія священства, которое и самимъ Ангеламъ ужасно и недостижимо. Молю васъ, да отверзете очи сердець вашихъ, и уши духовныя, и примете словъ, ихъ же малѣ глаголю вамъ: богомудрое бо ремесло божественное и преестественное дано намъ отъ Бога.

Всѣ главныя силы пастырской заботы своей устремляя на священниковъ, какъ на непосредственныхъ наставниковъ народа, Святитель бесѣдуетъ и съ иноками объ ихъ назначеніи. Два посланія пишетъ онъ въ Кіевопечерскій монастырь къ преемникамъ Антонія и Феодосія и третье въ Снѣтогорскую Псковскую обитель. Приводя имена всѣхъ великихъ подвижниковъ, уставившихъ иноческое житіе Василия, Апостоламъ малѣ равностоятеля, Афанасія, святое Божіе жилище, Григорія Богослова, непобѣдимаго Христова воина, велегласнаго Лѣствичника, великихъ Исаака, Дородея и Евѣмія, пастырь свидѣлствуетъ, что иноки Кіевопечерскіе знакомы съ твореніями всѣхъ этихъ и другихъ св. отцевъ, избравшихъ иноческое житіе, и что въ особенности читаютъ они книгу великаго Лѣствичника, „духовнымъ степенямъ утвердителя“. Въ вѣбѣ вражды непримиримой, когда, по словамъ пастыря, нельзя было вѣры дать другу, ни понадѣяться

на брата, когда „проглаголешь мирная, а принимаются аки ратная“, когда зависть и лжа осилили, и никто не поминалъ о смерти, — пастырь приглашалъ иноковъ дѣйствовать какъ божественные Апостолы, однимъ миромъ просвѣтившіе вселенную и приведшіе ее ко Христу, который самъ есть миръ и истина. Какъ птица нѣкая въ дерево ударяетъ и отъ того все дерево сгниваетъ, такъ братоненавидѣніе погубляетъ всякую добродѣтель человѣческую. Не словомъ, но вѣрою и дѣлами оправдается человѣкъ и бываетъ наслѣдникъ царствія небеснаго по великому Христову слову, что не въ словѣ царствіе Божіе, а въ силѣ. Да будетъ ваша жизнь образомъ честнаго житія для людей міра! Помните великое слово Евангельское: „Никто руки вложитъ на рало и зря вспасть, управленъ есть въ царствіи небеснѣмъ“. Помните день великаго и грознаго суда, да уподобимся пяти дѣвамъ мудрымъ, возжегшимъ свѣтильники свои въ срѣтеніе жениху, а не тѣмъ пяти безумнымъ, чьи свѣтильники безъ масла погасли, да не затворятся передъ нами двери, да не услышимъ на зовъ нашъ: „Господи, Господи! отверзи намъ“, — страшнаго того отвѣта: „отыдите отъ мене, не вѣмъ васъ, откуда есте“.

Поученіе
князьямъ,
вельможамъ,
купцамъ и
вароду.

Наставленія пастыря отъ духовнаго чина простирались на князей, бояръ, купцовъ и народъ. Князьямъ прежде всего проповѣдуетъ онъ милость, да услышатъ они на страшномъ судѣ голосъ: блажени милостивіи, яко тѣ помиловани будутъ. Всѣмъ проповѣдуется нищелюбіе, но особенно князьямъ и вельможамъ: „Братію меньшую нарицаетъ Христосъ учениковъ своихъ и всѣхъ нищихъ; всякій нищій православный и благодарливый братъ есть Господень, понеже Христосъ насъ ради себя смирилъ, и въ нищетѣ и въ убожествѣ былъ, да насъ милосердіемъ обогатитъ... Любви часть милостыня, а ненависти часть немилосердіе... Вы, благородные князья и вельможи, добродѣяніе всякое и умленіе во всемъ да покажете, и помощь и заступленіе, и утвержденіе и попеченіе къ убогимъ чади, милующи сира и вдовицу: васъ бо Христосъ отъ нихъ возвыси“... Посадниковъ и властелей города Пскова, напоминая имъ власть отъ Господа данную и силу отъ Вышняго, призываетъ онъ работать Господу, а не человѣкамъ, судомъ Божіей правды, судомъ нелицемѣрнымъ и немздоимнымъ, не превращая суда для убогаго и не стыдяся лица сильнаго, помня заповѣдь животворящаго Духа: „накажитесь, вси судящии земли; работайте Господеву съ страхомъ и радуйте ему съ трепетомъ“. — Нарочитыхъ града, именитыхъ купцовъ города Пскова, проситъ, чтобы въ купляхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдали, „понеже „бо купля „неправедна и мѣрила лукавая мерзка суть Богу, а купля же и мѣрила правая благословена суть и пріятна отъ Бога“. — Въ народѣ преслѣдоваль Святитель двоеженство и троеженство, которое, видно, встрѣчалось даже и отъ живыхъ женъ. Онъ приводитъ слова Григорія Богослова, что первый бракъ есть законъ, второй по нуждѣ прощеніе, ради слабости человѣческой, третій законопреступленіе, четвертый нечестіе. А тѣмъ, которые, разведясь съ законными женами, взяли вторую и третью

жену, запрещаетъ быть старостами при храмахъ.—Поразилъ иноземнаго пастыря зазорный обычай народной брани. Такое предписаніе даетъ онъ по этому случаю духовнымъ наставникамъ: „А еще учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престаили отъ скверныхъ словесъ и неподобныхъ, что даютъ отцевымъ и материннымъ именемъ, занеже того въ крестіанѣхъ нигдѣ нѣсть; тако же бы и родители учили своихъ дѣтей изъмала, чтобы не привыкали говорить лихихъ словъ, а кои не имутъ слушати васъ, а тѣхъ такожь отъ церкви отлучайте, ни святаго причастія не давайте, ни доры, ни Богородицына хлѣба. Такожь учите ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зедія, ни вороженья, и елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престаили и каялись бы, а не имутъ слушати, не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дръжали межу себе нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ такоже отъ церкви отлучайте“.

Псковитяне до того простерли гоненіе свое противъ бабъ колдуней, что въ 1411 году сожгли 12 вѣщихъ женокъ, какъ замѣчено въ Псковской лѣтописи. Но къ этому поступку они побуждены были, конечно, не словомъ Святителя, а скорѣе подражаніемъ обычаямъ Запада, гдѣ сожженіе волхвовъ и вѣдьмъ было повелѣваемо Церковію.

Фотій возставалъ и противъ другихъ обычаевъ, которые Псковъ принималъ отъ Запада, противъ употребленія Латинскаго мвра, противъ крещенія обливаніемъ, а не погруженіемъ, противъ употребленія удавленныя въ пищу. Съ другой стороны, народная брезгливость ко всему иноземному внушала Псковичамъ подобныя вопросы, которые они письменно предлагали Святителю: можно ли имъ употреблять въ пищу то, что приходитъ изъ Нѣмецкой земли: вино, хлѣбъ или овощъ? Фотій отвѣчалъ: очистивъ то молитвою отъ іерея, подобаетъ ясти и пити.

Съ особенной грозой преслѣдовалъ Митрополитъ обычай поединковъ, или такъ называемое *поле*, которое замѣняло судъ тяжущимся. Онъ приказывалъ священникамъ: человекъ, который позовется *на поле*, не допускать до святаго причастія, ни даже до цѣлованія крестнаго, подъ опасеніемъ лишенія священства, если попь допустить такого къ причащенію; погубившаго на полѣ душу человеческую считать душегубцемъ, не пускать въ церковь, не давать даровъ, ни Богородицына хлѣба, а къ причастію не допускать восемнадцать лѣтъ; убитаго же не хоронить, а похоронившій лишается священства.

Противъ поля.

Всѣхъ чадъ своихъ соединяетъ пастырь вмѣстѣ въ одномъ наставленіи о постѣ и молитвѣ. „Велико благо есть постъ и молитва, аще съ мыслію чистою и благодарною будетъ“. Раскрытію этой мысли посвящено отдѣльное поученіе въ недѣлю православія. Здѣсь въ самомъ началѣ встрѣчаемъ совѣтъ, подобный тому,

О постѣ и молитвѣ.

какой предлагаетъ Владиміръ Мономахъ въ Поученіи своимъ дѣтямъ касательно самой краткой и любимой молитвы Русскаго народа, замѣтвая этотъ совѣтъ изъ Поученій Іоанна Златоуста: „Молю всѣхъ васъ, чада мои, собравшихся въ церковь, правилу молитвенному не облѣнитися никогда же, но или ясте, или пиете, или дѣлаете, или путешествуете, или стоите, или сѣдите, или ино что творите, неоскудно и непрестанно глаголите каждый въ помышленіи своемъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя. Апостоль сказалъ: безпрестанно молитесь и всегда благодарите. Господь сказалъ: бдите и молитесь во всяко время“⁵⁾.

Постъ, по слову наставника, предлежитъ намъ, какъ нѣкоторая лѣствица. Недѣли поста ступени ея... Постъ поновленіе души и житію цѣломудріе; постъ хранить младенцевъ, цѣломудритъ юныхъ, благоукрашенныхъ творитъ старцевъ... Не въ одной нищѣ состоитъ постъ, но и въ удаленіи отъ всякаго зла.

Объясненіе
притчей.

Нерѣдко учитель углубляется въ таинственный смыслъ Евангельскихъ притчей. „Иногда, говоритъ онъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ творитъ явную бесѣду въ благовѣстїи, иногдаже учитъ повѣстями и притчами. *Постытная бо бесѣда явленнѣйше и чистѣйше творитъ ученіе* и уповающихъ воздвигаетъ къ послушанію“.

Такъ объясняетъ онъ притчу *о должникѣ тимою талантъ* (Матѳ. гл. 18, ст. 24), устремляя вниманіе на главную мысль: прощай другихъ, чтобы Богъ тебя простилъ. Жена и дѣти, которыхъ велѣно продать, душа и дѣянїя. Господинъ довелъ должника до крайности и потомъ уже простилъ для того, чтобы памятовалъ онъ *все величество прощенія* и былъ снисходителенъ къ своимъ должникамъ.

Поученіе о
блудномъ
сынѣ.

Особеннымъ глубокомысліемъ отличается объясненіе притчи о блудномъ сынѣ въ 7-мъ поученіи, которое говорено въ недѣлю о немъ. Въ двухъ сынахъ отца олицетворены: въ старшемъ правда, въ юнѣйшемъ грѣхъ нашъ. Голодъ той страны, куда отошелъ юнѣйшій сынъ, такъ объясняется, не безъ намека на причину этого бѣдствія въ народѣ: гдѣ нѣтъ страха и закона Божїа, тамъ гладъ крѣпокъ; гдѣ нѣтъ милости и любви и правды, тамъ гладъ крѣпокъ. Сынъ, исходящій изъ дому отца, это мы сами, когда согрѣшаемъ: вонъ исходимъ изъ своего смысла, вонъ изъ своихъ помышленій ведемся, *вонъ разума бываемъ*. Когда же исполняемъ заповѣди божїи и *правдуемъ*, тогда въ свой паки смыслъ приходимъ. Въ себя же пришедъ, блудный сынъ возвращается по глаголющему: обратися, душе моя, въ покой твой. Покой души моей есть спасеніе, а спасенія три образа по великому Григорію: рабство, наемничество, сыновство. Рабъ, страха ради ранъ, творитъ благое, какъ и Давидъ глаголетъ: пригвозди отъ страха твоего плоти моя, отъ судьбъ твоихъ убояхся. Наемникъ, за прїятіе мзды, добрыя и благоугодныя дѣянїя совершаетъ: преклонихъ сердце мое, сказалъ божественный Давидъ, еле сътворити волю твою въ вѣкы възданіе. Сынъ же, ради любви къ

Богу и Отцу, заповѣди его дѣлаеть, какъ тотъ же божественный Давидъ свидѣтельствуеть, говоря, яко возлюбихъ заповѣди твоя, и законъ твой, Господи, весь день поученіе мое есть.

Иногда, подъ вліяніемъ церковной пѣсни, проповѣдникъ воспроизводитъ образы церковной поэзіи. Такъ, на праздникъ Благовѣщенія, освящая походный храмъ, устроенный для православныхъ воиновъ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ, во имя Воздвиженія Креста, проповѣдникъ говоритъ: „Днесъ тихая намъ весна Христось, праведное солнце, свѣтлымъ свѣтомъ насъ осіяя, вѣрныхъ мысли просвѣщаетъ.... Днесъ богоразумныя Силы небесныя съ неба преклонились и съ нами земными невидимо спразднують сей четвероконечный праздникъ, и исполняется Давидово пророчество: „да веселятся небесная и радуются земная!“ По случаю другаго праздника, который соединялся съ праздникомъ Благовѣщенія во имени храма, проповѣдникъ переходитъ къ значенію креста и говоритъ: „Крестъ царемъ благочестивымъ велелѣпіе и оружіе неодоливаемо вѣчно, крестъ всего божественнаго дѣйства воспоминаемый о всемъ вездѣдѣлатель знаменосимый, и на всякое сопротивное ополченіе видимое и невидимое побѣдитель“. Здѣсь приводитъ проповѣдникъ сказаніе историческое, какъ одинъ малый Христіанскій полкъ помогъ молитвою къ своему Богу императору Римлянъ Марку Авреліану одержать побѣду надъ Готами. Здѣсь разсказываетъ онъ и о славномъ въ исторіи Христіанства явленіи креста Константину великому, когда Богъ, замисливъ просвѣтити его свѣтомъ истиннаго разума, явилъ ему въ ноці на рѣкѣ Дунаѣ честный крестъ, свѣтлый и превеликій, свѣтящійся паче солнца, съ надписаніемъ изъ звѣздъ: о семь побѣждай.

Вліяніе церковной пѣсни.

Въ другомъ поученіи на праздникъ Стрѣтенія Господня, подражая церковной пѣсни, Святитель такъ славословитъ праздникъ: „Отроча четыредесятидневно и превѣчно, отроча младо и ветхо деньми, отроча сущее и вѣкомъ творецъ... Младенець зримъ и Богъ познаваемъ, младенецъ сущъ и міръ напитающъ, младенець на рукахъ матернихъ земленосимъ, на небѣ же неотступенъ нѣдръ отеческихъ“....

На Стрѣтеніе Господне.

Перейдемъ теперъ къ той части содержанія Поученій Фотія, которая имѣеть отношеніе къ современнымъ событіямъ. Два посланія его къ В. Князю Василію Дмитріевичу написаны въ защиту правъ Церкви на ея имѣнія и доходы. Святитель приводитъ по этому случаю постановленія Константина Великаго и призывы прародителей В. Князя, особенно же отца его Дмитрія, который, познавъ отъ Божественнаго Писанія, что *не спасется царь мноюю силою и исполнитъ не спасется во множествѣ крѣпости своей*,—когда наступали на него Агаряне, грозившіе пагубою христонимитымъ людямъ, прибѣгалъ къ руководству и опорѣ Святителя, и являлся побѣдоносцемъ. Вотъ одно изъ доказательствъ тому, что Кипріанъ былъ у насъ во время Донской битвы. Порицанія и клеветы вра-

Посланія къ В. Князю.

говѣ Фотія не охладжали его ревности. „Для меня неважно, говоритъ онъ во второмъ посланіи, хвалить ли меня или хулить; хула меня не печалить, и для похвалы не сдѣлаюсь я хуже. Буду ли хулимъ и хвалимъ, останусь тѣмъ же, чѣмъ былъ; ибо я рабъ Божій хотя и грѣшникъ“. Пастырь не щадить и укоровъ В. Князю за то, что онъ съ насиліемъ беретъ у Церкви Божіей то, что не принадлежитъ ему. Отъ Князя, какъ вѣрнаго сына Церкви, онъ требуетъ себѣ покорности⁶⁾). Настойчивостью своею Митрополитъ успѣлъ, хотя и не скоро, возстановить владѣнія своей кафедрой въ прежней цѣлости.

Посланіе по
случаю из-
бранія Гри-
горія Цам-
блака.

Важностью современнаго содержанія, обширностью объема, силою краснорѣчія отличается Окружное Посланіе Фотія, написанное по случаю избранія Литовскими Епископами Григорія Цамблака въ санъ Кіевскаго Митрополита, отдѣльно отъ Московскаго. Видно, какъ это событіе въ самое сердце поразило Пастыря, ревностнаго объ единствѣ церковномъ, и какъ онъ призвалъ всѣ свои силы, чтобы охранить его.

Древніе, божественные мужи, говоритъ Фотій, не писаніемъ и книгами учимы были, но, чистый имѣя смыслъ, Духомъ Святымъ просвѣщались и научились Божіимъ хотѣніямъ. Таковы были первые Патріархи. Когда же изнемогли челоѣки и недостойны стали просвѣщаться отъ Духа Святаго, тогда Богъ далъ законъ Моисею. Такъ и Владыка нашъ Христосъ бесѣдовалъ съ Апостолами лицомъ къ лицу. Когда же ереси и мятежи смущенія церковнаго начали прозябать, Господь благоволилъ написатися Евангеліямъ, и преданіямъ Апостольскимъ, и правиламъ Св. Отець.

Ими-то внушаемый, хочу я извѣстить любовь вашу о мятежѣ, бывшемъ въ Церкви Божіей отъ мужей *неподобныхъ*. Блюдитесь, возлюбленные; *дніе лукави суть и время своихъ слугъ поставляетъ...* Григорій, изверженный изъ сана Патріархомъ Вселенскимъ Евеніемъ, возвращается въ Литву, чтобы разрушить и смутить Церковь Божію. Онъ собираетъ окаянныхъ Епископовъ, которые на Церковь Божію, *увы! начинаютъ замышленіе, не избраніемъ Св. Отець, не испытаніемъ соборнымъ, не разсужденіемъ правильнымъ, но самозаконно учинивъ его поставленіе, какъ будто въ сонномъ привидѣніи играя, въ священную одежду недостойнаго одѣваютъ...* *Кто достойно восплачетъ бывшую нынѣ бѣду? который языкъ изречетъ содѣянное нынѣ? который слухъ кротко прииметъ сію повѣсть *)*? Благовременно и пригодно нынѣ пророческое слово: „погибе *благочестивъ отъ земли и исправляя въ челоѣцкихъ нѣсть*“,—*ибо стѣнимоъ и оскордомоъ разсѣбли двери Христовой Церкви, гре-*

*) Все напечатанное курсивомъ выписано изъ текста слово въ слово; прочее передано въ вѣрномъ сокращеніи

мигъ проповѣдникъ, подражая словамъ Псалмогѣвца *). Мы, какъ Іеремія, должны искать *глазъ воду и очамъ источникъ слезъ.*

Въ поэтическомъ образѣ раскрыта далѣе мысль объ единствѣ Церкви. — Какъ источникъ водный, единъ текущъ, разливается по многимъ странамъ, напаяетъ и прохлаждаетъ словесныхъ и несловесныхъ, и вся прозябленія земная влагою раститъ и плодитъ, такъ и соборная и апостольская Церковь Константинограда, отъ источника паче духовнаго и безсмертнаго повсюду текущи, равно и къ Митрополіи Кіевской и всея Руси, строитъ попеченія и береженіе, и посылаетъ единаго Митрополита Кіеву и всея Руси. И такъ должно сущимъ всѣмъ Епископомъ, Княземъ, велможамъ, священникомъ и инокомъ, и всему Христоименитому исполненію послушати его, яко пастыря и учителя духовнаго по словамъ Христовымъ: „Слушая васъ, мене слушаетъ, и отменяся васъ, мене отмещется; мене же отменяся, отменяется пославшаго мя“.... Скажите, окаянные, которыя книги Святыхъ, которое Евангеліе, который Апостоль васъ научилъ такое нечестіе творить?

Христосъ васъ не пользуется... Преставшу источнику отъ теченія, скудость бываетъ всѣмъ сущимъ на земли, словеснымъ же и несловеснымъ, и всякому земному прозябленію и плоду: также и вамъ, не сущей благодати Святаго Духа въ васъ, отъ источника духовнаго оскуднѣе бысть вашимъ душамъ и погубленіе.

Скажи ты, всѣхъ болѣе прельщенный не-Епископъ Полоцкій Θεодосій; по преставленіи Святаго почившаго Митрополита Кипріяна не ты ли шелъ на Митрополію? Ты самъ знаешь, сколько обѣщаль ты серебра и злата за то ставленіе! Если бы за мзду оно давалось, не отослала бы тебя бездѣльна. Но ты былъ отосланъ съ униженіемъ великимъ и стыдомъ, и сказали тебѣ: *Злато твое и серебро твое съ тобою въ пагубу да будутъ!*

Затѣмъ слѣдуютъ вопли сокрушенія Церкви и выраженіе надежды, что Господь не оставитъ ее униженную, но *одѣнетъ одѣянїемъ веселія, по древнему благолюбію.* — Призывая всѣхъ православныхъ не пріобщаться къ нечестію, совершенному въ избраніи незаконномъ, Митрополитъ приводитъ слова всѣхъ учителей, начиная съ Апостола Павла, котораго именуетъ *сосудомъ избраннымъ, предѣломъ церковнымъ, многострадальцемъ доблественнымъ, благовѣщанною двѣлицею, Христовымъ проповѣдникомъ, трубою слову и въщителемъ благочестія.* Призвавъ слова учительскія на убѣжденіе паствы, такъ обращается пастырь ко всѣмъ вѣрующимъ уже съ словомъ силы и гнѣва.

„Ужаснитесь и въстрепещите, которыи съ несвященными ядите, и любви творящии съ ними, и исправите себе, яко да не погыбнете съ без-

*) Яко въ дубравѣ древянѣ сѣкирами разсѣкоша двери его вкупѣ: сѣчивомъ и оскордомъ разрушиша ѿ. Псал. 7, ст. 6 и 7.

законіємъ ихъ. Услышите вси языци, внушите вси живущіи по вселенній, услышите пастыріе церквамъ Христовымъ, услышите священники Господни, услышите благодетели князи и вси людие, и бояре, и вси судія земскыя, иноцы, инокини, юноша и дѣвы, старци съ уношами, мали и велиции, или мужескъ полъ или женскъ, купць богатіи и убози, вси внимайте глаголемымъ, молю вы“.

Все собранное отъ Божественнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта я объявилъ любви вашей: теперь услышите то, чтѣ завѣщено Святыми Апостолами и Отцами на Соборахъ. Посланіе заключается многими выписками изъ Соборныхъ положеній.

Посланія во Псковъ противъ Стригольниковъ.

Ересь Стригольниковъ, послѣ увѣщательныхъ посланій Патріарховъ Нила и Антонія, все еще коренилась во Псковѣ. Три посланія писалъ по этому случаю М. Фотій во Псковъ къ посаднику и тысячникомъ, къ старымъ посадникамъ и тысячникомъ, ко всему священническому и иноческому чину, и ко всему христіанскому исполненію святаго людства. Мысль, руководящая пастыря во всѣхъ его наставленіяхъ, выражена въ первомъ посланіи слѣдующими словами: „Церковь Божія, утвержденная Богомъ и даннымъ намъ закономъ новымъ, огражденная повелѣніями апостольскими, укрѣпляемая божественными и Св. Отець правилами седми Соборовъ, свѣтится паче солнца, яко сущее небо земное украшена, и красуется непобдимымъ благомъіемъ православія“. Міряне, дерзающіе судить Церковь и откалываться отъ нея, приводятъ въ ужасъ начальника паствы. Священникамъ онъ строго запрещаетъ принимать отъ нихъ дары и велитъ отметать ихъ самихъ, какъ члены согнившіе, отъ здраваго тѣла церкви Христовой; народу возбраняетъ имѣть всякое общеніе съ ними и велитъ наказывать ихъ только не смертною казнію, а заточеніемъ. Ученіе Стригольниковъ, судя по содержанію посланій, было все тоже какъ и прежде. Они осуждали священниковъ за ставленіе на мздѣ: Митрополитъ указываетъ, что оно совершается согласно съ правилами Соборовъ. Они отпали отъ евангельскихъ благовѣстій, отъ преданій апостольскихъ и отеческихъ и, поднимая взоры отъ земли на воздушное небо, тамъ нарицали себѣ Отцемъ Бога, которому и калялись, отвергая покаяніе священникамъ. Настоячивое слово Пастыря, поучавшаго въ самой землѣ Русской, было дѣйствительнѣе, чѣмъ слово отдаленныхъ Патріарховъ Царьграда. Народъ самъ распорядился съ еретиками. Стригольники уступили мнѣнію народному, и съ тѣхъ поръ имя ихъ уже не упоминается въ лѣтописяхъ Новгорода и Пскова.

Поученія по случаю бѣдствій народныхъ.

Несчастныя событія времени: засуха, голодь, моръ, пожары, находятъ отголосокъ въ поученіяхъ Фотія, подавая поводъ къ весьма сильнымъ изображеніямъ и къ движеніямъ ораторскаго чувства.

Засуха.

Вотъ изображеніе засухи изъ поученія о бездождіи: „Земля, изсохши въ конецъ, ненавидна есть, измѣнилась въ своей красотѣ, неплодна, залядѣвшая;

сохнетъ и разсѣдается, и въ глубину ея солнечное сіяніе входитъ. *Утрезвимся благоговѣніемъ, да не будемъ состѣдямъ нашимъ новою повѣстію о гладѣ и томленіи на поруганіе.* Видѣлъ я прежде бразды нивныя неплодныя, и прослезился, и изліялъ рыданіе о томъ, что дождь не оросилъ ихъ. Одни сѣмена еще прежде всхода, лежа въ землѣ, засохли, какъ ихъ закрыло рало. Другія, выросши мало, увяли жалостно и сгорѣли отъ зноя. Земледѣльцы, сидя при бороздахъ и сплетши руки на колѣняхъ, стенаютъ надъ трудомъ рукъ своихъ, плачутся, смотря на дѣтей своихъ, рыдаютъ, взирая на женъ и изсохшую траву осязая руками.

„...Всѣ окрестныя мѣста одождены, наши же мѣста не одождены. Пережались времена года, зной и студень. Нѣтъ ли въ насъ самихъ причины тому?... Не ужь ли же у Бога чтò отнялось отъ Его власти и силы? Оставимъ такое хуленіе.... Нѣтъ, *со вѣсьми длъями безмѣстными, мы и братолюбіе затворили:* вотъ почему *сухи бразды наши; любовь изсохла и гласъ молящихся всеу вопіетъ и на воздухѣ расходится, ниже молящагося слышахомъ“.*

Проповѣдникъ приводитъ въ примѣръ Ниневію. Прекрасна картина всенароднаго ея покаянія: каются матери и на грудяхъ ихъ младенцы, кается старецъ и юноша, богатый и нищій, кается стража города, и самъ царь славу и свѣтлость свою въ срамоту преложилъ, снялъ вѣнецъ и персть на главу свою посыпалъ, баграницу растерзалъ и во вретнице облекся, престолъ высокій и прехвальный оставилъ, умиленно и бѣдно на землю лице свое преклонилъ, власть и царство покинувъ, благопокорно плакалъ вмѣстѣ съ народомъ....

„А мы грѣхи творимъ прилежно; лѣность и уныніе — наше покаяніе. Кто изъ насъ помолился чисто и испустилъ слезы, чтобы принять дождь и капли росныя? Кто, потребляя грѣхи по ревнованію блаженнаго Давида, плача, постелю свою слезами омочилъ? Кто страннымъ ноги умылъ и прахъ на ногахъ ихъ отмылъ, да во время умолять Бога и испросить его разрѣшенія? Кто воспиталь сироту, да и насъ питаетъ Богъ животомъ умноженія? Кто пособилъ вдовицѣ, кто утѣшилъ ее, *озлобленную отъ житейскаго оскудства, да и намъ возмѣрится нужная пища?* Раздерите писанія неправедныя, да и грѣхъ разрѣшится. *Потребы уреченную неправедную тяжкую лихву, да земля родить свое обычное. Серебря и злату, не рѣднымъ сущимъ, мы черезъ естество творимъ раждаются; земля же отъ естественнаго рода пребываетъ неплодна...*

„Бѣдный, богатому Богу дай: достовѣрный онъ поручникъ, ибо повсюду, и по землѣ, и по морю, имѣетъ полныя сокровища“.

Голодъ нѣсколько разъ постигалъ Русскую землю при Митрополитѣ Фотіи. Въ томъ же поученіи, гдѣ изображаетъ онъ засуху, говоритъ и о голодной смерти, какъ самой страшной. „Голодъ есть продолжающаяся болѣзнь, недугъ *всаженъ и впитъденъ, мокроту онъ по естеству иссушаетъ, теплоту студитъ, тол-*

Голодъ.

стоту тончитъ, силу тѣлесную по малу иссушаетъ и увядуетъ; какъ паутина онъ на костяхъ облежитъ; тѣло не имѣеть цвѣтности своей; румянецъ бѣжить прочь; кровь скудѣеть, бѣлизны нѣтъ на тѣлѣ; тонѣя, оно чернѣеть... Колѣни не держатся, а влекутся; голосъ тонкой и немощный; очи стали глубоки отъ изнеможенія... чрево тощее и упавшее и невидное“....

Подробности описанія показываютъ, что Фотій самъ бывалъ очевидцемъ страданій отъ голода. За тѣмъ слѣдуютъ увѣщанія. „Старца увидишь голоднаго, напитай его, какъ Іосифъ напиталъ Іакова; врага увидишь въ тѣснотѣ, не возлагай гнѣва на него въ отмщеніе, но напитай, какъ Іосифъ напиталъ продавшую его братію; увидишь юношу въ нуждѣ, прослезись, какъ Іосифъ же надъ Веніаминомъ, старости сыномъ“.

Черная
Смерть.

По свидѣтельству лѣтописей, едва ли проходилъ годъ во все время служенія Митрополита Фотія на чредѣ Русской паствы, чтобы морь, извѣстный подъ именемъ Черной Смерти, не поражалъ народа въ какой нибудь части Россіи. Въ поученіи *рыданномъ, о находящихъ на насъ всяческихъ праведныхъ владычныхъ прещенійхъ*, проповѣдникъ говоритъ, что много было предсказаній отъ святыхъ иконъ, *кровьми и слезами текущихъ*: плѣнь отъ поганныхъ, страшныя болѣзни, голодъ и морь слѣдовали за ними. Подобными знаменіями, по свидѣтельству лѣтописи, предсказывались бѣдствія — и особенно плѣнь Татарскій⁷⁾. Изъ этихъ бѣдствій пастырь останавливается на Черной Смерти, говоря, что ни въ писаніяхъ такой бѣдственной казни мы не находимъ, ниже прежде когда либо слышали въ Божіихъ казняхъ, о такой *нужной* казни... Особенно прискорбно ему то, что едиородные братія наши, мертвые, повсюду валяются, звѣрями и птицами безчисленно снѣдаемые... Извѣстія лѣтописей подтверждаютъ истину скорби заботливаго пастыря. Въ одномъ изъ посланій своихъ къ Псковичамъ, по случаю этого бѣдствія, онъ утѣшается тѣмъ, что Богъ поражаетъ людей этою смертію не внезапно, но даруя имъ кончину Христіанскую, съ чистымъ покаяніемъ и исповѣданіемъ, съ освященіемъ масла, съ причащеніемъ честнаго и животворящаго Христова тѣла и божественныя и животворящія его крови, а многіе отходятъ къ Богу и въ подобіи великаго Ангельскаго одѣянія. Далѣе проповѣдникъ приглашаетъ страдающихъ вникнуть, чего ради страждемъ, грозитъ Господнимъ днемъ отмщенія, велитъ словами Пророка *расторгнуть сердца, а не ризы*, обнажить къ Богу всѣ язвы душъ, и предлагаетъ наставленія всѣмъ сословіямъ отъ высшихъ властей до народа. Любовь и совокупленіе духовное его послѣдній совѣтъ: „о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученици есте, сказали Христось, аще любовь имате между собою“. Этимъ словомъ заключается каждое его наставленіе во дни всенародныхъ бѣдствій.

Мысль о
близкой кон-
чинѣ міра.

Всѣ эти бѣдствія считались у современниковъ знаменіями близкой кончины міра. Проповѣдникъ самъ соединяетъ ихъ съ мыслию, тяготѣвшюю надъ умами

вѣка, что онъ есть уже послѣдній. Не рѣдко во всѣхъ поученіяхъ своихъ онъ упоминаетъ объ этомъ. То называетъ время свое *послѣднимъ*, указывая на чародѣевъ и волхвовъ, на злыхъ дѣлателей, на разбойниковъ, на лихоимцевъ; то родъ людей именуетъ также *послѣднимъ*; то приводитъ слова Спасителя: и будутъ труси на земли, и знаменія въ лунѣ и въ солнцѣ и въ звѣздахъ,—примѣняя ихъ къ *нынѣшнимъ послѣднимъ днямъ*. Въ 11-мъ поученіи, обращенномъ ко всему народу, онъ ясно говоритъ объ истеченіи седьмой тысячи и объ ожиданіи всеобщей кончины міра: „Сей вѣкъ маловременный преходитъ: грядетъ ночь, *жизніа нашего престаніе*, когда никто уже не можетъ дѣлать. Седьмая тысяча совершается; восьмая приходитъ, и не преминетъ, и уже никакъ не пройдетъ. Блаженъ, кто уготовилъ себя къ восьмой тысячѣ, будущей и безконечной, и сего ради молю васъ: будемъ дѣлать дѣла свѣта, пока еще житіе наше стоитъ.... Теперь еще время дѣлать и сѣять, а тамъ уже не мѣсто тому“...

Есть цѣлое пятое слово, посвященное мысли о второмъ и страшномъ пришествіи. Вдохновенный притчею Евангельскою, проповѣдникъ изображаетъ этотъ день словами: „О страшный день онъ втораго пришествія Христова и будущаго суда! И ужасно намъ сіе судище, и словоположеніе на немъ грознѣйшее, когда престолы поставлены будутъ, и книги разгнутся, и судія сядетъ, нелицемѣрный и тьмами темъ Ангелъ доручносимый: тогда трубы возгласятъ великимъ гласомъ, отъ святыхъ Ангелъ вдохновенныя“... Можно представить себѣ, какое дѣйствіе производили эти изображенія страшнаго суда, возглашаемыя въ храмахъ, на современниковъ.

Слово о второмъ пришествіи.

Отъ этой страшной мысли о послѣднемъ времени и о кончинѣ міра пастырь переходитъ къ самому себѣ и исповѣдуетъ передъ всѣми, какъ онъ, смиренный и худшій изъ всѣхъ передъ Богомъ, не желалъ быть кормчимъ такого великаго корабля въ столь трудныя *послѣднія* времена. Онъ выразумѣлъ слова Григорія Богослова, какъ нужно пастырю, особенно въ такое время, совокуплять всякихъ звѣрей дикихъ и овецъ во едину чреду, укрощать свирѣпство каждаго и пасти ихъ соединенныхъ въ достояніи мирномъ. Онъ же думалъ прежде о томъ лишь, какъ бы свою душу чистую и непорочную предпоставить Богу, а пришлось трудиться о толикомъ множествѣ. Пастырь уподобляетъ себя человѣку, у котораго струи неудержимыя мимо рукъ текутъ; какъ сонъ передъ нимъ мельбаютъ люди, какъ слѣдъ за кораблемъ проходить... Въ многоразличныхъ буряхъ, волнующихъ ввѣренный ему корабль, несчастный кормчій не только повседневыми рыданьями, но и по всѣ часы рыданьями неусыпающими къ Богу, *имѣетъ умъ* о ввѣренныхъ ему душахъ человѣческихъ; о своей же едиnorodной и безсмертной душѣ, въ сихъ превеликихъ волнахъ, вѣдаетъ Богъ, что однимъ лишь печальнымъ рыданіемъ онъ ее временно утѣшаетъ.

Одно изъ своихъ поученій, а именно о бездождіи и происходящихъ отъ

него бѣдствіяхъ, Святитель заключаетъ такъ: Все это, чада мои, я собралъ отъ Божественнаго писанія къ наученію и исправленію вашихъ душъ: не подумайте, чада мои возлюбленныя о Господѣ, чтобы я, какъ мать или кормилица, живо утрашала васъ и говорилъ вамъ, какъ онѣ обыкли говорить съ плачущими младенцами и басенными повѣстями заставляютъ ихъ молчать. То, что говорю вамъ, не басни, но слово неложное, проповѣднымъ гласомъ: *стойте испытно*. Самъ вѣра въ силу и правду всемірнаго суда Божія, онъ присоединяетъ: по евангельскому прореченію, строка една или черта одна не мимо идетъ, но и тѣло, въ гробѣ невидимо пролежавъ, встанетъ, и душа, смертью затворенная, паки въ тѣло вселится... Пожившимъ въ вѣкѣ семь, обличеніе неиспытное предстанетъ, не инымъ свидѣтельствующимъ, но самой совѣсти — и тогда каждому по достоянію отъ праведнаго судіи возмѣрится!

Заключеніе.

Вникнувъ во все содержаніе поученій Фотіевыхъ, мы можемъ теперь оправдать свидѣтельство лѣтописи, которая говоритъ, что онъ „всѣхъ, отъ малыхъ до великихъ, поучалъ словами благочестія, поученіями отъ божественныхъ писаній, какъ соблюдать заповѣди Христовы, отвращаться отъ злыхъ и пребывать во благихъ“. Глубины богословскія были открыты ему, какъ Христіанскому проповѣднику; но силу слова своего заимствовалъ онъ преимущественно въ примѣненіи Христіанской истины къ народной жизни той земли, гдѣ дѣйствовалъ. И пороки, и бѣдствія Русскаго народа были близки его пастырскому сердцу. Цвѣтистая риторика школь греческихъ не погубила жизни этого слова; онъ съумѣлъ даже побѣдить и препятствія языка, ему чуждаго. Сила дѣятельной мысли и еще болѣе сила любящаго сердца торжествовали надъ этими оковами — и проповѣдь достигала иногда дѣли, переходя изъ міра слова въ дѣло жизни.

Григорій Цамблакъ.

Характеръ его проповѣди.

Во враждебныя отношенія къ Фотію поставленъ былъ судьбою другой Русскій проповѣдникъ, ему современникъ, совмѣстникъ его по назначенію званія и достойный соперникъ по слову. Проповѣдь Григорія Цамблака, можетъ быть, превзойдетъ Фотіеву глубиною отвлеченнаго богословскаго созерцанія, но уступитъ въ силѣ жизни: причина тому могла заключаться и въ самой мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ пастырь. Онъ удаленъ былъ отъ зачинавшагося новаго сѣвернаго средоточія Русской жизни; биеіе новаго сердца ея — Москвы — и жилъ, къ нему прироставшихъ (Новгорода и Пскова), было для него чуждо. Мысль его могла витать на высотахъ церковнаго богословія; но она слишкомъ отвлечена была отъ народной жизни. Вотъ почему и Византійская витіеватость, и риторическіе узоры, сплетаемые изъ фигуръ всякаго рода, преимущественно изъ антитезы, составляютъ весьма обильную стихію въ проповѣди Григоріевой. Только въ спорахъ съ Іудеями, противниками Христіанства, съ Латинянами объ опрѣснокяхъ, обнаруживаются въ немъ современныя отношенія, да развѣ еще въ идеальномъ изображеніи иноческой жизни и въ обличеніи братоненавидѣнія, порока, впрочемъ, общаго

всѣмъ вѣкамъ челоуѣчества и особенно противнаго любящему чувству Христіанскаго пастыря. А, за исключеніемъ этого, Григорій весь препогруженъ въ общія истины, составляющія основу Христіанской Церкви, или вдохновенъ ея праздниками и церковнымъ славословіемъ, ихъ оглашающимъ. Вотъ почему слова его, какъ и слова Кирилла Туровскаго, переписывались весьма дѣятельно нашими грамотѣями во всѣхъ столѣтіяхъ древней Русской жизни, слѣдовавшихъ за проповѣдникомъ, и онъ заслужилъ отъ нихъ наименованіе Григорія, *Архіепископа Россійскаго*.

Григорій Цамблакъ былъ землякомъ и племянникомъ Митрополиту Киприану. Болгарія была его отечествомъ, какъ свидѣтельствуется и прозвище Цамблака, а городъ Терновъ родиною. Отецъ Григорія былъ братомъ Киприану. Григорій помнилъ своего славнаго дядю еще въ отроческомъ возрастѣ; но потомъ до самой старости уже не видалъ его. Когда въ 1379 году Киприанъ изъ своего новаго отечества — Москвы — возвратился въ прежнее и посѣтилъ свой родной городъ Терновъ, тогда Григорій былъ свидѣтелемъ той встрѣчи, которую Патриархъ Евсимій и народъ приготовили Святителю. Тогда-то Киприанъ возложилъ рукъ своихъ благословилъ Григорія и тѣмъ какъ будто предрекъ его будущность. Письмомъ Киприана вызванъ былъ онъ въ Россію, но не засталъ уже своего дядю въ живыхъ. Онъ былъ на Нѣманѣ въ то время, когда настигло его скорбное извѣстіе о кончинѣ Киприана, поразившей, по его словамъ, всѣ пути Московскіе. Черезъ три года послѣ того написалъ онъ надгробную ему похвалу, гдѣ передалъ и эти подробности взаимныхъ между ними отношеній⁸⁾.

Свидѣнія
объ его
жизни.

До переѣзда своего въ Россію Григорій былъ то въ Болгаріи при Терновскомъ Патриархѣ Евсиміи, то въ Молдовлахіи пресвитеромъ соборной Молдовлахійской церкви въ Сочавѣ, то въ Сербіи игуменомъ Пантократоровой обители въ Дечахъ и еще игуменомъ какой-то обители Плинаирской, неизвѣстно гдѣ находившейся. — Всѣ эти званія Григорія, предшествовавшія его пребыванію въ Россіи, обозначены имъ же самимъ въ заглавіяхъ его сочиненій. Былъ онъ также и на горахъ Аѳонскихъ, какъ упоминаетъ о томъ въ одномъ изъ своихъ посланій⁹⁾.

Витовтъ, изъ политическихъ своихъ видовъ желая отдѣлить Митрополию Кіевскую отъ Московской, предложилъ епископамъ избрать своего Митрополита и послать его въ Царьградъ на ставленіе къ Патриарху. Нѣкоторые епископы согласились съ волею Витовта и въ 1414 году избрали Григорія Цамблака; другіе же воспротивились и остались вѣрны Фотію. Путешествіе Григорія въ Царьградъ не имѣло успѣха, не смотря на то, что Витовтъ хотѣлъ поддѣрживать его жалобами Патриарху на Фотія; ни Царь, ни Патриархъ, которымъ былъ тогда уже Евсимій, а не Матеей, ставившій Фотія на митрополию Русскую, не захотѣли Григорія.

Но Витовтъ черезъ два года настоялъ на своемъ. Послѣ новыхъ требо-

ваній въ Царьградѣ, неудовлетворенныхъ Патріархомъ, послѣ борьбы съ Епископами, защищавшими права власти церковной святительской противъ вторженія власти земской и единства Русской митрополіи, Витовтъ собралъ епископовъ въ Новогрудкѣ — и Ноября 15-го 1416 года совершено было ими избраніе Григорія въ Митрополиты Кіевскіе.

Избраніе въ Кіевскіе митрополиты.

Въ оправданіе своего дѣйствія, по внушенію Витовта, епископы сочинили два посланія, одно обвинительное на М. Фотія, другое ко всѣмъ православнымъ, ссылаясь на примѣры своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ Болгаръ и Сербовъ. Тогда-то Фотій разразился противъ ихъ дѣйствія своею краснорѣчивою грамотою, содержаніе которой мы уже знаемъ.

Между тѣмъ Григорій, возведенный волею Витовта въ санъ Митрополита, ревновалъ передъ нимъ о православіи; онъ обратился къ Литовскому князю съ вопросомъ: зачѣмъ ты въ Ляшскомъ законѣ, а не въ Греческомъ? Витовтъ отвѣчалъ ему: если хочешь видѣть не меня одного, а и всѣхъ людей моихъ земли Польской въ законѣ Греческомъ, иди въ Римъ и вступи въ преніе съ Папою и его мудрецами. Если побѣдишь ихъ, мы всѣ перейдемъ въ Греческій законъ и обычай; если же они тебя, то и всѣ люди земли моей Греческаго закона перейдутъ въ Латинскій.

Витовтъ отправилъ Григорія не въ Римъ, какъ говоритъ о томъ наша лѣтопись, а на соборъ Констанскій, куда онъ прибылъ вмѣстѣ съ послами императора Греческаго Мануила, уже къ концу засѣданій собора, въ Февралѣ 1418 года. Не претерпѣвъ никакихъ притѣсненій относительно вѣры своей, Григорій безопасно, но безъ всякихъ послѣдствій, возвратился съ этого собора, который приобрѣлъ страшную извѣстность сожженіемъ Іоанна Гусса¹⁰).

Борьба съ Іудеями.

Рвеніе свое къ православію Григорій обнаружилъ въ борьбѣ своей съ Іудеями о главной истинѣ Христіанства и съ Латинянами объ опрѣсновахъ. Первой посвятилъ онъ часть своего перваго слова, которымъ приготавливалъ вѣрующихся къ празднованію Рождества Христова. Съ Іудеями уже не въ первый разъ приходилось ратовать словомъ нашимъ Святителямъ. Въ Кіевѣ Жиды окружали престолъ митрополіи, и терпимость наша позволяла имъ не только проповѣдывать свое ученіе, но и возставать противъ основныхъ истинъ нашей вѣры. Видя, говоритъ проповѣдникъ, насъ готовящихся къ свѣтлости праздника и духовно веселящихся, Іудеи приходятъ къ простѣйшимъ и покушаются привлечь ихъ въ свою пропасть, говоря имъ: Богъ поялъ жену и родилъ сына! Въ отпоръ богохуленію Іудейскому учитель богословствуетъ о великой тайнѣ Христіанства, о предвѣчномъ рожденіи Сына, подражая древнему оному ученію, которое проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей жизни во Христѣ. „Сына рождаетъ Отецъ сприсносушна, и безлѣтна, и превѣчна, неизрѣченно и несказанно, имъ же и творить мысленныя силы... Онъ рождень, какъ отрасль отъ корня, какъ сіяніе отъ солнца, какъ слово отъ ума. Сынъ нари-

цается слово: Отецъ рождаетъ безплотное, единосущное слово, не несоставное, но составное, свой имущее составъ, ибо Сынъ во всемъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденія, равномошно, равносильно, имъ же вся быша и безъ него ничтоже бысть, еже бысть, по богословія гласу, имъ же и вѣки сотвори, по премудрому Павлу“. Приведши изъ Моисея и изъ Псалмопѣвца свидѣтельства объ единствѣ существа Божія и троичности лицъ Его, проповѣдникъ останавливается на тайнѣ воплощенія. Когда палъ человѣкъ, смерть укрѣпилась, адъ отверзся, рай затворился, небо заключилось и дьяволъ объявилъ намъ войну, тогда Богъ человѣколюбецъ сотворилъ такой же совѣтъ о поновленіи нашего естества, какой былъ и при нашемъ созданіи, и спросилъ: кого пошлю и кто пойдетъ? Всѣмъ молчавшимъ Сынъ сказалъ: се азъ, послѣ мя, и речеъ Господь: иди, и даждь ему образъ человѣка, да слово будетъ плотію. И родился Онъ отъ Дѣвы чистой, и, принявъ то, чѣмъ не былъ, пребылъ тѣмъ, чѣмъ былъ: въ двухъ естествахъ одинъ составъ. Все предано было ему Отцемъ его, ибо Отецъ любитъ Сына и все отдаетъ въ руки его: какъ Имъ все было, такъ Имъ же все и обновилось. Онъ облекся въ нашу плоть, чтобы страданіемъ своимъ насъ успокоить, чтобы алчбою своею насъ напитать, чтобы сходя въ адъ, насъ возвести въ небо... Въ Немъ оживотворился человѣкъ!

Но на тебѣ, Іудей, сбываются слова псалма: на мнѣ утвердися ярость твоя. Снеживъ душевныя очи и уши подобно аспиду, Сына Божія не приемишь; преступникъ закона, думаешь хранить законъ; избивъ пророковъ, читаешь ихъ книги. Тутъ проповѣдникъ громить Іудеевъ словами Исаи и другихъ пророковъ, особенно тѣхъ, которое ближе къ пришествію І. Христа. Торжествуетъ онъ надъ Іудеями, приводя слова Малахійны: отъ востокъ солнца и до запада имя мое прославится во языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ кадило приносится имени моему, и жертва чиста, (Гл. I. ст. 11)—и слова Софоніи: явится Господь надъ языки и потребить вся боги языческія, и поклонятся ему каждо отъ мѣста своего (Гл. 2 ст. 11). Въдъ Моисей велѣлъ же вамъ собираться въ одно мѣсто и на немъ приносить жертвы: какой же это Богъ у пророковъ принимаетъ жертву чистую повсюду, и даже въ домъ у себя каждый можетъ Ему приносить ее?

Въ словѣ седьмомъ на великій четвертокъ Григорій побѣдоносно вооружается противъ Латинянъ, употребляющихъ опрѣсноки въ причащеніи. Главною опорю служатъ ему слова Апостола Павла и Евангелистовъ, которые, повѣствуя о тайной вечери, именуютъ хлѣбъ, а не опрѣснокъ. Входя подробно во всѣ обстоятельства тайной вечери, Григорій доказываетъ, что въ день учрежденія таинства причащенія ѣсть опрѣсноки еще не начинали и что всѣ обряды, сопровождавшіе вечерю, по разсказу Евангелистовъ, не имѣютъ ничего сходнаго съ тѣми, какими сопровождалось празднованіе Пасхи.

Такъ дѣятельно охранялъ Григорій православіе въ своей паствѣ; но дѣятельность его была непродолжительна: онъ скончался зимою въ 1419 году.

Борьба съ Латинянами противъ опрѣснокъ.

Кончина Григорія.

Его творе-
нія.

Всѣхъ твореній Григорія, до сихъ поръ извѣстныхъ по рукописямъ, считается 26: 23 слова, 2 сказанія и 1 богослужебный стихъ. Девятнадцать словъ по случаю церковныхъ праздниковъ помѣщаются въ особыхъ рукописяхъ отдѣльною книгою въ одномъ и томъ же порядкѣ, слѣдуя кругу церковныхъ недѣль и праздниковъ, въ какіе были сказаны. Начинаются они словомъ, приготовительнымъ къ празднованію Рождества Христова, сказаннымъ 20 Декабря, на память Св. Филогонія. За тѣмъ слѣдуютъ: 2) слово объ усопшихъ въ родительскую, 4) похвальное отцамъ преподобнымъ въ субботу сыропустную; между ними вставлено 3) слово объ иноческомъ житіи, изъ содержанія котораго ясно, что оно говорено было между вторымъ и четвертымъ. Далѣе по порядку праздниковъ: 5) сорока мученикамъ, 6) въ недѣлю вербную, 7) въ великій четвергъ, 8) въ великую пятницу, 9) на Вознесеніе, 10) на Рождество Іоанна Предтечи, 11) похвальное Апостоламъ Петру и Павлу, 12) похвальное пророку Илиі, 13) на Преображеніе, 14) на Успеніе Богородицы, 15) на Усѣкновеніе главы Предтечи, 16) на Рождество Богородицы, 17) на Воздвиженіе креста Господня, 18) похвальное великомученику Димитрію Солунскому (Октября 26) и 19) также похвальное великомученику и побѣдоносцу Георгію, празднуемому Апрѣля 25 и Ноября 26-го. — На всѣхъ этихъ словахъ Григорій названъ то просто инокомъ и пресвитеромъ, то игуменомъ обители Пантократоровы, то Архіепископомъ Россійскимъ. Въ двухъ синодальныхъ рукописяхъ встрѣчается надгробное слово Митрополиту Кипріану съ припискою въ концѣ самого автора. Здѣсь онъ называетъ себя игуменомъ обители Плинаирской. Загадочную обитель Плинаирскую (въ воздухѣ сущая) не принималъ ли онъ въ смыслѣ иносказательномъ? Похвальное слово Терновскому Патріарху Евемію встрѣчается отдѣльно въ рукописяхъ: Григорій зналъ его лично и написалъ это слово по смерти Патріарха. Евемій описалъ житіе святой Параскевы, уроженки Славянской. Григорій присоединилъ къ нему извѣстіе о томъ, какъ мощи ея, по ходатайству Сербской Княгини Ангелики, вдовы князя Лазаря, передъ Султаномъ Баязетомъ, перенесены были изъ Болгаріи въ Сербію. Онъ же описалъ страданія Іоанна, новаго мученика, замученнаго въ Бѣлградѣ Сарацинами и погребеннаго въ Сочавскомъ соборѣ Митрополіи Молдовлахійской. Въ заглавіи этого сказанія Григорій названъ пресвитеромъ церкви Молдовлахійской. Эта повѣсть вошла въ наши Четив-минеи подъ 2-мъ числомъ Іюня. Другое повѣствованіе его же о Сербскомъ царѣ Стефанѣ встрѣчается въ прологѣ подъ 9-мъ числомъ Маія, а авторъ его названъ игуменомъ Дечанскимъ. Богослужебный стихъ Григорія посвященъ Успенію Богоматери и есть сокращеніе его же слова на тотъ же праздникъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что 19 словъ, встрѣчаемыхъ между рукописями отдѣльною книгою и такъ внесенныхъ въ Великія Четив Минеи Митрополитомъ Макаріемъ подъ именемъ книги Григорія Цамблака, были приведены въ этотъ порядокъ и

составлены особою книгою самимъ творцемъ ихъ. Послѣдовательная связь всѣхъ этихъ словъ и указаніе на нее особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сами собою не связаны порядкомъ церковнаго круга, подтверждаютъ истину этого предположенія. Должно думать, что авторъ самъ разными наименованіями званій своихъ указывалъ на мѣсто и время, когда слова первоначально были сказаны; но что потомъ переписчики, внося отдѣльные слова въ свои сборники, перемѣшали эти указанія. Впрочемъ на большей части они еще довольно вѣрно сохранились¹¹⁾.

Проповѣдникъ самъ свидѣтельствуетъ, что паства его со вниманіемъ слушала его слово и что оно, падая на добрую почву, приносило плодъ. „Вижу, говорить онъ въ первомъ своемъ словѣ, что ваша любовь сладко пріемлетъ слово ученія, какъ добрая и тучная земля сѣмена... Къ церкви тщаніе ваше такое же, какъ чадамъ къ матери, болящему ко врачу, жаждущему къ источнику, кораблю къ пристанищу; такъ веселитъ насъ преспѣваніе ваше, что мы будемъ радостными вѣстниками добродѣтели вашей къ пославшему насъ Патріарху“. Во второмъ словѣ, бесѣдуя со слушателями о всеобщемъ воскресеніи, онъ также свидѣтельствуетъ, что сколько разъ ни сѣялъ онъ въ нихъ отъ божественнаго писанія сѣмена, они, какъ земля благая и тучная, въ маломъ времени показывали тѣхъ сѣмянъ прозябеніе, почему и блажитъ онъ ихъ усердіе къ ученію¹²⁾.

Вниманіе къ
нимъ па-
сты.

Пройдемъ же теперь всѣ эти слова по порядку церковнаго круга, въ которомъ они собраны, и познакомимся съ ихъ содержаніемъ, останавливаясь на его сущности, т. е. на тѣхъ основныхъ мысляхъ, въ которыхъ проповѣдникъ раскрываетъ истину Христіанства.

Первое слово говорено за пять дней до Рождества Христова, на память блаженнаго Филогонія, Архіепископа Антиохійскаго. Главная мысль его есть приготовленіе къ срѣтенію великаго праздника; далѣе слѣдуетъ обличеніе Іудейскихъ противниковъ Христіанства, съ чѣмъ мы уже знакомы, а заключается слово воспоминаніемъ о жизни бл. Филогонія и похвалою ему. Преосвященный Макарій, разбирая это слово, находитъ въ немъ подражаніе слову Іоанна Златоуста на подобный предметъ.

1-е слово за
пять дней
до Рожде-
ства Хри-
стова.

Обратимся къ главной мысли слова. Приготовленіе ко встрѣчѣ праздника состоитъ въ покаяніи и въ достойномъ принятіи божественныхъ тайнъ, ихъ же обстоятъ Ангелы со страхомъ и ужасомъ. Ты видишь священника, а не видишь мысленныхъ силъ? Гдѣ честная священнодѣйствуется *Христовая* плоть и кровь, тамъ и онъ предстоятъ съ благоговѣніемъ, дивясь крайней къ намъ владычной любви, ибо такъ свое созданіе возлюбилъ Создатель, что и Сына своего соприносущнаго далъ намъ, да Имъ насъ оживитъ. Слушай, что велегласно глаголетъ діаконъ, хотящему іерею раздроблять хлѣбъ: вонмень, значитъ: испытаемъ сердце, *истяжимъ* совѣсть, *испрашаемъ* мысль, да не кто убійца, да не кто немилосердъ, да не кто презорливъ и гордъ, да не кто сребролюбецъ, да не кто памя-

тозлюбивъ, да не кто пѣяница и скверножителевъ придетъ и опалится. Ибо *святая святыхъ*, говоритъ іерей, воздвигая обѣими руками святой хлѣбъ на высоту. Если святъ, приступи, ибо сказано: святѣ будите, яко азъ святъ есмь. Но ничѣмъ, никакимъ чищеніемъ не можешь ты себя къ трапезѣ приготовить столько, сколько сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ по образу Давида. Что бы ты ни принесъ — постъ, дѣвство, бдѣніе, низулеганіе, — но, если не принесешь сердца сокрушеннаго, не оставишь брату своему согрѣшеній, ничто не будетъ на пользу, и скажетъ пророкъ тебѣ вмѣстѣ съ Израилемъ: не такого поста хочу я, глаголетъ Господь. Помнишь, что сказалъ Господь Петру Апостолу; отпустить брату до семьдесятъ седмицею. Значитъ: если во всю жизнь твою согрѣшаютъ противъ тебя братья, оставляй имъ, и если не оставляешь долгъ брату своему, съ какимъ дерзновеніемъ скажешь въ молитвѣ: Отче нашъ иже еси на небесѣхъ, остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; ибо сказано: аще оставляете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ согрѣшенія вашихъ. Но многихъ слыхалъ я говорящихъ: не могу простить, слишкомъ обидѣлъ меня, очень обезчестилъ, премного повредилъ мнѣ, врагомъ и ратникомъ сталъ на меня. Не говори ты мнѣ этихъ студенныхъ и смѣха достойныхъ словъ, но истрезвись, какъ отъ пьянства, отъ безсловесной твоей ярости, и познай: кто ты былъ прежде и кто теперь? Не врагъ ли ты былъ прежде Божій, а нынѣ другъ, измѣненный кровію завѣта Сына его, какъ сказалъ Павелъ. Не тебя ли ради нынѣ рождается, и въ худомъ вертепѣ и въ скотіихъ ясляхъ пеленами повивается? Не тебя ли ради человѣкомъ бываетъ, и по естеству и по дѣйству, чтобы ты Богомъ по благодати былъ? Если Христосъ не облагодѣтельствовалъ тебя, бывшаго прежде его врагомъ и ратникомъ, и ты не прощай обидѣвшему тебя; если же Онъ, поискавъ тебя, нашель, взялъ на плечо и принесъ къ Отцу, снаслѣдникомъ тебя творя отеческой славы, какой же ты получишь отвѣтъ, не перемѣняясь къ опечалившему тебя? какую милость? какой судъ? И Владыка о распинающихъ молился: отче, остави имъ грѣхъ сей, а ты говоришь: не могу оставить.... По чему же мы и увѣримся, что ты Христіанинъ, если не потерпишь сладко, обидимый и гонимый, унижаемый и хулимый? Слышишь, что Павелъ говоритъ о святыхъ? Всѣ они прошли болѣзненное житіе и нужны пріяли смерти: всѣ ненавидящихъ и гонящихъ считали за своихъ благодѣтелей. Что первомученикъ Стефанъ? Не молился ли о побивающихъ? Что Апостолы, самовидцы и слуги Слова? Что лики мучениковъ? Не всѣ ли нужными скончались смертями? Не благодѣтелями ли исповѣдывали своихъ безчеловѣчныхъ мучителей?

2-е обѣ
усопшихъ.

Второе слово говорено въ родительскую, въ день поминовенія усопшихъ. Всѣ мысли, которыя можетъ возбудить въ Христіанинѣ подобный церковный обычай, соединены здѣсь, логически истекая другъ изъ друга. Мы прослѣдимъ ихъ. Память усопшихъ въ вѣрѣ есть поводъ къ благодаренію и молитвѣ, а не къ

сѣтованію и плачу. Могутъ плакать о мертвыхъ Элліны безумные, Іудеи незаконные, еретники. Истинные Христіане, постигая настоящее значеніе смерти, не должны о нихъ плакать. Мы поминаемъ усопшихъ, себя возбуждая къ дѣланію: жизнь настоящая есть дѣланіе, будущая—упокоеніе. Въ чемъ же дѣланіе? Страдай въ настоящемъ, чуждаясь сладкихъ міра; будь гонимъ съ Апостолами, пролей кровь съ мучениками; потребуетъ время—поты и труды принеси: они не меньше крови мученической въ цѣвѣ у Владыки. Будь сирому помощникъ, оправдай обидимую вдову, исхити нищаго и убогаго изъ рукъ оскорбляющаго, прослезись о всякомъ человѣкѣ, воздохни видя мужа въ нуждахъ, прости руку лежащему, дай и хлѣбъ, дай и пѣназь, преклонись къ нему, помани, что Владыка для тебя небеса преклонилъ, напои его студеною водою, одѣнь мерзнуція плечи, обуи ноги сапогами, не пожелай видѣть члены свои непокрытыми, провѣщай ему утѣшенія слова и облегчишь его болѣзни. Твори это въ настоящемъ — и радуйся, ожидая въ будущемъ покоя.

Что мы здѣсь? Пришельцы. Самъ Давидъ, мужъ по сердцу Божію, величайшій изъ царей земныхъ, называетъ себя пришельцемъ и не стыдится такого названія. Что скажутъ къ этому нынѣ цари и князья, мечтающіе быть вѣчными, льстящіеся на безсмертіе и привязавшіеся къ земному, ненасытные имѣній многихъ, гордящіеся и возносащіеся, обидящіе, грабящіе, пагубный прибытокъ присно смотрящіе? Глаголь пророка обличаетъ обманъ ихъ: травѣ и тѣни и сну все ваше подобно; иной ожидаетъ насъ міръ, иное жителство, земля кроткихъ. . . . Прекрасно изображеніе Авраама, какъ пришельца и странника. Имѣя въ мысли это подобіе славы человѣческой, великій оный патріархъ не градъ соиздалъ, не столпы воздвигъ, не храмины высокія построилъ, не рай насадилъ, не воды извелъ, не винограды воздѣлалъ, не точилія устроилъ, не коней златоуздныхъ уготовалъ, не оружія исковалъ, не колесницы запрягъ; но какъ пришелецъ изъ мѣста въ мѣсто ходилъ, безграденъ, бездоменъ, какъ странникъ сѣнь свою водружая; она же была ему вмѣсто палаты, а земля одръ слоновій. . . . Принося въ жертву сына, онъ отрекался въ немъ отъ всего будущаго. . . . Всѣми образами былъ пришелецъ и странникъ. А былъ онъ не въ законѣ воспитанъ, не отъ отцевъ тому навывъ, ни пророковъ не слышалъ, ни апостоловъ учителями имѣлъ. . . . Былъ страннопріимень, вмѣнялъ все въ общее, а ничего въ свое; ничто не было у него въ ковчегѣ заключено и запечатано, все обнажено очамъ приходящихъ, все ихъ рукамъ доступно, за что онъ и Бога принялъ, и сподобился такого великаго таинства, какого никто отъ Адама до него не сподоблялся.

И пророки, Ілія и Елисей, и Предтеча, и Апостолы—всѣ жили пришельцами и странниками. Никто изъ праотцевъ ничего не оставилъ. . . . Самъ перво-зданный, рукою почтенный Божіею, толикую имѣлъ широту земную и, прободая душу свою владычнымъ осужденіемъ: земля еси и въ землю пойдеши, ничѣмъ не

обличилъ своей любви къ ней. Сноѣ, Енохъ и Еносъ одно похвальное наслѣдіе оставили послѣ себя: научили человѣковъ призывать Господа — не предѣлы горамъ и мѣстамъ, не чреды верблюдовъ и подъяремниковъ, нѣтъ, одно всего лучшее: уповать на Господа.

Всякій человѣкъ — странникъ, но въ то же время и воинъ, а война его съ міродержителемъ вѣка сего. Вся жизнь человѣческая изображается въ видѣ стана ратнаго, а съ этою мыслию соединяется мысль о послѣднемъ времени, и невольно при этой мысли возникаютъ въ сердцѣ проповѣдника такіа чувства: страшать меня, говоритъ онъ, брани языковъ междуусобныя: страшить меня братняя ненависть; страшить меня оскуднѣіе любви. Братняя ненависть воспитаетъ Антихриста; имъ будетъ не сатана, но человѣкъ подъ его дѣйствіемъ, и этотъ человѣкъ будетъ изъ Евреевъ. А явится онъ для того, чтобы обнаружились избранные.

Тяжелая мысль о близкой кончинѣ міра, стѣснявшая всѣхъ Христіанъ, влечетъ проповѣдника къ утѣшительной мысли о воскресеніи. Онъ самъ свидѣтельствуешь, что слушатели ненасытно внимали бесѣдамъ его объ этомъ предметѣ, чѣмъ еще болѣе воспаляли въ немъ любовь къ себѣ. Прежде всего успокоиваетъ онъ мысль сомнѣвающихся о воскресеніи словами Апостола Павла: если мертвымъ нѣтъ воскресенія, то и Христосъ не возсталъ, а если онъ не возсталъ, то суетно проповѣданіе, суетна и вѣра наша. Воскресеніе Христово тѣсно связано съ воскресеніемъ соборнымъ. Премудры совѣты проповѣдника касательно тайны воскресенія: не сомнѣвайся, не погружай душу въ волны невѣрія, не ищи, какъ сіе будетъ, какъ произойдетъ, только вѣруй, какъ исповѣдуетъ Церковь, ибо каждый день ты въ ней исповѣдуешь чаяніе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. На этомъ стой, не уклоняясь ни туда, ни сюда, крѣпкій и непоколебимый... Но если любопытный разумъ подвигаетъ тебя разсмотрѣть тайну, притеки опять къ Павлу, витіи Евангельскому, родившему тебя ради благовѣствованія Иисусъ-Христова, сосцу церковныхъ младенцевъ, и достигнешь разрѣшенія недоумѣній. Богъ разрушенное возстановляетъ тѣло, но благолѣпнѣе, но духовнѣе, ибо и зерно жита, нагое будучи посѣяно, истлѣваетъ и сгниваетъ, преданное калу, но возстаетъ сугубое, прекраснѣе и новѣе, отложивъ свою ветхость, полное чуда, трость на высоту воздвигая и веселя жателя; колосъ у него что городъ, оси что войны. Такъ и наши тѣла мертвыя въ землю полагаются и истлѣваютъ, да встанемъ въ нетлѣніи. Различны бывають колосья пшеницы; есть различіе и въ тѣлахъ, по словамъ того же Павла: ина убо плоть человѣкомъ, ина скотомъ.

Мысль о воскресеніи и судѣ переноситъ проповѣдника къ мысли о назначеніи человѣка. День оный страшный приближается: встанемъ, попечемся стяжать другомъ судію, страшнаго, но милостиваго, естествомъ праведнаго, но человѣколюбиваго... Мы — садъ небесный; на насъ образъ тѣлеснаго созданія, а достоинство

душевное. Четвероногое клонить главу къ землѣ и никнетъ ею къ чреву: наша голова къ небу возведена и очи видятъ горняя... Ищи же горнихъ, надъ земнымъ будь мыслию, какъ ты *вообразенъ* отъ Господа. Житіе имѣй на небесахъ, гдѣ истинное твое отечество, горная митрополія, граждане и соплеменники первенцы, написанные на небесахъ. Что земное? Что дни?... Море, возмущаемое земными вѣтрами, воздвигающее волны подобно горамъ, знаетъ по временамъ тишину; а житіе человѣческое никогда тишины не знаетъ, вѣчно въ молвахъ, въ мятежахъ, въ попеченіяхъ... Убогій спѣшитъ обогатиться, богатый превзойти другихъ богатствомъ... Слѣдуетъ подробное изображеніе различныхъ заботъ богатаго не безъ примѣси ѣдкой на него сатиры, какъ онъ и боится вельможъ, и трепещетъ передъ властью, и *образомъ купленаго раба* къ нимъ припадаетъ. Окаянный и страстный! ты владычнею искупленъ кровію и почто же волею изъ себя раба серебру устроилъ?

Слѣдуютъ картины заботъ и тревогъ вельможи, царя, воиновъ, земледѣльцевъ. Весьма сильно сравненіе вельможи съ деревомъ съ виду прекраснымъ, а внутри сгнившимъ: такъ вельможа снаружи блещетъ золотыми одеждами, а внутри съѣденъ и изможденъ мысленными червями.

Отъ суши переходитъ на море. И тамъ тревоги и бѣды человѣческія. Съ моря спускается мыслию въ нѣдра земли, къ копателямъ рудъ; оттуда въ семейства, къ ненавистямъ семейнымъ, которыхъ дѣти жертвою, къ заботамъ рожденія, отдоенія, воспитанія, ученія...

Такъ волнуется многоцѣнное сіе животное, человѣкъ... И что же послѣ всего? Смерть—премѣжитель печалей, свободитель отъ трудовъ, успокоитель естества, сонъ человѣкамъ послѣдній, мужу побой, какъ сказалъ Іовъ. О чемъ же ты плачешь, помяная усопшаго?—вопрошаетъ проповѣдникъ, возвращаясь въ концѣ слова къ той мысли, съ которой началъ... Но онъ былъ юноша, говоришь ты, въ самомъ цвѣтѣ естества, прекрасенъ между сверстниками, наказанъ слову, въ отвѣтахъ искусенъ, ученіемъ снабженъ высокимъ... Утѣшься: онъ отошелъ, чтобы, по Соломону, злоба не измѣнила его разума и лесь не извратила души. Но ты все таки не можешь удержать слезъ... Плачь, но развѣ о томъ, что много потребно добродѣтелей къ переселенію насъ туда.

Изъ этихъ добродѣтелей никакая столько не помогаетъ, какъ милостыня. Проповѣдникъ, любящій поэтическіе образы, заключаетъ слово изображеніемъ руки милостиваго человѣка. Такую руку принявъ, Владыка на страшномъ онои и ужасномъ судѣ покажетъ передъ всѣми, и предстоящимъ небеснымъ силамъ, и святымъ во главѣ сущимъ, и грѣшнымъ ожидающимъ мѣки, и скажетъ: сія рука напитала меня голоднаго, напоила жаждущаго, одѣла нагаго, обвязала струны мнѣ больному, въ темницѣ послужила мнѣ, много разъ вводила меня страннаго и промышляла обо мнѣ, ей же и я воздаю въ награду наслѣдіе моего царствія.

3-е слово
объ иноче-
ской жизни.

Слѣдующее—третье—слово имѣетъ по мысли своей связь съ предъидущимъ, на которую указано и по вступленіи. Въ противоположность суетѣ мірской жизни чловѣчества проповѣдникъ изображаетъ жизнь иноческую, какъ идеальную, какъ рай земной, какъ возобновленіе первоначальной жизни Адама, еще не падшаго. Въ этомъ словѣ слышенъ, конечно, отзывъ столѣтію, когда монастыри были въ полномъ развитіи въ предѣлахъ нашего отечества; но должно замѣтить, что все оно по большей части заимствовано изъ 68-й и 69-й бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангеліе отъ Маттея. Здѣсь изображена въ лучшемъ видѣ вся жизнь иноковъ, ихъ занятія, ихъ одежда. Утромъ вставши отъ одра свѣтлые и радостные, они составляютъ ликъ единый въ свѣтлой совѣсти и согласно всѣ едиными устами поютъ пѣсни Богу. Одежда ихъ устроена по образцу одеждъ Іліи, Елисея, Іоанна Предтечи и Апостоловъ. Содержаніе молитвъ ихъ не о временномъ, а о томъ, какъ бы съ дерзновеніемъ стать предъ судищемъ страшнымъ. Съ восходящею зарею каждый выходитъ на дѣло. Въ противоположность безкорыстнымъ трудамъ иноковъ выставлено корыстное дѣло тѣхъ, которые золото, хищеніемъ добытое, омытое вдовыми слезами, кровью сиротъ растворенное, не пускаютъ въ оборотъ между людьми, а предають нѣдрамъ той же самой земли, откуда оно съ такимъ трудомъ извлечено. Здѣсь проповѣдникъ явно указываетъ на древній обычай Русскаго народа зарывать въ землѣ клады.

Въ числѣ занятій иноческихъ указано и занятіе книжное, одинъ бесѣдуетъ съ Исаіею, другой общится съ Апостолами, третій проходитъ писанія Отцевъ. Какъ пчелы облетаютъ они соты святыхъ книгъ, собирая съ нихъ многую сладость.

Дай имъ багряницу — не возьмутъ они. Если бы царь повелѣлъ кому облечься въ ризу убогаго — онъ возгнущался бы всякой другой: такъ и они не хотятъ царской одежды: багряная червленица для нихъ паутина. Если же ты отворишь двери ихъ умовъ и душъ, чтобы видѣть внутри ихъ всю красоту, — упадешь на землю, не снеся красоты сіянія, зари одѣяній ихъ, молніи совѣстей...

Далѣе иноки сравниваются со Скинами и съ станомъ воинскимъ. Слыхалъ ли, какъ жили кочевые Скины? Ни сель у нихъ, ни городовъ не было, но чередою ходили изъ мѣста въ мѣсто; колесницы были у нихъ одно стяжаніе; за то всегда легки ко брани и на нее готовы; жены и дѣти съ ними: такъ должно жить Христіанамъ, обходить вселенную, бороться съ діаволомъ, а плѣнныхъ и держимыхъ имъ избавлять... Постеля имъ—травы простая; вмѣсто кровя—небо; луна вмѣсто свѣтильника, не требующая масла... Нѣтъ у нихъ ни владыки, ни раба; всѣ рабы, всѣ свободны: рабы другъ другу и владыки другъ другу. Бесѣда ихъ не похожа на нашу: онъ такой-то былъ князь, тогда-то престалъ отъ власти, тогда-то скончался, а наслѣдіе принялъ другой и тому подобное. Ихъ бесѣда о небѣ, о лонѣ Авраамовомъ, о вѣнцахъ святыхъ, объ ихъ со Христомъ ликованіи, ни слова о настоящемъ... Какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлаютъ

муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ мы. По бесѣдѣ узнаешь въ нихъ небесныхъ гражданъ. Всѣ равны между ними. Если кто пойдетъ къ нимъ, одѣянный саномъ высокимъ, тогда паче обличается его гордость: простой земледѣлецъ сидитъ у нихъ рядомъ съ великимъ воиномъ и мудрымъ правителемъ областей. Ничто имъ царь и епархъ; какъ мы, видя дѣтей, играющихъ въ царей, смѣемся надъ ними, такъ они надъ нами.

Четвертое слово, похвальное Отцамъ преподобнымъ въ субботу сыропустную, основною мыслию связано также съ предъидущимъ. Представивъ идеальный образецъ человѣческой жизни въ житіи иноческомъ, проповѣдникъ переходитъ къ тѣмъ Отцамъ, которые его устави. Онъ чувствуетъ все недостоинство слова своего при мысли о такомъ предметѣ, о подвигахъ и доблестяхъ Отцевъ-пустынниковъ. Онъ начинаетъ съ похвалы Антонію Египетскому: Антоній выше Авраама, потомучто и домъ, и сродниковъ, и друзей, и имѣніе, все оставилъ и прошелъ непроходимую пустыню. Онъ выше Іакова: Іаковъ вошелъ въ Египетъ съ 75-ю душами, а вышло ихъ шесть сотъ тысячъ; Антоній одинъ вошелъ въ пустыню, а изъ нея безчисленныя тысячи чадъ его вышли. Онъ выше Моисея: Моисей побѣдилъ Амалика, Антоній — діавола. Побѣда его выше всѣхъ побѣдъ Александра Македонскаго. Что побѣда цѣлой вселенной передъ его побѣдой когда всѣ лукавыя полки обратились въ бѣгство, гонимыя Антоніемъ? Что передъ нимъ знаменитыя философы Греціи? Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается проповѣдникъ на Діогенѣ, сидѣвшемъ въ бочкѣ, и разбираетъ смыслъ его просьбы къ Александру Македонскому. Когда Александръ, любопытствуя видѣть славнаго философа, подошелъ къ Діогену, грѣвшемуся на солнцѣ, и предложилъ попросить у него, чего ему угодно, философъ попросилъ одного только, чтобы онъ не заслонялъ отъ него луча солнечнаго. Слѣдовало бы, замѣчаетъ проповѣдникъ, просить свободы отечеству, или созданія городовъ, или законовъ благодѣтельныхъ для человѣчества, или удержанія воиновъ отъ хищенія и насилія: тогда бы отошелъ отъ него Царь, облагодѣтельствованный его полезнымъ словомъ. Но, не будучи ученикомъ Христовымъ, суетный помышленіями, воображая себя мудрецомъ, Діогенъ какую пользу принесъ людямъ своимъ безобразнымъ сидѣніемъ въ бочкѣ, своею нелѣпою наготою и своимъ не философскимъ, а дѣтскимъ прошеніемъ?

4-е въ похвалу Отцамъ-пустынникамъ.

Забыты имена Зороастра и Замолкса, потомучто ложно было все ихъ ученіе, а подвиги Антонія всѣмъ вѣдомы. Если ты у ребенка спросишь: кто инокамъ наставникъ и истинному любомудрію начальникъ?—Онъ назоветъ тебѣ Антонія.

За Антоніемъ слѣдуютъ въ похвалѣ всѣ отцы пустынники. Изъ нихъ особенно останавливается Григорій на Ефремѣ Суринѣ, наставленіями котораго князья, вельможи и сами цари услаждаются, на Исаакѣ Суринѣ, по книгѣ котораго люди, какъ корабельники, направляются въ небесное пристанище, на Іоаннѣ

Лѣствичникѣ, новомѣ Боговидцѣ святой горы Синайской, который тѣмъ отличенъ отъ перваго, что къ Моисею Богъ сошелъ, а Іоаннъ самъ восшелъ къ Богу.

Похвала Отцамъ заключается похвалою Святителямъ: Василию Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, а за нею слѣдуетъ похвала женамъ пустынноницамъ.

Не тѣмъ были велики Отцы-пустынники, что знаменія творили, заключаетъ проповѣдникъ. Креститель ни одного не сотворилъ знаменія, но всѣхъ больше свидѣтельствовалъ. И въ блаженствахъ блажить Спаситель не чудеса сотворшихъ, а нищихъ духомъ, плачущихъ, кроткихъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, милостивыхъ, чистыхъ сердцемъ, миротворцевъ, изгнанныхъ правды ради...

5-е въ похвалу сорока мученикамъ.

Въ пятомъ похвальномъ словѣ сорока мученикамъ картинно изображается ихъ мученіе въ ледяномъ озерѣ, во всѣхъ подробностяхъ согласуясь съ легендою Четинхъ Миней, и весьма часто отзываются или изъ устъ самихъ мучениковъ, или изъ устъ ихъ панегириста, слова церковнаго имъ канона.

6-е въ недѣлю вербную.

Въ шестомъ словѣ въ недѣлю вербную великолѣпно описано вшествіе въ Іерусалимъ съ его богословскимъ значеніемъ, съ указаніемъ на пророчества, которыя его предзнаменовали. При разсказѣ подробностей событія весьма замѣчательно сочувствіе Святителя къ простому народу: какъ благоразуменъ этотъ простой народъ! говоритъ онъ: онъ желалъ видѣть и слышать воскресеннаго Лазаря и принималъ въ сласть все, что творилъ Господь, потому что увѣренъ былъ, что все имъ *дѣемое* божественно. Сочувствуя простому народу, Святитель сильно нападаетъ на Іудейскихъ Архіереевъ, хотѣвшихъ убить не только Іисуса, но и Лазаря.

7-е въ великій четвертокъ.

Подражая содержанію церковной пѣсни и канона въ великій четвергъ страстной седмицы, слово на тотъ же день исполнено укоровъ предателю Іудѣ. Мы можемъ изучать его въ полномъ и ясномъ преложеніи на Русской языкъ Преосвященнаго Макарія. Приведемъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ укоровъ предателю. „Ты не вспомнилъ блаженнаго пребыванія съ Учителемъ, Его частыхъ и уединенныхъ собесѣдованій: ибо много разъ Господь принималъ ихъ (двѣнадцать учениковъ) наединѣ, уча ихъ въ безмолвномъ мѣстѣ приготовить сердца свои къ принятію словесъ Его. Не вспомнилъ ты чудесъ Его, предсказаній будущаго, таинства той самой вечера, когда онъ изрекъ: *желаніемъ возжелалъ сію пасху ясти съ оами*. Ты не устыдился наконецъ Владыки, встающаго съ вечера, снимающаго ризы, препоясующагося лентіемъ, по обычаю рабовъ вливающаго воду въ умывальницу и умывающаго ноги ученикамъ, и, какъ говорятъ церковные богословы, прежде другихъ умывшаго ноги предателю.

„Что же ты, о Іуда?... Если прочіе ученики омывали ноги, будучи чистыми, — какъ сказалъ Господь: *вы чисти есте, но не вси*, исправляю тебя, — то они, добрые дѣлатели правды, готовились къ проповѣди и сѣванію Евангелія;

имъ надлежало въ скоромъ времени идти въ мѣръ весь для благовѣстія, пріавъ крещеніе и совершеніе отъ Утѣшителя. А ты, къ чему ты готовяшь, простираешь безстыдно ноги для омовенія? Къ тому ли, чтобы скоро идти на преданіе Господа и увидѣть сребреники въ рукахъ своихъ“?

За укорами Іудѣ слѣдуютъ укору тѣмъ Христіанамъ, которые, подражая Іудеямъ и извращая священныя преданія Церкви, употребляютъ опрѣсноки въ причащеніи. Мы уже знакомы съ этимъ побѣдоноснымъ опроверженіемъ обычая Римской церкви. Слово заключается грознымъ обличеніемъ сребролюбія, какъ порока, погубившаго Іуду, и воззваніемъ къ паствѣ въ пользу милосердія къ нищимъ. Здѣсь опять проповѣдникъ сильно обличаетъ тѣхъ сребролюбцевъ, которые зарываютъ клады. „Земля даетъ сребро, по владычному повелѣнію, на потребу тѣмъ, которые въ пользу его принимаютъ. А ты на оборотъ, скрываешь сребро въ нѣдрахъ земли, воспалая имъ геенну, угрожающую немилостивымъ, и становяшь по ненасытѣности безчувственнѣе земли, недугуя подобно окаянному Іудѣ“.

Слово на великую пятницу раздѣляется на три части. Первая служитъ вступленіемъ: въ ней выражено чувство внутренняго трепета, возбуждаемаго ужасомъ событія. Вторая часть вся сосредоточивается въ глубинѣ богословской мысли о соединеніи въ Спасителя Божества и человѣчества. Здѣсь проповѣдникъ вооружается противъ еретиковъ, которые въ словахъ Распятаго на крестѣ: „Боже мой! Боже мой! вскую мя еси оставилъ“? находили поводъ къ униженію во Христѣ человѣка. Сими словами, равно какъ и другими, сказанными въ моленіи о чашѣ: „Отче! да мимоидеть чаша отъ мене“! Онъ увѣрялъ насъ въ своемъ вочеловѣченіи и открывалъ намъ свою крестную тайну. Третья часть, подъ вліяніемъ церковной пѣсни, содержитъ въ себѣ Плач Богоматери у креста, изъясненіе изъ устъ Спасителя словъ, Имъ произнесенныхъ къ Матери: жено! се сынъ твой! и къ любимому ученику: се мати твоя! — слово Пречистой Дѣвы къ Іосифу Аримаѣейскому и слово Іосифа къ Спасителю. Въ этой части нельзя не замѣтить сходства съ подобнымъ словомъ Кирилла Туровскаго въ недѣлю Іосифа Аримаѣейскаго; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы Григорій заимствовалъ у Кирилла; обоимъ церковная пѣснь служила вдохновеніемъ и образцемъ для подражанія.

Всѣ слова Григорія, какъ звѣнья, соединяются одною логическою, невидимою пѣнью, которая есть основная мысль Христіанства, соединеніе во Христѣ Бога съ человѣкомъ. Въ словѣ на Вознесеніе І. Христа эта мысль выступаетъ во всей своей очевидности, ибо самое событіе было необходимымъ слѣдствіемъ вочеловѣченія Бога, а за нимъ также необходимо должно было послѣдовать и ниспосланіе Святаго Духа. Углубившись въ смыслъ великаго праздника, богословъ, какъ земной человѣкъ, восторженно восклицаетъ: нынѣ отъ земли благодѣтельствуются небеса! Во второй части слова встрѣчаемъ тоже самое преніе между горними силами, сръбтающими въ небѣ возносящагося, и нижними, его сопровождающими,

8-е въ великую пятницу.

Основная мысль словъ.

9-е на Вознесеніе.

какое поражаетъ насъ своимъ картиннымъ значеніемъ въ подобномъ словѣ Кирилла Туровскаго. Но и тамъ и здѣсь источникомъ заимствованію служитъ церковная пѣснь.

10-е на Рождество Предтечи.

Слово на рождество Іоанна Предтечи есть изображеніе Іоанна, согласное Евангельскому сказанію объ его рожденіи и жизни. Іоаннъ — звѣзда, предвозсѣившая праведному солнцу; горлица пустынная, провозвѣстница весны спасительной; другъ Жениховъ, играющій во чревъ и въ пустынь вопіющій: покайтесь... Что пища Іоаннова! *Верміе* (?) дубное и медь дивій. Что питье? вода чистая, быстрая, трезвенная... Какое одѣяніе? верблюжьи волосы, пустынная багряница, древнее одѣяніе прародителей. Что поясъ? Изъ кожи, признакъ мужества, всегдашняго подвига и дѣланія, мертвая часть животнаго, знаменіе того, что носившій его жилъ только Христу и умеръ всему человѣческому... Но и этого пустыннаго, малыи власами одѣяннаго чловѣка, трепещутъ цари, носящіе багряницу и окруженные тѣмами воиновъ, потомучто онъ и по смерти обличаетъ беззаконныхъ.... Сей пустынный Ангелъ первоначальный образъ всѣмъ пустынникамъ, начиная съ великаго Антонія.

11-е въ похвалу Св. Ап. Петру и Павлу.

Въ Похвальномъ словѣ верховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу проповѣдникъ въ порядкѣ похвалы подражаетъ церковной пѣсни, которая сначала соединяетъ въ ней обонхъ Апостоловъ вмѣстѣ, а потомъ каждаго восхваляетъ отдѣльно. Петръ, камень вѣры, первый ясно исповѣдалъ во Христѣ Сына Божія. Троекратнымъ изъявленіемъ любви воскресшему Спасителю онъ искупилъ троекратное свое отреченіе отъ Него при жизни, по объясненію Григорія. Что касается до этой части слова, мы отнесемъ къ извлеченіямъ Преосвященнаго Макарія, а сами дополнимъ ихъ прекраснымъ изображеніемъ Апостола Павла, этого небеснаго чловѣка, этихъ Христовыхъ устъ, по выраженію Григорія. Проповѣдникъ всего болѣе пораженъ тѣмъ, какъ ученіе Павла всемірно и равно всѣмъ доступно, Іудеямъ и Эллинамъ, законнымъ и беззаконнымъ, всякому роду, всякому языку, всякому возрасту, мужамъ и женамъ, дѣвамъ, вдовамъ, юношамъ, господамъ, рабамъ. Какъ животворно для всѣхъ ученіе Павлово, такъ животворна для всѣхъ равно и самая жизнь его. Кто гонимый, помянувъ Павловы гоненія не утѣшится? Кто въ узахъ, услыша объ узахъ Павловыхъ, не на радость предложится? Кто немощный, услыша Павла говорящаго о своихъ немощахъ, не обратитъ печали на веселіе? Всѣхъ онъ утѣшаетъ своимъ наставленіемъ, всѣхъ разумъ возводитъ.... Если онъ нынѣ сладокъ намъ только своею книгою, чѣмъ же онъ былъ для тѣхъ, которые его видѣли и слышали? Смотри: когда въ церкви о Павлѣ начнется бесѣда, какъ отовсюду стекаются слушатели, будто пчелы на собраніе цвѣтовъ, и властные, и подвластные, богатые, нищіе, риторы, философы, многоученные, малоученные, совопросители, словоготовцы, священники и иноки, мужи и жены, всякій возрастъ, всякое дѣло проходящіе, и всѣ дивятся премудрости мужа... Какъ глу-

бокая нѣкая вода всѣмъ на всякую потребу предлежитъ: и пить, и варить, и омываться, и сады напаять, и плавать, и рыбу ловить; глубина же ея никому не вѣдома: таковы и слова Павловы—всякому виду добродѣтели слышавшихъ учать, а высотою разумнѣй всѣхъ превосходятъ. Но что много говорить? Христосъ похвала Павлу, намъ же по Христѣ Павель ^{13 а)}.

Въ словѣ похвальномъ Св. Пророку и Боговидцу Иліи онъ представленъ суровымъ и грознымъ пророкомъ Ветхаго Завѣта, еще не раствореннаго яснымъ свѣтомъ и любовною теплотою Христовой благодати. Авраамъ заступался за Содомлянъ, Моисей хотѣлъ самъ погибнуть съ Израильтянами; но Илія не прощаль ни одного согрѣшенія своему народу. Въ знаменье его безжалостной строгости къ своему племени Богъ послалъ ему на гору Кармилъскую ворона въ питатели, потомучто эта птица отличается ненавистью къ своимъ дѣтямъ. Когда воронъ высидитъ птенцовъ въ гнѣздѣ, то покидаетъ ихъ беззаботно и самъ отлучается въ другія мѣста. Птенцы томятся голодомъ, испуская жалобный голось; но Богъ, промысляющій о всякомъ дыханіи, посылаетъ имъ мухъ, которыя сами влетаютъ къ нимъ въ уста и питаютъ ихъ. Ихъ-то разумѣлъ пророкъ, говоря, что Богъ даетъ пищу и птенцамъ врановымъ, призывающимъ его.

Замѣчательно, что въ народныхъ Русскихъ преданіяхъ Св. Пророкъ Илія является всегда такимъ же грознымъ и немилостивымъ, какимъ онъ изображенъ въ этомъ словѣ Григорія ^{13 б)}. Не разъ могли мы замѣтить, что проповѣдное слово Церкви имѣло вліяніе на нашу поэзію народную: не служитъ ли это яснымъ доказательствомъ тому, что проповѣдь не была у насъ мертва, не оставалась въ стѣнахъ храмовъ, а дѣйствовала на народъ?

Объясняется словомъ Господнимъ къ грозному Пророку восхищеніе его на ^{12-е въ похвалу Пророку Иліи.} небо: „Если ты, Илія, такъ жестокъ, что не можешь терпѣть согрѣшеній Израіля и никакими человѣческими страстями не преклоняешься: то не слѣдуетъ тебѣ жить съ человѣками, а взойди ты ко мнѣ, да Я къ человѣкамъ сниду. Мѣна произойдетъ между нами: взойдетъ человѣкъ и снидетъ Богъ. Не одного Израіля, но и всѣхъ народовъ неправды и беззаконія видя, и долготерпя о нихъ, Я понесу ихъ грѣхи и, кромѣ грѣха, во всемъ имъ уподоблюсь... Взойди ты съ плотію, да сниду Я взять плоть, безплотный: взойди ко мнѣ на колесницѣ огненной, да сойду Я какъ дождь на руно. Ты въ громѣ на небо, Я въ тишинѣ на землю“....

Лирически торжественно слово на Преображеніе Господне, подражающее ^{13-е на Преображеніе.} мѣстами и церковной пѣсни и подобному же слову Іоанна Дамаскина. Здѣсь опять въ значеніи самаго праздника ясенѣетъ основная мысль, движущая всѣмъ словомъ проповѣдника: совмѣстность Божества и человѣчества во Христѣ. Три Апостола были взяты на Фаворъ: Петръ, какъ апостоль верховный и камень вѣры; Іаковъ, какъ обѣщавшійся пить чашу Господню и первый мертвецъ въ апостольскомъ лицѣ; Іоаннъ, какъ любимый и любящій, долженствовавшій возгрезѣть въ кон-

пахъ міра своимъ евангеліємъ.... Моисей, начало пророкамъ, и воздухошественный челоуѣкъ, Ілія, конецъ пророкамъ, поклонились Богу, вочелоуѣчившемуся въ единомъ составѣ Божества, въ двухъ же естествахъ несліянно... Богъ взялъ на Оаворъ и живыхъ, и мертвыхъ, чтобы показать, что Онъ и живыми и мертвыми обладаетъ.

Слово заключается восхваленіемъ горы, какъ мѣста событія. Оаворъ славнѣ Арарата: на Араратѣ остановился ковчегъ Ноевъ, на Оаворѣ самъ Господь. Оаворъ славнѣ Синая: темно было облако, осѣнившее Синай; свѣтло облако Оавора; тамъ сѣнь закона; здѣсь сама истина благодати... На Оаворѣ стояли ноги, по морскимъ волнамъ ходившія; на нее взошло Слово, плотію плѣнившее адъ; ее обнимали всезрительныя очи, ими же всякое помышленіе челоуѣческое исповѣдается; на ней Апостоламъ познались пророки, и въ одинъ ликъ слились тѣ и другіе... Гора Оаворъ превзошла облака достоинствомъ, она подобна небу, ей поклоняются горы, ей дароносятъ холмы, ее чтутъ острова, ублажаютъ поля, хвалятъ пустыни, превозносятъ вертепы, орошаютъ облаки, прохлаждаютъ вѣтры, воспѣваютъ птицы, ея желаютъ иноки.... а все потому, что она огласилась словами: тойъ есть Сынъ мой возлюбленный! — Здѣсь опять слово проповѣдное отзывается и въ народной пѣсни, въ стихѣ о голубиной книгѣ, гдѣ гора Оаворъ названа матерью всѣхъ горъ земныхъ.

14-ена Успеніе Богоматери.

Въ словѣ на Успеніе Богоматери встрѣчаемъ тотъ же самый образъ, какой изображается на древнихъ иконахъ этого праздника и о которомъ упоминаетъ церковная пѣснь: „Сынъ и Богъ, говоритъ слово, пришелъ со всѣми небесными воинствами, и на рукахъ своихъ поднималъ пречистую душу своей Матери, и ангельскія множества воспѣвали и величали ее, а апостолы священнословствовали“. Все это слово есть величаніе Богоматери—и богослужебный стихъ на Успеніе, найденный подъ именемъ творенія Григорія Цамблака, есть не иное что, какъ сокращеніе изъ тогоже слова.

15-ена Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.

Въ словѣ на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи преосвященный Макарій указываетъ на явное подражаніе двумъ словамъ Іоанна Златоуста на тотъ же праздникъ и противъ царицы Евдокіи. Мы могли бы указать еще на третій источникъ заимствованія, на церковную пѣснь, въ подражаніе которой проповѣдникъ укоряетъ Иродіаду и Ирода. Въ заключеніе слова онъ желалъ бы, чтобы кто нибудь перенесъ его на самое мѣсто усѣкновенія: тамъ онъ съ лобзаніемъ припалъ бы къ праху того мѣста, гдѣ оно совершилось.

16-е на Рождество Богоматери.

Въ словахъ на праздники Богоматери обнаруживается особенно лирическое настроеніе Григорія: такъ и въ 16-мъ словѣ на Рождество Богоматери витія переходитъ въ церковнаго пѣвца, подъ очевиднымъ вліяніемъ церковныхъ пѣсней праздника.

Слово на Воздвиженіе креста Господня исполнено многих поэтических и 17-е на Воз-
 символических мыслей: мы передадим ихъ. Крестъ возносится: на немъ съ не-
 бою соединяется земля; онъ сталь посреди обоихъ—и пало средостѣніе крѣп-
 каго коварства, ихъ раздѣлявшее: одно смиреніе креста могло соединить то, что
 вражда рознила... Адамъ съ праматерью челоуѣковъ да веселится, объемя крестъ,
 да проповѣдуетъ его силу и исповѣдуетъ спасеніе. Онъ, древа ради, изгнанъ
 былъ изъ рая и нетлѣнныя обнаженъ одежды, а, дерева ради крестнаго, въ не-
 беса вселился и божествомъ облекся. О чудо! и тамъ древо, и здѣсь древо; одно
 посреди рая, а другое посреди земли: одно зеленое, листомъ украшенное, плодомъ
 угобзенное, проклятіе и смерть нанесло нашему роду; другое, невлажное, сухо-
 дѣльное, принесло благословеніе и даровало безсмертіе. Гордыня и преслушаніе
 причинили всякое зло и смерть; смиреніе и послушаніе Христова ввели всякое
 благо и жизнь. Чѣмъ воцарился надъ людьми діаволь, тѣмъ изъ царства своего
 да изгнанъ будетъ *и смѣху да преданъ будетъ!*

Зришь ли таинство креста? Во истину крестъ слава Христова, какъ Онъ
 самъ глаголаъ: когда прославится сынъ челоуѣческой, или когда вознесется на
 крестъ... Не только воображаемый и носимый, спасаетъ онъ всекрѣпкій, но и
 образы его спасительны бывають. Вселенная четырьмя концами описуется; изъ
 четырехъ стихій челоуѣческое естество составляется; четырема временами кругъ
 лѣта вѣнчается; четырьмя вѣтрами вселенная прохлаждается, и челоуѣческой
 образъ креста подобіе носить... И мачта корабля образомъ креста безбѣдно пла-
 ваетъ по пучинѣ моря, и дно корабля, чѣмъ весь онъ держится, *совождено* кре-
 стовидно!... 14).

Крестомъ отлучено пламенное оружіе отъ дверей рая: оно уже не возвра-
 няетъ входа крестъ носящимъ—и чудо! прежде паденія Адамова на землѣ было
 паденіе великое на небесахъ: оно было виною и земному паденію, но осталось не-
 исправлено, а земное крестъ исправилъ.

Таковы плоды Голгоинскаго древа. Крестъ — скипетръ небснаго Царя,
 имъ же все воинство гордаго низложено: имъ и Цари благочестивые побѣждаютъ.—
 Крестомъ святители, преемники Апостоловъ, жертвица бѣсовъ сокрушають, рас-
 пространяя слово истинное. — Крестъ — оружіе мучениковъ: онъ имъ хоругвь и
 вопье, и щитъ, и мечъ, и лукъ, и тулъ, исполненный *стрѣлъ благополучныхъ*, и
 броня и шлемъ....

Слово похвальное великомученику и муроточцу Дмитрію слѣдуетъ за сло- 18-е Св. Ди-
 вомъ на Воздвиженіе, въ порядкѣ праздниковъ церковнаго круга. Здѣсь просто
 рассказанъ мученической подвигъ Св. Дмитрія и юноши Нестора, слуги его. За-
 мѣчательно таинственное объясненіе седми язвъ Дмитріевыхъ, тѣсно связанное
 съ современною мыслію объ истекавшей седмицѣ тысячелѣтій: „Блажу еже ради

седмьхъ язвъ Димитріево доброе суботство: сими бо почи отъ *настоящаго* *седьмаго* и со всѣми святыми часть *будущаго осьмаго*¹⁵⁾.

19-е Св. Георгію.

Слово похвальное великомученику и побѣдоносцу Георгію одушевлено какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ къ святому, его же память проповѣдникъ соединяетъ съ праздникомъ воскресенія Христова. Страданія Георгія внушаютъ ему много поэтическихъ образовъ. — Не такъ земля испещрена различными цвѣтами, какъ тѣло страстотерпца различными ранами. Не такъ разнообразно текутъ источники изъ земли, какъ струи крови изъ язвъ мученика... На угляхъ, какъ на цвѣтахъ, лежитъ святой страдалецъ, а лѣстница желѣзная подъ нимъ напоминаетъ ту мысленную, которую видѣлъ Іаковъ, досягавшую небесъ.

Прекрасна похвала чистотѣ Георгіевой. Чистота освободила изъ рва Іосифа, избавила его изъ темницы и сдѣлала царемъ Египту; чистота сотворила Іисуса Навина преемникомъ Моисею; чистота насъ съ небесными сочетала, сдѣлала дѣвственника Богословомъ; чистота попрадала адъ, разрушила смерть, даровала воскресеніе міру, взшла на небо и съла одесную величества Божія.

20-е тремъ отрокамъ и пророку Данилу.

Какъ похвальное слово Георгію соединено съ радостнымъ торжествомъ встрѣченной Пасхи, такъ съ словомъ, предшествующимъ Рождеству, съ котораго мы начали, соединяется похвала тремъ отрокамъ и Данилу пророку. Они своимъ огненнымъ мученіемъ прообразовали вочеловѣченіе Бога: какъ лампада¹⁶⁾ сквозь стеклянный сосудъ являетъ свой свѣтъ, такъ и душа блаженныхъ, истинившихъ плоть, благопрозрачныхъ, показываетъ свѣтлость красоты своей.

Три остальныхъ слова (21, 22, 23).

Въ словахъ на мученіе Іоанна новаго, Бѣлградскаго мученика, на перенесеніе мощей св. Параскевы Терновской и въ надгробномъ словѣ Святителю Кипріану соединилось въ Григоріи Цамблакѣ чувство благоговѣнія къ святымъ Церкви православной съ чувствомъ соплеменности, которымъ онъ такъ дорожилъ въ Боговидцѣ Моисеѣ, желавшемъ скорѣе погибнуть вмѣстѣ съ своимъ народомъ, нежели побынуть его, и въ своемъ усопшемъ дядѣ, Святителѣ Кипріанѣ.

Общее заключеніе.

При разборѣ словъ Григоріевыхъ, увлекаясь глубиною мыслей, мы почти не обращали вниманія на Византійскую витіеватость и цвѣты схоластической риторики, которыми оно усѣяно. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приведенныхъ нами, можно было видѣть тому образчики. Это, конечно, самая слабая сторона его слова: проповѣдникъ платилъ ею дань вѣку и греческимъ школамъ, въ которыхъ учился. Но высота истины, имъ исповѣдуемой, возноситъ его выше недостатковъ времени и школы. Они спадаютъ, какъ земляная кора, а истина въ глубинѣ слова хранимая, остается все таже, самосуца и неизмѣнна, какъ самоцвѣтный камень. Эта истина проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей древней и новой жизни и связуетъ все слово нашихъ проповѣдниковъ одною невидимою связью въ одно стройное логическое цѣлое. Отсюда только можно объяснить, какъ Филаретъ и Иннокентій встрѣчаются мыслями съ Григоріемъ и Фотіемъ, съ Кирилломъ и

Иларіономъ. Для истины вѣчной нѣтъ различія между XIX и XV вѣкомъ: мѣняются формы ея выраженія, она же все пребываетъ одна.

На равной степени сознанія является у насъ Божія истина въ умахъ представителей Церкви, гдѣ бы они ни родились, ни воспитывались, въ Греціи, въ Болгаріи, или въ Россіи, въ формахъ какого бы вѣка ни выражались. Какъ солнце, она освѣщаетъ равно наше проповѣдное слово всѣхъ столѣтій и проникаетъ его равною глубиною. Это наша духовная собственность, наше родное и вѣковѣчное сокровище. Въ началѣ XV вѣка, въ другихъ странахъ Европы, вы найдете уже разнообразныя плоды ума челоуѣческаго; но едва ли гдѣ, за исключеніемъ страдавшей и умирившей Византіи, истины ученія Христіанскаго были такъ глубоко сознаваемы, какъ они сознаны въ словѣ двухъ проповѣдниковъ, озарившихъ у насъ начало этого вѣка.

Фотій былъ Грекъ, Григорій — Болгаринъ. Что же влекло ихъ къ намъ? Что побуждало къ дѣйствию? Что связывало ихъ съ народомъ Русскимъ? Безъ взаимнаго сочувствія, безъ связи внутренней, это дѣйствіе было бы невозможно и бесплодно. Имъ принадлежало разумное богословское сознаніе истины Христовой; народу Русскому ея сердечное пониманіе. Вотъ въ чемъ слились оба проповѣдника съ нашимъ народомъ, — и слѣды ихъ поученій остались неизгладимы въ его жизни.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПЯТНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Подробности жизни Фотіевой заключаются въ V томѣ Никоновой лѣтописи (стр. 17—108). Кромѣ того см. Творенія Св. Отцевъ. Москва 1852. Годъ десятый. Книжка 2-я. Прибавленія. Фотій, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи (стр. 207—271).

2) См. Указатель Московской Патріаршей ризницы, составл. Архимандритомъ Саввою. Изд. 2-е. М. 1858, стран. 38 и 39.

3) „Не зарите же убо смѣренію моему, яко нескусну ми сущу писанію вашему и языку“.

4) Поученія Фотія я изучалъ по рукописи Синод. б. подъ заглавіемъ Патерикъ, № 216 по старому каталогу и № 225 по новому, л. 344—443. Здѣсь находится всего 16 поученій, а именно: 1) о нынѣшнемъ разореніи и мятежи церковнѣмъ, писанное по случаю избранія Григорія Цамблака и напечатанное въ Актахъ историческихъ. Т. I. № 19. 2) Къ священническому всему и иноческому чину о великомъ Божіемъ священствѣ (напечатано въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ. Т. I. № 181). 3) Слово вкратцѣ рекомое ради днесъ праздника сего пречестнаго благовѣщенія пречистыя владычица нашея Богородица о ново-сотворенномъ храмѣ во имя воздвиженія и о водруженія сего храма благородному и славному В. Князю Александру (напечатано въ Дополн. къ Актамъ историч.

Т. I. № 182). 4) Слово на срѣтеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. 5) Слово о вторѣмъ и страшнѣмъ пришествіи Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. 6) Поученіе въ недѣлю православную о постѣ и о молитвѣ. 7) О находящихъ на ны всяческихъ праведныхъ гнѣва и ярости ради о всемъ познаніа всѣхъ и увѣреніа, понеже бо яко скорь есть Богъ въ спасеніе всѣмъ обращающимся къ нему и медливъ же есть на мученіе. Въ семъ же словеси притча есть о блудномъ сыну пришедшіа недѣля. 8) Поученіе о бездожіи, и яко аще не отдадимъ другъ другу съгрѣшеніа отъ всего сердца нашего, и аще не благодареніемъ тръпимъ вся находяща на ны грѣхъ ради нашихъ, аще не обыщемся и не престанемъ отъ зла, ни Богъ оставитъ намъ съгрѣшеніа наша, ниже аще въ роптаніи и въ благодареніи пребываемъ, не токмо бльша сихъ наведетъ Богъ на насъ, но и муцѣ вѣчной предани будемъ. 9) Поученіе о еже много кратцѣ реченное и глаголанное, и нынѣ наче ко всѣмъ рыданное и о еже находящихъ на ны всяческихъ праведныхъ владычныхъ прещеній бывающихъ различными язвами и болѣзни и тлетворными въздухи, еже сіе все бывшее къ наказанію нашему бысть. 10) Въ еже по прѣвоначалственныхъ оградахъ, въ пречестную обитель успенія пречистыя владычица наша Богородица и отъ прѣвоначалственаго изобразованія божественныхъ отецъ, иже преподобіемъ zde просіавшихъ, великаго Андонія *) и Θεодосіа, и проч. (Напечатано въ Дополн. къ Акт. историч. Т. I. № 180, I). 11) Къ иже началство духовное съдръжающимъ и того желающимъ епископомъ и священническому и иноческому всему чину, и благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ, и христоименитому всему исполненію святаго людства. 12) Въ пречестную сію обитель успенія пречистыя владычица наша Богородица настоятелю духовному Архимандриту и священникомъ, и инокомъ всего о Христѣ пребывающаго съединственнаго полка духовнаго. 13) Поученіе въ ту же обитель съ такимъ же надписаніемъ какъ прежде (напеч. въ Дополнен. Т. I. № 180, II). 14) Благороднымъ Княземъ и велможамъ, и священническому всему и иноческому чину, и всему христоименитому исполненію святаго людства (напечат. въ Дополнен. Т. I. № 183). 15) Поученіе о находящихъ на ны всяческихъ владычныхъ праведныхъ прещеній, бывающихъ различными язвами, и о братолюбіи. 16) Благовѣрнымъ Княземъ и велможамъ и священническому всему и иноческому чину и всему христоименитому исполненію св. людства.—Послѣднія два—повтореніе прежнихъ поученій съ немногими измѣненіями.—За тѣмъ слѣдуютъ повѣсть о предсмертномъ явленіи Фотію Ангела и его духовная грамота.

Въ I-мъ томѣ Дополненій къ актамъ историческ. примѣчаніе 32-е, стран. 12, напечатано содержаніе рукописи бібліотеки Ярославскаго Архіерейскаго дома, въ которой находятся Слова и Посланія Митрополита Фотія. Я сличалъ заглавія ихъ съ тѣми, которыя находятся въ Синодальномъ Патерикѣ, и нашель между ними совершенное сходство. Издатели Актвъ полагаютъ, что и Слово объ исхожденіи Св. Духа (л. 63 на обор. рукописи), хотя и не обозначено именемъ Фотія, но принадлежитъ ему; мнѣніе основано на словахъ: *наче же и на великую сію землю пришедшу*, и на томъ, что о крещеніи Пермской земли Стефаномъ говорится какъ о событіи, уже совершившемся.

*) Какъ въ этомъ написаніи имени Андонія вмѣсто Антонія слышенъ новогреческій выговоръ самаго Митрополита Фотія!

Напечатаны изъ сочиненій и грамотъ Фотія слѣдующія: Автовъ историческихъ Т. I. № 18. 1414. Настольная грамота Герасиму Еп. Владимирскому на Волыни. — № 19. 1415 — 1419. Окружное посланіе о незаконномъ избраніи Литовскими Епископами Григорія Самблава, въ санъ Кіевскаго Митрополита, отдѣльно отъ Московскаго (см. выше въ Счн. рук. Поученіе 1). — № 20. 1416. Посланіе Псковичамъ о соблюденіи законоположеній православной вѣры, удаленіи отъ церковныхъ мятежниковъ и покровительствѣ православнымъ людямъ, выходящимъ изъ Литвы. — № 21. 1416. Имъ же, о необщеніи со стригольниками. — № 22. 1416. Поученіе Псковскому духовенству о строгомъ соблюденіи церковнаго устава въ богослуженіяхъ, о неотпѣваніи самоубійць, неяденіи удавленныи и невзиманіи роста. — № 23. 1416. Посланіе Псковичамъ о томъ, что онъ, разрѣшая ихъ отъ крестнаго цѣлованія, благословляетъ отмѣнить новую уставную грамоту Князя Константина Дмитріевича. — № 26. 1418. Посланіе въ Свѣтогорскій монастырь, о недѣйствительности устава, даннаго оному Суздальскимъ Владыкою Діонисіемъ, съ подтвержденіемъ инокамъ соблюдать правила общежитія, а мірянамъ не вступаться въ дѣла духовныя. — № 30. 1426. Посланіе Псковичамъ о моровой язвѣ. — 33. 1427. Имъ же, о убѣжденіи стригольниковъ возвратиться къ православію, съ повелѣніемъ духовенству, упорныхъ и нераскаленныхъ отлучить отъ Церкви, а вѣрнымъ не имѣть съ ними общенія. — № 34. 1427. Псковскимъ посадникамъ и духовенству, о приведеніи стригольниковъ въ раскаяніе увѣщаніями и наказаніями, о ротникахъ и удаленіи ихъ отъ званія судей и церковныхъ старостъ, также о небытіи старостами въ церквахъ двоеженцамъ и троюженцамъ. — № 35. Прежде 1430. Псковскимъ посадникамъ и духовенству, о соблюденіи чиноположеній православной церкви и христіанскихъ добродѣтелей, о необливаніи при крещеніи младенцевъ, съ запрещеніемъ употреблять при томъ Латинское муро. — Въ Прибавленіяхъ къ тому же тому: № 254. 1393. Настольная грамота Константинопольскаго Патріарха Антонія Митрополиту Фотію. Въ этой грамотѣ и годъ, и имя Патріарха обозначены невѣрно, потомучто Фотій назначенъ былъ въ Митрополиты въ 1409 году Патріархомъ Матвеемъ, а не Антоніемъ. — № 256. Послѣ 1410. Грамота съ увѣщаніемъ о возвращеніи похищеннаго церковнаго сокровища. — № 257. Благословенная грамота иноку Павлу Обнорскому, на устроеніе монастыря и освященіе въ немъ церкви, съ увѣщаніемъ братіи о соблюденіи иноческихъ обѣтовъ.

Автовъ Археографической Экспедиціи Т. I. № 20. 1421. Жалованная грамота В. Кн. Василя Дмитріевича М. Фотію, о дозволеніи купить въ Талышѣ волостную Яковлевскую деревню, съ тѣмъ чтобы она тянула судомъ и пошлинами къ Митрополиту и проч. — № 23. 1425. Жалов. гр. того же Князя М. Фотію, объ освобожденіи отъ пошлинъ пришлыхъ въ митрополитскія села людей на пятнадцать лѣтъ, а старожильцевъ на пять лѣтъ, о подсудимости ихъ Митрополиту, и о судѣ смѣсномъ. — Въ Дополненіяхъ къ этому же тому № 369. 1410. Посланіе Новгородцамъ, о соблюденіи законоположеній церковныхъ.

Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. I. Прибавленія. № 180, 1410 — 1431. Два посланія (I и II) Митрополита Фотія въ Кіевопечерскій монастырь, объ иноческихъ обязанностяхъ. (См. выше въ Счн. рук. №№ 10 и 13). — № 181, 1410 — 1431. Поученіе священникамъ и инокамъ, о важности священ-

ства и объ обязанностяхъ священнослужителей. (См. выше № 2). — № 182, 1419—1430. Поученіе, на освященіе походной церкви, устроенной для православныхъ воиновъ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ. (См. выше № 3). — № 183, 1419—1430. Посланіе Литовскимъ православнымъ священникамъ и мірянамъ, при вторичномъ вступленіи его въ управленіе Западно-Русскою церковью. (См. выше № 14).

Къ ненапечатаннымъ поученіямъ М. Фотія слѣдуетъ отнести еще два поученія съ одинаковымъ заглавіемъ: „поученіе Фотѣя Митрополита кіевскаго и всея Руси къ великому Князю Василию Дмитріевичу“. Отрывки изъ нихъ приводитъ авторъ статьи, помѣщенной въ Твореніяхъ Св. Отцевъ. Кн. 2, 1852 года. Оба поученія находятся въ рукописномъ сборникѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря въ 4 д., составленномъ по благословенію игумена Нифонта въ 1536 г., прежняго каталога № 414.

5) Вотъ слова Іоанна Златоуста: „Долженъ есть инокъ, аще ястъ, аще пьетъ, аще сѣдитъ, аще служитъ, аще путешествуетъ, аще ино что творитъ, непрестанно вопити то: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя!... Да имя Господа Іисуса, сходящее во глубину сердца, смиритъ змія содержащаго пажити, душу же спасетъ и оживитъ. Непрестанно убо пребуди во имени Господа Іисуса, яко да поглотитъ сердце Господа, и Господь сердце, и да будета два сія во едино... Не отлучайте отъ Бога сердца вашего, по потерпѣвайте и храните е всегда съ памятію Господа нашего Іисуса Христа, дондеже внутрь въ сердце водрузится имя Господне, и ничтоже ино помышляйте, точію яко да возвеличится въ васъ Христосъ“.

6) Содержаніе этихъ посланій я излагать по вышепомянутой статьѣ о Митрополитѣ Фотіи (стр. 223 — 226).

7) Никон. лѣтоп. Т. V, стр. 24.

8) Григорія мниха и прозвитера, Игумена обители Плинаврѣска, надгробное иже во святыхъ по истинѣ Кипріану Архіепископу Россійскому. Выпишемъ изъ этого слова тѣ мѣста, которыя относятся къ біографіи Григорія. „Его же (Кипріана) убо наше отечество изнесе“. — „Отъиде доброта она, яже паче солнечныхъ зарей, вамъ же и надсладчайшаа, братіа бо вамъ есмы отъ лучшии, понеже и отецъ вашъ, иже плачу намъ предлежитъ вина, братъ бѣаше нашему отцю“. — „Мы святого онога лица вмалѣ сподобихомся видѣти отроческый еще носяща возрастъ, абіе же отъ насъ отъиде, и старости насъ постигши, не ктому того видѣхомъ“... „Суть бо отгоди до тридесяти нѣгдѣ лѣтъ, егда отъ васъ воздвигся къ великому сему и царици градовомъ грядлаше“. (Слово писано въ 1410 году, слѣдовательно, если 31 годъ вычестъ, будетъ 1379-й, когда Кипріанъ пріѣзжалъ изъ Москвы въ Царьградъ и къ себѣ на родину). — „Тогда великое сіе свѣтило видѣхомъ, братіе, и священныя оны руцѣ нашей коснушася главѣ, купно убо благословяюще, купноже и хотящая намъ случатися духомъ пророчяюще“. — О любви народа къ Кипріану по смерти его говоритъ: „не до двоихъ, или трехъ годъ *иже приидоша*, но и простертію лѣтнему съпротяжета и ваше ко отцю любленіе“... Кипріанъ скончался въ 1407 году, стало бытъ слово писано въ 1410 году. — „Ему же вмѣсто Геона рѣки была рѣка Нѣмонъ протичюща Литвы,

на ней же горкому насъ стрѣтшю возвѣщенію, ниже плакати можахомъ*.—Внизу слова приписано: „Написахъ Кипріану: о Кипріане по истинѣ еси свѣтило Россійской земли, Григоріе Цамблакъ писавый слово сіе надгробное бывый Митрополитъ Кіеву и всеа державы Литовьскыа.

9) См. вышеупомянутую ст. Фотій, стран. 238. Также О Григоріи Цамблакѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ. Статя Преосвященнаго Макарія, Епископа Тамбовскаго въ Извѣстіяхъ И. Академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Т. VI, л. 7—10. Оттуда перепечатана въ историческихъ чтеніяхъ объ языкѣ и Словесности. Спб. 1857, ст. VII. О пребываніи своемъ на Аeonѣ онъ говоритъ самъ въ 4-мъ словѣ: „Но азъ вѣмъ горы Афонскія“.

10) Нив. лѣт. Т. V, стран. 54, 58, 59, 70, 71. Ст. Митрополитъ Фотій стран. 233—249.

11) Сочиненія Григорія Цамблака я изучалъ по двумъ рукописямъ Синодальной бібліотеки за №№ 384 (52) и 386 (308), объ въ 4-ку, также отчасти по Великимъ Чет. Минеямъ Митрополита Макарія, гдѣ, кромѣ особенной книги, вмѣщающей всѣ слова Григоріевы въ Іюльскомъ томѣ съ полнымъ ихъ оглавленіемъ, эти слова разбѣяны отдѣльно по праздникамъ, къ которымъ относятся, — также и по рукописямъ бібліотеки И. Н. Царскаго, когда она еще принадлежала покойному ея собирателю и находилась въ Москвѣ. Вотъ заглавія словъ, извлеченныя изъ полныхъ рукописей въ томъ порядкѣ, какъ они помѣщаются: Григорія смиреннаго инока и презвитера 1) о божественныхъ тайнахъ, и яко достоитъ хотящему причаститися испытовати себе, и о еже не памятозлостовати, и яко довлѣть сіи пять дній истиннымъ покаяніемъ предочистити челоуѣка, и яко достоитъ христіанину терпѣти напасти, и на Іудея глаголющихъ, поятъ ли Богъ жену и роди сына, и о блаженнѣмъ Филогоніи, архіепископѣ Антиохійскомъ. (Слово относится къ 20-му Декабря, когда празднуется память Св. Филогонія). — 2) О усопшихъ, и о еже, яко страніи, жити на земли, и о Антихристѣ, и о воскресеніи мертвыхъ, и яко суетно и труда польно житіе челоуѣческое, и яко смерть сонъ и отъ трудовъ покой есть, и о милостыни. (Это слово говорено, вѣроятно, въ родительскую, въ день поминовенія усопшихъ). — 3) О иноческомъ житіи, яко ангеломъ подобитися и на иже отъ неправды и хищенія богатышихся. (Изъ начала этого слова ясно видно, что оно имѣетъ отношеніе къ предъидущему и говорено въ слѣдъ за нимъ). — 4) Слово похвальное отцемъ преподобнымъ, въ субботу сыропустную. (Изъ начала этого слова также видно, что оно говорено въ слѣдъ за третьимъ словомъ). — 5) Похвално святымъ великомученикомъ четырехдесятымъ. (Въ заглавіи этого слова, ко мниху и презвитеру, прибавлено: игумена обители Пантократоровы). — 6) Слово въ недѣлю вербую. (Здѣсь Григорій въ заглавіи именуется архіепископомъ Россійскимъ). — 7) Въ Св. великій четвертокъ на часѣхъ. На преданіе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и о Іудѣ, и на иже опрѣсноки приносящихъ таинствомъ, и о сребролюбіи. (Опять въ заглавіи: игумена обители Пантократоровы). — 8) Во св. и великій пятокъ на часѣхъ, о еже узрите животь нашъ висящъ предъ очима вашима и на еретики, и о еже: жено се сынъ твой, и къ ученику: се мати твоя, въ распятіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. (Въ заглавіи также Игум. об. Пантокр.)—

9) Слово на славное вознесеніе Господа нашего Ісуса Христа. (Въ заглавіи Григорія, Епископа Россійскаго). — 10) Слово на рождество предтечи и крестителя Іоанна. (Въ заглавіи просто инока и презвитера). — 11) Похвалное святымъ и верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу. (Въ заглавіи тоже). — 12) Похвалное святому пророку и боговидцу Ілии. (Въ заглавіи игум. об. Пантокр.) — 13) Слово на божественное Преображеніе Господа и Бога и Спаса нашего Ісуса Христа. (Въ заглавіи Архіепископа Россійскаго). — 14) Слово на всечестное успеніе преславныя владычица наша Богородица и приснодѣвы Марія. 15) Слово на Усѣновеніе главы честнаго и славнаго пророка и предтеча и крестителя Іоанна. (Оба слова озаглавлены именемъ Григорія, Архіепископа Россійскаго). — 16) Слово на всечестное рождество пресвятыя Владычицы нашея Богородица. (Инока и прозвитера). — 17) Слово на воздвиженіе честнаго креста Господня. (Архіепископа Россійскаго). — 18) Похвалное святому славному великомученику и мучоточцу Димитрію. (Архіепископа Россійскаго. — 19) Слово похвално святому и великому въ мученицѣхъ и побѣдоносцю Егорьгію. (Имени Григорія не обозначено). — Здѣсь оканчивается оглавленіе Великихъ Четихъ Миней. По двумъ синодальнымъ рукописямъ слѣдуютъ: 20) Мученіе святаго и славнаго мученика Іоанна Новаго, иже въ Бѣлѣградѣ мучившагося. (Списажесе Григоріемъ мнихомъ, Игуменомъ обители Пантократоровы, и прозвитеромъ великой церкви Молдовлахійской). — 21) Григорія, мниха и прозвитера, Игумена обители Плинаирьскыа (отъ πλῆν (внѣ) и ἀήρ (воздухъ), надгробное иже во святыхъ по истинѣ Кипріану Архіепископу Россійскому. — Въ концѣ этого слова приписано: „Написахъ Кипріану: о Кипріане, по истинѣ еси свѣтло Россійской земли, Григоріе Цамблакъ писавый слово сіе надгробное бывый Митрополитъ Кіеву и всеа дръжавы Литовьскыа“. Кромѣ того, еще встрѣчаются въ рукописяхъ отдѣльно: 22) Слово похвальное иже во св. отцу нашему Евѡнмію Патріарху Терновскому (Рукоп. Гр. Толст. Отд. II, № 205). — 23) Сказаніе о Св. Параскевіи, како принесена бысть во славную Сръбскую землю, списано Григоріемъ Цамблакомъ. Помѣщается при житіи преподобныя матере нашея Парасковіи, списанномъ Евфиміемъ, патріархомъ Терновскимъ. Опис. рукоп. Царскаго стран. 71. № 135, л. 549. — 24) Повѣствованіе о Сербскомъ царѣ Стефанѣ Дечанскомъ, писанное Григоріемъ, игуменомъ Дечанскимъ. (Помѣщается обыкновенно въ Прологъ подъ 9-мъ Маіа). — 25) Богослужебный стихъ на Успеніе Пресвятой Богородицы. Открытъ В. М. Ундольскимъ подъ заглавіемъ: „на Успеніе Пресвятой Богородицы, поемъ сей стихъ на цѣлованіе, твореніе киръ Григорія Россійскаго Цамблакъ“... Напечатанъ при статьѣ: Запѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1846. № 3, и перепечатанъ сполна въ вышеупомянутой статьѣ Преосвященнаго Макарія. — Въ Опис. Библ. Гр. Толстова Отд. I. № 256, л. 121, есть слово Григорія Архіепископа Россійскаго въ недѣлю цвѣтную, — и въ Рукоп. Царск. № 365, л. 354, отъ слова цвѣтнаго. Въ Опис. Рукоп. Царскаго № 264, л. 530 об. встрѣчается Григорія мниха и презвитера слово похвалное святымъ тремъ отрокомъ и Данилу пророку, и яко искушенія и напасти находятъ Святымъ на объявленіе тѣхъ добродѣтели, и о святомъ причащеніи.

12) „И понеже вашу любовь зряи, слово ученія сладцѣ приѣмлюще, якоже

нѣкую добрую и тучную землю сѣмена... Прежде похваливше ваше усердіе теплое, толико бо къ церевѣ тщаніе ваше, елико чадомъ къ матери, елико болящему ко врачу, елико жаждущему ко источнику, елико кораблю къ пристанищу: толикоже и насъ веселитъ преспѣваніе ваше, яко и вѣстници радостни будещъ добродѣтели ваша пославшему насъ Патріарху“. — „Но и о общемъ и чаемомъ воскресеніи всѣмъ послѣдованно къ вашей пробесѣдую любви, вѣмъ бо несытное ваше же о таковыхъ желаніе, отонудуже и къ вашему множае распалихся любленію, елижды бо аще что отъ божественаго писанія въ ваша всѣяхомъ слуха, вы и яко благая и тучная земля въ малѣ времени показоваше таковыхъ сѣмянъ прозябеніе, насъ убо о предваршихъ веселяще и инымъ касатися усерднымъ сѣдѣваючи. Тѣмъ же и блажу ваше еже ко ученію усердіе“.

13 а) Слово похвальное Апостоламъ Петру и Павлу, приписанное Митрополиту Θεодосію (1461—1465. См. Изв. Ак. Т. II, л. 21), есть только сокращеніе Григоріева слова, съ особымъ небольшимъ приступомъ.

13 б) Мнѣ извѣстно одно сказаніе народное *объ Ильѣ великомъ и Миколѣ милостивомъ*, въ которомъ представлена вся полевая работа крестьянина отъ первой пашни до уборки хлѣба, совершающаяся при непрерывныхъ препятствіяхъ со стороны Иліи пророка и при милостивомъ покровительствѣ Николая чудотворца, который своимъ заступленіемъ отвращаетъ всѣ бѣды, посылаемыя гнѣвнымъ пророкомъ Ветхаго Завѣта. Я слышалъ это сказаніе въ Саратовской губерніи, въ Петровскомъ уѣздѣ. Оно заключается тѣмъ, что къ крестьянину приходятъ подъ конецъ *Злыдни*, олицетворенныя въ видѣ какого-то полунагаго мужика. И тутъ спасаетъ его отъ *Злыдней* милостивый Микола.

14) Здѣсь проповѣдникъ употребляетъ два греческія слова для мачты корабля — *катартъ* (*κατάρτιος*, *катартіа* и *катартіон* (корабельная мачта), и *тропи* или *тропі* (*τρόπις*) для означенія корабельнаго дна. Здѣсь я позволю себѣ разногласіе въ чтеніи текста съ тѣмъ, которое принято Преосвященнымъ Макаріемъ. Въмѣсто принятаго чтенія: „Что же ли нарицаемаа *тропіоне*, иже все ставленіе корабленое содержится“ — я читаю: Что же нарицаемая *тропі*, о нейже все ставленіе корабленое содержится.

15) Для объясненія этого мѣста нельзя не привести словъ Василія великаго изъ творенія его о Святомъ Духѣ. „Въ первый день седмицы совершаемъ молитвы стоя прямо *), но не всѣ знаемъ тому причину. Ибо не только, какъ воскресшіе со Христомъ и обязанные искать выспихъ, въ воскресный день прямымъ положеніемъ тѣла во время молитвы напоминаемъ себѣ о дарованной намъ благодати; но и потому сіе дѣлаемъ, что этотъ день, повидимому, есть какъ бы образъ ожидаемаго нами вѣка. Посему, будучи началомъ дней, у Моисея названъ онъ не первымъ, а единственнымъ. Ибо сказано: *бысть вечеръ, и бысть утро, день единъ* (Быт. 1, 5); потому что одинъ и тотъ же день возвращается многократно. Посему онъ же есть и единственный и осмый, изображающій собою дѣйствительно еди-

*) То есть, безъ земныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій.

ный и во истину осмый день, о которомъ Псалмопѣвецъ упомянулъ въ нѣкоторыхъ надписаніяхъ Псалмовъ (Псал. 6 и 11), то есть, оное состояніе, которое послѣдуетъ за теперешнимъ временемъ, оный непрекращающійся, невечерній, несмѣняющійся день, оный нескончаемый и нестарѣющійся вѣкъ“.—Богословы XIV и XV вѣка примѣняли это къ седмицѣ тысячелѣтій — и восьмью тысячу считали уже вѣчностью.

16) Въ подлинникѣ читаемъ *ламбада* по греческому произношенію, явно обнаруживающему вліяніе Греческаго народа на образованіе Болгарина Григорія.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I.

Образецъ письменъ псалтыри 1296 года.

Онъ приложенъ къ 15-й страницѣ, гдѣ о Псалтыри упоминается, равно какъ и въ 40-мъ примѣчаніи къ XI лекціи на 42 стран. Объ этой Псалтыри говоритъ К. Θ. Калайдовичъ въ Іоаннѣ Экзархѣ Болгарскомъ, какъ указано въ примѣчаніи. Описана она подробно въ Описаніи Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки. Отдѣлъ первый. Священное Писаніе. 1855, подъ № 13, стр. 181 — 186, Гг. Горскимъ и Невоструевымъ, еще подробнѣе въ Палеографическихъ и Филологическихъ матеріалахъ для исторіи письменъ Славянскихъ, собранныхъ изъ XV-ти рукописей Московской Синодальной Библіотеки И. д. Э. О. П. Θ. И. Буслаевымъ, стр. 23 № V.

Рукопись писана на пергаинѣ въ малый листъ, крупнымъ уставомъ, для княгини Марины въ 6804 (1296) году писцомъ Захаріею, который, будучи воспитанъ издѣтства въ такомъ обычаѣ, переписалъ много святыхъ книгъ и, между прочимъ, уже будучи въ старости, написалъ на Волокъ Евангеліе апракосъ для игумена Антонія къ Покрову Св. Богородицы, а эту Псалтырь послѣ того. Къ ваонизмамъ Псалтыри присоединяются побаянные тропари и молитвы; между послѣдними встрѣчается и молитва святаго Θεодосія Печерскаго за вся крестьяны. Прочтемъ текстъ перваго псалма, изображенный въ снимкѣ.

Блаженъ мужъ иже не иде на свѣтъ нечтивыхъ ∴

И на пути грѣшныхъ не стаетъ

И на сѣдалищи губитель не де ∴

И въ законѣ гни вола его ∴

И въ законѣ его поучитъса днь и ноць ∴

И есть акы древо сажено въ пренсходниихъ водъ ∴

И еже плодъ свой дастъ въ время свое ∴

И листь его не опадеть ∴

И вса елико створи поспѣетсяъ ему :
 Не тако нечтивни не тако :
 Нъ ако прахъ его же въскрываетъ вѣтръ отъ лица земли :
 Сего ради не въскрывать нечтивни на судъ :
 Ни грѣшници въ свѣтъ праведныхъ :
 Ако свѣсть господь путь праведныхъ :
 И путь нечтивныхъ погубенъ.

Правописаніе Русское; съ частымъ употребленіемъ о вм. ъ, е вм. ь; древнѣйшее употребленіе буквъ ъ и ь частію удерживается, но только по преданію книжному.

Признаки въ начертаніи буквъ слѣдующіе. — Въ И средняя черточка сохраняетъ еще довольно вѣрно свою горизонтальную форму, по мѣстамъ начинаетъ однако колебаться и отходить отъ горизонтальнаго положенія. Въ буквѣ Н черточка діагональная напоминаетъ греческое начертаніе этой буквы. Въ іотированной буквѣ Е черточка соединительная сохраняетъ свой древній горизонтальный характеръ. Буква Ж суживается къ верху, а не къ серединѣ; буквы З и Ч сохраняютъ свою древнюю форму, но послѣдняя отъ круглоты верхней своей половины начинаетъ переходить къ продолговатой формѣ. Изъ юсовъ осталось только ѡ, замѣняющее ѡ послѣ согласныхъ, какъ напримѣръ, въ словахъ: вса, время; буква же ѡ употребляется безъ согласной. Знаки препинанія — крестообразное четверточіе, которымъ стихъ отдѣляется отъ стиха, какъ бы въ означеніе крестнаго знаменія, которымъ переписчикъ, вѣроятно, сопровождалъ написаніе каждаго стиха Псалтыри.

II.

Образецъ письменъ Евангелія Святителя Алексія.

Онъ приложенъ къ 66-й страницѣ III-й части. Митрополитъ Евгеній въ біографіи Епифанія Славинецкаго (Т. I-й его Словаря о писателяхъ духовнаго чина стран. 177) приводитъ историческую записку о трудахъ, предпринятыхъ Епифаніемъ для перевода вновь священнаго Писанія. Въ этой запискѣ сказано: „Первая Славянская книга бѣ у преведенія сего преводу и рукописанія Святаго Алексія Митрополита всея Россіи Чудотворца, писанная въ лѣто 6863 (т. е. 1355) до смерти его за 23 лѣта, яже и доднесь обрѣтается въ Обители его въ Чудовѣ монастырѣ въ книгоположницѣ блюдома и прочитаема бываетъ надъ болящими“. О томъ же Евангеліи говорится въ статьѣ: Св. Алексій Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, Творенія Св. Отцевъ. Годъ 6, кн. I, стр. 95. Здѣсь приведено и мнѣніе Аббата Добровскаго о семъ Евангеліи. Въ Достопамятностяхъ Москвы,

К. Тромоина, 1845, приложенъ снимокъ съ надписей, находящихся на рукописи Св. Алексія, и двухъ страницъ изъ рукописи (Посланія къ Евреямъ I, 1—11). Въ Обзоръ Русской Духовной литературы Преосвящ. Филарета Харьковскаго (стр. 71) приложено чтеніе притчи о талантахъ въ сравненіи съ Греческимъ текстомъ отчасти и съ вариантами 10-ти Славянскихъ списковъ, предшествовавшихъ рукописанію Святителя.

Новый Завѣтъ, по церковному несомнѣнному преданію приписываемый Святителю Алексію, писанъ на пергаментѣ, весьма мелкимъ уставнымъ письмомъ, въ 12-ю долю листа. Правописаніе Русское. Передаемъ текстъ приложеннаго снимка:

БѢЖТВЕННОЕ ЕУДѢЕ ЕЖЕ ОТЪ ІОАНА.

Искони бѣ слово. ꙗ слово бѣ кѣу. ꙗ бѣ бѣ слово. съ бѣ искони кѣу. вса тѣмъ выша и безнего бѣ ничтоже еже бѣ. втомъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ чѣбкм. и свѣтъ во тмѣ свѣтитѣ. и тма его не обѣ .:

Бѣ чѣб послѣ отъ бѣ. ꙗма е мѣу ꙗванъ. съ прѣде в свѣдѣтельство да свѣдѣтелствуе о свѣтѣ. да вси вѣрую имъ. не бѣ ѿ свѣта. но да свѣдѣтельствуе о свѣтѣ. Бѣ свѣтъ истинный ꙗ просвѣщаетъ всакѣ чѣбка градуща в мирѣ. в мирѣ бѣ. и миръ имъ бѣ и миръ его не позна .:

Въ своем прѣде. и свои его не прѣаша. елицѣ прѣаша и да ꙗмъ обѣ чадъ бѣи быти. вѣрующимъ во има е ꙗ не ис кровини. ниже отъ хотѣ ꙗ плѣтска. ниже отъ хотѣ ꙗ мужска. но отъ бѣ родишася .:

И слово плѣ бѣ и вселѣ в ны. ꙗ вѣдѣхѣ слѣу е слѣу ꙗко единочадъ отъ оца. исполнь блѣгти и истинны. ꙗма свѣдѣтельствуе о не ꙗ возва глѣ. се бѣ егѣ рѣхъ.

Иже в слѣ мѣ градн. прѣ мною бѣ. зане первѣе мѣ бѣ. ꙗотъ исполне ꙗ е мы вси приахѣ. и блѣтъ въ блѣтъ. ꙗко закѣ мосее да бѣ. блѣтъ и истина ꙗ хѣм бѣ.

При сличеніи сего текста съ греческимъ подлинникомъ и Славянскими списками, съ перваго раза видно стремленіе, съ одной стороны, подойти ближе къ греческому тексту, съ другой, замѣнить нѣкоторыя Славянскія реченія болѣе народными Русскими. Въ примѣръ перваго мы можемъ привести выраженія, здѣсь въ первый разъ встрѣчающіяся, изъ нынѣшняго текста Новаго Завѣта: *слово бѣ къ Богу, се бѣ искони къ Богу*; сюда же относятся выраженія: *иже не ис кровини вм. иже не отъ крови; иже въ слѣдѣ мене граднъ вм. градующій по мнѣ*; замѣтимъ также замѣну двухъ отрицаній однимъ и сближеніе порядка словъ съ текстомъ греческимъ: *и безъ него бысть ничтоже еже бысть*. Въ примѣръ втораго приведемъ употребленіе Русскаго мѣстоименія: *онъ и имъ, вмѣсто тъ и тѣмъ,*

Мосеемъ вмѣсто *Мосеомъ*. Замѣчательно также сокращенное выраженіе: *да вси върують имъ*, намѣсто: *да вси въру имуть имъ*.

Что касается до признаковъ палеографическихъ, то ясно видно, что греческія начертанія возымѣли большое вліяніе на переводчика. Это показываетъ сокращеніе буквъ, взаимно сплетаемыхъ, напоминающее подобныя сокращенія въ рукописяхъ греческихъ, также и частое употребленіе десятиричнаго і. И и Н. напоминаютъ особенно начертанія греческія, И своею горизонтальною перекладинкой, а Н свою діагональ, начинающейся отъ самой вершины. Знаки удареній на слогахъ, точка надъ і и знаки надъ нѣкоторыми гласными звуками напоминаютъ также греческое правописаніе. Перекладинки въ связныхъ іотированныхъ гласныхъ начинаютъ уже отходить отъ чисто горизонтальнаго прежняго направленія. Изъ согласныхъ Ч въ верхней половинѣ своей переходитъ къ формѣ болѣе продолговатой. Юсовъ нѣтъ обозначающихъ носовое произношеніе; а употребляется съ согласными, а ѣ для выраженія самостоятельнаго звука Я. Къ знакамъ препинанія принадлежатъ: точка, поставляемая болѣею частію посрединѣ, и крестообразное четверточіе, которымъ отдѣляются стихи, читаемые за одинъ разъ въ воскресномъ возглашеніи пасхальнаго благовѣстія. Знаками облеченными или титлами текстъ изобилуетъ.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Лекція XI, стран. 14 сл.

Въ Указатель Синодальной Библиотеки, составленномъ Архимандритомъ Саввою, къ XIII вѣку съ обозначенными годами отнесены еще три рукописи: Трефологіонъ 1252 года, Кормчая 1282-го и Пандекты Никона Черногорца. Меня укоряли въ томъ, что я пропустилъ ихъ. Но всѣ эти рукописи не только не изслѣдованы, но даже и не описаны филологически въ Указатель. Древнія рукописи, обозначенныя годами, тогда только становятся собственностью науки, когда подвергаются изслѣдованію или описанію, сдѣланному на ея основаніяхъ. Правда, что я могъ внести ихъ въ примѣчанія: это теперь и исполняю.

— стран. 22.

Когда одиннадцатая моя лекція, въ которой я говорю о словахъ Серапіона, была давно уже отпечатана, — въ Іюльской книжкѣ Православнаго Собесѣдника 1858 года, издаваемаго при Казанской Духовной Академіи, появились два небольшія слова, найденныя въ Измарагдѣ Соловецкой библиотеки, писанномъ въ XV вѣкѣ. Въ рукописи приписаны они Св. Ефрему; но такъ какъ вмѣстѣ съ ними находилось третье слово, извѣстное уже за Серапіоново изъ рукописи Златая Чепь и напечатанное въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ, то издатели на этомъ основаніи приписали и найденныя ими два слова тому же Серапіону. Мои критики укоряли меня въ томъ, что я, въ 3-й части говоря о Серапіонѣ, пропустилъ эти два памятника. Но книга моя была уже почти до конца отпечатана, когда они появились. Надобно же было произвести изслѣдованіе, чтобы сказать что-нибудь болѣе положительное. Невозможно вносить въ науку немедленно все, чтѣ ни попадаетъ подъ руку. Весьма жаль, что издатели не напечатали и перваго слова: *о казнѣхъ Божіихъ и о ратнѣхъ*. Судя по началу, которое растянуто очень противъ начала въ Словѣ Серапіоновомъ, можно-бъ было заключить, что и все оно было измѣнено переписчикомъ. У Серапіона читаемъ: Почюдимъ, братье, челоувѣколюбье Бога нашего. У Св. Ефрема: Удивимся, братіе, и почудимся чело-

вълюбію и милости Бога нашего. Первое изъ напечатанныхъ словъ и начинается и оканчивается мыслию о страшномъ судѣ, и въ срединѣ содержитъ мысли о томъ же. „Тѣмъ боится, братіе, грозы и страха суда Божіа: внезапно бо день той найдеть страшный“. Такъ начинается Слово; заключительная мысль его о томъ же: „Сдѣ бо егда будетъ буря и громъ, того не тринимъ, а тамо камо ся дѣти, егда судъ будетъ страшный, аще нынѣ не уготовимся“. — Известно, какъ въ XV вѣкѣ мысль о страшномъ судѣ дѣйствовала въ проповѣдномъ словѣ: мы встрѣчали ее часто въ проповѣдяхъ Фотія и Григорія Цамблака. Слова въ серединѣ Слова имѣютъ особенное отношеніе къ близости кончины міра: „се бо писанная вся концы пріимають и реченная знаменія сбываются и уже мало нашего живота и вѣка“. Такія слова не могли быть сказаны Серапіономъ въ XIII вѣкѣ, когда еще болѣе двухъ столѣтій оставалось до роковаго 1492 года, въ которомъ ожидали кончины міра. Ясно, что слово относится къ XV вѣку. Есть и другіе тому признаки: *церквамъ нестроеніе* скорѣе можетъ быть отнесено къ церковнымъ смутамъ того же столѣтія, нежели къ XIII-му, когда Церковь наслаждалась еще единствомъ іерархіи.

Второе слово: *о мятѣжи житія сего*, по такимъ же признакамъ должно быть отнесено къ тому же XV вѣку. Слова, которыми оно начинается: „Уже наводитны время на дѣло вѣчнаго живота и неразримыи славы“, явно намекаютъ на ту же мысль о близкой кончинѣ міра. Далѣе слѣдуетъ намекъ на опустошеніе Черной Смерти, которая посѣщала еще Россію въ XV вѣкѣ: „Сію бо жизнь пріемлетъ смерть, а славу постигаютъ студи мнози, преже бо года от велможъ въ пес мѣсто во ад сведени быша“. На этомъ основаніи оба Слова никакъ не могутъ быть приписаны Серапіону, умершему въ 1272 году. — Кто же могъ быть Св. Ефремъ, писавшій эти слова? Въ числѣ святыхъ мужей, жившихъ у насъ въ XV вѣкѣ, мы находимъ Ефрема Перекомскаго, Новгородскаго, который родился въ 1412 и преставился въ роковомъ 1492 году.

Лекція XI, стран. 24 сл.

Вотъ скорѣе слѣдовало бы меня упрекнуть въ томъ, что я, говоря о Лѣтописяхъ XIII вѣка, не сказалъ ничего о лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, который былъ открытъ Княземъ Оболенскимъ и изданъ во Временникѣ 1851 года № 9. Но я связала этотъ памятникъ съ другимъ, относящимся къ той же Перелславской мѣстности, съ передѣлкою Слова Данила Заточника, надписанною тому же самому Князю Ярославу Всеволодовичу Переяславскому, о которомъ съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ отзывается и Лѣтописецъ. О подражаніи слову Данила, равно какъ о Лѣтописи Переяславской, я говорю въ девятой лекціи.

— стран. 37.

Св. Пафнутій Боровскій передалъ Св. Іосифу Волоцкому, ученику своему, устное преданіе о св. Петрѣ Митрополитѣ. Когда Святитель въ соборной Успенской церкви молился о какихъ-то земскихъ дѣлахъ, его келейникъ инокъ, по прозванію Цѣлада, пришелъ къ нему и сказалъ: ты молишься и хочешь быть услышанъ, а у тебя въ казнѣ три рубли. Святитель тотчасъ же повелѣлъ раздать ихъ нищимъ, и прошеніе его немедленно было исполнено. (Выписано изъ Патериба Іосифова монастыря).

Примѣчанія къ XI лекціи: стран. 45 прим. 38.

Апостоль толковый 1220 года описанъ также подъ № 95 въ Описаніи Синод. библ. Отд. 2, стран. 141.

Тамъ же прим. 40, стран. 45.

Псалтирь 1296 года описана тамъ же за № 13 въ I Отд. стран. 181. — Въ концѣ этой рукописи есть намекъ на тяжкое порабощеніе отъ иноплеменниковъ и приглашеніе возносить за Христіанъ молитвы съ псалтырю, да пощадить ихъ Господь.

Тамъ же прим. 52, стран. 47, строка 6.

Вмѣсто № 574 слѣд. читать 516.

Тамъ же прим. 57.

Рукопись Мѣрила праведнаго въ Синод. библ. за № 524, а не 52, какъ напечатано по ошибкѣ.

Лекція XII, стран. 55.

Монахомъ Преподобный Сергій былъ 55 лѣтъ.

— стран. 67.

Въ библиотекѣ Чудова монастыря я нашель рукопись Пандектовъ Никона Черногорца подъ заглавіемъ: *Толкованіе Заповѣдей Господнихъ*, въ 63-хъ главахъ, XIV вѣка, гдѣ находится и подлинникъ 41 главы: *о поставленіи владыцель*, откуда Святитель заимствовалъ свое сокращеніе, вставленное имъ въ заключеніе четырехъ Евангелистовъ на 52-мъ л. об. Новаго Завѣта, писаннаго его рукою. Эта рукопись восходитъ такимъ образомъ къ основанію самой обители.

Лекція XIV, стран. 114 сл.

Въ числѣ рукописей XIV вѣка слѣдуетъ еще поставить: Зерцало или Діоптру, писанную въ 1308 году, которая находится въ библиотекѣ Чудова монастыря и описана въ Памятникахъ Московской Древности И. М. Снегиревымъ (1842—1845, стран. 146), — и Толкованіе на книгу Іова Олимпіодора Александрійскаго и другихъ, рукопись того же монастыря 1394 года, о которой упоминается въ Опис. Синод. библ. Отд. 2, стран. 57.

— стран. 121.

Въ числѣ переводовъ съ Греческаго, относящихся къ XIV вѣку, слѣдуетъ упомянуть еще о рукописи, принадлежащей Московскому Успенскому собору. Она — XV вѣка, но въ заглавіи сказано, что переводъ сдѣланъ былъ въ 1343 году. Вотъ оно: *Поученіе* „изъбрана отъ св. Евангелія и многихъ божественныхъ писаній, глаголема отъ Архіереа изъ устъ во всякую недѣлю, на поученіе Христоименитымъ людямъ, или прочитаема также и на господскія праздники, предложена съ Греческаго языка на Рускіи книги в лѣто 6851 (1343)“. См. Пам. Моск. древности стран. 43. Въ библ. Іосифова Волокол. монастыря за № 547 есть рукопись тѣхъ же Поученій, переведенныхъ въ 1343 году, подъ тѣмъ же самымъ заглавіемъ. Въ припискѣ сказано, что они писаны въ Іосифовой пустынь, въ 1490 году, по повелѣнію Іосифа, чернцомъ Симеономъ.

Лекція XIV, стран. 152.

Для историческаго объясненія пѣсни о Щелканѣ, въ которой упоминаются Тверскіе Князья Борисовичи, слѣдуетъ замѣтить, что послѣднимъ Тверскимъ удѣльнымъ Княземъ при Иоаннѣ III былъ Михайлъ Борисовичъ.

— стран. 158.

Г. Березинъ въ Библіотекѣ восточныхъ историковъ Т. I, прим. 82, слово *богатырь* объясняетъ посредствомъ Монгольскаго *богатуръ*, что значитъ храбрый мужъ, молодець. — Къ числу татарскихъ словъ, оставшихся въ Русскомъ языкѣ, слѣдуетъ присоединить еще слово *чалый*, что по г. Березину значитъ: сѣдой. Замѣчательно, что масти лошадей: карій и чалый, заимствованы нами у Татаръ. Любопытно бы было произвести изслѣдованіе надъ другими словами, тоже означающими, какъ напримѣръ: буланый, пѣгой, саврасый, гнѣдой и проч.

Лекція XV, стран. 180.

Въ препирательствѣ съ Иудеями Григорій Цамблакъ заимствуетъ то, что извѣстно было о преніи Кирилла первоучителя съ ними же изъ его житія. См. изданіе Шафарика стран. 12.

ЗАМѢТКА О СЛОВѢ АВРААМІЯ СМОЛЕНСКАГО.

(Въ дополненіе къ тому, что сказано о немъ въ 3-й части на стран. VII Предисловія, на 7-й и 17-й стран. текста XI лекціи и въ 52 примѣчаніи къ сей послѣдней).

Преосвященный Макарій въ 22 примѣчаніи къ своей статьѣ: *О сочиненіяхъ Митрополита Кіевскаго Кирилла II*, напечатанной въ Изв. Акад. Н. Т. VIII, л. 11, говоритъ: „*Шевырєвъ*. Исторія Русской Словесн. III, стран. 47. Почтенный Академикъ рѣшительно приписываетъ это слово св. Авраамію Смоленскому (предисл. VII). На какомъ же основаніи? Вопервыхъ, на томъ, что въ *одномъ* спискѣ слово подписано именемъ Авраамія (незвѣстно, какого), тогда какъ во *многихъ* оно подписано именемъ св. Кирилла, въ особенности слово о мытарствахъ (см. слѣдующія — 23 и 24 примѣч. и нашей Ист. Русской Церкви III примѣч. 246). Вотворыхъ, на томъ основаніи, что Авраамій Смоленскій любилъ передъ концомъ жизни бесѣдовать о мытарствахъ, а объ нихъ-то и говорится въ словѣ, какъ будто по этому никто другой, называвшійся Кирилломъ, не могъ написать о мытарствахъ“.

Преосвященный Академикъ неточно привелъ слова моего Предисловія (стран. VII): у меня сказано, что Авраамій „любилъ передъ концомъ жизни бесѣдовать о *тѣхъ самыхъ предметахъ*, которые въ этомъ словѣ излагаются“.

О *какихъ же предметахъ* любилъ бесѣдовать Авраамій передъ концомъ жизни, у меня сказано въ 11-й лекціи на 7-й страницѣ и въ 52 примѣчаніи. Прочитавъ это мѣсто, Преосвященный могъ бы увидѣть, что здѣсь рѣчь идетъ не объ однихъ мытарствахъ, какъ онъ мнѣ это приписываетъ, укоряя меня въ томъ, чего я не говорилъ.

Загадочное слово, напечатанное Калайдовичемъ въ числѣ Словъ Кирилла Туровскаго за № XII и г. Сухомлиновымъ за № XVIII въ первомъ выпускѣ Рукописей Гр. Уварова, весьма часто въ рукописныхъ сборникахъ приписывалось Кириллу по самой естественной причинѣ: оно почти начинается словами: *Кириллъ философъ рече*. Вотъ почему переписчики относили все слово къ Кириллу, а имя первоначальнаго автора могло исчезнуть на рукописяхъ. А. Х. Востоковъ держится того же мнѣнія относительно Кирилла философа, которому его и приписывали по большей части. Въ Сборникѣ библіотеки Іосифова Волоколамскаго мона-

стыря за № 516 (листъ 101), мнѣ удалось найти это слово подъ заглавіемъ: *Преподобнаго отца нашего Авраамія слово о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человекъ*. Пресв. Макарій говоритъ: *Авраамія — неизвѣстно какого*, основывая свое сомнѣніе на томъ, что не прибавлено Смоленскаго; но вѣдь и при Словахъ Кирилла Туровскаго эпитетъ „Туровскаго“ весьма рѣдко прибавляется, а между тѣмъ столько Слово ему приписано, на которыхъ нѣтъ этого прибавленія. Церковь вселенская въ числѣ своихъ отцевъ и писателей Авраамія не представляетъ; изъ нашихъ же девяти Аврааміевъ, о которыхъ упоминаетъ Словарь Русскихъ Святыхъ, одинъ только Авраамій Смоленскій славился, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ, своими поученіями народу, чтд извѣстно изъ житія его. Странно, что до сихъ поръ ни одно изъ этихъ поученій не открыто. Имя Авраамія на такомъ значительномъ поученіи, какъ Слово о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человекъ, хотя бы и одинъ разъ встрѣтилось на этомъ Слово, уже чрезвычайно сильно говоритъ въ пользу моего предположенія.

Слово, какъ находится оно въ Сборникѣ бібліотеки Іосифова монастыря, гораздо обширнѣе противъ того, какъ оно напечатано гг. Калайдовичемъ и Сухоплиновымъ. Въ спискахъ ихъ изданій выпущена цѣлая половина этого Слова, изъ которой яснѣетъ смыслъ его заглавія: „О небесныхъ силахъ и для чего созданъ быль человекъ“. Выпущенное мѣсто начинается словами: „Небо и землю повелѣніемъ створи“, и оканчивается слѣдующими: „Богъ сый естествомъ милостивый человеколюбець подасть на діавола честный крестъ, а на сѣти его помощь святыхъ книги, яже обнажаютъ всю непріязнну силу и леть“.—Въ составномъ Слово на соборъ Архистратига Михаила, напечатанномъ г. Розовымъ въ Читеніяхъ (1847. № 8), находится бѣлая часть этого отрывка, но все таки не весь.

Теперь обратимъ вниманіе на тѣ мѣста въ Житіи Авраамія Смоленскаго, изъ которыхъ видно, что онъ особенно занимался и какъ живописецъ, и какъ учитель народный, тѣми предметами, о которыхъ упоминается въ Слово.

„Написа же двѣ иконѣ одну страшный судъ втораго пришествія, а другую испытанія воздушныхъ мытарствъ, ихже всемъ нѣсть избѣжати, якоже великий Иоаннъ Златоустъ учитъ, чемерить (sic!) день поминаетъ и самъ Господь и вси святии его сии проповѣдаютъ, его же избѣжать негдѣ, ни скрытися, и рѣба огнена предъ судищемъ течеть, и книги разгибающися, и Судия сидяй, и дѣла открываются всѣхъ: тогда слава и честь и радость всемъ праведнымъ, и грѣшнымъ же мука вѣчная, ея же и самъ сотоиа бонетя и трепещеть, да еще страшно есть братне, слышати, страшнѣе будетъ самому увидѣти“.

На этомъ основаніи издатель Житія Авраамія Смоленскаго въ Православномъ Собесѣдникѣ (1858. Сентябрь) приписываетъ одно древнее поученіе о страшномъ судѣ, находящееся въ Измарагдѣ Соловецкой обители, преп. Авраамію.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыя собственно относятся къ нашему Слово. Въ Житіи читаемъ:

„Поминаше бо о себѣ часто о разлученіи души отъ тѣла блаженный Авраамни, часто себѣ поминая, како нестяжють душу пришедше ангелш“.

Вотъ мѣсто въ Слово, относящееся сюда: „Егдажъ исходитъ душа отъ тѣла, понежъ поставилъ Богъ испытанія ꙗ̑ всякому человеку: ꙗ̑ я, егда хоцетъ разлучитися душа отъ тѣла. Преже бо придуть бѣси, представлять ей вся дѣла, яже

сгрѣшила будеть отъ юности и до старости, отгибающе харатейныи свитки, и начнутъ исповѣдати ея грѣхи еже сьгрѣшила в семь житіи ркуще: почто забыла еси яже сьгрѣшивъ в семь житіи? но мы ихъ не забудомъ, но ясно написахомъ. И по семь предстанета два аггела посланнаа по душу отъ Бога. Егда же узритъ душа и ужаснется, и образъ весь и лѣцота и лице измѣнится, и за нимъ явится смерть, оружіе носяще всякое и мечъ и пила и сѣкиры и рожны, и пришедъ разземлетъ вся уды челоувѣскіа по съставамъ, и посемь главу усѣчетъ, и посемь горести лютыя наплънивъ чашу и дастъ ей испити, и иную юже страшную. Душа отъ тѣлѣси изыдетъ и станеть дръжима: душа же зряще на свое тѣло, отъ негоже изыде, и умилно къ аггеломъ взирающе, видящи дѣла своя представлена добрая и злаа и сънесема аки вывесехъ“.

Далѣ въ Житіи: „и како испытаниемъ на воздухѣ отъ бесовьскыхъ мытаревъ“.

Въ Словѣ: „и послѣ вземше душу понесутъ на воздухѣхъ къ другому испытанію, якоже есть к. мытарствъ Богомъ поставлена на воздухѣ предъ враты небесными на испытаніе, яко душѣ исходящи отъ тѣлеси и грядущи къ небесамъ“.

Слѣдуетъ описаніе 20-ти мытарствъ.

Въ Житіи: „како есть предъ Богомъ и отвѣтъ о всемъ въздати и в кое мѣсто поведутъ“.

Въ Словѣ: „и потомъ принесена бываетъ къ престолу Бога Вседръжителя и поклонится подножію Господа. И потомъ Михаилу предасть завѣтъ и глаголетъ: иди и веди душу сію, и покажи ей обители святыхъ, и небесныя полаты райскіа, и душа праведныхъ суцаа въ рай, и душа грѣшныхъ суцаа въ адъ, вся муки грѣшныя внихже хотятся мучити вѣкъ бесъ конца. Носима бываетъ преже поднебеси и показаеть ей полаты святыхъ и градъ вышній ерусалимъ, яко самъ Господь по вознесеніи створи; потомъ несена бываетъ къ праведнымъ душамъ: исходяще же душа праведныхъ срѣтають ю объемяюще и цѣлуютъ, и посемь сводять ю въ адскую пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ отъ вѣка и показуютъ же ей мѣсто, идѣ мучитися имъ, понеже муки далече мира на западъ. И вся мѣста обходитъ душа праведнаго за ̄м̄ дній и посемь вносима есть в рай, в мѣсто покойно до послѣдняго възкресенія всѣхъ“... Душѣ же грѣшнаго другое мѣсто.

Въ Житіи: „и како во второе пришествіе предстати предъ судилищемъ страшнаго Бога, и како будетъ отъ судія отвѣтъ и како огнена рѣка потечеть, пожигающи вся“.

Въ Словѣ: „...и будутъ глади и пагуби и труси по мѣстомъ, всежь то начало болѣзнемъ. По окончаніи семь помръкнетъ солнце, и мѣсяць померкнетъ, звѣзды спадутъ, небеса съвниются яко свитокъ, силы небесныя явятся, и посемь Сынъ Божій съ славою приидеть, хотя судити всему миру. Съончавшуся року житія и оставшуся ̄м̄ лѣтомъ царствовати антихристу, по скончаніи трехъ лѣтъ царства его, послеть Господь—Михаила и Гаврила, и въструбита: въ мгновеніи ока възкреснутъ мертвіи. Преже възкреснутъ праведніи, свѣтліи по добродѣтели, послѣди же грѣшници омраченіи, и по злымъ дѣломъ ихъ възкреснутъ. И посемь огонь негасимый потечеть, отъ востока пояда горы и каменіе и дрѣва и море; суцаа твердь яко бересто съврѣтится, и вся суцаа вещи, развѣ челоувѣкъ, отъ ярости огненныя яко воскъ истають и изгорятъ, и сквозѣ той огонь падають, и

подобаетъ проити всему роду человѣческому.... Прощедшимъ имъ же огненную рѣку, огненная си рѣка, повелѣнію Божию послуживши и отшедши къ западу и ту учинится езеро огненное на муку грѣшнымъ“.

Въ Житіи: „и кто помогая будетъ развѣ покаяніе, милостыня и безпрестанная молитвы, и ко всѣмъ любы, и прочая иная дѣла благая, яже обрѣтаются помогающія души“.

Въ Словѣ: „Аще бо и вся заповѣди Божіа исправимъ и будемъ немилостивіи, немилосерди на нищаа или на рабы своя, неподдающе довольнаго одѣанія и пища, дѣломъ насильствующе или иными бѣдами. Егда будетъ испытана душа, истязана отъ бездушныхъ бѣсовъ, аще имать душа та дѣла добраа, истинное покаяніе, то тѣми искупающись, вся не преходить, и посемъ входитъ въ врата небесная“... „Ащели будетъ утаилъ грѣхи, несповѣдалъ отцу, отецъ же дара ради, за то стылся не положилъ ему будетъ за то опитеми, рекше дѣлъ добрыхъ: милостыни и молитвы, поклона и поста, и прочая добраа дѣла не наказалъ будетъ и не вытянуть, дабы не творилъ и не сѣгрѣшилъ, такового грѣхи не заглаживаются въ свитцѣхъ бѣсовскихъ... такова оба пріимата бесконечную муку, понеже грѣхи его вѣдая, не положилъ ему покаяніа за то“.

Кажется, достаточно приведено доказательствъ, на основаніи которыхъ я имѣлъ право утвердить Слово за Аврааміемъ Смоленскимъ. Едва ли въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ наши критики совокупаютъ столько данныхъ, сколько совокупили я ихъ здѣсь при рѣшеніи вопроса, мною предложеннаго.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕХЪ ПЕРВЫХЪ ЧАСТЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Лекція первая (стран. 1).

Общественная потребность мысли. — Выборъ предмета. — Народное самопознаніе. — Отношеніе народнаго къ человѣческому и Божественному. — Слово—выраженіе духа и души народа. — Стихіи духовно-душевной жизни народа. — Ихъ взаимное отношеніе. — Слово—ихъ общая оболочка. — Объемъ нашей Исторіи Словесности. — Причины обширности объема: — мѣстныя — современныя во взглядѣ на Словесность и ея науку. — Задача Словесности въ Европѣ. — Надежда и мысль Россіи.

Тема лекціи: обзорѣніе курса. — Раздѣленіе Исторіи Русской Словесности. — Два главные періода. — Подраздѣленіе древняго періода. — Обзорѣніе содержанія. — Языкъ устный и письменный. — Пѣсни. — XI вѣкъ: Иларіонъ, Θεодосій, Несторъ. — XII вѣкъ: главныя явленія. — XIII вѣкъ: безплодіе. Серапіонъ. — XIV вѣкъ: Петръ Митрополитъ. Москва — разсадникъ духовной силы. — XV вѣкъ: Церковь даетъ силу государству и единство народу. Ересь Жидовская. Іосифъ Волоцкій. Отдѣленіе Кіевской Митрополіи. — XVI вѣкъ: Даніилъ Митрополитъ. Максимъ Грекъ. Митрополитъ Макарій. Ересь Θεодосія Косаго. Зиновій. Іоаннь Грозный и Курбскій. Начало дѣйствій на югѣ. — XVII вѣкъ: Междоцарствіе. Грамоты. Землическая дѣятельность Кіева. Охраняющее дѣйствіе Москвы. Патріархи. Никонъ. Расколы. Борьба съ Латинствомъ.

Причины, побудившія ограничиться преимущественно періодомъ древнимъ. — Неизвѣстность. — Связь вопроса науки съ вопросомъ жизни общественной. — Упрекъ древней

Руси.—Оправданіе.— Назначеніе древней Руси.— Отношеніе къ Западу.— Новый періодъ Русской Словесности.— Главные его представители.— Отношеніе древняго періода къ новому.

Лекція вторая (стр. 27).

Первые вопросы въ И. Р. С. — Начало устнаго языка. — Точка зрѣнія. — Три части изслѣдованія. 1) Всемирное отношеніе Русскаго языка.—Сходства съ Индійцами.—Отношеніе къ Санскриту.—Сходства съ Зендомъ. — Общеніе съ племенами Греческими.— Мнѣнія о родствѣ Русскаго языка съ Греческимъ. — Общеніе съ Римлянами. — Общеніе съ Кельтами.—Общеніе съ Готво-Германскимъ племенемъ.— Племя Леттское. — Заключение о всемирномъ отношеніи Русскаго языка.—2) Отношеніе племенное.—Мнѣнія ученыхъ о Славянскомъ племени.—Гердеръ. — Шлецеръ. — Шафарикъ.— Мы въ семьѣ Славянъ.— Древнѣйшія названія географическія и слова. — Дѣленіе Славянскихъ нарѣчій на отрасли. — Добровский.—Востокъ.—Максимовичъ.—Догадка.—Припѣвъ о Дунаѣ.—Свидѣтельство Нестора.—Влахи.—Движеніе Славянъ на сѣверъ. — Дунай — наша родина.—Признаки Велікорусскаго нарѣчія.—Заключеніе о племенномъ отношеніи.—3) Отношеніе Русскаго языка домашнее.—Финны.—Варяго-Руссы.—Противоположныя мнѣнія.—Мнѣніе среднее.—Слова Скандинавскія. — Заключеніе. — Общій выводъ.

Лекція третья (стр. 71).

Вопросъ о началѣ рѣчи письменной. — Преданія у Славянъ. — Арабскія извѣстія о Русскихъ письменахъ. — Грамота Христіанская. — Славине въ Греціи. — Духъ Византіи и Рима.—Константинъ и Меводій.—Образованіе.—Пренія.—Замыселъ.—Изображеніе Славянской азбуки.—Первые слова нашей грамоты.—Славянское богослуженіе у Болгаръ.—У Моравовъ. — К. и М. позваны въ Римъ. — Пренія въ Венеціи. — Богослуженіе Славянское въ Римѣ. — Кончина Кирилла. — Завѣщаніе Меводія. — Коцель зоветъ его. — Дѣйствія М. въ Моравіи.—Первоначальное единство вѣры у Славянъ.—Непріятности Меводію. — Посланія Папы Іоанна VIII.—Система Папъ.—Кончина Меводія (885).—Гоненія Папъ на Славянскую литургію. — Славянскій языкъ процвѣтаетъ у Славянъ восточныхъ. — Совпаденіе трехъ событій.—Внесеніе грамоты Славянской въ Русь. — Нарѣчіе перевода. —Отношеніе его къ другимъ нарѣчіямъ.—Задачи Славянской филологіи.—Отголоски ея въ жизни.—Словацкая пѣсня. — Болгары. — Венелинъ. — Отношеніе Славяно-церковнаго нарѣчія къ Русскому.—Развитіе языковъ западныхъ. — Особенное явленіе въ нашемъ языкѣ. — Услуги Славяно-церковнаго языка Русскому. — Неразрывная связь ихъ.

Лекція четвертая (стр. 101).

Заключеніе изъ предыдущаго.—Первое, южное отдѣленіе древняго періода. — IX и X вѣкъ.—Первые памятники письменности въ X вѣкѣ.—Три замѣчанія на третье чтеніе.—Первое: о богатствѣ языка. — Второе: о разумномъ его единствѣ. — Третье: объ отношеніи Славянскаго языка къ Греческому. — Памятники древней Болгарской Словесности, у насъ уцѣлѣвшіе.—К. Ѳ. Калайдовичъ.—Открытія его. Іоаннъ Экзархъ. — Языкъ въ договорахъ Олега и Игоря.—Поэтическія преданія.—Скандинавскія саги.—Скандинавская стихія Руси мало по малу переходитъ въ Славянскую.—Духовное дѣйствіе Византіи на Русь. — Крещеніе Князя и народа. — Духовная связь Князя съ народомъ. — Пиръ Владиміра. — Первая эпоха народныхъ пѣсенъ.—Богатыри.—Любимый Витязь народа. — Тѣлесная сила нашихъ

богатырей.—Дикія орды Азіи.—Наша борьба съ ними.—Западъ счастливіе.—Преданія объ Ильѣ Муромцѣ.—Черты Ильи Муромца въ совокупности.—Сближеніе съ Цидомъ.—Сибирское преданіе: отъ чего Витязи перевелись на Руси?—Значеніе преданія.

Лекція пятая (стран. 129).

Возвращеніе къ предъидущему.—Объясненіе.—Положенія о Витязяхъ.—Сословія Витязей.—Ихъ родины и единство.—Черты Витязей.—Что они олицетворяютъ?—Борьба съ Азією.—Самоотверженіе.—Черты грубости.—Борьба съ остатками язычества.—Церковь на Западѣ.—Церковь у насъ.—Подвиги Витязей.—Витязи кудесники.—Пѣсня о Михаилѣ Потокѣ.—Индійскія змѣи.—Пѣсня о Волхѣ Всеславьевичѣ.—Значеніе Индіи въ этомъ преданіи.—Особенность преданій объ Ильѣ Муромцѣ.—Оправданіе сближенію Ильи Муромца съ Цидомъ.—Духовныя пѣсни или стихи.—Стихъ о Голубиной Книгѣ.—Стихъ о разставаньи души съ тѣломъ.—Плачь земли передъ Богомъ.—Сближеніе съ Италіанскимъ стихотвореніемъ.—Стихъ о Страшномъ Судѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Лекція шестая (стран. 1).

Выводы изъ предъидущаго.—Черты Русской фантазіи въ народныхъ пѣсняхъ.—XI вѣкъ.—Преданія о Волхвахъ.—Подвиги Князей на пользу духовнаго образованія.—Остромирово Евангеліе.—Изборникъ Святославовъ.—Основаніе монастыря Киевопечерскаго.—Антоній.—Три представителя Словесности въ XI вѣкѣ.—Иларіонъ.—Сочиненія его.—Содержаніе ихъ: Законъ и Благодать.—Всемирное значеніе Христіанства.—Богочеловѣчество Иисуса Христа.—Новые народы для Христіанства, какъ новые мѣхи.—Въ числѣ ихъ и Русскіе.—Похвала Владиміру.—Молитва къ Богу.—Исповѣданіе Вѣры.—Ѳеодосій.—Борьба съ семейнымъ началомъ.—Ѳеодосій инокъ.—Послѣдняя борьба съ матерью.—Пещера Днѣпровская.—Ѳеодосій игуменъ.—Студійскій Уставъ.—Различіе въ монастыряхъ нашихъ и западныхъ.—Дѣятельность Ѳеодосія.—Отношеніе его къ Князьямъ.—Отношеніе къ народу.—Сочиненія Ѳеодосія.—Слова о пьянствѣ.—Кончина Ѳеодосія.

Лекція седьмая (стран. 38).

Умозрительное построеніе лѣтописи по историческимъ даннымъ.—Европейскія лѣтописи XI вѣка на трехъ языкахъ.—Биографическія извѣстія о лѣтописцѣ.—Значеніе Нестора, какъ лѣтописца.—Шлецерь.—Открытіе Шлецера.—Изслѣдованія другихъ ученыхъ.—Свои скептики и оправдатели.—Основная причина оправданію Нестора.—Характеръ Христіанства въ Несторѣ лѣтописцѣ.—Наша Исторія есть даръ нашей Церкви.—Мысль объ единствѣ земли Русской—въ законѣ Христовомъ.—Источникъ одушевленія Нестора—въ чувствѣ Вѣры.—Мертвые источники лѣтописца.—Живые его источники.—Населеніе монастыря.—Отношенія монастыря ко внѣшней жизни.—Янъ Воевода.—Гюргята

Новгородецъ. — Форма изложенія лѣтописи: притча и разсказъ. — Значеніе притчи. — Первая притча о Козарахъ и Полянахъ. — Другія притчи. — Драматическая форма въ изложеніи. — Языкъ. — Отличіе отъ западныхъ лѣтописцевъ: отсутствіе личности. — Черты народнаго сознанія. — Отношенія къ современнымъ событіямъ. — Удѣльныя междоусобія. — Набѣги Половцевъ. — Образецъ братской любви въ Борисѣ и Глѣбѣ. — Мысль о Русской землѣ. — Слова М. П. Погодина о Несторѣ.

Лекція восьмая (стр. 75).

Другіе лѣтописцы, современные Нестору. — Патерикъ Кіевопечерскій. — Сказаніе о созданіи Кіевопечерской церкви. — Заключительная мысль объ XI-мъ вѣкѣ. — Государственные дѣятели XII вѣка на поприщѣ духовнаго образованія. — Владиміръ Мономахъ. — Мстиславъ. — Георгій. — Ростиславъ-Михаилъ. — Андрей Боголюбскій. — Николай Святоша. — Евфросинія Полоцкая. — Верхуслава. — Памятники письменности XII вѣка. — Общія черты образованія въ XII вѣкѣ. — Изящныя искусства. — Зодчество. — Живопись. — Духовенство. — Отношенія къ Западной Церкви. — Отношенія къ Церкви Константинопольской. — Отношенія Духовенства къ народу. — Общее обзорѣніе памятниковъ Словесности XII вѣка. — Писатели, упоминаемые въ лѣтописяхъ. — Паломникъ, или хожденіе Даниїла. — Странствія въ Иерусалимъ. — Сочувствіе лѣтописца крестовымъ походамъ. — Время хожденія Даниїлова. — Предположенія о родинѣ Даниїла. — Подробности очевидца. — Содержаніе. — Главный характеръ разсказа. — Первый взглядъ на Иерусалимъ. — Иорданъ и водокрещеніе. — Заключительный разсказъ о сошествіи свѣта. — Свиданіе съ Балдуиномъ. — Кандило отъ всея Русскія земли. — Воскресная ночь. — Явленіе свѣта. — Снятіе Русскаго кандила со Гроба. — Заключение.

Лекція девятая (стр. 104).

Предметъ лекціи. — Вѣщеносцы-писатели. — Поученіе и посланіе Владиміра Мономаха. — Сомнѣніе въ авторѣ. — Особенный характеръ произведеній др. Р. Словесности. — Точка зрѣнія на памятникъ. — Поводъ къ сочиненію. — Сочувствіе къ Василию Великому. — Пониманіе Христіанства. — Слова противъ смертной казни. — Обхожденіе съ людьми. — Гостепріимство къ иноземцамъ. — Знаніе языковъ. — Слова противъ лѣни. — Дневныя занятія Князя. — Походы Владиміра. — Ловы его. — Домашняя дѣятельность. — Три мысли заключительныя: Мысль о Промыслѣ Божіемъ. — Мысль о любви и прощеніи. — Посланіе къ Олегу. — Молитва заключительная и мысль о покаяніи. — Посланіе Митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. — Другія сочиненія того же Митрополита. — Поводъ къ сочиненію Посланія. — Сличеніе Посланія съ Поученіемъ. — Содержаніе Посланія. — Духовное значеніе поста. — Три силы души. — Чувства чловѣка. — Зрѣніе и слухъ. — Разборъ силъ души и чувствъ Князя Владиміра. — Погрѣшность въ слухѣ. — Наставленіе Князю. — Заключение. — Значеніе Посланія. — Слово о Даниїлѣ Заточникѣ. — Историческія извѣстія о Словѣ. — Общій характеръ Слова. — Расположеніе Слова. — Содержаніе. — Черты южно-Русскаго юмора. — Проповѣдь Кирилла Туровскаго. — Свѣдѣнія о жизни Кирилла. — Сочиненія его. — Общій характеръ Проповѣди. — Не политическій. — Не противуязычскій. — Духовно-созерцательный. — Способъ изложенія. — Подробный разборъ трехъ Словъ. — Слово въ новую ведѣлю по пасхѣ. — Символическій образъ. — Слово о расслабленномъ. — Всемирная мысль Христіанская. — Слово на Вознесеніе Господне. — Мысль и образъ. — Замѣчательное въ другихъ Словахъ. — Общее заключеніе о Проповѣди. — Притча объ иноческой жизни.

Лекція десятая (стран. 144).

Слово о полку Игоревѣ.—Открытие Слова.—Изданія.—Исторія мнѣній о С. о П. И.—Доказательства подлинности Слова о П. И.—Предметъ Слова по лѣтописямъ.—Почему избранъ такой предметъ?—Содержаніе Слова.—1) Историческая сторона Слова.—Воспоминаніе о Траявѣ.—Эпохи Русской Исторіи въ Словѣ.—Первая эпоха.—Вторая эпоха: Олегъ.—Всеславъ.—Боянъ.—Третья эпоха, современная Слову.—Грусть: главное чувство Слова.—Ратный духъ.—Картины скорби.—Мысль о Русской землѣ.—Воззваніе къ современнымъ Князьямъ.—2) Поэтическая сторона Слова.—Поэзія Слова въ природѣ.—Краски южныхъ степей.—Природа живетъ въ Словѣ.—Сочувствіе явленій природы событіямъ.—Плачь Ярославны.—Мысль Плача.—Безличность автора Слова.—Лѣтописи въ XII вѣкѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Предисловіе.....стран. III

Лекція одиннадцатая (стран. 1).

Симонъ и Поликарпъ.—Симонъ.—Посланіе Симона къ Поликарпу.—Житія Святыхъ Кіево-печерскихъ.—Поликарпъ.—Посланіе Поликарпа къ Авкидину.—Житія Святыхъ Кіевопечерскихъ.—Обратный взглядъ на XII вѣкъ.—Впечатлѣніе отъ XIII вѣка.—Нашествіе Татаръ.—Вліяніе наше на Татаръ.—Юго-Западъ Руси.—Три Князя, представители эпохи.—Св. Александръ Невскій.—Св. Михаилъ Черниговскій.—Владиміръ Волынскій.—Событія Церкви.—Памятники письменности.—Три Кирилла. Кириллъ I, Митрополитъ.—Кириллъ, Епископъ Ростовскій.—Кириллъ II, Митрополитъ.—Поученіе священникамъ.—Серапіонъ и слова его.—Симеонъ, Епископъ Тверской.—Максимъ Митрополитъ.—Ученіе ко всѣмъ Христіанамъ.—Паремьи о Борисѣ и Глѣбѣ.—Лѣтописи XIII вѣка.—Житія Святыхъ.—Герои отечества.—Святые по жизни.—Святитель Петръ.—Житіе его.—Слово Святителя Петра.

Лекція двѣнадцатая (стран. 54).

Второе отдѣленіе перваго періода.—Двойное назначеніе Москвы.—Наша задача.—Представители тройкой дѣятельности Святителя Петра.—Св. Сергій Радонежскій. Житіе его.—Черты въ жизни Святаго, сочувственныя народу.—Младенчество и отрочество.—Призваніе къ пустынѣ.—Исполненіе семейнаго долга.—Сергій въ пустынѣ.—Церковь во имя Пресвятыя Троицы.—Сергій инокъ.—Сходится братія.—Сергій игуменъ.—Слава обители.—Введеніе общаго житія.—Добродѣтели пустынножителя.—Основная мысль его жизни: ученіе Пресвятыя Троицы.—Святитель Св. Алексій. Житіе его.—Дѣтство его.—Иночество.—Ученикъ М. Феогноста.—Алексій Митрополитъ.—Подвиги государственные.—Памятники словесной дѣятельности.—Новый Завѣтъ.—Предисловія къ книгамъ Н. Завѣта въ переводахъ.—Слово о поставленіи властелей и проч.—Поученіе.—Дѣйствіе устнымъ словомъ.—Павелъ Высокій.—Св. Стефанъ Пермскій. Житіе его.—Рожденіе и образованіе.—Пермская грамота.—Пермь.—Начало подвига Стефанова.—Борьба съ народомъ.—Борьба съ волхвами.—Сотникъ Памъ.—Книги у Пермлянъ.—Стефанъ, Епископъ Пермскій.—Участь Пермской письменности.—Заключительный выводъ.

Лекція тринадцатая (стр. 87).

Два пришельца въ Россію.—Святитель Св. Теоноствъ.—Святитель Св. Кипріанъ.—Первый прїѣздъ въ Кіевъ.—Встрѣча ему въ Терновѣ.—Кипріанъ въ Москвѣ.—Житіе Св. Петра Митрополита.—Кипріанъ въ Царьградѣ.—Труды его.—Возвращеніе въ Москву.—Дѣла его.—Литературные труды.—Посланія и грамоты.—Переводы каноновъ и молитвъ.—Автографы.—Сербская стихія въ языкѣ.—Убѣжища для трудовъ.—Кончина.—Прощальная грамота.—Состояніе Русскаго общества.—80 обителей.—Ихъ происхожденіе.—Св. Кириллъ Бѣлозерскій.—Житіе его.—Книги.—Кончина.—Значеніе его обители.—Стихъ объ Иоасафѣ Царевичѣ.

Лекція четырнадцатая (стр. 112).

Искусства.—Иконопись.—Зодчество.—Литейное искусство.—Двери.—Колокола.—Рукописи XIV вѣка.—Грамоты.—Памятники Словесности.—Каноны церковные.—Переводы съ греческаго.—Св. Василій, Архіепископъ Новгородскій.—Его посланіе о земномъ раѣ.—Посланія Патріарховъ противъ Стригольниковъ.—Посланія къ Князьямъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго.—Путешествія.—Странникъ Стефана Новгородца.—Хожденіе М. Пимена въ Царьградъ.—Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.—Слово о житіи и преставленіи В. Князя Дмитрія.—Лѣтописи.—Московская.—Новгородская.—Псковская.—Тверскія событія.—Постриженіе В. Кн. Михаила Тверскаго.—Народныя пѣсни эпохи Татарской.—Щелканъ Дуденьевичъ.—Калинь Царь.—Михаилъ Казариновъ.—Три колыбельныя пѣсни.—Ненависть къ татарамъ.—Татарскія слова въ Русскомъ языкѣ.

Лекція пятнадцатая (стр. 162).

Взглядъ на XV вѣкъ.—Два писателя въ началѣ вѣка.—Митрополитъ Фотій, Грекъ.—Его воспитаніе.—Назначеніе на Русскую паству.—Переѣздъ въ Россію.—Опасность отъ Татаръ.—Убѣжище Святоозерское.—Возвращеніе въ Москву.—Бѣдствія Россіи.—Личныя огорченія Фотія.—Кончина его.—Поученія и посланія.—Поученіе священникамъ и инокамъ.—Поученіе князьямъ, вельможамъ, купцамъ и народу.—Противъ поля.—О постѣ и молитвѣ.—Объясненіе притчей.—Поученіе на притчу о блудномъ сынѣ.—Вліяніе церковной пѣсни.—Поученія на Благовѣщеніе и Воздвигеніе.—На Срѣтеніе Господне.—Посланія къ В. Князю.—Посланіе по случаю избранія Григорія Цамблака.—Посланія во Псковъ противъ стригольниковъ.—Поученія по случаю бѣдствій народныхъ. Засуха. Голодь.—Черная смерть.—Мысль о близкой кончинѣ міра.—Слово о второмъ пришествіи.—Заключеніе.—Григорій Цамблакъ.—Характеръ его проповѣди.—Свѣдѣнія объ его жизни.—Избраніе въ Кіевскіе Митрополиты.—Борьба съ Иудеями.—Борьба съ Латинянами противъ опрѣсноковъ.—Кончина Григорія.—Его творенія.—Вниманіе къ нимъ паствы.—1-е слово за пять дней до Рождества Христова.—2-е объ усопшихъ.—3-е объ иноческой жизни.—4-е въ похвалу Отцамъ пустынникамъ.—5-е въ похвалу сорока мученикамъ.—6-е въ недѣлю Вербную.—7-е въ великій четвергъ.—8-е на великую пятницу.—Основная мысль словъ.—9-е на Вознесеніе.—10-е на Рождество Предтечи.—11-е въ похвалу Св. Петру и Павлу.—12-е въ похвалу Пророку Или.—13-е на Преображеніе Господне.—14-е на Успеніе Богоматери.—15-е на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.—16-е на Рождество Богоматери.—17-е на Воздвигеніе креста Господня.—18-е Св. Димитрію.—19-е Св. Георгію.—20-е тремъ Отрокамъ и пророку Данилу.—Три остальныя слова (21, 22, 23).—Общее заключеніе.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

	СТР.
I. Образецъ письменъ Псалтыри 1296 года	205
II. Образецъ письменъ Евангелія Святителя Алексія	206

Дополненія къ третьей части Исторіи Русской Словесности	209
Замѣтка о словѣ Авраамія Смоленскаго.....	213

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЛЕКЦИИ

СТЕПАНА ШЕВЫРЕВА,

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА И ПРОФЕССОРА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ XV-Е СТОЛѢТІЕ И НАЧАЛО XVI-ГО.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнн., № 12.

1887.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Характеръ духовно-словесной дѣятельности въ Россіи XV вѣка.—Черты жизни духовныхъ дѣятелей.— Святитель Іона.— Митрополиты: Θεодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ.— Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ Рыло.— Другой Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ.— Общее содержаніе Посланій.— Посланія, имѣющія предметомъ: 1) единство Церкви Вселенской, 2) единство Церкви Русской, 3) устроеніе единой державы, 4) освобожденіе отечества, 5) дѣйствіе на власти и князей, 6) дѣйствіе на народъ, 7) дѣйствіе на семью и домъ, 8) на внутреннее состояніе церкви и ея священнослужителей.— Заключение.

Пятнадцатый вѣкъ мы называли вѣкомъ по преимуществу Святителя Алексія, который соединялъ въ себѣ образецъ пастыря Церкви съ мужемъ государственнымъ. Алексіевы заслуги передъ государствомъ перешли на цѣлыя поколѣнія нашихъ церковныхъ пастырей въ XV вѣкѣ. Ихъ мыслію, ихъ словомъ, ихъ дѣлами сохранено единство Церкви, создано единое государственное государство, сокрушена чуждая варварская власть и водворена отечественная. Словесная дѣятельность нашихъ пастырей, принесшая такіе благотворные плоды для жизни отечества, обнаруживается въ этомъ столѣтіи обиліемъ церковныхъ посланій, изученіе которыхъ будетъ предметомъ нашего шестнадцатаго чтенія. Здѣсь каждое слово является плодомъ жизни и переходитъ въ дѣло.

Но прежде чѣмъ ознакомимся съ словесными подвигами духовныхъ дѣятелей этого вѣка, узнаемъ хотя главныя черты ихъ жизни, потому что только изъ жизни, оправдываемой дѣлами, можетъ истечь и слово, дѣйствующее на пользу ближнимъ и отечеству.

Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Московскіе митрополиты: Іона, Θεодосій, Филиппъ, Геронтій, Симонъ и два Вассіана, архіепископы Ростовскіе.

Святитель Фотій посѣтилъ однажды Симоновъ монастырь. Помолвившись въ храмѣ и благословивъ архимандрита съ братіею, онъ пошелъ по монастырскимъ службамъ, чтобы видѣть и благословить въ нихъ меньшую труждающуюся братію. Вошедши въ хлѣбню, Фотій увидѣлъ инока, который, будучи утомленъ воздержаніемъ, трудомъ и молитвою, спалъ крѣпкимъ сномъ; правую руку держалъ онъ на головѣ согнутую, какъ будто на благословеніе. Видъ спящаго инока поразилъ

Фотія удивленіємъ: онъ не велѣлъ будить его и прозрѣлъ въ немъ великаго себѣ преемника. Этотъ спящій инокъ былъ послѣ Святитель Іона. Такъ говоритъ о немъ преданіе, записанное въ его житіи.

Родомъ онъ былъ изъ Галича; родился на рѣкѣ Святицѣ, въ селеніи Одноушевѣ, которое было такъ названо по имени благочестиваго отца его Θεодора Одноуша и подарено имъ въ соборный домъ Успенія, въ Московскую митрополію. Двѣнадцати лѣтъ Іона былъ уже на родинѣ своей инокомъ; воспитать же себя для иноческой жизни въ Москвѣ, на Симоновѣ, гдѣ сохранялись живыя преданія Θεодора, племянника Сергіева, и Кирилла Бѣлозерскаго. Товарищами его въ этой жизни были: Варѣоломей, эконоомъ обители, Іоаннъ Златый и Игнатій иконникъ. Первые подвиги его для церкви начались въ Рязанской и Муромской областяхъ, куда назначенъ онъ былъ епископомъ. Многихъ язычниковъ изъ Финскихъ племенъ: Муромы, Мещеры и Мордвы, обратилъ онъ въ христіанство. По смерти Фотія, онъ былъ избранъ на Московскую митрополію въ 1433 г. Замѣчательно, что въ этомъ избраніи, по свидѣтельству самого В. Князя, въ его думѣ участвовали и Великая Книгиня его мать, и братья Русскіе великіе Князья и Князья помѣстные, и Литовской земли Осподаръ съ великимъ Княземъ, и всѣ Святители земли Русской, и всѣ священники и духовные люди, общезнители и пустынные отходники со святыми старцами, и бояре наши, и вся земля Русская со всѣмъ православнымъ христіанствомъ. Но пятнадцать лѣтъ прошло до 1448 года, когда Іона возмогъ, по новому избранію Русскихъ епископовъ, самостоятельно взойти на престолъ митрополіи Русской. Причиною тому были церковныя смуты: сначала самозванство Смоленскаго епископа Герасима, утвержденное по настоянію Литвы Царьградскимъ патріархомъ, а потомъ коварная измѣна Исидорова и извѣстное покушеніе его на Флорентинскомъ Соборѣ.

Во время сей послѣдней смуты Церковь Русская имѣла достойнаго поборника и защитника въ своемъ Великомъ Князѣ Василіи Темномъ. „Самъ Господь Богъ, какъ выражается лѣтописецъ, даровалъ тогда слово разума и премудрости святопомазанному Царю и рабу Своему“.

Когда для самого Василія настали тяжкія времена испытанія отъ коварныхъ гоненій Дмитрія Шемяки, Святитель Іона явился ему свѣтлымъ утѣшителемъ и твердымъ помощникомъ и сохранилъ двухъ сыновей ихъ несчастному отцу, а Іоанна, будущаго основателя и освободителя государства, отечеству.

Со времени Св. Іоны митрополія Русская перестала уже зависѣть отъ утвержденія Константинополя. Не желаніе самовольно отторгнуться отъ іерархическаго единенія съ колыбелью нашей вѣры, но зависимое положеніе Царьграда и происшедшія отсюда церковныя смуты на Востокѣ послужили основательными причинами къ утвержденію Русской независимости въ іерархическомъ отношеніи.

Когда Святитель Іона въ 1448 году уже самостоятельно вступилъ на пре-

столю митрополіи, онъ прежде всего сталъ твердою опорою у престола велико-княжескаго. Неумоимо дѣйствовалъ онъ словомъ противъ притязаній Шемяки, воздвигавшаго смуты и кровопролитіе, противъ Новгорода и Вятки, которые помогали безпокойному Князю. Между тѣмъ на Западѣ, въ борьбѣ съ Литвою и ея Князьями, Іона возстановилъ и, сколько могъ, поддерживалъ единство Русской митрополіи. Во время двухъ нашествій Ногайскаго Хана, Мазовши, сына Седнахметова, въ Москвѣ, оставленной В. Княземъ, подъ тучами Татарскихъ стрѣлъ, въ дыму, при заревѣ пожаровъ, совершалъ Святитель молитвенные крестные ходы по стѣнамъ осажденнаго города. Во время одного изъ такихъ всенародныхъ шествій Чудовской инокъ Антоній Кловыня палъ отъ Татарской стрѣлы и, умирая, предсказалъ соотчичамъ избавленіе отъ варваровъ. Между тѣмъ народъ, изнемогшій отъ великой истомы и дыму, но подкрѣпленный духомъ молитвы Святителя и вѣрою мученика Антонія, смѣло выходилъ изъ города на битву и отражалъ непріятели.

Лѣтопись говоритъ, что два Святителя, соименныхъ другъ другу: митрополитъ Московскій и архіепископъ Новгородскій, испросивъ у Князя Василя милость для Новгорода, обѣщались ему испросить у Бога свободу Русской державѣ отъ Татарскаго владычества и предсказали, вмѣстѣ съ самодержавнымъ царствованіемъ Русскихъ Князей въ отечествѣ, великой Ордѣ разореніе, а Русскому царству распространеніе.

Въ 1453 году палъ Константинополь отъ руки Магомета. Изъ Святителей Русскихъ Св. Іона послѣдній видѣлъ Царьградъ еще въ его славѣ и въ немъ принялъ благословеніе на свою митрополію. Послѣ страшнаго и громкаго паденія колыбели нашего православія прискорбный Святитель заботился о выкупѣ Греческихъ плѣнныхъ и помогалъ, сколько могъ, патріарху Геннадію.

Послѣднимъ предсмертнымъ подвигомъ Св. Іоны была борьба съ Григоріемъ, ученикомъ Исидоровымъ, котораго поставилъ митрополитомъ на Литву лжепатріархъ Царьградскій Григорій Мамма. Твердо и грозно защищалъ престарѣлый Святитель единство Русской церкви и православіе. Но раздѣленіе митрополіи уже окончательно совершилось по смерти Григорія. Конечно, предчувствіе этого событія тяжкимъ горемъ легло на сердце архипастыря и ускорило кончину его въ 1461 году.

Событія времени, междуусобныя распри Князей, достигавшія самыхъ ужасныхъ размѣровъ, измѣны, смуты и разрывъ въ самой Церкви, которая должна была бы служить образцомъ единства для міра, положили рѣзкую печать неумолимой строгости на характерѣ Святителя. Отсутствіе любви и вражда между сильными міра отзывались и въ народѣ, проникали даже въ сердца близкихъ къ Пастырю церкви. Ключникъ его жестко отогналъ убогую вдовицу, которая просила у него испить немного меду немощи ради. Другой слуга Владыки отказалъ

другой вдовицѣ въ милостинѣ, которую обязанъ былъ именемъ Святителя раздавать убогимъ. Грозный приговоръ изъ устъ Іоны поразилъ жестокихъ сердцемъ. И по отшествіи его изъ этого міра, въ преданіяхъ о чудесахъ, имъ совершенныхъ, мы видимъ ту же самую строгость. Маловѣріе онъ наказывалъ такъ же грозно, какъ отсутствіе любви. Народное преданіе 1812 года говоритъ, что Святитель поднялъ изъ гроба грозящую руку на нечестивыхъ враговъ, когда они, вѣшая серебро иконъ во храмѣ, осверняли храмъ Божій своимъ корыстолюбіемъ. И здѣсь тотъ же строгій характеръ! Такъ, видно, нужны были по времени и кротость Святителя Петра, когда онъ полагалъ духовное основаніе Москвѣ, и строгость Святителя Іоны, когда бури внутреннія угрожали новорожденной столицѣ¹⁾.

Преемникомъ Святителя Іоны, по его собственному назначенію, утвержденному соборомъ духовенства, былъ митрополитъ Феодосій. Неизвѣстными остались его происхожденіе и первый иноческій искусъ. Одно только прозваніе Бывальцева уцѣлѣло изъ этихъ извѣстій. Исторія застаётъ его уже архимандритомъ Чудовской обители. Здѣсь, конечно, хранившіяся преданія митрополита Алексія и близость къ Святителю Іонѣ могли благотворно дѣйствовать на его духовное воспитаніе и приготовить въ немъ достойнаго вождя для всей Русской паствы. Въ 1454 году Іона возвелъ его на кафедру Ростовскую. Въ первый годъ своего служенія на чредѣ этой паствы самъ подвергшись гнѣву Святителя Московскаго за нарушеніе церковнаго устава, впоследствии онъ сдѣлался остороженъ и выскателенъ къ самому себѣ и къ своимъ подчиненнымъ. Духовенство его епархіи должно было къ нему являться отвсюду для принятія его наставленій. Соборъ въ Бѣлозерскѣ для всего духовенства, ему подвѣдомаго, былъ имъ собранъ въ 1459 году. Разрѣшеніе третьихъ и четвертыхъ браковъ особенно было предметомъ строгихъ запрещеній Феодосія. На престолѣ митрополіи Феодосій старался быть посредникомъ мира между Москвою и Новгородомъ въ отношеніи къ духовной іерархіи, такъ какъ нельзя уже было сохранить его въ мірѣ политическомъ; онъ же привелъ и Псковъ въ должное повиновеніе къ Новгородскому архипастырю.

Строгость, наследованная Феодосіемъ отъ предѣстника, побуждала его сзывать каждую недѣлю священниковъ со всей Москвы для духовныхъ наставленій. Вдовые попы и дьяконы подвергались сильнымъ его укоризнамъ. Такая настойчивая бдительность архипастыря показалаь слишкомъ тяжелою и духовенству, и мірянамъ. Услышавъ всеобщій ропоть, Феодосій оставилъ свой престолъ и удалился въ келью Чудова монастыря; народъ не пожелалъ его строгаго надзора; святитель взялъ къ себѣ разслабленнаго, ходилъ за нимъ и омывалъ его струны. Послѣднее время жизни своей онъ провелъ въ Сергіевой лаврѣ и здѣсь скончался.

Уже будучи митрополитомъ, онъ передалъ письму одно воспоминаніе изъ своей жизни въ Чудовской обители: это было чудо исцѣленія, совершенное у раки мощей святителя Алексія надъ однимъ хромымъ монахомъ Наумомъ, уроженцемъ

села Филиппова, у котораго скорчена была нога. Предметъ разсказа и подробности переносятъ насъ въ пятнадцатый вѣкъ. Испѣленіе совершилось ночью, во время самыхъ сильныхъ страданій больнаго, которыя онъ побѣждалъ молитвою; весь монастырь пришелъ въ движеніе и ночью же благодарными духовными пѣснями праздновалъ это чудо. Авторъ разсказа передаетъ событіе не безъ примѣси риторическихъ цвѣтовъ, какъ напримѣръ: „*не презръхъ украсити настоящимъ измараломъ слова вѣнецъ,*“ „*омочихъ мою трость въ свѣтящееся смиреніе*“. Сказаніе вставлено было въ лѣтопись и встрѣчается въ Софійскомъ Временникѣ подь 1462 годомъ, т. е. вскорѣ послѣ того, какъ Θεодосій былъ поставленъ митрополитомъ на Москвѣ³⁾.

Θеодосію, отрешенному отъ митрополіи, соборнымъ избраніемъ наслѣдоваль въ 1464 году Филиппъ, изъ епископовъ Суздальскихъ. Онъ управлялъ своею паствою въ духѣ кротости. Въ дѣлахъ Псковскихъ гражданъ съ Новгородскимъ владыкою онъ принялъ сторону архіепископа противъ распоряженій паствы, впрочемъ не безъ законныхъ правъ прилагавшей заботы свои о нравственности вдовыхъ поповъ и діаконъ. Въ рѣшительной войнѣ Іоанна съ Новгородомъ, положившей конецъ его гражданской свободѣ, Филиппъ старался дѣйствовать миротворно: онъ отклонялъ Новгородъ отъ измѣны православному отечеству и смягчалъ гнѣвъ Государя, когда Іоаннъ послалъ грозу свою и мечъ свой на землю Новгородскую. Когда Софія Ѳоминишна Палеологъ, невѣста Іоанна III, готовилась къ вѣзду въ Москву, и папскій легатъ Антоній, ей сопутствовавшій, хотѣлъ торжественно вступить въ столицу въ преднесеніи Латинскаго креста, — митрополитъ Филиппъ, на вопросъ Государя: дозволить ли это легату? твердо отвѣчалъ: „легатъ войдетъ въ одни врата, а я выйду въ другіе. Кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ недругъ своей“. Легатъ былъ принужденъ, при вступленіи въ Москву, спрятать свой кржъ. Объявлены были пренія между нашимъ митрополитомъ и Папскимъ легатомъ о различіяхъ между церковью Греческою и Римскою. Филиппъ къ нимъ изготвился. У насъ были тогда извѣстны писанія патріарховъ Константинопольскихъ: Фотія, Михаила Керуларія и Германа, Антиохійскаго Петра и Никиты Стифата, въ которыхъ опровергалось все ученіе Римской церкви, противное нашей. Къ пренію съ легатомъ приглашенъ былъ одинъ Русскій книжникъ Никита Поповичъ, хорошо знакомый съ литературою славнаго спора. Митрополитъ восторжествовалъ надъ легатомъ, который, вызвавшись самъ на преніе, долженъ былъ отказаться отъ него за неимѣніемъ книгъ. При митрополитѣ Филиппѣ начато было строеніе новаго Успенскаго собора, и по этому случаю совершено перенесеніе мощей Святителей Петра, Кипріяна, Фотія и Іоны. Филиппъ скончался въ 1473 году, вскорѣ послѣ страшнаго Московскаго пожара, истребившаго домъ его и имущество. Онъ оставилъ пять посланій. Пресвященный Филаретъ полагаетъ, что исторія похода Іоанна III на Новгородъ писана, если

не самимъ митрополитомъ Филиппомъ, то, по крайней мѣрѣ, подѣ личнымъ его наблюденіемъ?).

Филиппу наслѣдовалъ на митрополіи Геронтій, при митрополитѣ Іонѣ бывшій архимандритомъ на Симоновѣ и рукоположенный имъ въ епископа на Коломну. Мысль о построеніи новаго соборнаго храма была послѣднимъ завѣтомъ умравшаго Святителя Филиппа Государю Іоанну. Геронтій продолжалъ дѣло строенія; но церковь, едва складенная до сводовъ, рушилась по неукладности зодчихъ. Призваны лучшіе каменщики изъ Пскова и новый зодчій изъ Италіи Фіоравенти Аристотель. Храмъ, довершенный въ четыре года, былъ освященъ въ 1479 году митрополитомъ Геронтиемъ. Въ 1480-мъ, во время послѣдней борьбы Іоанна съ Ордою и Ханомъ ея Ахматомъ, Геронтій участвовалъ въ примиреніи Государя съ его единокровными братьями и благословилъ его на подвигъ освобожденія отечества такими словами: „Богъ да сохранитъ твое Царство и дастъ тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину. Мужайся и крѣпись, о сынъ духовный! какъ истинный воинъ Христовъ. Добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы; ты не наемникъ! Избави врученное тебѣ Богомъ словесное стадо отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!“! Всѣ духовные примолвили: *Аминь! буди тако.* Духовенство и митрополитъ во главѣ его, одушевленные истинною любовью къ отечеству, торжествовали надъ коварствомъ и малодушіемъ ложныхъ совѣтниковъ Государя. Славное въ нашей Исторіи посланіе Вассіаново подкрѣпилъ и Геронтій своею грамотою. Въ память освобожденія отечества отъ Монголовъ и прекращенія позорнаго рабства онъ установилъ праздникъ и крестный ходъ 23 Іюня. Митрополитъ Геронтій скончался въ 1490 году.

Зосима, преемникъ Геронтія изъ архимандритовъ Симоновскихъ, четыре года занималъ кафедру митрополіи и запятналъ свою память ересью и отступничествомъ. Въ 1494 году Іоаннъ повелѣлъ ему удалиться сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троицкій монастырь. Симонъ, игуменъ Троицкій, былъ преемникомъ Зосимы. При возведеніи его на престолъ Московской митрополіи въ первый разъ упоминается въ лѣтописи священный обрядъ сего поставленія, введенный Іоанномъ III. Въ символахъ сего обряда, во взаимныхъ привѣтствіяхъ государя и митрополита, знаменуется ясно то согласіе власти духовной и свѣтской, которое составляетъ отличительную черту нашей Исторіи.

Симонъ являлся нѣсколько разъ ходатаемъ за опальныхъ слугъ Іоанна: онъ просилъ за Татищева, чтобы не отрѣзали ему языка; въ первой несчастно-знаменитой опалѣ царской — за дворянъ Патрикеевыхъ, чтобы не отсѣкали имъ головы. Симону приносилъ слезное покаяніе Іоаннъ III въ томъ, что братъ его Андрей окончилъ жизнь свою въ душевной темницѣ. Симонъ благословилъ на царство внука Іоаннова Дмитрія, которому не суждено было однако царствовать. При Симонѣ осуждена была и совершенно истреблена Жидовская ересь. Три собора соверши-

лось при этомъ митрополитѣ: первый для составленія новаго Пасхальнаго круга на восьмое тысячелѣтіе; второй для сужденія объ имѣніяхъ церкви, тяготу которыхъ для духовнаго существа ея начала созавать власть свѣтская; третій противъ вдовыхъ поповъ. Годъ кончины митрополита былъ 1511-й.

За митрополитами слѣдуютъ архіепископы, участвовавшіе также въ посланіяхъ церковныхъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ Вассіанъ, по прозванію Рыло, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій. Происхожденіе его, первоначальное воспитаніе, иноческій искукъ остались неизвѣстны. Исторія застаегъ его игуменомъ Троицкой обители, восьмымъ послѣ Преподобнаго Сергія, отъ котораго, конечно, могъ онъ наслѣдовать ту любовь къ отечеству, какая одушевила его въ главномъ подвигѣ его жизни. Отсюда м. Іона посылалъ его въ Кіевъ къ супругѣ Князя Кіевскаго Александра Владиміровича, Анастасіи, и дѣтямъ ея съ увѣщаніемъ, чтобы укрѣпить ихъ въ православіи противъ навѣтовъ Латинскаго духовенства. Десять лѣтъ игуменствовалъ онъ у Троицы, потомъ былъ архимандритомъ Новоспасской обители въ Москвѣ и вскорѣ рукоположенъ въ архіепископа Ростова и Ярославля.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ его жизни видно, что онъ, какъ духовный отецъ, былъ близокъ къ Великому Князю и пользовался большою отъ него довѣренностью. Въ спорѣ Іоанна III съ братьями Вассіанъ былъ миротворнымъ посредникомъ. Онъ воспринялъ отъ купели сына Іоаннова Василія. Онъ удержалъ въ своей епархіи монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, противъ воли самого митрополита Геронтія, преклонивъ въ этомъ спорѣ на свою сторону Великаго Князя.

Главный подвигъ, которымъ онъ увѣнчалъ жизнь свою, было участіе въ освобожденіи отечества отъ Татарскаго ига. Когда Іоаннъ, осторожный и нерѣшительный, бѣжалъ отъ береговъ Оки, занятыхъ войскомъ Ахмата, и колебался въ Красномъ Селѣ около Москвы — идти на врага или нѣтъ, тогда Вассіанъ побудилъ его къ дѣйствию словами горькаго упрека, котораго записала исторія: „Вся кровь Христіанъ падеть на тебя за то, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь и не бьешься съ Татарами. А почему? Боишься смерти! Не безсмертенъ человѣкъ, а смертенъ. Безъ рока нѣтъ смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю: дай мнѣ въ руки твоихъ воиновъ; я хотя и старикъ, но не утулю (закрою) лица противъ Татаръ“. Посланіе Вассіаново, съ которымъ мы познакоимся послѣ, довершило великое дѣло избавленія отечества. Изъ этого славнаго примѣра мы видимъ, какъ духовный отецъ въ древней Руси силою вѣры могъ дѣйствовать на Государа и какое благо отсюда было отечеству. Не долго жилъ Вассіанъ послѣ освобожденія Россіи: онъ скончался въ 1480, а по другимъ лѣтописямъ, въ 1481 году 4).

Съ этимъ Вассіаномъ смѣшиваютъ другаго Вассіана, который былъ также архіепископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Іосифомъ Волоколамскимъ онъ былъ постриженникомъ и ученикомъ Пафнугія

Боровскаго и написалъ житіе своего учителя по преданіямъ, какія сохранилъ самъ и принялъ отъ брата своего и отъ товарищей по обители. Это житіе ученые приписывали до сихъ поръ ошибочно первому Вассіану, который, судя по лѣтамъ своимъ, не могъ быть ученикомъ Пафнугія. Вассіанъ второй изъ архимандрита Симоновскаго ^ѣбылъ рукоположенъ на кафедрѣ Ростова и Ярославля послѣ Іоасафа и Тихона, которые наслѣдовали Вассіану первому. Онъ скончался въ 1515 году. Въ библіотекѣ монастыря, основаннаго братомъ его Іосифомъ, хранится ненапечатанное посланіе его о Латинской церкви и православной литургіи, написанное противъ Папскаго легата Николая Шомберга, или Нѣмчина, какъ у насъ его звали.

Узнавъ хотя главныя черты жизни Святителей нашихъ въ XV вѣкѣ, мы перейдемъ теперь къ словамъ ихъ, которыя можно назвать также ихъ дѣлами. Всѣ они писаны Славяно-Русскимъ языкомъ, въ которомъ народная стихія нерѣдко довольно сильно выдается надъ Славяно-церковною. Въ нѣкоторыхъ словахъ есть признаки обычая, что посланія Святителей къ народу читались въ церквахъ, что священники въ духѣ посланія Святительскаго должны были повсюду продолжать поученіе. Церковь въ этихъ посланіяхъ заботилась объ утвержденіи своего вселенскаго единства во всемъ православіи и единства мѣстнаго въ Россіи, объ устроеніи единой державы и освобожденіи отечества отъ ига иноземныхъ варваровъ, дѣйствовала словомъ на власть Князей, умягчая ее своими совѣтами, на народъ, уничтожая въ немъ предрасудки и суевѣрія, на семьи и дома, водворяя согласіе между членами семьи и защищая иногда меньшую братію, и, наконецъ, на внутреннее свое благоустройство, поучая священнослужителей и заботясь объ ихъ образованіи. По порядку сказаннаго мы познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Посланій числомъ сохранилось болѣе пятидесяти: это, безъ всякаго сомнѣнія, малая часть изъ того, что было написано, что истребили пожары и разгромы, что таится еще въ древнихъ книгохранилищахъ.

Мы откроемъ рядъ этихъ посланій тѣми, которыя касаются единства вселенской церкви и нашей связи съ нею. Князь Василій Темный, жертва послѣднихъ смутъ удѣльнаго періода, пишетъ посланія къ Царьградскому Патріарху Митрофану (1441) и къ Царю Греческому Константину Палеологу (1448). Духовное воспитаніе нашихъ В. Князей, въ древней Руси принадлежавшее Церкви, здѣсь обнаружило всю свою силу и принесло плодъ самый зрѣлый въ лицѣ такого Князя, который въ дѣлахъ государства обличилъ вредную слабость. Василій сознаетъ начало единой вѣры въ единую и нераздѣльную Троицу отъ временъ Владиміра, когда посланные имъ мужи увидѣли истинную вѣру Греческую, *какъ свѣчу на свѣщницахъ, многосвѣтло свѣтящую*, и повѣдали ему о ней. Черезъ четыреста пятьдесятъ и три лѣта сохранилась она въ землѣ Русской. Хладно-

кровно, но съ рѣзкими подробностями рассказываетъ Василій измѣну Исидорову. „Принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру“, говорилъ онъ ему, неохотно отпуская его на соборъ въ Феррару. Писаніе, присланное съ Исидоромъ отъ Папы, прочтено было въ присутствіи Русскихъ епископовъ и отвергнуто ими. „Свободно намъ сѣтворите въ нашей земли поставленіе Митрополита“, — такъ проситъ Василій свободы Русской іерархіи. Онъ указываетъ на причину внѣшнюю, что невозможно государю совѣщаться съ митрополитомъ о дѣлахъ государственныхъ чрезъ молодыхъ толмачей, которымъ ввѣряются тайны самыя важныя. Но настояла потребность свободы и для той цѣли, чтобы въ Россіи вѣрнѣе сохранить единство вселенскаго православія. Посланіе заключается мыслію объ единствѣ съ Греческою церковію: „Земля наша доколѣ иметъ стояти, а никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіанство до вѣка“⁵⁾.

Въ посланіи къ Царю Константину Василій рассказываетъ, какъ Святитель Іона былъ избранъ на митрополию Русскую совѣтомъ семейнымъ Князя, совѣтомъ всей церкви Руской отъ святителей до пустынныхъ старцевъ и всюю землею Русскою. *За великую нужду* это они сотворили, *а не киченіемъ и не дерзостію*, чтобы Русская земля не страдала безъ Пастыря церкви, ибо „церковь Русская всегда святой Божіей вселенской соборной апостольской церкви Премудрости Божіей святой Софіи Цареградской благословенія требуетъ и ищетъ“. Тяжкое чувство неизвѣстности, есть ли въ Царьградѣ патриархъ, заключаетъ посланіе и обнаруживаетъ причину соборнаго избранія митрополита въ Россіи безъ благословенія отъ Царьграда⁶⁾.

Митрополитъ Θεодосій пишетъ посланіе Новгородцамъ и Псковичамъ (1464) „отъ Архіепископа и вельможъ даже до меньшихъ людей, всему народу истиннаго православія“, и проситъ о милостынѣ на искупленіе гроба Господня. Сводъ Іерусалимскаго храма, этого древняго Сіона, сокрушился. Египетскій Султанъ хотѣлъ поставить на мѣстѣ его мечеть и требовалъ дорогаго окуна. Зѣмли, Болгарская и Сербская, помогавшія святому Христову гробу, стали уже безсильны. Патриархъ Іерусалимскій Іоакимъ, наслышавшись о нашемъ православіи, самъ двинулся къ намъ съ моленіемъ о гробѣ господнемъ и умеръ на дорогѣ въ Кафѣ. М. Θεодосій приглашаетъ всѣхъ по силѣ приносить жертву на созиданіе святаго храма, *еже есть Сіонъ, всѣмъ церквамъ глава и мати, Сіонъ, отъ негоже изыде радость и свѣтъ Христосъ*. — „Взыщите узрѣть лице Господне, говоритъ Святитель, какъ оныя святыя жены муроносицы любовію сердца Христа взыскали, и рано притекли къ святому Христову Гробу, желая муромъ помазать святое Его тѣло, и, не обрѣтши тѣла, когда Ангель своимъ глаголомъ огласилъ ихъ, принявши милость отъ Бога, возвратились. Такъ и вы, уподобясь онымъ святымъ женамъ, любезно притеките, прося отъ Бога прощенія своимъ согрѣшеніямъ, и вмѣсто мѣра подайте милостыню на искупленіе Христова гроба и на созиданіе святой

Божіей церкви“. Самъ Господь глаголетъ о милостыни: „блажени милостиви, яко ти помиловани будутъ...“ „милостыни хочу, а не жертвы...“ „давай милостыню, Богу взаимы даетъ...“ Сія же милостыня не къ нищему, но къ самому вышнему Творцу Христу и къ его живодавному Христову гробу... Пространіе бы писалъ къ вамъ, но знаю, что „божественая писанія знати добръ разумны есте“, и того ради, сыны, мы послали къ вамъ сію грамоту... Подающій такую милостыню *другъ Божій наречется* и въ страшный оный грозный день великаго Божія суда, неизмолимаго Судію Христа умилостивитъ?).

Подобныя грамоты, кромѣ Новгорода и Пскова, конечно, были посланы въ другія области Русской земли и читались во всѣхъ храмахъ, подвигая народъ на благочестивый подвигъ искупленія Гроба Господня. Другія святыни Востока привлекали также участіе Святителей и православной ихъ паствы. Есть окружное посланіе митрополита Симона (1495 — 1505) ко всѣмъ князьямъ, архіепископамъ, боярамъ, вельможамъ, въ городахъ намѣстникамъ, воеводамъ, волостелямъ, гостямъ, купцамъ и всѣмъ людямъ земскимъ, далѣе всѣмъ духовнымъ, о томъ, чтобы сотворили милостыню Ксиропотамской обители горы Аеоны, ограбленной Турками. Грамота послана была съ инокомъ старцемъ Герасимомъ, который самъ былъ плѣненъ Татарами, проданъ въ Астрахань, оттуда въ Казань и изъ Казани выкупленъ въ Москву⁸⁾. Замѣчательно въ этихъ грамотахъ соединеніе всѣхъ словій, всѣхъ людей Русской земли, во имя одной святой мысли, во имя добраго подвига.

М. Іона (1452 — 1453) посылаетъ патріарху Геннадію дары и говоритъ: „твоя великая святыни за тые наши малые поминки на насъ не помолви, занеже, господине, по грѣхомъ, и наша земля отъ поганьства и междособныхъ браней *велими истоцала и потомилася*“. Онъ проситъ у патріарха грамоты къ Вел. Князю въ утѣшеніе, припоминая со скорбью, сколько такихъ сокровищъ, свидѣтельствовавшихъ объ исконной связи Русской церкви съ ея православною колыбелью, погибло: „занеже господине, колькое у насъ было прежнихъ святыхъ Патріархъ честныхъ грамотъ, держали есмы за земскую честь, къ своей душевнѣй ползѣ, поминая тыхъ святыхъ Патріарховъ, да тья всѣ грамоты, по грѣхомъ, за наша земская неустроенія въ пожары истерялися“⁹⁾.

На другой годъ (1454), по взятіи Царьграда Турками, Грекъ Димитрій, потерявшій все и плѣненный съ своимъ семействомъ въ этомъ разореніи, убѣжавъ изъ плѣна, явился къ м. Іонѣ и рассказалъ ему объ ужасахъ гибели своего отечества. Святитель снабдилъ несчастнаго окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ, прося ихъ сотворить милостыню единовѣрцу для искупленія жены и дѣтей его изъ плѣна¹⁰⁾.

Такъ этими посланіями и свѣтская и духовная власть дѣйствовали въ пользу вселенскаго единства нашей церкви. Съ другой стороны, Западъ, опираясь на не-

правду Флорентинскаго собора, простираля свои притязанія на насъ и въ Псковѣ, и въ Москвѣ. Сюда относятся посланія, въ которыхъ обнаруживается уже полемическая дѣятельность нашего духовенства, переходящая болѣе въ слѣдующее столѣтіе.

Филиппъ Петровъ, вѣроятно, посадникъ Пскова, извѣщаетъ Новгородскаго архіепископа Геннадія (1491), что сѣрые чернецы Нѣмецкіе приходили въ Псковъ спорить о вѣрѣ, опираясь на восьмой соборъ, бывшій во Флоренціи, и что священники Псковскіе отстояли противъ нихъ православіе. Замѣчательно, какъ соединяли тогда понятіе о семи соборахъ съ современною мыслию о семи вѣкахъ, или тысячелѣтіяхъ, предназначенныхъ для человѣчества: „Премудрость созда себѣ храмъ и утверди столповъ семь, явѣжъ есть семь Соборъ святыхъ Отецъ и семь вѣкъ до будущаго вѣка, по Богослову Іоанну“. Сіа, государь, пишетъ посадникъ, твоимъ благословіемъ и ина многа отъ божественныхъ писаній Господни священники къ тѣмъ студнымъ Латиняномъ *отмолвили*. Грамота писана около 1491 года, незадолго до того времени, когда у насъ ожидали кончины міра¹¹⁾.

Другое рукописное посланіе¹²⁾, полемическое, писано уже въ началѣ XVI вѣка, вѣроятно, Вассіаномъ, архіепископомъ Ростовскимъ, въ отвѣтъ папскому легату Николаю Шонбергу, который извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ Николая Нѣмчина и дѣйствовалъ силою римской пропанды, употребляя всѣ къ тому средства. Отвѣтъ Вассіановъ представляетъ двѣ части, одну положительную, православную, другую отрицательную, полемическую. Въ первой онъ строго и твердо исповѣдуетъ вѣру вселенской Церкви, начиная ея изложеніе словами Апостола Павла. Въ этой части особенно замѣчательно объясненіе православной литургіи по Григорію Богослову, какъ соединеннаго служенія Богу Ангеловъ и людей. Здѣсь раскрывается незримое присутствіе Ангеловъ, слетающихся съ неба во храмъ въ извѣстныя мгновенія литургіи. Ясно, что эти таинственныя видѣнія напечатлѣвались въ сердцахъ и воображеніи нашего народа подъ руководствомъ духовныхъ учителей!—Вторая часть посланія, полемическая, направленная противъ Латинской церкви, исполнена раздраженія, объясняемаго временемъ. Она гораздо слабѣе первой. Сравненія Латинской церкви съ птицей зогзулей и съ рыбой амуромой нисколько не могли быть назидательны для защитниковъ православія и, конечно, еще менѣе для его противниковъ.

У насъ дома была тогда и своя забота объ удержаніи іерархическаго единства. Отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, возбуждало опасеніе Московскихъ іерарховъ. Въ Кіевъ же былъ присланъ изъ Рима митрополитъ Григорій¹³⁾, поставленный въ Царьградѣ лжепатріархомъ Григоріемъ Маммою. Многія посланія и грамоты относятся къ этому событію. Святитель Іона писалъ посланія къ Литовскимъ боярамъ и панамъ, къ Князю Кіевскому

Александрѣ Владиміровичѣ объ единствѣ митрополіи, къ Смоленскому епископу Мисаилу, къ Черниговскому Евѣимію, къ епископамъ Литовскимъ о томъ, чтобы не признавали Кіевскаго митрополита Григорія, къ Новгородскому архіепископу Іонѣ о томъ, чтобы ограждалъ паству свою отъ навѣтовъ лжемитрополита, къ Литовскимъ князьямъ, сановникамъ и мірянамъ объ единствѣ въ православной вѣрѣ и объ удаленіи отъ Исидоровыхъ единомышленниковъ¹⁴). — Русскіе епископы (1458) сходятся въ соборную церковь Успенія въ Москвѣ, у гроба Святаго Петра митрополита, чудотворца Русскаго, и соборною грамотою утверждаютъ единство Русской митрополіи въ лицѣ святителя Іоны, отрекаясь отъ Григорія. Тѣ же епископы пишутъ посланіе (1459) къ епископамъ Литовскимъ противъ Григорія за Іону¹⁵). — Митрополитъ Феодосій, наслѣдникъ Іоны (1461), продолжаетъ тѣ же убѣжденія къ Новгородскому святителю Іонѣ¹⁶). Іоаннъ III самъ пишетъ подобную грамоту тому же святителю¹⁷). Въ Новгородѣ вольные граждане, противившіеся властолюбію Іоаннову, грозили отпаденіемъ отъ православія: сильно убѣжденіями и словомъ посланіе митрополита Филиппа къ вольнымъ мужамъ Новгорода и къ священникамъ всѣхъ семи соборовъ Новгородской земли¹⁸).

Русская Церковь была опорю Русскаго государства въ устроеніи единодержавія, положившаго конецъ губительнымъ удѣламъ. Многія посланія духовенства посвящены этой мысли, — и здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ нибудь, убѣдительное слово обратилось въ очевидное дѣло. Первое мѣсто между памятниками этого благотворнаго краснорѣчія нашей Церкви занимаетъ Посланіе Русскаго духовенства къ Углицкому Князю Димитрію Юрьевичу. Карамзинъ назвалъ его *достопамятнымъ* и привелъ значительный изъ него отрывокъ въ своей исторіи¹⁹). Димитрій Шемяка представляетъ послѣднее нравственное безобразіе удѣльныхъ междуусобицъ Россіи. Память его неправдъ и беззаконій осталась въ народной пословицѣ о Шемякиномъ судѣ, дожившей и до нашего времени. Сильно и смѣло укоряютъ Русскіе святители этого гордаго противника власти Великокняжеской. Изложимъ главные ихъ упреки.

Душегубный врагъ рода человѣческаго діаволь *позавидѣлъ* праотцу нашему Адаму и положилъ въ сердце ему *равнобожество*, и восхотѣлъ праотець нашъ *обожитися* и *равенъ Богу быти въ разумныи*, но за то осужденъ былъ и *самоупительствомъ* обоженія пострадалъ. Такъ и отецъ твой, Князь Юрій Димитріевичъ, покушался на великое княженіе, какъ древній нашъ праотець Адамъ къ обоженію! И въ Орду отецъ вашъ къ Царю ходилъ, и всему православному Христіанству была отъ него въ началѣ истома и великіе убытки, а княженія великаго не досягнулъ, потомучто ему Богомъ не дано, ни *земскою изъ начала пошлюю*. Чтоже вышло? Великаго Князя Василія Васильевича согналъ, а потомъ самъ съ Великаго Княженія *въ пяти человекъ съехалъ*. Такъ и братъ твой, Князь Василій, восхотѣлъ того же не отъ Божіей помощи и воли, но отъ

гордости и высокомыслія: сколько христіанской хрови пролилося, а Богъ ему не попустилъ. Воспомянемъ и тебя самого. Когда безбожный Царь Махметъ приходилъ къ Москвѣ, Великій Князь Василій Васильевичъ сколько пословъ по тебя посылалъ и сколько писалъ къ тебѣ грамотъ, а ты къ нему не пошелъ,—и много крови христіанской пролилося, и какое множество Христіанства въ поганый полонъ пошло, и сколько святыхъ Божіихъ церквей разрушилось, и сколько дѣвицъ растлѣнено, а *все то въ твоёмъ небреженіи, и видится намъ, что все то все-сильный Богъ отъ твоихъ рукъ взыщеть*. Потомъ безбожный Царевичъ Мамоятъ приходилъ къ городу Суздаю: и Великій Князь Василій Васильевичъ съ своею братією, боярами, дѣтьми боярскими, воинствомъ, вышелъ на поганыхъ — и братья его сколько ранъ понесли! Князь Михаилъ въ полонъ уведень! и сколько за вѣру православную въ томъ бою бояръ и дѣтей боярскихъ и иныхъ людей побито: они мученически къ Богу отошли, *имъ же вѣчная память!* а по тебя Великій Князь сорокъ пословъ посылалъ, зовучи за христіанство помогати: *и ты ни самъ къ нему не поѣхалъ*, ни воеводъ своихъ съ своими людьми не послалъ,— и сколько тутъ крови христіанской пролилося, и сколько въ полонъ уведено, *за все то Богъ отъ твоихъ рукъ взыщеть*.

Потомъ, когда Богъ милостію своею Великаго Князя отъ поганыхъ освободилъ,—дѣволъ снова вооружилъ тебя желаніемъ самоначальства, и ты замыслилъ разбойнически, *нощетаствомъ* изгнать его, и сотворилъ надъ нимъ не менѣе Каина и Святополка. Разсуди самъ въ себѣ: какое благо сотворилъ ты православному христіанству? чѣмъ самъ себя *попользовалъ*? сколько *погосподарствовалъ*? въ какой жизни пожилъ? *не все ли въ суетѣ и въ прескаканьи отъ мѣста до мѣста*, во дню томимый мыслями, въ ночи мечтами сновидѣнія? *Ища и желая большаго, и меньшее изгубилъ*. А Божією милостію Князь Великій опять на своемъ государствѣ: кому дано что отъ Бога, того не можетъ у него отнять никто.

Или ослѣпила тебя душевная слѣпота, и возлюбилъ ты временную и переходящую честь и славу княженья и начальства, и захотѣлось тебѣ слышать, какъ зовутъ тебя и именуютъ Великимъ Княземъ? Или златолюбіемъ ты объять, или женовнимателенъ и женопокоренъ, какъ Иродъ?... А святые епитрахили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими рѣчами; а надѣмся, что и самъ знаешь, что суть тѣ святые епитрахили: онѣ *воображеніе* муки Господа нашего Иисуса Христа при спасительномъ его распятіи, а ты сквернишь ихъ злыми рѣчами, не какъ христіанинъ, но и поганыхъ горше. Епитрахили наши твоимъ рѣчами не могутъ скверниться никакъ, но только самъ ты свою душу губишь.

Слѣдуетъ исчисленіе условій, которыя сдѣланы были между Великимъ Княземъ и Углицкимъ Димитріемъ и утверждены крестнымъ цѣлованіемъ: ими сей послѣдній обѣщался — *держатъ своего брата старѣйшего Великаго Князя*

Василія Васильевича честно и грозно, вездѣ за одинѣ, до своего живота; друзьямъ его быть другомъ, а недругамъ недругомъ; о добрѣ его и лихѣ повѣдать ему правду; Орду управливать и знать Великому Князю, а ему, Углицкому. давать только выходъ, и проч.

Но всё эти условія были имъ нарушены, и крестное цѣлованіе ни во что вмѣнено. „Мы, — такъ продолжаютъ духовные слово своего наказанія, — о прежнихъ твоихъ дѣлахъ ужъ не много говоримъ, но скажемъ теперь о нынѣшнемъ твоёмъ преступленіи. Ты обѣщаль съ Великимъ Княземъ быть вездѣ за одинѣ, а самъ ссылаешься съ иновѣрцами, съ поганствомъ, съ другими землями. Посылаешь къ Новгороду просить его о помощи, какъ будто на Татаръ, что *изневолили* нашу отчину Москву, а самъ *злогитрствуешь* на брата своего старѣйшаго, на Великаго Князя, — и если Татары во христіанствѣ живутъ, то чинится ради твоего съ братомъ старѣйшимъ Великимъ Княземъ неуправленья, *и тѣ слезы христіанскія всѣ на тебѣ же....* Не ты ли обѣщаль держать брата твоего *честно и грозно*; повѣдать ему о добрѣ его и лихѣ? и что же? *идѣ сѣо честь и его гроза? Какъ ты блюдеши подъ нимъ его отчину, все его Великое Княженіе? А ты самъ посылаешь оездѣ на его лихо, на его кровь, какъ осюду во христіанство, такъ и оъ бесерменство, къ Новгороду къ Великому посылаешь, ко Князю Ивану Андреевичу посылаешь, къ Вятчаномъ посылаешь,* а въ Вятку тебѣ по крестному цѣлованью и не должно вступаться“.

Отъ упрековъ переходитъ Церковь къ умиленнымъ просьбамъ и увѣщаніемъ: „О томъ тобѣ своему господину и воспоминаемъ, и челомъ бьемъ, и благословляемъ, и по своему долгу Бога молимъ: пожалуй, господине, поберези своей души и своего христіанства и крестного своего цѣлованья, а передъ своимъ, господине, братомъ передъ старѣйшимъ, передъ Великимъ Княземъ, исправися во всемъ чисто“. — Держась не одной стороны Великаго Князя, а наблюдая выгоды и права Князей удѣльныхъ, Церковь является безпристрастною и примиряющею посредницею между обѣими сторонами, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „А мы, господине, ваши богомольци, по своему долгу. били есмь за тебе челомъ своимъ господину, а твоему брату старѣйшему Великому Князю, и господинъ нашъ, братъ твой старѣйшій Великій Князь, какъ ему Богъ положилъ на сердци, нашего слова своихъ богомольцевъ послушалъ, а тебе своего брата жаловати хочеть и въ братствѣ и въ любви держати по старинѣ; и о всемъ тобѣ управливатися срокъ, по Крещеньи двѣ недѣли“.

Въ заключеніе повторенныхъ нѣсколько разъ краткихъ убѣжденій Церковь заключаетъ угрозою въ случаѣ неисполненія.... „Ино то не мы тобѣ учинимъ, но самъ на себе наложишь тягость церковную духовную, по Господню глаголющему словеси: „егоже аще разрѣшите на земли, и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; и его же аще свяжете на земли, и будетъ связанъ на небесѣхъ“, и паки: „слушая

вась мене слушаеть, а отменяйся вась мене ся отмещеть, а отменяйся мене отмещется и пославшаго мя“.

И если ты не обратишься къ Богу и къ своему брату старѣйшему къ Великому Князю съ чистымъ покаяніемъ, — тогда чуждъ будешь Бога и Церкви Божіей, и не будетъ на тебѣ милости Божіей и Пречистыя ея Богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ Великому Князю Василію Васильевичу цѣловалъ, „и по святымъ правиломъ проклятъ да будешь отъ Св. Апостоль и отъ Св. богоносныхъ Отець, отъ всѣхъ седми Вселенскихъ Соборовъ, и въ конечную погибель да пойдеши . . . Такжежъ и нашего смиренія, святительскаго и священническаго не будетъ на тобѣ благословенія и молитвы, ни въ си вѣѣ ни въ будущій, ни на тѣхъ на всѣхъ, кто имѣеть тобѣ думати, и нашу кровь къ тобѣ приставати и побърати или спѣшьствовати, или словомъ, или дѣломъ, или иною какою хитростью, на великаго Князя лихо и на его кровь и его дѣтей, и всего православнаго христіанства на неустроеніе и на нетишину. А въ томъ твоємъ неисправленіи какова, по грѣхомъ, кровь христіанская прольется, и христіанская кровь вся на тобѣ же будетъ“²⁰).

Митрополитъ Іона (1448)²¹), окружною грамотою сановникамъ и народу объявляя о поставленіи своемъ, обнаруживаетъ измѣну Князя Дмитрія Юріевича, нарушившаго крестное цѣлованіе передъ Великимъ Княземъ, и убѣждаетъ всѣхъ отложиться отъ измѣнника и покориться Василію Васильевичу, если не хотятъ, чтобы кровь христіанская на нихъ отъ Бога взыскалась; въ противномъ случаѣ угрожаетъ отлученіемъ церковнымъ. „Коли вашимъ ожесточеніемъ еще кровь христіанская прольется, тогда ни христіанинъ кто будетъ именуяся въ вашей земли, ни священникъ священствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія“.

Въ посланіяхъ, писанныхъ между 1448 и 1458 годами²²), митрополитъ Іона обращаетъ вниманіе Новгородскаго архіепископа на междуусобныя распри, убійства и кровопролитія, совершаемыя въ Новгородѣ; даетъ ему, какъ пастырю, наставленія, почерпнутыя изъ Пророковъ и Святыхъ Отцевъ, особенно же изъ Іоанна Златоуста. За тѣмъ слѣдуетъ особое увѣщаніе къ посаднику степенному и старымъ посадникамъ, тысяцкому степенному и старымъ тысяцкимъ, къ боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и всему великому Новгороду: здѣсь главный пастырь Церкви словами Писанія убѣдительно говоритъ противъ гнѣва и ярости и призываетъ людей къ покаянію, именуя его *корнемъ жизни*. Изъ этихъ обоихъ посланій узнаемъ мы нѣкоторыя любопытныя подробности. Видно, что они читались всенародно, по всему вѣроятію, въ церкви; что архіепископы обязаны были сами въ этихъ случаяхъ наставлять проповѣдію народъ и власти; что, кромѣ того, наставленія подобнаго рода поручались отъ архіепископовъ священникамъ. Вотъ

мѣста изъ посланій, подтверждающія нами сказанное: „И того ради, сынове, и вашему отцу, а нашему о Святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смѣренія, Архіепископу Великаго Новгорода Владыцѣ Евонмію, нѣчто есмы малое въкратцѣ отъ божественнаго писанія написали въ вашу душевную ползу; *и то, Богъ дастъ, сынове, писаніе наше грубое послышите, и отъ своего отца, а нашего сына, и святителя нашего и учителя словеса и наказаніе услышите же, чѣмъ его Богъ милосердый челоуѣколюбецъ и святой всесильный его Духъ божественный наставитъ*; а васъ, нашихъ духовныхъ дѣтей, Богъ вразумитъ и писанія и наказанія отца вашего послушати, и внимати, и повиноватися, за свою духовную ползу“.—Въ посланіи же къ самому архіепископу митрополитъ такъ выражается: „И благословляю тебя, своего сына и брата, яко да и самъ наказуеши и научаеши своими словесы, *и священникомъ осьмъ заповѣси, яко киждый отъ нихъ наказуетъ и учитъ своихъ дѣтей духовныхъ отступити и отлучитися всякаго зла дѣла*“.

Тотъ же святитель Иона пишетъ (1451—1452) въ Тверь къ епископу Иліѣ, чтобы говорилъ Тверскому Великому Князю Борису Александровичу, билъ челомъ и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, объ отсылкѣ своихъ воеводъ къ В. Князю Василю Васильевичу на безбожныхъ Татаръ, *съ своими со многими людьми, за святыхъ Божіихъ церкви и за все православное христіанство*“... Занеже, сыну, вѣдомо тебѣ, что тамо учинится, великимъ Божіимъ милосердіемъ, тому Великому Государю Великому Князю которое что добро, къ строенію христіанскому и тишинѣ, и то обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства вообще добро.... И о томъ, сыну, Богу вѣдущу, по Пророку: „исчезосте ми очи отъ слезъ“ и непрестанное моленіе имѣю къ Богу, по своему святительскому долгу, о любви и о соединеніи Великимъ Государемъ нашимъ православнымъ, и о благостроеніи и тишинѣ нашему всему великому православію; а тебя, своего сына, благословляю, чтобы еси о томъ великомъ дѣлѣ великое попеченіе имѣлъ“²³)...

Въ посланіи къ Новгородскому архіепископу Евонмію (1452—1453), отличающемся чрезвычайно простымъ, сильнымъ Русскимъ слогомъ, митрополитъ Иона является благоразумнымъ и великодушнымъ посредникомъ между властію Великаго Князя Московскаго и Великимъ Новгородомъ. Такое же мѣсто посредника занимаетъ онъ между тою же властію и Псковомъ, какъ свидѣтельствуется посланіе ко Псковичамъ, писанное между 1455 и 1461 годами²⁴).—Нельзя не замѣтить, какъ въ первомъ изъ сихъ посланій выдаются изъ формъ грамматики полу-славянской обороты и выраженія чисто Русскія, какъ наприимѣръ: „Великій Новгородъ и Псковъ прислали своихъ пословъ (пословъ, такъ и есть, прислали людей великихъ), но прислали ни съ чѣмъ“... Или: „чтобы и то могло быти, Князь бы Велики свое сердце облегчилъ, грубость бы его къ себѣ отложилъ, а и

пожаловаль бы его потому“. — Или еще: „чтобы далъ Богъ, свелося все добро, какъ бы милостію Божіею всему православному Христіанству въ прокъ лучше было“.

Посланіе митрополита Іоны (1454) Смоленскому епископу Мисаилу объ измѣнѣ и бѣгствѣ въ Литву Можайскаго Князя Іоанна Андреевича и о наблюденіи, чтобы онъ не учинилъ вреда отчипамъ Великокняжескимъ, показываетъ еще разъ, какъ Церковь участвовала дѣятельно въ устроеніи единодержавія Русскаго и преслѣдовала строго всѣхъ тѣхъ, которые противились сосредоточенію власти въ новомъ отъ Бога назначенномъ центрѣ Русскаго Государства — въ Москвѣ²⁵⁾. Грамота митрополита Филиппа къ Новгородцамъ (1471) и Посланія митрополита Геронтія къ Вятчанамъ (1486 — 1489)²⁶⁾ смиряли буйную вольность вѣчеваго города и его колоніи.

Новгородъ тянулъ къ Литвѣ и колебался въ православіи. Митрополитъ Филиппъ пишетъ къ Новгороду: „А и то, сынове, разумѣйте: царствующій градъ и церкви Божія Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ ли солнце сіяло въ благочестіи? А какъ оставя истину, да съединился Царь и Патріархъ Іосифъ съ Латиною, да и подписалъ Папѣ злата дѣля, и безгоднѣ скончалъ животь свой Іосифъ Патріархъ, не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ Турьцкихъ ли рукахъ и нынѣ? Вы пакъ такъ ли не чаете Божія гнѣва? Колико лѣтъ прапращури ваши и пращури, и прадѣди и дѣди, и отци ваши, отъ коликихъ лѣтъ и до сего времени, а своя старины держалися неотступно отъ своя господы отъ Великихъ Князей Рускихъ; а какъ до васъ дошло, *на конци послѣдняго времени*, какъ бы надобѣ душа своя человекъ спасти въ православьи, и вы, въ то время все оставя, да за Латинскаго Господаря хотите закладыватися“?

Посмотримъ теперь, какъ наше церковное слово въ XV вѣкѣ участвовало въ освобожденіи отечества отъ варварскаго ига, которое тяготѣло надъ нимъ два вѣка съ половиною. Церковь сочувствовала народной власти и давно уже въ важныхъ случаяхъ подкрѣпляла Князей въ мысляхъ о независимости. Устроивъ единодержавіе въ государствѣ, она сознала и необходимость и возможность вполне возвратитъ ему свободу.

Въ 1480 году ханъ Ахматъ, подкрѣпляемый совѣтами Литвы, покрылъ своими полчищами берега Угры и Оки, которая, какъ поясъ Богоматери, по народному выраженію того времени, охраняла сѣверъ Россіи отъ Татаръ. Іоаннъ послалъ часть войскъ своихъ на берега обѣихъ рѣкъ, а самъ оставался въ Коломнѣ. Оттуда онъ пріѣхалъ въ Москву за совѣтомъ и думою. Его мать, Великая Княгиня Марѳа, митрополитъ Геронтій, духовникъ его Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, молили Іоанна подвизаться за православное христіанство. Іоаннъ снова поѣхалъ на Угру; но тамъ мнѣнія колебались. Одни хотѣли упорно драться, другіе совѣтовали бѣжать. Малодушные бояре Ощера и Григорій Мамонъ, близкіе

къ Іоанну, нашептывали ему о постыдномъ мирѣ. Въ это время Церковь своимъ словомъ подкрѣпила Государя.

Къ событію относятся два посланія къ Іоанну. Одно соборное, отъ 13-го Ноября 1480 года, писано отъ всего Русскаго духовенства и митрополита Геронтія во главѣ его къ В. Князю на Угру²⁷⁾. „Добрѣ стойте, говоритъ Церковь ему вѣстѣ съ его князьями, боярами и воеводами, за домъ святыхъ и живоначальныхъ Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, и за домъ Пречистые Богородицы и великаго чудотворца Петра Митрополита, и за вся Божія святыхъ церкви всеа Русскія земля, и за свою святую чистую нашу пречестнѣйшую вѣру, яже во всей поднебеснѣй, якоже солнце, сіяше“... Да пошлетъ тебѣ Господь свыше, на помощь вашу, скорого своего Архистратига Михаила, Воеводу небесныхъ силъ, бывшаго древле помощника Гедону на Мадіамы... А ежели, господишъ и сынъ, во ополченіи вашего пречестнаго подвига и благочестія, случится кому отъ православныхъ на той брани убену быти, за домъ Пресвятыхъ Богородицы и за святыхъ церкви, и за все множество народа людей православныхъ, ихъ же Христосъ искупилъ честною своею кровью, — тотъ, по реченному Господню словеси, второе святое крещеніе, мученическое пріиметъ и пролитіемъ своей крови очистится... Вамъ за оружіе и за благостраданіе тѣлесное вѣчныхъ благъ воспріятіе, и за мечное усѣченіе съ мучениками радованіе.

Второе посланіе²⁸⁾, написанное духовникомъ Іоанна, старцемъ Вассіаномъ, и отправленное также на Угру, можетъ быть названо истиннымъ перломъ въ памятникахъ отечественнаго краснорѣчія. Мы приведемъ его въ извлеченіи.

Напомнивъ государю слова, сказанныя въ Москвѣ м. Геронтіемъ и подтвержденныя всѣмъ предстоявшимъ духовенствомъ въ то время, когда онъ пріѣзжалъ въ столицу, *добраго ради совѣта и думы*, такъ продолжаетъ Вассіанъ: „Какъ добрый настырь, *вземъ* Бога на помощь и пречистую Его Матерь и святыхъ Его, и святительское благословеніе, и всенародную молитву, крѣпко вооружась силою честнаго креста, ты исходилъ противъ окаяннаго волка Ахмата, желающаго исхитить словесное стадо христовыхъ овецъ. По твоёмъ отшествіи, мы со всѣми христіанами по всѣмъ церквамъ непрестанно совершаемъ молитвы. Нынѣ же слышимъ: когда бесерменишъ Ахматъ приближается, губя Христіанъ и хвалясь на тебя и на твое отечество, ты смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, дышущему однимъ гнѣвомъ и хотящему до конца разорить христіанство. Дошло до нашего слуха, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ на ухо льстивыя слова и совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить... Винмай не имъ, а себѣ и всему стаду, въ немъ же Духъ Святыи поставилъ тебя. Боголюбивый царь вседержавный! послушай Павла, обѣщающаго такимъ гнѣвъ Божій; послушай самого Господа глаголющаго: аще око твое соблазняетъ тя, истыни е, или рука или нога, отсѣцы ю. Богъ разумѣетъ не чувственное око,

руку или ногу, а ближних нашихъ, предлагающихъ неблагое. Они, мнимые христіане, совѣтуютъ тебѣ, повергнувъ щитъ свой и оставивъ христіанство и отечество, бѣгнуомъ скитаться въ иныхъ странахъ. Помысли, велемудрый Государь! отъ такой славы въ такое безчестіе сводятъ твое величество, толкимъ тьмамъ народа погибшимъ и церквамъ Божиимъ разореннымъ и оскверненнымъ, — и кто, каменносердеченъ, не восплачется о сей погибели? Убойся и ты, о пастырь! не отъ твоихъ ли рукъ тѣхъ кровь възыщеть Богъ по пророческому слову, — и куда хочешь убѣжать или гдѣ воцариться, погубивъ врученное тебѣ отъ Бога стадо? Слыши, чтѣ Пророкъ глаголетъ: аще възыграешися яко орелъ и аще посреди звѣздъ гнѣздо свое сотвориши, то и оттуду ты свергу, рече Господь... Куда отходишь, пастырь добрый! кому оставляешь насъ, какъ овецъ неимущихъ пастыря?... Не слушай тѣхъ, чтѣ хотятъ твою честь ввести въ безчестіе, славу твою преложить въ безславіе и бѣгнуомъ тебѣ явиться, и предателемъ христіанскимъ. Отложи весь страхъ: возмогай о Господѣ. Единъ поженеть тысящу, и два двигнута тьмы. Ихъ боги не нашъ Богъ. Лукъ сильныхъ изнеможеть; немощные препояшутся силою. Внемли, чтѣ говоритъ Демокритъ философъ: Князю подобаетъ имѣть умъ ко всему временному, на сопостатовъ крѣпость и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и сладкій привѣтъ. Вспомни слова Христовы: блаженъ человекъ, иже положить душу свою за други своя. Поревнуй прародителямъ твоимъ: не только обороняли они Русскую землю отъ поганныхъ, но и другія страны подъ себя принимали. Припомни Игоря, Святослава, Владиміра, бравшихъ дань съ царей Греческихъ. Припомни Владиміра Мономаха, какъ бился онъ съ окаянными Половцами за Русскую землю и иныхъ многихъ. Припомни Дмитрія, какое мужество показали онъ надъ окаянными сыродцами, какъ не убоился Татарскаго множества, но, забывъ жену и дѣтей и не усомнясь, рѣшился на подвигъ, желая исхитить изъ волчьихъ устъ Мамая словесное стадо овецъ Христовыхъ. И Господь помогъ ему — и онъ нынѣ похваляемъ и славимъ, не только отъ человекъ, но и отъ Бога: Ангеловъ удивить и людей возвеселилъ своимъ мужествомъ, а воины его, какъ первые мученики, пріяли вѣнцы мученія. Если ты поревнуешь ему, Богъ поможетъ и тебѣ, и покорить враговъ подъ ноги твои, а воины твои, крестясь вторымъ крещеніемъ, какъ святые мученики своею кровію, воспринмутъ отъ Вседержителя вѣнцы нетлѣнные и радость неизреченную, какой ни око не видѣло, ни ухо не слышало, и какая на сердце человекъ не възшла.

„Если же ты вопреки сему скажешь: мы подъ клятвою отъ прародителей — не поднимать руки противъ царя — послушай, Боголюбивый царь! — когда клятва дана по нуждѣ, прощать и разрѣшать отъ нея повелѣно намъ. Такъ святѣйшій митрополить, и мы, и весь Боголюбивый соборъ, прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ тебя, не яко на царя, но яко на разбойника и хищника и богоборца. Лучше *соллавиши животъ* получить, нежели *истинствуя* погибнуть, пуская тѣхъ

въ землю на разрушеніе и потребленіе всего христіанства. Который пророкъ пророчествовалъ, который апостоль или святитель научилъ тебя, великаго Русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться сему богостудному и самозванному царю?—Ради согрѣшеній нашихъ, и еще болѣе ради отчаянія, ради того, что мы не уповали на Бога, попустилъ онъ Батя поработить нашихъ прародителей, и поплѣнить землю нашу, и воцариться надъ нами, ему не царю и не отъ царскаго рода. Мы прогнѣвали тогда Бога, и Богъ наказалъ насъ, какъ чадолюбивый отецъ, по словамъ Апостола: кого Богъ любить, того наказуетъ какъ сына. Но Онъ проститъ, если ты покаешься, Государь, отъ всего сердца и, прибѣгнувъ подъ его крѣпкую руку, общаешься всѣмъ умомъ и всею душою не согрѣшать болѣе: ибо человѣческое дѣло падать грѣхомъ и вставать покаянiемъ, ангельское не падать, бѣсовское не вставать и отчаяваться, — если сотворишь судъ и правду посреди земли, не будешь никому насиловать и покажешь милость къ согрѣшающимъ. Кайся не словомъ, а сердцемъ, какъ благоразумный разбойникъ на крестѣ покаялся. Истинное покаянiе — перестать отъ грѣха. Если такъ покаешься, Господь освободитъ насъ отъ Ахмата, какъ Израилтянъ избавилъ отъ Фараона. Вспомни, какъ Господь посылалъ имъ Моисея, Иисуса Навина, Гедеона, Сампсона: такъ и тебя пошлетъ освободителемъ намъ, новому Израилю. И такъ, Богомъ утвержденный Царь, царствуй ради истины, кротости и правды; престоль твой да будетъ совершенъ правдою, крѣпостью и судомъ, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь отъ Сіона. Такъ глаголетъ Господь: „Азь воздвигохъ тя Царя правды. „призвахъ тя правдою, и прiяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя да послушаютъ „тебѣ языцы, и крѣпость царемъ разрушу, отворю ти двери, и гради не затворятся. Азь предъ тобою пойду, и горы поровнию, и двери мѣдныя сокрушу, и „затворы желѣзные сломяю“. Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ тебѣ Господь Богъ въ руку твою, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ сыновъ твоихъ, въ родъ и родъ въ вѣки. — Мы не перестаемъ отъ чистой вѣры молить о тебѣ, да одолѣешь враговъ, да разсыплются они поганые, омраченные молніею Бога, да лижутъ землю какъ голодные исы, и Ангель Господень да гонитъ ихъ. Мы радуемся и веселимся твоимъ подвигамъ, но помни слова: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

Есть лѣтописное сказаніе, что Иоаннъ исполнился веселія, мужества и крѣпости, прочитавъ это письмо; что единодушно, вмѣстѣ съ Государемъ, охрабрюлось и все Русское воинство и съ тѣхъ поръ часто билось съ Татарами, стоя все лѣто и всю осень на берегахъ Угры и Оки.

Въ этомъ посланіи въ первый разъ такъ крѣпко сознается отечественная власть въ лицѣ народнаго Русскаго властителя и отвергается позоръ власти чуждой и варварской. Хотя нѣкоторые лѣтописцы говорятъ, что В. Князь не вдругъ еще послушалъ посланія владычняго и слѣдовалъ малодушнымъ внушеніямъ бояръ.

своихъ любимцевъ; но слово уже было сказано и запало въ душу, и принесло свой плодъ довольно скоро.

Власть единодержавная въ христіанскомъ властителѣ здѣсь отличена отъ власти грубой и безотчетной Ордынскаго Хана тѣмъ, что соединяется съ глубокимъ, искреннимъ, сердечнымъ покаяніемъ, какъ залогомъ совершенствованія чело-вѣческаго въ государѣ. Одною изъ силъ, помогающихъ въ освобожденіи отече-ства, признана и всенародная молитва.

Отношенія духовной власти къ свѣтской обозначились уже для насъ въ про-стодушныхъ назидательныхъ посланіяхъ Кирилла Бѣлозерскаго къ В. Князю Мо-сковскому Василю Дмитріевичу и брату его Андрею Дмитріевичу Можайскому²⁹⁾. Кириллъ указываетъ на великія нравственныя обязанности князей въ отношеніи къ народу, умѣряетъ власть любовью, вноситъ миръ въ междуусобную вражду вѣка, уничтожаетъ преграды взаимнаго общенія людей во внутреннихъ таможенныхъ, на-правляетъ вниманіе властителей на пороки народныя, на пьянство и на грубую брань, внушаетъ благоговѣніе, страхъ и трепеть при стояніи въ храмѣ Господнемъ.

Когда Іоаннъ III послалъ грозу свою и мечъ свой на мятежный Новгородъ и самъ *съѣз на конь, хотя его добръ показнати*, митрополитъ Филиппъ (1471) явился ходатаемъ за покоренныхъ Новгородцевъ передъ государемъ, уже торже-ствовавшимъ побѣду³⁰⁾. Вотъ слова его: „о нихъ же много моля и прося чело-мъ бью, твоему великому благородію, чтобы, господине, пожаловалъ, смилостивился надъ ними: пошлютъ къ тебѣ, къ своему Господарю, люди твои, отчина твоя, Великій Новгородъ, а тебѣ имутъ чело-мъ бити, и ты бы, господине, пожаловалъ еси при-принять, а меча бы еси своего поудержалъ, чтобы ся въ твоей земли многое крови христіанскыя не пролило промежду твоихъ людей“... Напоминаю тебѣ Гос-поднихъ устъ глаголющее слово: „будите, рече, милостивіи, якоже Отецъ вашъ небесный милостивъ есть; аще оставите чело-вѣкомъ сѣгрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ сѣгрѣшенія ваша, и паки рече: „блажени милостиви, яко ти помиловани будутъ“... Богъ мира да будетъ съ твоимъ господствомъ“.

Въ Дмитровѣ народъ погибалъ отъ голода. Іосифъ Волоцкій (1512) пи-шетъ о томъ къ Дмитровскому Князю Юрію Ивановичу. Напоминая ему изъ исторіи Греческихъ императоровъ попеченія ихъ о народѣ въ тяжкія времена го-лода и указывая ему на примѣръ брата его Василя Ивановича, онъ говоритъ: „Аще подобно тому и ты, государь, сѣтвориши въ своемъ государствѣ, оживиши нищія и убогія чело-вѣки: занеже, государь, уже многіа нынѣ люди мрутъ голодомъ, а кромѣ тебя, государь, некому той бѣдѣ пособити“³¹⁾.

Не такъ много находимъ мы грамотъ и посланій, которыми Церковь дѣй-ствовала бы на народъ прямо или чрезъ духовенство. Есть посланія м. Іоны въ Вятку къ воеводамъ ея и жителямъ (1452—1456), чтобы не воевали и не гра-били Сысола, Выми, и Вычегды, не жгли и не мучили звѣрски старцевъ, мужей и

младенцевъ. Святитель грозитъ мучителямъ: та кровь христіанская вамъ *отомлется*, и напоминаетъ близость кончины міра и страшнаго суда. При этомъ есть грамота съ упреками и угрозами къ Вятскому духовенству. Не знаемъ, называть ли васъ священниками, говоритъ святитель. Вы забыли, какову подобаеть священнику быти, якоже речеся: „идѣже желаютъ Ангели приникнути у страшнаго престола Христова“.— Тамошнія ваши духовныя дѣти незаконно живутъ, *понимая* женъ до пяти, до шести, до семи, а вы ихъ благословяете и приношенія отъ нихъ приеimate, чѣдъ Богу мерзко.—Тѣ же упреки и угрозы повторилъ м. Геронтій въ двухъ своихъ посланіяхъ въ Вятку къ духовенству и народу (1486—1489), прибавляя, что онъ священникамъ велѣлъ, если не послушаетъ ихъ народъ, *чтобы церкви Божьи затворили и пошли изъ земли вѣсь вонъ* ³²).

Замѣчательна грамота м. Филиппа (1471), которою онъ благословляетъ Псковичей учредить шестой соборъ во имя святаго Божія входа въ Іерусалимъ, со ста и двумя священниками ³³). Новгородъ имѣлъ уже тогда семь такихъ соборовъ.—Въ Псковскомъ народѣ жили еще въ началѣ XVI вѣка остатки обрядовъ языческихъ, которые преслѣдовала Церковь. Игуменъ Елеазарова монастыря Памфилъ писалъ намѣстнику и властямъ Пскова, чтобы прекратили языческія игрища въ день рождества Іоанна Предтечи, развалину отъ праздника Купалы, въ которой участвовалъ весь народъ ³⁴).

Есть посланія, изъ которыхъ видно, что Церковь дѣйствовала на семьи Князей и на отношенія господъ къ рабамъ. М. Іона (послѣ 1448 г.) утѣшалъ Новгородскаго князя Юрія Семеновича Лугвеніева, по случаю кончины супруги его Княгини Софіи, *воспомявая добрый нравъ ея и благое покореніе къ Богу и къ церкви Божіей* и говоря о смерти, что она *единъ мостъ общій, обиновенія не имущъ, велику же и малу, нищу и богату, праведному и грѣшному* ³⁵).—М. Іона обращаетъ строгое посланіе (послѣ 1455 г.) къ дѣтямъ ³⁶), не повинующимся матери, говоря словами изъ Священнаго Писанія: „всѣмъ сердцемъ прослави отца твоего, и рожденія матеря не забуди, вспомни, яко отъ того родился еси: что воздашь имъ за то, чѣдъ они дали тебѣ?“ И паки: „какъ рабъ послужи родившему тебя: чѣмъ ты воздашь за даръ ихъ? они тебя родили, можешь ли ты также родить ихъ?“ Приточникъ сказалъ: „чтущій отца и мать свою самъ возселится о чадахъ“.

Но особенно замѣчательно прекрасное посланіе Іосифа Волоцкаго къ вельможѣ о помилованіи рабовъ (1479 — 1515) ³⁷). Приведемъ его въ извлеченіи. „Слухъ дошелъ до меня, господинъ, про твое благородство, что немилосердіе твое велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость великая тѣлесныхъ потребъ, пищу и одежду не только недовольны, но и голодомъ тають и наготою страдаютъ. Я грѣшный о томъ напоминаю тебѣ, помянувъ твою вѣру. Не льпо бы было мнѣ писать: самъ я грѣшенъ; какъ же восхищать санъ учитель-

скій? Но пишу не мои мысли, а что самъ слышалъ отъ божественныхъ писаній, какъ повелѣваютъ они не рабовъ въ нихъ имѣть, но какъ братію миловать, питать и одѣвать довольно, пеиись о спасеніи душъ ихъ, наставлятъ ихъ на всѣ благія дѣла и отъ своихъ избытковъ творить милостыню нищимъ, чтобы души ихъ поставить передъ Богомъ чистыми и непорочными. А до меня, сынъ, грѣшнаго доходитъ такой слухъ про твое благородство, что твои рабы и сироты живутъ у тебя въ такой тѣснотѣ, что имъ не только нельзя дѣлать добрыхъ дѣла и творить другимъ милостыню, а сами голодомъ таютъ и отъ злыхъ обычаевъ удержаться не могутъ, не имѣя одежды, или пищи тѣлу, и ощущая скудость во всѣхъ нужныхъ потребахъ. Страшно, господинъ, говорить о томъ Божественное писаніе: бѣда великая, мученіе безконечное тѣмъ, кто не печется и не имѣетъ печали о домашнихъ своихъ сиротахъ, не только дѣломъ ихъ насилуетъ, но ранами казнить, не даетъ одежды и пищи, и моритъ голодомъ; не печется о спасеніи душъ ихъ, но гордяся житіемъ суетнымъ и тщетнымъ, прелестями свѣта сего, не помышляетъ о томъ, и не помнитъ, что мы всѣ созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ муромъ единымъ помазаны, всѣ въ рукахъ Господнихъ, кого хочеть Онъ обнищаетъ, и что всѣмъ намъ стать передъ единымъ Царемъ страшнымъ на Судъ его необмыннѣномъ....

„Господинъ, Богъ на тебѣ Свою милость показалъ и государь тебя князь великій пожаловалъ: такъ и тебѣ, господинъ, подобаетъ своихъ клевретовъ пожаловать и милость показать къ нимъ... я же писалъ къ тебѣ не отъ слуха, а самъ ихъ нужду видѣлъ“.

Заключимъ изученіе церковныхъ посланій XV вѣка тѣми, которыя касаются собственно самой Церкви и ея внутренняго устройства. Ихъ довольно ³⁸). Въ одномъ изъ посланій Ростовскій архіепископъ Θεодосій самъ осуждаетъ себя передъ лицомъ всего духовенства въ нарушеніи поста въ богоявленскій сочельникъ и проклинаетъ свой проступокъ. Въ другомъ онъ строго требуетъ, чтобы все духовенство его епархіи съѣхалось въ Бѣлозерскъ для исправленія церковныхъ потребъ и злоупотребленій. М. Θεодосій жалуется Псковичамъ на нихъ самихъ, что обижаютъ Софійскую отчину владыкъ Новгородскихъ; м. Филиппъ приноситъ тѣ же самыя жалобы Новгородцамъ. Новгородскій святитель Геннадій пишетъ м. Симону о необходимости устроить училища для просвѣщенія народа грамотою, безъ чего онъ изъ народа ставить священниковъ не можетъ ³⁹).

Особенно замѣчательны *Поученія священнослужителямъ* (1499). Постоянно, въ теченіи всѣхъ вѣковъ древней нашей жизни отъ самаго начала у насъ христіанства, мы слышимъ глаголы Церкви, заботящейся о достоинствѣ пастырей народа, своихъ служителей. Въ поученіяхъ 1499 года, которыми повершается пятнадцатый вѣкъ, нельзя лучше сознать и поставить высокое званіе священника. „Потщись, пресвитеръ, говорить поученіе, представить себя дѣлателемъ, непо-

стыдно правящимъ слово истины.... Никого не прощай мзды ради: благодать Святаго Духа не продается на сребрѣ; не убойся челоуѣка, на грѣхъ тебя ведущаго, хотя бы и угрожалъ смертію; не предай сына Божія въ руки недостойныхъ; не устыдись никого отъ славныхъ земли, но стань какъ добрый воинъ Христовъ... Хранись отъ пьянства: оно оскверняетъ молитвы твои и помрачаетъ умъ: не *кощунай* — ты Богу совѣтникъ, и тѣло чистое блюди — ты Богу ходатай о людяхъ; хожденіе имѣй кроткое — ты стоишь на святомъ мѣстѣ; руки блюди отъ нечистоты — ими подымаешь тѣло Христово; чистъ имѣй языкъ отъ осужденія и злословія — имъ славншь Бога; не обязуйся куплями житейскими, да веѣмъ сердцемъ печалуешь о порученномъ тебѣ стадѣ; читай книги часто, чтобы ими научать неразумныхъ... Служитель таинъ Христовыхъ, серафимъ ты плотяный, служишь Христову тѣлу... Не приноси приноса на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ, отъ грабителя и властеля немилосердаго, отъ злобника, или кто томить челядь свою голодомъ и ранами и наготою... Явися во всемъ по имени твоему, а имена твои многи и велики, по Господню словеси и Святыхъ его: свѣтъ міру, соль земли, врачъ больныхъ, вождь слѣпыхъ, наставникъ блудящимъ, учитель и свѣтильникъ, око тѣлу церковному, столпъ премудрости, уста Божія, дающій миръ міру, ангель Господень, труба небесная, отецъ братіи твоей, къ Богу нудитель, міру молитвенникъ, подражатель Господень и Апостольскій подобникъ, источникъ воды, несущей въ источникѣ не свое имя⁴⁰)...

Можно ли глубже и яснѣе сознать, даже и въ болѣе просвѣщенное время, высокое назначеніе священнослужителей Церкви, какъ сознавала его Церковь Русская въ XV столѣтіи, когда словомъ своимъ укрѣпляла свое единство съ Церковью вселенскою, поддерживала свое единство внутреннее противъ навѣтовъ внѣшнихъ, скрѣпляла силы государства единодержавіемъ; благославляла сверженіе позорнаго ига власти чуждой, воспитывала сознаніе власти отечественной, смягчала ея грозу передъ народомъ, внушала народу любовь къ ней и повиновеніе, устроивала узы семьи и въ домѣ учила сильныхъ миловать слабыхъ и пещись о нихъ.

Можетъ быть, не совѣмъ некстати будетъ и въ наше время напомнить о той нравственной силѣ, которую имѣло Русское духовенство у насъ въ XV столѣтіи. Думаемъ, что эта сила, какъ бы ни ослабили ее постороннія вліянія, всегда въ немъ присуща и готова къ пробужденію. Нельзя безъ сочувствія видѣть, какъ современно намъ оно сознаетъ свое призваніе, и со всѣхъ сторонъ раздаются голоса его въ нашемъ новомъ общественномъ движеніи. Государство пускай вспомнитъ теперь, что духовенству оно обязано было своимъ единствомъ и своею независимостью. Сословію, назначенному для воспитанія и укрѣпленія высшихъ духовныхъ силъ въ народѣ, не мѣсто стоять на низшихъ ступеняхъ лѣстницы сословія. Конечно, не награды, не почести свѣтскія могутъ возстановить

нравственную силу въ тѣхъ людяхъ, которые должны бы отъ людей восходить къ небу и начинать собою между нами чинъ ангельскій. Поражена была много духовная сила въ этомъ сословіи, какъ и во всемъ народѣ Русскомъ, со временъ Петровыхъ: теперь настало время сознать и возстановить ее. Прежде всего само духовенство должно тому содѣйствовать; но тогда только оно достигнетъ высшей своей цѣли, когда сознаетъ вполне свои духовныя силы, возненавидитъ лесть и ложь въ средѣ своей и полюбитъ одну животворную истину.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Источники для изученія жизни митрополита Іоны: Степенная книга. Т. II, стран. 69 — 97. Сказаніе отъ части житія, иже во святыхъ отца нашего Іоны Митрополита всея Руси. Тоже самое Сказаніе встрѣчается и въ рукописяхъ: Библиот. В. М. Ундольскаго № 322. Но должно замѣтить, что здѣсь, въ заключительной похвалѣ Святому, нѣтъ упоминанія о митрополитѣ Макаріи, которое читаемъ въ Степенной Книгѣ, а именно отсутствуютъ слова: „Преосвященнаго же господина нашего Архіепископа Макарія Митрополита всея Росіи, правящаго престолъ твой, въ мирѣ житіе исправити, и учительство Божія проповѣди исполнити, поспѣши ему, яко да будутъ и молитвы его дѣйственны и пріятны Богу“.—Творенія С. Отцевъ. 1846. Годъ IV. Кн. 2. Прибавленія. Святый Іона Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи, стран. 222.—Житія Святыхъ Россійской Церкви. Спб. 1858. Мѣсяцъ Іюнь, число 15-е. Житіе Святителя Іоны, Митрополита всея Руси, стран. 153. Посланія Митрополита Іоны въ числѣ 12-ти напечатаны въ Актахъ Историческихъ Т. I. №№ 44, 46, 47, 51, 53, 60, 62, 63, 64, 65, 66.—Объ избраніи его всею землею Русскою см. № 41 въ Актахъ Историческихъ. Т. I.

2) Творенія Св. Отцевъ. Годъ 15-й кн. 2. 1857. Прибавленія. Митрополиты Московскіе: Θεодосій и Филиппъ.—Труды митрополита Θεодосія. Статья въ Извѣстіяхъ И. Академіи наукъ. Т. II. Листъ 21. Посланія М. Θεодосія приведены будутъ ниже.—Сказаніе о бывшемъ чудеси у гроба иже во св. отца нашего Алексія митрополита всея Руссіи чудотворца, о изцѣлѣвшемъ хромцѣ въ Софійскомъ Врем. II. 81—89. Слово на Рождество Богородицы обозначено въ вышепомянутой статьѣ въ Твореніяхъ Св. Отцевъ стран. 213. Слово похвальное Апостоламъ Петру и Павлу есть не что иное, какъ сокращеніе похвальнаго Слова Григорія Памблака тѣмъ же Апостоламъ.

3) См. Обзоръ Русск. духовн. литературы, стран. 102.

4) Вассіанъ, современникъ Іоанна. Записка М. И. Сухомлинова. Напечатана въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ. Т. II. Л. 12 и 13. Здѣсь въ возможной полнотѣ собраны изъ лѣтописей всѣ извѣстія о Вассіанѣ, но не упомянуто о томъ, что онъ посыланъ былъ митрополитомъ Іоною въ Кіевъ въ 1458 году. Также напрасно приписано ему сочиненіе Житія Пафнутія Боровскаго.

5) Акты Историч. Т. I. № 39.

6) Другая грамота къ тому же Царю Константину о поставленіи митрополита Іоны (1452) не была отправлена, можетъ быть, потому, что здѣсь слишкомъ рѣзко говорилось объ измѣнѣ Исидоровой (№ 262).

7) № 78.

8) № 103.

9) № 263.

10) № 264.

11) № 286.

12) Находится въ Сборникѣ бібліотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря за № 551, л. 261 на обор. подъ заглавіемъ: Посланіе нѣкоего доктора и великаго риторства именемъ Николаа отъ Немецкіа области. — Пишетъ же нѣкому гѣну великіа области Васьяну Архіепископу Ростовскому... Можетъ быть, это посланіе лишь приписано Вассіану, а писано къмъ нибудь другимъ.

13) Этого Григорія смѣшиваютъ съ Григоріемъ Цамблакомъ, который скончался въ 1419 году. Тотъ же былъ въ Россіи въ 1460-хъ годахъ. Первая ошибка была сдѣлана въ заглавіи грамоты Іоанна III къ Новгород. архіеп. Іонѣ (1465—1470), напечатанной въ I-мъ т. Актовъ Археограф. экспед. подъ № 80. Откуда она перешла и въ другія ученія сочиненія.

14) 1449 — 1459. №№ 45, 47, 62, 63, 65, 66, 273.

15) №№ 61 и 272.

16) № 275.

17) 1465—1470. Акты Археографич. Экспед. Т. I. № 80.

18) Акты Историч. Т. I. 281.

19) Т. V. 1819, стран. 335.

20) № 40.

21) № 43.

22) № 44.

23) № 51.

24) №№ 53 и 60.

25) № 56.

26) №№ 98 и 280.

27) № 90.

28) Степенная книга. Ч. 2, стран. 140. — Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. 6, стр. 225.

29) См. Ч. 3. Истор. Русск. Слов. стран. 127—130.

30) Акт. историч. Т. I. № 282.

31) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 216.

32) №№ 261, 267, 97, 98.

33) № 283.

34) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 22.

35) Акты историч. Т. I. № 46.

36) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 11.

37) Дополн. къ акт. историч. Т. I. № 213.

38) №№ 57, 64, 82, 104, 109, 265, 276, 277, 278, 283.

39) 1496—1504. Эту грамоту противники древней Руси приводят обыкновенно въ укоръ невѣжеству и безграмотности, опираясь на недоразумѣніи, къ которому подаетъ поводъ незнаніе дѣла. Въ древнія времена духовенство не образовывало у насъ касты. Въ Новгородѣ народъ избиралъ священниковъ на ставленіе и приводилъ иногда къ архіепископу такихъ людей, которые едва знали грамоту. Вотъ на чтѣ жалуется Геннадій и вотъ для какой цѣли предлагаетъ завести училища. Конечно, грамота была распространена преимущественно въ духовенствѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ у насъ безграмотные сыновья поповъ попадали въ *изгои*, т. е. изгоняемы были изъ своего сословія.

40) Тоже самое поученіе вставлялось въ ставленныя грамоты священникамъ, какъ нашель я въ рукописяхъ Іосифова монастыря.

ЛЕКЦІЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

Рукописи XV вѣка, обозначенныя годами. — Мѣста написанія ихъ. — Писцы. — Значительнѣйшія рукописи. — Геннадіевская Библия 1499 года. — 70 новыхъ обителей. — До 70-ти св. мужей. — Составители Житій: Епифаній, Пахомій Логоветъ, Иринархъ, Митроп. Спиридонъ, Вассіанъ, Θεодосій, клирикъ Василій, Паисій Ярославъ, пресвитеръ Василій, Романъ, Савва черныи, Иродіонъ. — Примѣры житій изъ устъ народа перешедшихъ на хартии. — Лики и черты Святыхъ. — Черты историческія. — Сословія, изъ какихъ выходили Святые, преимущественно боярское и крестьянское. — Иноземцы въ числѣ Святыхъ. — Дѣйствіе святыхъ мужей на народъ и на власти. — Жизнь пустынныхъ отходниковъ. — Отрывки изъ Житій: Евѣимія Новгородскаго, Пафнутія Боровскаго, Зосимы Соловецкаго, Александра Ошепенскаго, Александра Свирскаго, Даніила Переяславскаго. — Общее заключеніе о житіяхъ. — Мысль о скоромъ преставленіи свѣта. — Зародыши и происхожденіе этой мысли въ Греціи. — Отголоски ея въ Русской Словесности отъ начала XIII. — Противорѣчія Геннадія. — Ночь на 25 Марта 1492 года.

Рукописные памятники наши въ XV вѣкѣ все болѣе и болѣе умножаются. Въ печатныхъ каталогахъ древнихъ библиотекъ, описанныхъ Русскими Археологами, рукописи относятся, по большей части, къ XV-му и XVI-му столѣтіямъ. Дешевизна трипичной бумаги, распространившейся у насъ въ XV вѣкѣ, конечно, была тому причиною; пергамень и бомбицина были дороже и не столько доступны писцамъ. Мы обратимъ вниманіе на рукописи, обозначенныя годами. Число ихъ уже такъ становится значительно, что невозможно да и ненужно называть всѣ. Мы упоминаемъ о тѣхъ, которыя чѣмъ либо особенно замѣчательны.

Сначала скажемъ о мѣстахъ, гдѣ писались книги. Іоаннъ Лѣствичникъ 1421 года писанъ въ Царьградѣ, въ обители Божіей матери Перивлепто. Рукопись хранится въ Іосифовомъ монастырѣ. Въ Звенигородской обители Саввы Сторожевскаго, въ 1408 — 1412 и въ 1428 годахъ, сдѣлано было два списка съ Устава церковнаго, подъ заглавіемъ: Око церковное, рукописи, которую въ Царьградѣ переписалъ Аѳанасій, игуменъ Высоцкаго Серпуховскаго монастыря, удалившійся

изъ Россіи въ 1392 году и полюбившій болѣе одинокую келью въ Константинополѣ, чѣмъ всѣ почести, какія предлагало ему отечество¹⁾. — Дошли до насъ переводы съ греческаго, совершенные на Аѳонской горѣ: Гавріилъ, инокъ Лавры Хиладарской, перевелъ Толкованіе Олимпіодора Александрійскаго и другихъ на книгу Іова, въ 1412 году; инокъ Іаковъ и священникъ Венедиктъ въ 1426 году перевели на Славянскій и на Сербскій языки Шестодневъ Іоанна Златоуста или Бесѣды его на книгу Бытія въ то время, когда славный деспотъ Стефанъ правилъ Сербією и Боснією. Переводы Аѳонскихъ тружениковъ дошли до насъ въ ихъ собственноручныхъ рукописяхъ, но перевезены были въ Россію Арсеніемъ Сухановымъ, въ 1655 году, при Патріархѣ Никонѣ, какъ даръ горы Афонской²⁾. Но есть признаки, что иноки Аѳонской горы трудились тогда въ переводахъ съ Греческаго и для Русскихъ иноковъ: такъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ хранится Максима исповѣдника слово постническое по вопросу и отвѣту, переведенное съ Греческаго языка на Русскій во святой горѣ Аѳонской, въ лѣто 1425, куръ Іаковомъ доброписцемъ убогому Евсевію, непотребному Ефрему Русину³⁾.

Изъ надписаній мы видимъ, что языки Славянскій, Сербскій и Русскій считались тогда за одно. — Есть Евангеліе пергам. 1498 года, писанное въ Нѣмецкомъ монастырѣ въ Молдавіи⁴⁾.

На рукописяхъ, писанныхъ въ Москвѣ, имя Москвы не обозначается; но, судя по благословенію Митрополитовъ, напримѣръ, Фотія или Геронтія, или по именамъ Князей, для которыхъ писаны, можно заключать, что писаны въ Москвѣ: такъ, напримѣръ, Іоаннъ Лѣствичникъ, перг. 1419 г. писанный по благословенію М. Фотія; Октоихъ 1455 года для Василія Темнаго. Имена же Московскихъ монастырей обозначаются на рукописяхъ: такъ напримѣръ, на *Симоновъ*, писанъ въ 1453 году, Іоаннъ Лѣствичникъ и при немъ сочиненія Ипполита Папы и Палладія монаха объ Антихристѣ и второмъ пришествіи: въ томъ же монастырѣ Тактиконъ Никона Черногорца въ 1461 году. Въ Андроньевѣ монастырѣ написанъ Изборникъ Святославовъ въ 1403 году.

Изъ городовъ славился своею рукописною дѣятельностію особенно Новгородъ. Съ нимъ въ этомъ соперничалъ и младшій братъ его Псковъ. Близъ Новгорода славилась тѣмъ же Хутынъ монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ Преп. Варлаамомъ, и гора Лисичья. Служебникъ, содержащій литургію Іоанна Златоуста безъ чина проскомидіи, въ 1400 году писанъ на Хутынѣ; Іоаннъ Лѣствичникъ 1431 года, съ сочиненіями Григорія Синаита, Филоея, Исихія пресвитера и Нила, на горѣ Лисичьей. Полный списокъ Библии 1499 года писанъ въ Новгородѣ. Многія рукописи XV столѣтія принадлежатъ Ольгиной родинѣ — Пскову: особенно Лукьянское Евангеліе 1409 года и Хронографъ 1494 года.

Древнѣйшія рукописи наши ведутъ свое начало изъ Новгорода и Пскова; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы оба эти города брали руко-

писною дѣятельностію перевѣсь надъ Москвою и древнимъ Кіевомъ. Явленіе объясняется тѣмъ, что до Новгорода и до Пскова не достигали погромы Татарскіе, и что древняя письменность безопаснѣе могла въ нихъ храниться. Вотъ почему и Святители наши, ревновашіе о распространеніи рукописей, обращались преимущественно къ книгохранилищамъ Новгородскимъ.

И отъ другихъ городовъ дошли до насъ рукописи, обозначенныя годами. Толкованіе на Евангелистовъ Іоанна и Луку писано въ 1434 году въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ, и тамъ же Кіевопечерскій патерикъ, въ 1461 году. Но древнѣйшая рукопись патерика, извѣстная подъ именемъ рецензій Арсеніевской, писана въ Твери. Мы о ней еще скажемъ.

Кромѣ Твери есть рукописи, дошедшія къ намъ изъ Смоленска, Углича, Ярославля, Коломны. Исаакъ Сиринъ писалъ полууставомъ въ 1428 году, въ Смоленскѣ, по повелѣнію Епископа Герасима, родомъ Москвитина⁵⁾. Въ Угличѣ славился письмомъ Ѳеодоръ Климовичъ Шараровъ: онъ написалъ въ 1485 году Псалтирь въ лицахъ, съ лицевыми изображеніями по сторонамъ, выбранными изъ текстовъ Священнаго писанія, а другой экземпляръ Псалтири съ возслѣдованіемъ въ 1491 году⁶⁾. — Въ Ярославлѣ дьякъ Ларіонъ въ 1494 году переписалъ Козьму Индикоплова и Пален, съ изображеніемъ творца книги и съ сорока раскрашенными картинами⁷⁾.

Монастыри, учрежденные въ XIV и XV столѣтіяхъ, отличались также письменною дѣятельностію. Есть рукописи, писанныя въ Звенигородскомъ монастырѣ Саввы Сторожевскаго; но въ самой обители ни одна не сохранилась. На древнѣйшихъ рукописяхъ Соловецкой обители, принадлежащихъ теперь Казанской духовной академіи, читаемъ имена Зосимы и Германа, основателей монастыря. Древностію рукописей, современныхъ началу обители, замѣчательны особенно монастыри Кирилло-Бѣлозерскій и Іосифовъ Волоколамскій. Въ первомъ находимъ духовное завѣщаніе Кирилла, Псалтирь 1424 года, канонникъ 1405 и другія книги, писанныя рукою Преп. Кирилла; нѣкоторыя книги писаны учениками его: Евангеліе пергам. въ 1416—1417 годахъ Христофоромъ и канонникъ 1423 года Мартиніаномъ. Въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ самъ Преп. Іосифъ написалъ своею рукою Евангеліе, Тріодъ постную въ 1460 году, еще до основанія обители, Богородичникъ въ 1489 году, Псалтирь; Сборникъ поученій, переложенныхъ съ Греческаго на Русскій въ 1343 году, переписанъ его повелѣніемъ въ 1490 году.

Кромѣ лицъ духовныхъ, писцами были и люди свѣтскіе, особенно дьяки. Такъ Новгородскую полную Библию для Архіепископа Геннадія, подъ руководствомъ архидіакона Герасима, писали на Архіепископскомъ дворѣ три дьяка: Василь Іерусалимскій, Гридя Исповѣдницкій и Климентъ Архангельскій. Одинъ изъ нихъ, Гридя, написалъ въ 1495 году Апостоль для Михаила Васильевича Кутузова и перевелъ его съ тетра на апракосъ, за что получилъ двойную плату.

Въ Москвѣ извѣстенъ былъ дьякъ Василій Мамыревъ, списавшій Октоихъ для Василія Темнаго; имя дьяковъ Мамыревыхъ встрѣчается на рукописяхъ Іосифова монастыря. Въ Ярославлѣ славился дьякъ Ларіонъ, писатель Козьмы Индикоплова. Углицкій писецъ Шараровъ, вѣроятно, былъ также свѣтскій человекъ.

Три раза въ рукописяхъ XV вѣка, обозначенныхъ годами, встрѣчается Іоаннъ Лѣтвичникъ, писанный въ 1419, въ 1421 и 1431 годахъ. Видно, что онъ составлялъ любимое чтеніе нашихъ обитателей. — Нерѣдко встрѣчаются рукописи, украшенныя миниатюрными изображеніями: таковы Евангелія 1401 и 1409 годовъ, съ изображеніями Евангелистовъ, Палея Новгородская 1477 года, Углицкій Псалтирь 1485-го и Ярославскій Козьма Индикопловъ 1495 года.

Остановимся на рукописяхъ, наиболѣе замѣчательныхъ и извѣстныхъ по описаніямъ нашихъ археологовъ и филологовъ. *Четвероевангеліе 1401 года* принадлежитъ Румянцевскому музею. Оно извѣстно было Калайдовичу подъ именемъ Зарайскаго или Аверинскаго и описано въ его Іоаннѣ Экзархѣ, подробнѣе же А. Х. Востоковымъ⁸⁾. Писано оно на пергаменѣ, правописаніемъ Русскимъ, съ примѣсью позднѣйшаго Болгарскаго. Живописныя изображенія четырехъ Евангелистовъ тщательно расписаны красками и золотомъ. — *Патерикъ Кіевопечерскій* 1406 года, писанный на пергаменѣ въ Твери, принадлежитъ куцу Берсенеу въ г. Ржевѣ Тверской губерніи. Онъ описанъ подробно Кубаревымъ⁹⁾ и извѣстенъ подъ именемъ Арсеніевской рецензіи. Рукопись Патерика, хотя и первая по древности, но искажена въ текетѣ и неполна, потому что изъ нея, по причинамъ мѣстнымъ, исключены нѣкоторые отрывки и въ числѣ ихъ одно важное свидѣтельство о Несторѣ лѣтописцѣ. — *Евангеліе* 1409 года, недѣльное (апракосъ), писанное на пергаменѣ, принадлежитъ Синодальной библіотекѣ. Оно описано было въ первый разъ Калайдовичемъ подъ именемъ Лукинскаго, потому что писано дьякономъ Лукою, въ монастырѣ Св. Никола на Завеличѣ, въ предѣлахъ Псковскихъ, за рѣкою Великою, при посадникѣ города Пскова Романѣ Сидоровичѣ. Въ новое время его описывали профессора: Горскій, Невоструевъ и Буслаевъ¹⁰⁾. Оно украшено миниатюрными изображеніями трехъ Евангелистовъ Маттея, Луки и Марка; заставки и первыя заглавныя буквы изъ разныхъ перевитыхъ животныхъ особенно красивы. Въ формахъ языка находимъ борьбу народнаго устнаго употребленія съ книжнымъ преданіемъ, которое начинаетъ сильно вторгаться. Измѣненіе буквы ц въ ч обнаруживаетъ признаки Новгородскаго нарѣчія. — *Хожденіе Св. Іоанна Богослова*, описанное будто бы Прохоромъ, ученикомъ его, 1419 года. Въ библіотекѣ Румянцевскаго музея это самая древняя рукопись, писанная на тряпичной бумагѣ¹¹⁾. Хожденіе Іоанна Евангелиста, встрѣчающееся нерѣдко между памятниками нашей древней письменности, показываетъ, что наша древняя каноническая Русь была не такъ взыскательна къ апокрифическимъ сказаніямъ объ Евангелистахъ. — *Іоаннъ Лѣтвичникъ* 1431 года,

писанный на Лисичьей горѣ близъ Новгорода, находится въ Румянцевскомъ музеѣ и описанъ А. Х. Востоковымъ¹²⁾. — Замѣчательна рукопись *Симеонова Изборника*, открытая мною въ Кирилло-Бѣлозерскомъ книгохранилищѣ. Она писана въ 1445 году. Въ ней имя Симеона, царя Болгарскаго, замѣняетъ имя Святослава и указываетъ на истинное происхожденіе Сборника 1073 года, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Святослава¹³⁾. — Замѣчательны также *Палея* Студальной библиотеки, писанная въ 1477 году въ Новгородѣ дьякомъ Несторомъ, съ живописными раскрашенными рисунками въ текстѣ, и сходный съ нею *Хронографъ* 1494 года, писанный въ Псковѣ¹⁴⁾. Остановимъ вниманіе на полномъ экземплярѣ *Библии 1499 года*, которою такъ значительно завершаются рукописи XV столѣтія¹⁵⁾.

Мы имѣемъ превосходное описаніе Геннадіевской Библии, составленное профессорами Горскимъ и Невоструевымъ. Она писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, въ большой Александрійскій листъ, на 1002 листахъ. Пятокнижіе Моисеево, книги Исуса Навина, Судей, Руоѣ, Псалтирь и Притчи принадлежатъ къ первоначальному собранію ветхозавѣтныхъ книгъ у насъ и носятъ на себѣ признаки древнѣйшаго перевода съ Греческаго на Славянскій языкъ, особенно же пять книгъ Моисеевыхъ. — Двѣ книги Паралипоменонъ, три книги Ездры, книги Маккавейскія переведены съ Латинской Вульгаты и носятъ на себѣ слѣды варварскихъ латинизмовъ. Самое расположеніе книгъ ветхозавѣтныхъ, согласное съ Вульгатою, заставляетъ думать, что это полное собраніе книгъ библейскихъ въ одинъ кодексъ совершенно было тогда, когда изданіе Латинской Вульгаты въ XV вѣкѣ стало распространяться на Западъ и дошло до насъ. — Четыре книги Царствъ переведены съ Греческаго, но не представляютъ признаковъ такой глубокой древности. Первые девять главъ книги Есѣрь переведены прямо съ Еврейскаго, и переводъ носитъ слѣды Польскаго происхожденія; но вторая половина той же книги, не сохранившаяся на языкѣ Еврейскомъ, переведена съ Латинской Вульгаты. Славянскій текстъ книги Іова извлеченъ изъ толкованія на нее Олимпіодора Александрійскаго и носитъ признаки глубокой древности, равно какъ и переводъ Псалмовъ. Притчи Соломоновы и Екклесіастъ, „сборникъ Царя Соломона“, какъ онъ названъ въ нашей Библии, переведены съ Греческаго; но книга Притчей на концѣ приведена въ порядокъ, сообразный съ текстомъ Еврейскимъ, по Вульгатѣ. Переводъ книги Премудрости, приписываемой Соломону, сдѣланъ съ Вульгаты, а переводъ Премудрости Исуса сына Сирахова — съ Греческаго. Особенно замѣчательны древностью перевода книги Пророковъ, большихъ и малыхъ. У насъ сохранился этотъ переводъ въ двухъ спискахъ XV вѣка и въ одномъ спискѣ XVI-го, но списанный съ рукописи 1047 года, изготовленной попомъ Упиремъ Лихимъ для Новгородскаго Бязя Владиміра Ярославича¹⁶⁾. Сличеніе текста обнаружило, что составители Библии

пользовались этою древнею рукописью, но располагали текстъ согласно съ Вульгатою и Еврейскимъ подлинникомъ. Книги новозавѣтныя издавна сохраняли у насъ глубочайшую древность Славянскаго перевода въ отдѣльныхъ рукописяхъ и не измѣнили ей также и въ полномъ составѣ Библии.

Великій этотъ трудъ—собраніе всѣхъ переведенныхъ на Славянскій языкъ книгъ Священнаго Писанія въ одинъ полный кодексъ—совершенно былъ Архіепископомъ Геннадіемъ въ Новгородѣ, вѣроятно, послѣ роковаго 1492 года, когда страхъ преставленія свѣта исчезъ, и окончень въ 1499 году, обозначенномъ на рукописи. Извѣстно, что издатели Острожской Библии пользовались этимъ трудомъ, который перешелъ и въ другіе списки, но исправляли однако текстъ по Греческому подлиннику¹⁷⁾. Нельзя не пожалѣть, что ученые описатели этого перваго по древности списка Славянской Библии не сличили въ новозавѣтныхъ книгахъ рукописнаго Апостола съ тѣмъ печатнымъ изданіемъ, которое совершенно было въ Москвѣ въ 1564 году.

Еще славный нашъ филологъ Востоковъ, разбирая и описывая рукописныя сокровища Румянцевскаго музеума, открылъ въ Пятюкнижїи Моисеевомъ слѣды исправленій по Еврейскому тексту, совершенныхъ у насъ въ XV вѣкѣ¹⁸⁾. Въ недавнее время ученые Троицкой Лавры нашли случай подвергнуть открытіе филолога болѣе подробному изслѣдованію и, воспользовавшись двумя рукописями Пятюкнижїи Моисеева, перевезенными изъ Іосифова монастыря въ Сергіеву Лавру, исчислили всѣ мѣста славянскаго перевода, исправленныя по Еврейскому подлиннику¹⁹⁾. Они пришли къ тому заключенію, что какой-нибудь выходецъ изъ Малороссїи или Литвы, знавшій хорошо Еврейскій языкъ и искусенный въ различїи текстовъ Еврейской Библии, совершилъ это исправленіе. Состояло ли оно въ связи съ великимъ трудомъ Геннадїа, собиравшаго всю Библию въ одинъ полный кодексъ, рѣшить трудно; но извѣстно однако, что это исправленіе не вошло въ Геннадіевскую Библию, а осталось отдѣльнымъ. Замѣтить надобно, что въ этихъ исправленїяхъ не видно никакого особеннаго умысла и что они всѣ совершены не противно православному пониманію книгъ ветхозавѣтныхъ.

Въ Кирилло-Бѣлозерской обители, въ Сборникѣ XV вѣка, находится Псалтирь, переведенная съ Еврейскаго на Русскій языкъ вмѣстѣ съ 9-ю библейскими пѣснями по благословенію Митрополита Филиппа I, который святительствовалъ между 1464 и 1473 годами²⁰⁾.—Въ одномъ Сборникѣ Іосифова монастыря мы находимъ опытъ перевода на Русскій языкъ надписаній изъ Псалмовъ Нѣмецкой псалтири, совершенный въ 1500 году, и сравненїя его съ текстомъ Латинской Вульгаты²¹⁾.

Семьдесятъ обителей основано было въ разныхъ концахъ Россїи. Мысль Сергіева продолжала неутомимое свое дѣйствіе. И сыновья, и внуки его по духовному родству, ученики учениковъ его, распространили пустынножителство въ

самыхъ отдаленныхъ краяхъ и въ самыхъ неприступныхъ дебряхъ Россіи. Сношенія съ Аеономъ были довольно часты въ этомъ столѣтіи: Арсеній Коневскій, Ниль Сорскій съ своимъ спутникомъ Иннокентіемъ Вологодскимъ, ученики Макарія Колязинскаго посѣщали Аеоны; Савва Крыпецкій, по преданію, самъ пришелъ оттуда, чтобы въ предѣлахъ Псковскихъ основать обитель. Никонъ, ученикъ Сергія, дѣйствовалъ въ Лаврѣ, имъ основанной, и твердо соблюдалъ всѣ подробности устава, введеннаго учителемъ. Никита, другой ученикъ Сергіевъ, былъ руководителемъ Пафнутія Боровскаго, который въ свою очередь образовалъ Іосифа Волоцкаго и многихъ другихъ. Кирилло-Бѣлозерская обитель на сѣверѣ была разсадникомъ пустынножителей: изъ нея вышли Мартиніанъ, Діонисій Глушицкій, ученики самого Кирилла, Савватій Соловецкій, Александръ Ошевскій, Корнилій Комельскій, Ниль Сорскій. Ей соперновала въ образованіи пустынныхъ отходниковъ обитель Валаамская, въ которой воспитался Александръ Свирскій. Островъ Соловецкій сталъ новымъ разсадникомъ духовной жизни, благодаря неустрашимости и подвигамъ Германа, Савватія и Зосимы. Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій, еще въ началѣ XV вѣка, тронули Комельскій лѣсъ въ предѣлахъ Вологодскихъ. Ученики Кирилла Бѣлозерскаго и Діонисія Глушицкаго проникли въ глубину самой его дебри. Прибережье Бѣломорское, области Новгородская, Псковская, Вологодская, берега Волги, Унжи, до предѣловъ Нижняго, не смотря на грозное соседство Татаръ, служили мѣстами духовныхъ подвиговъ для нашихъ пустынножителей. Въ этомъ вѣкѣ, казалось, особенно искали они не роскошныхъ угодій природы, но самыхъ уединенныхъ, дикихъ, болотныхъ мѣсть, для одинокой молитвы и для борьбы съ природою. Замѣчательно въ этомъ отношеніи чудесное преданіе о Паисіи Углицкомъ: онъ хотѣлъ сначала построить обитель свою на высокой горѣ, на берегу Волги, но зданіе самъ чудеснымъ образомъ переносилось за рѣку на болото, и Богоматерь въ видѣннн Сама, наконецъ, указала ему это мѣсто для основанія обители.

До семидесяти святыхъ мужей украшаютъ нашу церковь въ XV вѣкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ начали свою подвижническую жизнь еще въ прошломъ столѣтіи и dokonчили въ первой половинѣ XV-го; другіе совершили ее въ продолженіе столѣтія; третьи, наконецъ, переходятъ въ XVI вѣкѣ. Житія нѣкоторыхъ подвижниковъ составлены въ XV-мъ же столѣтіи; другія записаны въ послѣдующемъ по преданіямъ устнымъ, какія сложились тогда же. Предложимъ подробности объ извѣстныхъ сочинителяхъ и способѣ составленія самыхъ житій.

Мы уже знакомы съ произведеніями одного изъ жизнеописателей. Это былъ Епифаній, ученикъ Сергія Радонежскаго. Современники прозвали его *премудрымъ*. Остались неизвѣстны родъ его и происхожденіе. Онъ былъ собесѣдникомъ Стефана Пермскаго, довольно къ нему близкимъ; велъ жизнь странническую, переходя съ мѣста на мѣсто; посѣтилъ Царьградъ, Аеоны и Іерусалимъ²³); послѣд-

нее время жизни провелъ подъ руководствомъ Сергія: написалъ Житія Стефана и Сергія, намъ уже извѣстныя, и скончался въ обители своего наставника. Гдѣ Епифаній могъ получить то риторическое образованіе, которое ярко замѣтно въ обоихъ его произведеніяхъ? Можно предположить, что на него имѣла вліяніе Ростовская школа въ обители Св. Григорія Богослова, гдѣ выучился по гречески Стефанъ Пермскій.

Другой жизнеописатель, наслѣдовавшій славу и труды Епифанія, былъ Пахомій, прозванный Логобетомъ. Онъ былъ родомъ Болгаринъ, прибылъ къ намъ вмѣстѣ съ Митрополитомъ Фотіемъ въ 1410 году, дѣлилъ съ нимъ уединеніе въ Сенежской пустынѣ, во Владимірской области, куда Святитель убѣгалъ отъ Татаръ. Принесши риторическое образованіе къ намъ, по всему вѣроятію, изъ школъ Греческихъ и Болгарскихъ, Пахомій сложилъ много житій Русскихъ Святыхъ, церковныхъ имѣ каноновъ и похвальныхъ словъ. Сначала жилъ онъ въ обители Сергіевой, гдѣ узналъ Епифанія и дополнилъ описаніемъ чудесъ житіе, имъ написанное. Митрополитъ Іона съ священнымъ соборомъ поручилъ ему написать житіе Алексѣя Митрополита и канонъ Святителю. Новгородскій Архіепископъ Іона пригласилъ Пахомія въ Новгородъ и здѣсь поручилъ ему написать житіе предмѣстника своего на святительской каедрѣ Евонмія, житія Варлаама Хутынскаго, Саввы Вишерскаго, съ канонами этимъ Святымъ. Особенно занимало Іону одно чудо, совершенное Варлаамомъ Хутынскимъ во время пришествія въ Новгородъ Василія Темнаго. За эти труды Іона дарилъ Пахомія и серебромъ, и соболями. Много другихъ порученій намѣренъ былъ Іона дать Пахомію, но его звали въ Москву. Здѣсь Василій Темный и Митрополитъ Феодосій возложили на него новое занятіе. Они послали его въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель для того, чтобы на мѣстѣ собрать преданія о Преп. Кирилтѣ и написать его житіе. Пахомій самъ рассказываетъ, какъ онъ собиралъ эти свѣдѣнія отъ игумена Кассіана, отъ учениковъ Кирилловыхъ и изъ нихъ особенно отъ Мартиніана.

Ученики пустынныхъ подвижниковъ сообщали первыя свѣдѣнія писателямъ житій. Такъ напримѣръ, ученики Діонисія Глушицкаго, Амфилохій, Макарій, Михайлъ, были уже сѣдовласыми старцами, когда Ирнархъ пришелъ къ нимъ въ обитель и собралъ преданія, чтобы написать житіе Діонисіево († 1437)²³).

Германъ († 1484), спутникъ Савватія († 1462) и Зосимы († 1478), въ ихъ подвигахъ на островѣ Соловецкомъ, самъ не умѣя грамотѣ, продиктовалъ клирикамъ все то, чему былъ очевиднымъ свидѣтелемъ при жизни друзей своихъ. Досиной, игумень Соловецкій, по настоянію Новгородскаго Архіепископа Геннадія, собралъ эти свѣдѣнія, положилъ ихъ на бумагу и потомъ передалъ въ Терапонтской обители Митрополиту Спиридону, который, будучи поставленъ въ Митрополиты на Востокъ безъ согласія Іоанна III, былъ сосланъ этимъ Государемъ на Бѣлоозеро и тамъ написалъ житіе Зосимы и Савватія по тѣмъ источникамъ,

какіе сообщили ему Доснѣей²⁴⁾. Изъ подробностей, какія сей послѣдній передалъ по этому случаю, видно, что житія святыхъ первоначально слагались по преданіямъ изустнымъ простою рѣчью, но что потомъ этотъ безыскусственный матеріаль поступалъ въ руки какого нибудь смышленнаго ритора, который украшалъ его цвѣтами школьнаго краснорѣчія. Драгоцѣннѣе были бы для насъ эти простыя первоначальныя преданія, но, къ сожалѣнію, ихъ не сохранили хартіи, а развѣ живутъ они еще въ устахъ народа около тѣхъ обителей, гдѣ подвизались святые.

Житіе Іоны, Святителя Новгородскаго († 1471), было составлено неизвѣстнымъ инокомъ Отенской обители, откуда вышелъ Іона, сохранивъ горячую любовь къ мѣсту своего духовнаго воспитанія.—Вассіанъ († 1515), братъ Іосифа Волоцкаго, Архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, написалъ житіе Пафнутія Боровскаго († 1479), по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, какъ очевидецъ, и по тѣмъ преданіямъ, какія сообщили Вассіановъ братъ Іосифъ и другіе ученики Пафнутія: Иннокентій, дивный старецъ, и священноинокъ Исаія черный, Пафнутіевъ сродникъ²⁵⁾. — Житіе Александра Ошевенскаго († 1479) написано было въ слѣдующемъ столѣтіи (1567), въ основанной имъ обители, іеромонахомъ Θεодосіемъ. Оно изобилуетъ весьма любопытными подробностями, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ даръ разсказа.—Житіе Евфросина Псковскаго († 1481) сочинилъ клирикъ Василій, спустя 80 лѣтъ послѣ кончины святаго (1561). Оно подверглось большимъ искаженіямъ отъ раскольниковъ и послужило имъ опорой для ихъ ученія о сугубой аллилуіѣ. Въ него вставлены странствіе Евфросина въ Царьградъ для бесѣды съ Патріархомъ объ этомъ вопросѣ, преніе съ священникомъ Іовомъ и переписка съ Новгородскимъ Архіепископомъ Евфиміемъ о томъ же²⁶⁾. — Палсій Ярославовъ, иннокъ Спасокаменской обители, написалъ житіе Іоасафа, Князя Кубенскаго († 1453), по преданіямъ старцевъ обители, о которой также онъ составилъ историческое сказаніе (1481).—Жизнь Саввы Крыпецкаго († 1495) была описана пресвитеромъ Васиіемъ при Грозномъ; Ефрема Перекомскаго — († 1492) ученикомъ его Романомъ.—Сынъ священника соборной церкви города Устюга, по разсказамъ отца, составилъ житіе Іоанна, юродиваго Устюжскаго, который жилъ при соборномъ храмѣ и подражалъ въ жизни предмѣстнику своему Прокопію.—Ученики Іосифа Волоцкаго († 1516) составили о немъ многія жизнеописанія, почти современныя, по кончинѣ своего учителя, но всѣхъ полнѣе Савва черныи, епископъ Крутицкій, также ученикъ его. — Житіе Александра Свирскаго († 1533) отличается большими подробностями, какъ и Александра Ошевенскаго: оно написано Иродіономъ, ученикомъ его, 12 лѣтъ спустя послѣ кончины Александра. Въ разсказѣ говоритъ нерѣдко отъ своего имени бояринъ Андрей Завалишинъ, котораго олень на охотѣ чудесно завлекъ въ неприступную дѣбрь на рѣкѣ Свири, гдѣ поселился Александръ. Можно бы было подумать, что

инокъ Родіонъ и бояринъ Андрей одно и тоже лицо, тѣмъ болѣе, что сей послѣдній одинъ изъ первыхъ раздѣлилъ пустынножителство съ Александромъ и принадлежитъ къ числу самыхъ усердныхъ учениковъ его²⁷⁾.

Преданія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ сохранились въ устахъ народа. Таковъ, на примѣръ, Максимъ юродивый, Московскій чудотворецъ († 1437). Онъ жилъ въ Москвѣ во времена самыя бѣдственныя Россіи, когда Татары, засуха, голодъ, Черная Смерть, попеременно терзали народъ. Лишаясь всего, бѣгая почти нагишомъ въ самыя суровыя зимы и повторяя любимое слово: „хоть яростна зима, но сладостенъ рай“, Максимъ своимъ терпѣніемъ внушалъ бодрость духа страдавшему народу, который сохранялъ въ устахъ своихъ преданія о Святомъ до XVI столѣтія, когда торжественно открыты были его мощи. — Житіе Пансія Углицкаго въ пожарѣ города Углича полустлѣло; но народъ сохранялъ въ памяти преданія о Святомъ, и житіе его было вновь написано по этимъ устнымъ сказаніямъ.

Во многихъ житіяхъ сохранены описанія внѣшняго вида Святыхъ. Мы знаемъ, что Діонисій Глушицкій написалъ портретъ Кирилла Вѣлозерскаго, служащій иконою въ его обители; такъ и портретъ-икона Евфросина Псковскаго написана была ученикомъ его Игнатіемъ. Подробности кончины многихъ святыхъ мужей передаются съ такою точностію, которая обнаруживаетъ очевидныхъ свидѣтелей. Есть черты нравственнаго характера, переданныя учениками: таковъ, на примѣръ, даръ проищанія въ Пафнутіи Боровскомъ, который по взгляду узнавалъ человѣка и открывалъ то, что таилось въ душѣ его. Иосифъ, ученикъ его, сообщилъ жизнеописателю три подобныхъ примѣра.

Есть событія историческія въ житіяхъ, которыми дополняется отчасти Исторія. Таковы въ томъ же житіи Пафнутія Боровскаго свѣдѣнія объ Иванѣ, который отравилъ Дмитрія Шемяку въ Новгородѣ и потомъ постригся въ монахи, о болѣзненномъ струнѣ, который былъ признакомъ Черной Смерти²⁸⁾, и другія. Есть черты нравовъ общества того времени, какихъ нельзя найти въ Исторіи. Такъ на примѣръ, въ житіи Александра Ошевенскаго отецъ его, крестьянинъ Никифоръ Ошевень, беретъ у боярина Ивана грамоту слободскую, идетъ на мѣста, отведенныя ему бояриномъ, сзываетъ жильцовъ, ставитъ дворы и основываетъ слободу Ошевенскую, близъ которой послѣ водворяется сынъ его, инокъ Александръ, и учреждаетъ обитель²⁹⁾.

Святые мужи Россіи выходили изъ всѣхъ сословій, особенно же изъ бояръ и крестьянъ. Между Святими XV вѣка находимъ мы четверыхъ высокаго княжескаго рода. Первый изъ нихъ былъ Михаилъ Клопскій († 1451), сынъ Симеона Гордаго, законный наслѣдникъ Московскаго престола. Оставивъ Москву и родъ свой, отрекшись отъ правъ своихъ, онъ постригся въ Новгородѣ, въ монастырѣ Клопскомъ; славился чтеніемъ Апостола и житіи святыхъ; переписывалъ Дѣянія

Апостольскія. Константинъ Димитріевичъ, сынъ Донскаго, будучи въ Новгородѣ, призналъ въ немъ своего дядю. Въ народѣ сохранились преданія, что онъ предрекъ гибель Шемякѣ, паденіе Новгорода, Іонѣ еще въ отрочествѣ святительство, Іоанну Ш его славу въ тотъ самый день, какъ онъ родился.—Игнатій Вологодскій († 1522), сынъ Андрея Углицкаго и внучъ Василя Темнаго, былъ политическою жертвою Іоанна Ш: 13-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ, онъ заточенъ былъ на Бѣлоозеро.—Іоасафъ Кубенскій и Іаковъ Желѣзноборскій († 1441) принадлежали также къ княжескому роду.

Изъ родовъ боярскихъ вышли: Григорій Пельшемскій († 1442), ученикъ Діонисія Глушицкаго; Савва Вишерскій, уроженецъ города Кашина; Макарій Калязинскій, изъ рода Кожинныхъ, сынъ знаменитаго воина при Василя Темномъ, Василя; Інноцентій Вологодскій, изъ рода Охлебинныхъ; Геннадій Новгородскій, изъ Московскаго рода Гонзовыхъ; Ниль Сорскій, изъ рода Майковыхъ; Лаврентій блаженный Калужскій, изъ рода бояръ Хитровыхъ.

Изъ семей крестьянскихъ вышли: Зосима Соловецкій, Александръ Ошевенскій, Евфросинъ Псковскій, Іоаннъ юродивый Устюга, Серапіонъ, святитель Новгородскій, Александръ Свирскій.

Изъ духовенства находимъ только одного Евемія, святителя Новгородскаго; изъ купцовъ также одного, Ефрема Перекомскаго. Макарій Унженскій и Желтоводскій вышли изъ людей посадскихъ города Нижняго; Арсеній Коневскій былъ мѣщанинъ, ремесломъ мѣдникъ.

Замѣчательны иноземцы, въ ликѣ нашихъ Святыхъ, или ихъ потомки: Пафнутій Боровскій былъ внучъ Татарскаго Баскака, который вынужденъ былъ Русскими князьями креститься и нареченъ въ крещеніи Мартиномъ. Предокъ Іосифа Волоцкаго, Санинъ, выѣхалъ изъ Литвы. Исидоръ, († 1492) юродивый Ростова, былъ Нѣмецъ родомъ, родственникъ Великаго Магистра Ливонскаго: онъ жилъ на улицѣ Ростова, въ кушѣ изъ хвороста, и лѣто и зиму. Тихонъ Луховскій († 1503), основатель обители на рѣкѣ Лухѣ, Макарій, Митрополитъ Кіевскій, мученически убитый Татарами, были родомъ Литвины. Савва Крыпецкій († 1495) вышелъ изъ Сербіи и переселился къ намъ съ Аѳона. Кассіанъ Углицкій († 1504), Грекъ изъ Морей княжескаго рода, пріѣхалъ въ Россію изъ Італіи въ свитѣ Софіи Ѳоминишны, совершилъ иноческій искусъ въ обители Ѳерапонтовой близъ Бѣлоозера и основалъ монастырь въ Угличѣ на берегу Волги.

Разсмотримъ теперь, извлекала изъ житій, какъ святые мужи этого вѣка дѣйствовали на народъ и на власти. Арсеній Коневскій († 1444), устроивъ обитель свою на Коневскомъ островѣ, уничтожилъ одинъ суевѣрный обычай народа, вѣроятно, остатокъ временъ язычества. На островѣ находился огромный утесъ, называемый конь-камень. Народъ каждое лѣто оставлялъ на островѣ передъ этимъ утесомъ коня въ жертву невидимымъ духамъ, будто бы обитавшимъ около того

мѣста и охранявшимъ за то скотъ, который на лѣтнее время приводили на островъ для прокормленія и оставляли безъ всякаго надзора. Вотъ почему и островъ назывался Коневцемъ. Конь, покинутый на островѣ, пропадалъ зимою, и народъ вѣрилъ, что нечистые духи его пожрали. Не было ли это суевѣріе еще остаткомъ языческаго поклоненія Велесу, богу скотоводства? Арсеній приступилъ къ камню съ молитвою, окропилъ его святою водою, — и преданіе говоритъ, что духи, въ видѣ вороновъ, полетѣли отъ него на Выборгскій берегъ въ Большую Губу, которая и понынѣ называется Чертовой Лахтою.

Питиримъ, святитель Перми, одинъ изъ наслѣдниковъ Стефана Пермскаго на чредѣ Христіанской проповѣди, защищалъ свою паству отъ грабежа Вогуличей и Вятской вольницы, поучалъ въ домахъ, проповѣдывалъ въ храмахъ, чаще всего бесѣдовалъ съ народомъ на открытомъ полѣ и палъ мученическою смертію среди богослуженія, во время проповѣди, отъ руки Асыки, вождя разбойнической ватаги Вогуличей и Вятчанъ († 1455).

Новгородцы любили краснорѣчивую проповѣдь святителя своего Іоны, когда онъ бесѣдовалъ съ ними въ Софіи Новгородской. Макарій Калюзинскій отличался также даромъ слова въ бесѣдахъ своихъ къ братіи и къ народу. Даніилъ Переяславскій, котораго дѣятельность переходитъ болѣе въ слѣдующій вѣкъ († 1540), посвятилъ жизнь свою на собраніе тѣлъ умершихъ въ полѣ и на дорогахъ; онъ приносилъ ихъ самъ и днемъ и ночью въ особую усыпальницу, отпѣвалъ своихъ мертвыхъ, молился за ихъ души и соорудилъ надъ ними храмъ во имя Пресвятой Троицы. — Корнилій Комельскій призиравъ младенцевъ, бросаемыхъ родителями около стѣнъ его обители. — Александръ Свирскій не принялъ милостыни въ монастырѣ отъ крестьянина Григорія за то, что онъ безчестилъ мать свою, и послалъ его испросить у нея прощенія прежде, чѣмъ приметъ его даръ.

Святые мужи выступали нерѣдко ходатаями за народъ противъ сильныхъ міра. Димитрій Шемяка разорилъ и грабилъ Вологду. Григорій Пельшемскій обличилъ его словомъ и сброшенъ былъ съ моста Шемякою за смѣлую рѣчи. Но угрозы святаго подѣйствовали, и Шемяка отступилъ отъ Вологды на Галичъ. — Святитель Іона долго отстаивалъ вольность Новгорода противъ притязаній на нее Василія Темнаго. — Макарій Уженскій взятъ былъ въ плѣнъ Татарами; но они освободили его за его кротость и съ нимъ вмѣстѣ сорокъ Русскихъ плѣнныхъ. — Серапіонъ, святитель Новгорода, своимъ ходатайствомъ предъ Іоанномъ III избавилъ отъ казни трехъ именныхъ боярынъ, обвиненныхъ въ чародѣйствѣ.

Особенно замѣчательны жизнеописанія пустынныхъ отходниковъ. Это люди съ высшимъ призваніемъ; внутренній зовъ души отдается имъ звономъ благовѣстнаго колокола изъ самыхъ непреступныхъ дебрей необозримаго отечества. По большей части, они выходятъ изъ самыхъ теплыхъ семей, согрѣтыхъ нѣжною родительскою любовью. Нерѣдко это дѣти, вымоленные у Бога теплыми молитвами

отца и матери. Семи лѣтъ отдають ихъ на обученіе грамотѣ, иногда причетникамъ церковнымъ, а иногда и свѣтскимъ грамотѣямъ. Кирилль Бѣлозерскій, принявъ на себя духовное воспитаніе Мартиніана, ученика своего, по волѣ его благочестивыхъ родителей, отдать его учиться грамотѣ Олешу Павлову, мірскому дяку³⁰).

Весьма рано, въ иныхъ съ 10-ти, съ 12-ти лѣтъ, открывається призваніе къ пустынножительству. Странники-иноки, блуждая по городамъ и по селамъ, распѣвая священные псалмы по улицамъ, приставаая къ благочестивымъ семьямъ, питають эту склонность въ избранныхъ отрокахъ и юношахъ своими разказами о славныхъ обителяхъ, о подвижникахъ, сіяющихъ въ нихъ святою жизнію. Въ призванныхъ къ тѣмъ же подвигамъ рано зачинается борьба съ крѣпкимъ семейнымъ началомъ. Внутренній голосъ зоветъ; они покидають домъ родительскій, бѣгутъ въ сосѣднюю обитель, иногда прямо въ пустыню, въ мѣста безлюдныя, лишеныя всего. Упорная борьба отцовъ съ сыновьями-пустынниками особенно замѣчательна въ житіяхъ Александра Ошевенскаго и Александра Свирскаго. Побѣда на сторонѣ сыновей. Отцы слѣдуютъ за ними и принимаютъ постриженіе. Иосифъ Санинъ крѣпостью воли побуждаетъ всю семью свою постричься и, лѣтъ въ кельѣ своей престарѣлаго отца своего, уже инока, ходитъ за нимъ какъ за младенцемъ.

Но первые порывы къ пустынножительству и уединенію должны были уступать сильной волѣ великихъ наставниковъ, приготовлявшихъ къ этой жизни. Иноческій неусъ былъ продолжителенъ. Опытные подвижники нѣсколько разъ отвергають покушенія молодыхъ борцовъ, еще неопытныхъ въ уединеніи, и охлаждають ихъ пламенные порывы. „Нѣтъ, нѣтъ, чадо, говоритъ настоятель Валаамской обители Александру Свирскому; не утвердившись ногами на первой степени общаго житія послушаніемъ, какъ на корнѣ, нельзя касаться верха молчаніемъ и уединеніемъ, нельзя безвременно водиться своею волею: на все бываетъ свое время“. Послѣ многихъ и многихъ усилій вѣнчаются усилѣхомъ первыя попытки, — и желанная пустыня принимаетъ въ свои объятія ея пламеннаго любовника.

Пустынники бывали ревнивы къ мѣсту, или избранному, и чуждались совмѣстниковъ или близкихъ сосѣдей. Оерапонтъ, спутникъ Кирилла Бѣлозерскаго, удалился отъ него на озеро Паское, когда Кирилль избралъ себѣ мѣсто на Сиверскомъ. Въ предѣлахъ Вологодскихъ Александръ Куштскій († 1439) поставилъ сначала келью на рѣкѣ Сняжемѣ, а потомъ перешель на Кушту, гдѣ поселился уже Евѣимій. Сей послѣдній уступилъ ему Кушту, а самъ пошелъ на Сняжему; пустытники дружелюбно обмѣнялись мѣстами своего уединенія, но не остались жить вмѣстѣ. Павелъ Обнорскій пришелъ, было, въ сосѣдство къ Діонисію Глушицкому и поставилъ келью за двѣ версты отъ рѣки Глушицы; но пустынникъ просилъ собрата не основывать такъ близко отъ него особой обители, — и Павелъ удалился въ Комельскіе лѣса.

Уединенная молитва и безмолвно-одинокая жизнь отходника скоро привлекали къ нему братію, — и образовывалось житіе общее, и строилась церквичка, и благовѣсть раздавался кругомъ, и князья и поселяне содѣйствовали устройству обители. Но пустынники изъ среды братіи, ихъ окружавшей, все рвались къ своей любимой пустынь, все алкали молитвеннаго уединенія, котораго не давала имъ монастырская келья. Никонъ, наслѣдникъ Сергія, выговорилъ себѣ у братіи часть дня для безмолвнаго богомыслія и слезной молитвы. Діонисій отъ Глушицы, гдѣ основалъ обитель, уединяется въ свой любимый Сосновець, гдѣ подъ навѣсомъ огромной сосны онъ свободно весь предавался молитвѣ и богомыслію. Святитель Іона изъ Новгорода любитъ удаляться въ Отенскую обитель, печется о ней и украшаетъ ее до конца жизни. Пафнутіи Боровскій, 50-ти лѣтъ, слагаетъ съ себя игуменство и уходитъ въ свою пустыньку, во владѣнія другаго князя, навлекая тѣмъ на себя гнѣвъ и злобу Василья Ярославича, удѣлъ котораго онъ покинулъ. Макарій отъ Желтыхъ Водъ за Волгой, гдѣ устроилъ обитель, ушелъ на Унжу въ предѣлы Костромскіе и водворился въ пустынь. Въ частомъ бору около Волоколамскаго монастыря до сихъ поръ существуетъ одинокая келья, куда уединялся Іосифъ.

Эта отдѣльная, своя пустыня нужна была созидателямъ общаго житія для того, чтобы въ ней собирать во едино свои духовныя силы и укрѣплять ихъ на дѣланіе общественное. И въ какое же время не нужна бываетъ человѣку, живущему не однимъ тѣломъ, но духомъ, уединенная келья, гдѣ душа открываетъ себя Источнику духовныхъ силъ своихъ и видитъ себя яснѣе при лучахъ высшаго свѣта!

Какъ маленькія пустыньки необходимы были для самихъ пустынножителей, такъ и большія пустыни, ими учрежденныя, были спасительно полезны отечеству. Миротворный воздухъ молитвы отсюда вѣялъ и проникалъ въ Русскую жизнь, гдѣ разныгивались тогда послѣднія кровавыя битвы удѣльнаго періода и вражда междоусобная пылала сильнѣе, чѣмъ когданибудь, передъ тѣмъ, какъ ей угаснуть. Такія пустыни, какъ хранительницы высшихъ духовныхъ силъ народа, необходимы и всегда нашему отечеству. Безъ нихъ не полна, не освящена жизнь его и не приближена къ Богу. Кто не разстался навсегда съ христіанствомъ для пировъ Валтазаровыхъ, тотъ ни въ какое время не можетъ обойтись безъ Хорива и Геосиманіи.

Разсмотрѣвъ содержаніе Житій по ихъ историческому и внутреннему, духовному значенію въ жизни Русскаго народа, предложимъ теперь замѣчательныя отрывки изъ нихъ, чтобы познакомить, хотя отчасти, съ художественнымъ ихъ изложеніемъ.

Святитель Новгородскій Евѣимій († 1458), по примѣру своихъ предмѣстниковъ, былъ дѣятельнымъ строителемъ. Онъ построилъ мостъ черезъ Волховъ, возобновилъ стѣны Новгородскаго кремля; соорудилъ палаты владыкъ Новгород-

скихъ; посреди сада, ихъ окружавшаго, воздвигъ столпъ съ боевыми часами, звономъ своимъ оглашавшими весь городъ; но особенно прославился въ народѣ строеніемъ благолѣпныхъ храмовъ. Пахомій Логоуетъ, сложившій житіе Евѳимія по порученію его преемника Іоны, такъ поэтически олицетворилъ сонмъ сооруженныхъ имъ храмовъ, согласнымъ хоромъ славящихъ своего строителя.

„Началь Евѳимій и церквамъ прилежать, обновляя обветшавшія и воздвигая отъ основанія новыя въ славу и честь святыхъ, не одну или двѣ, но многое множество. Если хочешь увидѣть нѣчто малое отъ великаго, поди къ великому храму Премудрости Божіей, и возведи окрестъ очи свои, и тамъ увидишь пресвѣтлые храмы Святыхъ какъ звѣзды сіяющія, или какъ горы стоящія, отъ него созданныя. Если и не голосомъ, то дѣломъ вопіють они и свою разнообразную красоту вещью показывая, говорятъ: сіе Архіепископъ Евѳимій даровалъ мнѣ. Иная церковь, хвалясь своимъ благолѣпиемъ, говоритъ: вотъ чѣмъ онъ меня украсилъ. Другая глаголетъ: а меня воздвигъ отъ основанія. Храмъ великаго Іоанна Златоуста, имъ созданный, высоко стоя, какъ будто рукою его благословляетъ, говоря ему: за то, что ты воздвигъ мнѣ храмъ на землѣ, я умолю Творца даровать тебѣ храмы на небесахъ. Великій же храмъ Премудрости Божіей, какъ градъ царя великаго, стоя посреди ихъ многими лѣтами обветшавшій и въ прежнее благолѣпіе обновленный, многими добротами и иконами украшенный, какъ перстомъ на него показываетъ, говоря: сей мнѣ красота и похвала! Церковь среди другихъ храмовъ какъ будто говоритъ къ Богу: се азъ и дѣти яже ми далъ еси, и какъ мать и царица надъ всѣми, радуется стяжавши такого святителя. Самъ же Евѳимій, предстоя посреди ихъ въ недоумѣніи чтѣ отвѣчать ему на ихъ похвалы, воздвѣвъ руки къ высотѣ, говоритъ: Господи! возлюбихъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто вселенія славы твоея, — и такъ всѣ въ едино согласіе его похваляютъ³¹⁾“.

Вотъ легенда — сказаніе, помѣщенное въ житіи Пафнутія Боровскаго подъ заглавіемъ: *Наказаніе святаго о милостыни*. „Говорилъ и то блаженный отецъ нашъ, что можетъ и одна милостыня спасти человѣка, если законно живетъ. Я слышалъ объ одномъ человѣкѣ, что онъ до конца жизни творилъ милостыню. Когда же онъ скончался, о немъ было вотъ какое откровеніе. Приведенъ онъ былъ къ рѣкѣ огненной, а на другой сторонѣ рѣки мѣсто злачное и весьма свѣтлое, и различными садами украшено. Не могъ онъ перейти въ это чудное мѣсто: страшная рѣка мѣшала. Вотъ внезапно пришло множество нищихъ, и передъ ногами его начали они ложиться по ряду, и сдѣлали какъ мостъ черезъ страшную ту рѣку. Онъ и перешелъ по нимъ въ чудное то мѣсто. Могъ бы Господь и безъ мосту перевести его черезъ рѣку. Писано же объ Лазарѣ, что несенъ онъ былъ Ангелами на лоно Авраамово. Если и была пропасть великая между праведными и грѣшными, то не требовала мосту на прохожденіе. Но для нашей пользы такимъ образомъ

показано осужденіе грѣшныхъ и спасеніе праведнаго, чтобы узнали мы, ради чего тѣ осуждены, и ради чего праведный спасенъ былъ“.

Поэтически прекрасны Новгородскія преданія о Зосимѣ Соловецкомъ. Пустынникъ былъ въ Новгородѣ, собиралъ милостыню для своей обители и ходатайствовалъ за свою братію противъ обидъ и насилія рабовъ боярскихъ, пріѣзжавшихъ на Соловки для рыбной ловли. Владыка Новгородскій и бояре приняли его радушно, снабдили его дарами и обѣщали ему помощь. Пришелъ пустынникъ и къ боярынь Марѣ Борецкой просить ея заступленія противъ слугъ ея, пріѣзжавшихъ на островъ Соловецкій. Гордо повелѣла слугамъ боярыни отогнать отъ дому пустынника и не захотѣла принять его благословенія. Тогда Зосима, кивая головою и отходя отъ дому, сказалъ ученикамъ своимъ: придуть дни, когда жители дому сего не найдутъ ногами своими слѣдовъ двора сего, и затворятся двери дому и не отверзутся, и будетъ дворъ ихъ пустъ. — Когда же Владыка и бояре написали Зосимѣ грамоту на владѣніе островомъ Соловецкимъ и приложили къ грамотѣ 8 печатей оловянныхъ: первую владычню, вторую посадничью, третью тысяцкаго и пять печатей съ пяти концевъ города, и одарили обитель многими дарами, тогда раскаялась и боярыня Марѣа въ томъ оскорбленіи, какое нанесла она святому мужу, и пожелала принять отъ него благословеніе. Тогда пригласила она Зосиму къ себѣ въ домъ, благословила отъ него со всѣми сыновьями и дочерьми своими и посадила его за пиръ вмѣстѣ со многими боярами, которыхъ позвала также ради святаго гостя. Вотъ сидитъ за трапезой честный старецъ, сидитъ кротко и молчаливо, и мало вкушаетъ пищи, наблюдая и за трапезой боярской монастырское воздержаніе. Вдругъ взглянулъ онъ на сидѣвшихъ на пирѣ бояръ — и поразило его страхомъ и трепетомъ ужасное видѣніе: онъ видитъ — сидятъ шестеро бояръ спереди, а головъ не имѣютъ; еще разъ взглянулъ онъ — видитъ тоже; взглянулъ и въ третій разъ — опять страшное видѣніе! Старецъ вздохнулъ, прослезился, поникъ долу и не могъ уже болѣе вкушать отъ трапезы. — Видѣніе было пророческое: когда Іоаннъ III со всѣми силами пошелъ на Новгородъ и казнилъ его, тогда въ числѣ обезглавленныхъ бояръ Новгородскихъ были и тѣ шестеро, которыхъ Зосима видѣлъ безголовыми на пирѣ у Марѣи³²). Живописно изящны явленія Зосимы плователямъ Бѣлаго моря во время бурь: незримымъ хранительнымъ парусомъ служить ладьямъ воскрилія его бѣлой мантіи.

Вотъ подробности свиданія Александра Ошевенскаго съ отцемъ его Никифоромъ, который, послѣ тайнаго побѣга сына изъ дома, узнаетъ о пребываніи его въ монастырѣ Кирилло-бѣлозерскомъ и приходитъ къ нему для свиданія. „Алексеѣй (имя свѣтское Александра), услышавъ о приходѣ отца, поспѣшилъ къ нему, поклонился образу Спасову и Пречистыя Его Матери, и взявъ у келара благословеніе, падаетъ на землю къ ногамъ отца своего съ умилениемъ и слезами, и проситъ благословенія и прощенія: согрѣшилъ, отецъ, я не зналъ, что ты при-

шелъ сюда. Никифоръ сказалъ ему: Богъ проститъ тебя, чадо... Отецъ съ сыномъ, взявъ у келаря благословеніе, приходятъ въ келью сына, и поклонились образу Спасову и Пречистой Его Богоматери. Отецъ видитъ жилище сына своего, какъ игумень и братія берегутъ его, какой покой ему дали. Онъ восхвалилъ Бога и сказалъ про себя: о Владыко человѣколюбче! слава неизреченной милости Твоей и благоутробію! Чѣмъ воздамъ Тебѣ за Твои ко мнѣ блага? Алексѣй же палъ въ ноги отцу своему, проливалъ жалостныя слезы и говорилъ умильные глаголы: „Отче, прости меня, я прогнѣвалъ твою старость; я огорчилъ тебя своимъ замедленіемъ и небреженіемъ, но надѣюсь на твое милосердіе и чадолубіе. Не знаю, отецъ, чтѣ велишь сотворить рабу своему, но я хвалю Бога и воспую Господу, мнѣ благодѣвшему, за то, что Онъ сподобилъ меня увидѣть моего родителя, да наслажусь я видя доброту старости твоей, да возвеселюсь зря сѣдины твои и облобызаю ноги твои, имже ты для меня потрудился. И чѣмъ, отче, воздамъ тебѣ за трудъ твой, что ты для меня такой путь прошелъ, пща своей овцы заблудившейся или погбшей? Кто же когда видѣлъ такого чадолубиваго отца, какъ ты, отецъ мой?“— И какихъ еще жалостныхъ и умильныхъ словъ не сказалъ онъ отцу своему со многими рыданіемъ слезнымъ. Никифоръ умилился словамъ сына, обнялъ его и сказалъ: встань, чадо. Онъ всталъ, облобызалъ отца своего, бросился обнимать его и долго плакалъ. Наплакались они оба, и когда перестали плакать, то сѣли. Никифоръ началъ сыну своему со слезами жалости рассказывать по порядку, какъ пришелъ къ нимъ человѣкъ съ грамотой отъ него, какъ услышали они то, чтѣ въ грамотѣ было написано, какъ стало имъ больно и жалко, что не надѣялись они уже видѣть на этомъ свѣтѣ свое чадо возлюбленное; такъ и мать его отъ того часу донинѣ ни одного дня не вкусила хлѣба безъ плача и безъ скорби. Тогда лишь Господь утѣшилъ сердца ихъ, когда услышали они, что сынъ здоровъ.— Началъ и Алексѣй рассказывать отцу своему то, чтѣ съ нимъ было, какъ онъ отсталъ отъ своихъ товарищей, какъ игумень принялъ его съ любовью, какое было ему отъ игумена и братіи береженіе и покой. Онъ показавъ отцу своему различныя одежды, червленныя и багрянныя, и иными различными цвѣтами украшенныя. И сказалъ Никифоръ: вижу, чадо, что Богъ тебѣ помогаетъ. Виденное больше слышаннаго увѣряетъ меня. Если хочешь, пробудь здѣсь и другое лѣто.— Блаженный отрокъ отвѣчалъ: не отстану отъ тебя, отецъ; ты такой путь прошелъ для меня, принудивъ свою старость. Нѣтъ, иду съ тобою, и утѣшу печаль матери своей, и увижу любовь братьевъ своихъ, и буду съ вами до конца жизни вашей, творя вамъ угодное. Хотѣлъ бы я, отецъ пробыть здѣсь, но не смѣю и сказать о томъ, боясь твоего гнѣва. Отецъ же сказалъ ему: чадо, я не искушая и не лукавствомъ говорю тебѣ, но истину: если хочешь, останься здѣсь. Увидѣвъ твое пребываніе, что благодать Божія на тебѣ не напрасна, благодарю о томъ Бога; пойду домой, расскажу матери твоей чтѣ видѣлъ,

отыму скорбь ея, утѣшу печаль ея и возвеселю твоихъ братьевъ. Ты же, чадо, оставайся здѣсь, пока Господь повелитъ тебѣ, и будешь намъ въ утѣшеніе въ скорбяхъ нашихъ. Алексѣй сказалъ отцу: если такъ, отецъ мой, то Богъ совершитъ любовь твою. Когда скончали бесѣду, Никифоръ легъ отдохнуть, Алексѣй же занялся своею службою³³).

Вотъ еще подобный отрывокъ изъ житія Александра Свирскаго. „Родители помышляли о томъ, какъ бы сочетать сына законнымъ бракомъ, а божественный юноша только и желалъ, только и помышлялъ, какъ бы убѣжать міра и вручить себя Богу. Онъ слышалъ о монастырѣ Христова Преображенія на островѣ Валаамѣ, о пощающейся въ немъ братіи, о другихъ пустынныхъ монастыряхъ, гдѣ люди работаютъ Богу и спасаются, а Богъ готовъ къ молитвѣ и желанію рабовъ своихъ... И вотъ какъ будто подвигнутые Богомъ, пришли иноки Валаамской обители на рѣку на Оять, ради нужды своихъ, и случилось имъ близъ того села, гдѣ жили родители отрока, гостить у одного христоролюбиваго мужа, а божественному юношѣ проходить мимо той самой веси. Увидѣлъ онъ издали монаховъ, стоявшихъ на берегу рѣки, и услышалъ ихъ псалмопѣніе. Онъ подошелъ къ нимъ, сотворилъ молитву, поклонился имъ до земли и сказалъ: благословите меня, отцы честные. Старцы удивились смиренію и цѣломудрію юноши и отвѣчали: Богъ да благословитъ тебя, чадо. Чего ты отъ насъ желаешь?—Юноша просить только молитвъ ихъ. Одинъ изъ странниковъ, старецъ прозорливый, отгадалъ призваніе юноши и передалъ ему всѣ подробности общаго житія Валаамской обители. Заплакалъ юноша, и загорѣлось въ немъ желаніе идти въ пустыню...

Плодотворная бесѣда послѣдовала между старцемъ и юношею и укрѣпила въ немъ его желаніе удалиться отъ міра. „Намъ игумень не приказалъ отнимать дѣтей у родителей и отвозить въ монастырь: иди въ домъ твой съ миромъ, Господь Самъ управитъ путь твой!“ сказалъ старецъ юношѣ, который за тѣмъ пригласилъ его къ своимъ родителямъ. Имъ старецъ предсказалъ о сынѣ великое. Юноша просится у отца и матери въ ближнее село за какимъ-то сельскимъ дѣломъ. Отецъ отпускаетъ его, также и мать, но обнимая и цѣлуя, по обычаю матерей, и веля ему возвратиться скорѣе... Выходитъ изъ дому юноша, съ нимъ нѣтъ ничего, кромѣ одежды, да мало хлѣба ради тѣлесной немощи. Недалеко отошелъ онъ отъ дому, оглянулся назадъ издали, увидѣлъ домъ свой и сказалъ: Боже! я оставилъ домъ свой для Твоего имени. . . и долго, долго плакалъ. Но потомъ исполнился внутренней радости и быстро устремился въ путь свой, чтобы не настигли его родители и не возвратили домой. Пришелъ онъ на рѣку Свирь, перевезся черезъ нее, день склонялся къ вечеру, наступала ночь. Видитъ юноша передъ собою озеро, подходитъ къ его краю, озеро прекрасное, небольшое, кругомъ лѣсъ окружаетъ его какъ стѣна, а вѣтви деревьевъ склонились на воду; на четыре версты лежало оно отъ Свири. Божественный юноша возвеселился душою,

сталъ на молитву, долго молился со слезами и вотъ слышитъ голосъ, ему говорящій: куда желаешь дойти, дойдешь. Иди съ миромъ. Тамъ работой Богу, повинуйся игумену и братіи, а потомъ придешь сюда, поселишься здѣсь, и многіе получатъ тобою спасеніе. Въѣстъ съ голосомъ великій свѣтъ явился на этомъ мѣстѣ, гдѣ почивалъ блаженный. Юноша очнулся отъ сна, увидѣлъ божественный лучъ, осіявшій его, и подумалъ самъ въ себѣ: что это значить? Слезы полились изъ глазъ, радость наполнила душу, и онъ отправился въ путь свой³⁴).

Вотъ, наконецъ, отрывокъ изъ житія Даніила Переяславскаго († 1540), о которомъ Карамзинъ еще выразился, что оно писано „не безъ искусства, умно и пріятно“³⁵). Здѣсь Даніиль изображенъ погребателемъ умершихъ странниковъ и строителемъ скудельницы и храма надъ ихъ тѣлами. „Когда случалось какому страннику придти въ монастырь, всё у него находили покой. Слышалъ ли, что какой-нибудь путникъ брошенъ на распутіи или въ дебряхъ, мертвый, замерзшій ли отъ стужи, убитый ли разбойниками, или скончавшійся какимъ-нибудь инымъ случаемъ, онъ узнавалъ о томъ подробно и давалъ награду, если кто указывалъ ему на брошеннаго мертваго. Ночью выходилъ изъ монастыря; никто не зналъ о томъ; по словамъ повѣщавшихъ ему находилъ мертвыхъ, поверженныхъ звѣрямъ на съѣденіе; со многими плачемъ цѣловалъ ихъ; возлагалъ на свои рамена и относилъ въ скудельницу, называемую Божиимъ домою; пѣлъ надъ ними надгробныя пѣсни; полагалъ ихъ въ скудельную гробницу; служилъ о нихъ божественную литургію и много заботился о томъ, чтобы христіанскія тѣла ихъ не были съѣдаемы звѣрями“.

Народъ звалъ тѣхъ, которые за мзду приносили мертвыхъ въ скудельницу, *зачипляницами*.

„Однажды странный мужъ пришелъ въ монастырь Горицкій (мѣсто подвиговъ Даніиловыхъ), мужъ, о которомъ никто не зналъ, кто онъ и откуда. Самъ онъ не могъ сказать того, потому что произносилъ одно только слово: дядюшка; по нѣмотѣ ли онъ безмолвствовалъ, или Христа ради такъ юродствовалъ—одинъ Богъ про то вѣдаетъ. Старецъ очень любилъ этого странника и много разъ покоилъ его въ своей кельѣ. Однажды ночью, въ *первозиміе*, старецъ Данило шелъ къ заутрени въ церковь; ночь была темная; уже на полупути онъ былъ отъ своей кельи; вдругъ споткнулся обо что-то ногами и бросился на землю, думая, что тутъ лежало дерево; тронуть онъ руками и ощутилъ мертваго человѣка. Затрепеталъ Даніиль и узналъ, что это тотъ самый нѣмой странникъ, который говорилъ одно только слово: дядюшка. Тѣло его было еще тепло, а душа отошла уже къ Богу. Онъ одѣлъ его, пѣлъ надъ нимъ надгробныя пѣсни и отнесъ его въ свою скудельницу, гдѣ и положилъ его вмѣстѣ со многими другими своими странными, не переставая тужить о томъ, что не могъ назвать въ молитвахъ по имени такого странника.....

„Послѣ молитвы, ночью, часто выходилъ старецъ изъ своей кельи на заднее крыльцо: келья его находилась прямо насупротивъ скудельницы. Стоя на крыльцѣ, онъ смотрѣлъ на нее и тужилъ о своихъ странникахъ. На той горѣ отъ многихъ лѣтъ было много скудельницъ, наполненныхъ человѣческими мощами. Вотъ видѣть старецъ отъ нихъ свѣтъ, и горять на нихъ многія свѣчи. Нѣсколько ночей сряду онъ это видѣлъ и дивился умомъ говоря: какъ много угодниковъ Своихъ имѣеть Богъ, которыхъ и цѣлый міръ не стѣдитъ, а мы грѣшныя, недостойныя даже видѣть ихъ, презираемъ ихъ и уничтожаемъ, и даже по отшествіи ихъ отсюда, не сподобляемъ ихъ погребенія у святыхъ Божіихъ церквей... Тогда-то пришло ему въ умъ соорудить на скудельницахъ, гдѣ часто видалъ онъ свѣтъ, храмъ во имя Пресвятой Троицы. Три невѣдомые странника, напоминающіе собою трехъ Ангеловъ, принятыхъ Авраамомъ, явились къ нему и трехлѣтнимъ искусомъ ожиданія присовѣтовали освятить исполненіе благочестивой мысли“³⁶).

Замѣчательное явленіе въ безличной жизни нашей древней Руси эти Божіи странники, лишеныя всего и безвѣстно умирающіе во тьмѣ и въ стужѣ, по дорогамъ и полямъ неизмѣримой Россіи, безропотно, съ молитвой на устахъ. Замѣчательный и этотъ Даниилъ, который бѣдную половину слишкомъ восьмидесятилѣтней жизни своей посвятилъ одному подвигу собирать ихъ тѣла, хоронить ихъ и пѣть надъ ними надгробныя пѣсни, поручая имена ихъ Господу Богу, которому только и были они извѣстны.

Чтеніемъ подобныхъ повѣствованій занимались грамотныя Русскіе люди въ XV и XVI столѣтіяхъ. Образцы Русской святости воспринимали въ народѣ тѣ добродѣтели, какія его отличаютъ: терпѣніе, смиреніе, отверженіе своей личности, способность къ лишеніямъ всякаго рода. Отшельники наши могли питаться высушеною травою пополамъ съ пепломъ. Нѣкоторые въ жаркое время предавали плоть свою въ жертву кровожаднымъ насѣкомымъ и оставались полунагіе по цѣлымъ часамъ на воздухѣ подъ жалами мухъ и комаровъ. Трудолюбіе и борьба съ грубою природою сѣвера также не покидали ихъ. Прочистить непроходимыя лѣса, какимъ былъ Комельскій, населить тундры и болота, строить храмы сначала деревянные, а потомъ каменные, на мѣстахъ, гдѣ трудно вколотить сваю, было также ихъ дѣломъ. Въ монастыряхъ нашихъ не процвѣтали ни науки, ни искусства. Въ нихъ не занимались алхиміей и не искали, какъ составлять золото; въ нихъ Бертольдъ Шварцъ не изобрѣлъ бы пороха; изъ нихъ не могли выйти ни Фра Беато Анджелико, ни Фра Бартоломео, великіе живописцы.

Въ нихъ жила сила духовная; задачею ихъ было одержать побѣду духа надъ тѣломъ и поработить сіе послѣднее посту и молитвѣ. Вѣра преобладала надъ всѣмъ человѣкомъ и поглощала все его существованіе. Духовная словесность господствовала исключительно. Творенія Отцевъ Церкви, особенно аскетическія, были извѣстны во всѣхъ монастыряхъ и составляли любимое чтеніе: таковы Іоаннъ

Лѣствичникъ, Исаакъ и Ефремъ Сирины. О нѣкоторыхъ святыхъ въ ихъ житіяхъ говорится именно, что они занимались списываніемъ книгъ: такъ напримѣръ, о Григоріи Пельшемскомъ, ученикѣ Діонисія Глушицкаго, сказано, что онъ весь досугъ свой отдавалъ этому занятію; Михаилъ Клопскій въ Клопскомъ монастырѣ Новгородѣ переписывалъ Дѣянія Апостольскія; Корнилій Комельскій еще въ Кирилло-Бѣлозерской обители трудился надъ списываніемъ книгъ; Пансіей Углицкій въ обители Калязинской оставилъ Творенія Григорія Богослова, переписанныя его рукою. — И другія занятія входили въ кругъ дѣятельности этихъ святыхъ мужей. Діонисій Глушицкій славился въ свое время иконописаніемъ. Онъ же былъ и ковачемъ мѣди. Арсеній Коневскій былъ также мѣдникомъ. И важные труды физическіе въ случаяхъ необходимости совершались при обителяхъ. Обитель Перекомская, основанная Ефремомъ, нуждалась въ водѣ: Ефремъ велѣлъ прокопать ровъ для соединенія рѣки Веренды съ озеромъ Ильменемъ. При обители Волоколамской красуются три пруда, изобильные рыбою, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе Гурьевскаго, ибо рыть при Гуріи, третьемъ игумнѣ Іосифовской обители; другой же безлимянный, вѣроятно, при самомъ Іосифѣ.

Живымъ, устнымъ словомъ дѣйствовали всѣ наши святые мужи. О Саввѣ Крыпецкомъ сказано, что князья, посадники, бояре и всѣ люди города Пскова приходили къ нему за совѣтомъ; что богатыхъ поучалъ онъ милостивѣ, а судьямъ внушалъ праведный судъ. Мы приводимъ этотъ примѣръ, потому что Савва былъ Сербъ родомъ; но это явленіе общее. „Наши умники пишутъ, по счастливому выраженію Карамзина: въ старину только говорили“. Святой отшельникъ своею молитвою соединялъ народъ съ Богомъ, своимъ словомъ дѣйствовалъ на его жизнь, и рядомъ съ этимъ словомъ, какъ живое ему оправданіе, совершалась самая жизнь сильнѣе, чѣмъ написанная повѣсть, дѣйствовавшая на народъ своими лишеніями, трудами, безстрастіемъ, любовью и милостынею. Потому эта жизнь изъ устныхъ преданій учениковъ и народа передавалась хартіи; житіе Святаго составляло тогда уже письменное сокровище и славу его обители, а потомъ во многихъ спискахъ переходило въ другія для всенароднаго назиданія.

Въ теченіи пятнадцатаго столѣтія надъ умами Русскими тяготѣла унылая мысль о скоромъ преставленіи свѣта, котораго ожидали въ 1492 году. Мы уже нерѣдко встрѣчались съ нею въ произведеніяхъ словесности XIV-го вѣка. Теперь мѣсто и время обратить вниманіе нѣсколько подробнѣе на эту мрачную мечту, когда она разбѣлалась пустымъ туманнымъ призракомъ и тѣмъ освободила умы отъ ложнаго и стѣснительнаго страха.

Подобная мысль тяготила умы западной Европы въ X вѣкѣ. Тогда, на основаніи двухъ мѣстъ въ Апокалипсисѣ (гл. 20, ст. 4 и 6), неправильно истолкованныхъ, съ послѣднимъ мгновеніемъ тысячнаго года, ожидали Архангельской трубы, которая созоветъ все человѣчество на страшный судъ. Это страшилище

пугало людей вторично и съ окончаніемъ шестой тысячи. Но съ особенною силою страхъ кончины міра возобновился у насъ передъ концомъ седьмого тысячелѣтія. Постараемся взойти къ началу губительной мечты и прослѣдить ее по памятникамъ Русской словесности до самаго 1492 года, когда она исчезла.

Зародышъ этого мнѣнія находился въ апокрифическомъ посланіи Апостола Варнавы, тамъ, гдѣ сравнивается продолженіе міра съ недѣлю его творенія. Св. Иринеи объяснялъ это мѣсто для исторіи человѣчества въ смыслѣ пророческомъ. Такъ какъ 1000 лѣтъ предъ Богомъ, по словамъ Псалмопѣвца, какъ день единый, то Творецъ, въ 6 дней совершившій твореніе міра, въ 6 тысячелѣтій совершитъ его исторію. Какъ въ седьмой день по сотвореніи міра онъ успокоился, такъ и въ седьмомъ тысячелѣтій онъ успокоится, когда Сынъ придетъ на судъ и измѣнитъ солнце, луну и звѣзды. Начало же 8-го дня, когда Христосъ воскресъ, что мы празднуемъ днемъ воскреснымъ, означаетъ начало новаго міра съ 8-мъ тысячелѣтіемъ³⁷).

Это мѣсто въ посланіи Ап. Варнавы заставляло предполагать двойное ожиданіе кончины міра: сначала съ концомъ 6-й, а потомъ и 7-й тысячи.

О семи тысячелѣтіяхъ или семи эпохахъ находимъ преданіе еще въ сивиллиныхъ оракулахъ, которые принадлежатъ V-му столѣтію.

Надобно сказать, что Отцы Церкви давали этому мѣсту не чисто хронологическое, а символическое толкованіе. Число *восьмое* знаменовало у нихъ начало вѣчной жизни, такъ какъ оно слѣдуетъ за *седьмымъ*, числомъ времени, числомъ седмидневной недѣли, этой мѣры, данной Богомъ для измѣренія нашего земнаго существованія. Таково мнѣніе Григорія Нисскаго. Бл. Августинъ въ своемъ твореніи о градѣ Божіемъ нѣсколько разъ повторяетъ слово Господне, что *о дни же томъ и часть никто же вѣсть, ни Ангели небесніи* (Матѣ. гл. 24, ст. 36); что *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти* (Дѣян. Апост. гл. 1, ст. 7), и слова Апостола Павла: *сами бо вы извѣстни вѣсте, яко день Господень якоже татъ въ ноци, тако приидетъ* (1 Посл. къ Сол. гл. 5, ст. 2). Этими текстами Августинъ постоянно устраивалъ мысль, что будто бы можно какими нибудь числами измѣрить продолженіе міра и опредѣлить его кончину. Патріархъ Фотій, около половины IX вѣка, также предупреждалъ паству свою противъ этой ложной мысли, ссылаясь на тѣже слова Писанія.

Но другіе умы ограниченные, особенно лѣтописцы, вмѣсто прошедшаго обращавшіе вниманіе на будущее, пытали эту вредную мысль въ народѣ. Такъ Кедринъ, писавшій въ половинѣ XI вѣка, указывалъ на 7-й день творенія, какъ на образчикъ седьмой тысячи, за которою послѣдуетъ конецъ міра. То же о семи вѣкахъ жизни міра писалъ Григорій, Епископъ Коринскій, въ половинѣ XII вѣка. Никифоръ Каллистъ, по прозванію Кеанеопуль, церковный историкъ пер-

вой половины XIV столѣтія, въ своемъ синаксарѣ хотя и говоритъ, что Господь скрылъ тайну кончины міра отъ учениковъ Своихъ, но прибавляетъ: думаютъ однако, что будетъ она по истеченіи седьмой тысячи. Синаксарь Никифора у насъ былъ извѣстенъ въ XV вѣкѣ; на него ссылается Іосифъ Волоцкій въ своемъ Провсвѣтителѣ. Монахъ Исаакъ Аргирось въ 1373 г. также писалъ, что, по господствующему мнѣнію, кончина міра послѣдуетъ съ исходомъ 7-й тысячи, и что по этой причинѣ нѣтъ нужды исправлять мѣсяцесловъ; но другіе говорятъ, что конца міру опредѣлить нельзя. Самъ Исаакъ держался сего послѣдняго мнѣнія.

Присоединялось къ этому мистическое толкованіе чисель, означавшихъ греческія имена Христа и креста. Такъ какъ имя Моисея соотвѣтствовало 1648 годамъ—и столько лѣтъ длился Моисеевъ законъ: то и имя Христа по гречески (*χριστός*) означало 1480 лѣтъ. По присоединеніи къ нимъ 5500 лѣтъ, какъ было тогда въ обычаѣ, получали 6980 годъ. Остальныя 20 лѣтъ міръ долженствовалъ быть преданъ Антихристу. Въ рукописныхъ пасхаліяхъ греческихъ исчисленіе лѣтъ не смѣли простирать далѣе 7000-го года — и въ одной изъ такихъ пасхалій за этимъ роковымъ годомъ, послѣднимъ въ пасхальномъ кругѣ, слѣдуютъ слова: „горе, горе тѣмъ, которые доживутъ до конца вѣковъ!“ Геннадій Новгородскій въ предисловіи къ своему пасхальному кругу свидѣтельствуетъ также, что въ одной пасхаліи его времени кто-то написалъ слова: „здѣ страхъ, здѣ скорбь“, при роковомъ 1492 годѣ, слова, приводившія въ смущеніе не только простыхъ людей, но и ученыхъ.

У насъ не было такихъ бабалистическихъ толкованій на имя Иисуса Христа; но мысль о семи тысячелѣтіяхъ встрѣчается въ памятникахъ довольно древнихъ литературы нашей, усиливается въ XIV и XV вѣкахъ и простирается до самаго роковаго 1492 года. Въ первый разъ находимъ ее въ Словѣ: *о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человекъ*, которое до сихъ поръ приписывалось Кириллу Туровскому, но вѣрнѣе можетъ быть приписано Авраамію Смоленскому, проповѣднику начала XIII вѣка. „Устави же Богъ рокъ на земли житія человѣческаго 7000 лѣтъ, и еже что избереть въ ту семь тысячъ лѣтъ, то тѣмъ исполненъ есть чинъ ангеловъ, отпадшій съ небеса“. — „Скончавшуся року житія и оставшимся тремъ лѣтою царствовати Антихристу, по скончаніи трехъ лѣтъ царства его, послеть Господь Михаила и Гавріила, вѣструбита въ рога овня, и въ мгновеніи ока въскреснуть мертви“.

И такъ, по этому мнѣнію, въ 7000 лѣтъ праведные избранники должны были восполнить въ небесахъ чинъ ангеловъ, спадшихъ съ неба. Послѣдніе три года седьмаго тысячелѣтія были предоставлены господству Антихриста, а потомъ слѣдовало ожидать съ трепетомъ трубы Архангельской.

Епифаній, авторъ житія Св. Сергія Радонежскаго, говоритъ, что такой свѣтильникъ въ Русской землѣ не даромъ возсіялъ на скончаніе седьмой тысячи.

О Стефанѣ Пермскомъ то же самое его слово. Просвѣщеніе Перми свѣтомъ Христовой вѣры соединялось съ мнѣніемъ, что всѣ 72 народа, на которые раздѣлилось челоувѣчество при столпотвореніи Вавилонскомъ, должны были обратиться ко Христу предъ исходомъ послѣдней тысячи лѣтъ міра. Другіе говорили, напротивъ, что не стоило Стефану изобрѣтать Пермскую грамоту только на 120 лѣтъ, и что довольно было бы и Русской на такое короткое время.

Изъ подробностей житія Стефанова мы узнаемъ, что Мартъ мѣсяць считался роковымъ мѣсяцемъ, когда ожидали кончины міра, потомучто Марта 21-го, какъ думали, созданъ былъ Адамъ; въ Мартѣ Израильтяне освободились отъ работы Египетской; въ Мартѣ вошли они въ обѣтованную землю; въ Мартѣ совершилось Благовѣщеніе и въ Мартѣ же былъ распять Спаситель. Въ 1459 году пришлось Благовѣщеніе на Пасху и, по замѣчанію пасхалин того времени, ожидали тогда втораго пришествія, какъ записать и лѣтописецъ. Это мнѣніе коренится до сихъ поръ въ суевѣрной части народа Русскаго — и кто изъ насъ не слыхалъ о немъ въ своемъ дѣтствѣ?

Мы встрѣчали мысль о близкой кончинѣ міра въ поученіяхъ Кипріяна, Фотія, Григорія Памблака³⁸). Когда въ 1408 году міротворный кругъ окончился, у насъ не осмѣлились продолжить пасхальное расчисленіе далѣе 1492 года, а ограничили его только семью тысячью³⁹). Въ одномъ Часословѣ⁴⁰), который названъ Кипріяновскимъ и, судя по всѣмъ признакамъ, долженъ быть отнесенъ къ XV вѣку, читаемъ *Посланіе отъ невидимаго отца Господа нашего Иисуса Христа*, исполненное угрозъ, относящихся къ страшилищу того времени; здѣсь говорятъ: „а лѣта и времена и дни кончаются, а страшный судъ готовится“. Всевозможными казнями грозить людямъ это посланіе, особенно за несоблюденіе пятка и среды. Въ грамотахъ нѣкоторыхъ Архипастырей упоминается роковое *послѣднее сто*. Феодосій, Архіепископъ Ростовскій, вполѣдствіи Митрополитъ, въ грамотѣ своей 1455 г. выражается такъ: „яко же нынѣ прилучися седмыя тысяща *послѣдняго ста* 63-го лѣта“. Митрополитъ Филиппъ въ посланіи къ Новгородцамъ 1467 г. изображаетъ имъ картину страшнаго суда и грозить вѣчною казнью за отнятіе сель и имѣній церковныхъ. Новгородцы и Псковичи устроили въ городахъ своихъ семь соборныхъ храмовъ, въ память семи соборовъ святыхъ Отецъ и семи вѣковъ, *доводящихъ до будущаго вѣка*⁴¹).

Іосифъ Волоцкій, переписывая въ пустынкѣ своей Богородичникъ въ 1489 году, говоритъ въ послѣсловіи: „*написахъ послѣдняго ста* седмтысячнаго вѣка, девяносто седьмаго лѣта“. Впрочемъ, этотъ великій богословскій умъ, судя по 8-й и 9-й главамъ его Просвѣтителя, едва ли раздѣлялъ суевѣрныя мнѣнія своихъ современниковъ. — На рукописи, содержащей слова Аванасія Александрійскаго⁴²), нѣкто Тимошей Веніаминъ, переписчикъ, знавшій греческій языкъ, окончившая трудъ свой, написала: *писахъ къ вечеру солнечнаго дне захода, сед-*

моричнаго реку вѣка. Книга окончена была въ заключеніи 1489 года, когда начиналось по суевѣрнымъ мнѣніямъ современниковъ трехлѣтнее царство Антихриста, за которымъ ожидали уже кончины міра.

Одинъ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, стоялъ мыслию своею выше современнаго предразсудка и въ посланіи своемъ къ Іоасафу, Архіепископу Ростовскому и Ярославскому, писанномъ въ 1489 году, явно противорѣчитъ нелѣпому вѣрованію и обличаетъ его словами: „А въ Евангеліи кончина не явлено, когда будетъ... Мнѣ помнится по Еноху: вѣкъ работаетъ человѣчеству, а семь тысячъ лѣтъ человѣческаго ради премѣненія положены. А по Богослову намъ на всякой часъ ожидать скончанія“. Геннадій прибавляетъ къ этому шутки: „Да и то мнѣ кажется, что *однова* еретики у насъ украли лѣта: у Латинянь больше нашего осьмью годами. Да еще говорятъ: у насъ де и писано семь тысячъ лѣтъ да 8 до скончанія вѣка. Я спросилъ у нихъ: что же толкуете вы 8? А они говорятъ: вотъ что — будете добры, придумаю, будете злы — уйму васъ. А Татары сказываютъ: еще у нихъ до скончанія міру, сирѣчь до втораго пришествія Христа, сто лѣтъ да два“. Не даромъ Русская церковь на соборѣ 1492 года поручила Геннадію продолжить пасхальное расчисленіе, и онъ совершилъ это дѣло ⁴⁹⁾.

Для умовъ, одержимыхъ грубымъ суевѣріемъ вѣка, тяжела была ночь на 25-е Марта 1492 года. По истеченіи роковыхъ трехъ лѣтъ господства Антихристова, которое находили современники въ ученіи Жюда Схаріи и его послѣдователей въ Новгородѣ и Москвѣ, робкіе люди въ эту ночь съ трепетомъ ужаса ожидали всемірнаго звука трубы Архангеловъ Михаила и Гавріила. Можно представить себѣ, съ какою ясною радостію проснулись эти люди въ праздникъ Благовѣщенія, и какъ свѣтлѣе съ тѣхъ поръ стало въ умахъ Русскаго народа. Тяжелый и нелѣпый предразсудокъ стряхнулъ онъ съ себя въ этотъ достопамятный годъ, когда пытливый геній Запада въ лицѣ Колумба открывалъ вторую половину обитаемой нами планеты и братался съ нашими антиподами.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ СЕМНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

- 1) Рум. муз. № 445 и Рукоп. гр. Толст. Отд. I. № 11.
- 2) Опис. Синод. библ. №№ 61, 62, 63.
- 3) Поѣздка въ Кир. бѣлоз. мон. 2, стран. 16.
- 4) Рукоп. Царск. № 63.
- 5) Отчетъ Имп. публ. библ. за 1859 годъ стран. 58.
- 6) Библиот. Гр. Толст. Отд. I. № 32 и Рукоп. Царск. № 338.
- 7) Рук. Царск. № 210.
- 8) Рум. муз. № 118.

9) Описаніе харатейнаго списка Патерика Печерскаго. Журн. мин. нар. просв. 1840. № 6.

10) Опис. Синод. Библ. № 27. — Матер. для истор. писем. Слав. рукоп. № IX. Въ Указат. Архим. Саввы ошибочно показанъ на 172-й стр. № 401 (30). На 276-й стран. тойже книги вѣриѣ указанъ № 71 (27).

11) № 451.

12) № 200.

13) Поѣздка въ Кир. бѣлоз. мон. ч. II, стран. 30.

14) № 210 Синод. библ. и № 453 Рум. муз.

15) Описан. Синод. библ. № 1, прежній № 915. Разборъ Описанія. Русская Бесѣда. 1856. Кн. 2. — Матер. для истор. писем. № X.

16) Одинъ списокъ принадлежитъ Троицкой Лаврѣ; другой, упоминаемый Востоковымъ въ предисловіи къ Остромирову Евангелію, биржевому маклеру въ Петербургѣ г. Немилону. Оба XV вѣка. О нихъ кстаті здѣсь упомянуть, хотя они и не обозначены годами. Третій, XVI вѣка, въ Синодальной библіотекѣ.

17) Есть однако у насъ противники древней Руси, въ томъ числѣ и г. Викторовъ, которые признають, что первые книгопечатники наши, участвовавшіе въ изданіи Острожской Библіи, не знали по гречески!

18) Опис. Рум. муз. № XXVII.

19) Твор. св. Отц. 1860. Кн. 1. Прибавленія, стр. 134. О Славянскомъ переводѣ пятюнкія Моисеева, исправленномъ въ XV вѣкѣ по Еврейскому тексту.

20) Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Кн. V. Архим. Варлаама Описаніе Сборника XV стол. Кирилло-бѣлоз. мон. стран. 2 и 43.

21) № 573.

22) „Не исходя (Св. Сергій) отъ мѣста своего въ инна предѣлы развѣ нужды нѣкня, не взыска царствующаго града, ни святны горы, или іерусалима, якоже азъ окаянный и лишенный разума, у лють мнѣ! — ползаа сѣмо и овамо, и преплаваа сюду и оводу, и отъ мѣста на мѣсто преходя“. (Рукоп. жит. Преп. Сергія).

23) № 610 Синод. библ.

24) Все это мѣсто такъ любопытно, что мы считаемъ необходимымъ его выписать: „Вѣдомо буди о семь, яко азъ священноинокъ Досеоей, пришедь во обитель преподобныхъ на Соловки и застахъ еще жива преподобнаго Зосиму, его же сподобихся съ братією погresti своими руками, и елико видѣхъ и слышахъ отъ усть его, сіе и написахъ, и о житіи блаженнаго Саватія и подруга его Германа. И о семь извѣстно ми бысть, понеже азъ съ Германомъ быхъ во единой кельи, и написаніе о житіи преподобнаго Саватія видѣхъ и держахъ у себе не единожды и прочитахъ со многымъ вниманіемъ. Германъ же той, не умѣя книжнаго писанія, но Божіимъ Промысломъ вразумленъ бысть, еже видѣ при животѣ блаженнаго Саватія, и како съ нимъ приде на островъ Соловецкій, и ангеломъ Божіимъ изгнаннымъ рыболовца, и о преставленіи чуднѣмъ блаженнаго Саватія, и по преставленіи Саватіевѣ како приде преподобный Зосима на Соловки, и пакы Германъ съ нимъ, и видѣніе видѣ божественнаго луча осіявшася на мѣстѣ, идѣже обитель составлена, и церковь прекрасну на воздухѣ, и ина многа яже видѣ Германъ при животѣ блаженныхъ отецъ, сіа вся повелѣ Германъ клирикамъ писати,

и писанія того не мало было. По преставленіи же Германовѣ нерадиша о писаніи томъ: просто бо бѣ писано, *якожъ сказоваше имъ Германъ простою рпчюю*, тако они и писаша, *неукрашающе рпчи*, но точію памяти ради писана житія преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія. И нѣкый священникъ прииде къ намъ на Соловки отъ иныхъ монастырей, и пребысть нѣколико время и отъиде во свояси, и писаніе Германово взя съ собою. Намъ же безъ написанія оставшимся о житіи началникъ мѣста сего, и прилучися мнѣ Досиеюкѣ быти въ пресловущемъ великомъ Новѣградѣ у Архіепископа Геннадія. Вопрошаше мя прилѣжно о устрои мѣста Соловецкаго острова и о началникахъ монастыря. Азъ же, елико видѣхъ, и исповѣдахъ вся подробно. Архіепископъ же рече: напиши ми о житіи началникъ монастыря вашего и о чудесѣхъ ихъ, и еже вся ми исповѣдалъ еси. Мнѣ же грубу сѣущу и недоволну смысломъ на сіе великое дѣло и много отрицающумися, онъ же рече: елико взумѣшь, напиши ми памяти ради: вѣру бо, рече, имамъ къ началникомъ монастыря вашего, яко Саватіе егда на Валаамѣ въ монастырѣ былъ, вѣмъ бо старца житіемъ велика и свята. Азъ же приимъ благословеніе отъ Архіепископа, Богу поспѣшествовавшу ми, молитвъ ради преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Саватія, написахъ памяти ради елико возмогохъ, и удержавъ я Архіепископъ у себе не мало лѣтъ, и держашу ми у собе писаніе то не мало лѣтъ, и бывшу ми на Бѣлѣхъ езерѣхъ въ Оералонтовѣхъ монастырѣхъ, и понудихъ тамо пребывающа бывшаго Митрополита Спиридона преписати и изложити стройно житіе началникъ Соловецкихъ, и написанныя тѣхъ памяти дахъ ему, бѣ бо онъ тому мудръ, добръ умѣя писанія ветхая и новая, и Божіимъ изволеніемъ не отречеся понудити старость свою, и написа во общую ползу хотящихъ ревновати сихъ преподобныхъ житію. Списашася житія преподобныхъ по тридесяти лѣтѣхъ преставленія блаженнаго отца Зосимы игумена честныя обители Соловецкаго новаго чудотворца во славу и хвалу всесвятыхъ Живоначальныхъ Троица Отца и сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь“. (Выписано изъ рукописнаго житія, находящагося въ моей библіотекѣ).

25) Библ. Унд. №№ 353, 354, 355.

26) Библиот. Унд. №№ 305 и 306. Въ послѣднемъ номерѣ: О хожденіи къ царствующему граду Святаго, Повѣсть о Іевѣ философѣ и преніе о святѣй аллилуіи, посланіе къ Евѣимію и отвѣтъ Евѣиміевъ, и проч.

27) Рукописное житіе въ моей библіотекѣ почерка довольно древняго. Повѣсть объ оленѣ напоминаетъ подобныя сказанія въ западныхъ легендахъ о св. Евстафійи и св. Губертѣ.

28) „Видѣніе же злаго струпа оного, еже преди сказахъ вамъ сице, яко бы говоръ водный во время бывающаго дождя, наводняющеса отъ телеси, изъ внутрюду исходяще и дмящеса аки прыщъ, не единъ же зракъ имѣя, ово убо яко ягодище черленяся, ово же выпрѣ плоти востекъ и посинеша яко омертвѣ.... Комуждо на тѣлѣ его черленъ являшеса вредъ той, сіи же, болѣзновавъ время не мало, и по недузѣ томъ Божіимъ промысломъ снабдѣвахуся отъ напрасныя смерти; а идѣже бѣаше азъ, мѣсто же то извну все изгни и оступися, адемъ же синь во плоти ихъ обрѣташеса, ти гнѣвомъ Божіимъ по трехъ днехъ животъ свой скончеваху“. (Выписано изъ рукоп. жит. моей библіотеки: Повѣсть святаго о величѣмъ мору въ 6935 (1427 году).

29) Библ. Унд. 276. „И приходитъ (Никифоръ) къ оному боярину Ивану, и бьетъ челомъ и проситъ грамоту слободскою; Иванъ же, видѣвъ его человекъ добраго и рѣчиста, и даетъ ему грамоту на тѣ мѣста, слобода копити, жильцовъ называти и дворы ставити, и отгуду и до нынѣ прозвася весь та слобода Ошевнева“.

30) „И въ та времена прилучися близъ обители святаго человекъ нѣкій живяше, имя ему Олешъ Павловъ, дѣакъ мирьскій. Дѣло его бѣло книги писати, и ученики учити грамотныя хитрости, и зѣло искусенъ сый таковому художеству. Сего Кирилль призвавъ рече ему: друже, сотвори ми любовь Божію, научи ми отрока сего грамотѣ, его же видиши“. Выписано изъ житія Мартиніана Бѣлозерскаго.

31) Переложено изъ житія, находящагося въ Великихъ Четвѣхъ-Минейхъ Митрополита Макарія подъ 11-мъ числомъ Марта. Въ Милютинскихъ Минейхъ житіе сокращено, и это мѣсто не находится.

32) Выписано изъ рукоп. житія, находящагося въ моей библіотекѣ.

33) Переложено изъ рукопис. житія № 276 Библиот. Унд.

34) Переложено изъ рукоп. житія, находящагося въ моей библіотекѣ.

35) Истор. Госуд. Росс. 1819. Т. VII. 226.

36) Преложено въ сокращеніи изъ житія Св. Даніила Переяславскаго. Библ. Унд. № 301.

37) Karls des Grossen Kalendarium und Ostertafel. Herausgeg. von Piper. Berlin. 1858. — Die Philosophie der Kirchenväter von Huber. München. 1859.

38) См. 3 ч. Ист. Русск. Слов. стран. 93 сл., 176 сл. и 178 сл.

39) О ересяхъ и расколахъ, Руднева. 1838, стран. 104.

40) Рукоп. Иосиф. Волокол. мон. № 365.

41) Акты Историч. Т. I. № 286.

42) Рукоп. Иосиф. Волокол. мон. № 437.

43) Впрочемъ авторъ новаго жизнеописанія Иосифа Волоколамскаго называетъ и Геннадія не чуждымъ предразсудку о кончинѣ міра съ концемъ седьмаго тысячелѣтія. Твор. св. Отц. Т. V, кн. 2. Приб. стран. 255.

ЛЕКЦІЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Памятники свѣтской литературы. — 1) Путешествія. — Ксеносъ, или странникъ Зосимъ. — Путешествіе инока Симеона Суздальскаго въ Италію въ 1437 году. — Флорентинская мистерія «Благовѣщеніе», переданная Аврааміемъ. — Отрывокъ о земляхъ за Араратомъ. — Хожение Аванасія Никитина въ Индію. — 2) Историческія сказанія. — Повѣсти о Тамерланѣ. — Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи Царяграда и о взятіи Царяграда. — Сказанія о восьмомъ соборѣ и о походѣ Іоанна III подъ Новгородъ. — Духъ лѣтописей XV вѣка. — 3) Сказки и сказанія: Шемякинъ судъ, о Мутыянскомъ воеводѣ Дракулѣ, Синагрипъ царь Адоровъ или слово о Акирѣ премудромъ, Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита, Сказаніе объ Индіи богатой. — Притчи, загадки, изреченія въ сборникахъ. — Памятники живописи и зодчества. — Кремль. — Стихъ объ Егоріи храбромъ.

Приступая къ изложенію исторіи Словесности Русской въ XV столѣтіи и обозрѣвая сначала общимъ взглядомъ ея развитіе, мы сказали: „Въ XV вѣкѣ

жизнь государственная, развиваясь сильнѣе, двинула у насъ и жизнь общественную, что отозвалось и умноженіемъ памятниковъ литературы свѣтской“. Мы рассмотримъ теперь сія послѣдніе въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, раздѣливъ ихъ на три отдѣла: 1) путешествія, 2) историческія сказанія, 3) сказки.

Впереди идутъ путешествія на востокъ и на западъ. Въ 1420 году іеродіаконъ Зосима, инокъ Сергіевой Лавры, черезъ Кіевъ совершилъ странствіе въ Царьградъ, былъ на Аeonѣ и потомъ въ Іерусалимѣ, и описалъ свое странствіе подъ заглавіемъ: *Книга глаголемая Ксеносъ, сиречь странникъ Зосимы діакона о пути Іерусалимскомъ до Царьграда и до Іерусалима*¹⁾. Въ Софіи Царьградской поразилъ его образъ Спаса исповѣдника, которому можно было неповѣдывать грѣхи свои, если кто, срама ради, не хотѣлъ открыть ихъ духовнику. Мѣдную статую Юстиніана на мѣдномъ конѣ онъ описываетъ почти такъ же, какъ и Стефанъ Новгородецъ, но съ нѣкоторыми прибавленіями: „конь мѣдянь, и самъ мѣдянь вылитъ, правую же руку держитъ распростерту, а зритъ на востокъ, а самъ хвалится на Срацинскіе цари; а Срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань, и глаголятъ ему: а не хвалися на насъ, господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ противу ти не единожды, но многочастно“. Кромѣ многихъ святынь, суевѣрные или хитрые Греки показывали ему и Ноевъ ковчегъ, и сѣкиру Ноеву, чѣмъ онъ ковчегъ дѣлалъ, и трапезу Авраамову, на ней же Авраамъ угостилъ Троицу подъ дубомъ Мамврійскимъ, и камень, изъ котораго Моисей воду источилъ, и окаменѣлую жабу, которая, при царѣ Львѣ премудромъ, по улицамъ ходила и смертію людей пожирала. Изъ памятниковъ дѣйствительно историческихъ Зосима нашель въ женскомъ монастырѣ Лепеси (Богоматери τῆς λίσσης) гробницу Анны Васильевны, дочери В. Князя Василія Димитріевича, внуки Донскаго и Витовта, бывшей замужемъ за Іоанномъ Палеологомъ, сыномъ Императора Мануила, и умершей черезъ три года послѣ замужества отъ мороваго повѣтрія²⁾.

Зосима ходилъ и по всѣмъ церквамъ Святой горы Аеонской, а въ день Преображенія былъ на самой вершинѣ горы. Въ близкій Солунъ ходилъ онъ по суху, чтобы поклониться гробу Димитрія Солунскаго муроточца. По пути въ Іерусалимъ былъ и на островѣ Патмосѣ, мѣстопребываніи Іоанна Богослова. Къ самому празднику Воскресенія послѣлъ онъ въ Іерусалимъ. Ни молніи, ни голубя не видалъ онъ во время полуночнаго явленія свѣта. Цѣлое лѣто провелъ въ Іерусалимѣ, видѣлъ всѣ святыя мѣста подробно, но жалуется много на Бедуиновъ (Араповъ), которые грабили его сильнымъ окупомъ и мучили побоями до полусмерти. Когда Зосима возвращался назадъ, на корабль напали морскіе разбойники, ограбили путниковъ и его самого ударили копейнымъ ратовищемъ въ грудь, желая добыть у него деньгу золотую.

Когда Митрополитъ Исидоръ въ 1437 году отправлялся на Флорентинскій

соборъ, его сопровождали Авраамій, епископъ Суздальскій, и инокъ Симеонъ, также Суздалецъ, изъ коихъ послѣдній описаль съ нѣкоторою подробностію ихъ странствіе, а первый передалъ описаніе благовѣщенской мистеріи, видѣнной ими во Флоренціи.

Симеонъ въ описаніи Исидорова путешествія³⁾ называетъ самого себя не одинъ разъ. Съ великою любовью принимали Тверитяне, Новгородцы и Псковичи Митрополита Исидора, когда онъ ѣхаль на соборъ черезъ Тверь, Новгородъ и Псковъ. Изъ подробностей описанія видно, какая любовь вездѣ одушевляла Русскій народъ къ святителямъ Церкви. Всѣ иноземные города, начиная съ Юрьева, приводили въ изумленіе Русскаго инока. Даже объ Юрьевѣ онъ такъ выражается: „Градъ же бѣ Юрьевъ великъ и каменнъ, нѣсть такихъ у насъ, палаты же въ немъ созданы вельми чудны, намъ же, не видящимъ таковыхъ дивящихся“. При всякомъ новомъ городѣ простодушное изумленіе Русскаго путешественника возрастаетъ. Въ Любекѣ поразили его палаты съ позлащенными верхами и воды, проведенныя въ городъ, текуція трубами по всѣмъ улицамъ, а инныя изъ столповъ, и студеныя и сладкія. Въ монастырѣ гѣрода Любека монахи принимали Русскихъ гостей весьма дружелюбно; нашихъ особенно удивило механически устроенное Поклоненіе Волховъ передъ Богоматерью съ младенцемъ Спасителемъ. Въ Лиепбургѣ Симеонъ заглядѣлся на фонтаны, бывшіе изъ бронзовыхъ статуй: „истекають изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у инаго изъ устъ, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ локти, а у инаго изъ ноздрію“. Ниренбергъ показался ему хитрѣе всѣхъ вышеписанныхъ городовъ такъ, что и сказать о немъ не можно и *недомысленно*. А потомъ и Аугсбургъ величествомъ превзошелъ всѣ прежеписанные города. Впечатлѣнія, видно, такъ были сильны, что Русскіе путешественники никакъ не могли отдавать себѣ въ нихъ яснаго отчета, а переходили безсознательно отъ одного къ другому. Замѣтилъ Симеонъ различіе нарѣчій Нѣмецкаго языка въ Германіи: „Аламанская земля, то есть не иная вѣра, ни иный языкъ, но есть едина вѣра Латинская, а языкъ Нѣмецкій же, но разной, яко Русь съ Сербы“. Горы, покрытыя нѣтающими снѣгами, понятнымъ образомъ изумили жителя Русской равнины, какъ изумляютъ и теперь. „Дивны горы тѣ и толикой высоты суть, яко облаки въ полѣ ихъ ходять, и облаки отъ нихъ ся взимають. Снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ“. Въ Феррарѣ Симеонъ удивлялся часамъ, устроеннымъ въ колокольнѣ съ механикою, посредствомъ которой Ангелъ при каждомъ ударѣ новаго часа выходилъ къ народу.

„У того столба отведено крыльцо и двои двери; и коли приспѣетъ часъ ударити въ колоколь, и выдетъ изъ столба на крыльцо Ангелъ, простѣ видѣти, яко живъ, и потрубитъ въ трубу, и входитъ другими дверцами въ столбъ, а людямъ всѣмъ видящимъ Ангела, и трубу видящимъ, слышати мочно гласъ его; и потомъ въ тотъ колоколь великій восходяще, Ангелъ на всякъ часъ ударяше“.

Монахи въ дорогѣ, какъ видно, разрѣшали на мясную пищу, судя по тѣмъ яствамъ, какія покупали они въ Феррарѣ и которыхъ цѣны подробно обозначили.

Храмы (божницы) Флоренціи поразили ихъ болѣе всего. О соборѣ ея, Santa Maria del fiore, выложенномъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, дивномъ произведеніи многихъ зодчихъ и славнаго Бруннелеско, увѣнчавшаго храмъ куполомъ, и о колокольнѣ, созданіи Джіотто, Русскій инокъ такъ выразился: „И есть во градѣ томъ божница устроена велика, камень мраморъ бѣлы да черны; и у божницы той устроенъ столпъ и колокольница, тако-жь бѣлый камень мраморъ, хитрости ей недоумѣваетъ умъ нашъ. И ходихомъ въ столпъ той вверху по лѣстницѣ, и сочтохомъ ступени четыреста и пятьдесятъ“. Изъ богоугодныхъ заведеній Флоренціи Симеонъ замѣтилъ *льчбницу великую, и въ ней за тысячу кроватей*, и богадѣльню немощнымъ, и пришельцамъ, и страннымъ иныхъ земель. Передъ чудотворной иконой Богоматери остановилъ иноковъ обычай Итальянскаго народа, до сихъ поръ существующій, выставлать восковыя маленькія изображенія тѣхъ чудесъ, которыя совершены были изцѣленіемъ отъ иконы надъ людьми разнаго возраста и пола, и въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Деревья Итальянской природы путникъ сравниваетъ съ нашими: кедръ, говоритъ онъ, походить много на Русскую нашу сосну, а кипарисъ борю какъ липа, хвоею какъ ель, но хвою мало, а кудрявый, мягкой, шишки походятъ на сосновыя.— Въ Венеціи, гдѣ во всѣмъ улицамъ воды и ѣздятъ на баркахъ, привлекла всего болѣе вниманіе Русскаго инока церковь св. Евангелиста Марка, и особенно потому, что *Гречинъ писалъ ея мусію*. Надъ передними дверьми поставленные *четыре кони мѣдныя, позлащены, велики*, были также имъ замѣченны.

О Флорентинскомъ Соборѣ Симеонъ передалъ нѣкоторыя подробности. Онъ пересчиталъ поименно всѣхъ его участниковъ съ обѣихъ сторонъ какъ Греческой, такъ и Римской, съѣхавшихся въ Феррарѣ. Народному самолюбію его пріятно было, что, въ ожиданіи Исидора, не соборовали мѣсяцевъ шесть; что, когда пріѣхалъ онъ, встрѣтило его людей множество съ великою честью, *славы ради имени великаго князя Василія Васильевича всея Руссін*; что было въ Феррарѣ 25 соборовъ, и не могли ничего сотворить, *зане сила Православія бѣ велика*, и ни въ чемъ Латыни не успѣли.

Но когда Соборъ перенесли изъ Феррары во Флоренцію, дѣла измѣнились въ худшему. Симеонъ съ Тверскимъ бояриномъ и посломъ Русскимъ Омою, сопровождавшимъ также Исидора, прихаживалъ ночью тайно для бесѣды въ Епископу Авраамію, урядкой отъ Исидора. Папа послалъ своего Епископа Христофора къ Авраамію уговорить его, чтобы онъ подписалъ актъ соединенія; Авраамій не хотѣлъ. Исидоръ посадилъ его въ темницу и держалъ въ ней недѣлю; вынужденный насиліемъ, Авраамій подписалъ. Въ самомъ дѣлѣ, подпись его мы читаемъ въ Лаврентьевской библиотекѣ во Флоренціи на актѣ Собора Флорен-

тинскаго. Симеонъ часто противорѣчилъ Исидору, сносилъ его укоры и даже *томленіе*, но находилъ опору и убѣжище у Марка Эфесскаго, сидѣвшаго за стражею, и принялъ отъ него благословеніе, сохранившее инока, по словамъ его, отъ всякаго зла.

Авраамій Суздальскій передалъ намъ съ большою подробностію мистерію въ лицахъ, которую онъ видѣлъ въ одномъ Флорентинскомъ монастырѣ⁴⁾. Мистерія представляла Благовѣщеніе и устроена была въ верху монастырской церкви. На горнемъ престолѣ человекъ сановитый изображалъ сидящаго Бога Отца съ Евангеліемъ въ рукѣ; множество малыхъ дѣтей, олицетворявшихъ небесныя силы, окружали престолъ; болѣе пяти сотъ свѣчей горѣло вокругъ. Помостъ каменный, на нѣсколько сажень внизъ, убранный красными занавѣсами, отдѣлялъ нижнюю часть мистеріи отъ верхней: здѣсь внизу устроена была кровать съ возглавіемъ, убраннымъ великолѣпно. Благообразный отрокъ сидѣлъ на кровати, изображая Пречистую Дѣву Марію: онъ былъ въ вѣнцѣ и облеченъ въ дорогую дѣвическую ризу; въ рукахъ держалъ онъ книги и читалъ ихъ тихо. На самомъ помостѣ стояли четыре человека съ большими бородами, съ волосами по плечамъ, въ вѣнцахъ голубиныхъ, съ позлащенными кругами около ихъ головъ, въ срачицахъ долгихъ, бѣлыхъ, широкихъ, подпоясанныхъ, съ платомъ чернымъ на правомъ плечѣ, переложеннымъ подъ лѣвое: они, имѣя въ рукахъ разныя письмена, сохранившія въ себѣ пророчества о схожденіи съ неба Сына Божія, изображали Пророковъ, предсказывавшихъ о Дѣвѣ Маріи. Все это видѣніе было покрыто занавѣсью; но когда собрался народъ, занавѣсь открылась и представленіе началось снизу, гдѣ были Пророки, и къ верху, гдѣ былъ Богъ Отецъ. Съ полчаса длилось состязаніе пророковъ, свидѣтельствовавшихъ передъ народомъ письмена свои: они знаками и движеніями указывали на нихъ и *которались* между собою о томъ, откуда придти спасенію. Вдругъ раздался громъ, и открылось горнее видѣніе небснаго Отца, окруженнаго Ангелами. Пятисотъ свѣчей непрерывно двигались то туда, то сюда; дѣти-Ангелы, небесныя силы въ бѣлыхъ ризахъ, гремѣли въ кимвалы и другія орудія. Съ самага верха отъ Отца по двумъ вервямъ, на двухъ колесахъ, посредствомъ третьей верви самой тонкой, спускался внизъ къ Дѣвѣ Ангель, *отрокъ чистообразный и кудрясый*, въ одеждѣ бѣлой какъ снѣгъ и украшенной повсюду золотомъ, съ ораремъ Ангельскимъ около шеи, съ крыльями позлащенными. Во время схожденія Ангель Божій пѣлъ тихимъ голосомъ и въ рукахъ держалъ прекрасную вѣтвь. Когда онъ сошелъ, между нимъ и Дѣвою Марією произошла Евангельская бесѣда, нѣсколько распространенная сравнительно съ благовѣстьемъ отъ Луки. Она заключилась словами пресвятой Дѣвы: Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. Ангель, отдавши Ей вѣтвь, возвратился на небо. Дѣва, принявъ вѣтвь, смотрѣла горѣ на восхожденіе Ангела къ отцу. Огонь искрами сыпалъ сверху и зажигалъ свѣчи, которыя до

тѣхъ поръ не горѣли, и громъ сопровождалъ его. Наконецъ, запоны затворились и скрыли отъ народа это *чудное видѣніе* и *хитрое дѣланіе*.

Замѣчательно то простодушное сочувствіе, съ какимъ Авраамій Суздальскій передалъ Римско-католическую мистерію, нисколько не подвергая ее никакому осужденію, а непритворно изумляясь художественному ея исполненію и называя все это видѣніе *пресуднымъ* и *несказаннымъ*.

Западъ случайно привлекъ вниманіе нашихъ соотечественниковъ. Но на востокъ предки наши стремились по какому-то особенному внутреннему влеченію. Что-то тайное говорило имъ, что сила и владычество наше тамъ, а не на западѣ. Въ древнія времена жизни народовъ инстинктъ призванія сказывается прямѣе и истиннѣе, нежели послѣ, когда его затмѣваетъ анализъ ума, занесенный изъ чужи. Наука, разоблачая передъ нами первоначальныя стремленія нашихъ предковъ, снова наводитъ насъ на то, что ближе къ нашей природѣ и что свойственнѣе нашему первобытному характеру.

Замѣтка о *земляхъ за Араратомъ*, встрѣтившаяся въ сборникѣ XVI вѣка, по мнѣнію И. И. Срезневскаго, должна быть отнесена къ XV вѣку⁵⁾. Въ этомъ отрывкѣ, говоритъ онъ, слышенъ голосъ челоука XV столѣтія, именно около его половины, хотя и худо знавшаго гидрографію юго-западной Азіи. Съ одной стороны, находимъ у него названія вѣжныхъ, какъ напр. горы Кавкасіскія, горы Иверскія и царство Иверское, царство Вавилонское, Междорѣчье—землю между Тигромъ и Евфратомъ, напоминающую священныя преданія о земномъ раѣ; но съ другой стороны, видно не одно знаніе вѣжное, а наглядное, передающее сказанія самовидца. Таково обозначеніе дороги отъ Іерусалима и Царьграда въ Самаркандъ, отъ Іерусалима черезъ Сирію, отъ Царьграда мимо Трапезонта въ Тавризу и мимо Испагани далѣе на востокъ въ дальнюю Великую Орду. Царство Иверское названо именемъ народнымъ *Гурзы*, откуда Грузія; море Каспійское именуется *Бавинскимъ*, какъ оно слыло у Испанцевъ и Итальянцевъ того времени. Всѣ эти страны уже привлекали Русскихъ и въ XV столѣтіи, предсказывая будущее взаимное сочувствіе Востока и Россіи, которое послѣ оправдалось на дѣлѣ и связало тѣснымъ союзомъ наши судьбы съ его судьбами.

Но вотъ ожидаетъ насъ другой болѣе значительный памятникъ: *Хоженіе за три моря Аванасія Никитина, Тверскаго купца*⁶⁾. За тридцать лѣтъ до того времени, какъ Португалець Васко ди Гама предпринялъ въ 1497 году свое славное морское путешествіе, открывшее морской путь въ Восточную Индію, нашъ Тверитянинъ отправился туда же черезъ Персію въ 1466 году, пробылъ въ Индіи четыре года, составилъ записки о своемъ пути и пребываніи и въ 1472 году, возвращаясь въ свою родную Тверь, умеръ на дорогѣ въ Смоленскѣ. Тетради, его рукою писанныя, привезены были купцами въ Москву и вручены дяку Великаго Князя Василью Мамыреву, который, какъ должно думать, и внесъ ихъ въ современную лѣтопись подъ 1475 годомъ. Нашему ученому Срезневскому мы

обязаны объясненіемъ этого памятника⁷⁾: онъ сличилъ его съ Итальянскими и Португальскими путешественниками, въ XV вѣѣ описавшими Индію, и вывелъ заключеніе, что только рассказы Венеціанца ди Конти (1444) и отчеты Васко ди Гама (1497 — 1499) могутъ быть поставлены вровень съ Хоженіемъ Аѳанасія Никитина (1466—1472); что если путешествіе Васко несравненно значительнѣе было по своимъ всемірнымъ послѣдствіямъ, то наблюденія ди Конти и Никитина гораздо цѣннѣе по обилію содержанія — и Никитинъ въ этомъ отношеніи долженъ быть даже поставленъ выше ди Конти.

Что побудило Аѳанасія Никитина предпринять такое отдаленное и трудное путешествіе? Какъ купецъ онъ не измѣнилъ своему промыслу и привезъ жеребца въ Индію, зная уже, что „въ Индѣйской земли кони ся у нихъ не родять“ (его выраженіе). Въ Чюнерѣ Ханъ чуть не отнял у него жеребца, узнавъ, что онъ не бесермянинъ, а Русинъ, и желая обратить его насильно въ Магометанскую вѣру. Но Русскій нашель однако средство не измѣнить своей вѣрѣ и сохранить своего жеребца. Онъ отыскалъ себѣ ходатая предъ Ханомъ, который отстоялъ и вѣру его, и собственность. Это совершилось въ день Преображенія въ госпожики — и набожный путникъ видѣлъ въ этомъ событіи чудо отъ такого святаго праздника. Жеребца своего онъ продалъ въ Бедери, большомъ торговомъ городѣ, но безъ особенной выгоды. Говоритъ онъ объ алмазахъ, о родинѣ ихъ, объ ихъ копияхъ, о различныхъ качествахъ и цѣнности; указываетъ на важнѣйшіе торговые города Индіи. Должно думать, что путешественника манила ложная надежда завести большую торговлю съ Индійцами. „Меня залгали, говоритъ онъ, псы Бесермены, а сказывали много всего нашего товара; ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на Бесерменскую землю, перецъ да краска — то и дешево; возять моремъ, пошлинъ много, а на морѣ разбойниковъ много“. Судя по этимъ словамъ, Никитинъ, увлеченный преувеличенными рассказами жителей востока, обманулся въ своихъ торговыхъ надеждахъ.

Выѣхавъ онъ съ Русскимъ посломъ Василиемъ Папинымъ и пользовался покровительствомъ посла Персидскаго къ Іоанну III, Асанъ-Бега. Татары на югѣ были довольно къ нимъ негостепріимны. Персія не привлекла вниманія нашего путника; видно, что все оно сосредоточилось на Индіи. Его поразили сначала видъ наготы и черноты Индѣйскихъ туземцевъ, которые бѣгали за нимъ толпою, удивляясь бѣлому челоуѣку.

Подробно описываетъ Никитинъ нравы и обычаи Индѣйцевъ, но съ особеннымъ вниманіемъ ихъ вѣру. Замѣчательно, что, когда онъ отбрылся имъ Христіаниномъ и они изъ Аѳанасія переименовали его въ Хозя Ифусъ Хоросани, тогда перестали передъ нимъ скрываться и женъ своихъ отъ него уже не прятали. Когда онъ разспросилъ ихъ объ ихъ вѣрѣ, они сказали ему, что вѣрують въ Адама, называя его Буть, т. е. Будда. Всѣхъ вѣръ нашель Никитинъ въ Индіи 84, а всѣ

вѣрують въ Бута (Будда); а вѣра съ вѣрою ни пьеть, ни ѣсть, ни женятся между собою; ѣдят барановъ, куръ, яйца, но воловъ не ѣсть ни одна вѣра. „Индѣяне вола зовуть отцомъ, а корову матерью“. — Онъ былъ въ Первотѣ, Индѣйскомъ Иерусалимѣ. Бутхана, храмъ Будды, величиною съ полъ-Твери: на стѣнахъ расписаны дѣянїя Будды, какія чудеса онъ творилъ и какъ являлся въ образахъ полу-человѣческихъ и полу-животныхъ. Въ этотъ городъ съѣзжается вся страна Индѣйская на чудо Бутово; старыя жены и дѣвки брѣютъ себѣ волосы передъ тѣмъ, какъ взойти въ Бутхану. Подробно описанъ каменный идолъ Будды, здѣсь стоявшій, голый, съ лицомъ обезьяны, хвостъ закинуть черезъ, правую руку поднялъ высоко, какъ царь Юстиніанъ въ Царьградѣ, а въ лѣвой копье. Передъ нимъ стоитъ воль огромный, вырѣзанный изъ чернаго камня и весь позолоченный; его цѣлуютъ въ копыто и сыплютъ на него цвѣты такъ же, какъ и на Будду.

Замѣтилъ Аеанасій обрядъ похоронный, какъ сожигаютъ тѣла умершихъ и пепель сыплютъ на воду; какъ мужъ повиваетъ у родящей жены; какъ отецъ даетъ имя сыну, а мать дочери. Вотъ подробное описаніе торжественнаго выѣзда Султана на праздникъ Байрама въ Бедери. Съ двадцатью визирями онъ выѣхалъ. Триста слоновъ, наряженныхъ въ доспѣхи булатные, съ окованными городками на нихъ, а въ каждомъ городкѣ по шести человѣкъ, также въ доспѣхахъ, съ пушками и пищалями, а на великомъ слонѣ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ по два большихъ прапорца (знамени); къ зубамъ привязаны великіе мечи; къ рылу великія желѣзныя гири; человѣкъ сидитъ въ доспѣхѣ промежъ ушей, крѣкъ у него желѣзный великій и тѣмъ онъ править; коней простыхъ тысяча въ золотыхъ убранствахъ; верблюдовъ сто съ нагарами (барабанами); трубниковъ 300; плясунуовъ 300. На султанѣ кафтанъ весь сажень яхонтами; на шапкѣ чечакъ алмазъ великій; сайдакъ золотой съ яхонтами; три сабли на немъ золотомъ окованы, сѣдло золотое; передъ нимъ бѣжитъ кафаръ пѣшій, играетъ теремцомъ (зонтикомъ), за нимъ пѣшихъ много, а тутъ блажной слонъ идетъ, весь наряженъ въ камку, большая желѣзная цѣпь во рту, отбиваетъ коней и людей, чтобы на Султана не наступали близко. Братъ султановъ и ханъ Махмутъ, составлявшіе свиту Султана, выѣзды Султана и его приближенныхъ на потѣхи или увеселительныя зрѣлища, описаны равно подробно. Сообщены также свѣдѣнїя о войскѣ Бедерскаго Султана и другихъ владѣтельныхъ хановъ.

Природа Индіи привлекала также вниманіе нашего путника. Онъ обозначилъ разницу въ климатѣ многихъ мѣстностей. Въ Бедери, въ Великую ночь, т. е. на Пасху, онъ дѣлалъ свои астрономическія наблюденїя надъ небомъ Индіи, называя созвѣздія Русскими народными именами: волосыни, кола и лось. Изъ животныхъ слоны особенно не поразили его, потому, конечно, что онъ видалъ ихъ и прежде. Обезьяны, напротивъ, показались ему особеннымъ народомъ, имѣющимъ свой языкъ и своего обезьянскаго князя, который ходитъ съ ними ратью и мститъ

людямъ за обижаемыхъ его подданныхъ; замѣчательны здѣсь мнѳческія преданія объ обезьянахъ изъ Индійской поэмы Рамаяна и о князѣ ихъ Гануманѣ. Обезьяны бросаютъ по дорогамъ дѣтей своихъ, которыя родились ни въ отца ни въ мать. Индѣйцы хватаютъ ихъ и обучаютъ всякому рукодѣлю и пляскѣ. Упоминаетъ Никитинъ о ночной птицѣ гукукъ, такъ названной по крику своему, птицѣ зловѣщей, которая, по мнѣнію Индѣйцевъ, сядя на кровлю дома, предвѣщаетъ въ немъ мертвеца. Въ Бедери на улицахъ видѣлъ онъ змѣй длиною въ двѣ сажени. Мускусовые олени были ему также извѣстны. Изъ растительнаго царства Никитинъ замѣтилъ тѣ плоды, изъ которыхъ готовятся воды и питья въ родѣ вина, и пряности Индіи въ географическомъ отношеніи, гдѣ родятся. Драгоценныя камни, и особенно алмазныя копи, съ обозначеніемъ цѣны локтю алмаза въ двѣ тысячи фунтовъ золота, были также имъ замѣчены.

Пристани Индійскаго моря: Гурмызь, Камбать, Дабыль и Келекотъ, Силянъ (Цейланъ), Шабать, описаны имъ подробно и вѣрно въ отношеніи къ произведеніямъ природы и къ торговлѣ, какую тогда вели.

Сокрушала Никитина невозможность исполнять со всею строгостію всѣ предписанія православной вѣры касательно постовъ и главныхъ праздниковъ. Но, сколько могъ, онъ соблюдалъ православныя обычаи древняго Русскаго челоуѣка съ удивительною настойчивостію. Правительство восточное было придирчиво къ его вѣрѣ и хотѣло насиліемъ обратить его къ своей, но въ народѣ Индіи, напротивъ, онъ встрѣтилъ сочувствіе. Описывая сказанный выше случай, какъ ханъ Чюнерскій хотѣлъ отнять у него жеребца, если онъ не перейдетъ въ ихъ вѣру, Никитинъ съ отчаянія восклицаетъ: „Ино братіе, Русьтія Христіане, кто хочетъ пойти въ Индійскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю“. Желая въ пути своемъ соблюдать законъ своей вѣры, Никитинъ запасся было еще на Руси книгами для того нужными, но его на дорогѣ ограбили и книги тѣ всѣ у него взяли. Не смотря на то, онъ держался своего расчета, соблюдалъ посты, особенно Великій, ѣлъ тогда по два раза въ день хлѣбъ да воду, да молился Христу Вседержителю, кто сотворилъ небо и землю, а много не призывалъ никотораго имени. Нѣсколько разъ въ описаніи своего многолѣтняго странствія онъ выражаетъ душевную тоску по родной вѣрѣ и отдаетъ отчетъ своимъ соотчичамъ въ томъ, какъ проводитъ онъ святыя дни поста и гдѣ встрѣчаетъ великій день. „Уже проидоша Великія дни четыре въ Бесерженской землѣ, а Христьянства не оставихъ, далѣ Богъ вѣдаетъ что будетъ. Господи Боже мой, на тя уповахъ, спаси мя, Господи Боже мой“. Отдавая отчетъ въ послѣдній разъ въ постѣ и празднованіи пасхи, онъ съ отчаянія уже такъ выражается: „а правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра та единого знати и имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто... а Велика дни Христьянскаго не вѣдаю Христова Въскресенія, а говѣйное же ихъ говѣхъ съ

Бесермены, и разговѣхся съ ними, и Великъ день взялъ въ Келберѣ... Вотъ, наконецъ, мысль, которая заставила его послѣ шестилѣтняго отсутствія возвратиться въ отечество: когда онъ прѣѣхалъ въ городъ Дабиль, пристань на Индѣйскомъ морѣ, онъ раздумался о вѣрѣ Христіанской, о крещеніи Христовомъ, о постахъ святыми Отцами устроенныхъ, о заповѣдяхъ Апостольскихъ, и устремился умомъ идти на Русь.

Въ описаніе своего хожденія Аѳанасій Никитинъ вставилъ много выраженій, цѣлыхъ реченій и даже отрывковъ на Персидскомъ, Туркскомъ (Татарскомъ) и Арабскомъ языкахъ, которые онъ во время странствія своего, а частію, можетъ быть, и прежде себя усвоилъ. Всѣ эти восточныя вставки изслѣдованы и переведены на Русскій языкъ нашимъ оріенталистомъ Казембекомъ⁹⁾. Здѣсь иногда восточными языками Никитинъ прикрываетъ то, чтó совѣститса сказать по-Русски. Но большею частію вставляетъ онъ на этихъ языкахъ молитвенныя выраженія восточныхъ народовъ, которымъ сочувствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ молится за Русскую землю. Вотъ смыслъ этой молитвы: „Да сохранитъ Богъ землю Русскую! Боже сохрани (ее)! Въ семь міровъ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится Русская земля. О Боже, Боже, Боже (Боже), Боже!“ Послѣднія пять воззваній: „о Боже“ — на Арабскомъ, Персидскомъ, два на Русскомъ и одно на Туркскомъ языкахъ⁹⁾. Хожденіе свое онъ заключилъ Магометанскою молитвою на Арабскомъ языкѣ, называемой „асмаул—лахъ“. Въ молитвѣ изложены общія свойства Бога, какъ существа совершеннаго; но Аѳанасій вставилъ въ эту молитву имя Иисуса, драгоценное для Христіанъ.

Перейдемъ къ историческимъ сказаніямъ XV столѣтія. Въ наши лѣтописи, съ этихъ поръ особенно, начали вставлять сказанія, которыя относятся къ важнѣйшимъ событіямъ исторіи востока, поскольку она связана съ исторіею Россіи, равно и къ событіямъ отечества. Мы пройдемъ ихъ по порядку времени.

О страшномъ завоевателѣ Востока Тамерланѣ, который у насъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Тамиръ-Аксака (желѣзнаго хромца) и напалъ на наши предѣлы въ 1395 году, въ нашихъ лѣтописяхъ сохранились два сказанія: одно о всей его жизни отъ рожденія до смерти, другое о походѣ его на Русь. Срезневскій, изслѣдовавшій оба, относитъ сочиненіе ихъ къ половинѣ XV вѣка. Въ первомъ изъ нихъ ввукъ Темира, умершаго въ 1405 году, Шахъ-рохъ (по лѣтописи Шероухъ), умершій въ 1477 году, именуется *владѣющимъ нынѣ Персидскою землею*¹⁰⁾.

Слухъ о страшномъ завоевателѣ доходилъ до нашихъ предковъ съ Востока; молва неслась, конечно, чрезъ нашихъ странниковъ; но когда Тамерланъ самъ дошелъ до Россіи и былъ уже въ Рязанской области, въ городѣ Ельцѣ, въ это грозное время, равно и послѣ его отшествія, сложились тѣ сказанія, которыя

сначала, по всему вѣроятію, жили въ устахъ народа, а уже потомъ были записаны и приняты въ лѣтописи¹¹⁾.

Фантазія Русскаго народа, ожесточеннаго противъ новаго безчеловѣчнаго грабителя, котораго посылалъ намъ кровожадный и корыстный Востокъ, прибавила много своего къ тѣмъ устнымъ сказаніямъ о Тамерланѣ, которыя странники приносили къ намъ оттуда.

Лѣтопись приписываетъ ему рабское происхожденіе и ремесло кузнеца. Поприще свое онъ начинаетъ воровствомъ и грабежемъ. За то, что онъ напалъ на пастуховъ и отбилъ у нихъ овцу, его подстрѣлили въ ногу, и онъ на всю жизнь охромѣлъ, и потому прозванъ хромцемъ, а такъ какъ по преданію кузнецъ спаялъ свою перебитую ногу желѣзомъ, то и прозванъ *хромцемъ желѣзнымъ* (Темиръ Аксакъ). Лѣтопись высчитываетъ всѣ царства и земли, какія покорилъ онъ на востокѣ. Синяя Орда, лежащая близъ Индіи, пала передъ нимъ. Баязета и Тохтамыша онъ сразилъ въ открытыхъ бояхъ. Русское преданіе рассказываетъ, какъ перваго возилъ онъ за собою въ желѣзной клѣткѣ; но исторія не подтвердила этой выдумки. Безчеловѣчность Тамерлана, воздвигавшая пирамиды изъ череповъ человѣческихъ, отзывается и въ нашихъ о немъ преданіяхъ. Онъ велитъ засыпать рвы женами и дѣтьми; видя много дѣтей плачущихъ, приказываетъ затоптать ихъ конями и оправдывается тѣмъ, что освободилъ ихъ отъ злобы и скорби міра сего. У Желѣзныхъ воротъ, прежде чѣмъ принять пословъ царя, напивается крови человѣческой, потомъ извергаетъ ее предъ ними, притворяется мертвымъ и ночью, нападши неожиданно на страну, всю ее разоряетъ.

Но этотъ извергъ, по преданію народа Русскаго, смиряется передъ духовною силою Богоматери. Съ своими полчищами онъ былъ уже въ Рязанской области. Войска его занимали оба берега Оки.

Русскій народъ, по слову Митрополита Кипріяна, молитвами и постомъ приготовлялся къ ужасному нашествію. Изъ Владиміра двинута была и несена народомъ въ Москву икона Богоматери, писанная, по преданію, Ев. Лукою. Кипріянгъ, духовенство, князья, бояре, народъ ее встрѣчали.

Тамерланъ спалъ на одрѣ своемъ и видѣлъ страшный сонъ. Передъ нимъ была высокая гора; съ горы святители, имѣя въ рукахъ златые жезлы, не давали ему идти впередъ; надъ ними на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства посылала на него грозу. Онъ вздрогнулъ внезапно, вскочилъ отъ сна, затрепеталъ, затрясся и сказалъ: что это? Князья и воеводы спрашивали его о томъ, что онъ видѣлъ; сначала онъ не могъ объяснить имъ ничего; только трясся и стоналъ, но, пришедъ въ себя, рассказалъ видѣніе. Потомъ велѣлъ всей силѣ своей безчисленной идти назадъ и самъ устремился бѣгомъ, гонимый гнѣвомъ Божіимъ и Пречистой Богородицы.

Восточные лѣтописцы приписываютъ удаленіе Тимура изъ Россіи тому, что

онъ удовольствовался огромными богатствами, награбленными въ этомъ походѣ, и боялся растерять ихъ.

Въ преданіяхъ о смерти его, какія у насъ тогда сложились, участвовала Русская зима. Онъ замыслилъ передъ своею кончиною идти со всѣмъ своимъ войскомъ къ странамъ Ордынскимъ и къ Руси; но зимою отъ ужаснаго холода множество воиновъ его померло въ этихъ предѣлахъ. Ему сказали, что 110 шатровъ стоятъ пусты; онъ одѣлся 20-ю кожухами и пошелъ самъ въ шатры, чтобы видѣть, но не могъ по причинѣ холода, возвратился назадъ, и отъ стужи повредилась его внутренность, отъ чего онъ и умеръ.

Духовная сила, по преданіямъ народнымъ, изгнала безчеловѣчнаго грабителя изъ нашихъ предѣловъ, а Русская зима его довершила.

Въ 1453 году палъ Царьградъ руками Турокъ и предводителя ихъ Магомета. Это событіе отозвалось въ западной Европѣ и въ Россіи особенно по той духовной связи, которая соединяла насъ съ Греціею. Конечно, вскорѣ послѣ событія сложилась у насъ *повѣсть о взятіи Царяграда*, а къ ней присоединилась и другая *о созданіи* его; сношенія наши съ Греками при Иоаннѣ III, послѣ брака его съ Софіею Палеологъ, еще болѣе содѣйствовали распространенію этихъ повѣстей; позднѣе, онѣ были вставлены и въ лѣтопись подъ 1453 годомъ¹²⁾. Мы обязаны Срезневскому ученымъ изслѣдованіемъ этого памятника и сличеніемъ его съ сказаніями, современными событію, Леонарда Хюсскаго, Францы, Дуки, Лаоника Халкондилы, Энея Сильвіа и другихъ¹³⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что Повѣсть о взятіи Царяграда сложена была по греческимъ источникамъ и свидѣльствамъ современниковъ и очевидцевъ. Многія событія согласны съ извѣстными рассказами; есть другія, въ нихъ не находящіяся. Слѣды греческаго повѣствователя видны и въ употребленіи мѣстоименій личныхъ (*мы* и *наши*) и особенно въ греческомъ произношеніи итальянскихъ именъ: такъ напримѣръ, Генуя (Дженова) превращена въ Зеновію, и Генуэзскій предводитель войскъ Джустиніани называется Застунѣя. Но таинственно-роковой и нравственный смыслъ всей повѣсти и сатирическія примѣненія въ концѣ къ современному состоянію правовъ въ Россіи указываютъ явно на Русскаго передѣльщика, который, пользуясь греческимъ матеріаломъ, влагалъ въ него свою народную мысль.

Въ повѣсти о созданіи Царьграда, предшествующей повѣсти о взятіи, особенно замѣчательно видѣніе, бывшее строителю его, царю Константину въ то время, когда онъ готовилъ мѣсто для новаго города на семи холмахъ, среди морскихъ *луишигъ* т. е. заводей, промежъ двухъ морей, Чернаго и Мраморнаго, названнаго Бѣлымъ. Змій вышелъ изъ норы и побѣжалъ по готовому мѣсту; орелъ слетѣлъ съ неба, палъ на змія и поднялъ его на высоту. На воздухѣ происходила борьба между орломъ и зміемъ въ глазахъ Царя и народа. Змій одолѣлъ орла, который обезсилѣлъ и палъ съ нимъ на землю; люди подоспѣли, убили змія и осво-

бодили орла. Изумленному Царю книжники и мудрецы такъ объяснили это видѣніе: будетъ городъ седмихолмный и прославится во вселенной; онъ станетъ между двухъ морей, и будутъ колебать его морскія волны; орель знаменуетъ Христіанство, змій бесерменство; змій одолѣлъ орла: бесерменство одолѣетъ Христіанство; но люди убили змія и освободили орла: напослѣдокъ Христіанство одолѣетъ бесерменство.

Захѣтательно также преданіе, что, когда Константинъ воздвигалъ въ новомъ своемъ городѣ багряный столбъ, привезенный въ три года изъ Рима, онъ положилъ ему въ основаніе тѣ двѣнадцать кошицъ, благословенныхъ Спасителемъ, изъ которыхъ два раза Онъ питалъ народъ хлѣбомъ.

Осада Константинополя разсказана довольно подробно изо дня въ день. Повѣствующій исполненъ сочувствія къ защитникамъ города. Съ особенною любовью изображены героями Генуэзскій полководецъ Джустиніани и самъ Императоръ Константинъ, до конца защищающій свою столицу, громящій враговъ ея и великодушно падающій подъ ея развалинами. Ненавистенъ только между Христіанами этотъ Сербъ, который подноситъ отрубленную голову славно павшаго Христіанскаго Царя султану Магомету, побѣдителемъ вступившему въ городъ. Эта подробность, по всему вѣроятію, принадлежитъ какому нибудь Греку—ненавистнику Сербовъ.

Надъ всѣмъ этимъ разсказомъ, надъ всѣми историческими обстоятельствами событія носится мрачная идея необходимой кары Божіей. Когда защита города пошла было успѣшно и Магометъ долженъ былъ усилить дѣйствіе осады, внезапнымъ заревомъ озарился Царьградъ. Изъ оконъ свода Св. Софіи исходило пламя, окружило всю шею церковную, собралось во едино и возшло на небо: отверзлись небесныя двери, приняли этотъ свѣтъ и затворились снова. Патріархъ Анастасій, утромъ собравъ бояръ и совѣтниковъ, пошелъ къ Царю и объяснилъ знаменіе огня, востекшаго отъ Софіи въ небо, тѣмъ, что милость Божія оставила городъ, и онъ неминуемо будетъ преданъ врагамъ. Патріархъ уговаривалъ Царя съ Царицею оставить столицу, но не могъ убѣдить ихъ. Царь рѣшился умереть, защищая свое наслѣдіе. Когда великодушное мужество Царя отбило Турокъ отъ города и даже поколебало настойчивость въ Магометъ, задумавшемъ отступленіе, ночью внезапно великая тьма покрыла городъ, воздухъ сгустился, подобіе буйволова червленаго ока написалось въ облакахъ надъ городомъ, и изъ него капали слезы великими каплями. Все опять пришло въ ужасъ. Патріархъ снова явился къ Царю и сказалъ: ты видѣлъ въ огнѣ, взшедшемъ на небеса, отшествіе отъ насъ Святаго Духа; нынѣ уже тварь проповѣдуетъ погибель города. Молимъ тебя: выди изъ него, да не погибнемъ всѣ вмѣстѣ. Но Царь и тутъ устоялъ въ своей рѣшимости погибнуть вмѣстѣ съ своимъ городомъ. Шесть сотъ Турокъ пало отъ руки его прежде, чѣмъ онъ самъ палъ на защитѣ Царьграда.

Такъ неизбѣжная кара Божія постигла Византію по главной мысли сказанія.

Повѣствователь утѣшается пророчествомъ, что Русскій народъ нѣкогда сразится съ Измайлтянами и воцарится въ Седмихолмномъ городѣ. Трудно дойти до источника этому предсказанію; но оно находится не въ однихъ Русскихъ, а и въ Греческихъ источникахъ. Греки говорятъ о *народѣ русомъ* (τὸ ξανθὸν γένος), который побѣдитъ Измаила и овладѣетъ Седмихолмнымъ. Не одни Русскіе относили это имя къ себѣ по народному славолюбію, но есть тому и греческія свидѣтельства, перешедшія въ Грузинскую лѣтопись¹⁴).

Нравоучительный и проницательный конецъ повѣсти, заключая въ себѣ ясныя намеки на современные нравы Россіи, обличаетъ очевидно Русскаго сочинителя. Главная причина паденія Царьграда было отсутствіе правды въ судахъ. „Греки праведный судъ злоимали, да осуждали неповинно по мздамъ“. Магометъ, воцарившись въ Царьградѣ, нашель, что судьи судили по посуламъ и велѣлъ имъ отложить лихоимство. Поступки его съ неправедными судьями ужасны: онъ велѣлъ содрать съ нихъ кожу, на кожахъ набить бумаги, написать на нихъ преступленія ихъ неправды и прибить ихъ въ *судебняхъ* гвоздями желѣзными: безъ такой грозы правды въ царство нельзя ввести; правда Богу сердечная радость; какъ конь подъ царемъ безъ узды, такъ царство безъ грозы.

Вотъ изображеніе безнравственнаго поля, которымъ судились у насъ въ XV вѣкѣ: одинъ запрется и скажетъ—не биваль и не граблываль; другой для своего бою грабежъ утвердитъ; оба истца крестъ поцѣлуютъ и на полѣ бьются; Богу измѣнять и сами на вѣки отъ Бога погибнуть. Въ крестномъ цѣлованіи Греки не ставили грѣха. Но обвиненіе Грековъ здѣсь явно касается порока времени.

Магометъ ввелъ правый судъ въ свое царство и вывелъ ложь, и воздалъ Богу сердечную радость.

Кромѣ правосудія, какъ нравственной опоры царства, царю необходимо постоянное и безсмѣнное воинство. И въ этомъ отношеніи Магометъ представляется образцомъ для Христіанскихъ государей. У него войско царское съ коня не сбѣдаетъ и оружія изъ рукъ не выпускаетъ. Онъ тѣшитъ войско жалованьемъ (алафою), да и рѣчью своею: „не скучайте, братія, службою; мы на землѣ не можемъ безъ службы быть?“ Хотя мало царь *оплошится* и *окротнетъ*, ино царство его оскудѣетъ. Ангелы Божіи, небесныя силы, ни на одинъ часъ пламеннаго оружія изъ рукъ своихъ не выпускаютъ, хранятъ и стерегутъ родъ человѣческой отъ Адама, да и тѣ небесныя силы службою своею не скучаютъ. Мудрый царь веселитъ сердца воиновъ: тѣмъ онъ силенъ и славенъ.

Въ числѣ причинъ, по которымъ пало царство Греческое, полагается и нравственное состояніе его войска при Константинѣ. Вотъ какія премудрыя слова о томъ влагаются въ уста султану Магомету: „въ которомъ царствѣ люди порабощены, въ томъ царствѣ люди нехрабры и къ бою противъ недруга несмѣлы: ибо порабощенный человѣкъ срама не боится и чести себѣ не добываетъ, а говоритъ

такъ: хоть богатырь или небогатырь, однако я холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудетъ. А въ царствѣ Константиновѣ, при царѣ Константинѣ и у вельможъ его, лучшіе люди всѣ порабощены были въ неволю; цвѣтно было видѣть полки его вельможъ да противъ недруга не держались крѣпкаго бою, смертною игрою не играли и съ бою утекали“. — Магметъ Султанъ, по слову древняго Русскаго книжника, еще такую мудрую рѣчь сказалъ своимъ войнамъ: „братья, всѣ мы дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служить и противъ недруга люто стоять, тотъ у меня лучшій будетъ“.

Возвращаясь въ заключеніи къ мысли о томъ, какъ царство Константиново погубило неправдою, пуская татей и разбойниковъ на откупъ, какъ Греки тѣмъ и ослабѣли, что правду потеряли и Бога разгнѣвали неутолимымъ гнѣвомъ, Русскій утѣшается мыслию, что Греки хвалятся нынче благовѣрнымъ и вольнымъ царствомъ и царемъ Русскимъ. Но касательно правды въ нашемъ царствѣ русскій книжникъ не ослѣпленъ, а вотъ какимъ ироническимъ словомъ, слышаннымъ будто бы отъ какого то Латинянина, заключаетъ онъ свое повѣствованіе о Царьградѣ: „Правда,лучилось намъ бывать въ Русскомъ царствѣ для развѣдыванія о вѣрѣ христіанской, они истинно этой вѣры; велика милость Божія въ землѣ ихъ; но если бы къ той истинной вѣрѣ христіанской да правда Турецкая была, съ ними бы Ангелы бесѣдовали, и еслибы къ правдѣ Турецкой да вѣра Христіанская была, и съ ними бы Ангелы бесѣдовали“.

Въ вѣкѣ Шемякина суда, видно, неправда такъ превозмогала на Руси, что и правда Турокъ казалась желанною для людей, думавшихъ крѣпкую думу о своемъ отечествѣ.

Къ числу историческихъ сказаній, вставленныхъ въ Русскія лѣтописи XVI вѣка, принадлежатъ еще два: 1) О осьмомъ соборѣ¹⁵⁾ и 2) о походѣ В. Кн. Ивана Васильевича на Новгородъ¹⁶⁾. Первое внесено въ Софійскую лѣтопись подъ 1438 годомъ. Оно, по содержанию своему, принадлежитъ болѣе къ Исторіи Русской Церкви. Обильный богословскій матеріалъ его показываетъ, что у насъ были свои книжники, начитанные въ богословскихъ сочиненіяхъ и вполне вооруженные для подобныхъ состязаній. Греки, бывшіе въ Россіи, предали насъ; но Маркъ Эфесскій на Флорентинскомъ соборѣ служилъ опорой для православныхъ Русскихъ, на немъ бывшихъ. — Другое сказаніе о походѣ Іоанна III подъ Новгородъ встрѣчается въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1471 годомъ. Оно написано, по справедливому замѣчанію Архіепископа Филарета, въ духѣ Московскаго правительства и, вѣроятно, подъ руководствомъ Митрополита Филиппа, если не имъ самимъ. Вся кара, отъ Москвы разразившаяся надъ Новгородомъ, представлена здѣсь какъ наказаніе за отступленіе его отъ православія къ Латинству.

Въ Софійской второй лѣтописи это событіе разсказано не съ такой официальной точки зрѣнія¹⁷⁾. Но все уже замѣтно, что древній вѣчевой духъ Нов-

города ослабѣлъ и палъ передъ единодержавною Москвою. Раздоры Новгородцевъ, выдававшихъ другъ друга, еще болѣе уронили его, нежели карающій скипетръ Москвы. Значителенъ голосъ ходатая владыки Новгородскаго Теофила со всѣми священниками всѣхъ семи соборовъ Великаго Новгорода передъ Иоанномъ III: „Мечъ твой и огонь ходитъ по Новгородской землѣ, а кровь христіанская лется: смилуйся надъ своею отчиною, уйми свой мечъ, утоли огонь, чтобы кровь Христіанская не лилась“. Съ безпристрастной точки зрѣнія смотря на это событіе, видишь, что великое государственное единство Россіи и историческая необходимость въ свое время требовали Новгородской жертвы; но единство сокрушило свободу и стерло цвѣтъ жизни до другаго времени.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ официальныхъ сказаній, внушенныхъ духомъ правительства Московскаго, лѣтописи наши остаются вѣрны правдѣ исторической тамъ, гдѣ онѣ проникнуты мыслию вѣры и гдѣ связываютъ свои преданія съ духомъ древнѣйшей лѣтописи Нестора и его продолжателей¹⁸⁾. Съ сочувствіемъ рассказываетъ лѣтописецъ подъ 1407 годомъ подвигъ Іуліаніи Вяземской, которая ножемъ защищалась противъ Князя Смоленскаго Юрія, хотѣвшаго посягнуть на ея цѣломудріе. Благо разумно замѣчаетъ онъ, какъ самыя ужасы Татарскаго владычества приносили намъ нравственную пользу въ разгарѣ удѣльныхъ междуусобій, заставляя снова вспоминать о Богѣ, о любви его и правдѣ. Съ отвращеніемъ передаетъ лѣтописецъ, какъ жестоко Русскіе воины поступали съ Татарами во время осады Псковскаго городка Опочекъ¹⁹⁾.

Кромѣ путешествій и историческихъ сказаній, мы находимъ въ XV вѣкѣ произведенія, въ которыхъ участвуетъ фантазія съ примѣскою сатиры и ироніи, столько сродныхъ духу Русскаго народа. Есть произведенія оригинальныя и замѣшательства въ этомъ родѣ: таковы Судъ Шемяки; Сказаніе о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ; Синагрипъ, царь Адоровъ, и Наливскія страны, или Слово о Акирѣ премудромъ; Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ человекъ, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія; Сказаніе о Индіи богатой. Послѣднія три были помѣщены при томъ самоѣмъ Хронографѣ, при которомъ находилось и Слово о полку Игоревѣ. Рукопись, по всему вѣроятію, принадлежала къ XV вѣку и погибла въ пожарѣ 1812 года. Въ Сборникахъ того же столѣтія встрѣчаются нерѣдко притчи и загадки, которыя изстари нравились нашему народу. Многія изъ нихъ онъ до сихъ поръ сохраняетъ въ своихъ изустныхъ преданіяхъ.

Шемякинъ судъ остался въ нашихъ лѣтописяхъ памятью неправды, которая господствовала въ послѣднія времена удѣловъ въ XV вѣкѣ и олицетворялась въ Дмитріи Шемякѣ, послѣднемъ лукавомъ представителѣ отжившаго удѣльнаго права. Въ одноѣмъ старинномъ Хронографѣ, показанномъ у Карамзина, говорится: „отъ сего убо времени въ Величій Русіи на всякого судью и восхитника во уко-

ризнахъ прозвася *Шемякинъ судѣ*²⁰. Трудно дойти до источниковъ нашей сказки о Шемякиномъ судѣ. Г. Пыпинъ, ее издавшій²⁰), указываетъ на сходства въ ней съ однимъ буддѣйскимъ преданіемъ, находящимся въ Тибетскомъ Дзанглунѣ, сборникѣ подобныхъ религіозныхъ преданій; но эти сходства не могли привести ни къ какому положительному заключенію о происхожденіи нашей сказки. Передадимъ ея содержаніе.

Жили два пустытника: одинъ богатый, другой убогій. Убогій попросилъ у богатаго лошади изъ лѣсу дровъ привезти. Богатый лошадь далъ, но убогій просилъ и хомута; богатый рассердился на убогаго за то, что у него и хомута нѣтъ, и давъ лошадь, хомута не далъ. Убогій долженъ былъ дровни свои привязать къ лошади за хвостъ. Наклавши дровъ, сколько было можно, онъ возвратился домой и, отворивъ ворота, позабылъ выставить подворотню; ударилъ лошадь кнутомъ, лошадь рванулась изо всей мочи и оторвала себѣ хвостъ. Убогій привелъ къ богатому безхвостую лошадь, но богатый не хотѣлъ брать ее, а пошелъ въ городъ къ судѣ Шемякѣ судиться съ убогимъ. Убогій пошелъ туда же. Дорогой остановились оба они у попа по знакомству. Попъ съ богатымъ сѣли за ужинъ, стали ѣсть, пить и веселиться, а убогій лежалъ на полатахъ и смотрѣлъ на нихъ: его не позвали. Вдругъ убогій сорвался съ полатей, упалъ на зыбку, гдѣ лежалъ поповъ сынъ, и задавилъ его до смерти. Попъ тоже отправился въ городъ къ судѣ Шемякѣ судиться съ убогимъ въ убійствѣ сына. Всѣ трое вошли въ городъ, гдѣ жилъ судья Шемяка. Убогій шелъ мостомъ, мостъ сдѣланъ былъ черезъ ровъ, подъ мостомъ во рву житель того города везъ отца своего въ баню. Убогій, видя бѣду неминуемую отъ двухъ просителей, съ отчаянія бросился съ мосту въ ровъ, упалъ на стараго человѣка и до смерти убилъ его. Всѣ трое поймали убогаго и привели къ судѣ Шемякѣ. Убогій взялъ камень, завернулъ въ платокъ, положилъ въ шапку и сталъ предъ судьей. Шемяка, вообразивъ, что это подарокъ, всѣ три дѣла рѣшилъ въ пользу убогаго: онъ велѣлъ ему не отдавать богатому лошади, пока у нея хвостъ не вырастетъ; у попа взять попадью и, приживъ съ нею сына, возвратитъ попу; сыну убитаго отца броситься съ мосту на убогаго и убить его до смерти, какъ убогій убилъ отца его. Всѣ истцы заплатили еще убогому за то, чтобъ онъ не настаивалъ на точномъ исполненіи судейскаго приговора. Когда же Шемяка чрезъ своего человѣка потребовалъ отъ отвѣтчика обѣщаннаго посула, онъ показлъ ему завернутый въ платкѣ камень и сказалъ: это былъ не подарокъ, а камень, которымъ я хотѣлъ убить судью, еслибы онъ не рѣшилъ всѣхъ трехъ дѣлъ въ мою пользу. Шемяка благодарилъ еще Бога за то, что остался цѣлъ. — Русскій народъ въ этой сказкѣ, какъ и во многихъ другихъ, съ хладнокровной ironіей выставляетъ безсмыслицу неправаго суда и произвола власти.

Изданіемъ *Сказанія о Мутьянскомъ воеводѣ Драку*.т мы обязаны также г. Пыпину²¹). Оно издано по древнѣйшему списку Румянцевскаго Сборника²²).

Карамзинъ первый познакомилъ насъ съ содержаніемъ этого памятника и указаль на историческій его источникъ²³). Востоковъ догадочно приписываль сочиненіе этого сказанія дьяку Ѳеодору Курицыну, или кому нибудь изъ его свиты, на томъ основаніи, что повѣствователь видѣль, какъ самъ говоритъ, въ Венгріи сыновей Дракулиныхъ при королѣ Матееѣ, а дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ былъ посланъ въ Венгрію Іоанномъ III въ 1482 году. Г. Пыпинъ подвергаетъ однако сомнѣнію это предположеніе.

Дракула есть лицо историческое, извѣстное по лѣтописямъ Молдавіи. Безумныя его неистовства записаны въ Исторіи²⁴). Онъ отличается ими и въ Сказаніи, которое имя Дракулы по Русски переводить дьяволомъ: посламъ Турецкимъ, которые, по обычаю земли своей, стоятъ предъ нимъ въ шапкахъ, онъ велитъ прибить ихъ къ головамъ желѣзными гвоздями; на войнѣ съ Турками у воиновъ своихъ пересматриваетъ раны: раненыхъ спереди награждаетъ, раненыхъ въ спину сажаетъ на колъ; пословъ иноземныхъ подвергаетъ той же участи, когда они не умѣютъ отвѣчать ему на его загадочные вопросы; собираетъ всѣхъ нищихъ земли своей въ домъ, угощаетъ ихъ вдоволь и потомъ, спросивъ ихъ: чего еще имъ нужно? предлагаетъ имъ: не хотять ли быть на этомъ свѣтѣ безъ печали и нужды? — хотимъ, отвѣчаютъ они. Тогда велитъ онъ запереть домъ и сжечь его вмѣстѣ съ ними.

Два монаха латинскихъ пришли къ нему: каждаго изъ нихъ поочереди онъ повелъ кругомъ двора своего, гдѣ сидѣло множество людей на колахъ и косахъ. Дракула спросилъ у монаха: какъ ему кажется: хорошо ли это? Монахъ отвѣчалъ: не хорошо; государю надо быть милостивымъ; сидящіе на колахъ — мученики. Другой монахъ, позванный на то же кровавое зрѣлище, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: ты, государь, поставленъ отъ Бога казнить лихотворящихъ, а добротворящихъ жаловать, лихотворящіе восприняли по дѣламъ своимъ. Первый монахъ, говорившій правду безъ лести, былъ посаженъ на колъ; второй же, льстець, пожалованъ 50-ю червонцами.

Привычка къ жестокости такъ была сильна въ Дракулѣ, что, когда онъ на войнѣ былъ взятъ въ плѣнъ королемъ Венгерскимъ и посаженъ въ темницу, то и здѣсь не оставилъ своего злаго обычая, а, ловя мышей и покупая птицъ, казнилъ ихъ, сажалъ на колъ и отсѣкалъ имъ головы.

Чтобы возвратить свою свободу, Дракула согласился, по предложенію Венгерскаго Короля, переимѣнить Греческую вѣру на Латинскую, сѣлъ опять на Молдавское воеводство и былъ убитъ на войнѣ съ Турками.

Этотъ чудовищный образчикъ безчеловѣчія XV вѣка, подъ личиною государственной правды, представленъ такъ объективно, что трудно отгадать здѣсь цѣль разскащика. Только Русское имя дьявола, переимѣна вѣры и позорная смерть отъ Турокъ говорятъ явно, что онъ не оправдываетъ кровавыхъ казней Дракулы,

которыя и у насъ сильно начинались въ то время и обѣщали уже избытіе потовъ человѣческой крови въ слѣдующихъ столѣтіяхъ.

Синагрипъ, царь Адоровъ, и Наливскія страны, или *Слово о Акирь премудромъ*, какъ называется повѣсть въ позднѣйшей редакціи, есть передѣлка изъ Арабской сказки, взятой изъ Тысячи и одной ночи. Передѣлка сдѣлана съ греческаго перевода. Еще Карамзинъ, напечатавшій изъ нея отрывокъ²⁵⁾, указалъ на ея источникъ; но г. Пыпинъ произвелъ надъ этимъ памятникомъ обширное изслѣдованіе²⁶⁾. Синагрипъ есть искаженное имя Сенхароба, царя Аравіи; Акирь превращенъ изъ Гейкара, Наливскія страны изъ Пиневійскихъ. Вся исторія передается въ Русской сказкѣ отъ имени самого премудраго Акира, *книжочія*, который, не имѣя дѣтей, усыновилъ себѣ племянника Надана, заплатившаго дядѣ грубою неблагодарностью. Въ передѣльщикѣ замѣтно желаніе приновить Сказку къ нравамъ и обычаямъ Русскимъ. Наставленія Акира Надану, хотя первоначально заимствованы изъ подлинника, но передѣланы на свой ладъ и образовали особое поученіе, которое вставлено въ Сказку, но встрѣчается отъ нея отдѣльно. Сожалѣемъ, что памятникъ до сихъ поръ не изданъ. За подробностями мы отсылаемъ къ ученому изслѣдованію г. Пыпина.

Дьяніе и житіе Девгеніево Акрита есть, по мнѣнію г. Пыпина, Византійскій героическій романъ, или отрывокъ изъ отдѣльнаго эпоса Византійско-Палестинскаго, содержащаго сказанія о герояхъ и богатыряхъ. Впрочемъ подлинникъ самой сказки въ Греческихъ источникахъ не отысканъ. Карамзинъ познакомилъ насъ съ небольшимъ отрывкомъ изъ сказки, какъ она записана была въ сгорѣвшемъ Сборникѣ, содержащемъ Слово о полку Игоревѣ²⁷⁾. Г. Пыпинъ издалъ намъ Сказку, къ сожалѣнію, неполную, по списку изъ Погодинскаго древлехранилища, потомучто полной не отыскалось²⁸⁾. Конецъ дополняется свидѣтельствомъ Карамзина объ ея содержаніи. Въ сказкѣ мы видимъ ясно борьбу Христіанской вѣры съ Мусульманскою. У набожной вдовы Христіанки три сына и дочь, рожденная близнецомъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ. Амиръ, царь Аравитскій, похищаетъ дочь въ отсутствіе матери и сыновей ея. Три брата, по приказанію матери, ѣдутъ добывать сестру и отомстить позоръ семейный. Они побѣждаютъ стражу Амирову и доѣзжаютъ до него самого. Меньшому брату выпадаетъ жребій сразиться съ Амиромъ за сестру. Амиръ побѣжденъ, но соглашается принять Христіанскую вѣру, чтобы только жениться на дѣвѣ, которую сохранилъ онъ чистою. Амиръ крестился; мать невѣсты благословляетъ свадьбу. Отъ этого брака родится Акритъ, а въ крещеніи прекрасный Девгеній, богатырь чудной красоты и силы. По 11-му году онъ начинаетъ играть копьемъ, по 13-му на добрыхъ коняхъ ѣздить. Самъ юноша *красенъ весьма, лице его какъ снѣгъ, румяно какъ маковъ цвѣтъ*, волосы какъ золото, очи большія какъ чаши. Отецъ его даетъ ему коня бѣлаго что голубь, а въ гривѣ звонцовъ множество: какъ

юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, отъ гудѣнья звонцовъ люди ума лишаются.

По 14-му году Девгеній отправляется на звѣринные ловы. Всѣхъ дивить онъ своею храбростью и силою: лось, медвѣдь и еще какой-то чудный звѣрь съ свирѣпою пастью падаютъ отъ руки его. Отецъ въ восторгѣ отъ охотничьихъ подвиговъ сына, но пора ему приниматься и за ратные подвиги. Отецъ самъ омываетъ у чудеснаго источника тѣло сына отъ поту и крови звѣринныхъ, и тутъ же омытый Девгеній поражаетъ четвероглаваго змѣя, внезапно прилетѣвшаго; но отецъ омыль его снова, нарядилъ въ драгоценныя одежды и убранства, посадилъ на коня со звонцами; заигралъ подъ нимъ конь, загудѣли звонцы, и приѣхалъ онъ въ домъ къ матери, и не могла она нарадоваться на сына, любовалась на него, цѣловала его, и съ той поры задумалъ Девгеній о дѣлахъ ратныхъ.

За тѣмъ описаны два его подвига: надъ царемъ Филипатою и его воинственной дочерью Максиміаною, надъ Стратигомъ царемъ и такоюже дочерью его Стратиговною, которая по предсказаніямъ книжнымъ должна быть его супругою 36 лѣтъ. Въ этихъ подвигахъ все уступаетъ его чудесной силѣ, а сила его вотъ въ чемъ, какъ самъ онъ говоритъ дѣвицѣ Максиміанѣ: „не имѣю ни отъ каковаго человѣка помощи, кромѣ милости Божіей и материнской молитвы: та мнѣ поможетъ“.

Въ этой сказкѣ, которой источникъ рѣшительно неизвѣстенъ, отзывается древняя страсть нашего народа къ богатырскимъ преданіямъ. Меньшому брату удается подвигъ освобожденія сестры: за меньшаго всегда поэзія, какъ за жертву въ дѣйствительной жизни древняго родового быта. Прекрасенъ образъ Девгенія на бѣломъ, какъ голубь, конѣ, конѣ музыкальномъ съ его гудящими въ гривѣ звонцами. Это созданіе своею граціею достойно истиннаго художника. Но внѣшній прекрасный образъ исполненъ и нравственнаго смысла: отецъ самъ своею рукою омываетъ сына отъ нечистой звѣриной крови, чтобы приготовить къ ратнымъ подвигамъ, а сила его на войнѣ — Божія милость да материнская молитва, которая, по смыслу древняго Русскаго человѣка, со дна моря вынимаетъ.

Третье *Сказаніе объ Индіи богатой*, находившееся въ томъ же сгорѣвшемъ Сборникѣ, по словамъ Карамзина, заимствовано изъ мнимаго письма пресвитера Іоанна къ Мануилу, Греческому Императору. Пресвитеръ Іоаннъ былъ вмѣстѣ, какъ говорится въ письмѣ, и царемъ Индіи, владычествовалъ надъ 72-мя царями переписывался съ Папами и Европейскими государями. По инымъ это былъ Татарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими миссіонерами. Чудеса, рассказываемыя здѣсь объ Индіи, въ родѣ того, что люди тамъ не лгутъ, блѣднѣя отъ лжи какъ мертвецы, что улицы намощены драгоценными камнями, привлекали нашихъ древнихъ читателей къ этому Сказанію, которое не было еще подвергнуто до сихъ поръ ученому изслѣдованію²⁹).

Въ Сборникахъ XV вѣка нерѣдко встрѣчаются притчи и загадки, столько любимыя Русскимъ народомъ. Ихъ колыбель востокъ; онѣ нравятся умамъ младенчествующимъ, какъ все таинственное. Должно думать, что въ монастыряхъ нашихъ древніе Русскіе люди занимались этими мистическими вопросами и остроумными на нихъ отвѣтами. Сюда же отнесемъ и правоучительныя изреченія, кратко и сильно объемлющія какую-нибудь полезную для жизни истину. Приведемъ нѣсколько примѣровъ ³⁰).

Вотъ загадки: Кто не родившись умеръ? Кто родившись не умеръ? Кто умеръ и не истлѣлъ? Не родившись умеръ Адамъ, родившись не умеръ Енохъ, умерла и не истлѣла жена Лотова. *Вопросъ.* Древлянь ключъ, водянь замокъ, заяць убѣжалъ, а ловець погибъ. *Отвѣтъ.* Моисей ударилъ жезломъ море и прошелъ, а Фараонъ погибъ. — *В.* Который пророкъ дланю 7 небесъ покрывъ? *О.* Когда Предтеча крестилъ Господа и на него руку положилъ въ Иордани, тогда 7 небесъ покрывъ. — *В.* Пришелъ богатый къ нищему, много имѣя, а одного не имѣлъ. *О.* Христось пришелъ къ Иоанну, не имѣя крещенія. — *В.* Сколько времени Адамъ былъ въ раю? *О.* Столько же, сколько Исусъ Христось страдалъ на крестѣ. — *В.* Отъ чего въ 25 день глаголемаго Римлянами Марта мѣсяца Христось въ утробу Дѣвы вселился? *О.* Отъ того, что въ тотъ день создалъ Богъ Адама, и въ томъ же мѣсяцѣ древа и былія, и животныя въ плодоносіе и чадо-родіе подвижутся.

Вотъ притча о составленіи тѣла человѣческаго. Что есть? говоритъ писаніе. Когда земля опустѣеть, царь изнеможеть и сильныя его развѣдутся, тогда разрушатся каменные грады, источники изсякнутъ, вѣтры не возвѣютъ, пути великіе запустѣютъ, перестанутъ жернова молотъ, море великое умертвится, многолиственныя дресеса опадутъ, плодовиця опустѣютъ, скоты развидутся, рабы и рабыни отъ глада изнемогутъ. Тогда царь сойдетъ съ престола своего и отъ гнѣзда своего улетитъ, какъ твердо заклепанная голубица. *Толкъ.* Опустѣеть земля: не здраво будетъ тѣло; царь изнеможеть: умъ отымется; сильныя разойдутся: помыслы погибнутъ; разрушатся каменные грады: разрушатся кости человѣческія; источники изсякнутъ: слезы изъ очей перестанутъ; вѣтры возвѣютъ: дыханіе отымется; путь великій запустѣеть: проходъ гортанный; перестанутъ жернова молотъ: зубы; затворятся врата и двери: уши и уста; море великое умертвится: утроба человѣческая; многолиственныя и плодовиця дреса опадутъ: многоглаголивый языкъ и словесныя уста уложатся; скоты разойдутся: лукавыя помыслы; рабы и рабыни отъ глада изнемогутъ: руки и ноги безъ крови ослабѣютъ. Тогда царица изыдетъ отъ престола своего, какъ твердо заклепанная голубица отъ гнѣзда своего, изыдетъ душа изъ тѣла человѣческаго о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ.

Вотъ правоучительныя изреченія изъ Пчелы. — Въ друзьяхъ вѣрныхъ не ищи врага, ни въ злыхъ друзьяхъ друга вѣрнаго. Тать ненавидитъ солнца, а гор-

дый кроткаго. Пчела на звонъ летитъ, а мудрый на полезныя слова. Ни птицы упущенной скоро не поймашь, ни злаго слова изъ устъ испедшаго возвратить не можешь. Старъ, а несмысленъ, какъ вретнице обветшавшее, никому не на пользу. Умъ безъ книгъ аки птица опѣшена, какъ она взлетѣть не можетъ, такъ и умъ не домыслится совершеннаго разума безъ книгъ. Свѣтъ дневный—слово книжное, его же лишившись безумный какъ въ тьмѣ ходить и погибнетъ во вѣки.—Василій сказалъ: что это изрекъ Господь? Не мечите бисера моего предъ свиніями да его не попрутъ ногами. Бисеръ — книжныя слова, а свиньи безумныя чловѣки, не послушныя правому ученію. Кирикъ сказалъ: умному тайну отереть какъ уголь горящій въ воду бросить, а безумному какъ искру въ сѣно впустить.

Вотъ такія же изреченія изъ Пролога. Отческая клятва сына иссушить, а материнская искоренить. Благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ, а молитва матери спасетъ отъ напасти. Молитвы отца не забудетъ Богъ; не забывайте материнскаго труда, болѣзни и печали о чадахъ.

Вотъ отрывки изъ поученія о нравахъ добрыхъ и злыхъ. Четырьмя дѣлами темень бываетъ умъ: ненавистію другъ друга, похуленіемъ, рвеніемъ, злословіемъ. Четырьмя дѣлами пуста бываетъ душа: немолчаніемъ, нелюбленіемъ труда, хотѣніемъ плоти, скупустію.

Монастыри были тогда единственнымъ прибѣжищемъ образованности для народа Русскаго. Премудрыя изреченія переходили черезъ иноковъ изъ книгъ въ уста народа и до сихъ поръ еще многія изъ нихъ сохранились въ устномъ преданіи.

Политическое освобожденіе отечества, сношенія съ Греціею и съ Италіею, внесеніе свѣтскихъ стихій въ словесность, были причиною того, что искусства образовательныя начали сильнѣе у насъ развиваться въ XV вѣкѣ. Здѣсь не мѣсто излагать ихъ исторію, но нельзя не указать на тѣ наиболѣе значительныя памятники, которые отъ него намъ уцѣлѣли.

Въ храмахъ Кремлевскаго дворца есть иконы самаго чистаго Византійскаго стили, которыя устное преданіе ведетъ отъ переѣзда къ намъ Софіи Оминишны Палеологъ и Грековъ, еѣ окружавшихъ. Такovy храмовныя иконы въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою: Всемилоствиваго Спаса, по преданію, комнатная икона самой Софіи, Логгина сотника, Θεодора Стратилата, Іоанна Предтечи. Икона Логгина сотника здѣсь находится по благочестивому преданію въ родѣ Великихъ Князей Московскихъ, что великомученикъ Логгинъ сотникъ данъ былъ отъ Бога помощникомъ всему ихъ роду: они относились къ нему особенно во всѣхъ задушевныхъ своихъ молитвахъ³¹). Всѣ эти четыре иконы писаны Греками и носятъ на ликахъ и въ пошибѣ письма явные слѣды лучшаго національнаго Византійскаго стили. Въ церкви Воскресенія словущаго должно еще указать на икону Іоанна Богослова. Лѣтописи упоминаютъ о томъ какъ В. Князья и Цари хранили у себя многоцѣнныя иконы Греческаго письма отъ своихъ прародителей.

Въ началѣ XV вѣка былъ у насъ свой иконописецъ, монахъ Андрей Рублевъ; его иконы цѣнились на Руси наравнѣ съ иконами Греческаго письма³²). Мы имѣемъ живописные памятники его кисти, которые могутъ намъ подтвердить мнѣнія нашихъ предковъ. Въ 1408 году³³) онъ расписывалъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Даніиломъ, Городецкимъ жителемъ, Соборную церковь Богоматери во Владимірѣ. При Екатеринѣ II эта древняя иконопись должна была уступить мѣсто академической; но ее приняли въ свой храмъ крестьяне села Васильевского³⁴). Извѣстному нашему художнику Подключникову мы обязаны открытіемъ ея въ новое время. По копіямъ, снятымъ съ подлинниковъ, мы можемъ вѣрно судить, что иконное письмо Рублева достойно было образцевъ Византійскихъ: та же величавость стила, та же колоссальность размѣровъ.

Лишь только Москва вошла въ силы, лишь только стали мы свободны отъ варварскаго ига, какъ немедленно обнаружили сочувствіе къ западному образованію въ томъ, что оно предлагало прекраснаго. Изъ всѣхъ странъ Европы въ XV вѣкѣ Италия первенствовала, развивая искусство въ его классическомъ изяществѣ. Мы особенно сочувствовали ея зодчеству. Цѣлая семья архитекторовъ Италіянскихъ явилась у насъ. Московскій Успенскій соборъ, освященный въ 1479 году, есть памятникъ этого сближенія. Замѣчательно, что Семень Толбузинъ, посланный Иоанномъ III въ Венецію, *пытать* (найти) *церковнаго мастера*, избралъ Аристотеля Фіоравенти, который участвовалъ въ строеніи Св. Марка въ Венеціи, храма извѣстнаго Греческимъ своимъ стилемъ. Но когда Италіянецъ пріѣхалъ въ Россію, его пригласили взглянуть на древній соборъ во Владимірѣ и онъ долженъ былъ построить Московскій храмъ въ томъ же стилѣ.

Въ произведеніяхъ искусства, назначаемыхъ для религіи, зодчество Италіянское должно было у насъ покориться церковному преданію. Но въ памятникахъ зодчества государственнаго оно осталось свободно. Нашъ воздушный Кремль съ своими башнями, или стрѣльницами, какъ ихъ тогда называли, служитъ яркимъ тому свидѣтельствомъ. Его строили Маркъ Фризинъ, Петръ Антоній Соларій, Алонзій Миланецъ, подъ вліяніемъ Ломбардскаго стила. Кремль достойно вѣнчалъ Москву и царство Русское: государственная крѣпость облегла святыню храмовъ, силу духовную, и стала ей твердою оградой. Италіянское искусство украсило эту государственную твердыню своими легкими изящными формами. Кремль строили Италіяны, но онъ вышелъ изъ рукъ ихъ нашимъ, потому что прекрасная форма воплотила въ себѣ мысль Русской жизни XV вѣка. Вотъ почему и Русское сердце, которому близка Русская жизнь, бьется при видѣ Кремля, и просвѣщенные умы запада плѣняются имъ, признавая его художественное достоинство.

Кремль представляетъ у насъ первый прекрасный плодъ сближенія нашего съ лучшими стихіями западной образованности, но сближенія не насильственнаго не рабскаго, а свободнаго. Въ созданіи Кремля мы сохранили свою самостоятель-

ность: въ немъ живетъ наша мысль, выражается наша исторія; въ ней мы не продали души своей чужому образованію, не отказались отъ себя; свергнувъ иго Татарское, не подчинились какъ рабы ярму духовному ви́шней цивилизаціи, которое не такъ легко свергается. За то и Западъ не пренебрегаетъ нашимъ Кремлемъ, какъ пренебрегаетъ другимъ заемнымъ, рабскимъ ему подражаніемъ, а, признавая въ немъ что-то ему родное, уважаетъ въ немъ живую историческую мысль Русскаго народа.

Москва въ этомъ столѣтїи образовалась сердцемъ Россїи, и въ ней стали сростаться всѣ жилы государства. Въ гербѣ Московскомъ, кромѣ Византійскаго двуглаваго орла, сталъ красоваться крылатый всадникъ, побѣдоносецъ Георгій, копьемъ поражающій дракона, какъ мы видимъ это въ концѣ грамоты Іоанна III, писанной въ 1497 году³⁵). Побѣдоносецъ Георгій сталъ символомъ Москвы государственной, Москвы независимой, сразившей въ лицѣ орды бусурманскаго дракона. Москва явилась устроительницею жизни на Руси православной. Эта мысль находитъ отголосокъ въ народномъ стихѣ о Егорїи храбромъ³⁶), которымъ заключаемъ эту лекцію.

Во градѣ Іерусалимѣ у царя Θεодора и у благовѣрной царицы его Софіи премудрой, напоминающей наши три Софіи — Киевскую, Новгородскую и Московскую, родились три дочери и три отрока, а четвертый сынъ Егорій свѣтъ храбрый. Вотъ его изображеніе, напоминающее храмовую икону въ окладѣ:

По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорїа вся жемчужная.
По всемъ Егорїѣ части звѣзды³⁷).

Діоклитіанъ, мучитель Георгїа, замѣненъ здѣсь Демьянищемъ — бусурманищемъ, явнымъ олицетвореніемъ Орды Татарской. Егорій выноситъ у него въ плѣну всѣ возможныя мученія за православную вѣру; но его не берутъ ни пилы жидовскія, ни топоры нѣмецкіе — все намеки на тѣ ереси, которыя обуревали Русскую Церковь въ XV вѣкѣ. Его не сварила и смола въ котлѣ.

Смола кипитъ, яко громъ гремитъ,
А посверхъ смолы Егорїй плаваетъ:
Онъ поетъ стихи херувимскіе....

Демьянище зарываетъ Егорїа въ погребъ глубиною на сорокъ сажень, закрываетъ досками желѣзными, задвигаетъ щитами дубовыми, забиваетъ гвоздями полужѣнными, засыпаетъ песками рудожелтыми, засыная притаптываетъ и приговариваетъ:

„Не бывать Егорью на Святой Руси!
 „Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
 „Не обозрѣть Егорью солнца краснаго,
 „Не видать Егорью отца и матери,
 „Не слыхать Егорью звона колокольнаго,
 „Не слыхать Егорью пѣнія церковнаго“.

Тридцать лѣтъ провелъ Егорій въ этомъ подземномъ заточеніи. Тогда явилась ему во снѣ Богоматерь, и вдругъ, по Божьему повелѣнію, по Егорьеву моленію,

Отъ свята града Ерусалима
 Поднимались вѣтры буйные:
 Разносило пески рудожелтые,
 Поломало гвозди полужѣные,
 Разнесло щиты дубовые,
 Разметало доски желѣзныя.
 Выходилъ Егорій на святую Русь:
 Завидѣлъ Егорій свѣту бѣлаго,
 Услышалъ звону колокольнаго,
 Обогрѣло его солнце красное,
 И пошелъ Егорій по святой Руси...

Сначала Егорій ѣдетъ въ Іерусалимъ къ матери своей Софіи и просить ея благословенія на то, чтобы по всей землѣ свѣтлорусской утвердить вѣру Христіанскую. Мать велитъ Егорію взять коня богатырскаго со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ, со сбруею богатырскою, съ вострымъ копьемъ булатнымъ и съ книгою со Евангеліемъ. Вотъ благочестивый поѣздъ Егорія по Руси, исполненный истинной поэзіи:

Тутъ же Егорій поѣзжаючи.
 Святую вѣру утверждаючи.
 Бусурманскую вѣру побѣждаючи,
 Наѣзжалъ на лѣса на дремучіе:
 Лѣса съ лѣсами совивалися,
 Вѣтя по землѣ разстилалися;
 Ни пройти Егорью, ни проѣхати.
 Святый Егорій глаголетъ:
 „Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
 „Встаньте и разшатнитесь:
 „Разшатнитесь, раскачнитесь:
 „Порублю изъ васъ церкви соборныя,
 „Соборныя да богомольныя!
 „Въ васъ будетъ служба Господняя!
 „Зароснитесь вы, лѣса,
 „По всей землѣ свѣтло-Русской,
 „По крутымъ горамъ по высокімъ“!

По Вожьему все повелѣнію,
 По Егоріеву все моленію,
 Разрослись лѣса по всей землѣ,
 По всей землѣ свѣтло-Русской
 По крутымъ горамъ по высокимъ;
 Ростутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Такъ Егорій наѣзжаетъ на рѣки: онѣ протекаютъ также по землѣ Русской, исполняя повелѣніе Божіе. Равно и горы ему повинуются: онъ ставитъ на нихъ соборныя церкви. Волки и другіе звѣри разбѣгаются по землѣ Русской и пьютъ, и ѣдятъ повелѣнное и благословенное отъ Егорія. Змѣи уходятъ въ землю и питаются въ ея нѣдрахъ. Чудесная Черногарь птица, держащая въ когтяхъ осетра, съ воротъ Корсунскихъ въ Кіевѣ взвивается подъ небеса и поселилась на Океанѣ, гдѣ пьетъ и ѣтъ и дѣтей производитъ. Послѣдній подвигъ Егорія — уничтоженіе силы бусурманской въ царичѣ Демьяничѣ. Онъ въ самомъ Иерусалимѣ сбѣгаетъ ему злодѣйскую голову по могучія плечи; богатырскою палицей разрушаетъ его палаты бѣлокаменные, очищаетъ Христіанскую землю и утверждаетъ Христову вѣру. Трехъ родныхъ сестеръ своихъ онъ приводитъ къ Иордани и омываетъ въ водахъ его: кожа на нихъ во время ихъ плѣна превратилась въ еловую кору, волосы въ камышь-траву. Онѣ очищены отъ этихъ наростовъ бусурманства, онѣ приложились къ Христову гробу, освободились отъ всей нечистоты пришлой и снова возвращены своей матери, премудрой Софіи.

Егорій храбрый есть символъ Москвы, устроившей въ XV столѣтіи единство раздѣленной земли Русской. Устраивающая сила была духовная, сила православія, какъ мы видѣли это въ словѣ обильныхъ посланій Русскаго духовенства. Сверженіе ига Татарскаго знаменуется уничтоженіемъ бусурманскаго царя Дамьяна; но оно было только приготовленіемъ къ великой борьбѣ нашей съ исламомъ, который палъ у насъ позднѣе въ образѣ трехъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Но надежды народа Русскаго, какъ мы видимъ въ гѣсни о Егоріи, простираются далѣе, до водъ священнаго Иордана, до Иерусалима и до Цареградской Софіи, мысль о которой сливается съ мыслию о гробѣ Господнемъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Часть 2. Спб. 1837. Изданіе Сахарова, стран. 29.

2) Истор. Кар. 1815. Т. 5, стран. 224.

3) Древн. Росс. Вивлюе. Новикова. Изд. второе. М. 1788. Т. VI, ч. IV.

стран. 27. Путешествіе Исидора Митрополита на Флорентинской соборъ, въ 6945 (1436) году. — Путешествіе инока Симеона Суздальскаго въ Италію въ 1437 году, въ помянутомъ изд. Сахарова, стран. 79. „А мнѣ Симеону и другимъ инокамъ довелось быть за другимъ столомъ. . . . и вопросы мя единъ о имени, и азъ повѣда ему яко Симеонъ инокъ изъ Суздаля града“. . . .

4) Хожденіе Авраамія Суздальскаго на восьмой Соборъ, съ Митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945 (1436). Древн. Росс. Вивліое. Т. XVII, стран. 178.

5) Ученія Зап. 2-го Отд. Акад. н. Кн. 2. Вып. 2. Спб. 1856, стран. 229.

6) Соф. Врем. Ч. 2. М. 1821, стран. 145. — Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI. Спб. 1853, стран. 330. Прибавленія ч.

7) Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. н. Кн. 2. Вып. 2. Спб. 1856. Хоженіе за три моря Аванасія Никитина. Чтенія И. И. Срезневскаго.

8) Полн. собр. лѣтоп. Т. VI, стран. 354 — 358. Примѣчанія къ статьѣ подъ литерой Г. Здѣсь въ прим. 48 встрѣчаемъ слово: *алафа* жалованье, которое отъ Татаръ перешло къ Русскимъ. Отсюда наше *лафа*.

9) Прим. 63 тамъ же.

10) Никон. лѣт. ч. 4, стран. 246 — 249, 258 — 264. — Лѣтописецъ, служ. продолж. Нестору. 1784. 195 — 207. Соф. Врем. 405 — 413. Полн. собр. лѣтоп. Т. VI. 124 — 128. Срезневскаго Повѣсти о Тамерланѣ тамъ же, гдѣ Хоженіе Никитина, стран. 233.

11) „Его же (Темиръ Абсака) иногда въ повѣстехъ слышахомъ далече суща подъ востоки солнечными; нынѣ же близъ яко при дверехъ приближился есть и готовится и поощряется и вооружается на ны зѣло“.

12) Никон. Лѣтоп. Т. V. Стран. 222. Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи Царяграда. Стран. 231. О взятіи Царяграда.

13) Учен. Зап. 2-го Отд. Акад. Н. кн. I. 1854. Памятники языка и словесности. Стран. 99. Повѣсть о Цареградѣ. Чтеніе И. И. Срезневскаго.

14) См. 91 Прим. къ Повѣсти о Цареградѣ И. И. Срезневскаго.

15) Полн. собр. Русск. лѣтоп. Т. VI, стран. 151.

16) Соф. Врем. Т. II, стран. 107.

17) Полн. Собр. лѣтоп. Т. VI, стран. 200. О поѣздѣ Великаго Князя въ Великій Новгородъ.

18) Никон. Лѣтоп. Т. V, стран. 28.

19) Тамъ же стран. 8, 19 и 93.

20) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ. 1859. Кн. 4. Шемякинъ Судъ. Статья г. Пыпина.

21) Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, стран. 344. Объясненіе сказанія, стран. 2. 15.

22) Опис. Русск. муз. № 358, стран. 511.

23) Истор. Кар. Т. VII, стран. 230 и прим. 411.

24) Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи, соч. Палаузова. Стран. 70 и 74.

25) Истор. Гос. Рос. т. III, прим. 272.

- 26) Очеркъ литер. исторіи стар. пов. и сказ. Русскихъ, стран. 63.
 27) Ист. Гос. Росс., т. III, прим. 272.
 28) Очеркъ. Стран. 316. Изслѣдованіе стран. 85.
 29) Истор. Кар. Т. III, прим. 272 и 282. Очеркъ Пыпина, стран. 89.
 Напеч. въ 4-й кн. Лѣтоп. г. Тихонравова.
 30) Заимствованы изъ Сборника Іосифова монастыря № 529.
 31) Никон. Лѣтоп. Т. V, стран. 56.
 32) Ист. Кар. Т. IX, стран. 458.
 33) Т. V, стран. 238.
 34) Это село, принадлежащее Гр. Шереметеву, находится во Владимірской губерніи, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ Шуи. Копіи, снятыя съ нѣкоторыхъ иконъ, можно видѣть всегда въ мастерской Н. И. Подключникова. Голова же Ангела даетъ понятіе о величавыхъ размѣрахъ иконописи.
 35) Собр. госуд. грам. и догов. № 129.
 36) Русскія народныя пѣсни, собр. П. Кирѣевскимъ, ч. I. 1848, стр. 4.
 37) Въ этомъ изображеніи, столько напоминающемъ икону, г. Буслаевъ видитъ не лицо Христіанскаго міра, а миѳическое существо (См. его рѣчь о народной поэзіи).

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Геннадій Гонзовъ. — Жизнь его. — Посланія. — Ихъ характеръ. — Пасхалія. — Полная Славянская библія 1499 года. — Іосифъ Санинъ. — Его духовное воспитаніе. — Свидѣтельство объ обителяхъ, ему современныхъ. — Общежительный уставъ. — Основаніе Волоколамскаго монастыря въ 1469 году. — Преданія обители. — Борьба съ Жидовскою ересью. — Дѣло съ Серапіономъ. — Кончина (1515). — *Просвѣтитель*. — Жидовская ересь. Общее содержаніе книги. — Двойкій характеръ. — Основныя истины вѣрученія о Богѣ. — Раздѣленіе древней исторіи до Христа. — Мысль о кровавой жертвѣ ветхаго міра. — Отношеніе богослова къ явленіямъ природы. — Мысли, проникшія въ жизнь Русскаго человѣка. — Мысли о церкви и молитвѣ. — О томъ, какъ служить Богу. — Характеръ пяти словъ гонительныхъ. — Исходъ ихъ. — Обличеніе отъ Вологодскихъ старцевъ. — Заключеніе.

Три славныхъ мужа дѣйствовали въ нашей духовной словесности въ концѣ XV вѣка и связываютъ его съ началомъ XVI-го: Геннадій Гонзовъ, Іосифъ Санинъ и Ниль Сорскій.

Годъ рожденія и первоначальное воспитаніе Геннадія остались неизвѣстны. Онъ происходилъ отъ Московскаго боярскаго рода Гонзовыхъ. Колыбелью его иноческаго житія была обитель Валаамская; руководителемъ въ немъ Савватій Соловецкій. Въ благодарность къ нему настояніемъ и усердіемъ Геннадія написано было житіе Савватія и сподвижниковъ его Германа и Зосимы. Изъ Архимандритовъ Чудовской обители въ Москвѣ Геннадій былъ возведенъ въ санъ Архіепископа Новгородскаго въ 1485 году. Здѣсь начались его подвиги на пользу

Русской Церкви. Святительствовалъ онъ 19 лѣтъ. Главнымъ дѣломъ его жизни была побѣдоносная борьба съ Жидовскою ересью; онъ открылъ еретиковъ при самомъ вступленіи своемъ на кафедру Новгородскую; изгналъ ихъ изъ Новгорода и преслѣдовалъ въ Москвѣ, куда они убѣжали; вызвалъ на борьбу съ ними Іосифа Волоцкаго и окончательно сокрушилъ ихъ на соборѣ 1504 года, но самъ палъ жертвою этой борьбы. Зависть и вражда заставили его отказаться отъ святительской кафедры. Геннадій окончилъ жизнь свою, 14-го Декабря 1505 года, въ той же Чудовской обители, откуда былъ вызванъ въ Новгородъ и гдѣ соорудилъ храмъ во имя Святителя Алексія. Тѣло Геннадія, причисленнаго Церковью къ лику Святыхъ, покоится въ древнемъ храмѣ Михаила чуда, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были вырыты мощи Св. Алексія¹⁾.

Полемиическая дѣятельность Геннадія противъ Жидовской ереси относится къ трудамъ товарища его въ томъ же дѣлѣ, Іосифа Санина. Мы здѣсь коснемся другихъ памятниковъ его слова. Дѣятельнъ былъ Геннадій въ поученіяхъ къ народу и въ Новгородѣ, и во Псковѣ. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что къ Псковитянамъ онъ приходилъ на вѣче, благословлялъ народъ и говорилъ слова учительныя²⁾. Но народъ ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ не сочувствовалъ пастырю, вѣроятно, по причинѣ его строгости. Отъ литературной его дѣятельности дошло до насъ нѣсколько посланій: 1 и 2) къ Нифонту, Епископу Суздальскому, и къ Прохору, епископу Сарскому; 3) къ Іоасафу, Архіепископу Ростовскому и Ярославскому (1489); 4) къ Митрополиту Зосимѣ (1490); 5) къ Митрополиту Симону (1496 — 1504)³⁾. Три первыя касаются всего болѣе еретиковъ Новгородскихъ. Они обнаруживаютъ пылкій характеръ Геннадія. Слово Пророка Іезекіиля побуждаетъ его противъ нихъ. „По Господню слову, иже Пророкомъ Іезекіилемъ рече: вы стражи, аще видите мечъ грядущъ и не вострубите трубою и не проповѣсте людемъ, да ся людіе снабдятъ, и нашедъ мечъ возьметъ отъ сихъ душу, таковъ убо беззаконіа дѣла своего взятыя, а крови ея отъ руки стражей възыщу“. — Одушевленный этимъ словомъ и подозрѣвая, вѣроятно, самого Зосиму въ отступленіи, Геннадій требуетъ отъ него казни еретиковъ словами: „Толко же ты, господинъ отецъ нашъ, тѣхъ еретиковъ накрѣпко не обещаши, да ихъ не велиши казнити да проклятыю предати, ино ужъ мы какіе то будемъ владыки, что ли паки наше пастырство зовется?“ Въ этихъ отрывкахъ рѣзко обозначается пылкій духъ писателя и характеръ его слога.

Вотъ еще одно мѣсто изъ посланія къ Зосимѣ: изъ него очевидны и вѣкъ, и энергія Геннадіева. Въ Кремлѣ становилось тѣсно для разрастающейся силы государственной при Іоаннѣ III; нѣкоторые монастыри и церкви вынесены были оттуда вонъ; коснулись даже и древняго кладбища; перенесли гробы предковъ, покоившихся въ Кремлѣ, на Дорогомилово. Вспыхнулъ Геннадій при слухѣ объ этомъ. Вотъ его слово Митрополиту: „А нынѣ бѣда стала земская да нечестъ

государская великая: церкви старыя извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старыя извѣчныя съ мѣста переставлены; а кто вѣру держитъ ко святымъ Божиимъ церквамъ, ино то писано сице: „освяти любящая благолѣпіе дому твоего и тѣхъ прослави божественною твоею силою“. Да еще паки сверхъ того и кости мертвыхъ выношены на Дорогомилово, ино кости выносили, а тѣлеса вѣдь тутю остались, въ персть разошлись; да на тѣхъ мѣстахъ садъ посаженъ, а Моисей писалъ во Второмъ Законѣ: „да не насадиши садовъ, ни древа, подлѣ требника Господа Бога твоего“; а господинъ нашъ отецъ Геронтей Митрополитъ не воспретилъ, то онъ вѣдаетъ, каковъ отвѣтъ за то дастъ Богу. А гробокопателемъ какова казнь писана, а вѣдь для того, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, не велѣно ихъ съ мѣста двинути, — опричь тѣхъ великихъ Святыхъ, коихъ Богъ прославилъ чудеса, да Божиимъ повелѣніемъ и ангельскимъ явленіемъ бываетъ пренесеніе мощемъ на избавленіе людемъ и на утверженіе и на почестъ градовомъ. А что вынесши церкви, да и гробы мертвыхъ, да на томъ мѣстѣ садъ посадити, а то какова нечестъ учинена? отъ Бога грѣхъ, а отъ людей соромъ. Здѣсе пріѣзжалъ Жидовинъ новокрещеной, Даниломъ зовуть, а нынѣ крестьянинъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: понарядился де еси изъ Кіева къ Москвѣ, ино де мнѣ почали Жидова лаять: „собака де ты, куды нарядился? Князь де Великій на Москвѣ церкви всѣ выметалъ вонъ“.

Геннадій, какъ видимъ, крѣпко стоялъ за святыню старины, за священныя обычаи предковъ и смѣло укорялъ Московскую власть въ ихъ нарушеніи. Такъ боролся онъ и съ остатками вѣчевой власти Новгородца и Пскова въ томъ, гдѣ ими нарушалось преданіе. Подобная ревность не мѣшала ему нисколько пешись о народномъ образованіи и просить М. Симона, чтобы онъ побуждалъ Государя къ учрежденію училищъ. Мы знакомы уже съ этимъ посланіемъ. Новгородцы избирали священниковъ и діаконъ изъ всѣхъ сословій и приводили нерѣдко безграмотныхъ на ставленіе къ Святителю. „А се приведуть ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ и по тому едва бредеть, и язъ его оторку (отреку, т. е. откажу), и они извѣтъ творять: „земля, господине, такава, не можемъ добыти кто бы гораздъ грамотѣ“; ино де вѣдь-то всю землю излаяли, что нѣтъ челоуѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство“. Геннадій такъ просилъ Государя черезъ Митрополита о заведеніи училищъ: „А язъ того для бью челоуѣкъ Государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его разумомъ и грозю, а твоимъ благословеніемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ Отецъ нашъ, Государемъ нашимъ, а своимъ дѣтемъ Великимъ Княземъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучать, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги“. Генна-

дій жалуется, что между мірскими грамотѣями изъ мужиковъ завелась для церковныхъ потребъ промышленность; что они учать не грамотѣ, а только разнымъ службамъ нанзуть, чтобы безграмотные чтецы могли за нихъ добывать себѣ деньги. Вотъ обвиненіе Геннадія. „А се мужики невѣжи учать робять да рѣчь ему испортить, да первое изучить ему вечерню, ино то мастеру принести баша да гривна денегъ, а завтраня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца (т. е. могорыча), что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидеть, и онъ ничего не умѣеть, только-то бредеть по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ“.

Такъ промышленники XV вѣка пользовались для своихъ корыстныхъ видовъ страстію къ обрядной набожности въ нашихъ предкахъ, какъ промышленники другихъ столѣтій пользуются страстію къ виѣшней цивилизаціи въ своихъ современникахъ. Геннадій обличалъ ихъ и имъ противодействовалъ: отсюда понятно неблаговоленіе къ нему невѣжественной толпы, преданной идолу корыстолюбія.

Авторъ Обзора Русской духовной литературы весьма справедливо замѣчаетъ, что Геннадіевы писанія отличаются простою Русскою рѣчью, съ самою незначительною примѣсью Церковнаго языка. Приведенныя мѣста могутъ подтвердить истину этого замѣчанія. Народныя слова: *лайба* отъ лаять (какъ *похвалба* отъ хвалить), *оторку*, *могорычъ* даютъ живую краску этому языку и показываютъ, какъ Геннадій, говоря народу, сближался съ нимъ въ его рѣчи.

Когда прошелъ 1492 годъ и миновала страшная седьмая тысяча, Митрополитъ Зосима поручилъ Геннадію продолжить Пасхалію на восьмую тысячу и самъ началъ этотъ трудъ на 50 лѣтъ. Геннадій составилъ новую Пасхалію только на 70 лѣтъ: число мистическое, изъ котораго не смѣли выйти. Мы имѣемъ въ Синодальной библиотекѣ трудъ его въ позднѣйшемъ спискѣ. Пасхаліи предшествуетъ предисловіе, въ которомъ Геннадій рассказываетъ исторію страха, какимъ были одержимы, ожидая втораго пришествія, не только простые люди, но даже и образованные. Предисловіе заключается истолкованіемъ Символа вѣры. Въ 1542 году Пасхалія была продолжена священникомъ Новгородскимъ Агаономъ на 532 года ⁴⁾.

Мы уже знакомы съ великимъ трудомъ Геннадія, съ полнымъ кодексомъ Библии 1499 года, который составленъ былъ на его Архіепископскомъ дворѣ, подъ руководствомъ его же Архидіакона инока Герасима. Дѣяки писавшіе были: Василь Іерусалимскій, Гридя Исповѣдницкій, Климентъ Архангельскій. Переводъ Маккавейскихъ книгъ съ Латинскаго совершенъ былъ, по повелѣнію Геннадія, Доминиканскимъ монахомъ Веніамномъ, который былъ родомъ Славянинъ ⁵⁾. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Геннадію принадлежало главное наблюденіе за этимъ великимъ трудомъ. Въ Синодальной библиотекѣ есть его

Уставъ церковный⁶⁾; въ Каноникѣ Сергіевой Лавры молитва къ Богоматери, составленная въ 1497 году⁷⁾.

Прадѣдъ Іосифа Волоцкаго Александръ въѣхалъ изъ Литвы и носилъ прозвище Саня, передѣланное въ Русское Санинъ. Іосифъ родился въ селѣ Язвищѣ, которое было дано В. Княземъ Московскимъ въ вотчину его прадѣду. Семья благочестивыхъ родителей, Ивана и Марины, и Волоколамскій Кресто-Воздвиженскій монастырь были первыми мѣстами его воспитанія. Семилѣтній отрокъ Иванъ былъ отданъ въ обитель старцу Арсенію на обученіе грамотѣ. Монастырская жизнь рѣшила его призваніе. Въ другой обители Пресвятой Богородицы на Возмищѣ онъ продолжалъ свои приготовленія къ иноческой жизни; здѣсь рано спознался онъ съ одиночествомъ кельи, съ жизнію молитвеннаго безмолвія. Здѣсь подружился онъ съ товарищемъ знатнаго рода, Борисомъ Кутузовымъ. Но на двадцатомъ году Іоаннъ почувствовалъ нужду въ духовномъ наставникѣ. Слава старца Варсонофія, который спасался въ уединенной пустыньѣ близъ Саввина монастыря въ Тверской области, привлекла къ себѣ юношу. Строгость его характера обнаружилась за трапезой иноковъ обители; онъ не могъ вынести ихъ нескромныхъ разговоровъ и бѣжалъ изъ-за трапезы прямо въ пустыню къ Варсонофію, который, однако, не принялъ его къ себѣ, а указалъ ему на Пафнутія, учредившаго монастырь въ Боровскѣ. Іоаннъ пришелъ къ Пафнутію въ то время, какъ онъ съ братією таскалъ и обтесывалъ бревна. Прямо отъ работы, при первомъ звукѣ вечерняго колокола, Ігуменъ спѣшилъ въ храмъ. Такова была дѣятельность Пафнутія. Шестидесятипятилѣтній старецъ отличался даромъ необыкновенной прозорливости, какъ свидѣтельствовали о немъ ученики его. По чертамъ и выраженію лица онъ отгадывалъ мысли и поступки человѣка. Конечно, онъ прозрѣлъ назначеніе пришедшаго и въ самый день прихода постригъ Іоанна, нарекиши Іосифомъ.

Семнадцать лѣтъ Іосифъ находился подъ руководствомъ этого строгаго и дѣятельнаго наставника. Онъ проходилъ всѣ возможныя послушанія, начиная съ поварни и хлѣбопекарни. Терпѣливо и усердно служилъ онъ болящей братіи и потомъ принять былъ Пафнутіемъ въ собственную келью и возведенъ въ санъ экклисіарха. Іосифъ привлекъ къ себѣ въ обитель своего отца и двухъ братьевъ, Вассіана и Акакія. Его мать Марина постриглась въ женскомъ Волоколамскомъ монастырѣ и тридцать лѣтъ была инокиней. Братья — Іосифъ и Вассіанъ — хранили воспоминанія о своемъ учителѣ Пафнутіи и послѣ перенесли ихъ въ монастырь, основанный Іосифомъ. Преданія самого Пафнутія восходили до временъ Петра Митрополита, перваго основателя духовной жизни въ предѣлахъ Московскихъ. Вассіанъ, братъ Іосифовъ, написалъ и житіе Пафнутіево.

Незадолго до своей кончины Пафнутій назначилъ преемникомъ себѣ Іосифа. Но Іосифъ, по смерти наставника принявъ на себя званіе игумена, не былъ до-

волею уставомъ обители и особенно его исполненіемъ. Въ тому же и самъ Пафнутій завѣщалъ Іосифу улучшить въ обители нѣкоторые обычаи. Не встрѣтивъ сочувствія въ большей части иноковъ къ предполагаемымъ измѣненіямъ, Іосифъ отправился въ путь по Россіи, чтобы лично осмотрѣть другія славныя обители и избрать изъ нихъ все лучшее, и взять себѣ въ спутники инока Герасима Чернаго.

Въ своей Духовной грамотѣ, содержащей уставъ иноческаго житія, Іосифъ сохранилъ намъ любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи многихъ славныхъ монастырей. Онъ говоритъ, что хотя и не видалъ прежнихъ святыхъ отцевъ, просіявшихъ въ нашей землѣ: Сергія, Варлаама, Кирилла и иныхъ подобныхъ имъ, но видѣлъ многихъ, которые были ихъ учениками. Уставы иноческіе, заповѣданные великими подвижниками, подвергались многимъ измѣненіямъ со стороны новыхъ игуменовъ, но находили также приверженцевъ и защитниковъ, которые строго, даже до мученичества, отстаивали ихъ силу. Дѣло обходилось не безъ борьбы многотрудной. Въ обители Сергія неусыпная его дѣятельность, забота о своей паствѣ и нищета, имъ любимая, сохранялись по прежнему: даже книги писали не на пергаментѣ, а на берестовой корѣ. Въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго старцы Досіеѣй, Ілія, Чапѣй и Игнатій Бурмага, со многими иными, отстаивали преданія Кирилловы противъ новыхъ пришлыхъ и даже своихъ настоятелей, и терпѣли отъ нихъ мученія и смертельныя побои. Около Москвы, въ монастырѣ Симоновомъ, старецъ Варѣоломей защищалъ преданія и обычаи, введенные Феодоромъ, племянникомъ Сергія, и Кирилломъ, противъ новыхъ Архимандритовъ, ихъ измѣнявшихъ. Іосифъ передаетъ то, что самъ видѣлъ, о Саввѣ, основателѣ Тверской обители, и братѣ его, пустынникѣ Варсонофій, великомъ любителѣ книгъ и чтенія, который имѣлъ у себя въ пустынѣ многочисленную бібліотеку, разрѣшалъ недоумѣнія многихъ и даже Митрополита Фотія, касавшіяся Слова Божія, помнилъ все священное писаніе, всегда держалъ его на языкѣ и всѣмъ неоскудно подавалъ эту духовную милостыню. Когда же Савва и Варсонофій скончались, и тутъ была борьба за ихъ завѣты противъ новыхъ настоятелей. Въ Савватіевой пустынѣ, недалеко отъ Твери, Іосифъ видѣлъ славнаго старца Евфросина, родомъ князя Тепринскаго. Въ монастырѣ Андрониковскомъ, близъ Москвы, хранились преданія Андроника, ученика Сергіева; здѣсь Іосифъ упоминаетъ о славныхъ иконописцахъ Даніилѣ и ученикѣ его Андреѣ Рублевѣ, которымъ и въ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова не было другой высшей радости, какъ смотрѣть на божественныя иконы и отъ изображеній возноситься мысленно къ изображеннымъ Владыкѣ Христу, Пречистой Его Богоматери и всѣмъ Святымъ. Въ Чудовскомъ монастырѣ хранились преданія учениковъ Сергія, поставленныхъ Митрополитомъ Алексіемъ. Іосифъ самъ видѣлъ Макарія, основателя монастыря Колязинскаго, и бесѣдовалъ съ нимъ. Одинъ

старецъ, инокъ Митрофанъ Бывальцевъ, жившій девять лѣтъ на горѣ Аеонской, утверждалъ, что въ Колязинской обители жизнь иноковъ была совершенно подобна жизни киновій святогорскихъ и что онъ понапрасну ходилъ во Святую гору мимо Колязинскаго монастыря, въ которомъ точно также могъ бы спастись.

Иосифъ, съ новымъ общежительнымъ уставомъ, плодомъ его двухлѣтняго наблюдательнаго странствія, возвратился въ Пафнугіеву обитель; но здѣсь братія, соскучившись его долгимъ отсутствіемъ и не желая переменъ въ образъ своей жизни, выпросила уже себѣ новаго Настоятеля. Тогда Иосифъ рѣшился учредить свою обитель и ввести въ нее свой уставъ, основанный на самыхъ строгихъ правилахъ древняго монастырскаго общежитія.

Въ лѣсахъ Волоколамскихъ, въ сосновомъ бору, гдѣ небольшая рѣчка Струга вливается въ Сестру, при содѣйствіи Волоколамскаго Князя Бориса Васильевича, Иосифъ основалъ свою обитель въ 1469 году. Но и здѣсь не вдругъ онъ могъ ввести общежительный уставъ, а постепенно, когда собралось у него до ста человѣкъ братіи.

Строгій характеръ Иосифа и непреклонная воля его положили особенную печать на учрежденной имъ обители. Возстановленіе общаго житія въ древнемъ его видѣ, такъ, какъ оно было внесено въ монастыри наши Феодосіемъ, было главною задачею Иосифа. Отсутствіе всякой собственности, одежда, ѣда и питіе общее, строгое исполненіе церковнаго устава во время богослуженія, составляли главную сущность общаго житія. Къ тому присоединялась ежедневная исповѣдь во грѣхахъ по окончаніи дня отцу своему духовному. Кромѣ игумена управлялъ монастыремъ совѣтъ изъ старцевъ. Женщинамъ до того былъ запрещенъ входъ въ монастырь, что Иосифъ не принялъ даже пришедшей къ нему матери. „Истинное сродство, говорилъ Иосифъ, се есть еже подобитися добродѣтелию сродному и богуи угоднаа творити и ему спострадати во всемъ“. Отроки не допускались въ монастырь, какъ это бывало прежде.

Пища у иноковъ была простая и состояла изъ трехъ яствъ; но однимъ изъ трехъ инокъ долженъ былъ жертвовать въ пользу нищаго. Иноки памятовали и записали въ Иосифовскомъ отечникѣ⁸⁾ другое слово наставника; „достоитъ иноку въ общемъ житіи живущу едино брашно оставляти и глаголати: сіе часть Христа моего“. Наставникъ прибавлялъ къ тому: „аще которой братъ совершитъ довлѣяса трапезною пищею, отъ сего не осуженъ будетъ, яко съ благословеніемъ предлагаема суть; горе же тайно ядущему по писанію Григорія Двоеслова, и вещи и сребренники особно имущему“. Вотъ почему братія ничего не имѣла въ келліяхъ, кромѣ иконъ, божественныхъ книгъ и худыхъ ризъ, а потому келліи крѣпко не запирались. Иосифъ помнилъ, какія худыя ризы носилъ преп. Сергій, по преданію, слышанному въ его обители, и тотъ же обычай ввелъ въ свою: всѣ иноки носили у него худыя одежды и обувь имѣли изъ лыкъ.

По случаю прихода къ нему въ обитель двухъ мірянъ, дѣтей его духовныхъ, Θεодосія живописца и вѣрнаго ученика его Θεодора, въ иночествѣ принявшаго имя своего учителя, Іосифъ объявилъ братіи, что они стяжали свѣтильники дѣвственности отъ самаго младенчества, что это не могло быть безъ особеннаго Божія дарованія. Уподобляя ихъ пяти мудрымъ дѣвамъ, принявшимъ свѣтильники свои во срѣтеніе жениху, наставникъ по этому случаю называлъ дѣвство огнемъ, а милостыню масломъ. Но милостыню духовную онъ ставилъ выше тѣлесной, какъ видно изъ другихъ его словъ, сохраненныхъ братією: „сесть милостыня общеживущихъ еже спострадати другъ другу и претерпѣти смутившемуся нань брату, и не воздати зла за зло“.

Изъ многихъ словъ Іосифа, сохраненныхъ его учениками и записанныхъ въ рукописяхъ обители, мы видимъ, какъ ученіе его дѣйствовало и переходило въ жизнь. Всѣ возможныя оружія противъ плоти употреблялись въ обители: желѣзные брони, тяжелыя вериги, острые власяницы, многотысячныя поклоны и молитвы. Инокъ Θεогность, по мірскому прозванію Скрыба, съ того началъ житіе иноческое въ обители, что вмѣсто рубашки надѣлъ на тѣло броню желѣзную, каждый день совершалъ всѣ псалмы Давидовы да пять канонѣвъ, да тысячу колѣнопреклоненій, да пять тысячъ Іисусовыхъ молитвъ, и не измѣнилъ такому правилу въ теченіи трехъ лѣтъ до самой кончины.

Іосифъ поощрялъ такіе подвиги, которые вѣкругъ него совершались, но съ тѣмъ вмѣстѣ строго предупреждалъ подвижниковъ противъ гордости, кака могла обуять ихъ. Одинъ инокъ Евѣимій, знатнаго рода, мірски Елевѣерій Волинскій, ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ, а только плакалъ, молился на колѣняхъ въ своей келліи, за всякою литургією каялся въ помыслахъ своихъ старцу Іосифу и принималъ отъ него прощеніе. Однажды, когда во время литургіи онъ молился и плакалъ, внезапно отъ алтаря облисталъ его свѣтъ неизреченный: объятый великимъ страхомъ, онъ подошелъ къ клиросу и исповѣдалъ старцу Іосифу сіяніе того свѣта. Старецъ сказалъ ему: „не внимай тому, но точію молитвъ и слезамъ“. Евѣимій послѣ того наложилъ на себя схиму и причастился св. таинъ. Разъ не пришелъ онъ къ заутрени: братія, замѣтивъ это, послала къ нему иноба, чтобы разбудить его, но инокъ нашель его на колѣняхъ передъ образомъ Божиимъ и Его Матери, съ четками въ рукахъ, съ слезами на лицѣ, отошедшимъ къ Господу. Такую внезапную кончину — такъ объяснялъ ученикамъ Іосифъ — посылаетъ Богъ готовымъ, чтобы устрашить насъ неготовыхъ внезапнымъ нашествіемъ смерти. Когда иноки по времени разсуждали съ Іосифомъ о свѣтѣ, который осіялъ Евѣимія, и отъ чего онъ запретилъ ему обращать на то вниманіе, Іосифъ сказалъ имъ: надобно быть осторожнымъ, чтобы вмѣсто пастыря не принять волка; одному изъ отцовъ явился сатана, облисталъ его свѣтомъ неизреченнымъ и сказалъ ему: я Господь; онъ же закрылъ глаза и отвѣчалъ: я Христа не ходу здѣсь

видѣть. Тѣмъ паче намъ немощнымъ и въ послѣднее сіе время не слѣдуетъ „искати таковыхъ, но послушаніе имѣти и тружатися тѣлеснѣ, и посту и молитвѣ по силѣ прилежати, и смиренію, еже имѣти себе подо всѣми“.

Письменная дѣятельность оживляла также обитель, какъ это свидѣтельствуеетъ огромное ея книгохранилище. Первымъ двигателемъ ея былъ самъ Іосифъ, который всѣ досуги въ своей келліи посвящалъ списыванію книгъ. Мы уже знакомы съ тѣми рукописями, какія онъ написалъ самъ и оставилъ въ своей обители. За Іосифомъ слѣдуетъ спутникъ его Герасимъ Поповка Черный: въ книжной описи 1573 года упомянуто 16 книгъ письма его. Тимошей Веніаминовъ въ роковомъ 1489 году переписалъ слова Аѳанасія Александрійскаго; чернецъ Симеонъ въ 1490 году—поученія, избранныя отъ Св. Евангелія на всякую недѣлю и переложенныя съ Греческаго еще въ 1343 году. Въ числѣ писавшихъ книги для обители слѣдуетъ упомянуть еще Досіея и Вассіана Топорковыхъ, Нила Полева, который даже перевелъ Псалтырь съ часословомъ⁹⁾, Данила Митрополита, Нила Сорскаго, Евфимія Туркова.

Въ 18-ти верстахъ отъ Волоколамска красуется обитель Іосифова, огражденная башнями и стѣнами, какъ всѣ древнія наши обители. Въ нижнемъ соборномъ храмѣ своемъ она хранитъ гробницу своего основателя. Когда вы подъѣзжаете къ ней по Клинской дорогѣ, отъ села Шестакова, которое нѣкогда ей принадлежало, за 10 верстъ уже виднѣются ея бѣлыя и величественныя столпостѣны. Три пруда, обширные какъ озера, къ ней прилегаютъ: одинъ изъ нихъ носить названіе Гурьевскаго, потому, вѣроятно, что рыть при славномъ Архимандритѣ Гуріи, первомъ основателѣ Епархіи Казанской; другой передъ самою обителью не носить названія и, вѣроятно, вырытъ при самомъ Іосифѣ¹⁰⁾. Въ немъ въ свѣтлые дни отражаются стѣны, башни и храмы монастыря съ красивою колокольнею, которая легкостью и стройностью зодчества поспоритъ съ Иваномъ Великимъ, а наклонностью положенія напоминаетъ колокольню Пизы. Ризница монастыря хранитъ два посоха, одежду и вериги Іосифовы. Библіотека имѣла 705 рукописей, изъ которыхъ 236 обитель уступила ученымъ Троицкой Лавры. На лѣво стоитъ густой сосновый боръ, вѣроятно, развалина того лѣса, среди котораго чудесный буреломъ, поваливъ многовѣковныя сосны, указалъ мѣсто, гдѣ быть обители Іосифовой. Боръ скрываетъ въ верстѣ отъ обители ту пустыньку, куда уединялся Іосифъ отъ братіи для богомыслия и уединенной молитвы, по примѣру всѣхъ пустынныхъ отходниковъ востока и древней Руси.

Кромѣ учрежденія обители, воспитавшей многихъ извѣстныхъ подвижниковъ Русской Церкви, Іосифъ прославился еще подвигомъ великимъ—борьбою съ Жидовскою ересью, противъ которой онъ написалъ лучшее свое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ Просвѣтителя. Въ 1470 году открылась эта ересь въ Новгородѣ и оттуда проникла въ Москву. Геннадій, поставленный въ Архіепископы Новго-

рода въ 1485 году, открылъ ее около себя, преслѣдовалъ въ столицѣ и пригласилъ Іосифа въ свои сотрудники. Борьба Іосифа съ противниками ученія Христіанской Церкви длилась отъ 1490 года по 1504. Мы возвратимся къ ней, когда будемъ разсматривать писанія Іосифовы.

Вліяніе Іосифа изъ стѣнъ обители простиралось на власти, на бояръ, на народъ. Во времена голода монастырь открывалъ свои житницы народу, а игумень его побуждалъ Князей заботиться объ его тяжкихъ нуждахъ, какъ мы это видимъ изъ посланія Іосифа къ Юрію, Князю Дмитровскому. Иго, тяготѣвшее надъ рабами, возбуждало состраданіе въ сердцѣ Іосифа, и онъ писалъ посланія къ вельможамъ о милованіи рабовъ.

Послѣдніе годы его жизни омрачены были грустною размолвкою съ Серапіономъ, Архіепископомъ Новгорода. Іосифовъ монастырь считался въ епархіи Новгородской и зависѣлъ отъ князей Волоколамскихъ. Сынъ Князя Бориса, покровителя монастыря, Феодоръ, не слѣдовалъ примѣру отца, а притѣснялъ обитель и ея иноковъ. Іосифъ вынужденъ былъ искать защиты въ Великомъ Князѣ Московскомъ и въ Митрополитѣ Симонѣ въ то время, когда сношенія съ Новгородомъ были прерваны по случаю язвы, которая въ немъ свирѣпствовала. Серапіонъ вознегодовалъ на Іосифа и отлучилъ его отъ Церкви. Іосифъ, опасно больной, но отлученный, не дерзнулъ приступить къ причащенію св. таинъ, но обратился съ моленіемъ къ Митрополиту, В. Князю и вельможамъ его окружавшимъ. Московскія власти, и духовныя и свѣтскія, приняли сторону Іосифа противъ Серапіона, который лишенъ былъ своей кафедры. Соборъ, въ 1509 году созванный для суда по этому дѣлу, рѣшилъ его такъ же въ пользу Іосифа, какъ ни упорно утверждали Серапіонъ, что онъ воленъ въ своемъ чернцѣ. Іосифъ былъ успокоенъ разрѣшительной грамотой, а Серапіонъ отлученъ въ свою очередь. Но оба противника, духовно смирясь другъ передъ другомъ, помирились послѣ. Въ этой распрѣ, равно какъ и въ образѣ ея разрѣшенія, сказывался строгій духъ единодержавія Москвы, къ которой все уже тянуло, всѣ мѣстныя власти, и мірскія, и духовныя.

Тяжкіе недуги посѣтили Іосифа передъ концемъ его жизни. Преемникомъ ему былъ избранъ братією инокъ Даніиль, впоследствии Митрополитъ и также славный писатель, и утвержденъ Іосифомъ. 75-тилѣтній старецъ принялъ схиму и утромъ въ воскресенье, 9-го сентября 1515 года, когда храмъ огласился священной пѣснью: Святыи Боже!—скончался.

Іосифъ Волоколамскій является первымъ въ порядкѣ времени Русскимъ писателемъ на поприщѣ полемическаго богословія. Писанія его состоятъ изъ 18 посланій и особой книги: *Просвѣтитель*. Изъ числа посланій семь относятся къ борьбѣ его съ Жидовскою ересью, но всѣ они по большей части вошли въ составъ *Просвѣтителя*, пять къ спору съ Серапіономъ и остальные шесть имѣютъ харак-

теперь учительный; съ замѣчательнѣйшими изъ сихъ послѣднихъ мы уже знакомы. Значеніе Іосифа, какъ писателя, сосредоточивается для насъ въ его Просвѣтителѣ.

Тридцать четыре года Жидовская ересь обуревала Русскую Церковь, сначала въ Новгородѣ, потомъ въ Москвѣ, и проникла даже во внутреннія области Россіи. Изъ Литвы привезъ это ученіе въ Новгородъ Жидъ Схаріа (Захарія), пріѣхавшій туда изъ Кіева вмѣстѣ съ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, правнукомъ Ольгердовымъ. Онъ прельстилъ сначала попа Дениса, а Денисъ — протопопа Алексѣя; ихъ обоихъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ, всего болѣе проклинаетъ Іосифъ въ своемъ обличительномъ сочиненіи. Изъ Литвы прибыли еще Жиды и усилили ересь. Многія духовныя лица, изъ свѣтскихъ людей особенно дьяки и даже простолюдины, пристали къ ихъ ученію въ Новгородѣ.

Въ чемъ состояло оно? Мы имѣемъ два изложенія того, въ чемъ заключалась сущность ереси: одно принадлежитъ Собору, который былъ созванъ противъ нея въ 1490 году; другое—творцу Просвѣтителя. Но между тѣмъ и другимъ разница заключается только въ болѣшихъ или меньшихъ подробностяхъ. Отъ самихъ еретиковъ не дошло до насъ никакихъ сочиненій, да едва ли излагали они ученіе свое письменно. Іосифъ, конечно, упомянулъ бы о нихъ, еслибы они существовали. Мы должны во всемъ довѣрять его свидѣтельству.

Еретики отвергали основной догматъ Православнаго Христіанства—ученіе о Святой Троицѣ, утверждая, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не видно никакихъ слѣдовъ подобнаго ученія. Они отвергали также воплощеніе Бога Слова и рождество Іисуса Христа отъ Дѣвы, видя въ немъ простаго человѣка, распятаго Іудеями и истлѣвшаго во гробѣ, а не Бога и говоря, что Богъ возмогъ бы однѣми небесными своими силами, пророками и праведниками совершить спасеніе Адама. Они возставали на поклоненіе кресту Господню, мощамъ и святымъ иконамъ, и даже позволяли себѣ ругаться надъ ними; нападали также на иноческое жительство, говоря, что ни Спаситель, ни Апостолы не преподали такого образа жизни, не возбраняли ни жениться, ни чуждаться брашенъ; что Пахомію явился не Ангель, который избралъ бы свѣтлый образъ для своего явленія, а бѣсъ, представшій въ образѣ черномъ. Нѣкоторые ученые видятъ въ Жидовской ереси начало раціональнаго ученія¹¹⁾, впоследствии сильно развившагося на западѣ; но едва ли вѣрно такое предположеніе, потому что еретики, ожидая пришествія Мессіи въ будущемъ, проповѣдывали законъ Моисеевъ съ его ветхозавѣтными жертвами.

Въ 1480 году Великій Князь Иванъ Васильевичъ былъ въ Новгородѣ и перевелъ двухъ главныхъ еретиковъ: Алексѣя попа—въ Москву въ Успенскій соборъ на протопопство и Дениса попа—къ Михаилу Архангелу. Скоро ересь пустила глубокіе корни и въ самой столицѣ. Геннадій, въ 1485 году будучи поставленъ Архіепископомъ Новгороду, первый открылъ ересь и началъ обличать ее. Тогда еретики устремились въ Москву и, подъ покровительствомъ Алексѣя и Де-

ниса, образовали сильную партію. Они пріобрѣли себѣ опору въ знаменитомъ государственномъ челоѣкѣ, любимцѣ Іоанна III, дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ, крестовыхъ дьякахъ Истомъ и Сверчкѣ, въ купцѣ Семенѣ Кленовѣ и особенно въ Архимандритѣ Симоновскомъ, Зосимѣ, который, по смерти Геронтія, проискамы сильныхъ еретиковъ возведенъ былъ въ санъ Митрополита. Съ ужасомъ увидѣли поборники истинъ вѣры еретика на престолѣ митрополіи Московской. Ересь проникла даже и въ чертоги великокняжескіе: сноха Іоанна III, по его собственному сознанию, была сведена въ жидовство. Самъ Іоаннъ III зналъ, какой ереси держался Алексѣй протопопъ, и какой Ѳеодоръ Курицынъ, и недоумѣвалъ, что было ему дѣлать, прося о томъ прощенія у Іосифа въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ. Ересь проникла и въ народъ. Въ домахъ, по дорогамъ, на рынкахъ, иноки, міряне, всѣ выражали сомнѣнія свои о вѣрѣ и пытали о ней, какъ свидѣтельствуеть Іосифъ. Изъ Москвы ересь проникла и въ другіе города.

Въ 1491 году, по настоянію Геннадія, созванъ былъ противъ нея соборъ въ Москвѣ. Зосима долженъ былъ уступить силъ православія. Ересь осуждена и проклята, и многіе приверженцы ея, не столько сильные, отправлены въ Новгородъ къ Геннадію подъ наказаніе. Геннадій приказалъ встрѣтить ихъ за 40 верстъ отъ города, посадить на лошадей передомъ назадъ, надѣть на нихъ острые шлемы изъ берестовой коры съ мочальными гребнями и съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Такъ еретики проведены были по всему городу. Народъ, встрѣчая ихъ, по приказанію Геннадія, долженъ былъ плевать на нихъ и говорить: „это враги Божіи, хульники Христіанства“. Въ заключеніе процессіи сожжены были шлемы на головахъ ихъ. Геннадій хотѣлъ подѣйствовать страхомъ на еретиковъ и на народъ.

Но ересь, не смотря на страхъ, только скрылась, а не исчезла, и пустила сильнѣйшіе корни въ Москвѣ и другихъ городахъ Россіи. Въ Новгородѣ еретики принесли наружное покаяніе и разошлись по городамъ и селамъ. Истеченіе съ 1492 годомъ седьмой тысячи, послѣ чего ожидали кончины міра, и обличенная суэта этихъ пустыхъ ожиданій придали еще болѣе дерзости еретикамъ. Они укоряли во лжи писанія Апостоловъ, отцевъ Церкви и особенно Св. Ефрема. Ѳеодоръ Курицынъ и братъ его Волкъ усиливають свое покровительство еретикамъ при дворѣ и проискамы своими отправляютъ еретика Кассіана Архимандритомъ въ Юрьевскій Новгородскій монастырь, который становится притономъ еретичества. Тогда сильнѣе стали дѣйствовать ревнители православія. Іосифъ заставилъ Зосиму сойти съ митрополіи. Соборъ, собранный въ 1503 году при митрополитѣ Симонѣ, сокрушилъ еретиковъ. Духовные осудили ихъ. Правительство, сначала допустивъ распространеніе ереси, потомъ предало ихъ самымъ жестокимъ казнямъ: жгло ихъ всенародно въ желѣзныхъ клѣткахъ, рѣзало имъ языки, морило въ тем-

ницахъ; покаяніе уже было безсильно и отвергалось, какъ вынужденное страхомъ жестокой казни.

Памятникомъ борьбы Іосифа съ Жидовскою ересью осталась намъ его полемическая богословская книга, которую, конечно, его современники уже послѣ него назвали Просвѣтителемъ. Исторія ея написанія и составленія еще недостаточно изслѣдована; но ясно видно, что она писалась и составлялась постепенно: это доказывается особенно тѣми семью посланіями, которыя писаны были сначала по-рознь, а потомъ вошли въ составъ ея. Теперешній видъ ея, какъ и самое названіе, носить на себѣ также явные слѣды руки позднѣйшей¹³⁾.

Просвѣтитель раздѣляется на 16 словъ, которымъ предшествуетъ Сказаніе о самой ереси, заключающее краткую исторію ея происхожденія и распространенія въ Россіи, равно и общее содержаніе каждаго изъ 16-ти словъ, изъ которыхъ въ 15-мъ находимъ продолженіе исторіи ереси. По цѣли своей эти слова можно раздѣлить на рѣзкіе два отдѣла: первыя 11 содержатъ въ себѣ богословское обличеніе всѣхъ положеній, принятыхъ еретиками, и съ тѣмъ вмѣстѣ основательное изложеніе истинъ православной Христіанской вѣры; послѣднія 5 имѣютъ не столько обличительный, сколько преслѣдовательный характеръ, и, вѣроятно, писаны уже въ то время, когда сила обличенія, къ сожалѣнію, изнемогла и перешла въ раздраженное гоненіе. 12-е Слово, направленное противъ еретика святителя вообще, а лично противъ Зосимы, и рѣшающее вопросъ: можетъ ли быть дѣйствительно проклятіе святителя, преданнаго ереси?—весьма рѣдко встрѣчается въ рукописяхъ. Въ числѣ многихъ, отлично писанныхъ рукописей Просвѣтителя самой обители, основанной его творцемъ, нѣтъ ни одной съ 12-мъ Словомъ.

Книга въ теченіи трехъ съ половиною столѣтій существовала въ однихъ рукописяхъ. Новиковъ напечаталъ въ своей Вивліюнкѣ одно Сказаніе, служащее ей вмѣсто предисловія. Ученые издатели Твореній Св. Отцевъ познакомили отчасти съ ея содержаніемъ, предложивъ на Русскомъ нарѣчій отрывки изъ писаній Іосифа Волоцкаго. Ученые издатели Православнаго Собесѣдника въ Казани, наконецъ, напечатали Просвѣтителя по семи различнымъ спискамъ и тѣмъ сдѣлали его доступнымъ изученію всѣхъ и каждаго. Еще Троицкіе ученые приводили многочисленные источники, изъ которыхъ Іосифъ почерпалъ свои доводы и свидѣтельства противъ ереси¹³⁾. Казанскіе ученые указали на 40 церковныхъ писателей, мѣста изъ коихъ приводитъ творецъ Просвѣтителя¹⁴⁾: въ томъ числѣ не разумѣются свидѣтельства изъ Патериковъ. Въ особомъ изслѣдованіи они соединили всѣхъ писателей церковныхъ и ихъ творенія, откуда заимствовалъ Іосифъ; но замѣчательно, что въ нерѣдкихъ случаяхъ, предполагая заимствованія, они отказываются указать источники, откуда они взяты¹⁵⁾. Желательно бы было свѣрить твореніе Іосифа съ рукописями бібліотеки монастыря, имъ осно-

ваннаго; такой трудъ, вѣроятно, будетъ совершенъ учеными Троицкой Лавры, которые приобрѣли всѣ важнѣйшія сокровища того книгохранилища.

Изумительно обиліе этихъ сокровищъ. Не менѣе изумительно и обширное знаніе ихъ, которымъ владѣлъ Іосифъ. Новые издатели Просвѣтителя хотятъ отнять значеніе оригинальности у сего творенія¹⁶⁾; но совершенно въ характерѣ древней Руси этотъ способъ богословствованія, посредствомъ котораго всякая мысль духовнаго писателя выражается или словомъ Священнаго писанія, или словомъ отеческимъ. Здѣсь личность его скрывается совершенно за глаголомъ Церкви. Сильнѣе и рѣзче обнаруживается она въ словахъ проклятія и гоненія, но это служить не къ свѣтлому торжеству истины.

Искусствомъ діалектическимъ отличается первое слово. Еретики отвергали присутствіе догмата Троицы въ книгахъ ветхозавѣтныхъ: надобно было отвѣчать имъ исключительно на основаніи свидѣтельствъ Ветхаго Завѣта. Такъ и поступилъ Іосифъ. — Слово 11-е, написанное въ защиту иноческаго житія и исполненное учености необъятной, имѣетъ историческое отношеніе ко множеству монастырей, основанныхъ у насъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Іосифъ Санинъ, какъ одинъ изъ распространителей и усовершенителей иноческаго житія въ Россіи, долженъ былъ вступить за свое и общее дѣло всѣхъ двигателей духовной жизни въ отечествѣ. Это слово всѣхъ пространнѣе: оно отвѣчало на важный вопросъ современнаго образованія.

Желаемъ познакомить читателей не съ однимъ внѣшнимъ содержаніемъ творенія, которымъ оно отвѣчало на потребность своего времени, но съ его внутреннею, всегда пребывающею сущностію, которая была причиною того, что рукописный Просвѣтитель, послѣ трехъ съ половиною вѣковъ, изданъ при насъ въ печать современнымъ Русскимъ ученымъ духовенствомъ. Имѣя въ виду эту внутреннюю сущность, мы представимъ изъ Іосифова творенія тѣ мысли, которыя составляютъ основу православнаго Христіанскаго богомыслія, также мысли, поразительныя своимъ глубокимъ значеніемъ, и, наконецъ, особенно тѣ, которыя проникли въ жизнь Русскаго народа.

Первая мысль касается основной истины Христіанскаго богомыслія — Пресвятой Троицы. Съ нея начинается Іосифъ; ей посвятилъ онъ все первое слово; къ ней возвращается въ седьмомъ. Такая ревностная забота его объ утвержденіи этой истины въ умахъ объясняется тѣмъ, что еретики сильно нападали на нее и хотѣли поколебать православное ученіе Христіанства въ его коренной основѣ.

Съ самаго начала введенія Христіанства въ Россіи и исповѣданія вѣры Владиміромъ Святымъ проходитъ у насъ черезъ всѣ вѣка нашей жизни изложеніе ученія о Троицѣ, завѣщанное Отцами вселенской Церкви. Имъ открываетъ Іосифъ свое первое слово. Въ этомъ глубокомысленномъ, не только богословскомъ, но и философскомъ изложеніи превосходно совмѣщены въ Богѣ единство

существа и проявленіе его въ личности, которую Іосифъ называетъ *собствомъ* или *составомъ*. Здѣсь зародышъ и нашего первоначальнаго философскаго языка, отъ котораго, къ сожалѣнію, мы отказались. Прочтемъ это изложеніе.

„Влаженный и великій Апостоль, уста Господня, Павелъ глаголетъ: *аще и суть бози мнози, и господіе мнози: но намъ единъ Богъ Отець, изнего же вся, и мы у него; и единъ Господь Іисусъ Христосъ, имже вся и мы тѣмъ, и единъ Духъ святъ, и немже всяческая и мы немъ*. И сего ради подобаеъ всякому христіанину вѣровати, якоже крестися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ едино существо, и естество и Божество, и едино царство и начало и крѣпость, и три съставы, рекше лица, яже и образы наричу и събства. Ино бо есть составъ, и ино существо; сушьство наричу общее тріемъ ипостасемъ: одинаго бо естества и существа три лица; составъ же наричу естество со образными собствами: ино бо Отець, и ино Сынъ и ино Духъ Святыи, еже съчетъ собства рекше составы, а не естества, но того же естества и того же существа; вкупѣ бо Отець и Сынъ и Святыи Духъ. Но Отець убо и не роженъ, Сынъ же и роженіе Отчее, яко отъ солнца свѣтъ и отъ ума слово; Духъ же Святыи и исхоженіе Отчее. Свойственно же Отцу нероженіе и еже нарицатися Отець. Свойственно же Сыну еже нарицатися Сынъ и роженъ быти отъ Отца. Свойственно же Духу еже нарицатися Духъ Святыи и отъ Отца исходити. Всѣхъ же лицъ, рекше составъ, едино естество, едино хотѣніе, едино дѣйство, едина благодь, едина сила, единъ свѣтъ. Сего ради одинаго Бога исповѣдати, а не три: ни бо отлучени суть другъ отъ друга якоже челоуѣцы, ниже нравы различны, но вкупѣ Отець и Сынъ и Святыи Духъ, другъ въ другъ неслитнѣ и нераздѣльнѣ вмѣщается, коемуждо лицу хранящу свое, овъ отечество, овъже сыновство, овъ же исхоженіе. Аще ли глаголетъ намъ кто: что есть Отець? отвѣщаемъ ему: еже есть Сынъ и Святыи Духъ, пребывая Отець. Аще же глаголетъ, что есть Сынъ? — речемъ же ему: еже есть яко же рѣхъ Отець и Духъ Святыи, пребывая Сынъ. Такожде же и о Душѣ Святыи: се бо есть еже Отець и Сынъ, пребывая же Духъ Святыи. Собство бо недвижимо есть, якоже рече Богословъ Григоріе: како бо собство бываеъ подвижно и прелагаемо? есть убо Божество, достоинъ събращеніѣ рещи, нераздѣлно убо въ раздѣленіихъ, ово естествомъ, овоже ипостасми, якоже въ солнцехъ тріехъ, вкупѣ сушихъ, едино свѣта размѣшеніе. Егда убо къ Божеству, иже въ единомъ ествѣ зримъ, и винъ и единоначалію: едино намъ есть покланяемо или мечтаемое¹⁷⁾. Егда же къ собствомъ и лицемъ, три покланяема суть. Словомъ убо сіа проходимъ, по великому Григорію, помышляемъ солнце и свѣтъ и лучю, умъ и слово и духъ, начало воды и источникъ и рѣку. Обаче, по рекшему, вѣра да предваряеъ, а не показаніе, и подобаеъ всякому челоуѣку чистымъ и богосіателнымъ дѣбаніемъ, наставника Духа имѣти, яко да свѣтомъ приемля свѣтъ, вѣровати въ Отца, и Сына, и Святаго Духа, едино Божество и

силу, въ тріехъ познаваемо и поклоняемо съставохъ. *Тако вѣруемъ и тако мудрствуемъ*, и въ сихъ довлѣемъ, и се есть Премудрость наша и разумъ нашъ! И тако держимъ и тако исповѣдаемъ съ всѣмъ воздыханіемъ“.

Тѣже самыя основанія ученія о Богѣ изложены и въ седьмомъ словѣ¹⁸⁾ съ нѣкоторыми подробностями относительно каждаго лица.

Въ истинномъ понятіи о Божествѣ необходимо должно сливаться нераздѣльно понятіе о вездѣсущіи съ понятіемъ о личности. Только въ Богоученіи Христіанскомъ эти понятія совмѣщаются. Вездѣсущіе безъ личности рождаютъ пантеизмъ; личность безъ вездѣсущія—политеизмъ. Вотъ двѣ крайности всѣхъ ложныхъ вѣръ и всѣхъ ложныхъ ученій о Богѣ, излагаемыхъ философією, отпадшею отъ Христіанства. Іосифъ, изложивъ истину Богоученія, прибавляетъ: *такое вѣруемъ и тако мудрствуемъ*, указывая такимъ образомъ на первоначальный, нераздѣльный союзъ вѣры и знанія. Тѣмъ же, которые, силясь вникнуть въ самую тайну Пресвятыя Троицы, недоумѣваютъ о совмѣщеніи понятій по человѣческому разуму и существу несовмѣстимыхъ, Іосифъ отвѣчаетъ: „Богъ бо постижимъ, нѣсть Богъ: аще бо Ангела, или своа душа създаны постигнуты или описати не можемъ, колми паче всѣхъ Творцю подобаетъ быти непостижну!“¹⁹⁾

Но чтобы дать возможность человѣку черезъ собственное существо свое, созданное по образу и подобію Божію, приблизиться нѣсколько своимъ разумомъ къ тайнѣ существа Божія, Іосифъ употребляетъ слѣдующее доказательство отъ образа и подобія Божія, начертанныхъ на человѣкѣ, строго отдѣля ихъ отъ тождества съ Богомъ. Вотъ слова его:

„Слыши, како бысть человѣкъ по образу Божію и по подобію, еже бо *по образу*, не о плоти глаголетъ: плоть бо покрывало есть, и создана и мертвена и видима, Богъ невидимый и несозданъ и безсмертенъ. Сего ради глаголетъ о невидимомъ въ человѣцѣ, еже есть душа и слово и духъ: по образу бо Божію въ человѣцѣ душа, иже и умъ глаголется, иже подражатель бываетъ нѣкако Богу: въ мгновеніи бо обтичетъ вся, яже на земли и небеси, не существомъ своимъ, но мечтаніемъ помысленнымъ, но обаче совращаемъ, созданъ бо. Единъ убо Богъ существомъ своимъ и премудростію и силою вся объемлетъ, и не свращаемъ и не създанъ. Душа же умна есть, и се нарицается отецъ; слово же отъ душа рожается и нарицается Сынъ. И духъ исходитъ, общее сопребываніе имѣя души и слову нераздѣльно. И якоже Отецъ и Сынъ и Духъ Святыи безсмертенъ и бесконеченъ: сице и человѣкъ, по образу Божію създанныи, носить въ себѣ Божіе подобіе, душу и слово и умъ. И аще и отъ тѣла преидеть человѣкъ: но яже въ немъ по образу Божію троица, душа и слово и духъ, поетъ и славить Господа, якоже навыкла баше въ тѣлеси благочестивѣ творити молбы и моленія и прочая благотворенія, и не мечтаніемъ, но истиною. Еще же пакы *по образу* глаголетъ самовластное человѣка и обладателное. Якоже Бога никтоже вышши: сице на

земли никтоже вышши чловѣка: всѣми бо обладающа сътвори его Богъ. А еже, *по подобію*, се есть еже быти милостиву и щедру ко всѣмъ, паче же къ врагомъ, якоже Богъ, иже сияетъ солнце на злыя же и благыя. Се есть, еже *по образу Божію и по подобію!*“

Объясняя такимъ видимымъ способомъ тайну Пресвятой Троицы, Іосифъ и въ началѣ, и въ концѣ утверждаетъ строгое различіе между понятіемъ объ образѣ и подобіи, и понятіемъ о тождествѣ, чтобы оградить разумъ въ понятіи о божествѣ отъ пантеизма духовнаго, антропическаго, къ которому чловѣкъ бывалъ склоненъ во всѣ времена. „Тѣснаго царя ухищренный образъ, говоритъ Іосифъ, все ли имѣеть въ себѣ, что царь имѣеть? Нѣтъ, но сколько вмѣщается. Если бы все имѣлъ, что царь, то не былъ бы образъ царева, а самъ царь. Такъ и о чловѣкѣ приеми!“ — Въ заключеніи сказано: „Вотъ какъ надобно разумѣть образъ и подобіе Божіе! Если же не такъ, то чловѣкъ былъ бы по всему подобенъ Богу, и въ такомъ случаѣ не былъ бы образъ Божій, но самъ Богъ“.

Еретики, признавая ветхозавѣтное преданіе о созданіи чловѣка, признавали на немъ образъ и подобіе Божіе, но по своему. „Имать Богъ Отецъ, говорили они, вседержитель Духъ, иже исходитъ отъ него и на въздухъ разливается“. — „Яко же чловѣкъ, иже имать душу, еже ражаетъ слово, износимо усты духомъ и невидимо въ чловѣцѣхъ, едина же убо душа состоится въ тѣлеси, слово же и духъ исходитъ и погибаетъ на въздухъ разливаема: такоже и Отецъ, всѣхъ Творецъ, имать слово произносно и духъ на въздухъ разливающъся: тѣмъже ни три лица, ни три составы повѣдаемъ о Божествѣ, якоже и чловѣкъ, създанъ по образу Божію, не три лица имать, ни три съставы“.

Вотъ что говоритъ Іосифъ противъ этого лжеученія, которое матеріальнымъ образомъ отождествляло существо Божіе съ существомъ чловѣческимъ. „Не тако бо Слово Божіе, якоже мое слово, отъ чрева орудиемъ гласнымъ износимо и на въздухъ разливаемо. Суть же орудія моего гласа сіа три, языкъ и зубы и устнѣ. Богъ же не имать чрева, ни языка, ни зубы, ниже устнѣ, якоже мы, и ниже Слово Его, якоже наше слово, на въздухъ расходящеса: но Слово живо суще и съставно, еже къ Богу вначалѣ и Самъ Богъ сый. Ниже Духъ Божій, яко же мой духъ, исходя изо усть, и на въздухъ разливаеса. Духъ устъ Божіихъ, Духъ истинный, иже отъ Отца исходя и Самъ Богъ сый, существа Божія имѣя и съставъ съвершенъ, а не на въздухъ разливаеса“. — „Аще ли же Духъ Святыи Божій на въздухъ разливается; то како глаголетъ о Немъ Пророкъ Исаіа и нарицаетъ его Духъ Божій, Духъ премудрости, Духъ разума, Духъ совѣта, Духъ крѣпости, Духъ свѣдѣнія, Духъ благочестія, Духъ страха Божія? Духъ бо, разливаеса на въздухъ, не подаетъ премудрости, ни разума, ни совѣта, ни крѣпости, ни свѣдѣнія, ни благочестія, ни страха Божія, но егда бываетъ и помалѣ въ небытіе приходитъ“.

Такъ ограждалъ Іосифъ истинное ученіе о Богѣ, содержимое въ Христіанской вѣрѣ отъ матеріальнаго пантеизма, который заключался въ жидовскомъ ученіи и угрожалъ Православной церкви и Русской жизни.

Во второмъ словѣ, гдѣ Іосифъ опровергаетъ ученіе еретиковъ, что Христосъ еще не родился, и ветхозавѣтными свидѣтельствами доказываетъ всѣ событія его земной жизни, встрѣчаемъ замѣчательное объясненіе таинственнаго сна Навуходоносорова. Колосъ, у котораго голова была золотая, руки и рамена серебряныя, чресла и бедра мѣдныя, лядвен и ноги желѣзныя, изображаетъ четыре царства древняго міра, смѣнявшія другъ друга: золотое—Вавилонское, серебряное—Персидско-Мидское, мѣдное—Македонское, звенѣвшее по всему міру славою Александровою, и желѣзное—Римское, по свойству твердости желѣзнаго естества обнявшее и поглотившее всѣ прежнія царства. Камень отсѣкъся отъ горы безъ содѣйствія рукъ человѣческихъ и сокрушилъ колосъ, истинивъ до конца всѣ четыре металла; онъ былъ образомъ съ гору великую и наполнилъ всю землю. Этотъ камень есть Сынъ Божій; его царство, извѣявшее всѣ прочія, царство Божіе безконечное. Въ этомъ объясненіи Навуходоносорова сна является намъ мистическое видѣніе всей древней Исторіи, откуда впоследствии самою наукою заимствована мысль о раздѣленіи ея на періоды по послѣдованію всемірныхъ монархій Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской. Эту мысль мы встрѣчаемъ и въ древнихъ нашихъ Хронографахъ: Іосифъ, конечно, заимствовалъ ее изъ общаго древняго Византійскаго источника. Но особенною глубиною поражаетъ насъ мысль, что съ Христовымъ царствомъ прекращается идея всемірнаго, земнаго завоеванія. Становится невозможною всемірная монархія и даже преобладаніе. Въ Богословскихъ видѣніяхъ нашихъ мыслителей XV вѣка мерцаютъ основныя мысли для Христіанской Философіи Исторіи.

Еретики, буквально держась закона Моисеева, хотѣли неразумно возвратиться къ ветхозавѣтной жертвѣ и къ обрѣзанію. Іосифъ въ 3-мъ словѣ глубоко-мысленно объясняетъ историческое значеніе древней жертвы. Египтяне именовали богами вола, овцу, козу, голубя и горлицу: вотъ почему вѣдно было приносить ихъ въ жертву, чтобы не навлекли именовать ихъ богами. Богъ же не хотѣлъ отъ Іудеевъ жертвъ, какъ и говорилъ о томъ устами Пророка Исаіи: *„что ми множество жертвъ вашихъ? Исполнь есмь всесъжженія овецъ и тука агнецъ, и крове юнца и козліа не хочу, новомѣсячій вашихъ и суботъ и день великъ не терплю; постъ и праздницы ваша ненавидитъ душа моя. Егда въздыжете руки ко мнѣ, отверащу очи мои отъ васъ: руки бо ваши исполнь крове“*. Господь терпѣлъ жертвы, какъ врачъ позволяетъ больному, жаждущему студенаго питья, пить изъ чаши, изъ дому его принесенной, пдъ разу въ день, чтобы онъ худшаго себѣ не позволилъ. Этою чашею былъ для Іудеевъ Іерусалимъ, гдѣ только и позволялось Іудеямъ приносить жертву. А тогда время жертвамъ кровавымъ

миновало, Господь сокрушилъ Иерусалимъ, какъ врачъ сокрушаетъ чашу у болящаго, чтобы отвести его отъ студенаго питья.

Всѣ Христіанскіе мыслители любили природу и имѣли вѣрный взглядъ на нее. Какъ Церковь призываетъ ея силы къ участию въ своихъ благодатныхъ таинствахъ, такъ и они употребляютъ ея значительныя явленія для нагляднаго истолкованія таинственныхъ истинъ вѣры. Таковъ и взглядъ Іосифа на природу, не нарушающій нисколько истины явленія. Мы приведемъ три тому примѣра.

Вотъ изображеніе воздуха, какъ стихіи, существомъ своимъ изображающей подобіе Божества. „Не мощно бо Бога вмѣстити никомужь, ни самое небо вмѣстити его можетъ, безконечно бо есть, но престоль ему есть небо, а Ангели и вся видимая и невидимая тварь, но что реку, тварь, но и вся четыре стихіа въ небѣ того для конецъ имѣють, одинажь отъ четырехъ стихій именуется воздухъ, невидима бо нами и прозрачна человѣческимъ помысломъ и видомъ, аки подобна Божеству, и како бы нигдѣ ея нѣтъ, а вездѣ есть и всѣмъ животъ и дыханіе по Бозѣ даруеть, безъ него ни единому животному не мочно быти, ни земли, ни морю нельзя стояти, виждь, колико величество землю и море и всю поднебесную обдержитъ, но и та въ небѣ конецъ имѣеть“²⁰).

Чтобы объяснить таинственное совмѣщеніе Божества съ человѣчествомъ въ Іисусѣ Христѣ, Іосифъ употребляетъ сравненіе огня съ желѣзомъ, которое имъ раскаляется. „Если кто скажетъ: когда человѣчество сроднилось съ Божествомъ, какъ же Богъ Слово не исполнился тѣлесной немощи? Какъ огонь въ желѣзѣ бываетъ, сообщая ему своей силы, но не уменьшаясь преподаваніемъ: такъ и Богъ Слово подвигся изъ себя и вселился въ насъ, не претерпѣвъ превращенія. . . . Огонь желѣзныхъ свойствъ не причащается: черно желѣзо и студено, но разжигаясь въ огненный зракъ одѣвается. Само будучи просвѣщаемо, не очерниваетъ огня; само распалаясь, не студитъ пламени. Такъ и человѣческая Господня плоть причастилась Божества, а не преподала Божеству своей немощи. . . Пречистое Божество исправляетъ страстное, само не наполняясь страсти: такъ солнце проникаетъ и въ нечистыя мѣста, очищаетъ скверное, но не принимаетъ зловонія, а напротивъ иссушаетъ гніющее и очищаетъ скверну“.

Таинственное дѣйствіе пречистой и безкровной жертвы, которая приносится отъ востока солнца до запада на оживленіе и просвѣщеніе души и плоти, сравнивается съ дѣйствіемъ восковой свѣчи; воскъ сгараеть, и огонь, поядая его, освѣщаетъ храмину: такъ и дѣйство Святаго Духа, примѣшиваясь хлѣбу и вину и водѣ, претворяетъ ихъ въ плоть и кровь Христову.

Остановимъ теперь вниманіе на тѣхъ мысляхъ, которыя привились къ народной жизни и до сихъ поръ дѣйствуютъ въ нашемъ народѣ.

Русскій человѣкъ поклоняется Богу на востокъ. Кочуя въ степи, онъ совершаетъ утреннюю и вечернюю молитву свою, туда обращая мысли и взоры. Вотъ

об'ясненіе этому дѣйствію въ Просвѣтителѣ Іосифа. „Писаніе казуе, яко насади Богъ рай въ эдемѣ на востоцѣ, и введе вонь чловѣка, и къ нему многажды глаголаше на вѣстоцѣ, да иже перваго отечства имущи и къ нему зрящи *Богу покланяемь на вѣстокъ*, и Еноха на небо взятъ, и Ною повелѣ ковчегъ сѣтворити на вѣстоцѣ, и съ нимъ глаголаше. Аще бо и всячеськаа съдержитъ Господь, но *паче всѣхъ на вѣстокъ показа Свою силу и чудеса*“²¹⁾.

Извѣстно благоговѣніе Русскаго чловѣка къ кресту и къ крестному знаменію. Вотъ словѣ Іосифа, относящіяся къ этому вѣрованію: „И не точію тому единому животворящему Кресту подобаеъ покланятись и почитати, на немъже Христосъ распятъ, но и всякому кресту, иже въ образъ и подобіе сѣтворенъ оного Христова животворящаго креста, подобаеъ покланятись, яко самому оному, на немъже Христосъ пригвоздися: идѣ же бо аще въобразитъ крестъ отъ каковы вещи, тамо приходитъ благодать и освященіе пригвоздившагося на крестѣ Христа Бога нашего. Се намъ даеъся знаменіе, еже въобразати на челѣ и на сердци и на всѣхъ удесѣхъ! Се печать, да не прикоснетъся насъ губитель видя. . . Симъ познаваемъ вѣрніи, и отъ невѣрныхъ отступаемъ! Се щитъ и оружіе наше!“²²⁾.

Извѣстно, что Русскій чловѣкъ уважаеъ таинства, преподаваемыя Церковью, какъ бы самъ по себѣ ни былъ недостойнъ служителю ея, совершающій и преподающій ему таинства. Вотъ словѣ Іосифа, прямо относящіяся къ подобному образу мыслей Русскаго чловѣка. „И не яко отъ проста чловѣка, отъ священника пріемлемъ, но яко отъ самого Серафима и со лицы тоя огненныя, страхомъ и трепетомъ. Аще и житіе несправлено мнитъся намъ имѣти, но намъ недостойно естъ осужати сихъ: имъ бо естъ сихъ судія, ижъ съкровенныхъ зритель. Тебѣ же да будетъ всякъ достоинъ, точію да не будетъ явственнo отъ Церкви отлученъ. Аще бо и житіемъ кто кого преходитъ, но Святаго Духа печать и даръ равно подаеъ. Смотри жъ сице: овъ имать златъ перьстенъ, овъ же желѣзень, и единъ образъ царьскы имать, изваяны во обою прьстню. Посемъ вѣскомъ воображаеъся: рци, аще еси премудръ, кая естъ часть желѣзу, каяжъ ли печать злату? — не можеша убо различити, понежъ утвари различіе естъ, а не образу. Тако и здѣ чловѣчское различіе естъ, а не духовныя благодати! не умолитъ бо ся Святаго Духа даръ недостойнствомъ священническымъ, аще бо и не во всѣхъ Богъ благоволитъ. Ты же не суди судіамъ, осужень сы, и не паси пастыря, овча сый, ни глаголи, яко той достойнѣйши, сей же не таково имать достоинство. Но да будетъ ти всякъ достоинъ, точію да не будетъ кто еретическое имѣя учительство“²³⁾.

Вотъ, наконецъ, превосходныя мысли о Церкви и молитвѣ, хранящіяся въ основахъ жизни Русскаго чловѣка.

„Зри, яко добръ глаголетъ Златоустъ: церковь не стѣны, но народъ благочестивыхъ людій, яко да не начнутъ чловѣци точію о церквахъ величатися, дѣльжъ Бога прогнѣвати; но подобаеъ дѣлы благими Богу угажати, и церкви

Божественна създати, и съ страхомъ и трепетомъ въ нихъ стояти и почитати Божественнаа вѣроу и любовію²⁴).

„Молитву же глаголю, не язь просто въ устѣхъ лежащую, но яже изъ глубины помысль въсходящу: якоже бо отъ дровесъ, елицы аще въ глубину пустятъ кореніе, не сламяются отъ вѣтра, тако и молитва, изъ глубины мысленна въсслаема, къ высотѣ простирается. Сего ради Пророкъ рече: изъ глубины мысленна възвахъ къ тебѣ, Господи. Виждь, како глаголетъ и молится! изъ глубины сердечныя, а не худою сею молитвою, и разлѣненія исполненною, но съ прилежаніемъ и съ болѣзнующею душою и съкрушеною мыслию: та бо есть молитва, къ небеси възводящая. Яко же воды, дондеже по равнѣ земли текутъ, невѣдвизутся къ высотѣ: внегда же тыя отъ теченія заграше соберуть, и утѣшняемы, стрѣлы всякыя борзѣйши къ высотѣ възлѣтаютъ: тако и человѣчская мысль, дондеже убо въ безстрашіи и въ небреженіи о себѣ пребываетъ, много разливается и растичется: внегдажъ вещь скорбнымъ и печальнымъ обстояніемъ отъ долъ утѣсняется, съгнѣтаема злѣнѣ, тогда чисты и благомоцны молитвы къ высотѣ въсслаются, ибо Пророкъ глаголетъ: къ Господу, внегда скорбѣти ми, възвахъ, и услыша мя. Сего ради оскорбимъ нашу душу памятію страшнаго суда, памятію огня темнаго, пакыже памятію царства небснаго, памятію св. Ангель: ничтоже бо тако отгоняетъ разлѣненіе и пренемоганіе, якоже сіа всегда помышляти, пачеже въ время молитвы. И сиче отвсюду събирающе мысль и къ себѣ обращающе, отгонимъ разлѣненіе и пренемоганіе, и вся земная отъ помысла изгнавшы, къ небеси всѣхъ себе преложимъ: яко близъ престола славы предстоа, помышляимъ, съ кимъ хоцемъ призвати Бога... Сего ради отъ всихъ сихъ съгрѣимъ нашу совѣсть и оскорбимъ и утѣсимъ: ибо сиче скорбя и моляся всегда можетъ въ свою душу божественную сладость привлещи, еже отъ слезъ. Якоже бо облакомъ стеченіе мрачень творить въздухъ; егда же часты испустить капля и отложить дождь, тихо и свѣтло съдѣловаеть все мѣсто: тако и печаль, дондеже убо внутрь есть, помрачаетъ нашъ помысль. Внегда же молитвенными глаголы, и еже по онѣхъ слезами, испразднится, и суетныхъ и прелестныхъ мирскихъ бесѣдъ отлучится, многу влагаетъ въ душу свѣтлость, Божію заступленію, яко же лучи нѣцѣи, въ мысль отъ Бога посланѣ бывши молящегося да яко же свѣтилинуу свѣтъ, сиче молитвенный свѣтъ.

„Аще же молитва толику иматъ силу: множае же паче съ множествомъ, и болше дерзновеніе стяжить, и усердію вина бываетъ. Аще бо камень къ каменю сражаемъ, множицею исырамъ искочити устрои: таже что есть камене студенѣйши? но обаче естество побѣди частость. Аще ли же о камени се случается: множае паче о душахъ, другъ друга сражаемыхъ, огнемъ духовнымъ съгрѣваемыхъ.

„Аще же кто глаголетъ, яко и въ дому помолитися могу, прельщаеши себе, человѣче. Помолитися убо въ дому возможно: сиче же помолитися, яко же въ

церкви, не възможно, иде отецъ множество, идѣже пѣніе единодушно къ Богу всылается, и единомысліе, и съгласіе, и любви союзъ. И въ время оно, любимиче, не человекъ точію въиють страшнѣйши онъ вопль, но и Ангели припадаютъ Владыцѣ, и Архангели молятся... Сего ради не тако услышанъ бываеши, особъ Владыку моля. Здѣ бо и священничьскыя молитвы всылаются; сего бо ради и священники предстоятъ, яко да народныя молитвы немощнѣйша суща, сильнѣйша сихъ емшася купно, въздутъ съ ними на небо... И Петра молитва отъ темница избави...

„Ничтоже бо тако обрадованну нашу устраяетъ жизнь, якоже еже въ церкви печальнымъ веселіе, въ церкви тружущимся упокоеніе, въ церкви насилуемымъ отдохновеніе. Церковь брани разруши, рати утоли, буря утиши, бѣсы отгна, болѣзни уврачева, напасти отрази, грады колеблема остави, небесныя двери отверзе, узы смертныя пресѣче и иже свыше наносимыя язвы, и иже отъ человекъ навѣты вся отъять, и покой дарова. *Приидите, рече, къ Мнѣ вси, тружашеися и обременени, и Азъ покою вы.* Что сего гласа любезнѣйши? что сего званія сладостнѣйши?... Сего ради потщимся, възлюбленіи, къ красному пристанищу церковному преже приходити, яко Петръ и Іоаннъ къ гробу Господню...

„Аще ли не имаши церкви, не рци, яко не възможно ми есть помолитися, кромѣ церкви. Иже убо чистымъ сердцемъ и дѣлы преподобными призываетъ ѿ, приметь отъ всякого мѣста, и молитвы его послушаетъ усердіемъ внимаю, аще и мѣсто мнѣти не полезно, яко не пытаемо молитвенное мѣсто, но образъ. Іереміа въ пропасти бѣ, но Бога умоли. И трие отроци въ печи бѣша, и Бога умолиша. И Давидъ въ ямѣ лвовѣ, и Бога умоли. Іевъ на гноици бѣ, и Бога умоли и сугубо богатство пріать. Моисей на мори бѣ... Разбойникъ на крестѣ... Да и ты, любимиче, убо гдѣ еси, или на мори, или на пути, или въ дому, или ходя, или сѣдя, или спя, и на всякомъ мѣстѣ непрестанно молися въ чистѣ совѣсти, глаголя сице: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя, и Богъ послушаетъ тебе: Того бо есть земля и конца ея“²⁵).

Седьмое слово оканчивается изложеніемъ того, какъ подобаесть нынѣ служить единому Богу. Этотъ отрывокъ содержитъ въ себѣ самое полное, ясное и сильное изображение обязанностей Христіанина. Въ предъидущихъ отрывкахъ мы достаточно уже ознакомились съ оригинальнымъ Славянскимъ языкомъ Іосифа, а потому все это мѣсто, гдѣ богословская истина примѣнена къ практической жизни, приведемъ по Русски²⁶).

„А чтобы Тому единому послужить, узнай истину, какъ подобаесть нынѣ Тому единому служить не жертвами безсловесными, какъ Іудей и Эллины, но прежде всего сохрани вѣру, какъ обѣщанъ на крещеніи, въ Отца и Сына и Святаго Духа неповрежденную и чистую, и дѣла, какія обѣщанъ Христу, соблюдай со страхомъ и любовію. Какія же это дѣла, слушай: прежде всего *возлюбиши Гос-*

пода Бога твоего вѣсьмъ сердцемъ твоимъ, и вѣсьмъ умомъ и крѣпостію, и помышленіемъ, и да не отлучитъ тя отъ любви Его ни животъ, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая. Всѣ обычаи свои и нравы и дѣла поставь угодными Богу: будь праведенъ, мудръ, печальнымъ утѣшитель, нищимъ кормитель, страннымъ пріемникъ, поборникъ обидимымъ, умиленъ къ Богу и къ человѣкамъ привѣтливъ, терпѣливъ въ напастяхъ, недосадитель, щедръ, милостивъ, въ отвѣтахъ сладокъ, кротокъ, неславохотенъ, нелицемѣренъ, чадо Евангелія, сынъ воскресенія, наслѣдникъ жизни, незлатолюбець, неосудникъ, часто молитвенникъ, скорбенъ грѣха ради, весель о Богѣ, алченъ, жажденъ, смиренъ, долу понижая, умъ же къ небу простирая. Ступаніе имѣй кроткое, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пишу и питіе нематжно; при старѣйшихъ молчи, премудрѣйшихъ послушай, къ преимущимъ имѣй повиновеніе, къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь нелицемѣрну, отъ злыхъ и плотскихъ и любоплотныхъ отлучайся; мало вѣщай, множайша же разумѣй, и не *продерзай* словомъ, не излишествуй бесѣдою, не дерзокъ будь на смѣхъ, стыдѣніемъ украшайся; труждайся руками, во всемъ благодарн, въ скорбахъ терпи, ко всемъ смиренъ будь, блюди сердце отъ помышленій лукавыхъ; не испытывай лѣнивыхъ житія, но ревнуй святыхъ жизни; сорадуйся исправляющимъ добродѣтели, а не звидуй; плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай: они имѣютъ своего судію, который воздастъ всякому по дѣламъ его. Не поноси обращающагося отъ грѣха; не оправдывай никогда себя, а исповѣдуй грѣшнымъ передъ Богомъ и людьми; не бесѣдуй съ лестію, не клевети ни на кого, не послушай клеветы съ сладостію. Ярость да не насилуетъ тебя, похоть да не держитъ; не гнѣвайся понапрасну на искреннаго, не держи мести ни на кого, чтобы зломъ воздать за зло. Укоряемъ будь, а не укоряй; бѣенъ будь, а не бей; обидимъ будь, а не обижай. Прежде всего воздержися отъ бесѣдъ женскихъ и отъ виннаго питія: вино и жены заставляють отступать и разумныхъ. Исправляя заповѣди Господни, не унывай, но ожидай награды и похвалы отъ Бога и желай вѣчной жизни. Наставляй безчинныхъ, утѣшай малодушныхъ, служи болящимъ, страннопріимствуй, прилежи братолюбію. Съ присными въ вѣрѣ имѣй миръ, еретика человека отрицайся, завѣщанныя книги прочитай, отреченныхъ отнюдь не читай. Сущихъ благъ на небеси желай, сущихъ на землѣ не восхищай: сѣтъ надъ ними растянута: какъ птица въ ней увязнешь. Откажись отъ мудростей мірскихъ, умудрись же Христу: иная мудрость Его, и иная мудрость міра, распявшаго Господа славы. Сегодняшнее имѣніе держи, а завтрашнее отдавай Богу: Онъ сказалъ: будь свѣтъ, и былъ свѣтъ день. А давшій день, и совершитъ его. Оставь земное, да примешь небесное; пребудь въ нищетѣ на землѣ, да на небесахъ обогатишься; пребудь въ алчбѣ и въ жаждѣ на землѣ, да насытишься на небесахъ радости безконечной; потаясь здѣсь, да явишься тамъ; помолчи здѣсь, да возглаголешь тамъ съ дерзновеніемъ къ Отцу. Будь сынъ воскресенія и жизни вѣчной, и чадо свѣту

дня; взыщи своего отечества и подвигайся по пути, пока достигнешь вѣчнаго города. Пока ты во плоти, не прекращай подвига; день за день подвизайся о своемъ спасеніи; не отлагай на время: вѣдь передъ смертію вѣстникъ не приходитъ. Скорбень будь и весель, печалень и радостень: скорбень и печалень смиреннаго ради житія, не прилѣпляясь къ земной радости; весель же и радостень душою о Господѣ. Прилѣпись Господу вѣрою и любовію, да не обольститъ тебя отъ Него прекрасное міра сего; смежи очи свои отъ видимыхъ и прозри внутренними очами на будущее; поработи тѣло, освободи душу; не облегчай тѣла: плоть во льготѣ буйствуетъ; вдавайся всему скорбному въ это время, чтобы въ будущее время исполниться всякой радости: торгъ вѣдь жизнь сія. Повергни временное и прими вѣчное; отдай отъ себя малое и прими великое; прежде вѣчнаго покоя не почивай; прежде вѣчныхъ благъ земныхъ благъ не насыщайся. Да будетъ тебѣ горько бесполезныхъ повѣстей слушанье, а сотами медвяными святыхъ мужей повѣсти и божественныхъ писаній чтеніе. Уши имѣй отверстыя къ слушанію, руки готовыя къ исполненію слышаннаго; уста имѣй молчашія, сердце обозрительное; буди молчаливъ на празднословіе, разумень на полезное; къ большимъ добродѣтелямъ простирайся, о меньшихъ не нерадѣй. Будь вѣрное сокровище добродѣтелямъ; имѣй ключъ Божественный страхъ; онъ да отверзаетъ уста твои, онъ да затворяетъ. Когда надо, говори; вопрошаемый отвѣчай, невопрошаемый безмолвствуй, да не отъ дерзостнаго сердца подстерегаемый языкъ твой узавитъ кого, но да исходитъ отъ тебя слово утѣшенія, утверждая къ тебѣ искреннаго любовь; бесѣдуй съ свѣтлымъ лицомъ, чтобы было весело бесѣдующему съ тобою. Бесѣдуя съ нищимъ, не оскорби его; кто безчеститъ нищаго, тотъ раздражаетъ Сотворшаго его, говоритъ притча. Всякому, созданному по образу Божію, не стыдись преклонять главы своей; старѣйшаго деньми почитать не лѣнись и потишись поконть старость его; сверстниковъ своихъ срѣтай мирно, меньшихъ себя принимай съ любовію; предъ честнѣйшими себя не лѣнись стоять; алчнаго накорми, жаждущаго напои, какъ Самъ Господь повелѣлъ, нагаго одѣнь, страннаго введи, больнаго посѣти, до темницы дойди, узнай бѣду ихъ, чего требуютъ — подай имъ, поскорби и воздохни и прослезись съ ними, и вспомни, что многіе изъ нихъ ради единаго грѣха злостраждутъ; мы же, всегда согрѣшая, питаемся и благоденствуемъ. Сего ради скорби о грѣхахъ своихъ, вздыхай о соблазнахъ, печалься о паденіяхъ въ городѣ, гдѣ ты живешь, и во иныхъ окрестныхъ. Поищи одного человѣка, боящагося Бога и всею силою служащаго Ему, и къ тому прилѣпись душою и тѣломъ. Если обрѣлъ такого человѣка, то уже не скорби: ты обрѣлъ ключъ царства небеснаго; ему послѣдуй во всемъ, и словесамъ его внимай, и угодное ему твори. Имѣй пристанища тихія, монастыри и дома святыхъ; къ нимъ прибѣгай, поскорби съ ними и утѣшь ихъ въ нищетѣ ихъ. Если имѣешь что въ домъ своемъ потребное, неси имъ: все то въ руки Божіи влагаешь. Разумѣй что есть воля Божія и чего тре-

буеть Царь небесный отъ твари своей: не малой ли и удобной милостыни? Дай малое, возьми вѣчное; дай единицею, возьми сторицею: милующій убогаго Богу взаимъ даетъ. Праздники Божіи и святыхъ Его почитай, не самъ упиваясь, но алчныхъ набормляя и жаждущихъ напоая. Отвори домъ свой не богатымъ, ни славнымъ, но убогимъ и нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, и не имѣющимъ гдѣ главы подклонить. Богатъ ли у тебя домъ или убогъ: за все благодари Господа Бога; все то божественнымъ промысломъ строится и все то зрѣть неусыпающее Его око. Сего ради потщися всего своего имѣнія десятое Богу отдать, давшему тебѣ здѣсь жизнь, а по смерти обѣщавшему жизнь вѣчную: ибо міръ сей мимоидеть, и слава его погибнетъ; придетъ же Господь съ небольшими силами и поставитъ на судѣ всякаго человѣка и воздастъ каждому по дѣламъ его. Поминай, что можешь завтра увидѣть, какъ небеса разступятся и Ангелы сойдутъ, и ты станешь передъ страшнымъ судилищемъ, и слово воздашь о житіи твоёмъ, о дѣлахъ и словахъ и помышленіяхъ: попекись же о себѣ, помани себя и грѣхи свои, помани осужденіе свое; помани, что ты человѣкъ смертный, болѣзненный, страстный; помани, что ты въ житіи печальномъ, бѣдѣ исполненномъ, погубившемъ многихъ добрыхъ и злыхъ, мудрыхъ и немудрыхъ, богатыхъ и нищихъ; помани, что ты человѣкъ немощный, не могшій вынести ни одного дня труда, ни одной ночи бдѣнія; помани, сколько ты согрѣшилъ Богу отъ юности своей; помани какъ со львомъ и со змѣемъ борешься день и ночь; помысли, сколько подъ землею душъ, преобидѣвшихъ страхъ Божій, молившихся получить малый покой и не получившихъ; помани, какъ часто воздвигалось море сіе житейское дѣйствіемъ плоти нашей, сколько бурь и сколько мятежей, сколько вѣтровъ, сколько грѣховъ, сколько слезъ во всѣхъ городахъ, въ домахъ и на торгахъ; помани сколько было людей отъ Адама до нынѣ, и всѣ прошли безъ слѣда памяти: одни же тѣ прославились на небесахъ и на землѣ, которые пожили по заповѣдямъ Божіимъ во всѣ дни своей жизни. И что благо въ мірѣ семь, и что не ложно? Все болѣзни и страха исполнено: и рожденіе наше страстно, и смерть наша страшна, а что по смерти, то неизглаголанно и несповѣдимо; питаніе наше мѣры не имѣетъ, спасеніе и хожденіе все печально, и плоть наша не умирится намъ: здоровая ратуетъ, а немощная печалитъ насъ, не будь ей одного хлѣба на утвержденіе, изнеможетъ. И кто въ этой жизни не дурно пожилъ? кто не вкусилъ соленыхъ водъ горькаго сего моря и сопротивныхъ волнъ? кто на немъ не постеналъ? сколько великихъ обманула нынѣшняя жизнь, и сколько текущихъ прекрасно—остановила? Помани, что скоро оставишь все видимое, небо и землю, и людей; помани, какъ ничтоженъ ты и тѣломъ и душою: малая скорбь возьметъ тебя, малое слово *огромитъ* тебя, малая болѣзнь какъ огонь сожжетъ тебя и въ великую печаль ввержетъ. И всякое веселіе свѣта сего плачемъ кончается: сегодня бракъ творятъ, а завтра надъ мертвецомъ плачутся; сегодня радостемъ, завтра гнѣмъ; сегодня нами раждаются, завтра погребаются; сегодня радость,

а завтра плачь; сегодня богатъ, а завтра нагъ; сегодня славенъ, а завтра кипятъ червлями. Убоимся же и вострепещемъ! ибо не знаемъ что съ нами сбудется. Покаемся нынѣ: по смерти нѣтъ уже покаянія: что сотворимъ, то и найдемъ тамъ; что поѣдемъ, то и пожнемъ. Придетъ оно и не минуетъ; придетъ Божій мечъ на насъ и ничьего лица не обойдетъ: оставитъ человѣкъ все, и отойдетъ одинъ, нищъ и нагъ, беспомощенъ, безъ заступленія, безъ дерзновенія, неготовый; долу понижъ онъ, плачетъ и сѣтуетъ, потому обливается, очи обращаетъ туда и сюда, скрежещетъ зубами, трепещетъ, рветъ на себѣ волосы, стареетъ языкомъ, хочетъ бѣжать и не можетъ, хочетъ помощь улучшить и не улучшаетъ; малый огонь, а все ни во что; малая болѣзнь, а все вотще и всуе: одна ночь глубокая и темная, страшная и болѣзненная: и веденъ будетъ, какъ осужденникъ, куда поведутъ вѣдущіе, въ мѣста страха и трепета, гдѣ нѣтъ смѣха, но плачь, гдѣ нѣтъ пищи, но туга, гдѣ многій страхъ и трепеть грѣшникамъ, бѣда великая, слезы неизреченныя, сѣтованіе исповѣдимое, воздыханіе немолчное, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, тьма безъ свѣта, *недаропріемный* страшный Судія. Поучимся же сямъ—пбо въ сихъ будемъ присно! Оплевавъ все прекрасное міра сего, поможемъ себѣ! Дадимъ мѣсто міру и льготамъ его! дадимъ мѣсто всѣмъ попеченіямъ и пристрастію къ міру, и скроемся отъ нихъ! Все то гонитъ насъ на убіеніе. Внимаемъ же себѣ и Богу своему! отдадимъ тѣло свое всему скорбному и печальному: многихъ язвъ оно достойно. Покаемся всѣмъ сердцемъ и скажемъ: се вся оставихомъ и въ слѣдъ Тебе идохомъ! всего отверглись мы Твоего ради страха! Покаяніе наше пускай дойдетъ до облакъ; стенаніе къ небесамъ приблизится; молитвы и милостыня да придутъ передъ Бога! послужимъ Ему страхомъ и трепетомъ, потерпимъ все скорбное и печальное, да насладимся благихъ, что Господь общаетъ любящимъ его: заповѣди Божіи свѣтъ и жизнь: въ тебѣ сила или творить ихъ, или презрѣть. Поучайся же имъ непрестанно и въ нихъ пребывай, и напиши сіе малое слово на сердцѣ своемъ, и обвяжи его около выи своей: оно вводитъ въ жизнь вѣчную хотящихъ идти по святому желанному пути, имъ же отъ вѣка ходили всѣ святые ветхаго и новаго завѣта, въ подвигѣ пота ихъ, въ скорбяхъ и въ нуждахъ великихъ, и постнически и мученически угодили Христу и Тому единому послужили, да вставши отъ мертвыхъ, съ Ангелами ликуютъ—блаженный и вѣчный нерушимый ликъ, аминь²⁷).

Мы до сихъ поръ изучали ту часть Просвѣтителя, которая составляетъ внутреннюю сущность Іосифова творенія и всегда пребываетъ въ нравственныхъ основахъ жизни Русскаго человѣка. Теперь мы должны коснуться слабѣйшей его стороны, принадлежащей его времени: сюда относятся послѣднія пять гонительныхъ словъ. Странное противорѣчіе встрѣчаемъ мы между этими мрачными словами и свѣтлою мыслию, которая поражаетъ насъ въ 4-мъ Словѣ: „Самъ (Богъ) Истина и Любовь именуется, и всѣхъ приводитъ отъ нечестія въ благочестіе, не

ратью ни оружіемъ, ни водою потопляя, ни огнемъ сожигая, но еротостію и терпѣніемъ и смиреніемъ, и милосердіемъ и любовію“.

Еще въ первыхъ 11-ти Словахъ спокойствіе разумнаго обличенія ереси и исповѣданія истинъ Христовой вѣры нерѣдко нарушалось словами гнѣва и проклятія на отступниковъ. Въ послѣднихъ же пяти словахъ сила гнѣва переполнила мѣру. Іосифъ, увлекаясь рвеніемъ пастыря, оправдываетъ себя подражаніемъ пастухамъ, защищающимъ свое стадо. Когда невѣрные еретики православныхъ не прельщаютъ, можно оставлять ихъ въ покоѣ; но когда они совращаютъ вѣрныхъ, тогда надобно ихъ не только ненавидѣть или осуждать, но проблинать и язвить, и тѣмъ руку свою освятить. Въ порывѣ рвенія Іосифъ указываетъ на Апостола Павла, Иоанна Златоуста, Порфирія Газскаго, Льва Катанскаго, словомъ или чудесами изгонявшихъ и поражавшихъ еретичество. Въ ослѣпленіи гнѣва онъ говоритъ даже, что убивать еретика руками или молитвою все то же. Въ 15-мъ словѣ онъ не признаетъ въ отступникахъ и покаянія, если только оно вынуждено страхомъ казни. Наконецъ, въ послѣднемъ 16-мъ словѣ, устами самого равноапостольнаго Царя Константина, Іосифъ такъ обращается къ властямъ, ему современнымъ. „Мы невѣрующихъ въ Святую и единосущную Троицу повелѣваемъ мечемъ посѣщи, и богатство ихъ на расхищеніе предать; повелѣваемъ ихъ казнямъ лютымъ предавать наравнѣ съ ворами и разбойниками. . . Такъ и вамъ повелѣваемъ творить: бози бо есте и сынове Вышняго. . . Разумѣйте же, цари и князья, и бойтесь страха Вышняго: вашего ради спасенія написалъ я вамъ, да, Божію волю сотворивъ, примете Божію милость. Васъ Богъ посадилъ замѣсто Себя на престолѣ Своемъ. Подобаеть царямъ и князьямъ всякое тщаніе о благочестіи имѣть. . . Солнцу свое дѣло свѣтитъ сущимъ на землѣ; Царю — пешись о всѣхъ сущихъ подъ нимъ“. . .

Гнѣвное гонительное слово достигло своей цѣли. Гражданскій судъ поразили сильнѣйшихъ еретиковъ. Запылалъ костеръ, на которомъ сожжены они всенародно въ желѣзной клѣткѣ. Другимъ отрѣзали языки: слабѣйшая казнь была темница.

Но и тогда еще, съ другой стороны, противъ гнѣвнаго слова проклятія, ведшаго къ жестокимъ казнямъ, раздалось слово обличительное, слово Вологодскихъ и особенно Кирилловскихъ старцевъ²⁸⁾. Вотъ что они писали:

„Правда, что некающихся еретиковъ и непокоряющихся велѣно заточить, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ Церковь Божія пріемлетъ съ простертыми дланями. Ради грѣшныхъ Сынъ Божій воплотился и пришелъ спасти погибаго. А что ты, господинъ старецъ Іосифъ, писалъ, что Моисей скрижали руками разбилъ, то такъ; но когда Богъ захотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господу и сказалъ Ему: „если ихъ погубишь, то меня прежде ихъ погуби“, и Богъ не погубилъ Израиля Моисея

ради. Видишь ли, господи́нь, какъ любовь Моисеева къ согрѣшившимъ превозмогла самый гнѣвъ Божій. Также Илья Пророкъ, ревнуя по Богѣ, заклалъ 400 жрецовъ Вааловыхъ, потому что не каились, а покаявшихся принялъ на покаяніе, изъ нихъ же вышелъ послѣ и Авдей пророкъ . . . Но тогда еще былъ ветхій законъ; намъ же въ новой благодати явилъ Владыко христоролюбный союзъ: не осуждать брата брата, а только единому Богу судить согрѣшенія человѣческія: вспомни, что и самъ Спаситель не осудилъ грѣшницу и отвелъ отъ нея убійственную жидовскую ругу. Если ты повелѣваешь, Іосифъ, брату брата согрѣшившаго убить, то скорѣе и суботство будетъ, и все ветхое закона, что Богъ ненавидитъ. А Петръ Апостоль Симона волхва молитвой разбилъ. . . и ты, господи́нь Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника. Если же Богъ приметъ еретика или грѣшника на покаяніе, то не услышана будетъ отъ Бога молитва твоя. Мы помнимъ разбойника, спасеннаго исповѣданіемъ, мытаря, очищеннаго милостію, блудницу, помилованную за слезы и названную дочерью. Павелъ Апостоль Еллиму волхва молитвой ослѣпилъ за то, что искалъ развратить Аноипата отъ вѣры, а самъ Апостоль писалъ: пускай я буду проклятъ отъ Христа, лишь бы братія моя спаслись. Видишь ли, господи́нь, какъ и Апостоль душу свою полагаетъ за соблазвившуюся братію, чтобы спаслись, а не сказаль, чтобы огонь ихъ пожегъ, или земля пожрала, а вѣдь онъ могъ бы все это отъ Бога пріять и испросить. А Левъ, Епископъ Катанскій, Ліодора волхва епитрахилію связать и сжегъ при Греческомъ царѣ: то такъ. А ты, господи́нь Іосифъ, почто не испытася своей святости, зачѣмъ не связаль Архимандрита Касьяна своею мантіею? Пока бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его держаль, а мы бы тебя, какъ одного изъ трехъ отроковъ изъ пламени вышедшихъ, да и приняли. Поразумѣй, господи́нь Іосифъ! какъ много разни промежъ Моисея и Илии и Петра и Павла Апостоловъ, да и тебя отъ нихъ. Кто бы, господи́нь, вѣдалъ многое Божіе милосердіе, если бы не самъ Господь показаль его людямъ надъ грѣшными. . . . Вспомни, когда Апостоль Петръ спросилъ Господа: *Господи! аще братъ согрѣшитъ въ мя до седмижды днемъ, прошу ли его?* — что отвѣчалъ ему Господь: *не глаголю ти до седмижды, но до седмидесяти седмицею прости его.*“

Такъ общій духъ нашей Церкви сказался въ этомъ посланіи Вологодскихъ старцевъ и обличилъ фанатическое уклоненіе лица отъ духа Любви, который есть, по его же собственному слову, одно съ духомъ Истины.

Первое сильное отступленіе отъ истинъ вѣры, исповѣдуемыхъ православною Церковію, вызвало у насъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ богословскихъ твореній нашей древней словесности. Мы видѣли, съ какою очевидною ясностію сознаны и раскрыты въ немъ эти истины; какъ самыя явленія природы служатъ къ ихъ истолкованію; какъ не остается это сознаніе въ одномъ отвлеченномъ мірѣ бого-

словія, но переходитъ и въ практическую жизнь, въ образъ мыслей самого народа.

Плодотворнѣе бываетъ и для народа, и для государства, когда ереси, возникающія въ средѣ ихъ, дѣйствуютъ открыто и явно, а не подъ маскою двуличнаго слова, не подъ покровительствомъ бездушнаго лицемерія. Ложь всего вреднѣе, когда она таится подъ спудомъ, или роется подъ землю, какъ кротъ: ей надобно, какъ кроту же, выйти на свѣтъ, для того чтобы лишиться жизни, а она того боится и подрывается подъ людей, пользуясь покровомъ всеобщей тайны. Ложь, открыто разглашаемая, приноситъ ту пользу, что вызываетъ голосъ истины: такъ и у насъ Жидовская ересь вызвала первыя 11 словъ Просвѣтителя³⁹⁾.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Житія Святыхъ. Росс. ц. М. Декабря 14-го, стран. 106. — Обз. Русск. дух. литер. стран. 109.

2) Истор. Кар. Т. VI, прим. стран. 160, г. 1486. „Пріѣха во Псковъ Архіеп. Геннадій. . . и пребысть 3 недѣли, пришедъ на Вѣче народъ благословиль, и многа словеса учительная простеръ, вдасть грамоту и отъѣха прочъ“.

3) Первое и второе находятся въ Рукоп. Гр. Толстаго, но не напечатаны; третье въ Чт. Общ. Ист. 1847. № 8; четвертое въ Акт. Арх. Эксп. т. I. № 380; пятое въ Акт. Истор. т. I. № 104 и въ Др. Вивл. Новик. Ч. XIV. 1790, стран. 244.

4) Въ Синод. библ. подъ № 1 находится эта Пасхалія. Рукопись была въ рукахъ у Карамзина (VI т. Истор. прим. 7). Она начинается Пасхалією Агаеона, знавшаго греческій языкъ; онъ ссылается на предшествовавшіе труды Геннадія и Иосифа. За тѣмъ слѣдуютъ Геннадіева Пасхалія и три слова изъ Просвѣтителя 8-е, 9-е и 10-е. Въ заключеніи Стязаніе съ философамъ, который слишкомъ загордится знаніемъ пасхальнаго круга, и мистическое толкованіе азбуки. Здѣсь, между прочимъ, подъ мистическими числами, указанъ дѣятеъ Феодоръ Курицынъ, какъ переводчикъ Лаодикійскаго посланія.

5) Опис. Синод. рукоп., стран. 127 и 128.

6) № 953. Заглавіе Устава: Главы оозрительнаго Устава. Твореніе господина нашего въ нынѣшнемъ родѣ преосвященнаго Архіепископа великаго Новгородскаго и Пскова владыки Геннадія. Въ этомъ Уставѣ на концѣ приложены обряды заздравныхъ чашъ, и въ томъ числѣ чаши *за добраго человека*.

7) Обз. Р. дух. лит., стран. 111.

8) Сборникъ № 664 ркпс. Иосиф. обит., стран. 78 на обор.

9) На переводѣ Нила Полева есть надпись: держати ихъ въ книгохранильницѣ, а по кельямъ не давати и не учитися по нимъ.

10) Въ народѣ до сихъ поръ есть преданіе, что Иосифъ рылъ эти пруды руками народа и платилъ всякому рабочему по 25 коп. ассигн. въ день. Когда

народъ выразилъ ему неудовольствіе за эту плату, тогда Іосифъ вынесъ народу огромный ворохъ мѣди и велѣлъ брать изъ него каждому загребая сколько угодно. Но сколько люди ни загребали, все выходило не болѣе 25 коп. ассигн. у каждаго. Тогда всѣ рабочіе признали эту плату законною и болѣе не требовали.

11) Разс. о ерес. и раскол. Н. Руднева, стран. 110.

12) Въ 8-мъ Словѣ о кончинѣ седьмага тысячелѣтія и пасхалии слова: „П (80) лѣтъ и д̄ (4) уйде миротворнаго круга“, показываютъ вставку, которая относится къ 1576 году. Издатели Просвѣтителя въ Православномъ Собесѣдникѣ, неизвѣстно на какомъ основаніи, прочли вмѣсто *уйде*—*у Іудеи* (см. 399 стран. Кн. 1. 1857). Но въ спискѣ Архивномъ и въ Агаѳоновой Пасхалии читается *уйде*.

13) Твор. Св. отц. Т. V. Кн. 3. Прибавл., стран. 276.

14) Прав. Собес. 1859 Октябрь, стран. 156.

15) Тамъ же, стран. 159, 165, 167.

16) Тамъ же, стран. 178.

17) Т. е. умосозерцаемо.

18) Стран. 326 — 343 печатнаго изданія.

19) Стран. 326.

20) Изъ Посланія Іосифа къ Вассіану о Святой Троицѣ.

21) Стран. 270.

22) Стран. 296.

23) Стран. 303.

24) Стран. 319.

25) Стран. 345—360.

26) Издатели Православнаго Собесѣдника говорятъ, что за эту статью можно поставить автора въ число лучшихъ Русскихъ духовныхъ писателей.

27) Стран. 361—373.

28) Писаніе старцевъ Вологодскихъ монастырей противъ Іосифа: Кирилова монастыря старцы и всѣхъ Вологодскихъ монастырей совокупшася и о семъ подвигшеся, положиша тому посланію старца Іосифа свидѣтельство. . . . Др. Росс. Вивлію. Ч. XV, стран. 424.

29) Упомянемъ объ источникахъ для изученія жизни и дѣятельности Іосифа Волоцкаго. — Рукописныя житія принадлежатъ ученикамъ Преподобнаго: иноку Досиѳею, который былъ и его сродникомъ, Саввѣ Черному, впоследствии Епископу Крутицкому, и еще неизвѣстному, писавшему вскорѣ послѣ кончины Іосифа. По этимъ источникамъ составлены: статья Преподобный Іосифъ Волоколамскій (Твор. Св. Отц. Годъ V, Кн. 2. Приб.) и Житіе Преп. Іосифа, игумена Волоколамскаго (Жит. Святыхъ Росс. церкви. Сентябрь, стран. 71). — Писанія Преп. Іосифа Волоколамскаго (Твор. Св. Отц. Годъ V, кн. 3). Здѣсь можно найти списокъ твореній Іосифа съ указаніемъ на то, что было напечатано до 1847 года. — Въ древней Росс. Вивліюнигѣ напечатаны Т. XIV: 1) грѣшнаго инока сказаніе о новоявившейся ереси Новгородскихъ еретиковъ и отступниковъ, Алексѣя Протопопа и Дениса, Осипа и Ѳедора Курицына и иныхъ, иже тако же мудрствующихъ (стран. 128); 2) Посланіе къ Борису Васильевичу Кутузову (стран. 177); 3) Посланіе къ Архимандриту Вассіану о св. Троицѣ (стран. 218); — Т. XVI,

420 — 428. 4) Прибавленіе начала къ вышепомянутому сказанію; 5) Посланіе къ В. Князю Василью Ивановичу; 6) Писаніе старцевъ Вологодскихъ монастырей противъ Іосифа, Кирилова монастыря старцы и всѣхъ Вологодскихъ монастырей совокупишася и о семь подвижеса. — Въ Читеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Росс. 1847. Годъ третій. № 1. Смѣсь: Посланія: 1) къ Нифонту, Епископу Суздальскому; 2) къ иноку Иконописцу, и 3) къ Митрофану, Архимандриту Андрониковскому, съ Предисловіями П. С. К. — Тамъ же № 7. Смѣсь. 4) Преп. Іосифа Волоколамскаго отвѣщаніе и сказаніе о Святыхъ Отцѣхъ, бывшихъ въ Русскѣхъ монастырѣхъ; сообщено П. К. Это есть отрывокъ изъ Духовной грамоты Іосифа Волок. или глава 10. 5) Опись книгъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря 1573, сообщено П. К. — Тамъ же № 8. 6) Содержаніе посланія Іосифа Волокол. къ Ивану Ивановичу. — Въ Акт. Историч. Т. I № 288. 1507. Духовная грамота. — Въ Дополн. къ акт. Т. I № 211, 212, 213, 216, 217, изъ которыхъ особенно замѣчательны и намъ уже извѣстны № 213, Посланіе къ вельможѣ о милованіи рабовъ, и № 216, Дмитровскому Князю Юрію Іоанновичу о пропитаніи народа во время голода. — Просвѣтитель напечатанъ въ Православномъ Собесѣдникѣ, издан. отъ Казанской Духовной Академіи, въ книгахъ 3-й и 4-й 1855 года, въ 4-хъ 1856 г. и въ 4-хъ 1857 г., съ предисловіемъ. Статья о немъ въ Октябрѣ 1859 года. — Просвѣтитель въ рук. Архива иностр. дѣлъ № 926 и Библиот. Унд. № 486. — Духовная грамота Библ. Унд. № 144. — Въ Сборникѣ Іосиф. мон. № 664, заключающемъ въ себѣ Іосифовскій отечникъ, составленный по примѣру скитскаго Патерика, находятся многія устныя преданія, слышанныя отъ Іосифа и записанныя его учениками.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТАЯ.

Ниль Сорскій. — Его жизнь. — Учрежденіе перваго скитскаго житія въ Россіи. — Уставъ сего житія, или твореніе о осьми помыслахъ. — Подобныя творенія Кассіана Римлянина и Нила Синайскаго. — Содержаніе Нилова творенія. — Внутреннее дѣланіе. Пять степеней мысленной брани. — Высшее состояніе духа въ молитвѣ. — Анализъ борьбы съ каждымъ изъ осьми помысловъ отдѣльно. — Оружіе противъ нихъ. — Три посланія Ниловы и сочиненіе Анастасія Синаита о помыслахъ. — Заключение.

Третій мужъ силы духовной, дѣйствовавшій словомъ и связующій XV-е столѣтіе съ XVI-мъ въ нашей древней Словесности, былъ Ниль Сорскій. Хотя въ одномъ изъ посланій своихъ онъ, по смиренію, и называетъ себя „поселяниномъ“, но онъ былъ изъ боярскаго рода Майковыхъ и родился въ Москвѣ въ 1433 году; рано полюбилъ онъ чтеніе книгъ и въ мірскомъ пребываніи проходилъ должность скорописца¹⁾. Памятникомъ письменной его дѣятельности осталась рукопись, хранившаяся въ библиотекѣ Іосифова монастыря²⁾; въ ней рукою Нила переписаны житія святыхъ отшельниковъ Симеона Столпника, Онуфрія пустынника, Петра Аѳонскаго, Пансіа великаго, мужей, которыхъ жизнь согласовалась съ призваніемъ

самого Нила, перваго учредителя скитекаго житія въ Россіи. Постригся онъ въ монастырь Кирилла Бѣлозерскаго. Удаляясь отъ братій, измѣнявшихъ обѣту иночества, Ниль сосредоточивался весь въ изученіи писаній и преданій св. Отцевъ. Черезъ нѣсколько времени по постриженіи, съ собратомъ и ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отправился онъ къ святымъ мѣстамъ востока и провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастыряхъ Аѳона и Константинополя; посѣтилъ скиты и пустыни отшельниковъ. Одинъ изумилъ его своимъ воздержаніемъ, другой — нестяжаніемъ и нищетою, третій — терпѣніемъ въ искушеніяхъ; четвертый училъ его внутреннему вниманію и умной молитвѣ. Объ этомъ самъ упоминаетъ Ниль въ своемъ сочиненіи: „Повсюду обрѣтается въ Святыхъ писаніяхъ похваляемо, еже съ единѣмъ или съ двѣма безмолвіе, якоже и самовидци быхомъ въ святѣй горѣ Аѳонстѣй и въ странахъ Царяграда, и по иныхъ мѣстѣхъ многа суть такова пребыванія“.

Ясно, что въ этихъ монастыряхъ Ниль изучалъ образцы того безмолвнаго житія съ однимъ или двумя собратами, которые онъ въ своемъ писаніи называетъ путемъ среднимъ или царскимъ. Ниль желалъ водворить его въ своемъ отечествѣ. Иннокентій, ученикъ его, въ своемъ Надсловіи къ Ниловой книгѣ говоритъ, что Святые Отцы раздѣлили все монашеское жительство на три чина: первый — житіе общее; второй — уединеніе съ двумя или съ тремя, при общей пищѣ и одеждѣ, при общемъ трудѣ и рукодѣліи; третій, наконецъ, — пустынное отшельничество и жизнь одинокая. Последнее требуетъ Ангельской крѣпости: на уединеніе и пустыню, по словамъ св. Кассіана, могутъ идти только мужи совершенные и вполне очищенные, которые въ собраніи общеживущихъ всякую неправду въ себѣ *выварили* и вполне себя приготовили къ пустынной жизни. Ниль указывалъ на второй чинъ, какъ на образецъ, который онъ видѣлъ на святой горѣ Аѳонской, и много говорилъ противъ самочиннаго уединенія людей къ нему неприготовленныхъ, которое начинало распространяться въ Россіи. Такихъ людей Иннокентій называетъ *самочинниками*. Отвергая ученіе и наставленіе братнее, они служатъ духу самолюбія и гордости, и въ нихъ зачинается и воспитывается внутренній фарисей. Какъ ядовитый аспидъ или лютый звѣрь въ пещерѣ становится еще лютѣе и вреднѣе, такъ и они. Старцы говорили: если видишь юнаго, на небо восходящаго, схвати его за ноги и сбрось на землю.

Ниль, по возвращеніи въ монастырь, сначала устроилъ себѣ келью внѣ монастыря, а потомъ отошелъ и далѣе; но пускай онъ самъ объ этомъ намъ скажетъ словами изъ посланія къ одному брату, съ которымъ онъ сопряженъ былъ духовною любовью и который просилъ его написать ему что-нибудь на пользу души. „По отшествіи странничества моего, пришедъ въ монастырь, внѣ близъ монастыря створихъ себѣ келлію, и тако живяхъ елико по силѣ моей. Нынѣ жъ вдальѣ отъ монастыря преселихся, понеже благодатію Божіею *обрѣтохъ мѣсто угодно моему разуму*, занежь мирской чади мало входно, якожь и самъ видѣлъ еси. Инаипаче

испытую божественная писанія: прежде заповѣди Господня, и толкованія ихъ, и апостольская преданія: тажъ житія и ученія Святыхъ Отець, и тѣмъ внимаю, и ажъ согласна моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души препишу себѣ, и тѣми поучаюсь, и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю“.

Это мѣсто, *удобное разуму* святаго мужа, есть пустыня Нилосорская, лежащая въ 15-ти верстахъ отъ Кириллова монастыря. Дико, мрачно и пустынно то мѣсто, гдѣ Ниломъ былъ основанъ скитъ. Почва ровная, но болотистая: кругомъ лѣсъ болѣе хвойный, чѣмъ лиственный. Рѣчка Сора, или Сорка, давшая прозвище и Угоднику Божію, не вьется, а тянется по этому мѣсту и похожа болѣе на стоячее болото, нежели на текучую воду. Среди различныхъ угодій, которыми изобильна счастливая природа странъ Бѣлозерскихъ, трудно отыскать убѣжище болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустыня. Можно представить себѣ, кака была здѣсь глушь въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го столѣтія, когда жилъ Ниль Сорскій. Видъ этого мѣста, съ перваго раза, даетъ понятіе о томъ, чего искалъ здѣсь Святой, и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ созерцаній, извѣстныхъ намъ изъ его творенія. Онъ переселяетъ насъ тотчасъ къ началу скитскаго житія въ Россіи, котораго Ниль былъ основателемъ. Сначала Ниль водрузилъ крестъ, создалъ келью и выкопалъ колодезь; потомъ сталъ заботиться о церкви и самъ наносилъ своими руками земли для ея основанія на мѣстѣ низкомъ и болотистомъ. Прежде работалъ одинъ, а послѣ — съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ. Церковь была деревянная, во имя св. Ефрема Сирина.

Ниль завѣщалъ ученикамъ своимъ не строить каменной и, какъ записано въ чудесахъ его, явился гнѣвный во снѣ Ивану Грозному, когда царь, посѣтивъ Нилосорскій скитъ, приказалъ было вмѣсто деревянной церкви выстроить каменную: Святой строго запретилъ это дѣло. Но въ преданіяхъ иноковъ осталось, что Ниль запретилъ Грозному строеніе храма не по этой причинѣ, а потому, что много было пролито нмъ крови Христіанской. Золото, серебро и всякія украшенія не были терпимы Ниломъ во храмѣ Божіемъ.

На разстояніи брошеннаго сильною рукою камня отъ церкви, въ разныхъ мѣстахъ по лѣсу кругомъ, стояло 12 келлій, гдѣ жила братія по одному, по два и много по три. Всю недѣлю проводили они въ келліяхъ; наканунѣ воскресныхъ дней и праздниковъ сходились въ церковь; здѣсь оставались сутки для богослуженія и потомъ, послѣ трапезы, расходились снова по келліямъ. Весь чинъ богослуженія совершался по особенному скитскому уставу, введенному Ниломъ. Онъ и до сихъ поръ соблюдается въ обители.

Изъ 12-ти келлій, устроенныхъ по преданію Св. Ниломъ, уцѣлѣла только одна, близъ которой своими руками онъ выкопалъ прудокъ и колодезь. Въ наше время эта келья была возобновлена новымъ пустынникомъ Никонемъ, который въ

схимѣ принялъ имя Нила и вѣрно хранить преданія основателя скитской жизни въ Россіи.

Здѣсь, въ этой кельѣ спасался и богомыслилъ Ниль. Отсюда правилъ онъ обителю и всего болѣе внутреннюю жизнь учениковъ своихъ, которые приходили отрывать ему всё свои помыслы. Искусенъ былъ онъ во врачеваніи душевныхъ болѣзней и отличался необыкновеннымъ даромъ разсужденія, которымъ пользовалъ всю живущую при немъ братію. Здѣсь, по его собственнымъ словамъ, окруживъ себя писаніями Отцевъ церкви, написалъ онъ для учениковъ своихъ Уставъ скитскаго житія, или твореніе объ осьми помыслахъ. Власяница, висящая при его гробницѣ, осталась памятникомъ его трудной жизни.

Нѣсколько разъ въ этомъ твореніи онъ говоритъ противъ любостязанія и называетъ помыслъ сребролюбія, когда онъ укрѣпится въ чловѣкѣ, *ослахъ злыимъ*. Въ 1500 году, на Московскомъ соборѣ, когда говорили объ отчужденіи сель отъ обитателей, Ниль защищалъ это мнѣніе противъ Іосифа Волоцкаго. Водяная мельница, устроенная на рѣчкѣ Соркѣ, и милостыня людей христіанскихъ служили для пропитанія братіи. Ниль преставился въ 1508 году Мая 7-го, 75-ти лѣтъ отъ рожденія. Братіи своей завѣщала онъ бросить тѣло его на сѣденіе звѣрямъ и птицамъ, какъ недостойное погребенія, а если этого они не сдѣлаютъ, то, ископавши ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ, пускай погребутъ его со всякимъ безчестіемъ.

Что влекло Нила въ такія мрачныя болотныя дебри отъ привольныхъ рѣкъ и озеръ? что устремляло его отъ господствовавшего тогда устава общежительнаго къ житію скитскому? Онъ, конечно, замѣтилъ, что угоды сельскія отвлекали иноковъ отъ цѣли духовной къ другимъ цѣлямъ житейскимъ, возбуждали въ нихъ любовь къ нѣгѣ, праздности и стяжанію; онъ видѣлъ, что обрядная сторона монастырской жизни въ нѣкоторыхъ обителяхъ начала брать верхъ надъ внутреннею: милостыня вещественная—надъ духовною, внѣшняя молитва—надъ внутреннею. Вотъ почему онъ хотѣлъ обратить вниманіе иноковъ на *умное дѣланіе*, какъ онъ называетъ ихъ внутренній подвигъ, и предложилъ имъ Уставъ скитскаго житія или *преданіе о жительствѣ скитскомъ* въ видѣ духовнаго наставленія о внутренней борьбѣ съ осемью помыслами, которые служатъ источникомъ всѣхъ пороковъ, обезображивающихъ душу чловѣка.

Во множествѣ рукописей встрѣчается это твореніе Нила въ бібліотекахъ древнихъ нашихъ обитателей: видно, что оно служило руководствомъ для внутренней жизни иноковъ, жившихъ и не скитскимъ житіемъ. Въ первый разъ оно было издано въ пятомъ томѣ Исторіи Россійской Іерархіи; но въ 1849 году Козельская Введенская Оптина пустынь издала его особенно и сдѣлала болѣе доступнымъ для всѣхъ духовныхъ подвижниковъ и въ пустыняхъ, и въ мірѣ.

Не должно думать, чтобы твореніе Нила было полезно практически только

для иноковъ. Въ немъ философъ, просвѣщенный Христіанскою истиною, увидитъ глубокой психологической анализъ движеній нашей души на пути порока. Въ немъ каждый Христіанинъ, неравнодушный къ своему нравственному совершенствованію, найдетъ для него простыя и вѣрныя способы.

Нилу для его творенія объ осьми помыслахъ послужили подобныя творенія Кассіана Римлянина и Нила Синайскаго о томъ же предметѣ. Они были извѣстны у насъ въ переводахъ и находятся въ Главникѣ Даниловскомъ, или сборникѣ Даниила Митрополита, хранимомъ въ рукописяхъ Іосифова монастыря³⁾. Съ перваго раза ясно видно, что Ниль пользовался этими твореніями, но не переводилъ ихъ. Его изслѣдованіе гораздо глубже и полнѣе, и развитіе страсти отъ перваго ея зародыша въ *прилогъ* мысли до полного пожара изложено болѣе систематически. Иннокентій въ предисловіи къ творенію своего учителя нѣсколько разъ ссылается на сочиненіе Кассіаново и приводитъ изъ него отрывки. Не можемъ не привести одной мысли, которая у Иннокентія приведена вкратцѣ, а у Кассіана изложена подробнѣе. У старца Антонія великаго, въ странахъ Оивайдскихъ, собрались старцы и разсуждали о томъ всю ночь, какая первая добродѣтель; одни говорили — постъ и бдѣніе, другіе — иночество, третьи — милостыня. Прошла большая часть ночи. Антоній не согласился со старцами и, наконецъ, сказалъ: „Кто погрѣшаетъ противъ праваго пути, тотъ не имѣетъ дара разсужденія. Разсужденіе есть око и свѣщникъ души по Евангельскому слову: свѣтильникъ тѣлу есть око. Какъ городъ раскопанный, такъ человѣкъ безъ совѣщанія все творящій. Безъ разсужденія нашъ внутренній домъ не можетъ создаться, ни духовное богатство собраться. Разсужденіе есть родительница и хранительница всѣмъ добродѣтелямъ, потомучто учить, избравши путь ихъ, пребывать на немъ“. Старцы согласились съ мнѣніемъ Антонія великаго.

Превосходно твореніе Нила Синайскаго объ осьми помыслахъ. Оно бы, вмѣстѣ съ Кассіановымъ, заслуживало быть издано въ древнемъ переводѣ, въ объясненіе и дополненіе къ творенію нашего Нила. Совѣтъ противъ гнѣвнаго помысла молиться за брата, который прогнѣвалъ, заимствованъ у Нила Синайскаго. Есть сравненія поэтическія въ его твореніи: молитва постящагося — птенецъ орлій, взлетающій къ небу; молитва объѣдающагося, отягченная сытостью, влачится долу. Уныніе названо у него *изнеможеніемъ души*.

Кромѣ Нила Синайскаго, Ниль Сорскій ссылается на многія творенія богословія созерцательнаго и аскетическаго, какъ напримѣръ, на Іоанна Лѣствичника, Агаеона, Варсонофія, Исакія и Исхія Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, Симеона новаго Богослова, Никиту Стифата, Филоея Синаита, Макарія Египетскаго, Максима исповѣдника, Θεодора Студита, Григорія Синаита и многихъ другихъ. Нашъ писатель, по примѣру всѣхъ древнихъ своихъ сотрудниковъ, любитъ ста-

новиться за великихъ учителей Церкви и свое личное мнѣніе одушевлять ихъ мыслию и облекать ихъ словомъ.

Вниземъ же теперь въ сущность творенія Нилова.

Въ началѣ своего Преданія ученикамъ Ниль указываетъ на примѣръ Отцевъ, которые прежде дѣлали сами благое, а потомъ другихъ ему учили. За тѣмъ въ основу преданія своего полагаетъ онъ исповѣданіе православной вѣры и отреченіе отъ еретиковъ.

Имѣя главною цѣлю какъ въ сочиненіи своемъ, такъ и въ подвигахъ жизни направить иноковъ на внутреннее дѣланіе, Ниль не хочетъ, однако, отвратить ихъ отъ труда и руководствія, которые необходимы для удовлетворенія разныхъ потребъ нашихъ. Но дѣла поручаетъ онъ своимъ инокамъ такія, которыя подъ кровомъ бываютъ, т. е. дома дѣлаются, а не тѣ, которыя на открытомъ воздухѣ совершаются: живущимъ особо такія занятія укорны. Ниль приводитъ по этому случаю слова Апостола: *не дѣлай, да не ястъ*.

Нельзя не остановиться на этой мысли, потомучто она связана тѣсно съ прекраснымъ правиломъ жизни Русскихъ крестьянъ. Апостоль Павелъ во второмъ посланіи къ Солунянамъ говоритъ: „Егда бѣхомъ у васъ, сіе завѣщавомъ вамъ, яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ. Слышимъ бо пѣнія безчинно ходящія у васъ, ничтоже дѣлающія, но лукавно обходящія. Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ“. (Гл. 3, ст. 10—12). Замѣчали ли вы, что Русскій крестьянинъ, не работающій по какой бы то ни было причинѣ, даже по болѣзни, въ семьѣ своей совѣтится ѣсть хлѣбъ, постится и отошаль бы съ голоду, если бы родные ему не подавали? Такъ исполняетъ онъ строго наставленіе Апостольское.

Ниль, не отклоняя братій своихъ отъ занятій руководлемъ, ограничиваетъ ихъ, однако, самыми необходимыми, чтобы при этихъ трудахъ они не имѣли въ виду умноженія стяжаній самой обители.

Правда, эти стяжанія умножались въ монастыряхъ подъ предлогомъ милостыни ближнимъ; но Ниль гораздо выше тѣлесной ставитъ милостыню душевную. „Иноческая милостыня, говоритъ онъ, помочь брату словомъ во время нужды, утѣшить его въ скорби разсужденіемъ духовнымъ: душевная милостыня на столько выше тѣлесной, на сколько душа выше тѣла. А если странникъ придетъ къ намъ, упокоимъ его по силѣ нашей, и если требуетъ хлѣба, дадимъ ему и отпустимъ его“.

Сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, даже и священныхъ, Ниль не желаетъ для церкви. Иоанну Златоусту приносили ихъ, равно и другія церковныя украшенія, но онъ приказывалъ все раздавать нищимъ. Великій же Пахомій не хотѣлъ, чтобы и зданіе церковное было украшено, дабы не величаться въ Храмѣ Божіемъ дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Вниманіе братіи во всемъ Ниль обращаетъ на внутреннее дѣланіе. Умная

мoлитвa вышe тѣлеснoй, по слoвaмъ Aпoстoлa: хoщу пятъ слoвъ умoмъ рещи, не-
жели тѣмъ слoвъ языкoмъ. Тѣлеснoе дѣланіe, по слoвaмъ св. Агaѳoнa, тoлькo
листъ, a внутрeннee, т. e. умнoе — плoдъ. Отцы сказaли: ктo устaми тoлькo мo-
литсa, объ умѣ же небрежетъ, тотъ воздуху молится: Богъ бо уму внимаетъ. Объ
инокахъ, кoтoрыe зaняты тoлькo тѣлеснымъ дѣланіемъ и по прoстoтѣ не знaютъ
мыслeннoй брани и побѣды, Филoсoей Синаитъ повелѣваетъ молиться и учить ихъ,
чтобы очищали умъ, въ кoтoрoмъ *зрительное души*. Истoрiю этoй внутрeннeй
брани изложилъ онъ на воспомяніe себѣ, собравъ все то, что сказaли o ней ду-
хoнoсныe отцы.

Пятъ степеней проходить душа наша въ этoй мыслeннoй брани, по слoвaмъ
Отцевъ: *прилогъ, сочетаніe, сложeніe, плъненіe* и *страсть*. Первая степень,
прилогъ, есть самое объявленіe помысла уму, кoтoрoе собственно, какъ и самый
помысль, отъ насъ не зависить.—Вторая степень, или второй моментъ, есть *со-
четаніe*, т. e. отвѣтъ нашего ума на его явленіe, соглаголаніe къ явившемуся,
пріятіe помысла, бесѣда съ нимъ, но еще не заключающая въ себѣ никакаго къ
нему склоненія.—Третій моментъ, *сложeніe*, есть уже преклоненіe души къ по-
мыслу, уступка ему въ бесѣду, сочувствіe.—Четвертый, *плъненіe*, есть продол-
жительное совокупленіe съ помысломъ, чѣмъ погубляется изящное устроеніe на-
шей души. Это послѣдній шагъ къ пятой высшей степени — *страсти*, совершенно
одолювающей челoвѣка.

Разумное и изящное бореніe, по совѣту Отцевъ, отсѣкать начало пришед-
шаго помысла въ прилогѣ, ибо ктo прилогу помысла сопротивляется, тотъ за разъ
навсегда его отсѣкаетъ. Первое средство къ этoй побѣдѣ надъ прилогомъ—молитва.
Надобно во время молитвы подвизаться, по слoвaмъ Нила Синайскаго, поставить
умъ глухимъ и нѣмымъ, и сердце безмолвнымъ отъ всякаго помысла, если бы даже
онъ и благимъ являлся, какъ говорить Исихій Иерусалимскій. Дознано опытомъ,
что за безстрастными помыслами являются страстные, за благими лукавые, а по-
тому надoбно *молчать мыслию*, смoтрѣть въ глубину сердца, удерживать частое
дыханіe и творить Иисусову молитву. Это значитъ, по слoвaмъ Симeoнa Нoвaгo
Богослова, искать въ сердцѣ Господа, умoмъ блюсти сердце въ молитвѣ и внутрь
его всегда обращаться.

Когда же умъ изнеможетъ, и тѣло и сердце заболить отъ частаго призванія
Господа Иисуса, тогда перейди къ пѣнію, чтобы дать ослабу и покой уму. Если
имѣешь вѣрнаго ученика, вели ему говорить Псалмы, а самъ внемли сердцу.

Но ктo видитъ молитву, дѣйствующую въ сердцѣ своемъ и не перестающую
подвизаться, тотъ да не оставитъ ее для пѣнія, развѣ только сама молитва оста-
вить его, ибо, оставляя Бога внутри, онъ призываетъ его извнѣ, отъ высокихъ
преклоняется къ низшимъ. Отцы предписывали болѣе всего упражняться въ мо-
литвѣ, а разлѣнившись пѣть, или читать дѣятельныя отеческія житія. Согласно

съ этими мыслями, по чину служенія, заповѣданному братіи Ниломъ Сорскимъ, всенощныя бдѣнія наканунѣ большихъ праздниковъ совершаются пѣніемъ, а наканунѣ простыхъ дней—однимъ чтеніемъ.

Это упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ человѣка до высшаго состоянія духовнаго, которое Нилъ описываетъ такъ словами Исаака Сиріина: „Престанутъ тогда уста, и языкъ и сердце, помысломъ хранитель, и умъ, чувствамъ кормникъ, и мысль—скоро летящая и безстыдная птица; мысль тогда не имѣетъ ни молитвы, ни движенія, ни самовластія; но наставленіемъ наставляется отъ иной силы, а не наставляетъ.... Не молитвою молится умъ, но превыше молитвы бываетъ, и въ обрѣтеніе лучшаго молитва оставляется, и человѣкъ въ изступленіи бываетъ, и не имѣетъ никакого хотѣнія, а по слову Апостола, *еще въ тѣло, или онъ тѣла, не знаетъ*“.

Молитва—*стѣня* такому духовному состоянію, а оно само есть жатва съ посяннаной молитвы.

Когда дѣйствомъ духовнымъ душа двинется къ такому божественному состоянію и уподобится Божеству въ непостижномъ съ нимъ соединеніи, и просвѣтится лучемъ высокаго свѣта въ своихъ движеніяхъ, и когда сподобится умъ почувствовать будущее блаженство, тогда забываетъ человѣкъ и себя, и всѣхъ сущихъ здѣсь.... Во время молитвы восхищается умъ, внѣ воли, въ мысль безплотныхъ.... Тогда внезапно зажигается въ тебѣ радость и умолкаетъ языкъ.... Кипитъ изъ сердца сладость нѣкая и привлекаетъ всего человѣка; все тѣло питается какою-то небесною радостію, которой языкъ плотской и выразить не можетъ; все земное покажется пепломъ. Обрѣтшій эту радость не только не взглянетъ на страсти, но даже и на жизнь свою.

Симеонъ новый Богословъ такъ описываетъ это духовное состояніе: „Кій языкъ изречетъ? Кій же ли умъ скажетъ? Кое слово изглаголетъ? Страшно бо, во истину страшно и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, посредѣ колліи на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца міру и бесѣдную, и люблю, и ямъ, питаюся добрѣ единымъ Боговидѣніемъ, и соединився Ему, небеса превосхожду: и се вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ. И о Господѣ бесѣдуя рече: любить же мя и Онъ, и въ Себѣ самомъ приѣмлетъ мя, и на объятіяхъ сокрываетъ; на небеса живый и въ сердцѣ моемъ есть, здѣ и тамо зрится. И абіе къ Господню лицу глаголетъ: и се Владыка Ангеломъ равна показываетъ мя и лучша тѣхъ творить: ниже бо тѣми видимъ есмь по существу; естествомъ бо неприступенъ, мнѣ же зримъ есть всяко, и естеству моему смѣсится существомъ“.

Но Богъ не даетъ человѣку пребывать долго въ такомъ состояніи для того, чтобы онъ не забылъ попеченій о братіи своей. Господь ослабляетъ поэтому силу благодати и не позволяетъ ему взойти на всѣ ея двѣнадцать ступеней, оставляя его на одиннадцатой.

Ниль, какъ видно, ощущалъ подобное состояніе вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими учениками; но онъ указываетъ и на такихъ, которые говорили, что нынѣ уже этихъ *древнихъ дарованій* отъ Бога не бываетъ. По словамъ Отцевъ, такое состояніе возможно въ ночи, потому что умъ всего болѣе очищается ночью; тогда прилежи болѣе молитвѣ, чѣмъ пѣнію, какъ совѣтуетъ Дѣствичникъ, ибо многословіе расточаетъ умъ въ молитвѣ, а малословіе собираетъ его.

Предложивъ во внутренней молитвѣ возможность достигать высшаго духовнаго состоянія, Ниль переходитъ теперь къ самой борьбѣ съ лукавыми помыслами и приглашаетъ на нее словами: *не омалодушимся, не унываемъ*. Наибольшая хитрость дьявола заключается въ томъ, что онъ внушаетъ намъ стыдъ бороться съ этими помыслами покаяніемъ и молитвою.

Не только съ нами, страстными и немощными, но и съ тѣми, которые въ высокому чину чистоты стоятъ, подъ мышцею разума Господня, бываютъ мысленныя паденія, но за ними слѣдуютъ миръ, утѣшеніе, помыслы цѣломудренныя и кроткіе. И вотъ причина тому, по объясненію Григорія Синаита: „Если бы не былъ человекъ оставляемъ, и побуждаемъ всякою страстію и помысломъ, не обрѣтая помощи отъ Бога,—онъ не могъ бы сокрушиться, *имѣть себя подъ весми*, и считать себя *послѣднѣйшимъ* рабомъ всѣхъ, горшимъ самихъ бѣсовъ, которые его побуждаютъ. Въ самыхъ паденіяхъ нашихъ мы видимъ смотрѣніе Промысла надъ нами и указаніе намъ смиренія. Знай, что *точно стоятъ* въ добродѣтеляхъ не твое, но дѣло благодати, носящей тебя на дланяхъ рукъ своихъ“.

Предложивъ молитву, пѣніе, чтеніе, руководѣніе и всякое *подълье*, какъ средства противъ злыхъ помысловъ, и общее правило—поработать тѣло душѣ, Ниль разбираетъ потомъ каждый изъ помысловъ отдѣльно, а всего ихъ восемь: отъ нихъ-то рождаются всѣ страсти, сокрушающія духовное существо человека.

Изложеніе борьбы начинается съ помысла *чревообъятнаго*, потому что воздержаніемъ началось паденіе Адамово. Мѣра пищи, время пищи, различіе ея входятъ въ разсужденіе объ этой борьбѣ. Григорій Синаитъ совѣтуетъ вкушать отъ всѣхъ брашенъ, даже и сладкихъ, но по малу. Имѣешь здоровое и крѣпкое тѣло — утомляй его, имѣешь немощное и недужное — хотя мало, но покой его. При воздержаніи чрева всѣ добродѣтели соборно входятъ въ человека. Тому Русскому человеку, который, какъ Ниль, хотѣлъ жить духомъ въ древнія времена нашей жизни, не худо было начинать борьбу съ чрева: мы помнимъ изъ его сказаній и пѣсенъ; какаго множества яствъ требовала его утроба богатырская.

Второй помыслъ *сладострастія* особенно нападаетъ на человека, когда онъ хочетъ причаститься святыни, потому что врагъ всячески старается осквернить совѣсть нашу. Цѣломудріе и чистота не одно внѣшнее только житіе, но потаенный сердца человекъ, чистый отъ скверныхъ мыслей: онъ-то Богу особенно любезенъ. Отцы говорили: кто слагается съ помыслами сластолюбивыми, тотъ любо-

дѣйствуетъ въ сердцѣ своемъ. Паденіемъ называютъ всѣ они такое сложеніе. Необходимо иноку вспоминать стыдъ и срамъ, которые бывають ему отъ людей въ такихъ паденіяхъ: смерть предпочтительнѣе такого стыда.

Третій помысль *сребролюбія*, когда укрѣпится въ человѣкѣ, всѣхъ злѣе бываетъ: Апостолъ называетъ его не только корнемъ всему злу, скорби и гнѣву, но идолослуженіемъ.

О четвертомъ помыслѣ *гнѣва* Отцы говорили: если бы гнѣвливыи и мертвеца воскресилъ, непріятна его молитва. Конечно, говорили это они не въ томъ смыслѣ, чтобы гнѣвливыи могъ въ самомъ дѣлѣ мертвеца воскресить, а чтобы показать всю мерзость его молитвы. Можно оскорблять брата не только дѣломъ и словомъ, но даже и взоромъ. Лучшее средство противъ гнѣва, по совѣту Аввы Дорошея, молиться за прогнѣвавашаго и призывать на помощь себѣ самья его молитвы. Избѣгающему гнѣва обѣщано *сыноположеніе*: будете сынове Отца вашего.

Замѣчательна борьба съ пятымъ помысломъ — *печалію*, и съ шестымъ, который есть *уныніе*. Предлагая правила рати о другихъ помыслахъ, Ниль говоритъ болѣе словами Святыхъ Отцевъ, а здѣсь уже чаще отъ своего имени, и говоритъ такъ сильно, такъ живо, какъ Русскій человѣкъ, наиболѣе доступный чувству унынія. „Немалъ намъ подвигъ на духъ скорбный, понеже вмещаетъ душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь отъ человѣковъ будетъ, подобаешь благодушно претерпѣвать ее, и молиться за оскорбившихъ, зная, что не безъ Божія промысла все съ нами случается и что все на пользу посылаетъ намъ Богъ, и на спасеніе душамъ нашимъ, а если чтѣ теперь и кажется неполезнымъ, полезно можетъ быть послѣ. Полезна намъ можетъ быть одна только скорбь: огрѣхаетъ нашихъ, и то съ надеждою и покаяніемъ. Скорбь же праздную надобно отметать отъ сердца наравнѣ съ прочими злыми страстями, потому что она творить душу пустою и унылою, и некрѣпкою, и нетерпѣливою къ молитвѣ, и лѣнливою къ чтенію.

Но если уныніе укрѣпится въ насъ, великій подвигъ предстоить душѣ: люте его духъ, самый тяжелый, сопряженъ съ духомъ скорбнымъ. А тѣмъ, которые пребываютъ въ безмолвіи, рать на него належитъ великая. Когда жестокия его волны встають на душу, въ тотъ часъ и не мнить человѣкъ, чтобы можно ему было когда нибудь отъ нихъ избавиться. Ему приходитъ на мысль, что и Богъ оставилъ его, и не печется о немъ болѣе, и что его одного только и оставилъ Онъ, и что съ другими того не бываетъ чтѣ съ нимъ, и тогда все благое кажется ему мерзкимъ“.

Послѣдніе два помысла, седьмой и осьмой, *тщеславіе* и *гордость*. Приводятся тщеславному слова Никиты Стифата: если ты зла не сдѣлалъ, то совершеніе заповѣдей помысли, и увидишь себя недостаточнымъ, какъ малую купѣль противъ величества моря. Тщеславный помысль ведетъ къ презорству и гордыни,

которая *всѣмъ злымъ начало и конецъ*. Богъ гордымъ противится. Мерзокъ и нечистъ всякъ высокосердый передъ Господомъ. Гордаго Богъ оставляетъ, и какъ листъ онъ колеблется, какъ прахъ вѣтромъ возмется. Избирай всегда послѣднее мѣсто и на трапезахъ, и въ собраніи посреди братіи, носи худѣйшія ризы, люби работы черныя и низкія, встрѣчаясь съ братією, первый смиренно кланяйся, люби молчаніе, не высься въ бесѣдахъ, не люби преній словами. Мы сквернѣе всѣхъ тварей: всѣ по естеству живутъ, а мы и самый законъ естества нарушаемъ. Призывай на помысль гордости молитву Ефрема Сирина.

Изложивъ борьбу съ каждымъ помысломъ въ отдѣльности, Нилъ приводитъ молитвы Отцевъ противъ всѣхъ и заключаетъ изображеніемъ старца, у котораго въ обычаѣ было говорить про себя: отойди, окаянный, и приди, возлюбленный! Когда одинъ изъ братіи, думая, что старецъ говорилъ съ кѣмъ нибудь, спросилъ у него: „съ кѣмъ ты бесѣдовалъ, отче? — тотъ отвѣчалъ: — я отгонялъ злыя помыслы, а призывалъ благіе“.

Память смерти и память страшнаго суда — сильнѣйшія оружія въ брани съ помыслами. Поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшишь, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ. Всегда положи въ сердцѣ твоемъ, человекѣ, еже отыти, сказалъ Сиринъ. Какъ хлѣбъ нужнѣе всѣхъ брашенъ, такъ память смерти — прочіихъ добродѣтелей; не возможно алчущему не поминать хлѣба, такъ и хотящему спастися не поминать смерти, сказали Отцы. Полезно припоминать и различныя смерти, видѣнныя и слышанныя нами и бывшія во дни наши. Вниземъ въ страшное таинство смертное, когда душа отъ тѣла нуждою исходитъ, и отъ составовъ и сочетаній естественнаго союза Божіимъ хотѣніемъ отлучается. Уразумѣемъ въ этотъ горькій часъ великій подвигъ души! О памяти страшнаго суда одинъ изъ Отцевъ сказалъ: если бы возможно было тогда умереть, весь міръ отъ страха умеръ бы.

Другое оружіе противъ помысловъ — благодать слезъ, дарованіе Божіе. Моли о немъ у Бога, какъ библейская Асханъ, дочь Халевова, просила у отца своего земли водоточной. Повторяй молитву за Германомъ, патріархомъ Царградскимъ: „главу мою исполни, Боже, водъ очистительныхъ и сотвори брови моя облаки присно водоточныя“. Симеонъ новый Богословъ именуетъ всѣ добродѣтели воинствомъ, а царемъ ихъ и военачальникомъ умиленіе и плачь. Прекрасны слезы самоисходныя, безъ усилія текущія: онѣ утѣшаютъ болѣзненную душу, и она бываетъ похожа тогда на младенца, который и плачется, и свѣтло улыбается въ одно и то же время, какъ говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ.

Умереть всякому земному попеченію есть верхъ и основаніе всей иноческой жизни. Эта мысль внушаетъ Нилу въ 10-мъ словѣ сильныя рѣчи противъ стяжанія селъ. Она внушала ему ихъ и на соборѣ 1500 года. Всѣ эти заботы о *притяжаніи многихъ селъ, о содержаніи многихъ имній*, заботы, гнѣздив-

шіяся во внѣшнемъ обычаѣ обитателей, ему современныхъ, Ниль называетъ заботами *безсловесными*. Малъ власъ смущаетъ око, и мало попеченіе потребляетъ безмолвіе. Уединенное жительство съ однимъ или съ двумя братьями, подобно тому, какое Ниль видѣлъ на св. горѣ Аѳонской и въ Царьградѣ, и въ другихъ мѣстахъ, есть тотъ средній или царскій путь между общимъ житіемъ и совершеннымъ отшельничествомъ, который всего болѣе ведетъ къ достиженію духовной цѣли.

За 11-ю словами объ осьми помыслахъ, въ рукописныхъ книгахъ ихъ содержащихъ, слѣдуютъ обыкновенно три посланія Нила Сорскаго, къ сожалѣнію, еще неизданныя: 1) къ брату, вопросившему его о помыслахъ, 2) къ одному старцу о пользѣ, 3) къ нѣкому брату. Всѣ они относятся къ тому же предмету и заключаютъ въ себѣ отрывки, которые вошли въ текстъ 11-ти словъ. Третье посланіе написано съ особенною любовію къ тому, который спрашивалъ Нила, но имени брата любимаго онъ не открылъ. Вѣроятно, это Иннокентій, любимый ученикъ его и товарищъ, основавшій пустынножительство въ дѣсу Комельскомъ, въ предѣлахъ Вологодскихъ, авторъ предисловія къ творенію Нила и „*завѣта братіи*“. За посланіями встрѣчается иногда въ рукописяхъ 4) переводъ небольшого, весьма замѣчательнаго сочиненія Анастасія Синаита о помыслахъ. Онъ обращаетъ вниманіе на многихъ духовныхъ дѣятелей, которые думали состязаться съ самими помыслами и ихъ въ себѣ уничтожить, вооружались противъ нихъ постомъ и слезами, и въ пустыни удалялись, но нисколько въ томъ не успѣли, ибо въ помыслахъ своихъ человѣкъ не властенъ и за нихъ не отвѣчаетъ Богу; но власть его начинается съ того времени, какъ помыселъ къ нему явился; отъ него зависитъ прямое отсѣченіе прилога, какъ выше сказано, т. е. не зачинать съ нимъ никакой бесѣды, никакого знакомства.

Такъ поучалъ братію свою Преподобный Ниль борьбѣ духовной. Такъ, самъ удаляясь въ дебри и пустыни, боролся избранный древній Русскій человѣкъ со страстями, одолевавшими плоть его, и тѣмъ заготовлялъ добрую почву для своего будущаго образованія.

Борьба, предлагаемая Ниломъ, никогда не окончится, — и Русскому человѣку нашего времени, не пренебрегающему духовною жизнію, всегда спасительны его совѣты, содержащіе много глубокомысленныхъ наблюденій надъ душою человѣческою. Не можемъ не питать душевнаго сочувствія къ этимъ святымъ, высокимъ созерцаніямъ и радуемся тому, что они могли принадлежать нашему соотечественнику въ XV столѣтіи 5).

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ДВАДЦАТОЙ ЛЕКЦІИ.

1) Эти подробности сообщены іеросхимонаху Нилому и заимствованы изъ одной древней рукописи, содержащей житіе Нила.

2) № 637.

3) № 489. Главникъ Даниловской, л. 75. Преп. Кассіана Римлянина о осмихъ помыслахъ иже всякъ грѣхъ свершается. — Л. 132 об. Нила Синайскаго о осмихъ помыслѣхъ зѣло красно слово.

4) Такъ напримѣръ, въ рукописи Погодинской, принадлежащей теперь И. публ. библиотекѣ.

5) Матеріалы для изученія Нила Сорскаго: Слов. М. Евгенія. Т. II, стран. 140. — Поѣздка въ Кирилло-бѣлоз. мон. Ч. 2. 91. Нилосорская пустынь. — Обзоръ Русск. дух. литер. Преосв. Филарета, стран. 116. — Истор. Росс. іерархіи. Ч. V, стран. 215 — 336. Уставъ скитскаго житія или твореніе Нила о осми помыслахъ. — Преп. о. н. Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ. Изданіе Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва. 1849. — Въ Нилосорской пустынѣ хранится письменная книга, писанная древнимъ полууставомъ. Вотъ ея содержаніе: Тропарь, кондакъ и ікосъ Пр. Нилу, изображенные на его гробѣ. Сочиненіе ихъ приписывается ученику его Иннокентію. 2, 3, 4, 5. Надписаніе о преданіи Пр. Нила о жительствѣ св. Отець. Преданіе Пр. старца Нила отшельника пустыни Сорскія его ученикомъ или Скитскій уставъ. Краткое извѣщеніе о преп. Нилѣ и о скитѣ его. Оглавленіе книги Пр. о. Нила Сорскія пустыни начальника. 11 словъ его. Окончательное заключеніе его же о написаніи словесъ книги его. Послѣ сихъ о преставленіи и погребеніи Преп. Нила. Его завѣщаніе ученикамъ. — 6. Обиходъ скитскій на весь годъ. Преданіе и уставъ инокомъ скитскаго житія и правило, и когда бывають у скитянъ сходы въ церковь. 7. Посланіе первое Преп. Нила Сорскаго къ брату, вопросившему его о помыслѣхъ. Посланіе начинается такъ: Похвально желаніе твое подвигнуть еси, о возлюбленне. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ это посланіе надписывается брату Князю Кассіану. Преосв. Филаретъ предполагаетъ, что этотъ кн. Кассіанъ есть Грекъ, князь Мавнукскій, прибывшій въ Россію съ Софією и скончавшійся въ Угличскомъ монастырѣ 1504 г. (ст. 26, стран. этой части). — 8. Посланіе второе Пр. Нила ко иноку старцу о пользѣ. „Еже усты ко устомъ бесѣдова твоя святыня ко мнѣ, честнѣйшій отче, таже и писанія о томъ же посылаю ми еси“... — 9. Посланіе третье Пр. старца Нила пустынника Сорскаго къ нѣкоему брату. „Писанія твоя, отче, еже писалъ ми еси, получилъ: просиши у мене отписать къ тебѣ, еже на ползу, и извѣстити ми тебѣ о себѣ“... 10. О пришествіи Пр. о. н. Нила Сорскаго чудотворца. 11. Изложеніе отчасти чудесъ Пр. о. н. Нила чудотворца. Чудо 1-е. О образѣ его, како начася писатися по явленію Пр. Нила. Чудо 2-е. О приходѣ въ Нилосорскую пустыню Царя Ивана Васильевича Грознаго. — 12. Надписаніе или Надсловіе на книгу Пр. Нила Сорскаго, написанное ученикомъ его, инокомъ Иннокентіемъ. Оно напеча.

тано въ изданіи Оптиной пустыни. — 13. Завѣтъ инока Иннокентія, ученика Пр. Нила чудотворца. — 14. Заключеніе. — Я пользовался этою рукописью, благодаря обязательному расположенію иноковъ обители и особенно отца Никона, теперь же іеросхимонаха Нила. — Библіотека Іосифова монастыря изобилуетъ рукописями твореній Нила Сорскаго и за № 637 хранитъ рукопись отъ 1-го листа до 253-го, писанную рукою самого Преп. Нила и содержащую Житія Симеона Столпника, Онуфрія пустынника, Петра Аеонскаго, Паисія великаго (послѣднее сочинено Іоанномъ Коловымъ). Въ концѣ Паисіева житія подписано: „*Въ сей книзѣ до zde переписи старца Нила, отшельника Сорьскія пустыни, иже на Бѣлѣозерѣ*“. Видно, что Нилъ Сорскій не успѣлъ докончить этой рукописи, потому что въ 1508 году скончался, а книга окончена была письмомъ въ 1514 году и сдана въ обитель Ниломъ Полевымъ, который, по всему вѣроятію, и дописалъ ее. Послѣ помянутыхъ житій слѣдуютъ поученія великаго Иларіона и Исаака Сиріанина, и преданія о аввѣ Филимонѣ отшельникѣ, о аввѣ Исаацѣ великомъ, о аввѣ Сисое, о аввѣ Пиминѣ и проч. — Въ числѣ твореній Нила встрѣчается поученіе, начинающееся такъ; „Сѣдай въ келліи своей, собери си умъ“. — Всѣ эти рукописи, содержація Нилковы творенія, требуютъ еще пересмотра. — Въ Даниловскомъ Главникѣ (№ 485) находимъ творенія Кассіана Римлянина (л. 75) о осмихъ помыслѣхъ, ими же всякъ грѣхъ свершается, и Нила Синайскаго (л. 132 об.): о осмѣхъ помыслѣхъ зѣло красно слово, въ которыхъ можемъ отыскать первоначальные источники творенія нашего Нила.

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
Содержаніе шестнадцатой лекціи	3
<p>Характеръ духовно-словесной дѣятельности въ Россіи XV вѣка.—Черты жизни духовныхъ дѣятелей. — Святитель Іона. — Митрополиты: Θεодосій, Филипъ, Геронтій, Симонъ. — Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ Рыло. — Другой Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ. — Общее содержаніе Посланій. — Посланія, имѣющія предметомъ: 1) единство Церкви Вселенской, 2) единство Церкви Русской, 3) устройство единодержавія, 4) освобожденіе отечества, 5) дѣйствіе на власти и князей, 6) дѣйствіе на народъ, 7) дѣйствіе на семью и домъ, 8) на внутреннее состояніе церкви и ея священнослужителей. — Заключение.</p>	
Примѣчанія къ шестнадцатой лекціи	27
Содержаніе семнадцатой лекціи	29
<p>Рукописи XV вѣка, обозначенныя годами.—Мѣста написанія ихъ.—Писцы.—Значительнѣйшія рукописи. — Геннадіевская Библія 1499 года. — 70 новыхъ обителей.— До 70-ти св. мужей. — Составители Житій: Елифаній, Пахомій Логоветъ, Ирнархъ, Митроп. Спиридонъ, Вассіанъ, Θεодосій, клирикъ Василій, Паисій Ярославъ, пресвитеръ Василій, Романъ, Савва черныи, Иродіонъ. — Примѣры житій изъ устъ народа перешедшихъ на хартїи. — Лики и черты Святыхъ. — Черты историческія. — Сословія, изъ какихъ выходили Святые, преимущественно боярское и крестьянское.— Иноземцы въ числѣ Святыхъ.— Дѣйствіе святыхъ мужей на народъ и на власти. — Жизнь пустынныхъ отходниковъ. — Отрывки изъ Житій: Евонмія Новгородскаго, Пафнутія Боровскаго, Зосимы Соловецкаго, Александра Ошевенскаго, Александра Свирскаго, Данила Переяславскаго. — Общее заключеніе о житіяхъ.— Мысль о скоромъ преставленіи свѣта. — Зародышъ и происхожденіе этой мысли въ Греціи. — Отголоски ея въ Русской Словесности отъ начала XII вѣка. — Противорѣчія Геннадія. — Ночь на 25 Марта 1492 года.</p>	
Примѣчанія къ семнадцатой лекціи	53
Содержаніе восемнадцатой лекціи	56
<p>Памятники свѣтской литературы.—1) Путешествія.—Ксенось, или странникъ Зосимы.—Путешествіе инока Симеона Суздальскаго въ Италію въ 1437 году. — Флорентинская мистерія Благовѣщеніе, переданная Аврааміемъ. — Отрывокъ о земляхъ за Араратомъ.—Хоженіе Аванасія Никитина въ Индію.—2) Историческія сказанія.— Повѣсти о Тамерланѣ. — Повѣсть отъ древняго писанія о созданіи Царяграда и о взятїи Царяграда. — Сказанія о восьмомъ соборѣ и о походѣ Іоанна III подъ Новгородъ. — Духъ лѣтописей XV вѣка.—3) Сказки и сказанія: Шемякинъ судъ, о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, Синагрипѣ, царь Адоровъ, или слово объ Акирѣ премудромъ, Дѣланіе и житіе Девгеніево Акрита, Сказаніе объ Индіи богатой.—Притчи, загадки, изреченія въ сборникахъ.—Памятники живописи и зодчества. — Кремль. — Стихъ объ Егоріи храбромъ.</p>	
Примѣчанія къ восемнадцатой лекціи	81

	СТР.
Содержаніе девятнадцатой лекціи	83
Геннадій Гонзовъ. — Жизнь его. — Посланія. — Ихъ характеръ. — Пасхалія. — Полная Славянская біблія 1499 года. — Іосифъ Савинъ. — Его духовное воспитаніе. — Свидѣтельство объ обителяхъ, ему современныхъ. — Общежителный устахъ. — Основаніе Волоколамскаго монастыря въ 1469 году. — Преданія обители. — Борьба съ Жидовскою ересью. — Дѣло съ Серапіономъ. — Кончина (1515). — <i>Просвѣтитель</i> . — Жидовская ересь. — Общее содержаніе книги. — Двойкій характеръ. — Основныя истины вѣроученія о Богѣ. — Раздѣленіе древней исторіи до Христа. — Мысль о кровавой жертвѣ ветхаго міра. — Отношеніе богослова къ явленіямъ природы. — Мысли, проникшія въ жизнь Русскаго человѣка. — Мысли о Церкви и молитвѣ. — О томъ, какъ служить Богу. — Характеръ пяти словъ гонительныхъ. — Исходъ ихъ. — Обличеніе отъ Вологодскихъ старцевъ. — Заключеніе.	
Примѣчанія къ девятнадцатой лекціи	111
Содержаніе двадцатой лекціи	113
Нилъ Сорскій. — Его жизнь. — Учрежденіе перваго скитскаго житія въ Россіи. — Уставъ его житія, или твореніе о осьми помыслахъ. — Подобныя творенія Касіана Римлянина и Нила Синайскаго. — Содержаніе Нилова творенія. — Внутреннее дѣланіе. — Пять степеней мысленной брани. — Высшее состояніе духа въ молитвѣ. — Анализъ борьбы съ каждымъ изъ восьми помысловъ отдѣльно. — Оружіе противъ нихъ. — Три посланія Ниловы и сочиненіе Анастасія Синаита о помыслахъ. — Заключеніе.	
Примѣчанія къ двадцатой лекціи	125

О П Е Ч А Т К И.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
Стран. XIII стр. 17 св. полное собраніе	полное собраніе	полное собраніе
» XXXVII » 5 св. печати	5 св. печати	печати
» LI » 9 св. Симбирской	9 св. Симбирской	Симбирской
» LXII » 5 св. никогда	5 св. никогда	никогда
» LXVIII » 11 св. (примѣч.) нерешла	11 св. (примѣч.) нерешла	перешла
» 1 » 18 св. общественной	18 св. общественной	общественной
» 1 » 14 св. здѣсь	14 св. здѣсь	здѣсь
» 13 » 1 св. чевѣческаго	1 св. чевѣческаго	человѣческаго

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ (ПРЕДИСЛОВІЕ).

	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
Стран. VII стр. 17 св. Калайдовичъ XII в. напечаталъ	Калайдовичъ XII в. напечаталъ	Калайдовичъ съ изданіемъ памятниковъ Словесности XII в. напечаталъ

ЦѢНА 3 РУБЛИ.

PG 3001

S55

v.3-4

